

Славянский АЛЬМАНАХ

Учредитель:
Институт славяноведения РАН

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство
о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-61134 от 30 марта 2015 г.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Д. Батакович, доктор исторических наук, профессор,
Институт балканистики САНУ, Сербия

Т. И. Вендина, доктор филологических наук, профессор

А. Влашич-Анич, PhD, Институт старославянского языка,
Хорватия

Дж. Дзиффер, профессор, Университет Удине, Италия

П. Женьох, доктор филологических наук, профессор,
директор Института славистики САН, Словакия

А. Зуппан, академик Австрийской академии наук, Австрия

К. В. Никифоров, доктор исторических наук, директор
Института славяноведения РАН (главный редактор)

М. Номати, PhD, доцент, Славяно-евразийский
исследовательский центр Университета Хоккайдо, Япония

В. Радева, доктор филологических наук, профессор,
Софийский университет, Болгария

М. А. Робинсон, доктор исторических наук

А. Розман, PhD, профессор, Университет Любляны, Словения

Н. Н. Старикова, доктор филологических наук

Е. С. Узенева, кандидат филологических наук, доцент

А. Л. Шемякин, доктор исторических наук

РЕДАКЦИЯ:

М. Ю. Дронов, кандидат исторических наук (отв. секретарь)

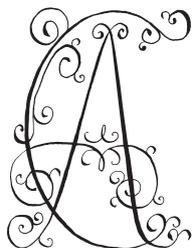
К. А. Кочегаров, кандидат исторических наук

М. М. Макарецев, кандидат филологических наук

Институт славяноведения РАН

Славянский Альманах

1-2 · 2017

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2017

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)
С 47

Славянский альманах 2017. Вып. 1–2 /

Отв. ред. – К. В. Никифоров. М.: Индрик, 2017. – 528 с.

ISSN 2073-5731

Очередной выпуск журнала приурочен к 70-летию Института славяноведения РАН и 20-летию выхода «Славянского альманаха». Издание, отражающее основные направления комплексных научных исследований в области славяноведения, включает статьи и материалы по актуальным проблемам истории славянских народов, истории славистики, истории культуры, литературы, этнолингвистики и фольклора, славянских языков и диалектов. Хронологический охват материалов – от средних веков до современности. Издание рассчитано как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

Slavic Almanac 2017. Issues 1-2 /

Ed. K. V. Nikiforov. Moscow: Indrik, 2017. – 528 p.

The new issue of the journal is dedicated to its 20th anniversary and to the 70th anniversary of the Institute of Slavic Studies. The journal keeps the readers updated on the complex academic research in various topics. It includes articles and materials on topical problems in Slavic history, history of Slavic studies, history of culture, literature, ethnolinguistics and folklore, Slavic languages and dialects. The almanac covers the period from the Middle Age to here and now. The target audience are specialists as well as a broad range of readers.

© Институт славяноведения РАН, 2017

© Коллектив авторов, 2017

© Издательство «Индрик», 2017

Содержание

<i>Никифоров К. В. (Москва).</i> Центру российской славистики – 70 лет	13
<i>Аксенова Е. П. (Москва).</i> «Славянский альманах» за 20 лет издания	26

История

<i>Сафонов А. А. (Москва).</i> Круговая порука как институт местного управления и самоуправления в балканских провинциях Османской империи	33
<i>Флоря Б. Н. (Москва).</i> «Славяне» и «сарматы» в сочинениях польских историков конца XV – середины XVI века	48
<i>Яворская М. К. (Варшава).</i> «Государев двор» королевича Владислава Вазы в 1617–1618 гг.	55
<i>Кочегаров К. А. (Москва).</i> Загадка «доноса» казацкого полковника Василия Дрозда на украинского гетмана Ивана Мазепу	65
<i>Ганин А. В. (Москва).</i> К вопросу о датировке смерти русского военного агента в Черногории генерала Н. М. Потапова	73
<i>Фролова М. М. (Москва).</i> Исламизация христианского населения Западной Македонии. 1861–1876 гг. (по донесениям русских консулов)	75
<i>Луферчик Е. Ф. (Минск).</i> Препятствуя стремлению «возбуждать умы и вселять в них недоверие»: русские журналы и цензура во время восстания 1863–1864 гг.	94
<i>Тимофеев А. Ю., Живанович М. (Белград).</i> Можно ли рассматривать доклад Комиссии Карнеги о причинах и ведении Балканских войн 1912–1913 гг. как исторический источник	100
<i>Ганин А. В. (Москва).</i> Дело о «природном «езуитстве» ляхов». Лев Троцкий против полонофобии военспецов	121
<i>Борисенок Е. Ю. (Москва).</i> Языковая политика УССР в условиях коренизации	144
<i>Кузьмичева А. Е. (Москва).</i> «Он был польским националистом, и это было его существом». Как Советский Союз прощался с маршалом Пилсудским	165
<i>Силкин А. А. (Москва).</i> «Великосербская гегемония» и участь «несербских народов» в Королевстве СХС/Югославия: от документов Коминтерна до современной российской историографии	171

История культуры

<i>Васильев М. А. (Москва)</i> . Древнерусский теоним Семарыгль: историко-лингвистические этюды, I–II	187
<i>Коритник А. (Люблина)</i> . Интеллектуалы раннего Нового времени: Сигизмунд Герберштейн и Франц А. Пельцхоффер	207
<i>Богатырев А. В. (Тольятти)</i> . Триумфальные арки по случаю въезда Яна III Собеского в Вильно	227
<i>Касаткин К. А. (Санкт-Петербург)</i> . Способы описания славянских областей Османской империи российскими путешественниками в первой трети XIX в.	237
<i>Сапожникова О. С. (Москва)</i> . Экземпляры из личной библиотеки О. М. Бодянского в Библиотеке Бестужевских курсов	247

Литературоведение

<i>Старикова Н. Н. (Москва)</i> . По следам словенского футуризма: загадка Антона Подбевшека	259
<i>Адельгейм И. Е. (Москва)</i> . Аутопсихотерапия исторической и структурной травмы в польской прозе 1990–2000-х гг.	270
<i>Машикова А. Г. (Москва)</i> . Словацкая «литература факта» и биографические романы Лацо Зрубца	285
<i>Моругина А. С. (Москва)</i> . Экзистенциальные черты в образах главных героев романов Драго Янчара «Галерник», «Северное сияние» и «Звон в голове»	294
<i>Красовец А. Н. (Москва)</i> . Цветка Липуш и Майя Хадерлап: множественная языковая и культурная идентичность словенских поэтесс австрийской Каринтии	303

Языкознание

<i>Вендина Т. И. (Москва)</i> . Русская природа в диалектном слове (по материалам «Лексического атласа русских народных говоров»)	316
<i>Ганичева С. А. (Москва)</i> . Диалектные глаголы как средство вербализации представлений о голосах птиц	333
<i>Скорвид С. С. (Москва)</i> . Еще раз об ассимиляции вибранта <i>r</i> в нижнелужицком языке на фоне соотносительных фактов других западнославянских языков и диалектов	344

История науки

- Булычев А. А. (Москва).* Заметки об изданиях латинского и иных шрифтов XV–XVIII столетий из собрания РГАДА: I. О книгах из библиотеки Самойлы Васильевича Величко 356
- Боровков Д. А. (Москва).* К вопросу об атрибуции гипотезы о Первом Печерском своде (Н. В. Шляков или А. А. Шахматов) 380
- Робинсон М. А. (Москва).* К биографии Алексея Леонидовича Петрова (по архивным материалам) 385

Публикации

- Колин А. И. (Кишинев), Стыкалин А. С. (Москва).* Автобиография А. И. Яцимирского в фонде Московского университета (1899 г.) ... 410
- Гусев Н. С. (Москва).* «...Какие вообще высказываются соображения по вопросу желательности вмешательства России в славянский вопрос»: доклад Департамента полиции об отношении населения России к возможности общеевропейской войны в 1912 г. 426

Рецензии и обзоры

- Сератионова Е. П. (Москва).* Юлия Янчаркова о коллекции русского искусства в галерее Находа 440
- Носов Б. В. (Москва).* Варшавское восстание 1944 г. в свете новых исторических документов 445
- Носов Б. В. (Москва).* Исследование о российско-польских научных связях в 1940–1960-е годы 456
- Лунькова Н. А. (Москва).* Литературные пейзажи Станислава Стратиева 465
- Пилипенко Г. П. (Москва).* Книга о диалектной фразеологии словенской истории 471

Хроника

- Шалаева Т. В. (Москва).* XXXIII Всероссийское диалектологическое совещание 476
- Кулешова М. Л., Моругина А. С. (Москва).* Международная научная конференция «Словенский язык, литература и культура в славянском и европейском контексте» 481

<i>Остапчук О. А. (Москва). Круглый стол «Украинский язык в государственной политике и общественной мысли в Российской империи и Советском Союзе»</i>	489
<i>Мельник Д. В. (Москва). Круглый стол «Вектор non-fiction в современных литературах Центральной и Юго-Восточной Европы»</i>	498

Юбилеи

<i>Добычина А. С. (Москва). К юбилею болгарского историка-медиевиста Г. Н. Николова</i>	502
---	-----

Некрологи

<i>Жакова Н. К. (Санкт-Петербург). Памяти Дануши Кшицовой (26.04.1932–31.01.2017)</i>	505
<i>Трёбст Ш. Ритта Петровна Гришина (25 марта 1930 – 19 мая 2015)</i>	511

Избранные фрагменты из откликов читателей «Славянского альманаха»	514
Сведения об авторах	517

Content

<i>Nikiforov K. V. (Moscow)</i> . The main centre of Slavic studies in Russia celebrates its 70th anniversary	13
<i>Aksenova E. P. (Moscow)</i> . “Slavic Almanac”: twenty years of publishing	26

History

<i>Safonov A. A. (Moscow)</i> . Collective responsibility as an institution of local governance in the Balkan provinces of Ottoman Empire	33
<i>Florja B. N. (Moscow)</i> . “Slavs” and “Sarmatians” in the works of Polish historians at the end of 15th-middle of 16th century	48
<i>Jaworska M. K. (Warsaw)</i> . «Muscovite court» of Prince Wladyslaw Vasa in the years 1617–1618.	55
<i>Kočegarov K. A. (Moscow)</i> . The mystery of a Cossak colonel Vasyl’ Drozd’s “delation” about Ukrainian Hetman Ivan Mazepa	65
<i>Ganin A. V. (Moscow)</i> . On the date of death of the Russian military attaché in Montenegro general N. M. Potapov	73
<i>Frolova M. M. (Moscow)</i> . Islamisation of the Christian population of Western Macedonia in 1861–1876 (on Russian consular reports) ...	75
<i>Luferčik Je. G. (Minsk)</i> . Preventing the aspiration “to agitate people’s minds and to instill disbelief”: Russian magazines and censorship during the Uprising of 1863–1864	94
<i>Timofeev A. Ju., Živanović M. (Belgrade)</i> . Can one treat the report of Carnegie Commission on the reasons and conduct of Balkan wars in 1912–1913 as a historical source?	100
<i>Ganin A. V. (Moscow)</i> . The case on “the natural jesuism of the Poles”. Lev Trockij against the polobophobia of the military specialists	121
<i>Borisenok Je. Ju. (Moscow)</i> . The language politics of Ukrainian Soviet Socialist Republic and korenization	144
<i>Kuz’mičeva A. E. (Moscow)</i> . “He was a Polish nationalist, and it was his essence”. How Soviet Union reacted to the death of Marshal Piłsudski	165
<i>Silkin A. A. (Moscow)</i> . The “Greater Serbian hegemony” and the destiny of “non-Serbs” in the Kingdom of Serbs, Croats, and Slovenes / Yugoslavia. From Comintern documents to contemporary Russian historiography	171

History of Culture

<i>Vasil'ev M. A. (Moscow)</i> . The Old Russian teonym <i>Semarьgъ</i> Studies in history and linguistics, I–II	187
<i>Koritnik A. (Ljubljana)</i> . The intellectuals of Early modern period: Siegmund von Herberstein and Franz Pelzhoffer	207
<i>Bogatyrev A. V. (Tolyatti)</i> . Lost triumphal archs on the occasion of the entry of Jan III Sobieski in Vilna	227
<i>Kasatkin K. A. (Saint Petersburg)</i> . Slavic regions of Ottoman Empire described by Russian travellers in the first third of the 19th century ..	237
<i>Sapožnikova O. S. (Moscow)</i> . Books from the private library of O. M. Bodyansky in the Library of the Bestuzhev courses	247

Studies of literature

<i>Starkiova N. N. (Moscow)</i> . After Slovene futurism: The mistery of Anton Podbevšek	259
<i>Adel'gejm I. E. (Moscow)</i> . The autopsychotherapy of a historical and structural trauma in the Polish prose (1990–2000s)	270
<i>Mashkova A. G. (Moscow)</i> . Slovak “literature of fact” and biographical novels of Laco Zrubec	285
<i>Morugina A. S. (Moscow)</i> . Existencial traits in the images of main characters of Drago Jančar novels “Galiot”, “Northern Lights” and “Ringing in the Head”	294
<i>Krasovec A. N. (Moscow)</i> . Cvetka Lipuš and Maja Haderlap: multiple language and cultural identity of Slovene female poets in Austrian Carinthia	303

Linguistics

<i>Vendina T. I. (Moscow)</i> . Russian nature and the dialectal word (on the materials of “Lexical Atlas of Russian Dialects”)	316
<i>Ganičeva S. A. (Moscow)</i> . Dialectal verbs verbalizing the ideas about bird voices	333
<i>Skorvid S. S. (Moscow)</i> . Once again about the assibilation of the vibrant <i>r</i> in Lower Sorbian against the background of similar facts in other West Slavic languages and dialects	344

History of science

- Bulyčev A. A. (Moscow)*. Notes on publishing Latin and other fonts from 15th–18th centuries from Russian State Archive for Old Documents (RGADA): I. Books from the library of Samojlo Vasil’evič Veličko 356
- Borovkov D. A. (Moscow)*. On the attribution of the hypothesis of the First Pechersk Set of Chronicles (N. V. Šl’akov or A. A. Šaxmatov) 380
- Robinson M. A. (Moscow)*. To the biography of Aleksej Leonidovič Petrov (on archival data) 385

Publications

- Kolin A. I. (Chisinau) and Stykalin A. S. (Moscow)*. An autobiography of A. I. Jacimirskij in the archive of Moscow University (1899) 410
- Gusev N. S. (Moscow)*. “What generally concerns the question of the desirability of the intervention of Russia in the Slavic question”: the report of the police Department about the attitude of Russians to the possibility of European war in 1912 426

Reviews

- Serapionova E. P. (Moscow)*. Julia Jančarkova on the collection of Russian art in the gallery of Nachod 440
- Nosov B. V. (Moscow)*. Warsaw Uprising (1944) in the newly published historical documents 445
- Nosov B. V. (Moscow)*. A study of Russian-Polish academic connections in 1940–1960s 456
- Lunkova N. A. (Moscow)*. Literary landscapes of Stanislav Stratiev 465
- Pilipenko G. P. (Moscow)*. A book on dialectal phraseology of Slovenian Istria 471

Chronicle

- Šalaeva T. V. (Moscow)*. The 33rd Russian National Consultation “The Lexical Atlas of Russian Dialects 2017” 476
- Kulešova M. L., Morugina A. S. (Moscow)*. The International Academic Conference “Slovene Language, Literature, and Culture in Slavic and European Context” 481
- Ostapčuk O. A. (Moscow)*. The round table “Ukrainian Language in the State Politics and Social Thought in Russian Empire and Soviet Union” . 489

<i>Mel'nik D. V. (Moscow). A round table “Non-fiction vector in contemporary literatures of Central and South Eastern Europe” ....</i>	498
--	-----

Jubilees

<i>Dobyčina A. S. (Moscow). On the jubilee of G. N. Nikolov, a Bulgarian historian of Middle Age .....</i>	502
--	-----

Obituaries

<i>Žakova N. K. (Saint Petersburg). In memoriam prof. PhDr. Danuše Kšicová (April 26, 1932 – January 31, 2017) .....</i>	505
<i>Troebst S. Ritta Petrovna Grishina (1930, March 25 – 2015, May 19) .....</i>	511
Selected fragments from the responses of the readers of “Slavic Almanac”	514
About the authors	522

К. В. Никифоров
(Москва)

Центру российской славистики – 70 лет

В статье говорится об Институте славяноведения. Первоначально он возник в Ленинграде, а потом воссоздан в Москве и уже 70 лет олицетворяет развитие всей отечественной славистики. История московского Института делится на четыре этапа, каждому из которых дается краткая характеристика. Все эти этапы напрямую зависели от политической и экономической ситуации в стране. Четвертый период еще продолжается. Но уже ясно, что в это время, во-первых, произошло увеличение выпуска печатной продукции, а во-вторых, активно пошел процесс смены поколений.

Ключевые слова: *Институт славяноведения, академическая славистика, обобщающие и серийные издания, смена поколений.*

В начале этого года Институт славяноведения РАН отметил свой юбилей. Уже семь десятилетий он трудится на поприще отечественной славистики, которой в свою очередь уже более двух веков¹. Сегодня Институт, без сомнения, олицетворяет развитие всего российского славяноведения.

Впрочем, дата основания академического центра отечественной славистики нуждается в некотором уточнении. Дело в том, что первоначально Институт славяноведения в системе Академии наук возник в Ленинграде осенью 1931 г. И если считать от этой даты, то Институту в прошлом году исполнилось уже 85 лет. Тогда, в 1930-е гг., в Ленинграде в системе Академии наук функционировали или возникали и многие другие научные учреждения. Затем, в 1934 г., Академия наук переехала в Москву. Вслед за Академией сюда переехали и многие академические институты, а то, что осталось в Ленинграде, превратилось в их ленинградские филиалы. (Уже в постсоветское время эти филиалы, как правило, конституировались в самостоятельные научные организации.)

Ленинградский Институт славяноведения возглавил главный инициатор его создания академик Н. С. Державин. Согласно принятому Положению об Институте, в нем должно было быть пять секторов: 1) историографии и библиографии славяноведения; 2) текстоло-

гический; 3) истории литератур и языков; 4) этнографии и фольклора; 5) истории и экономики. При Институте планировалось создать библиотеку. Однако на практике работа Института не была развернута в полной мере. Он начал функционировать, имея в своем штате лишь семь сотрудников, затем их число выросло до десяти².

К сожалению, ленинградский Институт славяноведения ждала печальная судьба, впрочем, тоже не такая уж исключительная³. Он был ликвидирован в 1934 г. в связи с так называемым «делом славистов», по которому были арестованы сотрудники Института Д. Д. Димитров, В. Н. Кораблев, В. В. Дроздовский и только что зачисленный в штат член-корреспондент АН СССР А. М. Селищев. Решение о ликвидации Института принималось Отделением общественных наук, а затем и руководством Академии наук. В принятом постановлении по-иезуитски говорилось об усилении работы в области славяноведения во всех обществоведческих академических учреждениях и одновременно о том, что Институт славяноведения ликвидируется «как самостоятельная единица, недостаточно мощная для выполнения вышеозначенных задач»⁴.

Уже в Москве началась борьба за воссоздание академического славистического центра. Славистические исследования постепенно пробивали себе дорогу. В 1939 г. был организован сектор славяноведения в Институте истории АН СССР и возникла кафедра истории южных и западных славян на историческом факультете Московского государственного университета. В 1943 г. учреждена кафедра славянской филологии на филологическом факультете МГУ. Параллельно в августе 1941 г. Ученый совет Ленинградского государственного университета вынес постановление об открытии на своем историческом факультете кафедры истории славянских народов. Ее заведующим был назначен академик Н. С. Державин. Однако никаких следов деятельности кафедры не сохранилось – судя по всему, это решение осталось на бумаге⁵. Тогда же было принято решение об открытии кафедры славянской филологии на филфаке ЛГУ и даже образования там Славянского отделения. Из-за войны оно было создано лишь в 1944 г., и его возглавил все тот же неутомимый Н. С. Державин⁶.

Наконец, сразу после войны дошел черед и до воссоздания в Москве академического Института славяноведения. Причем в борьбе за воссоздание Института столкнулись две группы: Н. С. Державин и его сторонники из Славянской комиссии АН при поддержке влиятельных партийных деятелей Г. М. Димитрова и ранее Е. М. Ярославского, с одной стороны, и Б. Д. Грекова и В. И. Пичеты из Инсти-

тута истории, поддержанные вице-президентом АН СССР В. П. Волгиным, с другой. Победила вторая группа, чему способствовала и многомесячная болезнь Н. С. Державина, пережившего инсульт⁷.

Окончательное воссоздание Института славяноведения случилось через 12 лет после уничтожения в Ленинграде его одноименного предшественника. Постановление о создании нового института принял Совет Министров СССР 31 августа 1946 г. В соответствии с этим постановлением Президиум АН СССР 20 сентября 1946 г. в свою очередь постановил:

«1) Организовать Институт славяноведения в г. Москве на базе сектора славяноведения Института истории АН СССР, сектора славянского языка Института русского языка АН СССР и Славянской комиссии (Академии наук).

2) Возложить на Институт славяноведения научную разработку истории, языка и культуры славянских народов, а также подготовку квалифицированных специалистов-славяноведов.

Утвердить следующую структуру Института славяноведения:

1. Сектор истории,
2. Сектор языка и литературы,
3. Группа византино-славянских отношений,
4. Библиотека».

Далее следовали кадровые вопросы: директором Института назначался академик Греков, его замами – член-корреспондент Пичета (выбранный через несколько месяцев действительным членом Академии) и академик Обнорский.

Последний пункт постановления гласил:

«11). Поручить управлению делами АН СССР рассмотреть вопрос о постоянном помещении для Института славяноведения, исходя из необходимости 400–500 кв. м. рабочей площади». (Это было довольно много, если учесть, что в первое время в штат Института славяноведения входило всего 18 человек. Для сравнения, в наши дни в Институте работает ровно в 10 раз больше сотрудников, но он после ряда уплотнений имеет в своем распоряжении только 900 кв. м.)

Наконец, 4 декабря 1946 г. Общее собрание АН СССР утвердило решение Президиума Академии об организации Института славяноведения.

Под обоими документами – постановлениями Президиума и Общего собрания Академии – стояли подписи президента АН СССР – академика С. И. Вавилова и академика-секретаря АН СССР – академика Н. Г. Бруевича⁸.

Таким образом, де-юре Институт был воссоздан в 1946 г. Первый институтский приказ был также издан в 1946 г., во вторник 31 декабря. Но все-таки фактически работать он начал уже в начале следующего, 1947 г. По воспоминаниям старожилов, это было в Рождество, которое тогда было рабочим днем и в 1947 г. приходилось как раз на вторник, на присутственный день. Это было очень символично – новый Институт родился аккурат в Рождество.

При воссоздании Института его континуитет с ленинградским периодом уже не ощущался. В официальных документах это никак не подчеркивалось. Институт создавался фактически заново и другими людьми. Отсюда в Институте сложилась традиция праздновать его юбилеи при отсчете от московского периода деятельности и даже не от 1946, что было бы, наверное, точнее, а от 1947 г.

Директором Института был назначен академик Б. Д. Греков, являвшийся в те годы академиком-секретарем Отделения истории и философии АН СССР и директором Института истории. (Оба института находились тогда в одном доме по адресу ул. Волхонка, д. 14, вернее – в этом доме Институт славяноведения получил одну комнату.) Заместителем директора и фактически подлинным руководителем Института стал зав. сектором славяноведения Института истории В. И. Пичета, который, к сожалению, скоро умер. Н. С. Державин от руководства Института был отстранен и возглавил лишь созданное в 1950 г. и просуществовавшее совсем недолго его ленинградское подразделение (группу). В первое время в штат Института славяноведения входило всего 18 человек, еще девять человек работали в ленинградском филиале.

В становление Института большой вклад внесли заведующие «славянскими» кафедрами исторического и филологического факультетов МГУ – С. А. Никитин и С. Б. Бернштейн. Они вскоре возглавили по совместительству два единственных на то время институтских сектора – истории и филологии. (Позже, когда совместительство запретили, оба местом своей работы выбрали Институт славяноведения.) Затем каждый из этих секторов был поделен надвое. Так, сектор истории разделился на сектор истории славянских стран периода феодализма и капитализма (заведующий – С. А. Никитин) и сектор новейшей истории славянских стран (заведующий – Л. Б. Валев), а отделившихся от лингвистов литературоведов возглавил С. В. Никольский. Первых заведующих секторами также нужно, без сомнения, относить к отцам-основателям Института славяноведения, а значит – и академической славистики в целом.

Семь десятилетий истории Института были разными. Менялась ситуация в стране, менялись условия работы в самом Институте, менялись его руководители. В Институте сменилось шесть директоров: после академика Грекова директором был член-корреспондент П. Н. Третьяков (1951–1958), затем – И. И. Удальцов (1959–1962), после – И. А. Хренов (1963–1969), затем – академик Д. Ф. Марков (1969–1987) и, наконец, до конца 2004 г. – член-корреспондент В. К. Волков. Из всех директоров только Марков был филологом, остальные – историки (Третьяков – археолог), что отражало повышенное внимание в то время именно к исторической составляющей славистики.

В целом в истории Института можно вычленить четыре больших периода. В первый период, который длился чуть более 20 лет, сменилось пять директоров Института. Два последующих периода, длившиеся немногим менее 20 лет каждый, почти полностью совпали со временем пребывания на посту директора Института академика Д. Ф. Маркова и члена-корреспондента В. К. Волкова. В настоящее время уже двенадцать лет длится четвертый период, и чем он запомнится, каким войдет в историю Института, будем судить позже.

Первый период – это становление Института. Оно пришлось в основном на 1950-е и первую половину 1960-х гг. В общественной жизни страны время после смерти Сталина и особенно после XX съезда КПСС отмечалось известным послаблением. Работать ученым стало легче. Усилились международные связи сотрудников Института с зарубежными коллегами. В частности, Институт с самого начала активно участвовал в работе Международного комитета славистов, созданного в 1955 г. Развивалась структура Института, росла его численность. К середине 1960-х гг. в нем насчитывалось уже 147 сотрудников. Забегая вперед, скажем, что это почти столько же, сколько и сейчас.

Конечно, у каждого из первых директоров Института были свои особенности. При И. И. Удальцове, например, большое внимание уделялось проблеме актуализации исследований, что соответствовало бытовавшему тогда лозунгу «приблизить науку к производству». Для фундаментальной гуманитарной науки это было так же «продуктивно», как много позже спускаемые сверху советы «вписаться в рынок»⁹ или современные указания активнее «внедрять инновации».

В 1961 г. в исторической части Института появились подразделения по истории культуры славянских народов (руководитель – И. Ф. Бэлза), межславянских связей (руководитель – И. С. Миллер) и славяно-германских отношений (позже – средних веков, руково-

дитель – В. Д. Королюк). Еще в 1956 г. в состав Института влилась Археографическая комиссия (фактически – ее постоянно действующие сотрудники, своего рода аппарат), воссозданная при Отделении истории Академии наук по инициативе академика М. Н. Тихомирова. В 1968–2002 гг. Археографическую комиссию возглавлял С. О. Шмидт.

Институт нуждался в своем печатном органе. Им стали выходившие с 1948 по 1966 г. «Ученые записки» и с 1951 по 1965 г. «Краткие сообщения Института славяноведения». Качественно новый этап в этом плане начался с 1965 г., когда Институт стал издавать свой журнал «Советское славяноведение» (ныне – «Славяноведение»).

Следующий большой период в истории Института связан с его переименованием в Институт славяноведения и балканистики в 1968 г. и 18-летним директорством академика Д. Ф. Маркова. Страна в это время постепенно катилась к застою, но с формально-организационной точки зрения Институт, можно сказать, достиг своего расцвета. Наука по тем временам неплохо финансировалась, а авторитет ученых еще был высок. Конечно, советский режим, подавлявший любую свободу самовыражения, цензурировавший все и вся, не мог не мешать, особенно тем, кто был занят современной проблематикой. Однако Институт всегда отличала довольно либеральная в условиях того времени атмосфера. В частности, именно в нем получили пристанище несколько лингвистов, открыто продемонстрировавших свою оппозиционность и потерявших в связи с этим работу в других местах. Позже академики В. В. Иванов, В. Н. Топоров, В. А. Дыбо и другие составили славу Института славяноведения.

Добавление к славистическим исследованиям балканистики имело глубокий смысл: «в плане историческом ни одно явление, ни одно событие регионального масштаба, будь то в Центральной или Юго-Восточной Европе, нельзя ни понять, ни исследовать исключительно на славянской основе»¹⁰. Точно так же невозможно изолированно изучать славянские языки и литературу. После переименования в Институт влились специалисты по балканским странам и Венгрии. В сферу его интересов попадали также Турция, Австрия и даже Восточная Германия, прежде всего ее славянское серболужицкое население. В конце 1970 г. в Институте работало около 190 специалистов. В Институте был создан сектор новой истории балканских народов (руководитель – академик Ю. А. Писарев). С 1968 по 1970 г. существовал также сектор византиноведения, переведенный затем в Институт всеобщей истории. Но византийская тематика в Инсти-

туте все-таки сохранилась, в основном благодаря трудам академика Г. Г. Литаврина.

В это время значительное место в исследованиях Института заняли работы обобщающего, комплексного, сравнительно-типологического характера. В частности, можно назвать реализацию в 1970–1980-е гг. крупномасштабного проекта «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Проблемы истории и культуры». В этой серии вышло более 10 книг, в том числе «Освободительные движения народов Австрийской империи»¹¹ и ряд коллективных трудов по проблемам формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. В рамках марксистской идеологии труд «Освободительные движения народов Австрийской империи» являлся одним из высших достижений в отечественной исторической славистике.

Институт отпраздновал свои первые юбилеи – 25- и 30-летие со дня создания. Они были отмечены специальными справочно-информационными сборниками. В 1975 г. было создано специальное подразделение, занимавшееся историей славяноведения и в целом вопросами историографии (руководитель – В. А. Дьяков). Историографический сектор издал капитальный труд – «Славяноведение в дореволюционной России»¹². Все это также доказывало, что Институт вступил в зрелую фазу своего развития.

Резко возросло и международное сотрудничество. В 1963 г. под эгидой ЮНЕСКО была создана Международная ассоциация по изучению Юго-Восточной Европы. Сотрудники Института приняли активное участие в ее работе, так же как и в деятельности Международной комиссии по историко-славистическим исследованиям при Международном комитете исторических наук. В 1976 г. также под эгидой ЮНЕСКО была учреждена Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур (МАИРСК). Ее первым президентом был избран академик Д. Ф. Марков. Долгие годы Институт издавал специальный «Информационный бюллетень МАИРСК» на русском, английском и французском языках.

Еще один, 17-летний, период в истории Института связан с директорством члена-корреспондента В. К. Волкова. Это было непростое время конца 1980-х – начала 2000-х гг., время перестройки, распада Советского Союза и радикальных демократических преобразований. Для историков наступила пора отмены идеологического диктата и открытия архивов (затем частично приостановленного). В то же время материальное положение ученых заметно ухудшилось.

В конце 1980-х гг. в Институте работало свыше 220 научных сотрудников – максимальная численность за все время его существования. Но уже в первой половине 1990-х гг. из-за резкого снижения зарплат и постоянных задержек с их выплатами Институт покинули многие ученые, особенно среднего поколения – именно те, кто мог бы сегодня активно работать. Резко сократилось количество командировок сотрудников Института в изучаемые страны, были приостановлены многие двусторонние и многосторонние проекты. Прекратила работу МАИРСК.

Празднование 50-летия Института фактически совпало с угрозой его закрытия. Однако благодаря усилиям В. К. Волкова (его поддержали очень многие, в том числе академики Д. С. Лихачев, Н. И. Толстой и др.) Институт был сохранен, но из его названия выпало слово «балканистика», которым пришлось пожертвовать. Этому не было никакого внятного объяснения, и балканистика из исследовательских планов Института не исчезла. Более того, в связи с распадом СССР добавились исследования по украинистике и белорусистике. Для изучения этой проблематики в Институте был создан отдел восточного славянства. В результате интерес ученых Института распространяется сегодня на все ветви славянства и не только на Центральную и Юго-Восточную Европу, но и частично – на Восточную. В Институте образовалось то, что В. К. Волков называл «сплошным фронтом славяноведения».

Время рубежа веков в истории Института было достаточно успешным. Он выстоял и в целом адаптировался к новым условиям. Да и сами эти условия стали понемногу меняться к лучшему. Пик распада и трансформационного кризиса пришелся на предыдущий период, на конец 80-х и первую половину 90-х гг. Конечно, страну еще ждал дефолт 1998 г., но сразу после него началось некоторое улучшение, названное «стабильностью». То, что и в науке стало немного лучше, хорошо видно даже по внешнему виду печатной продукции, выходившей в начале и конце 90-х гг.

Однако стабильность, достигнутая на самом низком уровне, оказалась к тому же недолговечной. Вначале, в 2006–2009 гг., академические институты ждало сокращение ставок на 25% – так называемый «пилотный проект». После этого в Институте славяноведения осталось только 155 ставок. За счет этого сокращения, правда, несколько повысились зарплаты оставшихся сотрудников. Но начавшиеся вскоре новые кризисные явления в экономике быстро нивелировали этот эффект. Хрупкое равновесие в системе организации академической науки было окончательно разрушено реформой РАН 2013 г.

Особенно резко ухудшилось положение академических институтов, которые были выведены из системы Академии наук. На них заметно возросла бюрократическая нагрузка, ослабло их международное сотрудничество. В этих условиях не потеряла своей актуальности даже задача сохранения Института славяноведения РАН как самостоятельной организации. И эта задача вмещает в себя борьбу за сохранение всей отечественной славистики.

Повторим, что пока еще рано давать оценки протекающему в настоящее время четвертому периоду развития Института славяноведения. Однако вполне возможно сказать о печатной продукции Института, которой, несмотря на все трудности, стало больше. В среднем сотрудниками Института в последние годы ежегодно издается около 70 книг. Опубликованные книги, и прежде всего монографические исследования, – основной показатель деятельности любого научного института гуманитарного профиля или целого научного направления, в том числе и славистики. Именно они дают лучшее представление и о деятельности Института славяноведения РАН. Обо всех работах последнего времени упомянуть, конечно, невозможно. Приведем только несколько характерных примеров.

Закончена работа над новой 4-томной институтской серией – «История Балкан в Новое время». Увидели свет тома – «История Балкан. Век восемнадцатый»¹³, «История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны)»¹⁴, «История Балкан. Судьбоносное двадцатилетие 1856–1878»¹⁵. Все три тома вышли в свет под редакцией В. Н. Виноградова. В печати последний том серии – «История Балкан. На переломе эпох (1878–1914)».

Завершена серия из восьми книг под общим названием «Человек на Балканах» (отв. ред. Р. П. Гришина и А. Л. Шемякин)¹⁶, в которой исследовались различные аспекты процесса модернизации в Юго-Восточной Европе в конце XIX – начале XX в. Методологически работа строилась на базе общей теории модернизации, включая дополнительные разработки об особенностях протекания этого процесса в «другой» (не-Западной) Европе.

Завершен еще один большой институтский проект – «Славянские страны в XX веке». Вслед за историей Болгарии¹⁷ и двухтомником по истории чехов и словаков¹⁸ опубликованы работы по истории Югославии¹⁹ и Польши²⁰. Написание такого этапного труда стало возможным только в Институте славяноведения РАН. Инициатор этого проекта бывший директор Института В. К. Волков называл его серией «третьего поколения», учитывая созданные в кон-

це 1950-х – начале 1960-х гг. двух-, трехтомные труды по истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы и их краткие одно- томные истории, выпущенные в конце 1980-х гг.

В Институте продолжается работа над серией книг, посвя- щенных славянским литературам XX века. Увидели свет труды, исследующие литературные процессы прошедшего столетия в Польше²¹, Словакии²², Словении²³, Хорватии²⁴. В этой связи следу- ет упомянуть также «Лексикон южнославянских литератур» под редакцией Г. Я. Ильиной с широким региональным и хронологи- ческим охватом²⁵.

Большим достижением ученых Института стало завершение уникального 5-томного труда – «Славянские древности»²⁶. Словарь получил широкий отклик в научной печати – как отечественной, так и зарубежной. В многочисленных рецензиях, опубликованных в России и за рубежом, отмечались фундаментальный и новаторский характер этого издания, его общекультурное значение как компен- диума сведений о традиционной культуре всех славянских народов.

Отдельно хотелось бы упомянуть о деятельности в Институте крупнейшего лингвиста современности – А. А. Зализняка. Только за одну работу, посвященную «Слову о полку Игореве»²⁷, он в 2007 г. стал лауреатом Государственной премии и премии А. И. Солже- ницына и был награжден Большой золотой медалью РАН имени М. В. Ломоносова. В 2015 г. он получил премию имени А. А. Шах- матова за книгу «Древнерусское ударение: общие сведения и сло- варь»²⁸. Наконец, в 2017 г. А. А. Зализняку присуждена премия «За верность науке» Министерства образования и науки России.

Второй особенностью развития Института последнего времени стал набирающий ход процесс смены поколений. Для любого инсти- тута это неизбежный, но крайне болезненный процесс. Тем не менее, в Институте он, на наш взгляд, происходит относительно продуман- но и спокойно. За прошедшие годы, несмотря на низкие зарплаты и снижение привлекательности научной деятельности, научной моло- дежи в Институте стало намного больше – около трети всех сотруд- ников. В каждом научном подразделении молодежь начинает играть все большую роль.

Институт славяноведения РАН был одним из инициаторов возобновления ежегодного празднования в России Дня славянской письменности и культуры. Составной частью праздника являются проводимые учеными Института международные научные конфе- ренции «Славянский мир: общность и многообразие». В последние

годы эта конференция проходит как форум молодых ученых. По итогам конференций стал выходить ежегодник «Славянский альманах». В этом году альманах отмечает уже свое двадцатилетие. Не так давно издание было преобразовано в журнал, выходящий в виде двух сдвоенных выпусков в год. Кроме того, в Институте стали выходить ежегодник – «Славянский мир в третьем тысячелетии» и журнал «Словене».

Как упоминалось, Институт славяноведения ощущает себя ответственным за развитие славяноведения во всей стране. В октябре 2003 г. в его стенах состоялось Всероссийское совещание славистов «Российское славяноведение в начале XXI века: задачи и перспективы развития»²⁹. Итоги развития славистики и деятельности Института были подведены еще раз в начале 2007 г., когда ему исполнилось 60 лет³⁰. К 65-летию Института была выпущена книга «Сотрудники Института славяноведения Российской академии наук. Биобиблиографический словарь». Словарь включает материалы обо всех научных сотрудниках Института славяноведения РАН с момента начала его работы в 1947 г.³¹ В ноябре 2013 г. состоялось Второе Всероссийское совещание славистов, посвященное 1150-летию славянской письменности. Оно вновь подвело некоторые итоги развития отечественного славяноведения³².

Наконец, о своей работе Институт славяноведения РАН отчитался еще раз 31 января 2017 г., когда было торжественно отмечено его 70-летие³³. Возросший авторитет Института был подтвержден полученными поздравлениями от президента РФ В. В. Путина, председателя Совета Федерации ФС РФ В. И. Матвиенко, заместителя председателя правительства РФ А. В. Дворковича, полномочных послов и других официальных представителей ряда зарубежных стран, аккредитованных в Москве. Кроме того, в связи с юбилеем в дирекцию Института поступило 123 поздравительных адреса, две трети из которых пришли от иностранных коллег³⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См.: Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь / Отв. ред. В. А. Дьяков. М., 1979; *Лантева Л. П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005; *Лантева Л. П.* История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М., 2012.

2 Аксенова Е. П. Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М., 2000. С. 65–67.

3 См., например: Робинсон М. А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004.

4 Аксенова Е. П. Очерки из истории... С. 74–77.

5 <http://history.spbu.ru/o-kafedre/342-istoriya-slavistiki.html>.

6 Досталь М. Ю. Как Феникс из пепла... (Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы). М., 2009. С. 162–163.

7 Там же. С. 218–220.

8 Там же. С. 221–222; см. также: Аксенова Е. П. Институт славяноведения и балканистики РАН за 50 лет (1947–1997). Краткий исторический очерк // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996; Никифоров К. В. Шестьдесят лет Институту славяноведения РАН // Славяноведение. 2007. № 4.

9 Шерлаимова С. А. А еще были «капустники» // Как это было... Воспоминания сотрудников Института славяноведения. М., 2007. С. 231.

10 Виноградов В. Н. Былое без дум // Как это было... С. 114.

11 Освободительные движения народов Австрийской империи: В 2 т. М., 1980–1981.

12 Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979.

13 История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004.

14 История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны). М., 2012.

15 История Балкан. Судьбоносное двадцатилетие. М., 2013.

16 Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб., 2002; Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX в.). СПб., 2004; Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя треть XIX – начало XX в.). СПб., 2006; Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX в.). СПб., 2007; Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX в.). СПб., 2009; Человек на Балканах глазами русских. СПб., 2011; Модернизация vs война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн. М., 2012; Человек на Балканах: Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг. М., 2016.

- 17 Болгария в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. Е. Л. Валева. М., 2003.
- 18 Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории: В 2 кн. / Отв. ред. В. В. Марьина. М., 2005.
- 19 Югославия в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2011.
- 20 Польша в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. А. Ф. Носкова. М., 2012.
- 21 *Хорев В. А.* Польская литература XX века. 1890–1990. М., 2009.
- 22 *Богданов Ю. В.* Очерки истории словацкой литературы XX века. М., 2013.
- 23 Словенская литература от истоков до рубежа XIX–XX веков. М., 2010; Словенская литература XX века. М., 2014.
- 24 *Ильина Г. Я.* Хорватская литература XX века. М., 2015.
- 25 Лексикон южнославянских литератур / Отв. ред. Г. Я. Ильина. М., 2012.
- 26 Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого; отв. ред. С. М. Толстая. М., 1995–2012. Т. 1–5.
- 27 *Зализняк А. А.* «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. 3-е изд., доп. М., 2008.
- 28 *Зализняк А. А.* Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. М., 2014.
- 29 Межрегиональная конференция славистов. Российское славяноведение в начале XXI века: задачи и перспективы развития. Материалы Всероссийского совещания славистов (23–24 октября 2003 г.). М., 2003.
- 30 *Никифоров К. В.* Шестьдесят лет...
- 31 Сотрудники Института славяноведения Российской академии наук: Биобиблиографический словарь / Отв. ред. М. А. Робинсон, А. Н. Горяинов. М., 2012.
- 32 Труды Института славяноведения 2003–2013 гг. Библиографический указатель. Ко II Всероссийскому совещанию славистов. М., 2013; Славянский альманах. М., 2015. № 1–2; см., в частности: *Никифоров К. В.* Институт славяноведения РАН между двумя Всероссийскими совещаниями славистов (2003–2013) // Славянский альманах. 2015. № 1–2. С. 315.
- 33 Труды Института славяноведения 2007–2016. Библиографический указатель. М., 2017.
- 34 См., например, официальный сайт Института славяноведения РАН: <http://inslav.ru/event/institutu-slavyanovedeniya-70-let>.

K. V. Nikiforov
The main centre of Slavic studies
in Russia celebrates its 70th anniversary

The article covers the history of the Institute of Slavic Studies. It was firstly established in Leningrad and then created anew in Moscow. For 70 years it has been embodying the development of Slavic studies in Russia. Its history has four stages, that were directly connected to political and economical situation in the country. The fourth of them is still on, but its main traits are already clear. Firstly, the volume of printed production has increased, and secondly, the process of generation shift has started.

Keywords: *Institute of Slavic Studies, academic research in Slavic studies, general and serial publications, generation shift.*

Е. П. Аксенова
(Москва)

«Славянский альманах» за 20 лет издания

В кратком обзоре рассматривается история ежегодника, а ныне журнала «Славянский альманах» за 20 лет выхода в свет.

Ключевые слова: *День славянской письменности и культуры, «Славянский альманах», конференция «Славянский мир: единство и многообразие», Институт славяноведения.*

В год 70-летия Института славяноведения РАН одно из его «фирменных» изданий – «Славянский альманах» – также отмечает юбилей: 20 лет с момента выхода в свет первого выпуска. Этот солидный «стаж» славистического печатного органа дает повод для обзора (хотя бы краткого) его истории и деятельности за два десятилетия.

Создание «Славянского альманаха» имеет свою предысторию. Начиная с 1991 г. ежегодно 24 мая, в день памяти святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия, первоучителей славянских, в нашей стране отмечается День славянской письменности и культуры, который стал национальным праздником. К этой дате каждый год приурочено проведение международной научной конференции «Славянский мир: единство и многообразие», а также ряда круглых столов и симпозиумов по проблемам славяноведения. Каждый раз основные праздничные мероприятия проходили в одном из российских городов (Смоленск, Владимир, Белгород и др.), а научная конференция проводилась на базе университета этого города. В 1996 г. центром праздника была Кострома. Тогда же было принято решение публиковать материалы научных форумов, проходящих в Дни славянской письменности и культуры, в специальном ежегодном издании, подготовку которого осуществлял бы Институт славяноведения РАН при финансовой поддержке Министерства культуры РФ. Ежегодник получил название «Славянский альманах».

Первый номер альманаха, в основу которого легли материалы костромской конференции, вышел в мае 1997 г., накануне очередного Дня славянской письменности и культуры, проводившегося в Орле (последующие конференции проходили в Ярославле, Пскове, Рязани, Калуге, Новосибирске, Воронеже, Самаре, Ростове-на-Дону, Ханты-Мансийске, Коломне, Твери, Саратове; с 2010 г. – в Москве).

Перед каждой конференцией выходил в свет альманах за предыдущий год – это стало доброй традицией.

До 2014 г. альманах выходил в виде ежегодника. С 2014 г. формат издания изменился: ежегодник был преобразован в журнал, выпускающий 4 номера в год (по два сдвоенных выпуска). Увеличение периодичности выхода альманаха расширяет для исследователей возможности публикации материалов по темам, связанным со славянскими и соседними с ними народами. При этом журнал «Славянский альманах», безусловно, является преемником своего предшественника-ежегодника, сохраняя ту же научную направленность. Как и прежде, № 1–2 выходит ко Дню славянской письменности и культуры, а № 3–4 – в конце года.

Внешнее оформление издания за 20 лет не изменилось, а объем менялся: от 15 печатных листов первого выпуска до 35 п. л. в начале 2000-х гг. В журнальном варианте годовой объем альманаха еще более увеличился и составляет около 60 п. л. Редколлегия альманаха тоже претерпевала изменения, но в ее состав постоянно входили и входят ведущие специалисты Института славяноведения. Состав редколлегии журнала значительно расширился за счет включения известных зарубежных ученых. Первым ответственным редактором альманаха был д.и.н. М. А. Робинсон, выпустивший 12 номеров, «эстафету» принял д.и.н., профессор К. В. Никифоров, являющийся ответственным редактором журнала и в настоящее время.

Структура альманаха сложилась сразу; основные разделы, представленные в первом выпуске, сохранились и поныне, хотя со временем в структуру были внесены некоторые изменения и дополнения. В первом разделе ежегодника печатались доклады пленарного заседания конференции «Славянский мир: единство и многообразие» (в журнале этого раздела нет). В следующих разделах – «История», «История культуры», «Языкознание» – помещались статьи, основанные на докладах и выступлениях в различных секциях конференции и на круглых столах, а также другие исследовательские статьи в рамках научных направлений альманаха. В конце каждого выпуска следовал небольшой раздел «Хроника», освещавший события научной жизни в области славяноведения. С шестого выпуска (2001) в структуре альманаха появляется новая рубрика – «Рецензии», содержащая отзывы об отечественных и зарубежных славистических изданиях. В состав седьмого выпуска (2002) вошел раздел «Публикации», который вводит в научный оборот новые документы и материалы по славяноведению. Эти рубрики также стали традиционными.

Несмотря на базовую стабильность структуры издания, разделы альманаха не являются чем-то застывшим; в зависимости от расширения тематики материалов появляются новые рубрики: «История науки», «Этнолингвистика и фольклор», «Литературоведение».

Состав авторов альманаха отличается широтой и представительностью. За годы издания на его страницах опубликованы статьи не только российских ученых, но и наших коллег из всех стран региона Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы (включая Украину и Белоруссию), а также специалистов из неславянских стран (Австрии, Германии, Великобритании, США, Японии и др.). Публикации альманаха свидетельствуют о том, что и в самой России география славянских изучений весьма широка. Среди авторов-россиян, наряду с москвичами и петербуржцами, немало представителей городов-устроителей Дней славянской письменности и культуры, а также научных и учебных центров Екатеринбурга, Волгограда, Нижнего Новгорода, Йошкар-Олы, Перми, Улан-Удэ и др. Приятно отметить, что интерес к славянской проблематике присущ исследователям не только из крупных университетских городов, но и таких исторических и духовных центров, как Ростов Великий, Коломна, Сергиев Посад, и даже столь отдаленных северных городов, как Нижневартовск.

Если в первые годы выхода альманаха среди его авторов были преимущественно маститые ученые (академики, члены-корреспонденты, доктора и кандидаты наук), известные специалисты в разных областях славяноведения, то в дальнейшем альманах все шире предоставлял свои страницы и молодым, начинающим ученым и аспирантам (что особенно важно для последних, как и для докторантов, поскольку альманах является изданием, включенным в перечень ВАК). «Славянский альманах» зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ) и регулярно предоставляет для индексирования информацию об опубликованных материалах.

Тематика статей за 20 лет издания «Славянского альманаха» является столь обширной и разнообразной, что сгруппировать по ней материалы весьма сложно, можно лишь попытаться в общих чертах наметить некоторые направления в каждом из разделов.

Большое место на страницах альманаха отводится кирилло-мефодиевской проблематике, в частности, кирилло-мефодиевской традиции в славянских рукописях и славянской книжности, темам, затрагивающим вопросы древней славянской письменности.

Весьма разнообразен и богат по содержанию в каждом выпуске блок исторических статей. В разделе «История» нашли отражение

и ранняя история славян, и ключевые события Средневековья. Значительное место занимают материалы, посвященные славянскому возрождению и национально-освободительной борьбе славян, национальной идеологии и межславянским связям. Проблемы XX века также постоянно рассматриваются на страницах альманаха. В частности, достаточно широко были представлены исследования, посвященные политической борьбе, Первой мировой войне, межвоенному периоду, также нашли отражение события Второй мировой войны и послевоенного развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы, международные отношения в регионе. Постоянный исследовательский интерес авторов привлекают события политического кризиса 1980-х – начала 90-х гг. и современное положение славянских и балканских стран.

Среди исторических статей весомую долю составляют исследования по историографии и истории славяноведения, для которых теперь в журнале выделена специальная рубрика. Нередко героями публикаций становятся известные личности – ученые, деятели культуры, политики и др. Большое внимание авторы статей уделяют теме русского зарубежья (преимущественно в славянских странах), вводя в научный оборот зачастую неизвестные или недоступные ранее отечественные и зарубежные архивные материалы.

Раздел «История культуры» вплоть до последних лет содержал не только культурологические исследования, он включал этнологические статьи, статьи о славянском фольклоре, об истории славянских литератур и творчестве целого ряда славянских писателей и поэтов, неоднократно печатались материалы о межславянских культурных связях и т.п. Расширение исследований по указанным направлениям позволило в настоящее время выделить их в специальные рубрики (о чем упоминалось выше).

В разделе «Языкознание» печатаются исследования по старославянскому, церковнославянскому языкам, затрагиваются проблемы сравнительно-исторического языкознания, средневековых и современных славянских языков и диалектов, отражаются различные языковедческие аспекты в контексте народной культуры, анализируются интерпретации лингвистических карт и многие другие вопросы.

В целом весь комплекс публикуемых в альманахе материалов знакомит как специалистов, так и широкий круг читателей с актуальными проблемами славяноведения и новейшими достижениями в этой области знания.

В соответствии с современными требованиями к публикации научных работ изменилось оформление материалов внутри альманаха. Начиная с 14-го выпуска каждая статья сопровождается краткой аннотацией и ключевыми словами на русском и английском языках. Содержание альманаха также приводится на двух языках, как и список авторов с краткими сведениями о каждом, который помещается в алфавитном порядке в конце тома. Оформление текстов статей и примечаний унифицировано, что отвечает издательским требованиям и в то же время значительно облегчает работу с текстами для читателей.

Из новшеств последнего времени можно отметить появление собственной рубрики «Славянского альманаха» на сайте Института славяноведения – там можно найти общие сведения о журнале (на русском и английском языках), информацию о содержании всех выпусков альманаха и их электронные версии, о составе редколлегии, об условиях публикации и рецензирования материалов и другие полезные сведения.

Тираж «Славянского альманаха» невелик. Вначале он составлял 500, затем 1000 экземпляров, потом снова упал до 500 и даже 300 экземпляров. Падение тиража является следствием общих финансово-экономических проблем, а не уменьшения спроса на издание. В течение ряда лет альманах не получал внешней финансовой помощи, и сейчас журнал издается за счет средств Института славяноведения, под грифом которого и выходит в свет. «Славянский альманах» пользуется авторитетом среди зарубежных коллег и весьма востребован у нас в стране. В последние годы спрос на журнал редакция удовлетворяет путем рассылки номера в формате pdf. Все 20 лет «Славянский альманах» на высоком уровне выпускает издательство «Индрик».

В самом первом выпуске «Славянского альманаха» редколлегия во вступительном слове высказала предположение-пожелание, что это издание, отражающее основные направления научных исследований в области славяноведения, станет традиционным, периодическим, востребованным, будет способствовать всестороннему глубокому изучению славянских народов, распространению знаний о славянском мире, объединению славистов России, укреплению связей с учеными разных стран. Прошедшие с тех пор два десятилетия с полным основанием могут свидетельствовать о том, что альманах (в формате как ежегодника, так и журнала) достойно выполняет возложенные на него задачи, оставаясь одним из ведущих периодических изданий в области славяноведения. Хочется надеяться, что и

в дальнейшем альманах продолжит выходить на должном уровне и открывать дорогу новым славистическим исследованиям, объединяя усилия отечественных и зарубежных ученых в изучении актуальных проблем славяноведения.

E. P. Aksenova

“Slavic Almanac”: twenty years of publishing

This short review focuses on the history of the yearbook (now a journal) “Slavic Almanac” during 20 years of its publishing.

Keywords: *Day of Slavic Literature and Culture*, “*Slavic Almanac*”, the conference “*The World of Slavs, its Unity and Diversity*”, *Institute of Slavic Studies*.

А. А. Сафонов
(Москва)

Круговая порука как институт местного управления и самоуправления в балканских провинциях Османской империи

В статье рассматривается один из основных османских административных институтов, способных гарантировать стратегическую лояльность дискриминируемого христианского большинства, – круговая порука. Проанализированы генезис и основные социальные функции круговой поруки в полиэтничном и мультирелигиозном османском обществе Балкан.

Ключевые слова: *круговая порука, обычное право, Османская империя, межэтнические отношения, кровная месть.*

Молодое Османское государство в XIV–XV вв. установило свое господство над более развитыми в экономическом, социальном и политическом отношении балканскими территориями. Однако первоначально османская власть базировалась преимущественно на военной силе с определенной, но не надежной поддержкой со стороны местных вассалов-христиан. В условиях намечающегося противостояния с католической коалицией во главе с Габсбургами Османское государство отчаянно нуждалось в институтах, способных гарантировать стратегическую лояльность дискриминируемого христианского большинства. Как показала история, османский опыт управления продемонстрировал чрезвычайную эффективность на Балканах: вплоть до 1912 г. империя оставалась доминирующей силой полуострова. В статье сделана попытка выделить один из основных османских административных институтов – круговую поруку. Основным материалом для анализа послужила документация местных органов власти XVII в., а также этнографические записи Нового и Новейшего времени.

Вначале стоит оговорить сам термин. По нашему определению, круговая порука – широко применявшийся в прошлом метод административного контроля над населением, при котором определенная

Работа выполнена в рамках проекта программы Президиума РАН «Этнические, конфессиональные, социокультурные компоненты идентичности славянских народов в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе: от раннего Нового времени до наших дней».

группа (этнос, локус, община, семья) несет перед властью, иными группами или отдельными лицами коллективную ответственность за поступки ее членов, а также за поступки иных лиц, совершенные на принадлежащей группе или «закрепленной» за группой территории. Круговая порука отнюдь не являлась исключительно балканским феноменом и была распространена во многих обществах различных эпох.

Для установления отношений круговой поруки важное значение имело принесение коллективной клятвы и устное поручительство – к е ф а л е т. Подавляющее большинство населения составляли неграмотные, не умевшие читать и подписывать акты, а потому устная клятва наделялась правовой силой благодаря своему религиозному значению. Клятва – болг./макед. *порота*, *дадена дума*, алб. *besa* (*beja/besa*) – приносилась на предмете, представлявшем собой сакральную ценность. Так, в Кануне Лека Дукагини признавалась клятва на камне, на распятии и на евангелии¹. Принесение общих клятв представителями разных религий было затруднительным, хотя на практике даже шариатским судом принималась клятва на евангелии². Обычай предусматривал суровое осуждение лжесвидетелей не только за нарушение клятвы, но также за презрение к религиозным нормам³.

Коллективная ответственность распространялась не только на преступления, но также на займы и другие поступки. Не всегда группа осознавала преступления в качестве таковых (например, в случае нарушения религиозно-дискриминационных ограничений), но принуждалась к ответственности судом шариата и военно-полицейским аппаратом. С. Новакович приводит примеры коллективной ответственности села не только за преступления в общепринятом понимании этого слова, но также за «нападения» вурдалаков и прочей нечисти на территории общины⁴.

Было бы неверно называть круговую поруку корреальным обязательством в терминологии римского права, поскольку за преступление отвечал не каждый член группы, но весь коллектив. В османском обществе были известны и другие варианты поручительства – с индивидуальными поручителями (алб. *дорзань*, *дорзанё*).

Генезис круговой поруки вызывает споры у историков и правоведов. Очевидно, что институт круговой поруки постепенно вытеснял уходящий в прошлое вместе с родовыми отношениями еще более архаичный институт кровной мести.

Кровная месть, по болгарскому обычному праву, применялась вплоть «до девятого колена»⁵. Личная вражда прослеживается в не-

которых документальных свидетельствах: Атанас Никола из Хрвати (Битольский р-н, 1640 г.) сжег башню Хаджи Хасана, в которой укрылись и старики, и дети, а затем убил и брата Хаджи Хасана⁶.

Опасность кровной мести была настолько велика, что стала одной из главных причин исламизации, поскольку принятие ислама позволяло предать забвению события христианского прошлого. Так, род Шутевцы из села Пожаране вел свое происхождение от трех братьев из Люмы, попавших под кровную месть, показательно принявших ислам, а затем убежавших в Полог и продолжавших жить в православной традиции⁷. Исмаиловцы из сел Пожаране и Калиште (Полог) также внешне «потурчились» с целью избежать кровной мести⁸. Это доказывает, что кровная месть сохраняла свое значение.

Коллективная уголовная ответственность за неизвестного преступника зафиксирована на славянской почве еще в таких значимых памятниках IX в., как «Ответы папы Николая на вопросы болгар» и «Закон судный людям»⁹. 143, 145 и 173-я статьи «Законника» Стефана Душана посвящены наказанию разбойников, причем устанавливается ответственность владельца села, откуда родом разбойники, и самого села¹⁰. Известен так наз. фун – сбор с общины денежного возмещения за неизвестного либо укрываемого преступника¹¹. Безусловно, круговая порука была известна не только славянам, но и другим этносам. Албанский Канун Лека Дукагини приводит четкую формулировку: «Если в каком-либо месте кому-либо из путников причинят зло или ограбят его, отвечает и платит за повреждение село [в границах которого это произошло. – А. С.]»¹².

Османы приняли и укрепили правоприменение круговой поруки. Причины этого Е. Грозданова видит в том, что коллективные права и ответственность сельских общин оказались совместимы с османской социально-экономической системой, оптимально соответствовали натуральным хозяйственным отношениям и были понятны полукочевникам, у которых существовали схожие институты¹³.

Немалое значение имела и шариатская традиция. Исламское право признавало круговую поруку патриархальной семьи, оберегающей своих членов и отвечающей за их поступки. Так, при убийстве убийца «действует» от лица всей своей семьи, под которой подразумеваются мужчины, состоящие в родстве по мужской линии. Поэтому семья жертвы вправе воспользоваться либо возмездием (кровной мездью), либо денежным возмещением (круговой порукой), либо прощением семьи преступника.

В османском праве круговая порука проявлялась прежде всего в виде денежной компенсации пострадавшим и государству, взыскиваемой в качестве штрафа за преступление. Нормы уголовной ответственности не зафиксировано.

Таким образом, истцом мог быть лишь пострадавший или его наследники, по иску в уголовном отношении отвечал виновник, а в денежном отношении – акылет виновного (родственники, реже коллеги по цеховой корпорации) и, при особых обстоятельствах, село, квартал или иной собственник земли, на которой произошло данное преступление. На практике за убийство часто страдали старейшины обвиняемого села, которые сами могли быть убиты¹⁴.

Традиционный механизм улаживания бытового конфликта подразумевал, что пострадавший обращался с жалобой к старейшине (в некоторых случаях – к священнослужителю), тот находил виновного, созывал старших представителей сторон, и они вместе устанавливали размер возмещения, которое выплачивала вся община виновного¹⁵.

Основной причиной существования круговой поруки следует признать то обстоятельство, что функционирование аграрного общества требует согласия и взаимопомощи всех членов производящего коллектива.

Круговая порука является правовым отражением «силы общего поступка», затрагивавшей как правовые вопросы, так и любые изменения религиозного и/или налогового статуса, миграции, перемену основного промысла и др.

Традиционализм общества и патерналистское отношение к нему со стороны государства сковывали рамки индивидуального поступка. Для многих людей было мучительно тяжело идти против собственной общины. Человек, отрекшийся от сообщинников, обрекал себя на психологическую травму. Индивидуальный поступок (например, переход в ислам) мог бросить тень на всю семью. Подобные «запятнанные» семьи назывались суратсазы (тур. «безобразные, бесчестные»), они были париями, и хотя могли принимать участие в собраниях, их голос не учитывался¹⁶. Таким образом, круговая порука не только была навязываема государством «сверху», но базировалась на силе общего суждения и поступка «снизу».

При этом отметим, что, с точки зрения конкретного общинника, круговая порука рассматривалась негативно. В частности, бытовала показательная пословица: «если у тебя слишком много времени – выступи свидетелем, если денег – становись поручителем»¹⁷. Поэто-

му поручителями старались выступать лишь по родству, по дружбе либо в рамках какой-либо сделки¹⁸.

Рассмотрим основные социальные функции круговой поруки.

Поскольку в основе любой социально-правовой системы лежит принцип обеспечения безопасности ее членов, то в качестве наиболее важной и очевидной функции круговой поруки выступала борьба с преступностью.

Первоначально данную функцию выполнял предшествующий институт кровной мести, однако в ходе развития социально-правовых отношений османское государство присвоило себе исключительное право на применение насилия и включило уголовный процесс в ведение шариатского суда, тогда как на общину была возложена обязанность поиска и приведения на суд обвиняемых. Не будем забывать, что выдача преступников служила одним из наиболее важных доказательств лояльности властям и означала практическое признание османского права.

Так, благодаря круговой поруке судебные приставы обычно не предпринимали обреченных на неудачу попыток поимки преступников, но ожидали, когда под давлением властей преступники будут выданы местным населением.

Крайней формой круговой поруки было взятие заложников. Так, для поимки Николы Даича из Враньевцев (1647 г.) власти взяли в заложники двадцать местных жителей¹⁹. Отец гайдука Крсте из Сухогрло (Битольский р-н) был схвачен в 1622 г., когда никто из односельчан не поручился перед властями за поимку гайдука²⁰. Вероятно, заложников брали не только власти, но и сами гайдуки.

На заложников оказывалось разного рода давление, направленное на унижение достоинства, причем не только личности заложника, но и всей группы, к которой заложник принадлежал. Благодаря этому удерживающие стремились оказать психологическое воздействие на противника, избавиться от собственного страха перед ним, почувствовать свое превосходство и, в конечном счете, лишить противника поддержки общины благодаря публичному унижению.

В целях борьбы с преступностью власти нотариально оформляли материальное обязательство коллектива привести отдельных членов коллектива на шариатский суд в случае выдвижения обвинения, что являлось ранним предшественником освобождения под залог в современном уголовно-процессуальном законодательстве. Хотя большинство документов отражают стандартные гарантии членов группы либо друг за друга, либо в отношении конкретного лица, на-

пример, сельского священника²¹, в некоторых случаях группа заранее отказывалась от материального поручительства за разбойника или изгоя и даже обещала его насильственную выдачу властям²².

Интересен случай, когда мусульманин Мехмед сын Абдуллаха гарантировал появление на суде христианина Пейю, «бывшего разбойника, но не убийцы»²³. Это демонстрирует, что новообращенные мусульмане сохраняли прежние связи с христианской группой, и эти связи были настолько крепки, что побуждали брать на себя ответственность за лиц с явно криминальным прошлым.

Помимо выдачи преступников, на группу возлагались обязательства выплат кровного возмещения (болг./макед. *кровнина/вражда*, алб. *gjoba*, осм. *ös-r-i diyet / dem-ü diyet*) жертве или его семье в том случае, если преступник не был схвачен или выдан шариатскому суду. В христианских группах известен также институт коллективного публичного проклятия (*анафемы*) отсутствующего или неизвестного преступника. Поскольку группа несла ущерб от тайного преступления, в обычном праве появились примечательные нормы классификации наказаний по степени публичности совершенного преступления. Так, убийство, произошедшее непосредственно в селе, считалось менее опасным, чем совершенное в поле, поскольку преступник с меньшей вероятностью мог избежать поимки и наказания²⁴.

Муфтий Хамза Ахмед Кемаль-паша-заде в 1581 г. дал подробные комментарии, позволяющие прояснить ряд юридических деталей. Жители села несли кровную ответственность только тогда, когда убийство было совершено на расстоянии слышимости крика. Кемаль-паша-заде пояснял, что обязательство кровного возмещения являлось частным случаем нормы, по которой ответственность за поимку преступника нес владелец земли или помещения – места преступления²⁵.

Обратной стороной этой нормы стало общепринятое мнение, что границы поруки определяли коллективное право на соответствующие земли. Некогда село Долно-Добрино (Кадина-река) владело обширным земельным участком, но однажды на дальней границе был найден убитый. Жители соседнего села Гумалево оплатили возмещение и таким образом закрепили за собой спорный участок²⁶. Похожий случай произошел с положскими селами Боговино и Ново-Село²⁷. Таким образом, круговая порука выполняла функцию межселевого локуса.

В судебных протоколах широко отражены случаи мирового соглашения по кровному возмещению – о получении возмещения и об

отказе от дальнейших требований к селу²⁸. Когда в 1634 г. произошло ночное нападение разбойников на еврейскую махаллу Манастира, закончившееся грабежом и убийствами, то вдова убитого в результате нападения отказалась от претензий к еврейской общине, потребовав наказания для разбойников²⁹.

Историки права традиционно рассматривают коллективную ответственность в вопросах борьбы с преступностью как инструмент государственного контроля³⁰. Значение круговой поруки в качестве вида местного самоуправления также трактуется как навязывание поруки «сверху», государством. Так, Х. Иналджик рассматривает османское село прежде всего как административный населенный пункт, объединенный неразграниченными угодьями и общим налогово-административным давлением со стороны государства, спахивев, вакуфов и т. д.³¹

Безусловно, круговая порука была своеобразной формой местного самоуправления, парадоксально сочетавшейся с контролем со стороны жесткого государственного репрессивного аппарата. Данная функция осуществлялась, в том числе, путем выделения привилегированных групп податного населения. Свое классическое выражение османское самоуправление получило в рамках общеимперской системы миллетов, но также действовало и на местном уровне: в селах и городских кварталах. Один из первых фактов поручительства зафиксирован в канун-намэ зиамета Ускюб (XV в.), согласно которому «в квартале да не будет ни одного человека без поручителя»³².

Круговая порука восполняла недостаток профессиональных чиновников и полицейского аппарата, поскольку содержание имперской бюрократической машины не должно было подрывать налогооблагаемую базу в лице непосредственных производителей. Функция осведомления государства, налогового учета, согласования, распределения и сбора налогов и повинностей выполнялись старейшинами и священниками.

Переложив ответственность на сами группы, османская администрация сокращала число необходимых эмиссаров, тем самым экономя жалованье и уменьшая коррупционные издержки. Ослабление полицейских сил позволяло усилить действующую армию. Сокращение чрезмерного бремени обязательств населения перед властями влекло за собой снижение социальной напряженности, что было наиболее важной задачей местного управления.

Следующей функцией круговой поруки было финансово-кредитное обеспечение коллектива. В условиях общей экономической

нестабильности, обусловленной «революцией цен», кредиторы имели все основания опасаться невозврата выданных займов. Поскольку частная собственность в османских условиях не обладала неприкосновенностью и могла быть реквизирована государством, то наиболее верным обеспечением по кредиту было не имущество, но поручительство иных лиц. Коллективная ответственность (поручительство) и авторитет старейшин позволяли семьям и иным группам регулярно вступать в кредитные отношения с вакуфами и еврейскими ростовщиками, что позволяло «страховать» риски неурожая и голода.

С определенной частотой у коллектива возникали потребности в значительных средствах, например, для ликвидации последствий пожара или какого-либо стихийного бедствия. В источниках часто упоминаются коллективные займы на постройку (либо реконструкцию) общинного храма, а также коллективные финансовые обязательства перед строителями³³.

Финансово-кредитная функция демонстрирует, что круговая порука отражала общинный (в городах – и цеховой) характер социального устройства и принятия решений в ситуации, когда прежняя знать была уничтожена или отстранена от реальной власти, а старосты и духовенство не обладали достаточной силой для принятия единовластных решений. Круговая порука была действенным механизмом поддержания социальной однородности, что помогало власти предотвращать возможное выделение новой элиты и ослаблять маргинальные группы.

На денежные вопросы, особенно связанные с круговой порукой, не распространялся ни духовный, ни административный авторитет. Так, жители села Кременица вопреки закону требовали от своего муэдзина уплаты налога наряду со всеми³⁴. В другом случае к уплате налога принуждали некоего воина Курта: «плати налог вместе с нами, как и остальная райя»³⁵.

Функцию поддержания социальной однородности доказывает казус, который произошел в Бере в 1599 г. Греческая община квартала св. Николая пыталась через суд заставить Михаила Харитопула и его домочадцев платить налоги наряду с остальными вопреки султанскому ферману, полученному предком Харитопулов за помощь при взятии города в 1448/9 г.³⁶ Махалла стремилась не допускать прецедента неуплаты налогов местным жителем и уравнивать его в статусе с остальными жителями. В данном случае внесударственные правовые отношения очевидным образом вступали в конфликт с государственным правом.

Более сложный вопрос – влияние круговой поруки на судьбу маргиналов. Под общим понятием маргиналов нами подразумеваются освобожденные рабы, преступники, военнопленные, проститутки, бродяги, безработные, обезземеленные крестьяне. Налоговая классификация маргиналов была чрезвычайно сложна и учитывала многообразные нюансы в статусе мигрантов и бродяг. Например, элфтеры (греч. «свободные») – особая категория безземельных, которая переходит в райю после трех лет пребывания у спахия. Хайманы – лица с неустановленным местом жительства, не включенные в дефтеры. Левенды – преимущественно горожане-безработные.

Отличие от сирот (так наз. «храненники», досл. «иждивенцы»), которых часто усыновляли другие общинники, маргиналы никогда не воспринимались «своими» в традиционной общине. Для членов общины бродяга – лентяй и потенциальная угроза благосостоянию всего коллектива. Своим образом жизни бродяга поставлен «вне» кровных и соседских связей. Поэтому за потенциального вора и преступника крестьяне отказывались приносить круговую поруку и при первом же случае выдавали властям либо требовали его отселения по приговору суда.

Е. Грозданова удачно называет коллективную ответственность «обоюдоострым ножом»: простота местного управления оборачивалась дополнительным усилением внутренней сплоченности групп, прочности коллективных связей³⁷. Поэтому в институте круговой поруки следует выделить функцию социального представительства.

Наказанием нарушителю общественного порядка и морали были публичное унижение и, в особых случаях, изгнание из общины (с ю р г ю н)³⁸. Унижения были подчеркнуты публичными – например, на обриту голову новомученика Гедеона положили внутренности овцы, повезли по улицам задом наперед на осле и заставили держать в руках ослиный хвост³⁹. Позору подвергались уличенные в добрачных сексуальных отношениях, прелюбодействе, скотоложестве и супружеской измене⁴⁰. Стефан Герлах описывает следующий случай: некий еврей продавал сукно дороже, и в наказание через ноздри ему повязали веревку и водили его по городу. Он должен был нести сукно в руке, чтобы все видели его вину⁴¹.

Показательным примером демонстративной изоляции служит положение маргинальной группы мужчин, занимающихся проституцией, – а ш и к о в. В Ускюбе ашики имели специальный хамам, используемый ими как дом терпимости, и составляли изолированную псевдообщину, обособленную от других городских кварталов⁴².

Дети также по разного рода причинам могли отвергаться родной семьей. Ребенок в аграрном обществе не мог выжить без коллективной опеки. Уровень детской смертности, прямого и косвенного детоубийства в неблагополучных или неполных семьях был чрезвычайно высок. Стефан Герлах рассказывает случай, когда рабыня-итальянка крестила и убила свое дитя, рожденное ею от турка⁴³. Сюжет гибели ребенка, прижитого рабыней от хозяина-турка и отнесенного в лес, распространен в народных песнях⁴⁴. Избавление от «нежелательных» детей было повседневностью – община не стремилась помогать чужому «по крови».

Для тех, кто по тем или иным причинам был лишен коллективной поддержки, вставала насущная необходимость поиска опоры в ином коллективе. У ставшего маргиналом было четыре выхода. Первый – уйти в монастырь, но возможность монастырской жизни тоже зависела от ктиторов, то есть от общины. Второй выход – встать на криминальную стезю и влиться в преступное сообщество. Третий выход – эмиграция.

Однако большинство маргиналов избирали наиболее простой выход – обращение в ислам. Для балканских провинций характерна исламизация обезземеленного крестьянства. Многие из известных ренегатов были либо из неблагополучных семей, либо оторваны от семьи: забраны в янычары или отданы на воспитание.

Существенным стимулом было материальное вознаграждение со стороны мусульманской общины, возможность «начать жизнь с чистого листа». Материальные причины перехода в ислам играли важную роль в процессе исламизации. Само обращение обеими сторонами воспринималось как вполне рациональная сделка. Так, в 1677 г. новообращенная просила о предоставлении одежды⁴⁵. Другой новообращенный «из неверного народа» вместе с семьей детьми в 1678 г. получил денежную помощь⁴⁶. В числе материалов XVII в. сохранилось множество подобных прошений, определенно, они подавались и ранее.

По житию, цирюльник Илья Ардунис под гнетом тяжелых налогов отрекся «за одну лишь красную феску», приняв имя Мустафы⁴⁷. Как сообщает Стефан Герлах, живущие среди албанцев греки (возможно, имеются в виду православные албанцы) «потурчивались» всего за один аспр⁴⁸.

Власти были заинтересованы в пропагандистском значении индивидуальной исламизации как своего рода социального лифта, а потому предоставляли помощь и, возможно, работу. Регулярно

(особенно в начале XVII в.) по Малой Азии прокатывались волны левендийских (бродяжных) бунтов, и местные власти стремились избежать подобных эксцессов на Балканах. Разумеется, обращение в ислам зачастую не могло изменить жизнь маргиналов. Как писал Стефан Герлах, «потурчившиеся» из-за денег часто обманывались в ожиданиях⁴⁹.

Круговая порука заставляла не только отталкивать маргиналов, но и, напротив, инкорпорировать их, оказывать определенную социальную опеку и поддержку. Это было продиктовано как чувством соседско-родственной солидарности, так и налогами, возложенными государством на всю группу, которая не желала платить подати за изгнанных. К сожалению, источниковая база не позволяет нам детально описать меры по поддержанию маргиналов, предпринимаемые христианскими общинами.

В то же время обширная вакуфная документация характеризует благотворительность в мусульманских общинах. Широко применялась практика завещания определенной денежной суммы в счет уплаты налогов за малоимущих соседей из данной махаллы⁵⁰. Также известно, что мусульмане-горожане считали богоугодным делом воспитание приемных христианских детей в духе ислама. Например, Акакий бежал от жестокого хозяина, был подобран мусульманками и усыновлен казнадаром⁵¹. Многие вакуфы выделяли специальные средства на содержание сирот.

Вызывает сомнение утверждение, что благотворительность мусульманских общин была более значительна, чем у христиан, хотя следует учесть более стабильное материальное положение мусульман. На наш взгляд, функция круговой поруки по поддержанию социальной однородности действовала во всех этнических группах балканских провинций Османской империи.

Как частный случай рассматриваемой функции, круговая порука гарантировала стабильность в ходе постоянных внутренних миграций. Поскольку бегство крестьян вело к сокращению и дезорганизации регламентированного аграрного производства, власти возложили на общины задачу борьбы с миграциями. Община посредством кефалета гарантировала, что ее члены не разбегутся, а роль санкции исполнял гирихте – особый коллективный штраф, уплачиваемый за сбежавшего соседа.

Круговая порука усиливала чувство внутренней сплоченности и позволяла организовать сопротивление проникновению в село чужаков. Когда в начале XIX в. в тетовское село Отунье решил пере-

селиться некий мусульманин Хасан, то жители села позвали на помощь соседей из села Варвары и убили нежелательного иммигранта, после чего установились тесные кумовские связи между селами⁵².

Рассмотрение основных функций круговой поруки – борьбы с преступностью, самоуправления и социального представительства, финансово-денежного обеспечения и поддержания социальной однородности – приводит к неизбежному выводу: круговая порука служит признаком несовершенства правовой системы и социального устройства балканского общества.

Круговая порука была несовершенным юридическим институтом, вызывала многочисленные противоречия и злоупотребления в правоприменительной практике. Приведем несколько характерных примеров. Кровное возмещение взималось под предлогом «в вашем селе убит человек» за погибших от несчастных случаев – упавших с дерева и утонувших⁵³. В другом случае крестьянин заплатил налоги и за себя, и за отсутствующего соседа, а потом потребовал с того возмещение, на что ответчик заявил, что сам все заплатил, а по поводу спорных денег ничего не знал, и давались они без его согласия⁵⁴.

Во многом круговая порука препятствовала объективным процессам социальной дифференциации, игнорировала социальные изменения, чем архаизировала общественные отношения и обусловила экономическую стагнацию региона.

Однако круговая порука выполняла свою основную задачу, определенную властями империи, – минимизировала конфликты и позволяла государству не вмешиваться во внутреннюю жизнь социальных групп. Практики и институты круговой поруки отличались поразительной гибкостью и способностью адаптироваться к местным реалиям, вследствие чего османским властям удавалось поддерживать на приемлемом уровне искомую социальную стабильность.

Во многом социально-правовой институт круговой поруки предопределил сохранение мозаичности Балкан и тем самым послужил одной из причин ожесточенных этнонациональных конфликтов в Новое и Новейшее время. Как показывают конфликты бывшей Югославии, круговая порука действует и в наши дни, и без историко-правового экскурса невозможно беспристрастно оценить современные балканские реалии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Труд Шт. К. Гечови «Канун Леки Дукагини» // Памятники обычного права албанцев османского времени. М., 1994. С. 128. № 533.
- 2 Турски документи за историјата на македонскиот народ. Скопје, 1966. Сер. 1 (1607–1699). Т. 2 (9–17.01.1627–25.11.1635). С. 55. № 106 (сиджилл Манастира, 1634 г.).
- 3 *Бобчев С. С.* Българско обичайно наказателно право (Сборник за народни умотворения и народопис. Кн. XXXVII). София, 1927. С. 246.
- 4 *Новаковић С.* Село. Београд, 1965. С. 70–72.
- 5 *Бобчев С. С.* Българско обичайно наказателно право... С. 258–259.
- 6 *Матковски А.* Податоци за некои ајдути од Западна Македонија (период од 1622 до 1650 година) // Гласник на Институтот за национална историја. 1961. Т. V. № 1. С. 121.
- 7 *Трифунски Ј. Ф.* Полог (антропогеографска проучавања) (Српски етнографски зборник. Књ. XC). Београд, 1976. С. 61.
- 8 Там же. С. 265.
- 9 Подробнее см.: *Собестианский И. М.* Круговая порука у славян по древним памятникам их законодательства. Харьков, 1888. С. 73–122; *Андреев М., Ангелов Д.* История на българската феодална държава и право. София, 1972. С. 232–233.
- 10 *Радојчић Н.* Законик цара Стефана Душана 1349 и 1354. Београд, 1960. С. 70–71, 77–78.
- 11 *Андреев М.* Българското обичайно право. Правно-историческо проучване. София, 1979. С. 135.
- 12 Очерк Р. Космаяца «Лека-Канум» // Памятники обычного права албанцев... С. 40. № 18.
- 13 *Грозданова Е.* Българската селска община през XV–XVIII век. София, 1979. С. 28–29, 89.
- 14 См. подробнее: *Бобчев С. С.* Българско обичайно наказателно право... С. 124–125, 263.
- 15 *Маринов Д.* Българско обичайно право. София, 1995. С. 31–36.
- 16 *Бобчев С. С.* Българско обичайно наказателно право... С. 282.
- 17 *Маринов Д.* Българско обичайно право... С. 290.
- 18 Там же. С. 292.
- 19 *Матковски А.* Податоци за некои ајдути... С. 124. О взятии заложников как методе управления см.: *Грозданова Е.* Българската селска община... С. 115, 122–123.
- 20 *Матковски А.* Податоци за некои ајдути... С. 114.

- 21 *Цветкова Б.* Хайдутството в българските земи през 15–18 век. София, 1971. Т. I. С. 135. № 63. С. 153. № 87.
- 22 Там же. С. 150. № 82.
- 23 Там же. С. 101. № 28.
- 24 *Бобчев С. С.* Българско обичайно наказателно право... С. 192.
- 25 Турски извори за историята на правото в българските земи. София, 1971. Т. 2. С. 77.
- 26 *Трифунски Ј. Ф.* Поречието на Кадина река. Антропогеографски испитувања. Скопје, 1952. С. 76.
- 27 *Трифунски Ј. Ф.* Полог... С. 399–400. См. о влияния поруки на межевание: *Маринов Д.* Българско обичайно право... С. 195.
- 28 *Цветкова Б.* Хайдутството в българските земи... С. 147. № 77. С. 150–151. № 83.
- 29 Турски документи... С. 98–99. № 187. С. 108. № 203. С. 118. № 222 (сиджилл Манастира, 1634).
- 30 *Андреев М.* Българското обичайно право... С. 138–139; *Тарановски Т.* Историја српског права у Немањинској држави. Београд, 1931. Д. I. С. 213–214.
- 31 *İnalçik H.* Village, Peasant and Empire // *İnalçik H.* The Middle East and the Balkans under the Ottoman Empire. Essays on Economy and Society. Bloomington, 1993. P. 152–154.
- 32 Турски извори за историята на правото... С. 15.
- 33 *Маринов Д.* Българско обичайно право... С. 298–300.
- 34 Турски документи... С. 77. № 148 (сиджилл Манастира, 1634 г.).
- 35 Там же. С. 135. № 254 (сиджилл Манастира, 1635 г.).
- 36 *Vacalopoulos A. E.* History of Macedonia. 1354–1833. Θεσσαλονίκη, 1973. P. 114–117.
- 37 *Грозданова Е.* Българската селска община... С. 124–125, 160–167.
- 38 *Маринов Д.* Българско обичайно право... С. 95–96.
- 39 Афонский патерик или жизнеописание святых, на святой Афонской горе просиявших. Русский на Афоне Св.-Пантелеймонов монастырь, 2002. Т. 2. С. 456 (Страдание св. преподобномученика Гедеоана).
- 40 *Андреев М.* Българското обичайно право... С. 251; *Бобчев С. С.* Българско обичайно наказателно право... С. 234, 277; *Маринов Д.* Българско обичайно право... С. 97, 161; 290; *Матковски А.* Граѓански бракови и разводи на христијани во Македонија и на Балканскиот полуостров во време на турското владеење // Гласник на Институтот за национална историја. 1973. Т. XVII. № 3. С. 116–117.
- 41 *Герлах С.* Дневник на едно патување до Османската порта в Цариград. София, 1976. С. 133–134.

42 *Васильевић Ј. Х.* Скопље и његова околина: историска, етнографска и културно политичка излагања. Београд, 1930. С. 178.

43 *Герлах С.* Дневник на едно пџтуване... С. 68.

44 Сборник за народни умотворения и народопис. Кн. XLVIII. *Молеров Д., Молеров К.* Народописни материали от Разложко. София, 1954. С. 74. № 64 (Разложский р-н, 1898 г.).

45 Османски извори за ислямизационните процеси на Балканите (XVI–XIX в.). София, 1990. С. 100. № 12.

46 Там же. С. 101. № 13.

47 Афонский патерик... Т. 1. С. 223–224 (Страдание св. преподобно-мученика Илии Ардуниса).

48 *Герлах С.* Дневник... С. 110.

49 Там же... С. 182.

50 Турски документи... С. 61. № 116 (сиджилл Манастира, 1634 г.).

51 Афонский патерик... Т. 1. С. 394 (Жизнь и страдание св. нового преподобномученика Акакия).

52 *Трифуноски Ј. Ф.* Полог... С. 335.

53 Турски документи... С. 86. № 166 (сиджилл Манастира, 1634 г.).

54 Там же. С. 31. № 56 (сиджилл Манастира, 1634 г.).

A. A. Safonov

Collective responsibility as an institution of local governance
in Balkan provinces of Ottoman Empire

The article focuses on one of the most important Ottoman administrative institutions that could guarantee the strategical loyalty of the discriminated Christian majority, that is, collective responsibility. Its genesis and main social functions in the poliethnic and multireligious Ottoman society of Balkans are analysed.

Keywords: *collective responsibility, customary law, Ottoman empire, interethnic relations, blood feud.*

Б. Н. Флоря
(Москва)

«Славяне» и «сарматы» в сочинениях польских историков конца XV – середины XVI века

В статье выясняется, как решался в сочинениях польских историков XV–XVI вв. вопрос о наличии (или отсутствии) преемственной связи между древними славянами и упоминаемыми в сочинениях античных авторов «сарматами», и показано, под воздействием каких факторов менялась их позиция.

Ключевые слова: *славяне, сарматы, Восточная Европа, польские историки.*

К XV в. в польской исторической мысли достаточно прочно утвердилось представление, что предки поляков и других славянских народов поселились на занимаемых ими территориях в очень давнюю эпоху – еще во времена существования Древнего Рима. И здесь возникала задача, как найти в текстах древних авторов сведения о самых ранних этапах существования древних славян (и поляков). Историю этих поисков внимательно проследил в своей книге Т. Улевич¹.

Направление поисков определило знакомство хронистов XV в. (первоначально опосредованное «Чешской историей» Энея Сильвия Пикколомини) с «Географией» Птолемея, одним из главных источников сведений о Восточной Европе в первые века христианской эры. В «Географии» были обнаружены упоминания о «Европейской Сарматии», которая на севере достигает Балтики – «Сарматского океана». На ее территории расположены Карпаты – «Сарматские горы». Эти наименования указывали на то, что в древние времена на территории, где позднее обитали «русские» и «поляки», находились «сарматы»². Так как Ян Длугош полагал, что славяне появились на этих незаселенных землях в древние времена, то это побуждало его к отождествлению «сарматов» и «поляков». На берегах Балтики – Сарматского моря – «Sarmate sive Poloni regiones et urbes possideant»³. В другом месте он не менее определенно писал, что античные авторы «Rutheni quam Poloni Sarmate nominantur»⁴. Придя к такому заключению, Ян Длугош поступил логично, включив в свой труд сведения о войнах сарматов с римскими императорами⁵.

М. Меховский разделял представления Яна Длугоша о присутствии славян на занимаемых ими землях уже в самые древние времена: «omnia genera Slavogum» поселились в этом регионе «post diluvium» и никуда не переходили. Имея общих предков с древними греками, славяне заселили одновременно с ними земли на Балканах, а затем и территории, лежащие севернее⁶. Такая постановка вопроса вела его, как и Длугоша, к отождествлению «славян» и «сарматов». Здесь возникли, однако, сложности, которых М. Меховский, как правильно отметил Т. Улевич, «не смог преодолеть»⁷. Трудности были связаны с публикацией труда А. Крантца «Вандалия», в котором, ссылаясь на свидетельство Псевдо-Бероса, автор писал о первородном сыне Иафета – Туисконе, который «основал в Сарматии множество народов» и встал во главе «Великой Германии», охватывавшей территорию от Дона до Рейна. Германцы происходили от старшего сына Туискона – Тевтона, а славяне от младшего сына – Вандаля⁸. Именно отсюда направлялись на запад вандалы, свевы, бургунды и другие племена. При таком подходе возникал вопрос, кто же тогда древние «сарматы» – предки славян или предки германцев? М. Меховский высказал свои соображения, но они оказались противоречивыми. В одном и том же фрагменте текста он утверждал, что вандалы, свевы, бургунды были «germani et non Sarmatae, neque Scythae», но тут же говорилось, что они пришли в Европу «de regno Poloniae» и говорили на польском языке⁹.

Не внес ясности и другой исторический труд – сочинение «De vetustatibus Poloniae» И. Л. Деция. В этом сочинении сведения о древней истории славян, заимствованные у Длугоша, механически соединялись с рассказом о государстве Туискона, в котором совместно существовали «Сарматы» и «Тевтоны»¹⁰. Таким образом, вслед за Длугошем Деций отождествлял славян с «сарматами», но их древняя история сливалась с древней историей германцев.

В середине XVI в. древнее прошлое славян стало предметом рассмотрения во «Всемирной хронике» Мартина Бельского. В начальной части своего очерка происхождения польского народа, написанного под влиянием несохранившегося труда придворного историографа короля Сигизмунда I Б. Ваповского, хронист, отвергнув положение об общности судеб древних славян и древних греков, локализовал прародину славян на территории Восточной Европы. На земли Центральной Европы предки чехов и поляков пришли в V–VI вв. н. э.¹¹ М. Бельский также отождествлял «сарматов» со славянами (см. употребленное им выражение «tu, Sarmate»¹², но одновременно в его

текстах говорилось, что сын Иафета Гомер – предок немцев, и его сын Аскеназ «Sarmati zalożył», а затем здесь правил Туискон, «pie-nieski król»¹³). Таким образом, определенная неясность во взглядах предшественников не была преодолена. К этому следует добавить, что ни сам М. Бельский, ни предыдущие авторы не пытались рассматривать для решения возникшего вопроса сведения античных авторов о «сарматах». М. Бельский ограничился отсылкой к «Тристиям» Овидия, в которых упоминались «Saugomate okrutni, co się ani Boga, ani Rzymskiey mocy nie boi»¹⁴. В такой историографической ситуации к рассмотрению вопроса о соотношении между «сарматами» и «славянами» обратился М. Кромер.

Свое исследование Кромер начинает с разрыва связи между германцами и сарматами. При этом он опирается на высказывания Тацита, что тот не знает, причислить ли венедов «к германцам или сарматам»¹⁵. Из этого следовало, что германцы и сарматы – разные народы, а далее, ссылаясь на «Географию» Птолемея, Кромер утверждает, что «венеды» являются «gentem Sarmaticam»¹⁶.

В последующем разделе работы он снова доказывает, что сарматы не являются германцами согласно свидетельствам Плиния, Тацита, Страбона и Птолемея. Основываясь на этом, историограф делает вывод, что сарматы таким образом не могут быть потомками прародителя германцев – Туискона, а происходят от Асармота, упоминаемого в родословии потомков Ноя в главе 10 «Книги Бытия» и «Иудейских древностях» Иосифа Флавия¹⁷. Тем самым окончательно разрывается связь между сарматами и германцами.

Одновременно, анализируя свидетельства античных авторов, М. Кромер констатировал, что сарматы в древности занимали большие территории к востоку от Дона¹⁸. Такая констатация имела для Кромера большое значение. Если для его предшественников путь славян в Европу лежал через Балканы и лишь затем они перешли на земли Восточной Европы, то изучение свидетельств древних авторов побудило Кромера решительно отвергнуть эту точку зрения. Так как он был убежден в истинности библейской легенды о расселении народов из первоначального очага обитания – Месопотамии, то другой возможный путь движения мог идти, как полагал Кромер, через Кавказ на наиболее близкие к Вавилонии земли Азиатской Сарматии¹⁹. В правильности такой реконструкции его убеждало упоминание в «Географии» Птолемея «сербов» как раз на территории Азиатской Сарматии между горами Северного Кавказа и Волгой²⁰.

При таком взгляде на картину миграции славян в древние времена снова, хотя и в иной плоскости, во весь рост вставал вопрос о соотношении между древними славянами и сарматами. Внимание М. Кромера привлекло свидетельство Тацита о «роксоланах». Этот «*Sarmatica gens*» вторгся на территорию Мезии в 69 г. н. э.²¹ Уже М. Меховский готов был видеть в «роксоланах» античных авторов предков «русских» – восточных славян («*Russia olim Roxolania dicta*»)²². М. Кромер постарался более глубоко обосновать это положение. Его аргументы идут по двум направлениям. Так, он отмечает, что, по свидетельству Страбона, роксоланы живут «*inter Tanaim et Boristhenem*»²³ и что все географы отмечают присутствие «роксолан» и «сарматов» на территории между Босфором Киммерийским и Дунаем²⁴. Таким образом, роксоланы жили на той территории, на которой позднее отмечается присутствие славян (и прежде всего – славян восточных). Другой довод – сохранение здесь населением традиционного названия, так как, по его убеждению, «роксолане» – это именование, «*quas Russi in hac diem retinent*»²⁵. В этом же ареале обнаруживается присутствие и других славянских народов. Упоминание «сербов» в «Географии» Птолемея, конечно, понималось именно таким образом. Кроме того, Кромер обнаружил в сочинении Иордана упоминания о «булгарах», живущих в Северном Причерноморье²⁶. Отсюда последовал вывод, что «*Bulgaros, Serbos et Roxanos Sarmaticae gentes esse*» и из этого первоначального очага обитания на территории Восточной Европы вышли предки и других народов, которые стали называть себя славянами²⁷. Тем самым ничто не мешает полагать «*Polonos ac ceteros omnes Slavos Sarmatas esse*». В глоссе к этому фрагменту текста отмечено еще более определенно: «*Poloni et Slavi omnes Sarmatae sunt*»²⁸.

Такой предшественник Кромера, как Ян Длугош, относил поселение предков славян на землях Центральной и Восточной Европы к древним временам, близким, как позднее писал М. Меховский, ко времени Потопа. Тем самым предопределялось отождествление обитавших на территории Восточной Европы древних славян и сарматов.

М. Кромер не связывал себя такой предпосылкой. Свое рассуждение о «роксоланах» – «русских» он закончил словами, что не знает, когда и откуда они пришли на земли Сарматии и когда приняли свое имя²⁹. Все это позволило ему занять сдержанную позицию в вопросе о соотношении между древними славянами и сарматами. Его наблюдения, по существу, позволяли лишь сделать вывод, что известия

древних авторов о «сарматах» на территории Восточной Европы могут иметь в виду поселившихся в этом регионе славян. Для своей осторожной позиции М. Кромер приводит следующие обоснования. Во-первых, этническая терминология античных авторов вызывала у него сомнения. Контакты с этими народами были ограничены из-за дальности расстояния, их диких и варварских нравов, и латинские и греческие авторы называли «северные» народы одним общим названием («*communis vocabulum*») – сарматами или скифами³⁰. Кроме того, Кромер в своем труде неоднократно высказывал мысль, что народы в древнюю эпоху постоянно совершали миграции, присваивая себе названия тех племен, на территории которых они селились: так, часть западных славян стала именоваться «венетами», заняв территории, оставленные вандалами, а чехи заимствовали название германского племени бойев, ранее проживавшего на освоенных ими землях³¹.

Отсюда вытекало заключение, что предки славян заселили когда-то территорию, на которой жили некие «сарматы», и их поэтому стали обозначать таким названием. Кромер писал, что невозможно установить, когда предки славян пришли в Сарматии и истребили или изгнали оттуда древних сарматов³².

Для выбора такого решения имело значение, как представляется, еще одно обстоятельство. Непосредственный предшественник Кромера М. Бельский, очевидно, отталкиваясь от свидетельств древних авторов о сарматах, рисовал древних славян как сообщество непобедимых воинов, ведущих жизнь, подобную жизни современных ему кочевников – татар³³. М. Кромер, говоря о древних славянах и их миграциях, нигде не характеризует их как кочевников. Как отмечалось выше, «венетов» античных авторов хронист считал славянами, а ему, несомненно, был известен текст Тацита, что венеды «строят дома» и это «отличает их от сарматов, живущих в повозке и на коне»³⁴.

На этом небольшом примере хорошо видно, какое влияние оказало на развитие польской исторической мысли знакомство в эпоху начавшегося Возрождения с текстами античных авторов, с их сообщениями о народах Восточной Европы в древние времена. (Предшественники Длугоша – хронисты XIV в. ничего не знали о «сарматах».) Все это заставило уже во времена зарождения исторической мысли пересмотреть традиционные взгляды и начать размышлять над вопросами, которые совместными усилиями разных отраслей науки предстояло решать на протяжении большой исторической эпохи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Ulewicz T.* Sarmacja. Studium z problematyki słowiańskiej XV i XVI w. Kraków, 1950.
- 2 *Ibid.* S. 4–5, 28.
- 3 *Joannis Długossii.* Annales seu cronicae incliti regni Poloniae. Lib. I–II. Warszawa, 1964. S. 67.
- 4 *Joannis Długossii.* Annales... S. 89; *Ulewicz T.* Sarmacja. S. 30.
- 5 *Joannis Długossii.* Annales... S. 106.
- 6 *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. М., 1936. С. 152–153, 157.
- 7 *Ulewicz T.* Sarmacja. S. 58.
- 8 О взглядах А. Крантца см.: *Мыльников А. С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, прото-гипотезы XVI – начала XVII вв. СПб., 1996. С. 39–40.
- 9 *Меховский М.* Трактат... С. 157.
- 10 *Ulewicz T.* Sarmacja. S. 72–73; *Мыльников А. С.* Картина славянского мира... С. 41.
- 11 *Bielski M.* Kronika wszytkiego swyatha. Kraków, 1551. K. 154v.
- 12 *Ibid.* K. 155.
- 13 *Ibid.* K. 154v.
- 14 *Bielski M.* Kronika... K. 154v.
- 15 *Cromer M.* De origine et gestis Polonorum libri XXX. Basileae, 1555. K. 10. Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1994. Т. 1 (I–VI вв.). С. 39.
- 16 *Cromer M.* De origine... Ср.: Свод... Т. 1. С. 50–51.
- 17 *Cromer M.* De origine... К. 13. Характерно, что здесь М. Кромер изменяет тому отрицательному отношению к «генеалогиям», которое он ярко демонстрировал в начале труда (*Ibid.* К. 2–3), возможно, по тому, что речь идет о свидетельстве Писания.
- 18 *Ibid.*
- 19 *Ibid.* К. 12.
- 20 *Cromer M.* De origine... К. 15; Свод... Т. 1. С. 52–54.
- 21 *Cromer M.* De origine... К. 16.
- 22 *Меховский М.* Трактат... С. 172.
- 23 *Cromer M.* De origine... К. 16; Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М., 2009. Т. 1. Античные источники / Сост. А. В. Подосинов. С. 104, 108.
- 24 *Cromer M.* De origine... К. 18; Древняя Русь. Т. 1. С. 186, 280.
- 25 *Cromer M.* De origine... К. 17. См. здесь же глоссу: «Roxani ijdem que Russi».

26 *Cromer M. De origine...* К. 15; Свод... Т. 1. С. 108–109.

27 *Cromer M. De origine...* К. 19.

28 *Ibid.*

29 *Ibid.* К. 18.

30 *Ibid.* К. 16.

31 *Ibid.* К. 11, 14.

32 *Ibid.* К. 19. На то, что Кромер, локализуя «прародину» славян в Сарматии, не отождествляет их с сарматами, правильно указывал А. С. Мыльников (*Мыльников А. С. Картина...* С. 262).

33 *Bielski M. Kronika...* К. 155v.

34 Свод... Т. 1. С. 39. В своем труде Кромер цитирует высказывания Тацита, непосредственно предшествующие этому тексту (*Cromer M. De origine...* К. 10).

B. N. Florja

“Slavs” and “Sarmatians” in the works of Polish historians
at the end of 15th-middle of 16th century

The article sheds light on the issue of the historical continuity between the Ancient Slavs and “Sarmatians” that are mentioned in the works of Ancient authors in the works of Polish historians. The factors triggering the changes in their position are demonstrated.

Keywords: *Slavs, Sarmatians, Eastern Europe, Polish historians, Ancient authors.*

М. К. Яворская
(Варшава)

«Государев двор» королевича Владислава Вазы в 1617–1618 гг.

На основе польских и русских источников автор статьи анализирует состав, политическую деятельность и значение «государева двора» королевича Владислава во время его похода на Москву в 1617–1618 гг.

Ключевые слова: *Владислав Ваза, Сигизмунд III, государев двор, боярская дума, Деулинское перемирие, Смутное время.*

В 1616 г. сейм Речи Посполитой принял решение организовать военную экспедицию на Москву, официальная цель которой состояла в утверждении польского королевича Владислава Вазы на русском престоле¹. Его права на царский трон с точки зрения польской стороны гарантировались договорами, заключенными между Речью Посполитой и Россией в феврале и августе 1610 г. Предполагалось, что претензии Владислава послужат важным аргументом на планируемых мирных переговорах с Москвой, в том числе и как средство принуждения противника прекратить военные действия, сохранив за польско-литовской стороной завоеванные в 1609–1611 гг. территории Смоленщины и Северщины. На одном из заседаний сейма собравшимся было объявлено, что в Московском государстве до сих пор существует сильная пропольская партия, ожидающая «царя и великого князя Владислава Жигимонтовича». Эти сторонники могли бы помочь королевичу достигнуть своей цели – утвердиться на царском престоле².

В то же время наиболее преданные и активные русские приверженцы короля Сигизмунда III, которые в 1610–1612 гг. от имени царя Владислава практически руководили государством, а после капитуляции польско-литовского гарнизона в 1612 г. решили связать свою судьбу с родом Ваза, находились в Речи Посполитой. Они приняли участие в походе на Москву, входя в течение 1617–1618 гг. в «государев двор» Владислава Вазы.

Государев двор объединял российскую политическую элиту XVI–XVII вв. – представителей боярства и дворянства. Принадлежность к двору гарантировала получение денежных и земельных окладов, а также доступ к высшим государственным должностям.

Члены государева двора занимали ведущее положение в политической жизни Московского царства, контролируя ее ключевые сферы. Двор, таким образом, не только охватывал привилегированную группу служилых людей, но и представлял собой особый политический институт, обеспечивая реализацию прерогатив царской власти, а следовательно и управление огромной территорией страны. При этом он обладал и социальной функцией, определяя иерархическую структуру верхушки дворянского слоя³.

Свои притязания на царский престол королевич Владислав подкреплял широкой идеологической программой, в основе которой лежало убеждение, что он является законным обладателем «шапки Мономаха». Чтобы сделать свои претензии на московский трон более легитимными в глазах русского общества, заложить предпосылки для создания нового правительства, Владислав создал вокруг себя некое подобие административного аппарата. Реконструкция состава «государева двора» королевича и анализ его деятельности во время похода 1617–1618 гг. является предметом рассмотрения в данной статье. Эти проблемы, важные для истории русско-польских отношений времен завершения Смуты, ранее специально не рассматривались в литературе.

В декабре 1616 г., готовя почву для экспедиции, Владислав отправил в русские города окружную грамоту, в которой напоминал о присяге, которую русский народ дал ему в 1610 г. Королевич сообщал подданным о готовящемся походе для восстановления своих прав на престол. Стоит отметить, что в указанной грамоте использовался официальный царский титул: «От царя и великого князя Владислава Жигимонтовича всеа Руси, в Московское государство бояром нашим...». Завершая свое обращение, королевич упомянул людей, которые будут его сопровождать, – «а с нами будут Игнатей патрарх да архиепискуп Смоленский Сергей, да бояре князь Юрьи Никитич Трубецкой с товарищи, да гетман Желковской, воевода киевской»⁴. Гетман Станислав Жолкевский в итоге не принял участия в походе, а на основании дневника экспедиции, написанного одним из ее польских участников, Якубом Собеским, мы можем расширить круг московских сторонников Владислава Вазы⁵. Кроме уже упомянутых князя Ю. Н. Трубецкого, смоленского архиепископа Сергия и патриарха Игнатия, в походе участвовали боярин Иван Никитич Салтыков, дьяк Евдоким Яковлевич Витовтов и дьяк Василий Осипович Янов. Хотя князь Иван Иванович Шуйский и бывший смоленский воевода, боярин Михаил Борисович Шеин, в 1610–1611 гг. не под-

держали кандидатуру Владислава Вазы как будущего московского царя и не принадлежали к сторонникам короля Сигизмунда III, тем не менее, оказавшись после 1612 г. в плену в Речи Посполитой и, возможно, изменив там свою позицию, в 1617 г. они также отправились в поход на Москву.

Члены «государева двора» королевича Владислава принимали активное участие в московской экспедиции, о чем сообщается в дневнике Собеского. 4 мая 1617 г., через месяц после отъезда из Варшавы, королевич остановился во Владимире-Волынском, где посетил богослужение в униатской церкви, что, несомненно, должно было продемонстрировать православным, в том числе и Московского государства, его терпимое отношение к греческому обряду и отсутствие замыслов уничтожить православие и насадить «латинскую веру». Разумеется, это не означало, что в Москве поступок королевича восприняли именно таким образом. Тем не менее, заверения Владислава, что он не имеет враждебных намерений в отношении русской церкви, содержались и в грамоте, высланной им в русскую столицу в августе 1618 г.⁶ Тогда же была освящена и «московская хоругвь», которую на церемонии держал Е. Я. Витовтов (Я. Собеский назвал его боярином)⁷. Подобный шаг символизировал законность власти королевича над православными подданными. В многовековой традиции Речи Посполитой государственная хоругвь была неотъемлемым атрибутом монаршей власти над определенной территорией, демонстрируя не только сам факт ее присутствия, но и легальность происхождения. В связи с этим данный атрибут неизменно присутствовал в церемониале вступления на трон нового государя, который носил также и религиозный характер, что подчеркивало благословение хоругви представителями духовенства. Таким образом, освящение «московской хоругви» и ее торжественное вручение Владиславу символизировало получение им власти над территорией Московского государства⁸.

2 августа в Ковеле королевич принял М. Б. Шеина и И. И. Шуйского в число своих думных бояр, а дьяк Василий Янов получил чин «канцлера»⁹. 9 сентября Владислав остановился в Могилеве, куда приехало много русских людей, в том числе князь Трубецкой и Салтыков¹⁰. В начале октября князь И. И. Шуйский и М. Б. Шеин были отправлены королевичем на переговоры с дорогобужским воеводой, Иваном Адодуровым, который сдал город Владиславу и присоединился к его двору¹¹. Стоит также отметить, что в Дорогобуже (а позже и Вязьме) королевича встретили так, как обычно жители встречали

царя, — из города вышла процессия во главе с воеводами, боярами и священниками с крестами и иконами, которые били челом Владиславу и поприветствовали его хлебом и солью¹².

19 октября в лагерь королевича пришло известие о капитуляции Вязьмы. Владислав послал туда Шеина, Витовтова и вяземского воеводу, князя Никиту Гагарина, для принятия присяги горожан и замещения соответствующими людьми военно-административных должностей¹³. Члены двора отвечали также за контакты со столицей и боярской думой. Составлением грамот, высылаемых в Москву от имени Владислава и его бояр, занимались дьяк Василий Янов и архиепископ Сергей¹⁴.

Учитывая рассмотренные выше примеры, можно сделать вывод, что роль «государева двора» не была исключительно репрезентативной, он выступал и в качестве политического органа. Члены двора принимали активное участие в контактах с московской стороной — не только с боярами в столице, но и с населением городов, которые располагались на пути войска Владислава, в том числе с воеводами, несшими там службу стрельцами и казаками, а также с городскими дворянскими корпорациями. Скорее всего, этим их деятельность не ограничивалась, поскольку как члены «государева двора» они должны были взять в свои руки управление территориями, подчиненными войском королевича.

Как уже отмечалось, в своем манифесте в декабре 1616 г. Владислав упомянул патриарха Игнатия и архиепископа Сергия, которые составляли при нем своего рода ядро «освященного собора», то есть представителей высшей иерархии православной церкви. Стоит отметить, что Игнатий во время похода королевича на Москву еще не считался «лжепатриархом», тем более что в указанное время патриарший престол в столице был вакантным. К архиепископу Сергию в лагере Владислава относились уважительно, в том числе и из-за его храброго поведения во время осады Смоленска.

Следует учесть, что в свое время официально самым серьезным препятствием на пути Владислава к царскому престолу стал запрет Сигизмунда III на смену сыном вероисповедания. По этой причине патриарх Гермоген не поддержал его кандидатуры. Поэтому теперь, в 1617 г., присутствие московского патриарха и архиепископа смоленского при дворе королевича Владислава должно было, с одной стороны, легитимизировать права Владислава на царский венец в глазах православных подданных, а с другой — ослабить влияние московской пропаганды, представлявшей поход Владислава как «латинское» вторжение.

Важным также является вопрос и о составе боярской думы при Владиславе. Ее членами были, несомненно, князь Ю. Н. Трубецкой, князь И. И. Шуйский и М. Б. Шеин. «Государев двор» королевича Владислава состоял, таким образом, из представителей тех боярских группировок, которые и до Смутного времени играли ведущую роль среди элиты Московского государства. Наличие в окружении королевича таких фигур, как князь Трубецкой, чья семья происходила из княжеского рода Гедиминовичей, а также князь Шуйский, чей род принадлежал к старшей линии Рюриковичей, уже само по себе служило идеологической поддержкой претензий Владислава. Ведь бабушкой королевича была Екатерина Ягеллонка, а сам родоначальник династии, Владислав Ягайло, принадлежал по женской линии к династии Рюриковичей – его матерью была княгиня Иулиания Тверская. Таким образом, Владислав считал, что является законным наследником московского престола, не только потому, что он был избран сословиями в 1610 г., но также и в силу династических прав. И. И. Шуйский и Ю. Н. Трубецкой, происходившие из родов, представители которых или правили (как Василий Иванович Шуйский), или считались серьезными кандидатами на престол (как Дмитрий Тимофеевич Трубецкой в 1613 г.), формировали вокруг Владислава пусть и скромный, но высший аристократический круг. Свою поддержку во время экспедиции, пусть и нехотя, оказал королевичу и М. Б. Шеин, герой осады Смоленска. Как Шеин, так и И. Н. Салтыков при дворе Владислава представляли старомосковское боярство. Они должны были уговаривать провинциальных воевод и городских жителей перейти на сторону королевича.

«Государев двор» Владислава также не мог обойтись без выполнявших административные функции дьяков – В. Янова и Е. Витовтова, принадлежавших к числу видных деятелей приказной бюрократии. Думный дьяк Янов занял высокую должность «канцлера» при королевиче, занимался составлением грамот, отправленных в столицу во время похода¹⁵. Как уже отмечалось, к экспедиции Владислава присоединились также пограничные воеводы, в том числе князь Н. Гагарин и И. Адодуров, которые, вместе с М. Б. Шеиным, должны были, по всей видимости, возглавить руководство военными делами.

Таким образом, королевич, как и ранее Лжедмитрий II в Тушине, создал альтернативный государственный аппарат, дублировавший функции центральных учреждений Московского государства.

Владислав Ваза использовал и такой символ царской власти, как государственная печать с его именем; была организована чеканка копеек с именем Владислава Жигимонтовича¹⁶. В грамоте, отправленной в столицу от имени архиепископа Сергия, были перечислены все чины, которые собрались вокруг королевича, – «Божею милостью великого господаря царя и великого князя Владислава Жигимонтовича всея Руси богомолец Сергий, архиепископ смоленский и брянский, и его царского величества бояре и думные люди, дворяне и дети боярские, стрельцы и казаки, которые, памятуя крестное целование при нем...»¹⁷. Подобная формулировка, включавшая перечень основных социальных групп русского общества начиная с царя, духовенства и служилых людей, традиционно использовалась в грамотах земского собора, символизируя собой всё государство. Таким образом, послания в столицу отправлялись не только от имени Владислава как царя¹⁸, бояр и дьяков – как представителей думы, но и от лица символического земского собора.

Готовясь к походу на Москву и борьбе за царский престол, Владислав Ваза сформировал вокруг себя соответствующие административные и политические институты. Государев двор, как и в Москве, обладал и социальной функцией, объединяя правящую элиту. Его члены были обязаны нести определенную службу (как придворного, так и военно-административного характера), а взамен получали вознаграждение в виде земельных пожалований или денежных окладов. «Государев двор» обеспечивал доступ к источнику власти и достоинства, которым являлся государь, а на практике выполнял функции государственного аппарата.

Судьбы сторонников Владислава обсуждались в ходе мирных переговоров в Деулине; они дважды упоминаются и в самом тексте договора. Согласно ему И. И. Шуйский и Ю. Н. Трубецкой с семьями, так же как и другие бояре, при желании могли вернуться в Москву. В другом месте говорится о пленных, которые должны были возвратиться из Речи Посполитой уже в феврале 1619 г. В их числе были отец царя Михаила Федоровича митрополит Филарет, князь Василий Васильевич Голицын, Михаил Борисович Шеин со своим сыном и женой, а также архиепископ Смоленский¹⁹. При этом если, например, Шеин несомненно фигурировал как пленник, которого следовало однозначно освободить, то архиепископ Сергий, И. И. Шуйский и Ю. Н. Трубецкой имели возможность выбора: выехать на родину или остаться в Речи Посполитой. Это свидетельствует о том, что их отношения с королевичем содержа-

ли в себе элемент лояльности подданного по отношению к своему правителю.

О том, что поход королевича Владислава представлял серьезную угрозу для царя Михаила Федоровича, свидетельствует его реакция на известие о приближении к столице польских отрядов. Царь созвал Земский собор для получения официальной поддержки сословий в ходе ожидаемой осады. Это было важное испытание для нового правительства и власти молодого Романова. В сентябре 1618 г. собор высказался в поддержку государя, обещав защищать его, столицу и православную веру от армии Владислава²⁰. Вскоре после ухода польских войск из-под Москвы царь Михаил Федорович пожаловал земельными и денежными наградами всех защитников столицы²¹.

После заключения Деулинского перемирия почти все служилые и приказные люди «государева двора» вернулись с Владиславом в Речь Посполитую, где большинство получило щедрые земельные пожалования. Эти имения располагались в основном в областях, присоединенных к Речи Посполитой по итогам Смуты. Король Сигизмунд III назначил в 1619 г. комиссаров с целью проверки владельческих прав служилых людей, многие из которых представляли грамоты на землю, выданные еще в Москве от имени Владислава²². В основе этой политики лежало стремление польских властей сформировать в недавно присоединенных уездах влиятельную группу дворянства, которая была бы целиком и полностью обязана своими имениями новой власти, а следовательно, служила бы ее прочной опорой²³. В числе этих людей были и верные сторонники королевича, формировавшие в 1617–1618 гг. его «государев двор» и потому получившие богатые земельные пожалования за службу²⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 О подготовке экспедиции, ее ходе и мирных переговорах в Деулине см.: *Majewski A. A. Moskwa 1617–1618. Warszawa, 2011; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. V. Т. 9–10. М., 1961. С. 100–122.*

2 *Maciszewski J. Polska a Moskwa 1603–1613: opinie i stanowiska szlachty polskiej. Warszawa, 1968. S. 241 i nast.*

3 *Crummey R. O. Aristocrats and servitors: the boyar elite in Russia 1613–1689. Princeton, 1983. P. 8–33; Keep J. L. H. The Muscovite Elite*

and the Approach to Pluralism // Slavonic and East European Review. 1970. Vol. 48. P. 216; *Bogatyrev S.* The Sovereign and His Counsellors: Ritualised Consultations in Muscovite Political Culture, 1350s–1570s. Helsinki, 2000. P. 16–17; *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. С. 4; *Он же.* Государев двор и формирование русской правящей элиты во второй половине XVI века // *Modernizacja struktur władzy w warunkach odróżnienia. Europa Środkowa i Wschodnia na przełomie średniowiecza i czasów nowożytnych /* Red. M. Dygo, S. Gawlas, H. Grala. Warszawa, 1999. С. 93–107; *Станиславский А. Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 27, 31.

4 Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 3: 1613–1645. С. 66–68.

5 *Sobieski J.* Diariusz ekspedycyjej moskiewskiej dwuletniej królewicza Władysława 1617–1618 / Oprac. J. Byliński, W. Kaczorowski. Opole, 2010.

6 Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1822. Ч. 3 (СГГиД). С. 167–169. См. также: *Соловьев С. М.* История... Кн. V. С. 107; *Мажевски А. А.* Moskwa 1617–1618. С. 140.

7 «We Włodzimierzu (był to dzień Bożego Wstąpienia naszego) słu chał mszy ruski in unione w cerkwi włodzimierskiej, którą ociec Dworakowski, władyka, odprawował tam more solenni przez wrota carskie; władyka benedykcją mu dawał, chorągiew moskiewską święcił, którą Eudakin (E. Я. Витовтов. – М. Я.), moskiewski bojarzyn, trzymał z wielkim Rusi ukontentowaniem» (*Sobieski J.* Diariusz... S. 13).

8 *Ptak J.* Chorągiew w komunikacji społecznej w Polsce piastowskiej i jagiellońskiej. Lublin, 2002. S. 225–240, 250–253.

9 *Sobieski J.* Diariusz... S. 20.

10 Ibid. S. 21.

11 Ibid. S. 24; *Соловьев С. М.* История... Кн. V. С. 103.

12 «...u bramy zaszli mu wojewodowie i strzelcy kozaccy, i bojarowie, czołem bili, chorągwie pod nogi podali, o miłosierdzie prosili. Popi wyszli z krzyżami, z obrazami i posadcy ludzie, to jest pospólstwo, z chlebem i solą» (*Sobieski J.* Diariusz... S. 25, 28).

13 Ibid. S. 28.

14 2 января 1618 г. Собеский отметил, что «im naszym odpisali przez archiepiscopa smoleńskiego barzo groźną hramotę» (Ibid. S. 39). В тексте одной из грамот указано, что ее автором был В. Янов: «Takowa gramota posłana k Moskwie, sientiabra 19. dnia. Bozeiu miłostiu Wielikoho Hospodara Cara y Wielikoho Kniazia Władysława Zygmuntowicza wsieia Rusi, Jeho

Carskiego Wieliczestwo Dumnoy Diak Wasiley Janow w Moskowskoie Hospodarstwo Dumnym ludziem» (*Hirschberg A.* Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII: zbiór materyałów do historyi stosunków polsko-rossyjskich za Zygmunta III. Lwów, 1901. S. 377).

15 *Hirschberg A.* Polska a Moskwa... S. 377–379.

16 *Ibid.* S. 369; СГГид. С. 168; *Мельникова А. С.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М., 1989. С. 115–119. Таб. 4.

17 *Hirschberg A.* Polska a Moskwa... S. 372.

18 СГГид. С. 167–169.

19 *Sobieski J.* Diariusz... S. 92–94, 145, 162.

20 СГГид. С. 169–177. В соборной грамоте указан список защитников Москвы и постов, занимаемых ими в ходе осады города.

21 Осадный список 1618 г. / Сост. Ю. В. Анхимюк, А. П. Павлов. М., 2009.

22 Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг. Вып. 8: Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе 1610–1611 гг. / Ред. Л. М. Сухотин. М., 1912; Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1863. Т. 4: 1657–1659. С. 320–427.

23 *Думин С. В.* К истории развития ленного землевладения в Речи Посполитой в XVII веке (Смоленское воеводство в земельной политике династии Ваза) // Советское славяноведение. 1986. № 2. С. 45–57; *Флоря Б. Н.* Сведения о землевладениях русских дворян конца XVI – начала XVII века в материалах Литовской Метрики // Русский дипломатарий. М., 2001. Вып. 7. С. 403–414.

24 *Grala H.* «Ex Moscovia ortum habend». Uwagi o sfragistyce i heraldyce uchodźców moskiewskich w państwie polsko-litewskim w XVI–XVII w. // Rocznik Heraldyczny. 1999. № 4. S. 101–130; *Флоря Б. Н.* О родовом землевладении князей Трубецких во второй половине XVI – начале XVII века // Архив русской истории. М., 2002. Вып. 7. С. 102–106; *Polak W.* Emigranci moskiewscy w Polsce i na Litwie od połowy XV do początków XVIII wieku // Emigracja rosyjska: losy i idee / Red. R. Backer, Z. Karpus. Łódź, 2002. S. 181–194.

M. K. Jaworska
«Muscovite court» of Prince Wladyslaw Vasa in the years 1617–1618

On the basis of Polish and Russian primary sources the author of the article analyzes the social composition, political activity and importance of the «Muscovite court» of Prince Wladyslaw Vasa during his campaign to Moscow during 1617–1618.

Keywords: *Wladyslaw Vasa, Sigismund III, the Court of Tsar/Muscovite court, the Boyar Duma, dyak, Deulino, Trubetskoy, Saltykov, Time of Troubles.*

К. А. Кочегаров
(Москва)

Загадка «доноса» казацкого полковника Василия Дрозда на украинского гетмана Ивана Мазепу

В статье анализируется эпизод из монографии Н. И. Костомарова «Мазепа», повествующий о доносе на украинского гетмана И. С. Мазепу правобережного казацкого полковника В. В. Дрозда в начале 1708 г. Обратившись вновь к документам, которые использовал ученый, автор доказывает, что на самом деле указанные события произошли в 1691 г., будучи связаны с известным делом монаха Соломона, доставившего в Польшу фальшивые письма от имени Мазепы.

Ключевые слова: *Н. И. Костомаров, И. С. Мазепа, В. В. Дрозд, дело Соломона, русско-украинские отношения в конце XVII в.*

Монография «Мазепа» – без сомнения, одно из известнейших исторических произведений выдающегося представителя русской дореволюционной историографии Николая Ивановича Костомарова (1817–1885). Для своего времени она стала самым фундированным исследованием биографии гетмана и его политики, взаимоотношений с русским правительством, вводя в научный оборот множество новых фактов и неизвестных прежде историкам документов. Систематичность, с какой историк проработал переписку Мазепы с руководителями русских посольских дел – Ф. А. Головиным и Г. И. Головкиным – остается до сих пор непревзойденной в науке, а представленный им фактический материал уже более столетия является основой для исследовательского поиска многих поколений ученых.

Подобный поиск, при неизменном уважении к труду выдающегося предшественника, порой может принести и новые открытия, уточнения уже обнародованных фактов либо даже новые трактовки обнаруженных Н. И. Костомаровым источников. Одним из наиболее ярких примеров этого является излагаемая ученым история «доноса» Василия Дрозда, дошедшая, по его мнению, до сведения русского двора в 1708 г. Вот как автор излагает этот сюжет в уже упомянутом труде:

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 15-01-00229 «Русско-украинские отношения накануне измены гетмана И. С. Мазепы. 1704–1708 гг.».

«Явился снова доносчик, обличавший Мазепу в намерении изменить царю: это был новокрещенец рейтар Мирон, освободившийся из турецкой неволи. Он, прибывши в Киев, сообщил, что в Яссах виделся он с проживающим там Василием Дрозденком, сыном брацлавского полковника Дрозда, который, некогда будучи соперником Дорошенка, был последним взят в плен и расстрелян. Этот Василий Дрозденко говорил Мирону: “прошлого года находился я в Польше при короле Станиславе, именно тогда, когда прислан был туда бусурманский посланец. В это время явился к королю Станиславу какой-то чернец с письмом от гетмана Мазепы. Письмо это было читано при бусурманском посланце; говорили, что оно заключало такое обещание, что козацкие войска, вместе с польскими и крымскими, будут воевать против царских войск”. Доносчика отправили из Киева в Посольский приказ. Там говорил Мирон, что Дрозденко велел ему довести это до сведения царя ради единой православной веры и памятуя, что отец его был под державою московского государя брацлавским полковником. В Москве не поверили доносу, и государь послал гетману утешительную грамоту»¹. Н. И. Костомаров, однако, полагал, что «сообщение Дрозда заключало в себе истину», подтверждая факт секретной поездки осенью 1707 г. от гетмана Мазепы к Станиславу Лещинскому, шведскому ставленнику в Польше, некоего бывшего православного архиерея с Балкан, о которой сообщал в своем дневнике камергер Карла XII Густав Адлерфельд².

Упомянутый текст о «доносе» Дрозда Н. И. Костомаров подкрепил ссылкой и цитатой из «утешительной грамоты». Точного места нахождения документов историк не указал, ограничившись, как и во многих подобных случаях, информацией общего характера, что дело взято из подлинных бумаг «Архива иностранных дел» за 1708 г.³ В связи с этим проверить утверждение исследователя было сложно, и оно воспринималось в научной литературе как важное свидетельство тайных сношений И. С. Мазепы со Станиславом Лещинским и Османской империей на исходе 1707 г.⁴, о которых науке в общем-то мало что вообще известно.

Материалы, использованные Н. И. Костомаровым, действительно сохранились в черновиках писем Г. И. Головкина к И. С. Мазепе⁵. Однако их повторный анализ позволяет совершенно не согласиться с интерпретацией, предложенной историком. Документ представляет собой черновой отпуск царской грамоты к гетману. Сохранился он частично, без окончания и датировки, и, видимо, серьезно был поврежден уже тогда, когда с ним работал Костомаров, что и привело его к

ошибочной трактовке содержания источника. Текст, являющийся черновым вариантом царской грамоты гетману, написан двумя разными почерками, пестрит многочисленными зачеркиваниями и исправлениями (далее в цитатах специально не отмечены; в некоторых случаях восстановлены для более полного представления сути дела).

В соответствии со сложившейся практикой московского делопроизводства, в начале царской грамоты излагалось содержание послания Мазепы, на которое отвечало московское правительство. На обрывке первого листа сохранилось упоминание, что 14 января было получено гетманское послание «к [великим] государем» с гонцом, Никифором Лукьяновым⁶. Уже начало данного отпуска должно насторожить исследователя: «к великим государям» Мазепа мог писать лишь до 1696 г., когда умер соправитель Петра I, царь Иван V Алексеевич, а впоследствии – только к «великому государю». Из следующего, также сильно поврежденного листа следует, что киевский воевода Михаил Григорьевич Ромодановский прислал в Москву некие «сказки» Леонтия Полуботка с «наносами» на Мазепу. По этому поводу было проведено разбирательство, и Полуботок заявлял с «клятвою», что «таких наносов» он «нигде не гова[ривал]», в подтверждение чего Мазепа прислал в Москву и его оправдательное письмо. Тут опять следует отметить, что известно о нахождении М. Г. Ромодановского на воеводстве в Киеве в 1689 г.⁷, а Л. Полуботок, занимавший должность переяславского полковника в 1689–1690 гг. и отставленный как раз за некие речи против Мазепы, умер в 1695 г.⁸

Кроме того, Мазепа доносил «печаль свою» в связи с очередными «ложными наносами» некоего рейтара, выходца из «неволи бусурманской», заявлявшего, что гетман «будто б х королю полскому... имел на вредительство нашей государской богохранимой державы посылку». Мазепа должен был оправдываться, что подобное деяние ему «и на мысль... не приходило» и что он «от тех ложных поречений уязвлен непрестанными болезнями»; просил его «от таковых наветов и злобств свободити». Гетман предлагал российским властям доносчика, который «в первом роспросе своем ни малых слов» о нем «не сказывал, а потом, пожив три дни» явился со своими обвинениями к М. Г. Ромодановскому, «совершенно на Москве роспросить, истинно ль тое речь говорил он». Мазепа подчеркивал, что выходец из плена прибыл в Киев в компании других подобных же ему бывших невольников, однако от них никто речей с обвинениями в его адрес не слышал⁹. Таково было изложение полученной от украинского гетмана грамоты.

В свою очередь русское правительство информировало Мазепу, что 12 января в Москве была получена отписка Ромодановского с «распросными речами» упомянутого выходца – «киевского полку рейтара Мирона Новокрещенова, которого из неволи бусурманской привез в Киев немировский житель Андрей Тимофеев». Вот их изложение: «Как он, Мирон, был в полону и при нем, тому ныне десятая неделя, привезли в Белгородскую орду татаровя ис Полши взятого казацкого полковника Василья Васильевича сына Дрозда, которого тот же немировский житель окупил и оставил в Волоской земле в Ясах. И едуци дорогою, тот полковник приказывал ему, Мирону, известить в Киеве, как прошлого лета был он, Василей, при короле полском и при нем де у короля был хана крымского посланник. Да в то ж де время явился у короля некакой чернец с листом, бутто прислан з желателством» от Мазепы. Мирон не знал имени монаха. «И тот де лист, – писалось далее в царской грамоте, – в королевских полатах при крымском посланнике чтен вслух, в котором писано, есть ли б впредь нашим царского величества ратным людем лучилось итти войною на Крым, и тогда бы полским войскам итти с крымскими ордами и с казацкими полками сопча на наши царского величества войска, и говорено татарскому послу, что бывшей гетман (И. Самойлович. – К. К.) полской стране солгал, а нынешнему де бутто в том мочно верить». Сам Мирон Новокрещенов также был прислан в Москву и допрошен в Посольском приказе «с подкреплением». Русских дипломатов интересовало, «впрямь ли ему такие речи полковник Василей Дрозд сказывал» или рейтар говорил «по чьему научению». Присягнув на евангелии, допрашиваемый подтвердил, что его никто «не научал, а приказывал ему такие речи про намерение польской страны в Киев известить помянутой полковник Василей Дрозд с христианского желателства для единые православные христианские веры и памятуя отца своего крестное целование, а отец его бывал в прошлых годех под нашею царского величества державою на Украине бряславским полковником, и про то де полской державы неприятелское намерение, что б было ведомо, приказал ему известить он, Василей Дрозд, тайно наодине, помня к отцу своему наше царского величества жалованье»¹⁰.

На основе этого в Посольском приказе сделали следующий вывод: «а по тем рейтарским роспросным речам знатно явилось то, что сказывал ему тот Василей Дрозд про приезд в Полшу вора чернца Соломонка, которой в Полше объявился с воровскими составными изменными, под твоим, подданного нашего, имянем (то есть Мазе-

пы. – К. К.) листами и с подделною воровскою печатью», после чего к самому Мазепе «с писмом Иосифа Шумлянського подсылка Доморацкого была». «И как полская держава против того умыслила было поступить, – излагалось далее, – и о том тебе по нашей государской милости ведомо подлинно и с нынешним рейтарским распросом, что с ним Василей Дрозд наказывал, того чернца Соломона ложной состав согласен»¹¹.

Русское правительство утешало гетмана: «А о не о ином каком чернце и о писмах, и в том верности твоей себя изтызат и печали предават не доведетца». От имени великих государей ему заявлялось об «обнадеживании» и укреплении царской милостью, причем подчеркивалось, что в Москве «не поверено» обвинениям, поскольку «усердная служба и желателные радения» Мазепы хорошо известны. Гарантировалось, что гетману «низшие наносы и впред вредити же ни в чем не могут» и не отнимут у него государской милости. Цари жаловали его и «премилостиво похваляли» за «во всех делах верную и истинную службу и за всякие осторожности Малые Росии»¹².

«Мы, великие государи, наше царское величество, – говорилось в другом коротком, в один лист, фрагменте, написанном вторым почерком, – никаким возмутительным и ненавистным на тебя подданного нашего оболганиям и что будто бы какая была по твоему в полскую сторону намерению и желанию посылка, верити и подозрения в верной твоей нам, великим государем, нашему царскому величеству службе имети ныне и впред не изволяем и надежны, что того никогда от тебя, подданного нашего, не покажетца»¹³.

Далее текст продолжается вторым почерком. Его и процитировал в примечании Н. И. Костомаров: «Явно и истинно верность твоя свидетельствуетца, что ты, подданной наш, ни мало не задерживая ничего у себя, нам, великим государем, нашему царскому величеству о всем доносишь, и так мы, великие государи, наше царское величество разсуждаем, что тот помянутой Василей Дрозд наслышался о том чернце и о составных писмах ево, будучи при королевском дворе в то время, когда к тебе, подданному нашему, была злохитрая и лукавая с той стороны чрез Шумлянського подсылка по некакому зловымышленному и ненавистному злых людей подущению, чтоб в малороссийском народе замешание учинить, ведая и видя то и завиствуя тому, что мы, великие государи, наше царское величество изволяем иметь тебя, подданного нашего, з генеральною старшиною и с полковники и со всем народом малороссийским, в нашей государской милости без всякого подозрения и при помощи Божии ото всех

неприятелей в обороне. А ты, нашего царского величества подданной, служишь нам, великим государем, нашему царскому величеству верно и постоянно, и что всякое повеление доброе в Украине к славе доброй и к расширению государств наших с пожитком войску и народу малороссийскому исправляетца»¹⁴.

Таким образом, сохранившиеся тексты дают в руки историка достаточно свидетельств, чтобы однозначно заключить, что введенный в оборот Н. И. Костомаровым документ относится не к 1708 г., а связан с событиями, случившимися почти на двадцать лет раньше. Перед нами отголоски знаменитого дела монаха Соломона, которое неоднократно освещалось в научной литературе. В 1689 г. он приехал к польскому королевскому двору с поддельными письмами от гетмана Мазепы, якобы предлагавшего объединить усилия Крыма, Польши и украинского казачества в борьбе против России. В Варшаве вроде бы разоблачили самозванца, но на всякий случай решили отправить через посредство львовского православного епископа Иосифа Шумлянского в Батуриин специального посланника – монаха Климента Доморацкого. Однако тот был арестован Мазепой и отправлен в Москву, куда впоследствии польским правительством был выдан и «чернец» Соломон, заплативший головой за свою аферу¹⁵.

Полковник В. В. Дрозд стал, таким образом, свидетелем приезда Соломона к королевскому двору и обсуждения озвученных им планов с крымским посланником, либо (что более вероятно) узнал об этом от других придворных. Полученную информацию он передал рейтару Мирону Новокрещенову, а тот в свою очередь – киевскому воеводе М. Г. Ромодановскому. Это не на шутку встревожило Мазепу, который, совсем недавно получив булаву при явной поддержке русского правительства, и так должен был чувствовать себя крайне неуверенно в условиях интриг против него казацкой старшины (вспомним «наносы» Л. Полуботка) и дипломатического скандала с Польшей из-за миссии Соломона. Дознавшись каким-то образом о показаниях М. Новокрещенова в Киеве, гетман немедленно написал в Москву, чтобы упредить соответствующий рапорт Ромодановского, полученный в русской столице 12 января 1691 г. Мазепино послание пришло в Посольский приказ двумя днями позже.

Само дело о «доносе» В. В. Дрозда (включая отписку Ромодановского, допросные «речи» М. Новокрещенова, письмо Мазепы и другие документы), по-видимому, не сохранилось (по крайней мере, историками оно до сих пор не обнаружено), а упомянутые выше фрагменты отпуска царской грамоты к гетману ошибочно попали в бума-

ги за 1708 г. Труднее, однако, ответить на вопрос, почему Н. И. Костомаров столь превратно истолковал их. В самом деле, в его книге не только появляется упоминание Станислава Лещинского, которое в источнике совершенно отсутствует, но и текст опубликованной в примечании цитаты препарирован так, что оттуда оказались исключены все указания на более раннее происхождение документа: вместо «великие государи» напечатано «великий государь», исчезло упоминание о львовском епископе Иосифе Шумлянском¹⁶. Скорее всего, перед нами результат некоторой небрежности, допущенной великим ученым при работе с источниками, вполне простительной, особенно если учесть, что свою титаническую работу с архивными документами Костомаров вел уже в преклонном возрасте, после двух инсультов, страдая от болезни глаз. Текст же книги «Мазепа» под диктовку историка писала его жена, а опубликовали ее всего за три года до смерти автора¹⁷.

Возвращаясь к анализируемому выше источнику, следует подчеркнуть, что и в 1691 г. «донос» Дрозда не имел для Мазепы никаких последствий. Как оказалось, гетман, писавший о своей «болезни» и «печали», беспокоился напрасно. Царское правительство безгранично доверяло Мазепе, считая его человеком, преданным интересам и политике России, и полагая, что измены от него никогда «не покажетца». Впрочем, как известно, в этих своих прогнозах московские политики все же ошиблись.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Костомаров Н. И.* Мазепа // *Он же.* Исторические монографии и исследования. СПб., 1885. Т. 16. С. 338.

2 Там же. С. 333–334, 339.

3 Там же. С. 338–339.

4 *Шутой В. Е.* Позиция Турции в годы Северной войны 1700–1709 гг. // *Полтавская победа. Из истории международных отношений накануне и после Полтавы.* М., 1959. С. 128; *Станіславський В. В.* Иван Мазепа в таборі Карла XII: турецький вектор дипломатичної діяльності // *Український історичний журнал.* 2008. № 5. С. 39; *Кочегаров К. А.* Роль Ивана Мазепы в русско-турецких отношениях первой половины 1708 г.: поездка Згуры Стилевича к сераскеру Юсуфу-паше // *Україна в Центрально-Східній Європі.* Київ, 2010. Вып. 9–10. С. 174–175.

5 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 2. Л. 1–12.

6 Там же. Л. 1. Кусочек этого фрагмента при реставрации ошибочно попал на восстановленный лист № 3.

7 Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 104.

8 Павленко С. Оточення гетьмана Мазепи: соратники та прибічники. Київ, 2004. С. 164–167.

9 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 2. Л. 2–3.

10 Там же. Л. 3–7.

11 Там же. Л. 7–8.

12 Там же. Л. 7об. (вставка в основной текст на обороте листа), 8.

13 Там же. Л. 9.

14 Там же. Л. 9–12.

15 Наиболее всеобъемлющий фактический материал по делу Соломона представлен в книге польского историка-эмигранта А. С. Каминьского, использовавшего как русские, так и польские материалы. Впрочем, с тезисом исследователя, что Соломон будто бы был подослан московским правительством (В. В. Голицыным), чтобы скомпрометировать Яна III Собеского и возможно, И. С. Мазепу, вряд ли можно согласиться. См.: *Kamiński A. S. Republic vs. Autocracy. Poland-Lithuania and Russia, 1686–1697. Cambridge, Massachusetts, 1993. P. 201–228.*

16 Ср.: *Костомаров Н. И. Мазепа. С. 338–339.*

17 *Литвак Б. Г. «Гетман-злодей» // Костомаров Н.И. Мазепа. М., 1992. С. 12.*

К. А. Kočegarov

The mystery of a Cossak colonel Vasyl' Drozd's "delation"
about Ukrainian Hetman Ivan Mazepa

The article analyses the episode of N. I. Kostomarov's monograph "Mazepa" that narrates the story of a Right-Bank Ukrainian Cossak colonel Vasyl' Drozd's "delation" about Ukrainian Hetman Ivan Mazepa in the beginning of 1708. The author reanalyses the documents used by the researcher and proves that the events took place in 1691, being connected to the well-known case of monk Solomon who brought to Poland letters falsely attributed to Mazepa.

Keywords: *N. I. Kostomarov, I. S. Mazepa, Vasyl' Drozd, the case of Solomon, Russian-Ukrainian relations in the end of the 17th century.*

*А. В. Ганин
(Москва)*

К вопросу о датировке смерти русского военного агента в Черногории генерала Н. М. Потапова

В сообщении уточняется дата смерти выдающегося русского военного деятеля, военного агента в Черногории генерала Н. М. Потапова.

Ключевые слова: *Н. М. Потапов, Черногория, военный агент.*

До сих пор оставался открытым вопрос о дате смерти одного из ключевых военных деятелей России первой четверти XX века, русского военного агента в Черногории (1903–1915), а позднее – начальника Генерального штаба и участника знаменитой операции «Трест» генерал-лейтенанта старой армии Николая Михайловича Потапова. Было известно, что родился он в Москве 2 марта 1871 г. и умер там же в феврале 1946 г.¹ К сожалению, никаких более конкретных данных в распоряжении исследователей не имелось.

Знакомство с родственником Н. М. Потапова профессором В. В. Плошкиным позволило летом – осенью 2016 г. установить истину в этом вопросе, устранив, таким образом, еще одно «белое пятно». Обратившись в связи с подготовкой энциклопедической статьи о Н. М. Потапове к В. В. Плошкину за уточнением даты смерти генерала, я не предполагал, что поиски перерастут в настоящее расследование.

Документы семейного архива первоначально не внесли ясности в затронутый вопрос. Так, в родословной Потаповых, составленной племянником генерала А. С. Потаповым, в качестве даты смерти был указан март 1946 г.

Имелись и другие нестыковки. В архиве Новодевичьего кладбища, на котором похоронен Потапов, сохранилось заявление Л. Н. Потаповой на имя управляющего трестом похоронного обслуживания: «Прошу Вашего разрешения на погребение урны отца моего – Николая Михайловича Потапова – согласно его воле, в могиле его первой жены и моей матери, похороненной на Новодевичьем кладбище...»² Однако документ датирован 9 октября 1947 г. – то есть полтора с лишним года спустя после известной датировки смерти генерала. Ту же датировку имела резолюция на заявлении с предписанием захоронить урну. Дата похорон на обороте заявления – 14 октября 1947 г.

Возник вопрос, верна ли изначальная датировка смерти генерала Потапова – февраль 1946 г. Тем более что на могиле генерала даты не указано и похоронен он вместе со второй супругой.

По моей просьбе В. В. Плошкин как родственник Потапова подготовил и направил необходимые архивные запросы. В результате из ГБУ «Ритуал» была получена справка о том, что тело Потапова кремировано 28 февраля 1946 г. Донским крематорием, но сведения о дате смерти в их архиве отсутствовали³. Точку в поисках поставили документы Таганского ЗАГС, предоставившего повторное свидетельство о смерти генерала, согласно которому он скончался в Москве 25 февраля 1946 г.⁴

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. М., 1998. Кн. 1. С. 278; Потапов Н. М. Русский военный агент в Черногории. М.; Подгорица, 2003. Т. 1. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг.; *Сергеев Е., Улунян А.* Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900–1914. М., 2003. С. 443; *Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 315; *Алексеев М. А., Колпакиди А. И., Кочик В. Я.* Энциклопедия военной разведки. 1918–1945 гг. М., 2012. С. 625; *Каширин В. Б.* Дозорные на Балканах: Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2014. С. 257.

2 Копия документа предоставлена В. В. Плошкиным.

3 Справка ГБУ «Ритуал» от 18.08.2016 // Архив В. В. Плошкина.

4 Копия свидетельства предоставлена В. В. Плошкиным.

A. V. Ganin

On the date of death of the Russian military attaché in Montenegro
general N. M. Potapov

The article provides a more precise date of death of the outstanding
Russian general, military attaché in Montenegro N. M. Potapov.

Keywords: *N. M. Potapov, Montenegro, military attaché.*

М. М. Фролова
(Москва)

Исламизация христианского населения Западной Македонии. 1861–1876 гг. (по донесениям русских консулов)

В статье на основании исследования донесений русских консулов из Битола (1861–1876) впервые в историографии освещается процесс исламизации христианского населения Западной Македонии, раскрываются методы его осуществления, описываются попытки русских консулов оказать помощь и защиту тем христианам, которые были насильственно понуждаемы к принятию ислама.

Ключевые слова: *хатт-и хумаюн 1856 г., исламизация, Битола, М. А. Хитрово, Н. Д. Якубовский, В. А. Максимов.*

Исламизация христианского населения Балканского полуострова остается в историографии сложной и актуальной проблемой, не до конца разрешенной специалистами¹. Без сомнения, внимание ученых более сосредоточено на изучении этого процесса в период османских завоеваний и до XVIII в. включительно. Однако процесс исламизации не исчез и в XIX в., несмотря на провозглашение Танзимата (реформ) Гюльханейским хатт-и шерифом 1839 г. и на подтверждение на французский манер свободы совести и вероисповедания хатт-и хумаюном 1856 г., что отражено в многочисленных сборниках документов, изданных болгарскими историками². При этом из целого комплекса такого важного источника, как донесения русских консулов, в научный оборот введен только известный архив пловдивского вице-консула Найдена Герова³. Скудость, вернее, практическое отсутствие сведений о процессе исламизации в Западной Македонии в период 1856–1876 гг. не позволили болгарскому профессору П. Петрову осветить эту тему в его фундаментальном исследовании «Съдбоносни векове за българската народност» (София, 1975).

К сожалению, публикация такого ценного источника, как донесения австрийских консулов из Битола за период 1851–1877/78 гг.⁴, не исправила положения и не заполнила лакуну. Австрийских дипломатов этот вопрос не интересовал. Лишь однажды вице-консул П. Окули 19 мая 1864 г. сообщил о курьезном случае, как один грек, родом из Афин, выдававший себя за врача, принял ислам. Долгое время он находился в Водене и тщетно пытался распространять атеизм среди

местного христианского населения. Прибыв затем в Битолю и не сумев найти здесь пациентов, он решил вернуться в Грецию, но оказался в таком «окаянном» положении, что не мог даже заплатить таксу за выдачу паспорта, которую надлежало уплатить греческому вице-консулу. Как известно, при добровольном переходе в ислам новообращенные получали довольно приличное денежное вознаграждение и комплект одежды⁵. И грек беззастенчиво воспользовался этим правилом. Он заявил генерал-губернатору Битолы хаджи Али-паше о своем желании стать мусульманином, о чем немедленно уведомили греческое вице-консульство. Поправив таким образом свое материальное состояние, «новый мусульманин» исчез из города до начала курбан-байрама⁶. Этот в принципе единичный случай, на наш взгляд, относится скорее к одному из вариантов «контакта» западноевропейской цивилизации периода развития в ней идеи нигилизма с традиционным мусульманским обществом Османской империи, еще не вполне готовым к такому циничному прагматизму.

В отличие от австрийских коллег, которых, как видно, мало волновал вопрос перехода христиан в ислам, русские дипломаты в Битоле много внимания уделяли сбору сведений подобного рода. В настоящей статье на основе исследования донесений русских консулов из Битолы впервые делается попытка осветить процесс исламизации в Западной Македонии в период 1861–1876 гг.

Значительная часть Македонии тогда входила в Румелийский или Битольский эялет, административным центром которого являлся город Битола (Монастир). Здесь располагались резиденция вали (генерал-губернатора), Главная квартира Военного командования Румелии и митрополия Пелагонийской епархии. Здесь были учреждены дипломатические представительства Австрии, Франции, Англии, католическая миссия Св. Лазаря. В 1861 г. в Битоле появилось и русское консульство. Благодаря сосредоточению значительного количества турецких чиновников, офицеров, богатых беев в Битоле процветала торговля, население его множилось, и, по свидетельству современников, к началу 60-х годов XIX в. «во всех отношениях он стал первым городом в Македонии и центром всей Западноевропейской Турции»⁷, «вливающим на всех болгар Северо-западной Македонии и Албании»⁸.

Круг обязанностей российских консулов на Балканах был гораздо шире привычных функций по исполнению этой дипломатической должности. Согласно инструкциям МИД России в него входили наблюдение за практическим исполнением статей хатт-и хумайюна

1856 г., объявившего полное равенство прав всех подданных султана и обещавшего проведение реформ, а также оказание действенной защиты и поддержки христианам – подданным султана, так как Россия не желала, чтобы христианское, а главное, православное население на Востоке пришло в упадок под натиском турок⁹. Для Македонии данное положение инструкции МИД России от 14 июня 1856 г. было весьма актуальным ввиду того, что этот регион принадлежал к наиболее смешанным в этническом отношении районам Балканского полуострова¹⁰.

Мусульмане Османской империи в течение веков воспитывались религией, всем укладом жизни в убеждении, что они превосходят немусульман, поэтому они привыкли свысока и с презрением относиться к христианам, любое упоминание о равных правах с ними встречалось с нескрываемым негодованием и подчас приводило к кровопролитию. Так, 28 сентября 1864 г. при вступлении в должность генерал-губернатора Битольского эялета Хюсни-паша в присутствии созванных мудиров, многих митрополитов, членов меджлиса и городских старшин как Битолы, так и других городов и множества собравшегося народа произнес речь, в которой он указал на жалкое положение всей провинции и заявил о своем намерении проводить политику реформ. Хюсни-паша обратился к мудирам с упреками за небрежность и нерадение в исполнении их служебных обязанностей и высказал недовольство турецкому населению за его ненависть к христианам, за убийства и насилия. «Он привел цитаты из Корана, что христиане поручены Богом мусульманам в виде залога и их надо как рабов защищать и не притеснять»¹¹. Слова Хюсни-паши произвели на христиан довольно благоприятное впечатление, появилась даже робкая надежда на улучшение своего положения, поскольку в бытность свою генерал-губернатором Салоник он сумел в этом крае навести некоторый порядок – обуздать разбойников и несколько смирить албанских беев.

Однако наставления Хюсни-паши об ином отношении к христианам не только не возымели никакого действия на мусульманское население, но произвели совершенно противоположный эффект, о чем свидетельствовало убийство папы (попа) Стояна, наместника дебарского митрополита Геннадия. Священник во всеуслышание на чарши (рынке) Дебара разъяснял на болгарском языке эту речь нового вали, особо отмечая, что «отныне мусульмане не будут распоряжаться жизнью и имуществом христиан, и каждый может получить то, что ему следует по праву»¹². Через несколько дней в Битолу при-

вели убийцу, а его соумышленники в отместку напали на село Луково, в приходе которого состоял священник, и отбили 500 голов овец. Эти факты указывали на озлобление мусульман, вызванное слабыми попытками христиан заявить о своих правах, а также удостоверили, что албанцы «нелегко откажутся от права своей вольницы и не скоро покорятся воле правительства»¹³, – писал секретарь русского консульства в Битоле Е. М. Тимаев Н. П. Игнатьеву, российскому посланнику в Константинополе.

Реформы в Македонии, включая вилайетскую реформу 1867 г., исполнение ираде (султанского рескрипта) от 20 сентября (2 октября) 1875 г. и фирмана от 30 ноября (12 декабря) того же года приводили к созданию новых институций, имевших «все наружные признаки прогрессивности и либеральности, способные служить маской перед Европой»¹⁴, но их сущность оставалась прежней, так как в реорганизованных меджлисе, судах заседали все те же мусульмане-фанатики, известные своими прежними злоупотреблениями. Члены-христиане по-прежнему оставались безгласными в меджлисах, и «вся их обязанность состояла в том, чтобы прикладывать свои печати ко всем решениям»¹⁵. Турецкие чиновники воспринимали все султанские указы «о соблюдении справедливости и возможной в Турции законности» с усмешкой, поскольку хорошо знали, что ничто не изменится, пока будет существовать «теперешний порядок в принципе»¹⁶. Российские консулы с тревогой писали, что в регионе поощрялось «восстановление религиозного духа мусульманского населения и обеспечение бесспорного преобладания мусульманского элемента над христианским»¹⁷.

Беззащитность христианина перед законом, несостоятельность свидетельств христиан перед судом, бесконечные поборы и увеличение налогов, униженное состояние и полная бесправность усугублялись тяжелой криминальной обстановкой. Турецкая администрация региона не могла справиться с шайками разбойников, которые опустошали край, и обеспечить защиту жизни и имущества христиан. Анархия и беспредел, наводившие повсюду ужас и отчаяние, усиливались во время частой смены вали. Жертвами насилий и грабежей чаще всего бывали безоружные христиане, так как они не имели права защищаться. Христианин знал, что за убийство турка, даже в результате обороны своей собственной жизни, он никогда не найдет оправдания перед турецкими судьями. Для этих мест часты были оскорбления веры и поругание православных святынь. «Мы народ убитый... Мы должны прятаться, мы должны кланяться, и ежечасно ждем, что нас

убьют или ограбят...»¹⁸ – говорили христиане русским путешественникам – известному слависту А. Ф. Гильфердингу и его спутнице М. Ф. Карловой, объехавшим в 1868 г. Македонию и Албанию¹⁹.

В сведения о преступлениях против жизни и имущества христиан русские консулы включали информацию о фактах перемены христианами своей веры на ислам. Так, по приезде в Битолу в марте 1861 г. первый русский консул М. А. Хитрово сразу обратил внимание на очень частые случаи обращения христианок в магометанство, что отнюдь не соотнобразывалось с провозглашенной хатт-и хумайюном 1856 г. в статье VIII свободой совести, в соответствии с чем всякий имел право исповедовать веру, какую хочет, и никто не должен был быть «вынуждаем к перемене своей религии»²⁰. Однако либеральная свобода выбора религии в предписании султана на деле оказывалась не просто «мертвой буквой», но серьезным средством усиления мусульманского прозелитизма.

Пелагонийский митрополит Венедикт объяснял это явление изменением правил в процедуре перехода в ислам. До 1860 г. обычаи предоставляли епископу право брать в митрополию христианку, желавшую принять мусульманство, и по истечении трех дней искуса и духовного наставления он приводил ее в меджлис, где она заявляла о своем намерении и окончательном решении. Впрочем, Н. Геров считал, что и «тогда не многих можно было отклонить», так как их посылали в митрополию «с заптие, которые постоянно находились при них и своим присутствием мешали делать им нужные увещания»²¹. Однако митрополит Венедикт уверял, что он прежде вовсе не довольствовался 3-дневным испытанием и выдерживал христианок у себя в доме целые месяцы, поэтому многих ему удавалось отговорить от совращения. Митрополит также утверждал, что благодаря прежней практике 65 христианок из 70 оставались в православной вере. По новым же правилам епископ лишался этой возможности: ему позволялось говорить с намеревавшимися перейти в ислам в присутствии родственников и жандармов за час до допроса в меджлисе, причем девушки или женщины были уже одеты в турецкое платье²². Понятно, что в этих условиях ему сложно было что-либо изменить. Таким образом, делал вывод Хитрово, самый закон явно покровительствовал этим обращениям, а та поддержка, которую они всегда встречали со стороны турецких властей, должна быть приписана именно религиозному прозелитизму²³.

С другой стороны, Хитрово и сменивший его на дипломатическом посту в 1865 г. Н. Ф. Якубовский постоянно отмечали равно-

душие Венедикта и бездействие при самой процедуре обращения в мусульманство. Якубовский подчеркивал, что обращение в ислам было в интересах турецких беев и, как это ни покажется странным, «в личном интересе» Венедикта, который не желал своим противодействием раздражать фанатика Халиль-бея. Последний имел в Битоле такую силу, что правительственный авторитет, в который был облечен генерал-губернатор хаджи Али-паша (1862–1864), совсем терялся. К приверженцам Халиль-бея принадлежали многие другие беи, а также и сам митрополит²⁴.

Русские консулы всегда различали добровольное и насильственное обращение в ислам. Без сомнения, встречались факты перемены веры по искреннему чувству. Известный писатель и философ К. Н. Леонтьев, прослуживший много лет консулом на Балканах, описал в одной из своих повестей цикла «Из жизни христиан Турции» трогательную любовь христианской девушки Хризо к молодому турку Хафузу и ее решимость принять другую религию несмотря на все мольбы и уговоры ее родителей, пришедших в отчаяние от такого ее шага.

Нередко девушки или женщины добровольно изъявляли желание перейти в ислам, соблазнившись подарками, заманчивыми и лстивыми обещаниями, на которые они поддавались в надежде облегчить свою участь. Однако чаще девушки и женщины давали свое согласие, испытывая чувство страха как за своих родственников, так и перед медресом, где, как подчеркивал Якубовский, митрополит Венедикт «с равнодушием и апатией смотрит на подобные обращения»²⁵.

Кроме того, в ислам добровольно переходили в такие моменты, когда имела очевидная угроза для жизни, или при неблагоприятных стечениях обстоятельств. Так, в начале января 1864 г. ислам принял православный священник папа Григорий (Хитрово именовал его папа Георгий). Его история весьма примечательна. В 1851 г. преспонский митрополит Дионисий рукоположил его в диаконы, через несколько лет – в священники. Папа Григорий купил приход за 8 тыс. пиастров, или 80 лир, при этом он проживал в монастыре Джурджи в Демир-Иссаре (совр. г. Сидирокастро) Преспонской епархии. Однако в 1860 г. в Преспонскую епархию был назначен новый митрополит Мелетий, который решил отобрать у папы Григория его приход, но сначала удалил его из монастыря, лишив «накопленного за годы существования». Папа Григорий стал жить на одни доходы со своего прихода, где выстроил дом. Но митрополит Мелетий не оставил священника в покое: по его наветам папу Григория посадили в тюрьму, из

которой его освободили прихожане. Митрополит не уgomонился и продолжал преследовать папу Григория: теперь он был посажен в госпиталь в Крушево. Прихожане вновь вступились за своего попа, умоляя митрополита Мелетия умерить свой гнев. Но он им ответил, что только тогда оставит священника в покое, когда тот примет мусульманство. Папа Григорий убежал из госпиталя, а митрополит донес паше, будто священник писал «возмутительные листки к окрестным жителям». В тюрьме Битола, куда его вновь упрятали, папа Григорий «протрадал целый месяц», «совершенно не зная за собою никакого проступка». Затем к нему «пришел какой-то человек и объявил», что он обвинен владыкой как возмутитель, и потому его жизнь в опасности. «Это известие поразило меня до того, что я совершенно пал духом, и с отчаянием о моей жизни мне пришла грешная мысль изменить моей вере и тем спастись от преследований и гонений митрополита»²⁶, – писал впоследствии (в 1865 г.) папа Григорий. Хитрово сообщал в донесении от 16 января 1864 г., что папа Григорий, потеряв терпение и надежду, решил изменить вере под воздействием увещаний турок²⁷. Дело в том, что христианин, заключенный в тюрьму по подозрению, был «гораздо несчастней уличенного преступника», поскольку тот при осуждении получал срок. Христианин, взятый по подозрению, пребывал в тюрьме неопределенное время и нередко там и умирал²⁸. Это обыкновение турецкой судебной системы не мог не знать папа Григорий, решившийся на отчаянный шаг.

Известный публицист Р. Жинзифов, сотрудник газеты «День», издаваемой славянофилом И. С. Аксаковым в Москве, в одном из своих очерков также рассказал об этом вопиющем факте, который произошел по вине митрополита. Когда на турецком меджлисе Битола, в присутствии паши, а также битольского и охридского (преспонского) митрополитов, т. е. Венедикта и Мелетия, Григорию было позволено принять ислам, он, сняв с головы свой клобук, бросил его в сторону митрополитов и сказал: «Пусть Бог рассудит меня и вас; вы меня заставили совершить этот грех»²⁹. Хитрово писал: «Теперь под именем Ибрагима-эфенди он пользуется особенным уважением и покровительством здешних значительнейших турок, которые весьма ценят его торжество как обращение в ислам православного священника»³⁰. Ибрагим-эфенди, располагая новыми возможностями как мусульманин, не замедлил ими воспользоваться и соблазнить молодую вдову Марию Петро, которая вышла за него замуж и также переменяла веру (донесение от 25 января 1864 г.). Правда, Хитрово считал нужным при-

вести мнение о ней греческого вице-консула в Битоле Андреаса, согласно которому вдова не отличалась примерным поведением и жила гражданским браком с несколькими лицами подряд³¹.

Однако жизнь ренегата Ибрагим-эфенди не заладилась, и уже через год, 4 июля 1865 г., российский посланник в Константинополе Н. П. Игнатъев получил прошение из Битолы, в котором бывший папа Григорий, подробно рассказывая о непростых обстоятельствах, приведших его к измене отцовской вере, в чем он искренне раскаивался, просил позволить ему вместе с женой отправиться в Россию, чтобы вновь сделаться христианами. Он боялся мщени и злобы мусульман, поэтому считал невозможным произвести возврат в православие в Битоле или даже в Константинополе³².

Вызывает уважение и восхищение стойкость духа буфского священника Константина и его соратников Стояна и Настю кираджи из Джоржи, которых бросили в тюрьму в 1862 г. Без суда и следствия они провели в застенках Битолы 7 лет, в течение которых поп Константин совершал в тюрьме требы и был духовником всех арестантов, и никто из них не переменял веры, как это случалось прежде. Попу Константину турки неоднократно предлагали принять ислам, обещая за это свободу, но он каждый раз отказывался. Христиане Битолы смотрели на буфского священника не как на преступника, а как на мученика³³.

Однако число насильственно обращенных в ислам было несравненно больше. Русские дипломаты отмечали значимое возрастание случаев обращения христианок в ислам в период рекрутских наборов. Рекрутская повинность более, чем налоговый гнет, подрывала хозяйство мусульман, поскольку, забирая на службу лучших работников, власти лишали его рабочих рук. Хитрово во время своего путешествия по Охридскому каймакамлыку в 1864 г. отмечал крайнюю бедность мусульман-албанцев: «В христианских селах путешественник еще может надеяться найти необходимое, зато в албанской деревне часто не найдет он даже и куска хлеба, и крынки молока»³⁴. В случае войны почти все албанское мусульманское население должно было покидать свои поля и дома. После окончания войны уцелевшим воинам приходилось с удвоенной энергией браться за пошатнувшееся в их отсутствие хозяйство.

Избавление от рекрутской повинности мусульманин получал при обращении христианина в ислам. При этом он еще всегда пользовался особенным уважением своих единоверцев. Эта личная выгода развивала особенную деятельность в преследовании христианок.

В средствах они не стеснялись: похищали, уводили обманом или силой в безопасные места, где держали до тех пор, пока угрозой и истязаниями не вынуждали принять новую веру.

Особенно часто имели место случаи перехода в ислам в тех районах, где было многочисленно мусульманское население, и в тех населенных пунктах, которые были удалены от торговых путей. Так, например, в нахии Тыквешской, известной грабежами, разбоями и фанатизмом местных мусульман, христиане, по наблюдениям Хитрово, находились в самом жалком состоянии, и здесь похищали христианских девушек чаще, чем в других местностях.

Как упоминалось выше, сообщения о подобных случаях русские консулы помещали в сводках о разбоях в крае. Вот небольшой их перечень:

В начале августа 1862 г. из с. Дреново в горы были уведены разбойниками, дреновскими же турками, девушка Митца и 45-летняя женщина, мать 6 детей. Около 2 месяцев они находились в руках разбойников. 27 сентября их привели в Битолу, и здесь они были обращены в ислам. Местные власти поспешили признать законность их обращения³⁵.

22 августа 1862 г. турок из Тыквеша был взят в рекруты, но, желая избежать своей участи, похитил из с. Дреново девушку Яну Витанову и обратил ее в ислам. Обращение было признано законным, а турок был освобожден от рекрутства³⁶.

14 февраля 1863 г. свадебный поезд из Крушево отправился в другое село. По дороге несколько турок отбили невесту. Ее обратили в ислам и привели в Битолу, где она в присутствии паши объявила, что она была и всегда будет христианкой. Несколько человек были посажены в тюрьму, а отпущенная девушка, – докладывал секретарь консульства Тимаев, – «не знает, как ей безопасно возвратиться в родное село»³⁷.

В январе 1864 г. по просьбе родителей в Битольский меджлис была приведена к опросу христианская девушка, похищенная турками из с. Шутово Крчевской каза для обращения в ислам. Как только при входе в меджлис она увидела своего отца Станче, она сбросила яшмак и фередже (вуаль и верхнее платье турчанки), кинулась к нему на шею и стала громко кричать, что ее удерживают насильно в турецком доме, что она христианка и хочет возвратиться к родителям. Это случилось в присутствии значительного стечения народа и было истинной демонстрацией, вряд ли приятной туркам. В меджлисе Менка смело повторила, что она желает остаться в христианстве. Заявление было слишком публичным, и турки должны были покориться, и тем не менее, девушку отослали на

24 часа в дом кади. Несмотря на угрозы и убеждения, она выдержала это испытание, и только затем она была возвращена родителям³⁸.

В 1867 г. в Морихово турок похитил замужнюю женщину, скрывал ее у себя 3 недели. Производя над нею всякого рода бесчинства и насилия, наконец, вырвал у нее согласие на обращение в ислам. Он представил ее в меджлисе Битолы, надеясь получить если не некоторые льготы, то, по крайней мере, благодарность за обращение христианки. Но женщина в присутствии всех членов меджлиса с отчаянием стала раздирать на себе одежду и с воплями объявила, что она обесчещена и изнасилована. Христианку отпустили. Турка посадили в тюрьму, «но он надеется, – писал Якубовский, – что его скоро отпустят»³⁹.

Чтобы избежать подобных нежелательных для мусульман разоблачений, строптивых и непокорных христианок просто не приводили в меджлис. При малейшем сомнении или неуверенности в успехе турок подговаривал какую-либо турчанку, которая являлась в меджлис вместо христианки. Турецкая одежда и покрывало лишали возможности обличить подмену присутствующим родственникам похищенной христианки. А снять покров с женщины, которая пришла в меджлис с целью заявить о желании быть мусульманкою, было противозаконно. Таким образом совершался обряд обращения, и «жертва личных видов и фанатизма» оставалась в неволе⁴⁰. О злоупотреблениях при принятии ислама сообщал и А. Е. Лаговский, российский вице-консул (1861–1863), консул в Салониках (1864–1869). Он доносил, что в 1867 г. значительно усилилась мусульманская пропаганда, и число девушек, похищенных из домов родителей, возросло⁴¹.

Процедура перехода в ислам в меджлисе шла по накатанному сценарию и за небольшими исключениями проходила быстро, легко, не встречая никаких препятствий со стороны власти и присутствующих в меджлисе. Совсем иначе обстояло дело, если необходимо было признать принятие христианства. 17 июня 1868 г. 16-летняя еврейка Сара Йосель добровольно явилась в битольский меджлис и объявила о своем желании принять православное вероисповедание. Ее послали в митрополию, где в присутствии хахам-баши (главного раввина города) она подтвердила свое намерение. Однако 21 июня по приказанию генерал-губернатора Акиф-паши для увещевания ее привели к Халиль-паше, у которого она оставалась до 24 июня. Затем ее вновь вызвал Акиф-паша, и опять она выразила желание стать христианской. Тогда муаввин (помощник) паши Логадис и Челеби Костаки, зять митрополита Венедикта, замещавший его во время пребывания

в Константинополе, призвали ее не принимать православие, а сделаться мусульманкой. Сара не соглашалась, и тогда ее отдали еврею Аврааму-ефенди. Находившийся в Битоле Сисанийский митрополит Александр сообщил Якубовскому о своем жарком объяснении с Челеби Костаки, которого предупредил, что обо всем подробно донесет Вселенскому патриарху и что имеет право потребовать Челеби Костаки на духовный суд как христианина, забывавшего свой долг и поступавшего против правил православной церкви⁴².

Едва не поплатился своей жизнью дебарский митрополит Анфим, когда 21 июля 1876 г. к нему в митрополию в сопровождении булочника (из христиан) пришли две ренегатки, пожелавшие возвратиться в христианскую веру. Митрополит посоветовал девушкам подать о том просьбу турецким властям. Они отказались, не без основания заявив, что боятся подвергнуться наказанию со стороны самой же администрации, а равно и мщения частных лиц. Митрополит Анфим был вынужден взять на себя инициативу ходатайства о переходе в православие. Он намеревался идти к паше. Слух об этом обстоятельстве, соединяясь с молвой о намерении митрополита насильственно обратить в христианство мусульманок, собрал перед митрополией сотни вооруженных дебарцев, грозившихся убить Анфима. По словам митрополита, толпа насчитывала не меньше 2000 человек и состояла из жителей Дебара и башибузуков, проходивших в то время через город⁴³. Следует подчеркнуть, что митрополит не преувеличивал. В связи с восстанием в Герцеговине и событиями в Сербии по приказу из Константинополя администрация Битолы должна была спешно набрать из Средней Албании 20 000 башибузуков, за выполнение этого поручения взялся пользовавшийся авторитетом Илиас-ага, для чего отправился в Охрид и Дебар⁴⁴. В Битолу пришла информация о том, что кровопролитие было остановлено благодаря вмешательству мутессарифа, подоспевшего с жандармами, которые проводили митрополита под стражей в конак.

Однако события развивались иначе, что стало известно из рассказа самого митрополита Анфима. Несмотря на яростные крики толпы, он вышел из митрополии. Едва он сделал несколько шагов, раздались выстрелы. Одна пуля пробила ему платье, не нанеся раны. Старец упал, его подняли с земли сопровождавшие его спутники – священник и кавас, которые втолкнули его в турецкий дом, принадлежавший заптие, откуда он, переходя дворами из одного дома в другой, добрался до конака и пробыл там 3 дня. В течение всего этого времени в городе продолжались волнения. Мусульмане требовали

голову архиерея. В конце концов они склонились на увещевания и угрозы мутессарифа, который грозил вызвать из Скутари (Шкодера) войска. К тому же из города ушли башибузуки. Помогло также вмешательство влиятельного бея Илиаса-ага. Заступничество, которое митрополит нашел среди самих мусульман, объяснялось установившимся в Дебаре обычаем, в силу которого каждый из зажиточных христиан, кроме уплаты всевозможных государственных повинностей, давал какой-либо влиятельной албанской семье дань и приобретал таким образом покровительство целого фиса (албанского рода или клана). Убийство такого христианина повлекло бы за собой столкновения между самими албанцами. Впрочем, возмущенным мусульманам обещали предать суду Анфима, которого отправили в Битолу. Сюда были присланы и обе ренегатки, и началось следствие. Несколько человек христиан, замешанных в это дело, были посажены в тюрьму⁴⁵.

Русские консулы, в отличие от своих коллег, дипломатов из Англии и Австро-Венгрии, воспринимавших исламизацию христиан как данность Османской империи, не только собирали сведения о фактах перехода в иную веру, изучали причины этого явления, но и пытались воспрепятствовать подобной практике. Сложность заключалась в том, что они не имели права вмешиваться в дела турецкоподданных. Им было позволено наблюдать и докладывать о несправедливостях, нарушениях, преступлениях, злоупотреблениях, совершаемых в регионе, вверенном им для наблюдения. Как русские консулы могли помочь, например, священнику папе Арсо из села Скачанци, который приехал в Битолу с жалобой на то, что турок Кара-паша силою похитил его 16-летнюю дочь и 15-летнюю племянницу для обращения в ислам?⁴⁶

И тем не менее, российские дипломаты вступались за христиан Македонии. В ноябре 1861 г. из Флорины была похищена женщина в зрелом возрасте, имевшая 4 детей, и привезена в Битолу. Случайно было обнаружено место, где держали эту несчастную. Несколько христиан ее освободили, и она немедленно пришла в русское консульство. Хитрово поспешил проводить ее в митрополию, обещав принять энергичное участие в устройстве ее участи. О своих действиях он немедленно донес в императорскую миссию в Константинополе, чтобы и из столицы Турции пришло подкрепление⁴⁷.

При добровольной перемене веры христианок, имевших малолетних детей, подчас возникали сложные ситуации. Так, в июне 1861 г. вдова христианина вышла замуж за турка, приняла магоме-

танскую веру и пожелала сделать турчанкою свою 8-летнюю дочь от первого брака. Отец этой женщины не был согласен с ее решением и обратился к митрополиту с просьбой отдать внучку ему для воспитания в христианской вере, в которой она была крещена. Просьба старика не была уважена на том основании, что будто бы по закону требовать ребенка в таком случае могут лишь родственники умершего отца; а они отказались от прав на ребенка из боязни турок. Хитрово констатировал: «И так бывает всегда, если закон и предоставляет кое-какие права христианам, то они большей частью сами принуждены от них отказываться, сознавая, что пользование ими не пройдет им безнаказанно»⁴⁸.

Но изредка возникали ситуации, когда можно было воспрепятствовать обращению в ислам несовершеннолетних детей. Тогда русские консулы всегда вмешивались и действовали очень напористо. В начале 1864 г. Хитрово удалось убедить своих коллег из Англии и Австрии выставить генерал-губернатору хаджи Али-паше коллективное требование не допустить обращения христианского мальчика в ислам. Его мать, вдова, вторично вышла замуж за мусульманина и захотела «потурчить» своего 8-летнего сына от первого брака с греческим подданным. Сначала паша отверг требование греческого вице-консула выдать ему ребенка для воспитания в православии семьей его отца. Только вмешательство Хитрово, организовавшего коллективную акцию дипломатов, заставила пашу согласиться передать мальчика до решения этого дела в Константинополе в английское консульство, поскольку в Битоле у ребенка не имелось родных. В тот день, по рассказам мальчика, был запланирован обряд обрезания. Хитрово подключил к делу спасения ребенка и императорскую миссию, которая сообщила, что министр иностранных дел Аали-паша отправил приказ оставить мальчика как малолетнего в руках его христианских родственников. Однако вали хаджи Али-паша объявил, что мальчик до совершеннолетия должен оставаться с матерью. Английский консул Кальверт вначале разделял мнение Хитрово о том, что ребенок не должен быть выдан туркам, пока не будет решен вопрос о его подданстве. Но затем во время встречи с пашой он неожиданно для всего дипломатического сообщества Битолы согласился отдать ребенка туркам под тем предлогом, что его греческое подданство еще не доказано. Хотя с самого начала хаджи Али-паша не соглашался передать мальчика митрополиту, ссылаясь на то, что он как иностранный подданный не подлежал его ведению. Этот неожиданный поступок английского консула произвел самое неблаго-

приятное впечатление на жителей Битолы. Хитрово не отступал, поэтому из Стамбула пришел приказ содержать мальчика до совершеннолетия у митрополита по получении от него расписки о принятии мальчика. Митрополит доставил Хитрово массу хлопот, так как под разными предлогами долго отказывался принимать ребенка под расписку. В конце концов русский консул одержал победу⁴⁹.

Нередко от русских дипломатических представителей требовалась смелость, чтобы оказать реальное содействие. Так, в феврале 1863 г. к секретарю консульства Тимаеву, который заменял Хитрово во время его длительного отпуска, обратились с просьбой помочь девушке, которую во время черногорской войны турки взяли в плен, привезли в одну из окрестных деревень Джорджи и хотели насильно обратить в ислам. Ей удалось сбежать и скрыться в самом г. Джорджи, где, однако, она долго не могла оставаться, так как христиане, у которых она скрывалась, боялись за свою жизнь. Тимаев счел необходимым самым осторожным и тайным образом препроводить ее в Янину, где ей уже никто не угрожал и не преследовал⁵⁰.

В Турции даже дипломатический иммунитет не всегда мог защитить от разъяренных мусульман: предоставление помощи христианской девушке, спасавшейся от насильственного обращения в ислам, стоило жизни французскому консулу и германскому вице-консулу. 24 апреля (6 мая) 1876 г. в Салониках на глазах генерал-губернатора Мехмед Рефет-паши толпа мусульман изрубила на куски дипломатов, которые не отказали в убежище христианке. Варварское избиение в Салониках, ставшее в Битоле известным из частной телеграммы, открыто одобрялось мусульманами города. Несмотря на заверения битольского генерал-губернатора Али Саиб-паши об отсутствии опасности для жизни иностранных дипломатов, тем не менее, мусульманские фанатики не скупилась на угрозы в адрес служащих при русском консульстве болгар⁵¹.

К сожалению, в изученных консульских донесениях из Битолы нами не обнаружено подсчетов, сколько христиан и христианок было обращено в ислам в 60–70-е гг. XIX в. Русский консул в Скутари А. Е. Сученков (1857–1867) сообщил, что в течение трех лет, а именно с 1861 по 1864 г., в Нишском санджаке было обращено в ислам 360 христианских девушек. При этом русский дипломат подчеркивал, что Нишский санджак находился «в двух шагах» от сербской границы, мусульмане, состоявшие частью из албанцев, не выказывали «особенной горячности в делах веры», а нишский паша – Мидхат-паша – «справедливо пользовался репутацией одного из энергичных

и деятельнейших губернаторов»⁵². Не подлежит сомнению, что в Битольском эялете, где общая обстановка была менее благоприятна, число христиан, принявших ислам, было значительней.

Русский консул в Битоле В. А. Максимов (1873 – март 1877 г.) после трех лет пребывания в Македонии составил «Программу улучшений для христиан», которую прислал в императорскую российскую миссию в Константинополе и в Азиатский департамент МИД России. Первым пунктом в программе стояло требование полной и действительной религиозной свободы для христиан. «Эта свобода могла быть со временем достигнута», по мнению консула, при исполнении «неустанно и бдительно» следующих условий:

Вследствие турецких насилий и злоупотреблений власти требуется, чтобы пожелавшие обратиться в ислам подали об этом просьбу вали или другим представителям власти, которые немедленно отправляют таких лиц на 15-дневный искус в митрополию или к другим христианским властям. Издержки на содержание поручаемого несет христианская община. Христианки, обращающиеся в магометанство, во время испытания и во время окончательного заявления о своем желании переменить веру (при икраре), не могут быть одеты в платье, отличающее магометанок, и не закрывают своих лиц. Для обращения в магометанство необходимо совершеннолетие в общепринятом смысле, а не по шариаду, и медицинское свидетельство в удостоверении нормальных умственных способностей обращающегося⁵³.

На основе своих наблюдений русские дипломаты делали вывод о том, что хотя Турция и провозгласила свободу совести, однако «вся религиозная толерантность правительства представляет полнейшее удобство к переходу из христианства в ислам и дает возможность каждому паше всеми находящимися в его руках средствами способствовать успехам мусульманского прозелитизма. Частые случаи обращения христиан, и в особенности христианских девушек, в ислам поощряются самым открытым и бесстыдным образом»⁵⁴.

К сожалению, донесения русских консулов по большей части только констатировали факты перемены веры и не содержали сведений о причинах такого шага, поэтому если в меджлисе процедура проходила без эксцессов, то на основе этой информации, довольно скудной, трудно делать заключения о средствах и методах⁵⁵, которые были применены для получения согласия христиан перейти в ислам.

Одно несомненно, что представленные донесения русских консулов вполне подтверждают выводы болгарских историков о том, что на Балканах, в том числе и в Западной Македонии, имело место прямое и косвенное давление, и исламизация христианского населения не прекращалась⁵⁶. Это, без сомнения, не было массовой атакой на население, но государство в лице своей администрации всячески поддерживало любые попытки мусульман обращать в свою веру неверных, т. е. христиан, невзирая на во многом насильственные способы и методы осуществления перехода в ислам.

Кроме того, следует подчеркнуть, что мусульмане выбирали себе в гарем самых привлекательных девушек и женщин. Русский консул Н. Ф. Якубовский, сообщая о принявших ислам христианках за первые 4 месяца 1866 г., не смог удержаться, чтобы в донесении не отметить, что 16 февраля приняла ислам 14-летняя девушка из Кавая (Албания), которая «обращала на себя внимание своей красотой»⁵⁷. Подобный непрерывный отбор наносил существенные потери генофонду болгарского народа, вырывая из него самых лучших – красивых, сильных и здоровых – продолжательниц рода.

Русские консулы в Битоле не ведали, когда закончится вековой ход истории Османской империи. Они исходили из конкретной ситуации конкретной области Балкан и били тревогу как по поводу запустения христианских поселений из-за беззаконий и насилия мусульман, вынуждавших христиан покидать свои родные края⁵⁸, так и в связи с умножением случаев перехода в ислам, что исподволь подтачивало массив христианского населения в Македонии. Со временем оба эти фактора могли существенно изменить конфессиональный облик Македонии, где мусульманское население и так было многочисленным.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См.: *Леонтьева А. А.* Некоторые вопросы исламизации в болгарских землях под османской властью в современной болгарской историографии // *Славяне и Россия: исторический контекст и проблемы историографии.* М., 2015. С. 30–45.

2 *Асимилаторската политика на турските завоеватели.* Сборник от документи за помохамеданчвания и потурчвания (XV–XIX вв.). 2 изд. София, 1964; *По следите на насиетието.* Документи за помохамеданчвания и потурчвания. София, 1972.

- 3 Асимилаторската политика на турските завоеватели. С. 211.
- 4 Македония през погледа на австрийски консули 1851–1877/78. София, 1994–2001. Т. 1–3.
- 5 См.: *Леонтьева А. А.* «Новые мусульмане» в болгарских провинциях в составе Османской империи (по данным кадийских регистров г. Софии конца XVII в. – XVIII в.) // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2014. № 2. С. 53–55.
- 6 Македония през погледа на австрийски консули. 1851–1877/78. Т. 1. С. 325–326.
- 7 *Шапкарев К.* За възраждането на българщината в Македония. Неиздадени записки и писма. София, 1984. С. 243.
- 8 Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1430. Л. 24.
- 9 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. София, 1987. Т. 1. Ч. 1. С. 56.
- 10 *Струкова К. Л.* Обществено-политическое развитие Македонии в 50–70-е гг. XIX века. М., 2004. С. 25.
- 11 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1418. Л. 207–208.
- 12 Там же. Л. 208.
- 13 Там же. Л. 211 об.–212.
- 14 Там же. Ф. 213. Оп. 536. Д. 3. Л. 64.
- 15 Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1416. Л. 56; Д. 1422. Л. 56–57.
- 16 Там же. Д. 1429. Л. 101.
- 17 Там же. Ф. 213. Оп. 536. Д. 3. Л. 64об.
- 18 *Карлова М. Ф.* Турецкая провинция и ее сельская и городская жизнь. Путешествие по Македонии и Албании // Вестник Европы. 1870. № 7. С. 175.
- 19 *Левшина Ж. Л.* Путешествие Н. Ф. Гильфердинга 1868 года и славянские рукописи его «македонской» коллекции (итоги и перспективы изучения) // Археографски прилози: зборник радова Археографског одељења Народне библиотеке Србије, 34. Београд, 2012. С. 77–107.
- 20 *Юзефович Т. П.* Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1869. С. 178.
- 21 Архив на Найден Геров. София, 1931. Т. 1. С. 215.
- 22 АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 28 об.–29; *Косев Д.* Русия, Франция и българското освободително движение 1860–1869. София, 1978. С. 134.
- 23 Там же. С. 134.
- 24 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1419. Л. 44об.
- 25 Там же. Д. 1418. Л. 228 об.–229.

- 26 *Венедиктов В.* Россия и Константинопольский патриархат. Этноконфессиональный диалог России и Константинопольского патриархата во второй половине XIX века. Saarbrücken, 2011. С. 123.
- 27 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1418. Л. 10.
- 28 Там же. Д. 1422. Л. 31.
- 29 *Жинзифов Р.* Публицистика. София, 1964. Т. 1. С. 184–187.
- 30 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1418. Л. 10.
- 31 Там же. Л. 12.
- 32 *Венедиктов В.* Россия и Константинопольский патриархат. С. 122–124.
- 33 См.: *Фролова М. М.* Полузабытые имена: Буфский священник – воевода Кресненско-Разложского восстания // 110 години от Илинденско-Преображенското въстание и българската национална идея от Сан Стефано до Букурещ (1878–1913). София, 2014. С. 165–179.
- 34 АВПРИ. Ф. 213. Оп. 536. Д. 2. Л. 118 об.
- 35 Там же. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 488.
- 36 Там же. Л. 492.
- 37 Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1417. Л. 31 об.
- 38 Там же. Д. 1418. Л. 9 об.
- 39 Там же. Д. 1421. Л. 31 об.–32.
- 40 Там же. Д. 1422. Л. 47.
- 41 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. София, 2002. Т. 3. С. 122–123.
- 42 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1422. Л. 71–72.
- 43 Там же. Д. 1430. Л. 54–55.
- 44 Македония през погледа на австрийски консули 1851–1877/78. София, 2001. Т. 3. С. 244.
- 45 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1430. Л. 64–65 и об.
- 46 Там же. Д. 1421. Л. 32.
- 47 Там же. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч.1. Л. 169.
- 48 *Косев Д.* Русия, Франция... С. 134–135.
- 49 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1430. Л. 95–96.
- 50 Там же. Д. 1417. Л. 35.
- 51 Там же. Д. 1430. Л. 26–29, 34.
- 52 Там же. Ф. 213. Оп. 536. Д. 2. Л. 66.
- 53 Там же. Л. 90–91.
- 54 Там же. Л. 65.
- 55 *Петров П.* Съдбоносни векове за българската народност. София, 1975. С. 87.

56 См.: Желязкова А. Некоторые аспекты распространения ислама на Балканском полуострове в XV–XVIII вв. // Османская империя: система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М., 1986. С. 103–116.

57 Косев Д. Русия, Франция... С. 168–169.

58 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1430. Л. 5–6.

M. M. Frolova

Islamisation of the Christian population of Western Macedonia
in 1861–1876 (on Russian consular reports)

The article dwells upon the Russian consular reports from Bitola (1861–1876). It is the first attempt in the historiography to show the process of islamization of the Christian population of Western Macedonia, to discover its methods, and to describe how Russian consuls attempted to help and defend those Christians that were forced to convert into Islam.

Keywords: *Hatt-i humayun (1856)*, *islamisation*, *Bitola*, *M. A. Xitrovo*, *N. D. Jakubovskij*, *V. A. Maksimov*.

Е. Г. Луферчик
(Минск)

Препятствия стремлению «возбуждать умы и вселять в них недоверие»: русские журналы и цензура во время восстания 1863–1864 гг.

Статья раскрывает действия российского правительства по цензурированию и регламентации освещения событий восстания 1863–1864 г. в периодических изданиях. На основе широкого круга архивных источников автор доказывает дифференциацию общественного мнения в оценке польского вопроса и предлагаемой стратегии его решения. Автор подчеркивает роль русских журналов в формировании патриотических воззрений на события восстания и складывании негативных имагологических стереотипов о поляках и их государственности. Ключевые слова: *польский вопрос, восстание 1863–1864 гг., цензура, русские журналы.*

Весной 1863 г. журнал «Русская мысль» писал о том, что польский вопрос стал «щекотливым делом» для русского печатного слова¹. Действительно, вспыхнувшее на западных окраинах Российской империи восстание оказало значительное влияние на цензурную политику.

При первых же известиях о случившемся в Царстве Польском с конца января 1863 г. цензурой было запрещено помещать в повременных изданиях «ошибочные», «намеренно искаженные», «колкие» и «лишние для русского читателя» перепечатки из иностранных изданий с критикой российского правительства, а также сведения о решениях повстанческих органов и действиях повстанческих отрядов. Цензурные учреждения призывали к «крайней осмотрительности» в сообщении сведений о вынесенных и приведенных в исполнение приговорах в отношении повстанцев². Цензура устанавливала: «На все время продолжения беспорядков в Царстве Польском и приграничных местностях, обязать редакторов всех русских газет, не помещать в них никаких других известий об этих беспорядках, кроме официальных, [которые] подробностью своею [удовлетворяют] вполне естественному любопытству публики»³. В качестве достоверных источников правительственных сообщений были определены корреспонденции и публикации официальных органов МВД и Военного министерства – газет «Северная почта» и «Русский инвалид».

С целью централизации контроля всех публикаций по польскому вопросу в структуре Петербургского цензурного комитета был определен специальный чиновник. С 20 февраля по июнь 1863 г. им являлся цензор католического вероисповедания генерал-майор Л. Л. Штюмер. Он был назначен в состав комитета от Военного министерства и еще с 1858 г. отвечал за цензурирование изданий и статей военного характера⁴. В начале апреля 1864 г. в Варшаве при наместнике Ф. Ф. Берге был определен полковник Генерального штаба Д. Г. Анучин, на которого возлагалась цензура всей местной исходящей корреспонденции в редакции столичных периодических изданий. Вся местная корреспонденция не принималась к печати, если она не имела подписи Анучина о дозволении⁵. В итоге в отношении Царства Польского была установлена двойная предварительная цензура: перед отправкой письма просматривались в Варшаве, а затем, уже в качестве возможных публикаций, – в цензурных учреждениях обеих столиц.

Редакциям журналов была запрещена печать собственных статей и заметок, в которых могли высказываться осуждения правительства в беспечности, неведении и непредупреждении готовившегося долгое время польского повстанческого движения⁶. Позже перечень запрещенных сюжетов был расширен критикой действий австрийских и прусских властей в борьбе с инсургентами, а также решений тех правительств, с которыми Российская империя находилась в дружеских отношениях⁷.

Параллельно правительство следило, чтобы цензоры не запрещали статей, в которых содержались «благоприятные отзывы об администрации в Царстве Польском», и не разрешали публикаций с критическими обзорами правительственных действий, «так как систематическое заявление одних недостатков при совершаемых [...] правительством улучшениях во всех сферах государственного управления обнаруживает не стремление к раскрытию истины, а систематическое [...] старание возбуждать умы и вселять в них недоверие»⁸. В редакции летом 1863 г. были направлены соответствующие правительственные запросы. На один из них редактор журнала «Отечественные записки» А. А. Краевский отвечал, что цензорами не было запрещено «ни одной благонамеренной статьи» о правительственных действиях в польском вопросе, а, напротив, нередко исключались «такие места, которые могли подать повод к неодобрительному заключению об означенных действиях»⁹.

Летом 1863 г. МВД выступило за уменьшение количества публикуемых в периодике сведений о действиях повстанцев. Также

вводилось условие при перепечатке иностранных сведений из газет «Северная почта» и «Русский инвалид»: отныне рядом должны были печататься сведения о правительственных действиях и статьи, отличающие повстанцев¹⁰. Тем самым правительство внимательно следило, чтобы проблемы, связанные с польским восстанием, не становились катализатором дискуссий в обществе. Под этим предлогом даже были запрещены некоторые публикации в газете М. Н. Каткова «Московские ведомости» и отдельные сочинения об аграрных преобразованиях в Царстве Польском в 1864 г.¹¹

Весной 1864 г. правительство стремилось создать впечатление о завершении восстания в Царстве Польском. Оно выступало категорически против помещения в периодических изданиях сведений, которые могли создать впечатление, «будто восстание еще не подавлено». В связи с этим министр внутренних дел П. А. Валуев распорядился, чтобы цензоры допускали к печати только те сведения о событиях в польских губерниях, которые до этого помещались в газете «Русский инвалид»¹².

Выявленные нами в архивах документы вносят корректировку в широко распространенное в историографии мнение, что в период восстания и общественность империи, и периодические издания, ведомые газетами «Московские ведомости» и «День», сообща выступили с осуждением инсургентов и Польши. Считалось, что единственным изданием, выбивавшимся из этого правила, являлся «Колокол» А. И. Герцена¹³. Но в записке Л. Л. Штюмерера прямо указывается, что цензором «было запрещено много статей, резко осуждавших действия управления (особенно гражданского) в Царстве Польском», а вот «статей, восхвалявших или одобрявших это управление, почти не было»¹⁴. Стало быть, исходя лишь из анализа содержания опубликованных в период восстания и сразу после него статей, нельзя сделать объективный вывод о всеобщей консолидации общественного мнения.

Большой резонанс вызвала публикация провокационной статьи философа и публициста Н. Н. Страхова «Роковой вопрос», увидевшая свет в 1863 г. в апрельской книжке журнала братьев Ф. М. и М. М. Достоевских «Время». Текст вызвал неоднозначную реакцию даже среди цензоров. В. В. Игнатович после знакомства со статьей сделал заключение, что она «может быть допущена к напечатанию, как по ее не прикосновению к политике, так и потому, чтобы показать полякам, что русские не отказывают их нации в справедливости там и в той степени, где и в какой они ее действительно заслужива-

ют». Вывод цензора Штюмерера был противоположным. Он считал, что публикация статьи могла быть возможна только по особому разрешению министра внутренних дел¹⁵. В итоге председатель Петербургского цензурного комитета В. А. Цез разрешил публикацию, не предугадав возможных последствий, и уже через месяц он был заменен на своем посту М. Н. Туруновым.

Развернувшаяся дискуссия и общественное возбуждение заставили Валугева обратить внимание Александра II на журнал «Время». Сама статья была названа министром «в высшей степени неприличного и даже возмутительного содержания», поскольку она шла «наперекор всем действиям правительства и всем патриотическим чувствам и заявлениям» и являлась «оскорбляющей народное чувство». 24 мая 1863 г. Александр II распорядился прекратить издание журнала «Время» ввиду его «вредного направления»¹⁶. Отдельно Валугев предписал, чтобы в печати больше не разрешались публикации с обсуждением статьи «Роковой вопрос». Поэтому письма Страхова в редакции газет не были пропущены цензурой¹⁷. Исключение составила статья Каткова, вышедшая в майской книжке журнала «Русский вестник» в 1863 г.¹⁸

Весной 1863 г. была запрещена статья неизвестного автора «Польское дело перед судом наших партий», написанная с позиций, близких журналу «Время». Автор исходил из признания самобытности России, ее отличности от Польши и не видел смысла в насильственном удержании Царства Польского, тем более что «Польша всем своим прошедшим и настоящим решительно объявля[ла] о нежелании оставаться под властью России»¹⁹. Цензор Игнатович выступил категорически против космополитичности статьи и ее оторванности от реальных интересов правительства²⁰.

Еще одно цензурное запрещение было наложено Штюмерером на большую статью «Польское дело», подготовленную для одной из весенних книжек журнала «Отечественные записки». В статье высказывалось сочувственное отношение к полякам: «Русский, называющий сумасшедшим польского патриота, доказывает этим только одно: он, значит, сам никогда не был бы способен возвыситься до этого патриотического сумасшествия, даже если бы, по какому-нибудь несчастному случаю, его родина потребовала от своих граждан такого сумасшествия»²¹.

Цензура могла не разрешить печатать сочинения, в которых авторы пытались высказать свои достаточно сдержанные размышления, но расходившиеся с мнением большинства. Например, при рассмотрении сочинения «По польскому вопросу», автор которого выступал за

примирение русских и поляков, цензор задавался вопросом: насколько мнение одного человека может выражать мнение всего русского общества?²² В итоге цензурное одобрение получали статьи, в которых звучал призыв к решению польского вопроса по соглашению с подавляющим общественным мнением²³. Рупором этого мнения являлись издания Каткова «Московские ведомости» и «Русский вестник».

Таким образом, из анализа выявленных архивных материалов можно сделать вывод, что в период восстания 1863–1864 гг. общественное мнение проявило свою дифференциацию. Кроме патриотических полонофобских публикаций, присутствовали как явно полонофильские, так и достаточно взвешенные, искавшие примирительный компромисс между Россией и Царством Польским. Такой вывод подтверждается воспоминаниями современников, которые отмечали, что правительство запрещало журналистике беспристрастно освещать и говорить о польском вопросе²⁴.

Заметим, что в первой половине 1860-х гг. периодика являлась единственным средством трансляции информации, заставляла обсуждать реалии общественно-политической жизни, рефлексировать общество, правительство и чиновников разного уровня. Цензурные учреждения внесли существенный вклад в формирование имперского патриотического понимания событий восстания 1863–1864 гг. на западной периферии империи. Цензоры пристально отслеживали и не пропускали в печать статьи, носившие явно пропольский характер или содержавшие критику в отношении действий правительства. Целью деятельности органов власти было сформулировать и поддержать идею единения государства и общества перед польским вызовом и угрозой европейского вмешательства в возникший конфликт.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Домашняя летопись // Русское слово. 1863. № 3. С. 4.

2 Центральный государственный архив Москвы (далее – ЦГАМ). Ф. 31. Оп. 3. Д. 3. Л. 23; Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 774. Оп. 1. 1863. Д. 4. Л. 4, 5об., 25; Там же. Ф. 777. Оп. 2. 1863. Д. 9. Л. 21, 53, 64, 58–58об.

3 Там же. Л. 21–23.

4 Там же. Л. 25.

5 Там же. Ф. 775. Оп. 1. 1864. Д. 53. Л. 2, 11; Ф. 777. Оп. 2. 1864. Д. 7. Л. 28; ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 3. Д. 4. Л. 5, 6, 7.

- 6 Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 833. Д. 116. Л. 1, 2.
- 7 РГИА. Ф. 777. Оп. 2. 1864. Д. 7. Л. 21, 22.
- 8 Там же. Оп. 2. 1863. Д. 9. Л. 58об.; Там же. Д. 80. Л. 1.
- 9 Там же. Л. 13.
- 10 Там же. Д. 9. Л. 58об.
- 11 Там же. Оп. 2. 1864. Д. 7. Л. 16; Оп. 2. 1863. Д. 9. Л. 20.
- 12 Там же. Ф. 775. Оп. 1. 1864. Д. 53. Л. 1.
- 13 *Иванова С.* Обсуждение «польского вопроса» на страницах периодических изданий 60-х годов XIX века // *Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego*. 2012. № 1 (2). С. 14; Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. С. 246.
- 14 РГИА. Ф. 777. Оп. 2. 1863. Д. 80. Л. 2.
- 15 ОР РНБ. Ф. 833. Д. 183. Л. 1.
- 16 РГИА. Ф. 775. Оп. 1. 1863. Д. 149. Л. 1.
- 17 Там же. Д. 204. Л. 4; Д. 190. Л. 1, 4об.; *Страхов Н. Н.* Борьба с Западом. М., 2010. С. 522.
- 18 *Катков М. Н.* По поводу статьи «Роковой вопрос» // *Русский вестник*. 1863. № 5. С. 398–418.
- 19 ОР РНБ. Ф. 833. Д. 190. Л. 4.
- 20 Там же. Д. 124. Л. 2–2об.
- 21 Там же. Ф. 833. Д. 189. Л. 1–10.
- 22 ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 2. Д. 1286. Л. 2об.
- 23 ОР РНБ. Ф. 833. Д. 128. Л. 1–1об.
- 24 Там же. Л. 1об.

J. G. Luferčík

Preventing the aspiration “to agitate people’s minds and to instill disbelief”:
Russian magazines and censorship during the Uprising of 1863–1864

The article reveals the actions of the Russian censoring of magazines in the period of uprising in 1863–1864. The author demonstrates the differentiation of public opinion in the evaluation of the Polish question and strategy of its solutions. The author emphasizes the role of Russian magazines in the formation of patriotic views on the events of the uprising and the folding of negative stereotypes about Poles and their state.
Keywords: *Polish question, uprising of 1863–1864, censorship, Russian magazines.*

А. Ю. Тимофеев, М. Живанович
(Белград)

Можно ли рассматривать доклад Комиссии Карнеги о причинах и ведении Балканских войн 1912–1913 гг. как исторический источник

В статье анализируются ранние технологии информационных войн, проводившихся международными финансовыми корпорациями под прикрытием гуманитарных фондов с использованием «экспертов» из России и Западной Европы для осуществления своих целей на Балканах. Двойные стандарты и отсутствие объективности стали еще век назад типичными для «беспристрастных международных комиссий».

Ключевые слова: *Балканские войны 1912–1913 гг., психологическая война, информационные технологии, пропаганда, международные гуманитарные организации.*

Использование неправительственных организаций в целях создания «гуманитарных поводов» для давления на уязвимые и доступные внешнему влиянию государства не может никого удивить в наше время. Создание группы высокооплачиваемых ангажированных «беспристрастных экспертов» для обнаружения заранее известного заказчиком результата является распространенным примером деятельности современной психологической войны. Один из первых примеров такой манипуляции произошел на Балканах около века назад. Речь идет о деятельности американской Комиссии Карнеги по расследованию причин и ведения Балканских войн 1912–1913 гг.

В начале XX в. существовало представление, что войны могут быть полностью изъяты из жизни человечества путем усиления международных законов и создания надгосударственных комиссий. Одной из наиболее крупных международных попыток осуществления этой идеи стал созыв международных конференций в Гааге. Первая такая конференция была созвана при активном участии царской России в 1899 г. под председательством русского посла в Великобритании Е. Е. Сталя. В ней приняли участие представители 26 стран. Вторая состоялась в 1907 г. при участии 44 государств под председательством русского посла во Франции А. И. Нелидова. Ни существование черты оседлости, ни погромы не мешали Российской империи говорить о международном гуманитарном праве. Конференции в Гааге приняли 16 конвенций и 4 декларации о способах предотвра-

щения войн и об их ведении. Симптоматично, что третья конференция не состоялась по причине начала мировой войны, в которой на противоположных сторонах выступила большая часть государств – участников мирных конференций. В ходе разгоревшейся войны значительное число конвенций и деклараций было нарушено. Однако принятые конвенции и декларации не пропали даром, а были инкорпорированы в состав норм международного гуманитарного права.

В дальнейшем это право мало влияло на поведение супердержав в выборе методов ведения войн (так, в годы Второй мировой войны им пренебрегали все участники конфликта), но стало полезным рычагом в пропаганде и в придании законности расправам над более слабыми и побежденными сторонами. Массовое переселение «враждебных народов», практиковавшееся Советским Союзом, так же как и намеренные бомбардировки жилых районов, проводившиеся США и Великобританией в годы Второй мировой войны, вызвали лишь критику со стороны ученых-историков, но не стали публично признанным нарушением международных прав. Впрочем, Артур Харрис, сжигавший мирное немецкое население в их собственных домах в 1942–1945 гг., еще в 1920-е гг. сжигал мирное население Пакистана и Ирака, «умиротворяя» целые села зажигательными бомбами. Тогда это тоже официально не было признано нарушением международного гуманитарного права. Примеры вольной трактовки того, что является, а что не является нарушением международного гуманитарного права, можно в обилии отыскать на всем протяжении минувшего XX века.

Впрочем, идея международного гуманитарного права, идея мирных комиссий, наблюдающих за гуманностью войн и по мере сил препятствующих их возникновению, была крайне популярна в среде образованных и технократически настроенных интеллектуалов, уверенных в чудотворности прогресса. Такой фигурой был и небезызвестный Эндрю Карнеги, промышленник, финансист и меценат, поддерживавший науку, образование, гуманитарные и гуманные цели. Карнеги является интересной, многогранной и достаточно противоречивой фигурой. В рамках нашей темы интересны поздние годы жизни Э. Карнеги, когда этот натурализовавшийся в США шотландец стал все большее внимание уделять благотворительности «для улучшения человечества» («for the improvement of mankind»). Сначала это была сеть бесплатных публичных библиотек. В 1895 г. был создан Институт Карнеги в Питтсбурге, включавший в себя концертный зал, выставочную галерею и музей естествознания. Затем

был основан Институт Карнеги в Вашингтоне и зал Карнеги в Нью-Йорке. Всего Э. Карнеги потратил на благотворительность невероятные 350 млн долл.: 288 миллионов в США и оставшиеся 62 миллиона в учреждениях на территории Британской империи¹.

Под конец своей жизни Э. Карнеги потерял интерес к большому бизнесу и решил бороться «за мир во всем мире». В то время центром мировой цивилизации являлась Европа, а США были далеки от нее, увлекались идеями изоляционизма и были все еще достаточно провинциальны. Идеи Э. Карнеги стали активными шагами к устранению подобной провинциальности. Впрочем, подход Э. Карнеги к ситуации в Европе был весьма своеобразен. Так, например, вплоть до начала Первой мировой войны Э. Карнеги считал германского кайзера Вильгельма наиболее миролюбивой фигурой, достойной уважения и поддержки на путях укрепления мира в Европе. К 25-летию правления кайзера Вильгельма, 8 июня 1913 г., Э. Карнеги «с удовольствием и честью» опубликовал в газете «The New York Times» статью под заголовком «Кайзер Вильгельм II, миротворец»², начинавшуюся словами: «В этот день весь цивилизованный мир почтительно преклоняется перед Вами...» Оставался всего год до того, как этот «миротворец» вместе с другими венценосными главами Европы даст августейшее соизволение на невиданную бойню Первой мировой войны...

Президентом основанного в 75-й день рождения Э. Карнеги Фонда в поддержку мира (25 ноября 1910 г.) был назначен Элиа Рут, бывший военный министр США, который в 1913 г. получил Нобелевскую премию мира. Очевидно, для нобелевских лауреатов премии мира, как и в наши дни, миролюбие и неучастие в войнах были вовсе не обязательны. Именно при Э. Руте пожинались все плоды испано-американской войны 1898 г., а США впервые стали «классическим» империалистическим государством, включив в свою империю Кубу, Гуам, Пуэрто-Рико и Филиппины. В 1899–1902 гг. США вели империалистическую войну против Филиппинской республики. Жестокое подавление восстания на Филиппинах вызвало критику со стороны антиимпериалистической лиги США, в ответ на которую Э. Рут цинично заявил, что мягкость лишь продолжает кризис³. Стоит отметить, что в этой войне, ставшей фактически первой для США войной против местного повстанческого движения за рубежом, союзником США стал султан Османской империи. Как халиф (глава мусульман-суннитов) Абдул Хамид II призвал местное население и его лидеров подчиняться США, благодаря чему были

укреплены связи американцев с султанатом Сулу⁴. Это событие, способствовавшее усилению американской армии, стало фактически первым важным для внешней политики США достижением ее собственной дипломатии на Балканах⁵. Помимо ликвидации угрозы джихада против американских войск, вмешательство султана способствовало тому, что местные мусульмане не поддержали борьбу Филиппинской республики за независимость от США. Все это не могло не сформировать у Э. Рута положительного отношения к Османской империи, как во время нахождения на посту военного министра США в 1899–1904 гг., так и позднее – в должности государственного секретаря в 1905–1909 гг.

В рамках Балканских войн симпатии руководства фонда Э. Карнеги к Османской империи и Германии⁶ достаточно однозначно вели к настороженности по отношению к Балканскому союзу, и особенно к тем его членам, которые не имели тесных связей с центральными державами. На ослабление Османской империи на Балканах в результате Балканских войн с опаской смотрели многие западноевропейские державы, чьи граждане также оказались в составе Комиссии фонда Карнеги. Все это вело к настороженному отношению у членов Комиссии к Балканскому вопросу. Квинтэссенцию этого толкования Балканского вопроса дал в своей работе специальный корреспондент лондонского «Таймса» Сирил Кампбелл, побывавший в годы войны в Сербии и Болгарии. Он считал, что «поначалу балканская проблема вообще не была связана с Турцией. Она возникла сама по себе и полностью произошла из ревнивого соперничества малых стран и двух великих протагонистов, Австрии и России»⁷. Такие взгляды на события Балканских войн были естественны для западноевропейских государств, обоснованно воспринимавших Реконкисту, деяния Карла Мартелла и битву на Каталунских полях как давно забытые реликты Средневековья. Для народов Балкан, так же как и для других ближайших европейских соседей Османской империи (Австрии и России), битвы с зеленым знаменем ислама и защита единоверцев под властью мусульман не были столь далеким прошлым. Для этих народов колониальные интересы в войнах с мусульманами не воспринимались столь доминантными, как для англичан, французов, бельгийцев и американцев.

Все это не могло сделать Комиссию фонда Карнеги по расследованию преступлений на Балканах, не имевшую притом никакого официального статуса, привлекательной или объективной в глазах правительства или граждан Сербии. Стоит отметить и тот факт, что

общей настороженности по отношению к неизвестным институтам и их СМИ способствовали активные информационно-пропагандистские операции, развивавшиеся параллельно с Балканскими войнами. Образованные современники Балканских войн прекрасно понимали, что «...первая и главная цель воюющего государства состоит в том, чтобы постараться убедить мир, что враг использует или планирует использовать все грязные закулисные уловки, которые только могут быть созданы человеческим мозгом. Для распространения такой информации агенты или представители этого государства без колебаний используют прессу нейтральных и предположительно не участвующих в конфликте стран, прессу, которая во многих случаях на местах представлена теми, кто имеет очень веские причины не быть беспристрастными»⁸.

В этих условиях роль русского члена Комиссии возрастала, так как могла стать (или не стать) мостом к восприятию Комиссии как пусть и самопровозглашенного, но все же лишенного яркой анти-сербской окраски органа. К сожалению, стоит констатировать, что П. Н. Милюков таким мостом не только не стал, но фактически воспринимался в Белграде как негативный маркер всей направленности Комиссии. Через призму фигуры Милюкова в Белграде воспринималась вся деятельность Комиссии, поэтому об этом русском ученом, политике и общественном деятеле стоит также сказать несколько слов.

Потомок небогатой дворянской семьи П. Н. Милюков отличался природными гуманитарными дарованиями и в 1877 г. с отличием окончил 1-ю московскую гимназию, которую закончили и многие другие звезды русской исторической науки, к примеру – М. П. Погодин и С. М. Соловев. Естественным продолжением образования стало обучение на историко-филологическом факультете старейшего в России Московского университета. Как и всякий гуманитарий, молодой человек был «в тренде» популярных общественных веяний. Во время обучения в гимназии Милюков состоял в славянофильском кружке, а во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на летних каникулах по окончанию занятий даже на три месяца съездил в Закавказье, где помогал вести делопроизводство московского санитарного отряда. В соответствии с веяниями времени в студенческие годы от чтения К. Аксакова и Н. Данилевского П. Н. Милюков перешел к легкой левой фронде и чтению либеральной литературы. В 1881 г. Милюков был даже вынужден на год прервать учебу и использовал это время для академической поездки по Италии, после

которой вернулся на IV курс. Все эти перипетии не помешали ему в 1883 г. получить аттестат об очень хорошем поведении и отличных успехах. Декан факультета Н. А. Попов, известный историк-сербист, и В. О. Ключевский, знаменитый специалист по истории России, подписали рекомендацию об оставлении П. Н. Милюкова для преподавания на факультете⁹. И вдруг на идиллическом пути от приват-доцента к профессорской кафедре возникли непредвиденные препятствия. То ли речь шла о классической академической ссоре Ключевского и Милюкова (который якобы подбил студентов на пасквиль против престарелого коллеги), то ли имело место несчастное стечение обстоятельств, но чаша терпения властей переполнилась, и в легком фрондировании П. Н. Милюкова на очередной публичной лекции усмотрели политический умысел¹⁰.

Многообещающая карьера приват-доцента была разрушена – его уволили из Московского университета и запретили проживание в столичных (университетских) городах. Милюков уехал в провинциальную Рязань, где, несмотря на попытки приложения своего таланта, он откровенно скучал, казалось, забытый всеми. Тщетно оправдывался Милюков перед МВД, доказывая свою лояльность властям, действовал через друзей, пытаясь оправдаться от обвинений в политическом влиянии на студентов. В результате 6 ноября 1896 г. дело было решено в административном порядке – два года высылки за пределы столиц и университетских городов. И тут подвернулся хороший шанс вырваться из провинциального забвения – П. Н. Милюков получил приглашение почитать лекции в Высшей школе в Софии. Спасенный от прозябания в Рязани приват-доцент добился от российской полиции разрешения на выезд и поспешил в Болгарию, куда в 1897 г. прибыла и его супруга с двумя малолетними детьми. Милюков погрузился в мир Балкан в очередной переломный момент их истории. Болгария с 1896 г. возобновляла и укрепляла связи с Россией, после 10-летия конфликтов под властью С. Стамболова. Престолонаследник Борис перешел в православие, была проведена амнистия эмигрантов-руссофилов, Россия восстановила дипломатические связи с Болгарией. В то же время в Сербии произошли события, охладившие ее связи с Россией: гонения на радикалов, возврат в Сербию короля Милана, чье поведение по отношению к супруге и стране вызывало стойкое отвращение в общественном мнении России.

В этих условиях приезд П. Н. Милюкова в Софию стал его бенефисом. Собственно, самих лекций в Высшей школе он так и не смог прочесть до конца, лишь начал их чтение на русском языке. Вско-

ре, по настоянию российского посольства, за демонстративный отказ участвовать в приеме по поводу дня рождения императора и за подстрекание студентов к антироссийским поступкам Милюков был уволен из университета, причем, согласно условиям контракта, еще в течение года он продолжал получать оплату в размере, намного превышавшем оклад регулярного болгарского профессора. Болгарская интеллектуальная среда стала крайне близкой для изгнанного из родного гнезда ученого – его тепло принимали И. Шишманов, А. Малинов, П. Каравелов, Л. Милетич, И. Георгов. Симпатии к России, при всей неприязни к ее официозу, были типичны для левой интеллектуальной среды Софии, в которой оказался П. Н. Милюков, и не могли ему не импонировать. С другой стороны, острые националистические переживания по поводу болгарских интересов в Македонии и неприязнь к сербам не могли не войти в когнитивную карту ученого¹¹.

Лучшим доказательством значимости «болгарских мотивов» во взглядах П. Н. Милюкова может быть событие, произошедшее с уже престарелым ученым по окончании его активной политической и научной карьеры. На 70-летие Милюкова болгарское правительство в благодарность преподнесло ему очень щедрую денежную награду – 270 тысяч левов, на которые он смог купить виллу на юге Франции, чтобы коротать собственную старость¹². В своих статьях и научных работах П. Н. Милюков был все более и более пристрастен в оценке событий в Македонии, что не могло укрыться от взгляда читателей, не разделявших его воззрений¹³. Пиком этой пристрастности стала, конечно, картографическая работа Милюкова, в которой Генри Роберт Уилкинсон находил лучшие образчики «проболгарской пропаганды» – карту *Воуэ*, распространение которой болгарскими «ревизионистами». Его карта была включена, например, в проболгарский сборник этнографических карт (с текстом. – А. Т.) Милюкова, опубликованный в 1900 г., а также стала частью атласа Д. Ризова, выпущенного в Берлине в 1917 г. Действительно, карта *Воуэ* представила болгарскую проблему в таком выгодном свете, что в 1918 г. профессор А. Белич, выдающийся специалист по славянским языкам в Белграде, был вынужден сделать карту *Воуэ* предметом рассмотрения специальной статьи, в которой он попытался развеять проболгарские взгляды, насаждаемые этой картой¹⁴. Другую болгарскую пропагандистскую карту – карту Кынчева – Милюков включил в «атлас в 1900 г., а затем в Доклад Комиссии Карнеги по расследованию причин Балканских

войн (1914). В обоих случаях она отражала официальный болгарский взгляд на этнические условия в Македонии. Во-первых, она подтверждала традиционные права Болгарии в Македонии, а во-вторых, придавала весомость идее о том, что албанцы являются самым важным меньшинством на севере и западе»¹⁵.

При этом надо отметить, что речь, разумеется, не шла о некоей особой «влюбленности в Болгарию». Скорее, П. Н. Милюков мог в «своем западническом отрицании национализма потерять вообще вкус к славянскому общению». После года проживания в Софии Милюков писал: «Мои почтенные коллеги сумели настолько отравить мне мое пребывание здесь, что настояния агента (об увольнении из Софийского университета. – А. Т.) являются своего рода *coup de grâce*», в запальчивости он восклицал: «...после годичного опыта с братушками я совсем не буду жалеть, если придется и окончательно ликвидировать свои дела здесь». Его супруга А. С. Милюкова была еще более категорична и находила вредным влияние «болгарского духа на местных русских женщин, которые становятся от него черствы, эгоистичны и корыстны»¹⁶.

Собственно, и сам выбор П. Н. Милюковым страны, за которую он «болел» на Балканах, не был обусловлен какими-то глубокими знаниями или пристрастиями. Речь шла о поведении «от противоположного», поскольку, по словам самого Милюкова, официальная политика России подчеркивала важность «славянского вопроса» с особым вниманием к Сербии. Показательна данная Милюковым уничижительная характеристика С. Д. Сазонову: «В славянском вопросе, как я мог убедиться впоследствии из личных сношений, он держался официальных тогдашних воззрений и находился всецело в руках старых исполнителей такого типа, как наш белградский представитель Гартвиг, ярый фанатик славянофильской традиции. Сазонов разделял, конечно, и одностороннее предпочтение сербов – старых клиентов России перед новыми – болгарями, и веру в сохранность русского престижа на Балканах, и традиционный взгляд на провиденциальную роль России среди славянства»¹⁷. При этом большая часть правящей российской элиты начала века и сам Николай II, по словам того же Милюкова, осторожно относились к Болгарии, негативно оценивая ее монарха Фердинанда¹⁸. В этих условиях естественно, что П. Н. Милюков (как и многие другие российские оппозиционно-либеральные политики) смотрел на ситуацию на Балканах совершенно с другой стороны. Конечно, его контакты с официальными болгарскими институтами, македонскими проболгарскими ре-

волюционерами и комитетами до Балканских войн и во время Первой балканской войны с активной проболгарской позицией вряд ли делали фигуру Милюкова подходящей для объективного расследования ситуации в ходе Балканских войн¹⁹. Вряд ли добавляло объективности П. Н. Милюкову и то обстоятельство, что его поездку на Балканы во время Первой мировой войны инициировал его «...старый друг Чарльз Крейн, всегдашний поклонник старых культур и сторонник освобождающихся народностей. Говорили потом, что он оказал материальную помощь албанцам...»²⁰ Именно в связи с «Албанским восстанием» и состоялась эта поездка. Ч. Крейн является фигурой не менее интересной, чем Э. Карнеги и Э. Рут. Он был американским миллионером, финансово помогавшим Милюкову и ранее. Крейн был из числа миллионеров, которые имеют большой вкус к политике и международным делам, но мы, в рамках данного исследования, лишь напомним, что он активно финансировал лекции в Чикагском университете не только П. Н. Милюкова, но и М. М. Ковалевского, и Т. Г. Масарика; участвовал в миссии Рута в России в 1917–1918 г.; несколько десятков раз бывал в Восточной Европе и России. Однако любовь к «порабощенным народам», впечатления от русской революции и симпатии к мусульманам довели его до открытых антисемитских воззрений²¹.

Столь подробный экскурс в биографию П. Н. Милюкова необходим здесь не только потому, что Сербия воспринимала деятельность Комиссии исходя из отношения к Милюкову как к заведомо предвзятой фигуре, но и поскольку его личность в деятельности Комиссии имела чрезвычайно важное значение. Естественно, что на Балканах П. Н. Милюкова знали как человека пристрастного, что обеспечивало ему положительное отношение в Болгарии и неприязнь в Сербии и Греции, о чем он сам написал в своих мемуарах²². В сербских газетах еще в начале июня 1913 г. под выразительными заголовками публиковались статьи, где говорилось о «дерзких выпадах человека, который получает деньги от Болгарии»²³. Интересно, что информация о нападении Болгарии на сербскую армию в ночь с 11 на 12 июня 1913 г. была опубликована на одной странице с очередной статьей, упоминавшей Милюкова в том же контексте как «болгарского наемника». Статья являлась пересказом речи графа Бобринского о выступлении П. Н. Милюкова, в которой говорилось, что он «придерживается болгарских взглядов в самом узком смысле слова», «речь Милюкова – это очень хорошее адвокатское изложение болгарской точки зрения и болгарских интересов», а его

апология Албании как страны, безопасной для стабильности Балкан, – сомнительна²⁴.

По словам самого П. Н. Милюкова, реально в деятельности Комиссии приняли участие «четверо: старик Даттон, почтенный педагог, профессор Колумбийского университета; Годар, заместитель председателя, живой, энергичный и убежденный; и мы двое, Брейлсфорд и я, единственные действительные работники Комиссии, знакомые со стремлениями и языками балканских народностей»²⁵. Кто же такой этот Генри Ноэль Брейлсфорд? Английский журналист, с 1897 г.²⁶ приехавший на Балканы во время крупных конфликтов, а после событий 1903 г. с симпатией писавший о деятельности болгарских комитов на территории европейской Турции. Вышедшая в 1906 г. его книга о Македонии является выражением тех же симпатий в балканском вопросе, что и у П. Н. Милюкова, разве что в чуть более экстремистских выражениях²⁷. В октябре 1904 г. Брейлсфорд был посредником в покупке английских паспортов для эсеров-террористов Бориса Савинкова и Максимилиана Швейцера. Прибыв с английским паспортом в Петербург, Швейцер занялся подготовкой взрывных устройств, предназначенных для покушений. В результате самопроизвольного взрыва в гостинице 11 марта 1905 г. Швейцера разорвало на части; к счастью, обошлось без жертв среди гостей отеля и его служащих. По требованию российского правительства в Англии было начато расследование действий Брейлсфорда, однако он отделался всего лишь штрафом в 100 фунтов за подлог. В мае 1907 г. Брейлсфорд помог найти средства для организации в Лондоне V съезда РСДРП. Интересно, что в годы Первой мировой войны Брейлсфорд не просто был левым пацифистом, а придерживался прогерманских взглядов. В межвоенный период он активно критиковал Версальскую систему, симпатизировал СССР, но отказался от этих симпатий после начала советско-финской войны²⁸.

На приезд Комиссии в Сербию проливают свет мемуары первого секретаря российской миссии в Белграде Василия Николаевича Штрандмана. Он недолго любил российского посланника в Белграде Николая Генриховича Гартвига и был достаточно объективным свидетелем происходившего²⁹. Судя по его воспоминаниям, приезд «страстного болгарофила Милюкова» в Сербию в составе некой международной общественной комиссии был известным и неприятным событием, которому российская дипломатическая миссия всячески пыталась помешать, так как оно грозило обернуться скандалом. Сведения о военных преступлениях, совершенных сербами,

квалифицировались как злостная клевета и враждебная пропаганда. Однако попытки помешать приезду П. Н. Милюкова через российского посла в Париже А. П. Извольского не были предприняты или не увенчались успехом. В Сербии сведения о работе Комиссии появились в печати уже 8 (21) августа³⁰. Деятельность Комиссии не воспринималась враждебно (Комиссию назвали «некой парижской комиссией по расследованию болгарских преступлений»), и упоминали лишь об участии в ней австрийского профессора Й. Редлиха, посланника Рейхсрата.

Члены Комиссии прибыли в Белград к 10 (23) августа 1913 г., о чем сербская пресса не замедлила сообщить читателям³¹. На следующий день по приезду П. Н. Милюков имел острый разговор с посланником, который критиковал его за выступление в Думе, далекое от объективности и содержавшее нападки лично на Н. Г. Гартвига. Также посланник предупредил Милюкова о нежелательности его пребывания в стране, так как «сербы не желают иметь с ним дело, никакого доверия к нему не питают... Пашич его не примет». Таким образом, в Сербии Комиссия почти не работала в результате общественной и правительственной обструкции. Собственно, этим она должна была быть обязана личности П. Н. Милюкова, которого местное общественное мнение воспринимало как врага Сербии. При этом изначально Н. Пашич был готов встретиться с членами Комиссии, если на встрече не будет присутствовать Милюков, с которым сербское правительство сотрудничать не желало. Комиссия ответила на данное условие отказом и решила покинуть Сербию.

Еще более неприятная история произошла накануне отъезда, вечером 12 (25) августа, в ресторане роскошной гостиницы «Москва», в которой разместились члены Комиссии (любопытно, что эта гостиница принадлежала российскому страховому обществу «Россия»). Милюков вспоминал: «Мы сидели внизу в ресторане; кругом, за отдельными столиками, разместились демонстранты – большей частью патриотическая молодежь. По данному знаку раздалась по адресу “врага” Сербии грубые выкрики и резкие речи... Я испытывал горечь незаслуженного оскорбления и невозможности объяснить с молодежью по существу. Рано утром мы все уехали в Салоники. Это было мое последнее посещение Белграда»³². Ту же неприятную сцену с удовольствием описала и сербская пресса. В особой заметке рассказывалось, как «Милюков, известный клеветник сербского народа, был выброшен из отеля “Москва”. Когда он после ужина появился в отеле “Москва”, публика начала свистеть и требовать, чтобы Ми-

люков убирался вон. Милюков в результате ушел в свою комнату и утром был вынужден уехать»³³.

История эта была столь неприятной, неожиданной и унижительной, что в своих воспоминаниях П. Н. Милюков придумал неких своих сербских защитников, утверждая, что один из них пришел в гостиницу проститься с ним и горячо встал на его защиту во время демарша. По словам Милюкова, его спасителем был некий черногорец Венович, присутствовал при этом и профессор Люба Йованович³⁴. По уточнению В. Н. Штрандтмана, спасителем незадачливого заезжего эксперта по Балканам оказался «назначенный Н. Пашичем чиновник Министерства иностранных дел Цемович, которому было поручено предупредить Милюкова о возможности враждебных выступлений со стороны военных и молодежи в случае его открытых появлений в ресторанах и на улице. Вечером 25 августа, в присутствии Цемовича и бывшего министра Любы Стояновича... в ресторане “Москва” к ним подошла группа демонстрантов. Один из них стал вслух читать недоброжелательную газетную статью Милюкова о Сербии, и затем все хором потребовали его удаления из Белграда. Цемович пытался успокоить собравшихся, и тем временем Милюкову удалось выйти из зала»³⁵. Собственно, ясно, что спасителем был не некий «черногорский друг», а сербский дипломат, стремящийся избежать ненужного скандала, который мог бы произойти, если бы в дружественном России Белграде побили российского подданного, депутата Думы. По словам В. Н. Штрандтмана, Н. Пашич сожалел о произошедшем инциденте, но «не чувствовал себя ответственным, ибо Милюков был предупрежден. Само собой разумеется, что Пашич никакого доверия к нему не питал и питать не мог, зная, насколько Милюков пристрастно и тенденциозно освещал его, Пашича, слова... то есть “врал”»³⁶. Вторя официальной линии, сербская печать выражала неприязнь по отношению к П. Н. Милюкову, но осуждала спонтанный поступок молодежи, которой верховодил некий Соларович, и выражала уверенность, что они обязательно надавали бы московскому эксперту тумаков, «если бы не вмешательство серьезных людей»³⁷. Видимо, это уникальное для традиционно русофильской Сербии происшествие взволновало общественность, потому что спустя неделю сербская печать поспешила пересказать сообщение об этом инциденте в одной из русских газет, начинавшееся с характерного утверждения «Поделом ему досталось...»³⁸.

После отъезда членов Комиссии сербская полуофициальная печать вдогонку уточнила мнение сербского правительства и общества

по поводу Комиссии³⁹. Статья вышла на первой странице в качестве передовицы, что придавало ей весомость. В ней была подчеркнута неприемлемость сотрудничества с Комиссией из-за включения в ее состав П. Н. Милюкова, а вся ее деятельность связывалась с устремлениями «обманувшихся в своих ожиданиях врагов балканской самостоятельности, а на первом месте – Австро-Венгрии», чья печать с удовольствием смакует болгарскую пропаганду. Других бенефициаров деятельности Комиссии автор статьи называть не стал, однако особо отметил, что Сербия должна выразить негативное отношение не только к деятельности наиболее антипатичного члена Комиссии (П. Н. Милюкова), но и к работе Комиссии вообще. Популярная газета «Политика» сообщила читателям подробности о молниеносном пребывании в Сербии Комиссии Карнеги. По словам автора заметки, Комиссию не приняли ни Король, ни Пашич, а лишь начальник канцелярии министерства иностранных дел Д. Стефанович. Он предупредил членов Комиссии, что Милюков, как человек заведомо пристрастный и уже много лет выступавший как лицо заинтересованное, не может надеяться на сотрудничество с официальными органами Сербии, так как «не сможет беспристрастно судить». При этом автор заметки ссылаясь на статью из французской «Le Temps», уже выражавшую сомнение в объективности и второго эксперта по Балканам из состава Комиссии – Г. Н. Брейлсфорда, который «уже десять лет играет роль систематического защитника, если не сказать полуофициального адвоката, болгарских взглядов перед английской публикой»⁴⁰. С особым удовольствием «Политика» продолжила тему Комиссии и в следующем номере. Сообщая, что профессор Редлих не смог принять участие в работе Комиссии, газета предположила, что он «отказался от общества Милюкова и Брейлсфорда»⁴¹. Неприемлемость личности П. Н. Милюкова, дискредитирующего всю работу Комиссии, была высказана и в партийной газете радикалов «Самоуправа»⁴².

Тем не менее, именно П. Н. Милюковым, чьи взгляды были «подогреты» теплой встречей в Белграде, согласно его «Воспоминаниям», выполнена половина работы, в рамках Комиссии, по сбору материалов (о «сербо-греко-болгарских отношениях в Македонии»), в то время как Г. Н. Брейлсфорду досталась «греко-турецкая» часть. Милюков утверждал, что именно он написал и не менее четверти окончательного текста доклада.

Сербские газеты с удовольствием смаковали подробности бойкота по отношению к П. Н. Милюкову на всем протяжении его следо-

вания. При этом подчеркивалось, что в Скопье никто не хотел видеть Милюкова и даже разговаривать с ним, «кроме содержателя корчмы, где он остановился, и начальника железнодорожной станции, который сообщил ему о времени отправления поезда в Солун»⁴³. Сербская печать продолжала напоминать публике о том, что делал этот «печально известный (по-сербски это звучит весьма выразительно – *злогласан*. – А. Т.) сербскому народу славянин во время и до распри с болгарами»⁴⁴.

При этом из-за ярко выраженной проболгарской позиции П. Н. Милюкова неприязнь к нему, вплоть до полного бойкота, испытывали не только сербы, но и греки, которые вняли советам из Белграда и Парижа. «Уже 18 августа салоникский губернатор передал Комиссии распоряжение – уехать из Салоник. Был при этом упомянут и я; но главным “врагом” Греции оказался Брейлсфорд, участник борьбы за освобождение Крита, негодный афинскому правительству»⁴⁵. Белградские газеты останавливались на личности английского журналиста подробно, конкретизируя обвинения в публикации проболгарских статей и членстве в болгарофильском Балканском комитете в Лондоне⁴⁶.

Видимо, это было известно и в Афинах, куда Г. Н. Брейлсфорд предусмотрительно не поехал. П. Н. Милюкова же в Афинах также выкинули из отеля почти сразу, после статьи в газетах о том, что в Пирей прибыл известный «враг Греции». Впрочем, и эти несколько дней Милюков, по его воспоминаниям, потратил на «туристические цели». Сербская пресса следила за этими событиями и коротко сообщила, что греческое правительство также не выразило доверия П. Н. Милюкову, а поскольку Комиссия настаивала на его участии, ей было вовсе отказано в сотрудничестве. Автор статьи резюмировал, что бойкот в Греции является «событием, заставляющим воспринимать работу Комиссии как полностью обесцененную»⁴⁷. Признание деятельности Комиссии несостоятельной стало общим местом и других сербских изданий⁴⁸.

Но, видимо, этого показалось недостаточно, и в сербских газетах была опубликована еще одна статья с подзаголовком «Теперь видно, что за расследование было в Македонии!». Пересказывая статью корреспондента «Le Temps» из Солуни, автор подробно объяснял двойные стандарты и проболгарскую позицию П. Н. Милюкова и Г. Н. Брейлсфорда, чьи взгляды он противопоставлял позиции Ж. Годара и С. Датона, которые до своего приезда не имели предубеждений о Балканах. Упоминались и попытки П. Н. Милюкова дискре-

дитировать французскую комиссию, уже побывавшую в Македонии с целью расследования событий. Г. Н. Брейлсфорду приписывались высказывания о том, что «в болгарские зверства он поверит только в случае, если ему покажут трупы изуродованных людей, и братья или сестры покойных засвидетельствуют, что они жертвы болгар». О Милюкове говорилось, что при взгляде на фотографии болгарских комитов, участников зверств, он якобы воскликнул: «Но я не вижу тут ни одного знакомого мне лица!»⁴⁹ В то же время официальная сербская позиция оставалась неизменной, как ее формулировало государственное Пресс-бюро: «Сербское правительство категорически заявляет, что оно не против идеи о следственной комиссии и что как раз наоборот, ее целью является расследование... если работа комиссии провалена, то это потому, что один из ее членов – открытый неприятель Сербии и Греции, который известен тем, что он писал и делал»⁵⁰. После этого очередного провала П. Н. Милюков уехал из Греции в Турцию, где министром внутренних дел в то время был Мехмед Талаад-паша, один из его старых друзей из круга хороших знакомых ему «младотурков». После плодотворной работы по сбору материалов в Турции, из Стамбула Милюков отбыл в Софию, где смог завершить сбор информации, которая и стала исходным материалом для написания глав отчета Комиссии.

Собственно, на высшем (правительственном и общественном) уровне члены Комиссии были приняты лишь в Турции и Болгарии. Обе стороны в обильном количестве снабдили ее своей пропагандой. При этом болгарская информация, конечно, доминировала. Согласно «Воспоминаниям» П. Н. Милюкова, личный автомобиль министра внутренних дел Турции с адъютантом довез его до границы с Болгарией, где приват-доцента встречал специально направленный за ним поезд. Этой версии Милюкова противоречит сербская статья, где описан проезд «известного сербоненавистника» инкогнито через Ниш 29 сентября 1913 г.⁵¹ В Болгарии Комиссия проработала с 31 августа по 10 сентября, после чего ее участники вздохнули с облегчением и уехали в Париж. Болгарское правительство всемерно поддерживало деятельность Комиссии как на внутреннем, так и на международном уровне, что всячески подчеркивала сербская печать, публикуя сообщения иностранных СМИ по этому поводу⁵². П. Н. Милюков вспоминал: «...в Софии наша работа была обставлена совершенно иначе, нежели в трех других посещенных нами государствах. Не только мы были официально и торжественно признаны, но и болгары, первые поднявшие вопрос об исследовании “зверств”, не

ожидали нашего приезда, чтобы подготовить материал для нас. И, я должен признать, вся эта подготовка производилась совершенно беспристрастно и беспартийно... Значительная часть документов и свидетельских показаний была заготовлена для нас заранее; другая часть доставлялась немедленно по нашему требованию. Подготовительная работа в большой своей части была сделана моим старым другом профессором Милетичем, в бескорыстии и безусловной добросовестности которого у меня не могло быть ни малейшего сомнения»⁵³. Комментарии, как говорится, излишни. Поверить в объективность «информации», собранной во время боевых действий или сразу после их окончания одной из сторон, не сможет ни один объективный исследователь. Сербская пресса незамедлительно, но кратко сообщила о прибытии Комиссии в Софию, проинформировав читателей о том, что 1 сентября члены Комиссии Карнеги прибыли в Софию и начали работу «в руках беспристрастных болгар»⁵⁴. Сербская газета «Политика» и в это время продолжала заочную дискуссию с Комиссией Карнеги публикацией пяти болгарских документов с аннотациями, сопровождая их язвительным комментарием о том, что, тем временем как в трофеях находят такие документы, «комиссия института Карнеги, изгнанная из Сербии и Греции, ведет расследование в Софии против сербов и греков в пользу болгар»⁵⁵. Враждебное отношение к Комиссии выражали даже в стихотворной форме. В стихотворении «Надежная экспедиция», опубликованном в «Правде», анонимный автор иронично замечал, что после деятельности Комиссии Карнеги по расследованию преступлений на Балканах надо проводить расследование преступлений самого Милюкова⁵⁶. Передовица в «Политике» должна была стать заключительным аккордом канонады по Комиссии Карнеги в сербской печати. Анонимный автор назвал приезд Комиссии в Софию «последним актом комедии», еще раз выразил сомнения в обоих ее экспертах (П. Н. Милюкове и Г. Н. Брейлсфорде, которого он назвал «Милюковым для Греции»), упомянул об их разногласиях с другими «неосведомленными членами комиссии» и риторически задавался вопросом о том, насколько можно доверять членам Комиссии, которых выгнали отовсюду, кроме Софии, где они и соберут все доказательства⁵⁷. После этого разгромного текста оставалось лишь кратко сообщить читателям о том, что члены Комиссии Карнеги покинули Балканы, что и было сделано⁵⁸.

Однако истории с Комиссией предстояло иметь скандальное продолжение. Оно связано с именем Самсона Чернова⁵⁹, еврейского

фотографа и кинооператора, подданного России, талантливого кинохудожника и журналиста, чьи работы публиковались в российской и французской печати. Его обширный фотоматериал о периоде Балканских войн использовался не только в газетах, но и для организации фотовыставок о тех событиях. Просербская позиция С. Чернова была несомненна, он открыто демонстрировал ее в своих публичных лекциях и документальных статьях на тему о Балканских войнах. Возможно, как и приват-доцент Милюков, журналист Чернов также находился на «окладе», но только не в Софии, а в Белграде. По словам С. Чернова, во время его пребывания в Париже осенью 1913 г. к нему обратился с просьбой о встрече П. Н. Милюков и предложил уступить все имеющиеся записи и фотографии под условием полной передачи прав, то есть фактического прекращения их публичного использования, селекции и уничтожения Милюковым «ненужных» фотографий и материалов. Чернов отказался от предложения и сообщил о нем в газеты. Вспыхнул скандал, который выплеснулся на страницы французской и сербской печати⁶⁰.

Деятельность Комиссии можно назвать провальной, так как в основном она включила в рассмотрение лишь «данные», предоставленные болгарами и, в некоторой мере, турками. Самые большие «заслуги» в этом, конечно, принадлежат П. Н. Милюкову, благодаря беспардонному участию которого Комиссию выставили из Афин и Белграда, в силу чего расследование потеряло даже видимость объективности. Недаром талантливый русский журналист начала XX в. В. М. Дорошевич назвал вечного приват-доцента Милюкова «богом бестактности»⁶¹.

Сборник Комиссии, конечно, нельзя назвать объективным, его стоит рассматривать лишь как реликт пропагандистских войн начала XX в., одну из первых ласточек использования негосударственных организаций для достижения вполне отчетливых интересов отдельных государств. При этом даже прикладное пропагандистское значение самого сборника, вышедшего в свет в 1914 г., оказалось совсем незначительным. Идея заказчиков сборника в силу медлительности транспортных, информационных и технических средств сделала его малоактуальным. Сербия стала «полезной» жертвой, Центральные государства – врагами. Фонд Карнеги даже активно помогал восстановлению библиотечного фонда в Сербии, пострадавшего в результате австрийской бомбардировки Белграда. Однако деньги, потраченные на подготовку и публикацию доклада Комиссии, не пропали даром. Книга долго томилась в темных углах библиотек, дожидаясь своего часа. В 1990-х гг., когда сербы вновь стали «главными пло-

хими парнями» в Европе, со старого фолианта сдули пыль и переиздали на дорогой бумаге в твердой обложке для использования в новых медиа-войнах, для подкрепления мысли о том, что трагедия Сребреницы имеет исторические корни и обоснования.

Помимо медиаповода и пропагандистских целей, весьма сомнительна какая-либо польза этого переиздания, выпущенного в жанре «серой пропаганды» (репринт без выходных данных об издателях и финансирующих переиздания организациях) и распространявшегося бесплатно или по демпинговым ценам. Нарушения обычаев войны всеми странами-участниками Балканских войн (Сербией, Черногорией, Болгарией, Грецией, Румынией, Турцией), а также албанскими повстанцами – серьезная тема, заслуживающая внимательнейшего скрупулезного изучения. В ней лежат корни взаимной нетерпимости балканских народов и их конфликтов как в мировых войнах, так и на переломе XX и XXI веков. Пропагандистские труды, маскируемые званиями и именами авторов, ведут лишь к релятивизации событий, девальвации памяти жертв и, как следствие, к повторению эксцессов. Одна сторона становится уверенной в своей безгрешности и праве (необходимости) отомстить, другая – перестает верить любым сообщениям о собственной вовлеченности в военные преступления, что также развязывает руки экстремистам в погонах или без них. Все это в конечном счете ведет лишь к одному – к повторению трагедий в еще более массовых масштабах и к новым виткам конфликтов.

В Сербии деятельность Комиссии была воспринята современниками как достаточно прозрачная пропагандистская акция. Собственно, и по сей день доклад Комиссии воспринимается в Сербии строго в контексте пропаганды сторон в годы Первой мировой войны⁶².

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Mackay J. A. Little Boss: Life of Andrew Carnegie. Edinburgh, 1997.
- 2 The New York Times. 08.VI.1913.
- 3 Arnold J. R. The Moro War: How America Battled a Muslim Insurgency in the Philippine Jungle, 1902–1913. London; New York, 2011. P. 171–72.
- 4 Bal I. Turkish Foreign Policy in Post Cold War Era. Boca Raton, 2004. P. 405–406.
- 5 Finley J. P. The Mohammedan Problem in the Philippines // The Journal of Race Development. 1915. Vol. 5. № 4. P. 353–363.

6 Эти симпатии развеялись после начала Первой мировой войны, когда интересы США оказались противопоставленными интересам Центральных держав и их союзников. Особенно примечательной была миссия Э. Рута в Россию в 1917 г. с целью поддержать активность ее участия в войне, поскольку нежелание продолжать участие в мировой войне чувствовалось в 1917 г. как со стороны царского правительства, так и со стороны большевиков, разными дорогами шедших к одинаковому решению – сепаратному миру. Временное правительство, активно стремившееся продолжать войну, было в 1917 г. намного более предпочтительным сердцу американских миротворцев (*Mayers D. The Ambassadors and America's Soviet Policy. London, 1977. P. 67–80.*

7 *Campbell C. The Balkan Wars Drama. New York, 1913. P. 3–4.*

8 *Ibid. P. 181.*

9 *Макушин А. В., Трибунский П. А.* Павел Николаевич Милюков: труды и дни (1859–1904). Рязань, 2001. С. 20–104.

10 Там же. С. 130–150.

11 *Милюков П. Н.* Воспоминания (1859–1917). М., 1991. С. 125–135.

12 Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 415–417.

13 *Милюков П. Н.* Письма из Македонии // Русские ведомости. 1898–1899; *Милюков П. Н.* Из поездки в Македонию (Европейская дипломатия и македонский вопрос) // Вестник Европы. 1899. № 5; Пять этнографических карт Македонии с текстом П. Н. Милюкова. СПб., 1900.

14 *Wilkinson H. R.* Maps and Politics: A Review of the Ethnographic Cartography of Macedonia. Liverpool, 1951. P. 39.

15 *Ibid. P. 131.*

16 *Макушин А. В., Трибунский П. А.* Павел Николаевич Милюков... С. 186, 191, 193.

17 *Милюков П. Н.* Воспоминания... С. 347–348.

18 Там же. С. 356.

19 Там же. С. 135, 356.

20 Там же. С. 351.

21 *Larson E.* In the Garden of Beasts: Love, Terror, and an American Family in Hitler's Berlin. New York, 2011. P. 38–39.

22 *Милюков П. Н.* Воспоминания... С. 353.

23 Правда. 08.VI.1913.

24 Правда. 13.VI.1913.

25 *Милюков П. Н.* Воспоминания... С. 361.

26 *Brailsford H. N.* The Broom of the War-god: A Novel. London, 1898.

27 *Brailsford H. N.* Macedonia; its races and their future. New York, 1906.

- 28 *Leventhal F. M.* The Last Dissenter: H. N. Brailsford and His World. Oxford, 1985; *Савинков Б. В.* Воспоминания террориста. Ленинград, 1990.
- 29 *Штрэндтман В. Н.* Балканские воспоминания. М., 2014. С. 205.
- 30 Политика. 08.VIII.1913.
- 31 Политика. 12.VIII.1913.
- 32 *Милюков П. Н.* Воспоминания... С. 361.
- 33 Правда. 13.VIII.1913.
- 34 *Милюков П. Н.* Воспоминания... С. 361.
- 35 *Штрэндтман В. Н.* Балканские воспоминания... С. 206.
- 36 Там же.
- 37 Вечерње новости. 13.VIII.1913.
- 38 Вечерње новости. 19.VIII.1913.
- 39 Правда. 15.VIII.1913.
- 40 Политика. 13.VIII.1913.
- 41 Политика. 15.VIII.1913.
- 42 Самоуправа. 13.VIII.1913.
- 43 Правда. 17.VIII.1913.
- 44 Вечерње новости. 17.VIII.1913.
- 45 *Милюков П. Н.* Воспоминания... С. 361–363.
- 46 Вечерње новости. 24.VIII.1913.
- 47 Политика. 19.VIII.1913.
- 48 Самоуправа. 19.VIII.1913.
- 49 Политика. 22.VIII.1913.
- 50 Вечерње новости. 26.VIII.1913.
- 51 Правда. 31.VIII.1913.
- 52 Вечерње новости. 29.VIII.1913.
- 53 *Милюков П. Н.* Воспоминания... С. 363–364.
- 54 Правда. 02.IX.1913.
- 55 Политика. 03.IX.1913.
- 56 Правда. 04.IX.1913.
- 57 Политика. 04.IX.1913.
- 58 Политика. 07.IX.1913.
- 59 *Ружесковић С.* Трагом Самсона Чернова // Весник. Часопис за историју, музеологију и уметност. 2011. № 38.
- 60 Политика. 10.XI.1913; Политика. 16.XI.1913.
- 61 *Кольшко И. И.* Великий распад: Воспоминания. СПб., 2009. С. 563.
- 62 *Свирчевић М.* Пропаганда против Србије за време Балканских ратова и после њих 1912.–1914. године // Летопис Матице српске. 2013. № 3; *Бјелајац М.* Балкански ратови 1912–1913: Нова виђења и тумачења. Београд, 2013.

A. Ju. Timofeev, M. Živanović (Belgrade)

Can one treat the report of Carnegie Commission on the reasons and conduct of Balkan wars in 1912–1913 as a historical source?

The article analyses the early technologies of information wars that were conducted by international financial corporations under the coverage of “experts” from Russia and Western Europe to reach their goals in the Balkans. Double standards and the lack of objectivity a century ago already became typical for “unprejudiced international commissions”.

Keywords: *Balkan wars (1912–1913), psychological war, information technologies, propaganda, international humanitarian organisations.*

А. В. Ганин
(Москва)

Дело о «природном “езуитстве” ляхов». Лев Троцкий против полонофобии военспецов

В статье впервые проанализировано дело будущего Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова, возникшее в связи с публикацией им полонофобской статьи в период советско-польской войны 1919–1920 гг.

Ключевые слова: *советско-польская война, Л. Д. Троцкий, Б. М. Шапошников, Особое совещание при главнокомандующем, национальный вопрос.*

Одним из самых ярких столкновений председателя Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкого с бывшими офицерами был инцидент 1920 г., связанный с будущим Маршалом Советского Союза Б. М. Шапошниковым. Этот случай бегло упоминается в ряде публикаций о советско-польской войне, истории Красной армии, Л. Д. Троцком и Б. М. Шапошникове, однако до сих пор специально изучению не подвергался. Лишь обращение к документам Реввоентрибунала республики позволило разобраться в этом инциденте.

В конце апреля 1920 г. поляки перешли в наступление на Украине и 7 мая заняли Киев. Польское наступление развивалось до середины мая, когда части РККА смогли нанести контрудар в Белоруссии, а в конце мая последовал и контрудар на Украине. Не раз в самые трудные моменты своей истории перед лицом внешней опасности большевики отбрасывали партийные доктрины и звали к патриотическим чувствам населения. Когда угроза исчезала, менялась и пропагандистская риторика. Наступление поляков на территории, воспринимавшиеся тогда как исконно русские, вызвало мощный всплеск патриотических чувств, который использовало и партийное руководство, решившее разыграть патриотическую карту.

С этой целью 2 мая 1920 г. было создано Особое совещание при главнокомандующем всеми вооруженными силами Республики – консультативный совет при главкоме, занимавшийся обсуждением

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 17-81-01022а. Выражаю благодарность за консультации докторам исторических наук Г. Ф. Матвееву и И. В. Михутиной.

вопросов развития Красной армии и конкретно мер борьбы с поляками в период советско-польской войны. Совещание состояло в основном из генералов старой армии под председательством А. А. Брусилова. Посредством создания этого органа и выдвижения лозунгов защиты страны от внешней опасности большевики пытались привлечь на свою сторону патриотически настроенных бывших офицеров. Эти события вызвали немалый резонанс как в Советской России, так и за ее пределами. Резонанс этот прежде всего был связан с неожиданными патриотическими нотками в большевистской риторике, прозвучавшими на фоне стремительно развивавшихся событий на польском фронте.

Активные круги антибольшевистской эмиграции получали от белых подпольщиков из Петрограда сведения о том, что создание Особого совещания считалось победой русской патриотической группировки в советском руководстве, признаком «поправления» режима и поражением партии «Дзержинского и жидов»¹. В ответ на это партийной верхушкой перед ВЧК якобы была поставлена задача скомпрометировать старый генералитет, обнаружив в его среде «белогвардейский заговор». Но версии о переменах в партийном курсе противоречит оценка совещания самим его председателем как декоративного органа. По свидетельству Брусилова, это оказалась инсценировка, которая «со стороны правительства была белыми нитками сшита... делать дела они нам не давали, не веря нам»².

В состав совещания вошли бывшие генералы М. В. Акимов, П. С. Балувев, А. И. Верховский, А. Е. Гутор, А. М. Зайончковский, В. Н. Клембовский, Д. П. Парский, А. А. Поливанов, А. А. Цуриков. В качестве партийных представителей членами совещания стали А. Н. Александров, К. Х. Данишевский, Л. П. Серебряков, И. И. Скворцов-Степанов. Также в работе участвовали бывший генерал К. И. Величко и большевики Н. И. Подвойский и И. Ф. Медянец.

5 мая 1920 г. историк Ю. В. Готье записал в своем дневнике: «Некоторые хотят в этом видеть признаки какого-то поправления большевиков. Я этого не думаю; скорее, это привлечение генералов на роль манекенов; а для генералов – это золотой мост для перехода на паек, так как, якобы, гражданская война кончилась, а теперь началась война с иноземцами. Для большевиков генералы – ширмы, за которыми им легче вести свою политику: очередной обман это маскирование себя генералами, инсценировка национальной войны»³. Так оценивали происходящее антибольшевистски настроенные представители старой интеллигенции.

Служивший в Вооруженных силах на Юге России полковник А. А. фон Лампе отметил в апреле 1920 г., что «большевики, борющиеся за интернационал, идут дальше под нашими украденными у нас лозунгами, едут на нашей лошади, ведя за собой толпу во имя объединения России, сами стремясь к ее расчленению...»⁴ Впрочем, не вполне понятно, что подразумевалось под расчленением России большевиками в 1920 г.

В самом ЦК РКП(б) патриотические заигрывания были восприняты крайне неоднозначно⁵. Уже 8 мая из секретариата ЦК в редакции центральных газет была разослана циркулярная телеграмма с предписанием «в статьях о Польше и польской войне... строжайшим образом исключать возможные уклоны в сторону национализма и шовинизма»⁶.

30 мая члены Особого совещания составили знаменитое воззвание к бывшим офицерам русской армии, в котором призвали их, забыв старые обиды, вступать в Красную армию для защиты России⁷. Этот документ сыграл немаловажную роль в привлечении еще колебавшейся части офицерства в Красную армию. Затем, 2 июня, было подписано, а на следующий день опубликовано сообщение СНК об амнистии тех бывших офицеров, кто поможет скорейшей ликвидации белых и победе Советской России⁸.

Разыгрывание патриотической карты без четко обозначенных границ (на практике – временно выброшенного лозунга в традициях большевистского оппортунизма) оказалось чревато перегибами. Многие бывшие офицеры поверили таким декларациям, тем более что они не разбирались в политике, но являлись искренними патриотами и при этом нередко носителями националистических и даже шовинистических взглядов. Надо ли говорить, что такие взгляды были диаметрально противоположны интернационализму большевиков. Столкновение двух мировоззрений являлось лишь вопросом времени. В наиболее концентрированном виде оно выразилось в деле бывшего полковника Б. М. Шапошникова, который в разгар советско-польской войны на страницах военно-научного журнала «Военное дело» опубликовал статью «Первые боевые шаги маршала Пилсудского», содержащую полонофобские заявления.

Статья породила бурю. Прямо перед статьей на передовице печаталось воззвание Особого совещания ко всем бывшим офицерам. Свою статью будущий маршал начал с предыстории борьбы поляков за независимость, после чего из личного опыта по должности старшего адъютанта штаба 14-й кавалерийской дивизии описал бои

1914 г. с легионерами Ю. Пилсудского, приведя несколько примеров коварства поляков на войне. При этом выдающийся теоретик службы Генштаба в угоду личным пристрастиям погрешил против истины, приравняв военную хитрость и внезапность к коварству и выдвинув беспочвенный тезис о некоей прямолинейности действий современных армий. Кроме того, в статье делался вывод о том, что «природное “езуитство” ляхов вкладывалось в основу их боевой тактики и было противно духу “великорусского” племени, честно и открыто шедшему в бой с противником»⁹. Статья была подписана инициалами Б. Ш., но такая форма подписи в то время не была редкостью и порой даже не скрывала авторство.

Шапошников был патриотом и, как многие его товарищи по службе, с трудом ориентировался в хитросплетениях партийных доктрин. На патриотизм будущего маршала накладывались присущие генштабистам шовинистические взгляды и нелюбовь к полякам, которых в старой России не допускали в военную академию.

Между тем большевистское руководство стремилось придать той войне не национальный, а классовый характер, поднять польских рабочих и крестьян против буржуазии (правда, с бывшими офицерами заигрывали с помощью патриотических лозунгов). Разжигание полонофобии в Красной армии было некстати. Поэтому, как только статью Шапошникова прочитал председатель РВСР Л. Д. Троцкий, он 30 июня 1920 г. издал гневный приказ № 230 следующего содержания:

В № 13 «Военного дела» напечатана статья «Первые боевые шаги маршала Пилсудского», проникнутая насквозь духом грубого шовинизма. Достаточно сказать, что в статье говорится о «природном иезуитстве ляхов», которое противопоставляется честному и открытому духу великорусского племени. Незачем пояснять, в какой мере такого рода грубые и ложные обещания¹⁰ противоречат тому духу братства, который проникает отношение русского рабочего класса к трудящимся массам Польши. Статья «Первые боевые шаги маршала Пилсудского» свидетельствует о полной неспособности нынешней редакции «Военного дела» справиться со своими ответственными обязанностями.

Посему в видах предотвращения возможного дальнейшего распространения шовинистической отравы военно-научным журналом рабоче-крестьянской Красной армии п р и к а з ы в а ю :

1. Издание «Военного дела» приостановить впредь до радикального изменения состава редакции;

2. Установить непосредственных виновников напечатания указанной шовинистической статьи, дабы раз навсегда отстранить их и в дальнейшем от прикосновения к работе, имеющей своей задачей просвещение и воспитание Красной армии¹¹.

На копии приказа, направленной в Реввоентрибунал, имелась резолюция заместителя председателя РВСР Э. М. Склянского: «Т. Данишевскому для немедленного расследования по пункту 2-му. Ск[лянский]. 30/VI»¹².

Из канцелярии Троцкого в редакцию журнала была направлена срочная телефонограмма:

Сообщается для немедленного исполнения выписка из приказа председателя Реввоенсовета республики № 230 от 30 июня 1920 года: «Издание “Военного дела” приостановить впредь до радикального изменения состава редакции».

Копия вышеупомянутого приказа сего числа Вам посылается¹³.

Копия телефонограммы 30 июня была передана в Реввоентрибунал республики, где на нее 1 или 2 июля председателем трибунала К. Х. Данишевским была наложена резолюция заведующему следственной частью трибунала С. В. Пузицкому: «Срочно расследовать и установить автора статьи и члена редак[ционной] коллегии, непосредственно пропустившего статью. В случае установления автора и указанного члена коллегии допросить о понимаемом ими смысле инкриминируемой статьи. Обратит внимание на кавычки, в кои поставлены имеющие шовинистический смысл слова. Доложить о результатах 3 июля [в] 12 часов»¹⁴. До сих пор материалов расследования Реввоентрибунала республики по этому делу не касалась рука исследователей. Тем важнее введение этих материалов в научный оборот.

В деле на пяти листах имелись гранки статьи с печатью журнала и постраничными штампами о прохождении текста через военную цензуру с подписью цензора, причем никаких исправлений в тексте цензором сделано не было¹⁵. Далее прилагались копии секретного положения о военной цензуре РСФСР¹⁶ и перечня сведений, составляющих военную тайну и не подлежащих распространению¹⁷.

Не подлежали оглашению данные об организации, составе, численности частей и учреждений военного ведомства, названиях и номерах воинских частей; о вооружении, снабжении, обмундиро-

вании, военно-технических средствах, боеготовности; о местонахождении и передвижении воинских частей, отдельных лиц состава, учреждений, кораблей и судов, включая торговые с военными и продовольственными грузами для армии и флота; о назначении, состоянии, вооружении крепостей, укрепленных пунктов, морских баз, портов, о производстве работ в них, проектировании и упразднении, о составе и численности гарнизонов; о порядке и ходе мобилизации, готовности формируемых частей и учреждений к отправке на театр военных действий и прибытии туда, о ходе проверочных мобилизаций, о порядке укомплектования; о состоянии и сооружении путей сообщения; о состоянии средств связи – почт, телеграфов, телефонов, радиотелеграфов, линий связи; описания театра военных действий, кроме ранее опубликованных; о результатах бомбардировки противником; о кораблекрушениях и спасательных работах; о маневрах; о мероприятиях России за границей; о предполагаемых действиях армии и флота; о панических слухах; о новых изобретениях и усовершенствованиях; о поимке шпионов и приведении в исполнение приговоров над ними; о работе разведки и контрразведки; о посылке агитаторов на территорию противника; о крупных потерях, включая людские и имущественные потери; об эвакуационных пунктах; об эпидемиях, взрывах, пожарах в войсках; о военных действиях, не соответствующих оперативным сводкам; о волнениях в войсках и народных волнениях на почве мобилизации до их ликвидации; о военной промышленности, кроме публикации не несущих ущерба интересам республики сведений о разоблачении злоупотреблений¹⁸. Очевидно, что статья Шапошникова таких данных не содержала.

Содержалась в деле и старая телефонограмма Троцкого видным партийным работникам А. Г. Белобородову и Д. И. Курскому с копией ЦИК от 30 августа 1919 г. о том, что

с предполагаемым закрытием «Красного знамени» «Военное дело» остается единственным военным изданием. Несмотря на все уклонения и временные нелепости «Военное дело» является полезным журналом.

Независимо от того, как сложится в дальнейшем общая организация нашего военного издательства, считаю безусловно необходимым обеспечить еженедельный выход журнала по возможности в размере 16 страниц. Со стороны редакционной журнал был бы лучше всего обеспечен, если бы т. Курский взял бы на себя труд войти в редакцию «Военного дела», не с тем, разумеется, чтобы отдавать бы этой работе много

времени (чего он сделать не может), а с тем, чтобы раз в неделю перед выходом журнала в свет просматривать статьи и выбрасывать явно нелепые и совершенно неуместные в советском издании.

Задача «Военного дела», как я понимаю, двусторонняя: с одной стороны, вовлекать наших молодых командиров в круг более серьезных военных вопросов, с другой стороны – помогать старому командному составу сочетать свои знания и военный опыт с новыми условиями [и] новой обстановкой.

Ввиду этого подстригать «Военное дело» под строго казенную гребенку было бы несообразным. Вполне допустимы на страницах «Военное дело»¹⁹ критика, взаимная полемика и прочее.

Найти эту линию, где необходимы и допустимы обмен мнений и заканчивается и начинается уже сеяние редакционных предрассудков, – задача тонкая. Вот почему я считаю, что справиться с ней может только чрезвычайно тонкое лицо и очень настаивал бы на том, чтобы тов. Курский не отклонял моего предложения. Одновременно с этим необходимо принять меры, чтобы в типографии журнал печатался с необходимой正确ностью²⁰.

Подчеркивания красным карандашом, видимо, были сделаны сотрудниками трибунала или редакции «Военного дела», стремившимися отстоять журнал.

В течение 1 и 2 июля Пузицким в качестве свидетелей были допрошены по делу: главный редактор журнала Д. К. Лебедев, начальник отдела военной цензуры РВСР Н. Н. Батулин, цензор Б. В. Гетлинг, член РВСР Д. И. Курский и автор статьи – начальник оперативного управления Полевого штаба РВСР Б. М. Шапошников.

Д. К. Лебедев 1 июля показал:

Я состою редактором журнала «Военное дело» с самого основания его, с 1918 года приказом от 11 мая 1918 г., тов. Троцкого. Руководство журналом принадлежит редакционной коллегии в составе Парского, Незнамова, Снесарева, Свечина, Крживицкого, Мыслицкого, Новицкого, Вацетиса, Гирса под моим председательством. Телефонограммой предреввоенсовета тов. Троцкого от 30 августа пр[ошлого] года, которая сейчас мною представляется, тов. Курский был назначен наблюдать за содержанием журнала на предмет непропуска статей, явно нелепых и совершенно недопустимых в советских изданиях. Сотрудники журнала делятся на постоянных и случайных. Представляемые последними статьи прочитываются в нашем заседании редакционной коллегии, и при-

том очень внимательно. Статьи сотрудников первого рода просматриваются мной лично и заведывающим соответствующим отделом.

После просмотра печатаются в гранках, в которых отправляются в военно-цензурное отделение Полевого штаба. По возвращении из цензуры дозволенные статьи сверстываются, и в этом виде весь № отправляется тов. Курскому. После его санкции («не возражаю») номер печатается и рассылается.

Сотрудник журнала «Военное дело» Борис Шапошников был сотрудником постоянным и писал статьи по обзору боевых действий Красной армии, черпая материалы из оперативных сводок и указаний главнокомандующего Каменева.

Статья «Первые шаги маршала Пилсудского» была сдана в 20-х числах мая. Ее просматривал и. д. секретаря редакции Игнатов. 27-го статья была послана в типографию и в первых числах июня была отправлена в военную цензуру, где была поставлена пометка: «Разрешено военной цензурой» за подписью Гетманова²¹. Лично ее я просматривал после своего возвращения из командировки в Петроград, когда она была возвращена из цензуры.

Зная, что она пропущена военной цензурой, зная автора ее Шапошникова, я ее пропустил, не находя в ней ничего предосудительного, тем более в этом духе были статьи Радека²² и других. Номер с этой статьей был представлен тов. Курскому по обычному порядку и, очевидно, разрешен к выпуску. Номера 13 с пометкой Курского о разрешении выпуска в редакции не имеется.

Могу лишь добавить, что статья Шапошникова носит несколько агитационный характер, считаясь с моментом на фронте, но не направлена против польского народа как такового²³.

К протоколу прилагалась приписка видного военного ученого А. А. Свечина: «Как член ответственной редакционной коллегии подтверждаю все сказанное здесь ответственным редактором Лебедевым»²⁴.

Ответственный редактор не стал отпираться, поскольку не видел в статье ничего предосудительного, расценивая ее как агитационный материал патриотического характера. Остальные свидетели были допрошены на следующий день.

Н. Н. Батурин показал:

Задачей военной цензуры является недопущение разглашения военной тайны путем частной корреспонденции как русской, так и ино-

странной и, в частности, путем помещения статей в периодических печатных изданиях. Причем не пропускать цензура должна сведения, которые разглашают военную тайну и наносят ущерб обороне республики.

Политическая цензура, согласно положению о военной цензуре и перечню сведений, составляющих военную тайну, и постановлению 8-го съезда Р.К.П., в компетенцию военной цензуры не входит. Все газеты и журналы проходят предварительную цензуру.

Журнал «Военное дело» на общем основании присылает выходящие номера в гранках для предварительного просмотра, после которого поступает в печать.

Должен указать, что были случаи вычеркивания некоторых мест в журнале, которые мы, согласно нашему положению, не должны были пропускать. Журнал № 12 вышел без предварительного нашего просмотра, так как номер в гранках был прислан в цензуру, но обратно не взят редакцией, что равносильно непредъявлению на цензуру вовсе. Это было цензурой поставлено редакции на вид с предупреждением о привлечении к ответственности при подобных случаях в будущем.

Ранее я обращал внимание, что «Известия Наркомвоен» и «Военное дело» как органы советского военного ведомства не соответствуют своему назначению, так как лица, стоящие во главе этих органов, были типичными чиновниками старого режима, не способными²⁵ улавливать современную политику советской власти. На это обращалось мной в частных разговорах внимание т.т. Курского и Склянского. Статья «Первые боевые шаги маршала Пилсудского» была представлена в военную цензуру для предварительного просмотра приблизительно в конце мая месяца. Она была на общих основаниях направлена в отделение печати, начальником которого состоит т. Лунин.

Тов. Гетлинг было поручено просмотреть номер № 13 на предмет выпуска всех сведений, разглашающих военную тайну, который им был и пропущен.

Мною он лично не был просматриваем в гранках. В виду того, что задача военной цензуры ограничена строгими рамками вопросов оперативного и военного характера, а политический контроль к компетенции военной цензуры не относится, статья «Первые шаги Пилсудского» была пропущена.

Таким образом, оснований к задержке этой статьи у цензуры не было, но если бы я лично сам ее просматривал, то, возможно, путем частных мер выпуск ее остановил²⁶.

Батурин отметил недостаточное внимание редакции к вопросам военной цензуры в канун инцидента. Но, как и отмечалось выше, военная цензура претензий к статье Шапошникова не имела. Это же подтвердил на допросе 19-летний беспартийный цензор Б. В. Гетлинг:

Я состою цензором-контролером отдела военной цензуры Р.В.С.Р.

Мои обязанности заключаются в контролировании московской прессы и в случае нахождения в просматриваемых материалах сведений, разглашающих военную тайну и тем наносящих ущерб Красной армии, я должен их вычеркнуть.

Политический контроль меня совершенно не касается.

В случае представления статей явно контрреволюционных, следует представлять на усмотрение начальника отдела.

Статья «Первые шаги маршала Пилсудского» была мною просмотрена, в ней никаких секретных военных сведений не содержалось, почему и была мною пропущена.

При чтении я обратил внимание на несколько шовинистический характер статьи, но этого не было достаточно для обращения внимания начальника отдела.

Никаких инструкций от начальника отдела Батурина для хотя бы небольшого контроля в политическом смысле не давалось²⁷.

Однако материалы журнала проходили через двойной цензурный фильтр, который в данном случае не сработал. Вторым цензором издания был член РВСР Д. И. Курский, который выступил с резкими показаниями и раскритиковал военспецов из редакции:

Я считаю, что редакция «Военное дело» должна быть реорганизована на совершенно новых началах, ибо в настоящем своем составе не может выражать ни взглядов тех военных кругов, которые фактически создают силу Красной армии и руководят ею, и по составу большинства своих сотрудников чужда новым вопросам, выдвигаемым опытом Гражданской войны. Опыт создания двухэтажной редакции – в составе Курского, Батенина²⁸ и Парского, с одной стороны, и редакционной коллегии – с другой, оказался неудачным, так как фактически совмещал бы несовместимые элементы и при более активном вмешательстве редакционной тройки повел бы к фактическому вычеркиванию большинства статей прежних сотрудников. Кроме того, самый опыт был и непродолжителен, так как Батенин выбыл из редакции, а Парский затруднялся вообще редакционной работой.

По поводу статьи «Первые шаги маршала Пилсудского» мне известно следующее:

После появления статьи т. Радека о Пилсудском на одном из докладов у главкома Каменева тов. Шапошников, на[чалник] опер[ативного] о[т]д[ела] Пол[евого] штаба, сказал, что у него имеется даже портрет Пилсудского и что ему пришлось иметь столкновение с “соколами” Пилсудского в период империалистической войны, и что он намерен использовать этот материал для соответствующей статьи.

Рассказав в общих чертах об операции с соколами Пилсудского, и в частности эпизод с оставшимся в живых мальчиком-су²⁹ отряда соколов, т. Шапошников никаких шовинистических или националистических взглядов в этом рассказе не проявил.

По установившемуся обычаю сверстанный оттиск «Военного дела» посылался мне на просмотр; по отношению к этому номеру это, по видимому, не было соблюдено, так как я решительно не помню, чтобы я просматривал этот оттиск. Точно так же я не читал статьи в готовом номере, так как был знаком с содержанием статьи Шапошникова по его рассказу.

Убежден, что ни о каком умысле со стороны Шапошникова не может быть речи. Считаю Шапошникова безусловно преданным работником Красной армии, крупным, но узким специалистом и политически мало развитым, чем и объясняю тот шовинистический дух, который проявился в последнем абзаце его статьи³⁰.

Курский косвенно признал свою вину в пропуске статьи, отметив, что понадеялся на идентичность материала рассказу Шапошникова у главкома.

Наконец, допросили непосредственного виновника инцидента – автора статьи. Шапошников показал следующее:

На военную службу я поступил в 1901 году и служил до последнего времени. В 1910 году окончил академию Генерального штаба и занимал в старой армии строевые и штабные должности. Вопросами военного дела я всегда интересовался. Раньше каких-либо литературных печатных трудов у меня не было до конца германской войны. Впервые я начал работать с 1918 года, помещая статьи в журнале «Военное дело». Статьи были исторического и военно-теоретического характера, главным образом касающиеся действий конных масс.

Политических статей никогда не писал, равным образом политических тенденций в статьях мною совершенно не проводилось.

Я лично не принадлежу ни к какой партии, но сочувствую и служу Советской власти и какими-либо шовинистическими или националистическими взглядами не обладаю.

В бытность мою в 1914 году старшим адъютантом 14-й кавалерийской дивизии пришлось три раза столкнуться с польскими соколами и убедиться в их коварстве и предательстве. Читая в настоящее время статьи тов. Радека о Пилсудском и его политической деятельности, я вспомнил свои прежние переживания указанных трех встреч и предложил поделиться ими в статье в форме исторической справки. На одном из докладов главкому в присутствии тов. Курского я сказал, что предполагаю написать статью о Пилсудском, рассказав вкратце мои столкновения с польскими legionами.

Статью написал между 20-м и 26-м мая.

Какого-либо умысла дать определенную окраску этой статье у меня вовсе не было. Некоторый шовинистический оттенок статьи произошел вследствие некоторых переживаний минувшего, кроме того, момент был очень острый, когда из газет мое настроение было приподнято и затем, стоя близко к оперативным действиям Красной армии, я близко принимал к сердцу и удачи, и неудачи армии и невольно мог увлечься во время писания этой статьи, что совпадает с периодом нашего наступления на Западном фронте и наших явных успехов.

Статью я послал в редакцию журнала «Военное дело», и как она попала в печать – мне неизвестно³¹.

Очевидно, Шапошникову предпочтительнее было откреститься от шовинистических взглядов и полонофобии, чем оказаться под арестом. Именно этим и объясняются его показания, идущие вразрез с текстом статьи. И все же он признал, что действовал под влиянием момента и пропаганды.

По итогам расследования Пузицкий подготовил доклад «по делу о помещении статьи шовинистического характера в журнале “Военное дело”» за подписью председателя реввоен трибунала Данишевского и его собственной, направленный заместителю председателя РВСР Э. М. Склянскому и в копиях председателю РВСР Троцкому и члену РВСР Курскому.

Документ открывался изложением приказа Троцкого, после чего излагались показания свидетелей о том, что представлял собой журнал, каким образом была организована в нем цензура, кем являлся Б. М. Шапошников (приводилась положительная характеристика, составленная Д. И. Курским) и почему он написал такую статью.

Резолютивная часть доклада была составлена Пузицким в духе высказываний высокопоставленного партийного свидетеля Курского и инициатора расследования Трощаго:

Исходя из изложенного, нельзя не признать:

1) что журнал «Военное дело» как официальный орган советского военного ведомства не соответствует своей высокой задаче просвещать и воспитывать Красную армию, так как лица, стоящие во главе этого органа, являются типичными чиновниками старого бюрократического режима, не способными по своей органической отчужденности улавливать современную политику Советской власти и выражать взгляды и идеологические тенденции тех военных кругов, которые фактически создают силу Красной армии и руководят ею, поэтому бессильны отражать на страницах журнала новые вопросы и доктрины, выдвигаемые опытом Гражданской войны.

2) что в работе отдела военной цензуры Р.В.С.Р. отсутствует истинный революционный дух и революционная инициатива, так как, толкуя свои права и обязанности «по букве закона», отдел принимает некоторую окраску, присущую бюрократическим учреждениям дореволюционного периода. Помимо этого нельзя не отметить полную неосмотрительность и неосторожность передачи контроля над всей московской прессой молодому 19-тилетнему человеку, к тому же не коммунисту.

3) что сотрудник журнала «Военное дело» Борис Шапошников, будучи хорошим знатоком военного дела и талантливым стратегом, политически мало развит, вследствие чего к занятию журналистикой может быть допущен лишь под руководством опытных политических деятелей.

Таким образом, непосредственными виновниками напечатания шовинистической статьи «Первые боевые шаги маршала Пилсудского» в журнале № 13 «Военного дела» являются:

1) автор указанной статьи Шапошников

2) прочитывавшие и непосредственно пропустившие статью редактор журнала «Военное дело» Лебедев и и. д. секретаря редакции Игнатов и

3) отчасти отдел военной цензуры в лице цензора Гетлинга, непосредственно разрешившего печатание статьи, и начальника отдела Батурина, относящегося к своим правам и обязанностям чисто формально, легкомысленно назначившего Гетлинга на ответственную должность цензора всей московской столичной прессы и недостаточно инструктирующего своих сотрудников в революционном духе³².

О вине Курского, не удосужившегося ознакомиться с текстом статьи, не упоминалось, а вина была возложена на молодого цензора и его начальника, добросовестно исполнявших свои обязанности по недопущению в печать сведений, составлявших военную тайну. Э. М. Складскому из Реввоентрибунала был направлен доклад несколько иного содержания, опиравшийся на показания самого Шапошникова³³.

Нельзя сказать, что Троцкий имел личное предубеждение против Шапошникова. В октябре 1921 г. он вместе с главкомом С. С. Каменевым подписал приказ о награждении Шапошникова орденом Красного знамени³⁴, а в 1924 г. способствовал изданию книги Шапошникова «На Висле»³⁵. Кроме того, в первой половине 1920-х гг. Шапошников по должности 1-го помощника начальника Штаба РККА участвовал в осуществлении военной реформы, инициированной Троцким.

Но Троцкий об этом случае не забыл. Много лет спустя, уже в эмиграции, беспощадно критикуя И. В. Сталина, в том числе за измену прежним революционным идеалам, он написал: «Во время польской войны в военном журнале появилась грубо шовинистическая статья о “природном иезуитстве ляхов” в противовес “честному и открытому духу великороссов”. Особым приказом журнал был прикрыт, а автор статьи, офицер Генерального штаба Шапошников, отстранен от работы. Сейчас Шапошников состоит начальником штаба и является единственным из уцелевших старших офицеров эпохи Гражданской войны. Только такие люди выжили, приспособились, уцелели...»³⁶

Конечно, Троцкий был несправедлив к Шапошникову, который отнюдь не был приспособленцем. При этом советский период жизни Шапошникова стал для него временем тяжелейшего морального надлома, а гибели в жерновах репрессий будущий Маршал Советского Союза избежал случайно³⁷. Вполне возможно, что свою роль в этом сыграла и история 1920 г., создавшая Шапошникову ореол пострадавшего от Троцкого. Однако в 1920 г. подобный случай мог плохо кончиться для беспартийного военспеца.

Статья Шапошникова не была целиком шовинистической, а лишь содержала ложные выводы такого свойства. Этот инцидент знаменовал изменение советской пропагандистской риторики и отказ от разыгрывания патриотической карты. Не заставили себя ждать и репрессии в отношении членов Особого совещания (первые аресты произошли уже в июне 1920 г.). Помимо выпуска воззвания к бывшим офицерам совещание ничем не прославилось и было упразднено в сентябре 1920 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Первые боевые шаги маршала Пилсудского

Идея «независимости»³⁸ Польши, ее «националистические» стремления не могли быть вытравлены ни политикой «муравьевских галстуков», ни компромиссными решениями русского правительства. Искры «единой» и «могущественной» Польши на протяжении всего 19 века не угасали и или тлели, или же вспыхивали ярким пламенем мятежей против правительства. Ни ссылки в далекую Сибирь, ни жестокие репрессивные меры на местах не могли задушить в польском обществе мысль о восстановлении Польши. Немало «истых» патриотов сложило свои головы как в борьбе за собственный риск и страх с русскими войсками во время мятежей, так и в составе Великой армии Наполеона в качестве вспомогательных контингентов. Вся литература Польши была направлена к тому, чтобы поддержать в народе живой дух борьбы за независимость, не дать угаснуть былой боевой славе ее войск, некогда победоносно разносивших свои знамена на востоке и юго-востоке Европы. *Крашевский* и *Сенкевич*, а также ряд других писателей были теми бардами Польши, которые воспитывали современное им поколение и последующие в духе «национальных» стремлений к объединению «*Великой Польши*» с оружием в руках.

Однако тяжелый «режим» как русского, так и германского правительств к концу 19 и в начале 20 веков исключал всякие надежды на успех восстаний в самой Польше. Малейшие попытки к организации каких-либо военных обществ решительно искоренялись, и в польском обществе зародилась и культивировалась уже другая идея – идея объединения Польши, но «не самостоятельной», а в федерации или с Россией, или с Австрией, только не [с] Германией. Таковы были мысли «большинства» поляков, но не так думало «меньшинство», а именно «социал-демократическая» партия Польши и Литвы, часть которой продолжала «национальную» работу, стремясь при помощи рабочего класса провести в жизнь идею «единой Польши» и вооруженной рукой воссоздать самостоятельное государство.

Душой этого крыла социал-демократической партии был *Иосиф Пилсудский*³⁹, старый революционер, выдавший и далекую Сибирь и испытавший горечь жизни эмигранта. Горячий поклонник вооруженного возрождения Польши, *Пилсудский* жил мечтой о польских легионах, стремясь при первой возможности призвать их к жизни.

Попытка сформировать польские отряды во время Русско-японской войны в 1904 году и поездка для этой цели Пилсудского в Токио кончились неудачей. Революция 1905 года также не оправдывает его надежд, но упорный «романтик польского национализма» не сжигал своих кораблей. «Лоскутная» монархия Франца-Иосифа была подходящей канвой для узоров Пилсудского, и последний предложил свой «бело-малиновый лоскут» подшить к разноцветному одеялу дряхлеющего старика. Назревавшая с каждым днем неизбежная мировая война, несмотря на бряцание оружием, пугала Австрию, и верный своим интригам Венский двор решил и здесь путем восстаний в русской Польше обеспечить успех своим войскам, а потому «милостиво» отнесся к предложениям Пилсудского создать будущие кадры для повстанческих польских войск. «Пан Юзеф» вступал на практический путь осуществления своих «национальных стремлений», получив разрешение от правительства Австрии на создание командного состава для будущих польских войск!

Так, в последние дни мира в Европе, в душевной атмосфере политики и лихорадочной военной деятельности зародилась *польская армия*.

Мы уже отметили, что *Пилсудскому* австрийским двором было разрешено лишь подготавливать будущий командный состав. С него и начал «современный Костюшко», используя для этой цели *сокольские организации* Галицийской Польши. Среди молодежи, наполнившей последние, конечно было больше горячих умов, откликнувшихся на призыв Пилсудского, чем среди трезвых политиков той или другой партии. Мало верили в успешность затеи в Галиции, еще меньше верили в это поляки русской Польши, которые по плану Пилсудского и должны были составить главный контингент будущей армии-освободительницы польского государства. Однако фанатически настроенные единичные личности русской Польши и зеленая молодежь все же охотно путешествовали в Краков в школы Пилсудского.

Деятельность последнего была взята «на учет» нашей разведкой, пристально присматривавшейся к тому, что делается за рубежом. Не было тайной, что сокольские организации не только крупных городов Галиции – Краков, Львов и т. д. – рассадники будущих врагов, но что и мелкие города и даже «замки» единичных влиятельных польских «магнатов», как, например, графа Тарновского, шли по тому же пути.

В сокольских кружках «довудцы» польских легионов обучались военному искусству и строю. На польском языке издавались уставы

и был заложен маленький, слабый фундамент военной «польской» литературы. Производились маневры. В парадах краковского гарнизона «сам» пан Пилсудский с обнаженной саблей проходил церемониальным маршем перед австрийскими генералами.

Во что могли вылиться во время войны эти «потешные» затеи горячих патриотов – сказать было трудно, но, судя по тому, насколько австрийское правительство не особенно благосклонно шло навстречу формированию «польской армии», снабжая ее устарелыми винтовками, и то в ограниченном количестве лишь для обучения, «будущие легионы» не могли быть грозным врагом для русской армии. Сам их «маршал» не был уверен, позволит ли ему Вена с началом войны развернуть свою армию в тех размерах, в которых он желал бы ее видеть.

Таково было состояние «польской армии» перед мировой войной! Но вот грянула последняя, и Пилсудский должен был начать «действовать», дабы оправдать в глазах своих патронов все то, что было хорошо в теории. Быстро были стянуты в *Краков* все наличные силы сокольских организаций Галиции, образовавшие из своих «безусых» солдат не более *трех батальонов* пехоты при *одной сотне* конницы и без единой пушки. Вооруженные винтовками «времен Очакова и покорения Крыма», с обывательским обозом, наполненным жалким имуществом — «дети», принеся присягу на верность Францу-Иосифу, двинулись в поход.

«*Кадрам*» Пилсудского необходимо было скорее оказаться на территории русской Польши, чтобы ожить, поднять восстание и пополнить свои ряды так необходимым им контингентом. Кроме того, первоначальное вторжение в наши пределы было наиболее выгодно в том направлении, которое наиболее подготовлено к этому в отношении пропаганды идеи независимости Польши среди населения. Приведенным условиям более всего отвечал левый берег Вислы с населением более культурным, более сознательным, обнаруживавшим сильное тяготение под высокую руку Франца-Иосифа. Сюда и были направлены первые шаги Пилсудского.

Запоздавшая с окончанием своих приготовлений к войне Австрия лишь 24 июля официально выступила на путь вооруженной борьбы с Россией. Развернув малиновые знамена с белым польским орлом, легионы Пилсудского с громкими возгласами в честь Франца-Иосифа и «единой» Польши, совместно с разъездами 7 австрийской кавалерийской дивизии, перешли нашу границу и двинулись по шоссе от Кракова на Мехов, Кельцы.

Беспрепятственно шло продвижение легионов по «русской» территории – оставшаяся одна на левом берегу Вислы 14 кавалерийская дивизия в это время находилась вблизи Вислы в районе Островца, прикрывая наиболее опасное для разворачивающейся на правом берегу Вислы 4 русской армии направление вдоль левого берега Вислы от Сандомира на север.

К 28 июля Пилсудский со своими легионами и при поддержке частей 7 австрийской кавалерийской дивизии уже занимал *Мехов* и *Андреев*, организуя в занятой местности «польское» управление и печатая воззвания к польскому народу с призывом к борьбе с «москалями».

29 июля легионы передвинулись из *Андреева* в *Кельцы*, и еще больше сердца юных патриотов «ойчизны»⁴⁰ наполнились радостью, когда древний город оказался в их власти. Тотчас же по занятии *Келец* в городе было введено «польское» управление, выпущены воззвания и началось издание даже «газеты». Сам «ржонд народовой»⁴¹ открыл заседание в губернаторском доме. Безусые легионеры с комфортом разместились у «гостеприимных» горожан, выставив лишь ближнее охранение на окраинах города, к северу, западу и востоку, и заняв вокзал, по-видимому, дежурной частью. Небольшие разъезды от конной [сотни] наблюдали шоссе *Кельцы – Радом*.

На последнее в этот день уже выходила 14 кавалерийская дивизия, расположившись на ночлег в районе юго-западнее *Сухедянева* и выдвинув по шоссе на *Кельцы* разведывательный эскадрон гусар.

До получения данных от гусар, штаб 14 дивизии через местных жителей был уже ориентирован, что город занят противником, но «каким» и в «каких силах» – это было пока тайной. Раскрыть последнюю и было решено 30 июля, направив для разведки и занятия *Кельц*, кроме высланного уже эскадрона гусар, еще эскадрон улан и усилив гусар пулеметами. Наступая на город с севера и запада, эскадроны должны были овладеть городом.

30 июля эскадроны выступили для выполнения задачи, а вместе с ними к городу направился автомобиль штаба дивизии с начальником штаба и офицерами-ординарцами.

Подойдя к д. *Шидловск* около 12 часов дня, гусары спешили и вместе с начальником штаба дивизии двинулись цепью к городу. Узнав от толпившихся на окраине *Кельц* жителей, что противника в городе нет, гусары втянулись в улицу и двинулись далее на площадь. Вслед за гусарами, обгоняя их, в город влетел автомобиль штаба дивизии с 4 офицерами-ординарцами, быстро направляясь к центральной площади. Уланы медленно с запада подходили лавой к вокзалу.

«Предательство» жителей скоро сделало свое дело. Едва гусары вышли на первую площадь, как попали под перекрестный огонь из окон и ворот домов, из которых засевающие «сокола» осыпали пулями «доверчивых» разведчиков. Отстреливаясь на ходу на все стороны, подбирая раненых, гусары в тяжелой обстановке начали отходить из города. В еще больший огонь попал автомобиль штаба дивизии в узкой улице города. Осыпанный пулями автомобиль, благодаря мужеству раненого шофера, все же вскоре шел уже в обратном направлении из центра к северной окраине, увозя убитого и двух раненых пассажиров. Эскадрон улан, встреченный огнем из вокзала, отошел назад.

Так закончилась «разведка» *Кельи*, ценою жертв выяснившая нахождение в них «соколов» Пилсудского и явное «сочувствие» к ним местного населения. Противник торжествовал «первую» победу!!

Но торжество было преждевременно! В штабе 14 дивизии, когда были получены первые сведения о данных разведки, результаты которой «ярко» свидетельствовали нашу «доверчивость» и «коварство» жителей и противника, тотчас же была решена «экзекуция».

31 июля 14 кавалерийская дивизия к 10 часам утра уже подходила к д. *Шидловск*. Противник, осведомленный о наступлении дивизии и страшась заслуженной кары, уже отступал... Лишь небольшой разъезд драгун был обнаружен в госп[одском] дв[оре] *Чарнов* и до полуроты соколов было рассыпано в цепь к западу от вокзала, прикрывая отход главных сил Пилсудского.

Для преследования последних к западу от города и даже по шоссе на *Хенцины* был немедленно направлен 14 уланский полк с пулеметами и 2 орудиями. Остальные же 4 орудия заняли позицию к северу от д. *Шидловск* и открыли огонь гранатами по городу, произведя огневую экзекуцию в расплату за предательство по отношению к русским войскам.

30 гранат были достаточной мерой наказания! Потребованным представителям города были предъявлены условия немедленной выдачи заложников и уплаты контрибуции в 100 000 рублей. Через полчаса условия были выполнены и как заложники, так и контрибуция были направлены в тыл – в *Ивангород*, а в город введены разъезды для осмотра домов и поимки оставшихся соколов.

Уланы быстро настигли арьергард Пилсудского и на его плечах продолжали преследовать главные силы поспешно отходивших по Хенцинскому шоссе и бросавших снаряжение, оружие и обоз.

Высокие горы, окаймлявшие Хенцинское шоссе, парализовали охват отступающего противника, заставляя медленно вести фрон-

тальную атаку. К вечеру противник отошел к м. *Хенцины*, заняв здесь позицию, а уланы вернулись на присоединение к дивизии, повернувшей, в силу своей боевой задачи, на восток от *Кельц*.

Таковы были «*первые боевые шаги*» соколов бригадира Пилсудского! Презрение и жажда мести за засаду осталась в рядах бойцов 14 кавалерийской дивизии к этим новым солдатам польской «ойчизны»! «Бандиты» Пилсудского не считались за противника, признанного международными законами войны, а почитались элементом, подлежащим уничтожению.

Явная непригодность к боевым действиям «сокольских» батальонов Пилсудского против организованных вооруженных сил заставляла их ограничиваться мелкими поисками и засадами, подобными только что очерченному.

В 20-х числах сентября 1914 года частям 14 кавалерийской дивизии вновь пришлось столкнуться с одним из отрядов «соколов» на р. *Ниде*. Преследуя отступающих после *Люблинского* сражения австрийцев по левому берегу *Вислы*, 14 кавалерийская дивизия в исходе сентябрьского осеннего дня подходила к переправе через *Ниду* у м. *Вислица*, когда навстречу колонне показалось несколько обывательских подвод, нагруженных ранеными и убитыми казаками 5 кавалерийской дивизии, наступавшей южнее. Беглый опрос конвоиров выяснил, что застава казаков этой дивизии была неожиданно ночью окружена «соколами» в д. *Щитинки*, произведшими ночной налет из *госп[одского] двора Чаркова*. Запалив деревню, соколы набросились на сонных казаков, едва опомнившихся от неожиданного нападения и с потерями отразивших таковое. Злой рок легионеров Пилсудского снова 14 кавалерийскую дивизию выдвигал в роли мстителя.

Знакомое дивизии предательство поляков ждало наказания! Тотчас же по переходе через *Ниду* было отдано приказание артиллерии открыть огонь по *госп[одскому] дв[ору] Чаркова*, а два эскадрона драгун авангарда, развернувшись лавой, быстро направились туда же. Однако жаль было тратить снаряды по такому противнику, как «сокола», и приказание об открытии артиллерийского огня было отменено, а драгунам было указано зажечь *госп[одский] двор*. Вскоре последний с его службами и надворными постройками запылал, и «сокола», задыхаясь от дыма, быстро очистили *госп[одский] двор*, отступая к югу, преследуемые драгунами, беспощадно расправлявшимися с ними. Владелец господского двора *Чаркова*, граф Пусловский, как явно оказывавший сочувствие «соколам», вместе со своим управляющим были арестованы и отправлены в крепость *Ивангород!*

Два случая коварства противника – «соколов» – настолько озлобили весь состав 14 кавалерийской дивизии, что солдатам Пилсудского лучше было бы и не встречаться с 14 дивизией. Однако судьба снова свела обоих врагов 7 октября того же 1914 года в районе г. *Сохачева* под станцией *Беднары*, где «соколы», прикрывая отход немцев из-под Варшавы, обороняли переправы через р. Бзуру против нашей конницы, нависшей над флангом противника. Отбросившие от переправы через Бзуру «соколов» к станции *Беднары* драгуны 14 кавалерийской дивизии – 2 эскадрон, лихо в конном строю атаковали взвод «соколов» у ст. *Беднары*, полностью переколов и зарубив их. Лишь один «безусый», дрожащий от испуга, с широко раскрытыми глазами от ужаса пережитой расправы легионер Пилсудского, еле сдерживая слезы, давал показания в штабе дивизии.

Так начинала свою «боевую историю» польская армия, возрожденная Пилсудским! Природное «езуитство» ляхов вкладывалось в основу их боевой тактики и было противно духу «великорусского» племени, честно и открыто шедшему⁴² в бой с противником.

В душной атмосфере лжи, интриги и предательства зародилась польская армия, с их принципами начала свою боевую деятельность и в ней же найдет свою гибель! Современные армии прямолинейны в своих настроениях и искусстве!

Б. Ш.

Май 1920 года.

Б. Ш. Первые боевые шаги маршала Пилсудского // Военное дело. 1920. № 13 (77). 07.06. Стб. 387–392.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Архив Гуверовского института. *David D. Grimm Papers*. Box 3. Folder 1. По всей вероятности, речь шла о сторонниках интернационализма и экспорта революции.

2 *Бруслов А. А.* Мои воспоминания. М., 2001. С. 297.

3 *Готье Ю. В.* Мои заметки. М., 1997. С. 403.

4 ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 73.

5 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 61. Л. 1об.; Е.А. Преображенский: Архивные документы и материалы: 1886–1920 гг. М., 2006. С. 348, 353.

6 Из истории Гражданской войны в СССР. М., 1961. Т. 3. С. 186.

7 Правда. 1920. № 116. 30.05. С. 1.

8 Там же. № 118. 03.06. С. 1.

- 9 Б. Ш. Первые боевые шаги маршала Пилсудского // Военное дело (Москва). 1920. № 13 (77). 07.06. Стб. 392.
- 10 Так в документе. Видимо – обращения.
- 11 РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 59. Л. 334; *Троцкий Л. Д.* Как вооружалась революция (на военной работе). М., 1924. Т. 2. Кн. 2. С. 153.
- 12 РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 637. Л. 3.
- 13 Там же. Л. 2.
- 14 Там же.
- 15 Там же. Л. 4–8.
- 16 Там же. Л. 9–9об.
- 17 Там же. Л. 10–10об.
- 18 Там же. Л. 10.
- 19 Так в документе.
- 20 РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 637. Л. 11.
- 21 Видимо, речь о Б. В. Гетлинге.
- 22 Речь идет о передовицах видного большевика К. Б. Радека, печатавшихся в апреле – мае 1920 г. в газете «Известия». И прежде всего о статье: *Радек К.* Иосиф Пилсудский // Известия. 1920. № 97 (944). 07.05. С. 1; № 99 (946). 09.05. С. 1; № 101 (948). 12.05. С. 1; № 103 (950). 14.05. С. 1.
- 23 РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 637. Л. 12–12об. Машинопись. Сверено с рукописью: Там же. Л. 17–18об.
- 24 Там же. Л. 12об., 18об.
- 25 В документе – не способные.
- 26 РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 637. Л. 13–13об. Машинопись. Сверено с рукописью: Там же. Л. 19–20.
- 27 Там же. Л. 14. Машинопись. Сверено с рукописью: Там же. Л. 21–21об.
- 28 Батенин Эразм Семенович (1883–04.11.1937) – военный специалист РККА, советский писатель.
- 29 Речь идет о молодом пленном легионере, описанном Б. М. Шапошниковым в конце статьи.
- 30 РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 637. Л. 15–15об. Машинопись. Сверено с рукописью: Там же. Л. 22–23.
- 31 Там же. Л. 16–16об. Машинопись. Сверено с рукописью: Там же. Л. 24–25.
- 32 Там же. Л. 27–27об.
- 33 Частично опубликовано в: *Дьяков Ю. Л.* Неизвестные документы об отношениях СССР (России) и Польши в XX веке // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. Сб. статей. М., 2001. С. 61–62. Дело, по которому публиковался

данный документ, до сих пор находится на секретном хранении (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 25. Л. 168–169об.).

34 РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 7. Л. 68–68об.

35 Там же. Ф. 64. Оп. 3. Д. 131. Л. 6.

36 *Троцкий Л. Д.* Сталин. М., 1990. Т. 2. С. 273.

37 *Ганин А. В.* Выбор Маршала Победы. Почему Борис Шапошников пошел за красными и какую цену за это заплатил // Родина. 2016. № 11. С. 37–41.

38 Значительная часть слов в кавычках, географические названия, некоторые фамилии выделялись в статье курсивом.

39 В гранках статьи и в своих показаниях Б. М. Шапошников указывал фамилию как Пильсудский.

40 Здесь и далее Б. М. Шапошников в ироническом ключе употребляет русскую транскрипцию польского слова ojczyzna – отчизна, государство.

41 Rząd Narodowy (*польск.*) – народное правительство.

42 Так в тексте.

A. V. Ganin

The case on “the natural jesuism of the Poles”. Lev Trockij against the polobophobia of the military specialists

The article analyzes the case of the to-be Marshal of the Soviet Union B. M. Shaposhnikov, who published a polonophobic article during the Soviet-Polish war 1919–1920.

Keywords: *Soviet-Polish war, L. D. Trotsky, B. M. Shaposhnikov, Special council under the commander-in-chief, national question.*

Е. Ю. Борисенок
(Москва)

Языковая политика УССР в условиях коренизации

В статье рассматривается языковой аспект политики коренизации в УССР, основные направления и особенности реализации в 1920–1930-е гг.

Ключевые слова: *УССР, национальная политика, коренизация, язык.*

Советская языковая политика является актуальной исследовательской проблемой в современной гуманитарной науке, которой посвящены многие работы отечественных и зарубежных специалистов различного профиля. Особого внимания заслуживает опыт Украинской ССР: именно там проявились все достоинства и трудности советского национального языкового строительства. Как справедливо отметил Т. Мартин, «на протяжении всего сталинского периода центральное место в эволюции советской национальной политики принадлежало Украине»¹.

Языковая политика в качестве проводника большевистских идей и средства воздействия на многоэтничный социум являлась важнейшей частью советского национального проекта. Фактически большевистское руководство предпринимало меры к утверждению национального характера той или иной территории путем специальной политики – коренизации, существенной составляющей которой было развитие национальной культуры народов СССР. Протекционистские меры большевистского руководства предусматривали изменение статуса национального языка и культуры путем создания условий для их развития и внедрения в ранее недоступные сферы (в общественно-политическую жизнь, образование и науку, массовую коммуникацию и др.). При этом политика коренизации не только распространялась на «титულную» нацию той или иной республики, но и предусматривала меры по развитию культуры национальных мень-

---

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 16-01-00395а «Исторический опыт национальной и культурной политики Российской империи и Советского Союза в отношении Украины и ее населения»).

шинств, причем осуществление прав национальных меньшинств велось в рамках создания особых национальных территориальных административных образований. Поддержка развития разных этносов и языков дополнялась сложной системой доминирования того или иного языка на определенном административном пространстве (национального сельсовета, района, республики, страны в целом).

Поэтому в языковом строительстве на территории Советской Украины можно выделить два больших направления: это политика в отношении украинского языка (т. е. языка «титальной» нации республики) и политика в отношении языка национальных меньшинств. При этом в украинской литературе обычно выделяют период коренизации 1920-х гг. как время развития национально-культурного строительства, и период свертывания коренизации в 1930-е гг. Так, И. С. Миронова считает, что для периода 1921–1924 гг. было характерно преодоление русификации, процесс украинизации и открытие национальных образовательных заведений; в 1924 – начале 1930-х гг. происходило развитие образовательных учреждений на родном языке; наконец, в 1933–1938 гг. осуществлялось свертывание и уничтожение национально-культурного строительства². При этом, если в отношении украинского языка мнение украинских исследователей более или менее сложилось (обычно положительно оценивается политика 1920-х гг. и негативно – 1930-е гг. как период языковой и культурной ассимиляции, или русификации), то советская политика в отношении национальных меньшинств вызывает множество вопросов. Так, исследователи пытаются определить, например, насколько политика внедрения родного языка в учебные заведения национальных меньшинств была полезной для них самих и насколько качественным было такое образование³.

Таким образом, возникает вопрос о сочетаемости коренизации и интеграционной стратегии государства. Языковая политика периода коренизации являлась производной советского государственного устройства – провозглашения равноправия этносов в советской федерации, с одной стороны, и необходимости межэтнической коммуникации в полиэтнической социокультурной среде в рамках единого государственного пространства, с другой. На выбор этнополитической стратегии для СССР как многонационального государства влияло и стремление советского руководства к централизованному управлению многонациональным сообществом. Поэтому в различные периоды коренизации языковая политика обладала существенными особенностями в зависимости от того, на-

сколько в советской стране набирали оборот процессы унификации и централизации.

В 1920-е гг. языковая политика в СССР проходила под лозунгом развития всех народов и языков. Как замечает В. М. Алпатов, «после революции в стране в противовес царской национально-языковой политике, в основном сводившейся к русификации, был взят курс на развитие всех наций и всех их языков, включая самые малые. Считалось, что каждый гражданин страны должен на своем родном языке овладеть вершинами мировой культуры, литературы, науки»⁴. Действительно, лозунг самоопределения наций вплоть до отделения и образования самостоятельного государства требовал от большевиков конкретных мер по его реализации. Большевистское руководство стремилось продемонстрировать свое внимание к национальному вопросу путем создания образцовых советских республик, которые привлекали бы симпатии пролетарских масс населения за рубежом. Коренизация отвечала геополитическим интересам советского руководства, что особенно ярко проявилось на украинском примере. Проводимая коренизация / украинизация являлась своеобразным ответом на активную восточную политику II Речи Посполитой, направленную на признание юридических прав на Восточную Галицию. Одновременно подобный курс давал возможность перехватить инициативу у лидеров украинского национального движения, которые после развала Российской империи и Австро-Венгрии предприняли попытку создания украинского национального государства – Украинской Народной Республики и Западно-Украинской Народной Республики.

После провозглашения Украинской ССР большевистское руководство столкнулось с необходимостью определить принципы функционирования языков в республике, дабы преодолеть «наследие ассимиляционной политики царского режима». В официальных документах подчеркивалось равноправие украинского и русского языков, т. е., как подчеркивали большевики, русский язык был лишь одним из языков, получивших распространение на Украине. 10 марта 1919 г. Наркомпрос УССР постановил, что «должны быть обеспечены интересы всех национальных групп Украины». В то же время явное предпочтение отдавалось украинскому языку, подчеркивалась необходимость «активно работать [в] сторону развития укр[аинского] языка и укр[аинской] культуры»⁵. В том же духе были выдержаны и последующие постановления и резолюции, в которых шла речь о необходимости «содействовать устранению всех препятствий к

свободному развитию украинского языка и культуры», «всячески противодействуя попыткам искусственными средствами оттеснить украинский язык на второй план⁶, о недопустимости создания преимуществ «великорусскому языку» и о введении украинского языка в школах и советских учреждениях⁷.

Однако первоначально воплощение в жизнь принципов советской языковой политики проходило медленно: соответствующие законодательные акты были приняты, но темпы их выполнения были невысокими. Украинские власти в этот период отнюдь не стремились к радикальным изменениям в этой области, полагаясь на «естественный ход событий». С одной стороны, катастрофически не хватало большевистских кадров, знающих украинский язык, остро ощущалась нехватка украиноязычных преподавателей в совпартшколах. С другой стороны, после гражданской войны и интервенции украинский язык для многих большевиков на Украине нередко ассоциировался с М. С. Грушевским, П. П. Скоропадским и другими «буржуазными деятелями». К тому же в восприятии большевиков украинская культура была культурой крестьянской, а следовательно, более отсталой по сравнению с русской пролетарской культурой. В этом плане появление «теории борьбы двух культур» Д. З. Лебеда было не случайно. В марте 1923 г. в «Коммунисте» появилась его статья, посвященная проблеме развития украинского языка и культуры. «У нас, на Украине, в силу исторических обстоятельств, культура города – это русская культура, культура деревни – украинская»⁸, – считал Лебедь. Автор статьи подчеркивал: «...искусственное насаждение украинского языка в партии и рабочем классе, при нынешнем политическом, экономическом и культурном соотношении между городом и деревней, – это значит стать на точку зрения низшей культуры деревни, по сравнению с высшей культурой города»⁹.

Положение стало меняться после официального провозглашения курса на коренизацию партийных и советских органов в республиках на XII съезде в апреле 1923 г. С этого времени применению национальных языков в общественной жизни стало придаваться принципиальное значение. Республиканское руководство не только поощряло, но и требовало использовать украинский язык в деловой сфере, создавать школы с украинским языком обучения, применять украинский язык в средствах массовой информации. В УССР был подписан ряд директивных решений, самыми известными среди которых являются два постановления, принятые в конце июля – начале августа 1923 г.: 27 июля – «О мерах в деле украинизации школь-

но-воспитательных и культурно-просветительных учреждений»¹⁰, 1 августа – «О мерах обеспечения равноправия языков и о помощи развитию украинского языка»¹¹. Высшие республиканские органы власти – ЦИК и СНК – признали недостаточным формальное равенство между украинским и русским языками: «Вследствие относительно слабого развития украинской школы и украинской культуры вообще, вследствие отсутствия необходимых учебных пособий, отсутствия достаточно подготовленного персонала, жизнь, как показал опыт, приводит к фактическому преобладанию русского языка»¹².

Республиканское руководство постановило предпринять меры по обеспечению равноправия языков всех национальностей и обеспечению украинскому языку места, «соответствующего числу и удельному весу украинского народа на территории УССР». Учитывая «преобладающую численность населения, говорящего на украинском языке», для официального общения был выбран украинский язык. Однако в административно-территориальных единицах и городах с большинством населения, которое принадлежит к национальным меньшинствам, органы власти должны были пользоваться языком большинства населения. Предполагалось перевести на украинский язык делопроизводство, ввести украинский язык в партийных школах, реорганизовать государственное издательство и т. п., а также привести в соответствие язык обучения в учебных заведениях с национальным составом населения и ввести обязательное обучение на родном языке учащихся всех учебных заведений, в том числе в пунктах ликвидации неграмотности¹³.

Таким образом, вводились протекционистские меры в отношении языка «коренной национальности». Большие усилия были предприняты для овладения населением письменным украинским языком. Именно на украинском языке с середины 1920-х гг. преимущественно проводилась ликвидация неграмотности. Так, в 1925/1926 учебному году на Украине существовало 13 350 ликбезов на украинском языке (на русском таких ликбезов насчитывалось только 3312)¹⁴. В 1927 г. 78% всех ликбезов проводили обучение по-украински¹⁵.

Была создана система обучения на украинском языке, причем особенно впечатляющие результаты были достигнуты в сфере украинизации начального образования. К 1930 г. на Украине насчитывалось украинских начальных школ 14 430 (русских всего 1504)¹⁶. В школах другого типа результаты не были столь яркими, однако, например, уже к 1925/1926 учебному году профшколы по языку обучения были на 51,9% украинскими и только на 27,6% – русскими¹⁷.

Определенные успехи были достигнуты и в украинизации высшей школы. По состоянию на 1927 г. среди институтов было 14 украинских, 2 российских и 23 – двуязычных¹⁸.

Одновременно росли тиражи периодических изданий и книжной продукции на украинском языке, причем особое внимание уделялось тиражированию произведений классиков марксизма-ленинизма. К 1928 г. на украинском языке выходило 58 газет, что составляло 68,8% от их общего количества в УССР¹⁹. Быстро росло количество книжной продукции на украинском языке. Если в 1927 г. она составляла 53,9%, то в 1931 г. – уже 76,9%²⁰.

Активно велась работа по кодификации литературных норм в области лексики и орфографии. В 1921 г. был открыт Институт украинского научного языка, работа которого была направлена на разработку научной терминологии. Велась работа и по унификации украинского правописания. С 1925 г. при украинском совнаркоме работала Государственная комиссия для разработки правил правописания украинского языка. С 25 мая по 6 июня 1927 г. была проведена так называемая Правописная конференция, предметом обсуждения которой стала единая система орфографии. По решению конференции для продолжения работы над украинским правописанием была создана специальная государственная правописная комиссия во главе с Н. А. Скрыпником. В сентябре 1928 г. правила украинского правописания были официально утверждены постановлением СНК УССР.

Разработанные комиссией нормы украинского правописания явились результатом компромисса между центральноукраинской и западноукраинской лингвистическими школами²¹. Наиболее острые споры велись вокруг вопроса об употреблении некоторых букв (*л* или *ль*, *г* или *гь*) в словах иностранного происхождения. В конце концов было решено слова греческого происхождения передавать в украинском письме при помощи *л* и *г*, а слова из латыни и других европейских языков – *ль* и *гь*²². В то же время западная диалектная база была признана равноправной составляющей при создании языкового стандарта²³, что подтверждается трудами лексикографов того времени. Много галицийских слов и выражений было включено и в Академический словарь – некоторые с пояснением их регионального употребления, некоторые – без пояснения. Галицийские слова и выражения были признаны нормальной составляющей литературного языка²⁴.

В то же время с началом политики коренизации стало больше внимания уделяться развитию языка и культуры национальных

меньшинств. В УССР были созданы национальные административные территориальные образования. На 1 апреля 1925 г. в УССР были организованы 98 немецких, 15 польских, 19 еврейских, 25 болгарских, 26 греческих, 5 чешских сельсоветов²⁵. В течение 1924–1926 гг. появились пять немецких, два болгарских и один польский район²⁶. Была организована сеть национальных учебных заведений. В 1924 г. существовали 629 школ для немецких, 499 для еврейских, 267 для польских, 43 для болгарских, 1 для греческих, 26 для татарских, 3 для армянских, 19 для чешских детей. В 1926/1927 учебном году в УССР работали 354 польские школы, 620 немецких, 369 еврейских, 74 болгарских, 16 чешских, 20 татарских, 2 ассирийских, 7 армянских, 17 молдавских, 15 греческих, 1 шведская²⁷. В 1927 г. выпускались 56 журналов и 55 газет на русском, 3 журнала и 5 газет на еврейском, 3 журнала и 2 газеты на немецком, 2 журнала и 1 газета на польском, газета на молдавском и болгарском языках²⁸.

Однако больше всего усилий от республиканского руководства потребовали изменения в деятельности аппарата управления всех уровней, и прежде всего делопроизводство на украинском языке, а в национальных административных образованиях – на национальных языках. Именно эта сфера должна была служить «фасадом» украинизации, демонстрировать серьезность принятого курса национальной государственной политики. Однако служащие отнюдь не стремились охотно и в сроки выполнять принятые постановления. После назначения в 1925 г. на пост генерального секретаря украинской компартии Л. М. Кагановича украинизация стала первоочередной задачей советских и партийных органов: «И здесь вопрос стоит не только об украинском языке. Тут речь идет о подготовке украинцев, и от этого отказываться нельзя. Конечно, вся партия – и русский кадр, и, в первую очередь, старые большевики, старая гвардия – должна заняться изучением украинского языка, чтобы приблизиться к украинским массам. Но нужно подготовить украинских работников, которые, зная быт, психологию, были бы марксистски грамотны»²⁹.

16 июля 1925 г. Совнарком УССР принял постановление «О практических мерах по украинизации советского аппарата», согласно которому руководство украинизацией служащих возлагалось на Центральную всеукраинскую комиссию при Совнаркоме, а при всех учреждениях в центре и на местах образовывались специальные ведомственные комиссии, которые должны были проводить проверки знания украинского языка у сотрудников организаций и учреждений, организовать обучение украинскому языку на специальных

курсах и проводить аттестацию после их окончания. Выпускникам присваивалась одна из трех категорий в зависимости от знания украинского языка: «знающие язык и могущие свободно проводить работу в учреждениях», «нуждающиеся в усовершенствовании знаний», «не знающие языка»³⁰. Центральную всеукраинскую комиссию возглавил председатель украинского Совнаркома В. Я. Чубарь.

23 сентября 1925 г. Совнарком УССР постановил провести и в центре, и на местах проверку знаний сотрудников украинского языка «для выявления достижений в деле изучения языка». Окружным исполнительным комитетам, народным комиссариатам, центральным учреждениям предлагалось уволить с должностей сотрудников, которые до настоящего времени не овладели украинским языком»³¹. 30 декабря 1925 г. Центральная всеукраинская комиссия по украинизации советского аппарата приняла решение провести несколько показательных увольнений тех служащих из третьей категории, кто враждебно относился к изучению украинского языка. Впрочем, 1 февраля 1926 г. комиссия решила ограничиться «условным увольнением» с должности служащих, не владеющих украинским языком, т. е. «условно оставить» их на службе³².

Республиканское руководство настаивало на повсеместном ведении делопроизводства на украинском языке: отдельные исключения касались лишь административно-территориальных единиц, созданных по национальному признаку³³. В ноябре 1925 г. ВУЦИК и СНК УССР утвердили временную инструкцию о языке сношений органов власти и делопроизводства в административно-территориальных единицах, созданных по национальному признаку. Эта инструкция фактически закрепляла приоритет украинского языка: все делопроизводство в районах должно было вестись на языке большинства населения; переписка национальных сельсоветов с районными органами – на украинском языке или языке большинства населения района; все документы публично-правового характера должны издаваться на украинском языке и языке большинства населения (только по желанию заявителя – также и на русском языке). Двумя языками – украинским и языком соответствующей национальности – изготовлялись печати и штампы. Все сотрудники органов власти в административно-территориальных единицах, созданных по национальному признаку, были обязаны владеть языком большинства населения и украинским языком. Правда, переписка с высшими органами власти могла вестись на украинском или русском языках, но с 1 января 1926 г. – только на украинском языке³⁴. Однако на практике национальные ад-

министративно-территориальные единицы были слабо обеспечены работниками, владеющими языками национальных меньшинств, и, как отмечалось в партийных документах, делопроизводство велось в большинстве случаев не на языке национальных меньшинств³⁵.

Руководство УССР путем проведения украинизации стремилось превратить украинский язык в основное средство коммуникации в республике. Однако достичь этого было нелегко: устойчивые позиции русского языка и культуры, особенно в крупных промышленных центрах УССР, поставили вопрос о границах и методах коренизации, т. е., с одной стороны, насколько необходимо применять коренизацию в отношении ассимилированных слоев населения, а с другой – какие права должны быть у русского населения в связи с проведением коренизации в национальных республиках. Данные проблемы были подняты Ю. Лариным сначала на Третьем съезде Советов в мае 1925 г., а затем в апреле 1926 г. на второй сессии 3-го созыва ЦИК СССР³⁶, а в последнем номере «Большевика» за 1926 г. и в первом номере за 1927 г. была опубликована его статья «Об извращениях при проведении национальной политики (в порядке обсуждения)». Негодование Ларина вызывали примеры «зоологического русофобства» и «принудительной евреизации “не владеющих своим родным языком” евреев»³⁷. Кроме того, Ларин настаивал, что «русские на Украине – нацменьшинство, и что к ним нужно подходить как к нацменьшинству, давая те же гарантии национальных прав и культуры, какие даются другим нацменьшинствам – немцам, полякам, евреям и т. д.»³⁸.

Заявления Ларина вызвали широкий резонанс. Фактически был поставлен вопрос о статусе русского населения в национальных республиках и положении русского языка в коммуникативной сфере. Украинское республиканское руководство вынуждено было четко выразить свое отношение к данным проблемам. 19 апреля 1927 г. было опубликовано постановление ЦК КП(б)У «Об итогах украинизации». С одной стороны, партийное руководство УССР настаивало на «дальнейшем решительном и твердом проведении украинизации», а русское население было причислено к национальным меньшинствам. С другой стороны, за русским языком признавалось «особое значение по сравнению с языками прочих нацменьшинств на Украине», что подразумевало обязательное преподавание русского языка в школах, обязательную публикацию правительственных распоряжений, наряду с украинским, также и на русском языке. В то же время во всех административных территориальных единицах,

выделенных по национально-территориальному принципу, работу необходимо было вести на языке национальности, которая составляет в этих административно-территориальных единицах большинство³⁹. Одновременно было признано нецелесообразным выделять в отдельные административно-территориальные единицы города (ведь в таком случае городом с русским горсоветом мог стать, например, Харьков), дабы не разрывать культурную связь между рабочим классом и крестьянством. Партийное руководство УССР рассчитывало, что «динамика социального развития неминуемо ведет к их украинизации по примеру аналогичного процесса изменения национального характера города в соответствии с национальным складом большинства населения страны в Чехии, Венгрии, Латвии и других странах»⁴⁰.

Вскоре вышел закон, определивший области применения языков: 6 июля 1927 г. ВУЦИК и СНК УССР одобрили постановление «Об обеспечении равноправия языков и о содействии развитию украинской культуры». Вновь подчеркивалось, что языки всех национальностей, населяющих УССР, являются равноправными. Официальным языком был признан украинский, а в национально-территориальных административных единицах языком официального общения считался язык преобладающей там национальности. Во всех государственных учреждениях, предприятиях и организациях, как республиканского и местного, так и общесоюзного значения, на территории УССР, за исключением тех, которые обслуживают потребности национальных меньшинств, внутреннее делопроизводство и счетоводство должно было проводиться на украинском языке. В национально-территориальных административных единицах государственные органы должны были использовать для официального общения язык местного национального большинства, а все служащие обязаны владеть языком местного национального большинства, а также украинским языком. Все делопроизводство следовало вести на языке местного национального большинства, а если в состав района, выделенного в национально-территориальную административную единицу, входили поселки с другим составом населения, то в переписке районных исполкомов с ними следовало использовать или местный язык, или украинский. В постановлении особо оговаривалось, что внутри национальных образований переписка должна вестись на языке большинства населения или на украинском, и только в исключительных случаях (по соответствующему указанию ОИК) – и на других языках, в том числе русском. Языком переписки нацио-

нально-территориальных единиц с районными органами и с органами власти других национальных образований должен быть язык той или иной национальности или украинский. Русский язык допускался в отдельных случаях по соответствующим указаниям ОИК. Переписку национальных районов с округом следовало также вести на языке района или по-украински (тут уже отсутствовало примечание о возможности использовать русский язык). При этом подчеркивалась необходимость «твердого и решительного проведения украинизации» в рамках перевода работы на украинский язык всех учреждений на территории Украины, за исключением районов нацменьшинств, и, следовательно, «обязательного знания украинского языка (как языка большинства населения) всеми служащими»⁴¹.

Таким образом, в период активного проведения украинизации в середине – второй половине 1920-х гг. отчетливо проявилось намерение властей Украинской ССР приучить неукраинцев (национальные меньшинства) использовать, помимо родного языка, язык украинский (но не русский). Сложившаяся система была скорректирована во второй половине 1930-х гг. В. М. Алпатов совершенно справедливо подчеркивает: «Курс двух первых послереволюционных десятилетий, направленный на удовлетворение потребности идентичности всех народов, при всей своей привлекательности и гуманности противоречил объективной ситуации. На том уровне развития, на котором тогда находился СССР, потребность взаимопонимания была главной»⁴². Обеспечить такое взаимопонимание мог только русский язык как «язык межнационального общения». Развернувшаяся централизация и унификация культурного строительства отвечала сразу нескольким задачам центрального руководства. С одной стороны, сталинское руководство путем регулирования коренизации стремилось продемонстрировать нарождающейся национальной советской элите, что интересы страны требуют жесткой вертикали власти и добросовестных исполнителей. С другой стороны, советское руководство ощущало необходимость внесения изменений в существующую систему обеспечения прав национальных меньшинств. Выросшая социальная мобильность населения требовала хорошего знания русского языка от желающих получить образование в центральных вузах страны и продолжить карьеру не только в рамках своей республики, но всего Советского Союза. Учитывался и внешнеполитический фактор: высшее руководство опасалось, что национальные меньшинства (особенно немцы и поляки) могут использоваться иностранными правительствами против СССР.

Не удивительно, что корректировка коренизации (и в ее рамках – языковой политики) сопровождалась борьбой с «украинским буржуазным национализмом». Как было заявлено на ноябрьском пленуме ЦК КП(б)У 1933 г., «контрреволюционные элементы... пользуясь флагом украинизации, осуществляли буржуазно-националистические методы взаимного отчуждения трудящихся различных наций и разжигания национальной вражды»⁴³. Это вело к ослаблению «хозяйственных, государственных и культурных связей Украины с другими советскими республиками», к отрыву украинского языка от русского, что проявлялось в замене «сходных с русскими слов в украинском языке польскими, чешскими, немецкими»⁴⁴.

Знаковым событием начавшихся перемен стали изменения на «украинском языковедческом фронте». В апреле 1933 г. при Наркомпросе начала работу специальная Комиссия для проверки работы в области языковедения. Были раскритикованы «националистические теории самобытности развития украинского языка, пропаганда отрыва его от общего процесса языкового строительства в СССР»⁴⁵. По мнению комиссии, на практике это выразилось во вредительстве при составлении словарей, когда общеупотребительные и уже усвоенные термины заменялись искусственно созданными, убирались общие с русским языком лексические и синтаксические нормы, а в научную и учебную литературу проникали националистические взгляды на язык, национализм пропагандировался через иллюстративный материал⁴⁶. Комиссия Наркомпроса постановила пересмотреть словари и исправить допущенные в них ошибки, пересмотреть научную и учебную литературу, скорректировать украинское правописание «в части правописания иностранных слов в части большей конкретизации пунктов об употреблении “г”, “ль”, “л”»⁴⁷. Результатом работы комиссии стал «Український правопис» 1933 г.: комиссия переработала правила правописания 1928 г., внесла изменения в орфографию иностранных слов, исключила из украинского алфавита букву «г» и внесла правку в другие параграфы. Эта редакция правописания была одобрена 5 сентября 1933 г.⁴⁸

Искоренение «националистической контрреволюции» повлияло и на жизнь национальных меньшинств республики. Процесс переселения немцев и поляков, проживавших на Украине, сопровождался ликвидацией ряда национальных районов, созданных в 1920-е гг. Первые постановления по этому вопросу Политбюро ЦК КП(б)У приняло еще в ноябре 1934 г. Тогда речь шла лишь о «реорганизации 18 польских сельсоветов в украинские» в Винницкой области⁴⁹. Про-

цесс реорганизации вошел в завершающую стадию в конце 1937 г., когда Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление «О ликвидации национальных районов и сельсоветов», в котором говорилось, что в ряде областей и краев были искусственно созданы различные национальные районы и сельсоветы (немецкие, финские, корейские, болгарские и пр.), «существование которых не оправдывается национальным составом их населения». Было решено реорганизовать подобные районы в обычные районы и сельсоветы⁵⁰. В результате украинское республиканское руководство приняло решение ликвидировать в Одесской области три немецких района и один болгарский; в Николаевской области – немецкий район, в Днепропетровской области – три немецких района и один болгарский, в Донецкой области – греческий район⁵¹.

Особое внимание стало уделяться преподаванию русского языка в школах. 28 апреля 1934 г. Политбюро ЦК ВКП(б) рассматривало вопрос о преподавании русского языка в начальной и средней школе. На заседании была отмечена неудовлетворительная грамотность учащихся по русскому языку: «В письме учащихся много орфографических ошибок, мало внимания обращается на выработку у детей четкого и красивого почерка, слабо развита у учащихся культурная литературная речь»⁵².

Вопрос стал особенно острым с осени 1937 г. в связи с готовившимся переходом к комплектованию армии на основе всеобщей воинской повинности и отказом от организационного построения РККА по территориально-милицейскому принципу. Выступая на пленуме ЦК ВКП(б) 12 октября 1937 г., Сталин объяснил причину такого внимания к преподаванию русского языка: «Но мы стали перед вопросом о том, что призываемые в армию, например, в Узбекистане, в Казахстане, в Армении, в Грузии, в Азербайджане, не владеют русским языком»⁵³. Именно изменением в законе о военной службе генеральный секретарь объяснял необходимость уделить особое внимание знанию русского языка всеми гражданами страны Советов.

Началась реорганизация системы школ для национальных меньшинств, в адрес которых (немецких, финских, польских, латышских, эстонских и др.) звучали упреки в «буржуазно-националистическом влиянии на детей», подкрепленные замечаниями о сложностях с получением дальнейшего образования. Последнее не было лишено смысла: действительно, выпускники национальных школ плохо знали русский язык, и поэтому их возможности дальнейшего получе-

ния образования в центральных вузах были весьма ограниченными. Преемственности в просвещении на национальном языке не было: в начале 1930-х гг. реально действовали начальные школы, профессиональные и высшие учебные заведения, которые не были связаны между собой промежуточной ступенью – семилетками и десятилетками. То есть дети в начальной школе начинали обучаться на национальном языке, в семилетке учились на украинском или русском. Желавшие продолжить обучение сталкивались с тем, что уровень их подготовки не отвечает требованиям высшего или специального учебного заведения⁵⁴. К тому же школы нацменьшинств страдали от недостатка кадров, учебной литературы. Возможности выбора были также довольно ограниченными, поскольку уровень подготовки учащихся зачастую позволял претендовать только на место в учебном заведении, ориентированном на набор студентов определенной национальности. Для нацменьшинств существовали педагогические и сельскохозяйственные учебные заведения, что сужало возможности их профессиональной ориентации⁵⁵.

Вообще в УССР в системе школьного образования ситуация к весне 1938 г. складывалась следующим образом. К заседанию Политбюро ЦК КП(б)У 10 апреля 1938 г., когда рассматривался вопрос о реорганизации национальных школ, была подготовлена справка наркомата просвещения Украины о национальных школах. Согласно этому документу, на Украине имелась 21 656 школ, в которых обучалось 5 143 783 учащихся. Преподавание велось на 21 языке. С преподаванием на украинском языке имелась 18 101 школа, на русском – 1550 школ, еврейском – 312, молдавском – 163, узбекском – 19, белорусском – 9, болгарском – 54, польском – 50, немецком – 512, чешском – 14, греко-эллиническом – 12, греко-татарском – 8, татарском – 5, армянском – 4, туркменском – 2, киргизском – 1, шведском – 1, казахском – 1. Кроме того, имелось 838 «смешанных» школ, преподавание в которых велось на нескольких языках – «украинско-еврейско-немецком, немецко-польско-русском, украинско-русско-болгарском» и т. д.⁵⁶ В документе подчеркивалось, что «большинство школ с польским, немецким, болгарским и др. языками преподавания не имеют достаточных контингентов детей». Например, в чешской школе в Киеве было 3 класса и в них – 19 учащихся. В неполной средней польской школе Хмелевского района к началу текущего учебного года в 5, 6 и 7 классах осталось всего по 3 учащихся⁵⁷. Причиной такого положения руководство Наркомпроса считало то, что «национальные школы насаждались искусственно, дети, учащиеся в них, совер-

шенно не знают языка, на котором ведется преподавание»⁵⁸. Помимо случаев «принуждения украинского и русского населения посылать своих детей в польские, чешские и другие национальные школы», Наркомпрос указывал и на плохую обеспеченность национальных школ учителями, учебниками, программами и наглядными пособиями, в результате чего «дети этих школ не приобретают достаточных знаний основ науки и не вполне подготовляются для поступления в средние и высшие учебные заведения»⁵⁹.

В этой ситуации советское руководство расценило курс на изменение системы преподавания как единственно приемлемый. Как заметила Д. А. Аманжолова: «Дилемма – продолжать поддержку многочисленных языков с малым числом их носителей и ограниченной сферой употребления или расширять обучение русскому, обеспечивающему интеграцию людей и экономик регионов, межкультурное общение, – была решена в пользу скреплявшего единое государство языка»⁶⁰. Так, в Украинской ССР 766 начальных, неполных и средних школ для национальных меньшинств были преобразованы в школы с украинским или русским языком обучения, а 122 национальные школы были объединены с украинскими и русскими⁶¹.

13 марта 1938 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей», в котором подчеркивалось, что необходимость преподавания русского языка в школах национальных республик и областей диктуется тремя основными мотивами. Прежде всего, «в условиях многонационального государства, каковым является СССР, знание русского языка должно явиться мощным средством связи и общения между народами СССР, способствующим их дальнейшему хозяйственному и культурному росту». Кроме того, «овладение русским языком способствует дальнейшему усовершенствованию национальных кадров в области научных и технических познаний». Наконец, «знание русского языка обеспечивает необходимые условия для успешного несения всеми гражданами СССР воинской службы в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота». Обучение русскому языку в начальной школе должно было вестись со 2-го класса, а в неполных средних и средних школах – с 3-го⁶². В итоге изменилась организация обучения русскому языку. До постановления 1938 г. русский язык в школах с украинским языком обучения начинали изучать с 3-го класса. В начальных национальных школах с 3-го класса изучался украинский язык, а русский – только с 5-го⁶³.

Наконец, в конце 1930-х гг. произошли изменения и в сфере периодической печати. 30 октября 1937 г. в ЦК ВКП(б) поступила докладная записка от заведующего отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Л. З. Мехлиса, называвшаяся «О русских газетах на Украине». «Ни в одной союзной и автономной республике русская печать не находится в таком захудалом состоянии, как на Украине»⁶⁴, – утверждал Мехлис. Он был возмущен тем, что «в Киеве издаются газеты на немецком, польском, еврейском, болгарском языках», тогда как газет на русском языке явно недостаточно⁶⁵.

Действительно, процент украиноязычной прессы на Украине был довольно высоким: в 1932 г. 79,7% всех журналов выходили на украинском языке, затем последовало снижение количества украиноязычной прессы до 56,1% в 1935 г., а в 1936 г. процент украиноязычных журналов вновь увеличился – до 62%. По решению ЦК КП(б)У от 10 мая 1937 г. республиканские украиноязычные журналы должны были составить 80% от общего числа названий⁶⁶.

Центральное партийное руководство обратило внимание на записку Мехлиса и 17 декабря 1937 г. постановило «осудить продолжающееся игнорирование русской печати на Украине» и «организовать руководящие газеты на русском языке»⁶⁷. 13 июня 1938 г. новый глава коммунистов Украины Н. С. Хрущев с гордостью докладывал XIV съезду КП(б)У: «Украинских газет у нас 885, русских – 304, молдавских – 8, еврейских – 7 и ряд других». Как заявил Никита Сергеевич, «когда на Украине по решению ЦК ВКП(б) вышла русская газета “Советская Украина”, ее приветствовало все население УССР. Ментально был заполнен подписчиками весь тираж, и сейчас его не хватает»⁶⁸.

Таким образом, языковая политика в рамках коренизации была ориентирована на развитие национальных языков и национальной культуры в рамках национальных территориальных образований различного уровня, от республики до сельсовета. Советская власть фактически взяла курс на внедрение двух и более языков в речевую практику населения национальных республик – каждый гражданин страны, помимо родного языка, должен был овладеть и языком «коренного населения» национальной республики, и русским языком как языком общения между представителями различных наций.

Полиэтнический характер страны Советов в сочетании с социальной мобильностью населения требовал не только обеспечить языковые права наций, но и регламентировать положение общего для всех русского языка, прежде всего путем обеспечения его изучения

во всех учебных заведениях страны. Если в 1920-е гг. основное внимание уделялось национальным языкам и внедрению их в систему образования, культурно-просветительную работу, печатные издания, делопроизводство и т. п., то в 1930-е гг. акцент сместился – был взят курс на повышение роли русского языка. Началась борьба с «националистическими проявлениями» как среди «представителей коренной национальности», так и национальных меньшинств. В результате административной реорганизации часть национальных территориальных образований была упразднена, была реорганизована и система школ для национальных меньшинств. Однако говорить о полной русификации 1930-х гг. в УССР не приходится: если программа коренизации в отношении национальных меньшинств была переформатирована, то программа украинизации продолжала действовать и в области обучения, и в области издания литературы, и в кадровой сфере, хотя и подверглась корректировке.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С. 41.

2 *Міронова І. С.* Мовна політика в навчальних закладах національних меншин півдня України в 1920–30-ті рр. // Наукові праці Чорноморського державного університету імені Петра Могили. Історія. Миколаїв, 2016. Т. 274. Вип. 262. С. 25.

3 Там же. С. 29.

4 *Алпатов В. М.* Русская латиница Н. Ф. Яковлева // Научный диалог. 2015. № 3 (39). С. 10.

5 До історії міжнаціональних процесів на Україні // Український історичний журнал. 1990. № 6. С. 110.

6 Восьмая Всероссийская конференция РКП(б). Москва. 2–4 декабря 1919 г. Резолюция о советской власти на Украине // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. 1898–1924. М., 1954. С. 459.

7 До історії міжнаціональних процесів на Україні. С. 110, 112.

8 Рукописный вариант статьи сохранился в архиве: ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2255. Л. 11.

9 Там же.

10 Про заходи у справі українізації шкільно-виховних і культурно-освітніх установ // Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-

селянського уряду України за 1923 рік. Харків, 1923. Від. 1. № 29. Арт. 430.

11 Про заходи забезпечення рівноправ'я мов і про допомогу розвитку української мови // Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України за 1923 рік. Харків, 1923. Від. 1. № 29. Арт. 435. См. також: Культурне будівництво в Українській РСР. Важливі рішення Комуністичної партії і Радянського Уряду 1917–1959 рр.: 3б. док. м.: В 2 т. Київ, 1959. Т. 1. С. 242–243.

12 Там же.

13 Там же.

14 «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003. С. 105.

15 *Кравченко Б.* Соціальні зміни і національна свідомість в Україні ХХ с. Київ, 1997. С. 175.

16 См.: «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 89.

17 Там же. С. 91.

18 Там же. С. 102.

19 Там же. С. 140.

20 Там же. С. 145.

21 «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 130–131.

22 *Шевельов Ю.* Українська мова в першій половині ХХ століття (1900–1941). Стан і статус. Чернівці, 1998. С. 106.

23 На путях становлення українской и белорусской наций: факторы, механизмы, соотнесения. М., 2004. С. 213.

24 *Шевельов Ю.* Українська мова в першій половині ХХ століття. С. 108.

25 Матеріали к докладу правительства Украины на второй сессии Центрального Исполнительного Комитета СССР третьего созыва. Харьков, 1926. С. 193.

26 *Якубова Л.* Етнічні меншини в суспільно-політичному та культурному житті УССР. 20-і – перша половина 30-х р. ХХ ст. Київ, 2006. С. 207.

27 *Якубова Л. Д.* Національно-культурне життя етнічних меншостей України (20–30-ті роки): коренизація і денаціоналізація // Український історичний журнал. 1998. № 6. С. 28.

28 Там же. С. 29.

29 ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 160. Л. 71.

30 Про практичні заходи по українізації радянського апарату // Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України за 1925 рік. Харків, 1925. Від. 1. № 56. Арт. 332.

31 Центральный государственный архив высших органов власти Украины (ЦГАВОВУ). Ф. 1. Оп. 3. Д. 182. Л. 26.

32 «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 83.

33 См.: *Борисенко Е. Ю.* «Перевести делопроизводство на родной язык...» Избранные места из переписки в период активного проведения украинизации // *Родина*. 2014. № 1. С. 117–120.

34 Національні процеси в Україні: історія і сучасність. Документи і матеріали : довідник : у 2-х ч. Київ, 1997. Ч. 2. С. 59–60.

35 *Рябошапка Л.* Правове становище національних меншин в Україні (1917–2000). Львів, 2001. С. 104.

36 См.: *Борисенко Е. Ю.* Пять портретов товарища Рыкова // *Родина*. 2012. № 7. С. 124–129.

37 *Ларин Ю.* Об извращениях при проведении национальной политики (в порядке обсуждения) // *Большевик*. 1926. № 23–24. С. 53.

38 Вторая сессия ЦИК СССР Третьего созыва. Стенографический отчет. М., 1926. С. 467.

39 Резолюція ЦК КП(б)У про підсумки українізації // *Вісті ВУЦВК*. 1927 р., 19 квітня.

40 Там же.

41 Про забезпечення рівноправності мов та про сприяння розвитку української культури // *Хронологічне зібрання законів, указів Президії Верховної Ради, постанов і розпоряджень уряду Української РСР*. Київ, 1963. Т. 1. 1917–1941. С. 318–325.

42 *Алпатов В. М.* 130 языков и политика: 1917–2000. М., 2000. С. 100.

43 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 26. Д. 67. Л. 26 об.

44 Там же. Л. 28.

45 Резолюція Комісії НКО в справі перевірки роботи на мовному фронті на доповідь тов. Хвилі «Націоналістична небезпека на мовному фронті й боротьба проти неї» (26 квітня 1933 р.) // *Українська мова у XX сторіччі: історія лінгвоциду. Документи і матеріали*. Київ, 2005. С. 141.

46 Там же.

47 Там же. С. 142.

48 Там же. С. 108.

49 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4674. Л. 54.

50 Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О ликвидации национальных районов и сельсоветов». 17 декабря 1937 г. // *ЦК ВКП(б) и национальный вопрос*. М., 2009. Кн. 2: 1933–1945. С. 314.

51 Постановление Политбюро ЦК КП(б)У «О реорганизации национальных районов и сельсоветов УССР в обычные районы и сельсоветы». 16 февраля 1938 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945. С. 378–379.

52 Записка А. Бубнова И. Сталину. 28 апреля 1934 г. // Историю – в школу: создание первых советских учебников. М., 2008. С. 44.

53 Из стенограммы выступления Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) о преподавании русского языка в школах 12 октября 1937 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 298.

54 *Якубова Л.* Етнічні меншини в суспільно-політичному та культурному житті УСРР. 20-і – перша половина 30-х рр. ХХ ст. С. 417.

55 Там же. С. 418.

56 Довідка наркомату освіти України про національні школи в Україні. Березень 1938 р. // Національні процеси в Україні: історія і сучасність. Документи і матеріали. Ч. 2. С. 252.

57 Там же.

58 Там же. С. 252–253.

59 Там же. С. 253.

60 *Аманжолова Д. А.* Советская этнополитика (1929–1941 гг.) // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. М., 2012. С. 219.

61 *Якубова Л. Д.* Національно-культурне життя етнічних меншостей України (20–30-ті роки): коренизація і денаціоналізація // Український історичний журнал. 1999. № 1. С. 52.

62 Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». 13 марта 1938 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945. С. 391–392.

63 *Єфіменко Г. Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). С. 164–164; *Шевченко С. М.* Організація навчального процесу у школах національних меншин у УРСР (кінець 30-х – 40-і рр. ХХ ст.) // Новое в науке: материалы XXX Международной научно-практической конференции по философским, филологическим, юридическим, педагогическим, экономическим, психологическим, социологическим и политическим наукам (Украина, г. Горловка, 21–22 февраля 2013 г.). Горловка, 2013. С. 77–78.

64 Докладная записка заведующего отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Л. З. Мехлиса секретарям ЦК ВКП(б) И. В. Сталину, Л. М. Кагановичу, А. А. Андрееву, А. А. Жданову и Н. И. Ежову «О русских газетах на Украине» 30 октября 1937 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945. С. 306.

65 Там же. С. 307.

66 *Сфіменко Г.* Національна політика ЦК ВКП(б) у засобах масової інформації УРСР (1932–1938) // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. Київ, 2000. № 5. С. 192.

67 Докладная записка заведующего отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Л. З. Мехлиса... С. 307.

68 Из отчетного доклада первого секретаря ЦК КП(б)У Н. С. Хрущева XIV съезду КП(б)У // Политическое руководство Украины. 1938–1939 гг. М., 2006. С. 44.

Je. Ju. Borisenok

The language politics of Ukrainian Soviet Socialist Republic
and korenization

The article dwells upon the language aspect of korenization (“nativization”, lit. ‘putting down roots’) in Soviet Ukraine, the main trends and the peculiarities in its development in 1920–1930s.

Keywords: *Ukrainian Soviet Socialist Republic, national politics, korenization, language.*

А. Е. Кузьмичева
(Москва)

**«Он был польским националистом, и это было его существом».
Как Советский Союз прощался с маршалом Пилсудским**

В польской литературе существует миф о том, что в Советском Союзе в связи со смертью маршала Ю. Пилсудского был объявлен траур. Однако это в корне противоречит тем, мягко говоря, прохладным (а иногда даже и враждебным) контактам, которыми характеризовались польско-советские отношения в 1930-е гг. Изучение советской прессы и материалов Архива внешней политики Российской Федерации позволило пролить, наконец, свет на то, как же Советский Союз прощался с Первым маршалом Польши Ю. Пилсудским.

Ключевые слова: *Ю. Пилсудский, польско-советские отношения, межвоенная дипломатия, международные отношения в 1930-е гг., советская пресса.*

В польской литературе существует миф о том, что в Советском Союзе в связи со смертью маршала Юзефа Пилсудского был объявлен траур¹. Так ли это было на самом деле? Действительно ли советские руководители, всегда считавшие Пилсудского одним из главных недоброжелателей СССР в Европе, решили воздать ему такие высокие почести?

Первый маршал Польши Пилсудский скончался 12 мая 1935 г. на 68-м году жизни. Но вплоть до последнего момента факт его болезни тщательно скрывался от польского общества². Мировые информационные агентства моментально распространили новость о кончине диктатора. Правительственные органы и пресса многих стран сразу отреагировали траурными сообщениями, в которых подчеркивалась роль Пилсудского в польской истории.

Обширные некрологи поместили французские, английские, немецкие, японские газеты. 14 мая во французской газете «Фигаро» вышла статья В. д'Ормессона, в которой констатировалось, что «маршал, в сущности, был всем для Польши». Подводя итог своим размышлениям о политическом будущем Польши, автор заметил, что «уроки Пилсудского должны вдохновить его наследников». Чехословацкая пресса полагала, что в связи со смертью Пилсудского возможны коренные изменения во внутренней и внешней политике

Польша, что до настоящего времени стабильность режима обеспечивалась непререкаемым его личным авторитетом. «Лидове новины» заметили, что «со смертью Пилсудского завершается целая эпоха развития Польши». Австрийская газета «Рейхспост» в передовой статье заявила, что «Пилсудский умер в такой момент, когда Польша нуждается более, чем когда-либо, в твердом политическом руководстве». Даже литовская пресса в условиях отсутствия дипломатических отношений с Варшавой с уважением отнеслась к случившемуся и временно воздержалась от нападок на Польшу.

Не был исключением и Советский Союз. 13 мая на первой полосе газеты «Правда» была напечатана небольшая заметка, озаглавленная «В последний час». В ней в достаточно спокойных тонах перечислялись основные вехи жизни маршала и отмечалась его открыто враждебная позиция по отношению к СССР, также констатировалось, что смерть Пилсудского не может не сказаться на дальнейшем развитии Польши. На следующий день в «Правде» публикуется сообщение о соборезнованиях НКВД и советского полпреда в Польше Я. Х. Давтяна, а также официальное коммюнике польского агентства ПАТ. Примечательно, что соборезнования были принесены только на уровне НКВД. В газете также был опубликован краткий обзор зарубежных откликов на смерть маршала и отмечен тот факт, что во всех некрологах между строк читалось беспокойство в связи с возможной внутренней борьбой за наследство Пилсудского и коренными изменениями внешнеполитического курса Польши.

15 мая в «Правде» описывались кадровые изменения, последовавшие за смертью Пилсудского, – назначение генерала Эдварда Рыдз-Смиглы генеральным инспектором армии, а генерала Тадеуша Каспшицкого – военным министром. Также отмечалось, что одновременно со смертью маршала в силу фактически вступала новая конституция, согласно которой президент наделен исключительно широкими полномочиями. 16 мая в статье, посвященной внешней политике Польши, продолжал звучать тревожный тон в отношении эвентуальной смены политического курса. В этом же номере главной советской газеты была напечатана заметка, в которой сообщалось, что в связи со смертью Пилсудского в Германии было отложено заседание рейхстага, что возглавить немецкую правительственную делегацию на похоронах было поручено Герингу и что вместе с ним в Варшаву поехали представители армии. 19 мая на 5-й странице «Правды» было опубликовано сообщение в шесть строк о похоронах Пилсудского в Кракове.

Судя по сообщениям «Правды», СССР больше волновали те изменения, которые могла повлечь за собой смерть маршала, чем соблюдение политеса и дипломатического протокола. Также стоит отметить, что со смертью Пилсудского совпал визит в Москву французского министра иностранных дел Пьера Лаваля, и ему в «Правде» было уделено намного больше внимания. Кроме того, в эти же дни в Советском Союзе был большой праздник – 15 мая 1935 г. состоялся пуск первой линии Московского метрополитена. Этому событию «Правда» также посвятила немало.

Немногом отличается подача материала, представленная в «Известиях». 14 мая на первой странице было напечатано официальное коммюнике в связи со смертью маршала, в котором сообщалось, что он скончался 12 мая в 22:45 (по московскому времени). Сообщалось также, что Пилсудский страдал от прогрессирующей болезни рака желудка и печени, смерть была вызвана сильным кровотечением и сердечной недостаточностью. На второй странице газеты была помещена подвальная статья Карла Радека «Маршал Иосиф Пилсудский». Ее публикации предшествовал характерный эпизод. 13 мая Радек написал И. В. Сталину о том, что Л. З. Мехлис заказал ему для «Правды» статью, характеризующую роль Пилсудского. Вначале Радек согласился, однако потом пришел к выводу, что смерть маршала неминуемо вызовет борьбу среди пилсудчиков, в то время как единственным фактором, объединяющим все эти группы, станет осознание угрозы со стороны СССР. В этой связи Радек отмечал, что любое слово против Пилсудского не только будет негативно воспринято поляками, но и может быть использовано немцами, которые «очень подкупали пилсудчиков культом Пилсудского». Радек рекомендовал ограничиться в «Правде» существующим материалом, а в «Известиях» поместить статью, в которой ненависть Пилсудского к СССР объяснялась бы продолжением его ненависти к царизму. Кроме того, Радек считал необходимым дать указание польскоязычной радиостанции в Минске воздержаться от нападок, послать на похороны М. Н. Тухачевского, к которому Пилсудский питал уважение, и в приказе по Красной армии сказать об отношении СССР к независимой Польше. В заключение Радек отмечал, что поляки – «народ кичливо-рыцарский», так что подобные действия могут возыметь положительный эффект. На все эти предложения Сталин ответил с присущей ему краткостью: «Не нужно»³.

Сохранилась также записка Н. И. Бухарина К. Е. Ворошилову, в которой Бухарин рассказывает о том, как он принимал французских

журналистов и «был вынужден ради французов почтить вставанием Пилсудского из дипломатической вежливости, как “соседа” и союзника Франции». В конце записки Бухарин спрашивал, правильно ли он поступил⁴.

В своей статье в «Известиях» Радек характеризовал Пилсудского как «горячего польского патриота, ненавидящего от всей души царизм», «организатора независимого польского государства» и «польского националиста». Это оценки в русле идей, изложенных в записке Сталину. Заключал Радек надеждой, что «хороня маршала Пилсудского, польское общество похоронило недоверие к СССР».

15 мая в «Известиях» была опубликована заметка, посвященная международным откликам на смерть Пилсудского, а также тому, что Лаваль и маршал Петен будут представлять французское правительство на похоронах. На следующий день на последней странице газеты в разделе объявлений было помещено сообщение о том, что посол Польской республики в Москве сообщил, что «в субботу 18 мая в 11 часов утра будет совершена заупокойная литургия в костеле св. Петра и Павла по случаю смерти Первого маршала Польши Иосифа Пилсудского».

Примечательно, что в советской печати еще некоторое время ежедневно помещались материалы, освещающие резонанс, вызванный смертью маршала, но при этом мнения выражались в крайне сдержанной форме (если вообще выражались).

В этой связи особый интерес представляют сообщения советских дипломатов. В письме от 26 мая 1935 г. заместителю наркома по иностранным делам Б. С. Стомонякову Я. Х. Давтян описывал свои впечатления от церемонии: «Похороны Пилсудского носили в буквальном смысле слова королевский характер. В Кракове были соблюдены все церемонии королевских похорон. Тысячные толпы, которые окружали процессию как в Варшаве, так и в Кракове, подходили к этому событию, несомненно, с точки зрения, главным образом, интересного зрелища. В толпе царили скорее карнавальные настроения. Грустные лица и слезы можно было заметить очень редко, и то главным образом у женщин»⁵.

По всей видимости, сам полпред также был несколько озадачен скромным присутствием СССР: «Наше участие в похоронах было значительно меньше, чем всех других стран и правительств. Все основные европейские страны прислали мощные делегации, как гражданские, так и военные, – Франция, Германия, Италия, Румыния, Чехословакия и т. д. Может быть, нам следовало бы также прислать ка-

кую-нибудь делегацию, но, во всяком случае, мы сделали формально все, что полагается в таких случаях. Я участвовал в процессии в составе специально уполномоченных делегаций, и мы, кроме того, возложили венок от имени правительства СССР»⁶. Давтян отмечает, что «немцы проявили максимум внимания к полякам по случаю смерти Пилсудского. В Берлине были вывешены траурные флаги, Гитлер лично был на панихиде, а в Варшаву были посланы Геринг и еще два генерала, плюс всякие адъютанты Геринга»⁷.

Справедливости ради надо отметить, что в Советском Союзе в эти майские дни траур все же был. 18 мая разбился самолет «Максим Горький», погибло 11 человек экипажа и 36 пассажиров – инженеров, техников и рабочих ЦАГИ. 19 мая газета «Правда» посвятила этой трагедии всю первую страницу, напечатав портреты всех членов экипажа самолета и их краткую биографию. В течение нескольких дней страницы «Правды» и «Известий» изобиловали сообщениями о выражениях соболезнований (вплоть до американского президента), подробно разбирались причины катастрофы и описывалась помощь семьям погибших. 21 мая Москва прощалась с героями в Колонном зале Дома Союзов; Сталин, Молотов, Каганович и Орджоникидзе стояли в почетном карауле, а улицы столицы утонули в человеческом море провожающих героев в последний путь.

* * *

Итак, версия польской историографии не подтвердилась: никакого траура по Пилсудскому в СССР не было. Более того, на страницах главных газет – «Правды» и «Известий» – невозможно даже найти подробного отчета о траурной церемонии в Варшаве и похоронах в Кракове. СССР ограничился присутствием на похоронах полпреда Давтяна, который возложил венок с надписью «Иосифу Пилсудскому от Советского правительства» и расписался в траурных книгах в Бельведере и в президиуме Совета министров. Этот факт не остался незамеченным – как сообщал Давтян, «тот факт, что мы одни не послали военной делегации, был здесь подчеркнуто отмечен “Польской Збройной”»⁸. Однако лишь такие посмертные почести руководители Советского Союза считали нужным воздать «вождю польского государства».

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Наленч Д., Наленч Т.* Юзеф Пилсудский: легенды и факты. М., 1990. С. 197.

2 8 мая в беседе с советским полпредом Я. Х. Давтяном польский посол в Варшаве Ж. Ларош сообщил, что Пилсудский, вероятно, не примет П. Лавалья. По мнению Лароша, «болезнь Пилсудского скорее умственного порядка, чем физического... Пилсудский вследствие припадка находится сейчас не в совсем нормальном положении. Поэтому его поляки не хотят показывать» (Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 05. Оп. 15. П. 109. Д. 68. Л. 83).

3 Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956 гг. М., 2005. С. 372–373.

4 Там же. С. 373.

5 АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 109. Д. 68. Л. 97.

6 Там же. Л. 97.

7 Там же. Л. 98.

8 Там же. Л. 97. «Польска Збройна» – орган Военного министерства Польши.

A. E. Kuz'mičeva

“He was a Polish nationalist, and it was his essence”. How Soviet Union reacted to the death of Marshal Piłsudski

There is a myth in Polish literature that there was official mourning declared in Soviet Union on occasion of J. Piłsudski's death. But it absolutely contradicts the “cold” (and sometimes absolutely hostile) contacts that were characteristic for Polish-Soviet relations in 1930s. The study of Polish press and materials of the Archive of Foreign Policy of Russian Federation finally sheds light on how the Soviet Union was telling the last good-buy to the First Marshal of Poland J. Piłsudski.

Keywords: *J. Piłsudski, Polish-Soviet relations, interwar diplomacy, international relations in the 1930s, Soviet press.*

А. А. Силкин
(Москва)

«Великосербская гегемония» и участь «несербских народов» в Королевстве СХС/Югославия: от документов Коминтерна до современной российской историографии

В СССР тоталитарная идеология во многом предопределила научные представления об истории как отечественной, так и всеобщей. Королевство СХС/Югославия оценивалось, в частности, как «одно из звеньев империалистической Версальской системы», как результат «жесточкого подавления революционных настроений народных масс». Ложная исследовательская парадигма и невозможность осмысления прошлого обусловили невнятное изложение логики межвоенной югославской истории. Достоверная реконструкция канвы событий и их осмысление так и остались непосильной задачей для советской историографии. Ключевые слова: *Коминтерн, СССР, Королевство СХС, советская историография, югославские коммунисты, великосербская гегемония, угнетение «несербских народов».*

Характеризуя феномен российско-сербских отношений на протяжении «короткого» XX века, белградский профессор Мирослав Йованович отмечал, что «начало нового времени для обоих народов ознаменовано радикальным изменением форм их государственного существования. В революционном круговороте (1917) первой исчезла Российская империя. В свою очередь, по окончании Первой мировой войны (1918) сербская политическая элита во главе с династией Карагеоргиевичей добровольно растворила независимость и государственность Сербии в новосозданном государстве южных славян – Королевстве сербов, хорватов и словенцев. На исторической сцене появились Югославия и Советский Союз. Взаимные отношения в значительной мере утратили национальный атрибут. Наступила эра идеологии...»¹ Тоталитарной, в случае России/СССР, идеологии, предопределившей догматизм научных представлений об истории как отечественной, так и всеобщей.

Работа выполнена в рамках проекта «Этнические, конфессиональные, социокультурные идентичности славянских народов» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».

Настоящее и прошлое «всех стран», в том числе и Югославии, на протяжении всего советского периода должно было рассматриваться в свете квазирелигиозного мессианского учения, без ритуального поклонения которому не могло обходиться ни одна историческая работа. «Великая Октябрьская социалистическая революция в России открыла новую эпоху в мировой истории человечества – эпоху крушения капитализма и утверждения коммунизма»², – с этого начинался второй том «Истории Югославии», классического труда советских югославистов, увидевший свет в 1963 г. Само государство, основанное 1 декабря 1918 г., неизменно оценивалось как «одно из звеньев империалистической Версальской системы»³, как результат «жесточкого подавления революционных настроений народных масс»⁴.

Подобная исследовательская парадигма обусловила невозможность ясного осмысления прошлого и внятного изложения логики развития запутанных сюжетов межвоенной югославской истории. Достоверная реконструкция канвы событий и их осмысление так и остались неразрешимой для советских исследователей задачей. Далеко не все их работы выдержали испытание временем.

Повествование об истории Королевства СХС/Югославии сводилось к отделению агнцев от козлиц – деятелей, игравших «прогрессивную роль», от реакционеров и «эксплуататоров». К первым, разумеется, относились коммунисты, описание деятельности которых преследовало две цели – гипертрофировать роль КПЮ в межвоенной югославской истории в ущерб всем остальным политическим силам и не сказать ни слова правды о судьбе ее членов. Например, в «Истории Югославии» о пребывании Филипа Филиповича в СССР сказано лишь, что, «находясь в 20–30-х годах в эмиграции, он отдавал много сил научной работе»⁵.

Наряду с коммунистами положительно оценивались и «буржуазные» противники государственного централизма и теории народного единства югославыян. В частности, Хорватская республиканская крестьянская партия во главе со Степаном Радичем, который хоть и «не понимал роли рабочего класса... однако остался в памяти югославского народа как прогрессивный деятель». Лагерь «реакции» представляла «великосербская буржуазия», принятием Видовданской конституции «узаконившая собственную диктатуру». В результате, по словам Ю. А. Писарева, «права *несербских* (курсив мой. – А. С.) народов и национальных меньшинств полностью игнорировались»⁶.

Подтверждалось вышеприведенное путем обращения к современным югославским работам, служившим в отсутствие доступа к источниковой базе единственным ресурсом информации о межвоенном периоде. В этом отношении показателен написанный В. В. Зелениным раздел коллективной монографии «Проблемы истории кризиса буржуазного политического строя: страны Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период» (М., 1984)⁷. Для описания «становления и кризиса представительной системы Королевства СХС» советскому югослависту вообще не потребовались какие-либо источники, если не считать таковыми второй том «Конституций буржуазных стран», датированный 1935 г., сборник документов Ф. Шишича, не имеющий отношения к заявленной хронологии. Не использовались даже ранее введенные в оборот документы, что следует и из основного текста, и из сносок, в которых отсутствует сокращение «цит. по». Для «раскрытия темы» хватило и откровенной компиляции написанного Ф. Чулиновичем и Б. Глигориевичем⁸.

Так, «из вторых рук», отечественный читатель узнавал о действиях официального Белграда, предпринятых в первые годы существования Королевства СХС и приведших к установлению «великосербской гегемонии». К таковым относились: игнорирование тезисов Корфской декларации; административно-территориальное разделение королевства, ущемлявшее «несербские народы» и ставившее Сербию в предпочтительное положение; экономическая «эксплуатация» Хорватии и Словении, превратившихся в «полуколонии» в результате обмена австро-венгерских крон на югославские динары, «торможения развития промышленности», неравномерного налогообложения пречанских областей и Сербии, препятствования продвижению хорватов и словенцев на высшие командные должности в армии; использование белогвардейской армии с Врангелем во главе для борьбы с политическими противниками правительства и т. д.

Большая часть перечисленного и оставленного за скобками – в лучшем случае полуправда. Увы, формирование разносторонней картины неоднозначного прошлого не относится к числу достижений советских югославилов. Более того, их ограниченная, по сравнению с югославскими коллегами, осведомленность о предмете исследования оборачивалась появлением в антисербских филиппиках новых «подробностей». Например, М. М. Сумарокова в одной и той же работе дважды сообщает, что силы, проголосовавшие за Видовданскую конституцию, нарушили положение Корфской декларации о принятии основного закона «парламентским большинством в 2/3

голосов»⁹. И это несмотря на использование хрестоматийного сборника документов Ф. Шишича, в котором черным по белому написано о «численно квалифицированном большинстве»¹⁰. Напомним, что именно отсутствие уточнения в декларации, что представляет собой «квалифицированное большинство», позволило руководству Народной радикальной партии настоять в Конституционном собрании на том, что большинство в половину проголосовавших плюс еще один голос может считаться «действительно квалифицированным»¹¹.

Если верить Ю. А. Писареву, административно-территориальное разделение Королевства СХС состоялось в результате принятия конституции¹², которая на самом деле лишь оговаривала основные характеристики и численность населения будущих областей. Появились они лишь десять месяцев спустя – 26 апреля 1922 г., когда правительство издало соответствующее постановление. За несерьезным, на первый взгляд, упущением скрывается непонимание того, что установление в Югославии централизма не произошло одновременно, а заняло годы, что во многом и привело к краху парламентаризма и установлению «диктатуры» короля Александра Карагеоргиевича. Впрочем, писаревская оплошность меркнет в сравнении с утверждением В. И. Фрейдзона, будто указанное разграничение состоялось в результате принятия Закона о защите государства (1 августа 1921 г.)¹³.

Были и более значительные ошибки. Политические деятели – представители как «реакционного», так и «прогрессивного» лагерей – наделялись качествами, не имевшими ничего общего с действительностью. Ю. А. Писарев, полагавший, по-видимому, что не существовало таких проявлений «сербского великодержавия», в которых нельзя было бы уличить Николу Пашича, изобразил его самым ярким приверженцем теории народного единства югославян. «Против слишком прямолинейной национальной политики» главы Народной радикальной партии (НРП) якобы «выступали С. Прибичевич (sic!), Л. Давидович и другие лидеры Демократической партии»¹⁴. Напомним, что имела место обратная ситуация. Приверженец «компромиссного» национального унитаризма Н. Пашич критиковал демократов за «прямолинейность» и непримиримость.

Обратной стороной демонизации Н. Пашича можно считать идеализацию лидера Х(Р)КП. Согласно Писареву, «несмотря на умеренность требований (курсив мой. – А. С.) С. Радича, дворцовая клика и сербская военщина были полны ненависти к нему»¹⁵. Воплощением «умеренности» продолжателя дела Матии Губеца, наверное, следует

считать «Конституцию нейтральной крестьянской республики Хорватия»¹⁶, подразумевавшую упразднение регулярной армии, крупного землевладения, таможи, гимназий, реальных училищ, университета...

В. И. Фрейдзон на С. Радича откровенной напраслины не возводил, но, тем не менее, представил не вполне убедительное объяснение роста популярности хорватского трибуна в 1919–1921 гг. «Этому способствовало введение всеобщего избирательного права, понимание Радичем, что все устройство государства приспособлено к интересам великосербских кругов, беспощадно преследовавших... хорватское крестьянство»¹⁷. Первая часть приведенного утверждения полностью опровергает вторую, так как именно «великосербские круги» по неосторожности даровали хорватскому, а также боснийскому и словенскому крестьянству право голоса. Уже 6 января 1919 г. принц-регент Александр объявил в манифесте: «Мое правительство должно будет незамедлительно распространить на все Королевство сербов, хорватов и словенцев все права и свободы, которыми до настоящего времени в соответствии с конституцией Королевства Сербия пользовались граждане Сербии»¹⁸. Впервые бывшие подданные Габсбургов, прежде не голосовавшие, приняли участие в выборах в муниципальные органы власти, состоявшихся до выборов в Уставотворную скупщину.

Получается, не только «преследования», но и другие обстоятельства поспособствовали карьерному взлету С. Радича. В. И. Фрейдзон также пишет, что и создание коалиции ХКП–НРП, и ее распад произошли в течение одного 1926 г.¹⁹ На самом деле первое состоялось годом ранее, а второе – в 1927 г. В целом, об информированности ведущего советского кроатиста о межвоенной югославской истории можно судить по его словам, будто первое правительство, назначенное королем после узурпации власти в январе 1929 г., «было подобрано из малоизвестных лиц»²⁰. Таковыми, по-видимому, следует считать Антона Корошеца, Воислава Маринковича, Божидача Максимовича, Мате Дринковича...

Цитируемая «История Хорватии» опубликована спустя десять лет после падения СССР. Тем не менее, как мы смогли убедиться, она полна как ошибок, так и прежних стереотипов.

Но и когда идеология ушла, а незнание осталось. Его мы воочию можем наблюдать в работах С. А. Романенко. Затрагивая широкий спектр исторических сюжетов, ученик В. И. Фрейдзона о каждом из них сообщает ложные сведения. В опубликованной в 2000 г. книге

«Югославия: История возникновения. Кризис. Распад. Образование независимых государств (национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX–XX вв.)» неправильно указаны численность Югославянского комитета, время пребывания Франьо Супило в России в 1915 г., время проведения Корфской конференции²¹.

В более поздней монографии С. А. Романенко утверждается, что Салоникский процесс «организовали король Петр Карагеоргиевич (sic!) и премьер Пашич, используя сфальсифицированные доказательства»²². Престолонаследник, надо полагать, был не при делах, так как у него только «с 1918 года (sic!) вследствие болезни отца фактически находились многие рычаги власти». В 1929 г. Александр произвел государственный переворот, и «Королевство СХС стало называться *Югославией* (курсив мой. – А. С.)... Новое административное деление *1930 года с изменениями, внесенными в 1931 году* (курсив мой. – А. С.), просуществовало до 1939-го»²³.

Отвлекаясь от работ С. А. Романенко, обратим внимание на то, что установление «военной диктатуры великосербской буржуазии»²⁴ представляет собой тему, в рамках которой (пост)советские историки выдвинули несколько смелых предположений. В частности, Н. В. Васильева сообщает, что в результате узурпации королем власти «главный удар был нанесен по хорватскому банковскому капиталу»²⁵. Вероятно, с этой целью в первом правительстве Петра Живковича министерства финансов, торговли и промышленности, сельского хозяйства возглавили хорваты: банкир и президент загребской биржи Станко Шврлюга, адвокат Желимир Мажуранич, президент Хорватско-славонского экономического общества Ото Франгеш...

Описывая политику режима в 1930-е гг., С. А. Романенко делает не менее впечатляющие «открытия». По поводу выборов 1931 г. говорится, что в них «победу одержал *Государственный блок, созданный на основе Сербской радикальной партии и партии монархистов (?! – А. С.)*». А противостоял ему в 1930-е гг. «единый демократический блок – Крестьянско-демократическая коалиция (Демократическая партия и Свободная демократическая партия, ХКРП, Союз земледельцев), которая просуществовала с 1927 по 1941 год»²⁶.

То, как Романенко обращается с фактами, делает бессмысленным обсуждение того, какие на их основании он делает выводы. Тем более что они почти дословно повторяют идеологизированные клише полувековой давности: хорваты и словенцы в результате принятия Видовданской конституции стали «неполноправными наро-

дами», так как «никаких особых прав *несербским народам* (курсив мой. – А. С.) и национальным меньшинствам не предоставлялось»²⁷.

Неизменное сочувствие «*несербским народам*»²⁸ заставляет задуматься о происхождении этого режущего слух неологизма. В русском языке нет места «неанглийским», «нефранцузским» или «не-немецким» народам, поэтому, вероятно, мы имеем дело с механическим заимствованием сербскохорватского языкового явления. Его присутствие – дополнительное свидетельство вторичности упомянутых выше работ по отношению к трудам послевоенных югославских историков. Главную же «улику» предоставляет научно-справочный аппарат, отражающий полную зависимость советских авторов от хода мысли Ф. Чулиновича, Р. Бичанича, Д. Янковича, Б. Глигориевича, Б. Петрановича...

Выявленную несамостоятельность предопределили и факторы, не зависевшие от советских исследователей. К таковым прежде всего относился ограниченный доступ к источниковой базе, и тот факт, что в СССР восприятие Королевства СХС/Югославия государственными, общественными, в том числе и научными, кругами формировалось под энергичным внешним воздействием еще тогда, когда происходившее в балканской монархии было не новейшей историей, а актуальной действительностью.

* * *

В 1920-е годы в результате триумфа марксистской «науки» над наукой «великодержавной»/«буржуазной» место «классово-чуждых» отечественных славистов оказалась во многом занято деятелями болгарского, югославского, польского, чехословацкого коммунистических движений, которые по прибытии в РСФСР/СССР щедро делились своими знаниями о недавнем прошлом и настоящем стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Что касается южных славян, то это были по большей части выходцы из Болгарии, Македонии, Хорватии, Черногории, то есть представители народов, не удовлетворенных исходом Первой мировой войны. Их сентименты гармонировали с общим советским подходом к «империалистической» Версальской системе и ее «творениям». Особенно к тем, которые по формальным признакам воспринимались как «аналог» Российской империи и в которых нашла убежище врангелевская армия.

Рядовым и высокопоставленным членам РКП(б), знавшим о Королевстве СХС лишь то, что власть в нем «белогвардейская», плохо говорившие по-русски референты Исполкома Коминтерна и препо-

даватели «комвузов» сообщали: «Сербская буржуазия, которая... ведет политику угнетения по отношению к другим национальностям в Югославии, стала на точку зрения, что сербы, хорваты и словенцы – один народ. Сербская гегемонистическая буржуазия создала эту теорию, чтобы легче могла прикрыть свое гегемонистическое угнетение и чтобы могла оправдать [и] эту теорию, [и свою] централистскую политику»²⁹.

Подобные суждения вскоре и надолго сформировали официальный идеологический «скелет» советской югославистики, на который ее представители наращивали «плоть» содержания, усвоенного из напечатанных в СФРЮ книг. Например, до сих пор многие, как и процитированный выше Божидар Масларич, преподносят югославянскую идею исключительно в свете ее политической инструментализации официальным Белградом: «Белградские правители пытались внушить трудящимся, будто существует только один “трехименный” народ – сербы, хорваты и словенцы. Но это был пропагандистский миф»³⁰; «Руководящую роль в новом государстве взяли на себя великосербские монархические круги. В качестве официальной доктрины была провозглашена “теория интегрального югославянства”, согласно которой сербы, хорваты и словенцы объявлялись единым трехименным народом»³¹. Тем, кого такие утверждения могут ввести в заблуждение, сообщаем, что «теории» придерживались, по крайней мере публично, все политические силы, вовлеченные в создание Королевства СХС/Югославия, и почти все представители его политического класса вне зависимости от «племенной» принадлежности. И это не говоря о том, что «югославский национализм» и до, и после мировой войны был распространен среди хорватских, словенских и мусульманских подданных Габсбургов ничуть не меньше, чем среди «сербиянцев».

То, насколько глубоко тезисы, сформулированные политэмигрантами и руководством ИККИ в 1920–1930-е годы, засели в головах послевоенных советских историков, демонстрирует следующая таблица.

<p>«Извлекая для себя пользу из победы, одержанной союзниками, и воспользовавшись их армией... сербская буржуазия и монархия навязали всем другим нациям свою грубую гегемонию»³². (Из резолюции VI конференции Балканской коммунистической федерации, 1923 г.)</p>	<p>«В 1918 году, после поражения Австро-Венгрии в Первой мировой войне и <i>формальной победы Сербии, выступавшей на стороне Антанты</i> (курсив мой. – А. С.), сербы, хорваты и словенцы согласились объединить свои территории в одном государстве...»³³ (С. А. Романенко, 2011 г.)</p>
<p>«Юго-Славия является продуктом мировой империалистической войны, в которой, как господствующая нация, является сербская, и которая угнетает все остальные нации Юго-Славии»³⁴. (Филип Филипович, 1924 г.)</p>	<p>«Господствующая буржуазия, в первую очередь великосербская, пошла по пути создания системы, основанной на беспощадной эксплуатации, национальном угнетении и политическом бесправии»³⁵. (М. М. Сумарокова, 1988 г.)</p>
<p>«Вся политика господствующей великосербской буржуазии (экономическая, финансовая, административная и культурная) на протяжении 20 лет была направлена к угнетению и ограблению несербских народов. В несербских областях население оплачивает на 20–75% больше налогов»³⁶. (Владимир Поптомов³⁷, 1939)</p>	<p>«Господствующая верхушка пыталась преодолеть кризис за счет усиления эксплуатации трудящихся масс. Правительство вводило все новые и новые налоги, особенно ущемляя при этом несербское население»³⁸. (Ю. А. Писарев, 1963 г.)</p>

<p>«Македонцы (их около 800 тыс.) были лишены всех своих национальных и культурных прав и свобод и подвержены жестокой денационализации» (Владимир Поптомов, 1939 г.)</p>	<p>«В Вардарской Македонии проводилась политика денационализации коренного населения. В школах и учреждениях был введен сербский язык. Учителя, судьи, чиновники и даже священники были присланы из других областей Королевства. Великосербские шовинисты хотели предать забвению само слово “Македония” и переименовали Вардарскую Македонию в Южную Сербию»³⁹. (Ю. А. Писарев, 1963 г.)</p>
<p>«Если к этому еще прибавить сербизацию несербских областей и приезд сербских чиновников в несербские области, выбрасывание несербских чиновников с государственной службы, гегемонию сербов по всему фронту, тогда получается полная ясная картина сербской гегемонистической политики»⁴⁰ (Божидар Масларич, 1930-е годы)</p>	<p>«Не мирился с политикой сербского великодержавия и свободолюбивый черногорский народ. Черногорские крестьяне отказывались выполнять требования сербских чиновников... которые являлись в деревни, чтобы драть с крестьян “три шкуры”»⁴¹. (Ю. А. Писарев, 1963 г.)</p>
<p>«Нам уже известно о военном перевороте в Югославии. Там мы имеем теперь самую реакционную фашистскую диктатуру в истории абсолютных монархий... Сербская буржуазия пыталась консолидировать эк[ономическое] положение страны за счет рабочих и крестьян. Хозяйственный кризис длится уже 3 года. Все попытки стабилизации были безжизненны. Баланс был и будет пассивным. Промышленность развивается только военная. Экономическая зависимость от крупных капит[алистических] государств усиливается благодаря займам.</p>	<p>«Вся совокупность правительственных мер после государственного переворота 6 января 1929 г. свидетельствовала об установлении в стране монархо-фашистской диктатуры. Новый режим должен был обеспечить беспрепятственную эксплуатацию трудящихся масс, создать еще более благоприятные условия для хозяйничанья иностранного капитала»⁴³ (В. Н. Белановский, 1963 г.)</p>

Буржуазии нужны были новые займы, а их англ[ийские] и франц[узские] капиталисты могли дать только при условии военной диктатуры» ⁴² . (Милан Горкич, январь 1929 г.)	
---	--

Разумеется, не ради того, чтобы оставить след в советской историографии, приезжали в СССР болгарские и югославские коммунисты. Они стремились к тому, чтобы поучаствовать в формировании внешнеполитического курса Москвы, который должен был отражать их представления о ситуации внутри балканских государств и об отношениях между народами полуострова⁴⁴. Как под воздействием этих представлений корректировались те или иные конкретные шаги советского руководства, демонстрирует документ из секретариата Г. Димитрова, датированный ноябрем 1943 г. Генсек Коминтерна вносит правку в подготовленный другим болгаринном – Петром Дамяновым⁴⁵ – список тем из югославянской истории, которую следовало популярно и в правильном ключе изложить пленным усташским легионерам – новоявленным бойцам 1-й Югославской бригады. В раздел, посвященный межвоенному времени и описывающий «национальное неравенство в югославском государстве», от руки карандашом добавлен сюжет «*Великосербская политика и ее катастрофические результаты*»⁴⁶. Когда речь заходит о современных событиях, «*предательскую роль югославской реакции*» Димитров меняет на «*предательскую роль сербской реакции*», поясняя, что рассказывать надо о «*Правительстве сербского Квислинга – генерала Недича*». Утвержденный «План бесед для югославской воинской части» предназначался высокопоставленному сотруднику госбезопасности Г. С. Жукову, ответственному за иностранные военные формирования на территории СССР.

Очевидно, подобное видение происходившего в Югославии в 1920–1940-е годы было обусловлено привезенными с родины этническими фобиями, которые «перехлестывали» официальную советскую позицию, сугубо идеологическую по своей природе. Предвзятость балканских товарищей бросалась в глаза даже неосведомленным советским функционерам, полагавшим, что для правоверного большевика «нет ни эллина, ни иудея», а есть только классовые враги. Показательно письмо заместителя наркома иностранных дел А. Е. Корнейчука своему шефу – В. М. Молотову, – датированное январем 1943 г. В послании указывается на выраженный антисербский характер как

недавних заявлений АВНОЮ, так и дословно воспроизводивших их трансляций коминтерновской радиостанции, руководимой Велько Влаховичем: «Тезис о великосербском засилье в Югославии и о необходимости борьбы с ним подчеркивается достаточно сильно. Вопрос же о борьбе против хорватского реакционного сепаратизма почти не освещается, и во всяком случае, этот вопрос не расшифровывается»⁴⁷. Не претендуя на то, чтобы повлиять на руководство Народно-освободительного движения, Корнейчук тем не менее перечисляет, какие «мероприятия» следует осуществить, дабы «улучшить эти радиопередачи и устранить всякие поводы к обвинениям в нападках на сербов»:

«1. Начать регулярные передачи, характеризующие героическую борьбу сербского народа против немцев и героическое прошлое сербов. Дать характеристику выдающихся деятелей – сербов, вошедших в состав Антифашистского веча и Народно-освободительной армии.

2. Выступая против Михайловича, следует подчеркивать не столько его великосербский шовинизм, сколько его предательскую роль в отношении освободительного движения Югославии вообще.

3. В ближайших радиопередачах также следует разъяснить необходимость борьбы против реакционного хорватского сепаратизма, назвав его конкретных носителей.

4. Улучшить программу радиопередач в сторону большей конкретности материала и более живого изложения, подчеркивая братство сербского, хорватского и словенского народов Югославии».

К сожалению, мы не знаем, было ли выполнено что-либо из перечисленного. Не нам оценивать и характер расхождений между Народным комиссариатом иностранных дел и ИККИ. Однако доподлинно известно, что в конце 1944 г. в Югославию вернулись те, кто ее историю воспринимал исключительно в том духе, в каком она преподносилась в учебных заведениях Коминтерна. Среди них – будущие члены ЦК КПЮ: преподаватель «истории родного края» в КУНМЗ Б. Масларич; заведующий Югославским сектором университета Никола Ковачевич; В. Влахович, по приказу Димитрова написавший в 1942 г. курс лекций для слушателей Объединенной партийной школы при ИККИ⁴⁸, и многие другие послевоенные строители социализма. В ФНРЮ/СФРЮ, как и в советской России, партия решала, «кто более матери-истории ценен».

В 1950–1970-е годы идеологическую матрицу наполняли содержанием вышеназванные белградские и загребские исследователи, творчество которых стало поистине «третьим южнославянским влиянием» для тех, кто в СССР занимался Королевством СХС/Югославия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Јовановић М.* Срби и Руси, 12–21. век: (Историја односа). Београд, 2012. С. 155–156.
- 2 История Югославии. М., 1963. Т. II. С. 7.
- 3 Там же. С. 35.
- 4 *Сумарокова М. М.* Югославия. Политические отношения в Королевстве СХС (1921–1928 гг.) // Политические системы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1917–1929 гг. М., 1988. С. 506.
- 5 История Югославии. Т. II. С. 279.
- 6 Там же. С. 67; См. также: *Писарев Ю. А.* Югославия в 1918–1939 гг. // Новейшая история стран Западной Европы и Америки. 1918–1939. М., 1959. Т. I.
- 7 *Зеленин В. В.* Некоторые аспекты становления и кризиса представительной системы Королевства сербов, хорватов и словенцев // Проблемы истории кризиса буржуазного политического строя: страны Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период. М., 1984.
- 8 Там же. С. 281.
- 9 *Сумарокова М. М.* Становление единого Югославского государства // Политические системы... С. 215, 250.
- 10 *Krfska deklaracija od 20. (7.) jula 1917 // Šišić F.* Dokumenti o rastanku Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca. 1914–1919. Zagreb, 1920. S. 99.
- 11 Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Књ. I (од I претходног до XXXVII редовног састанка). ЛП. ред. саст. 16 јуна 1921. Београд, 1921. С. 28.
- 12 История Югославии. Т. II. С. 67.
- 13 *Фрейдзон В. И.* История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). СПб., 2001. С. 245.
- 14 История Югославии. Т. II. С. 65.
- 15 Там же. С. 107.
- 16 *Radić S.* Politički spisi. Zagreb, 1971. S. 367–379. Подробнее см.: *Силкин А.А.* Социальная и религиозная пропаганда Хорватской республиканской крестьянской партии (ХРКП) в первой половине 1920-х гг. // Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX вв.). Сб. статей. СПб., 2007.
- 17 *Фрейдзон В. И.* История Хорватии... С. 238.
- 18 Manifest Regenta Aleksandra narodu. Beograd 6. jan. 1919. (24. dec. 1918.) // *Šišić F.* Op. cit. S. 299.
- 19 *Фрейдзон В. И.* История Хорватии... С. 247.
- 20 Там же. С. 250.

21 См.: Лобачева Ю. В. К столетию образования Югославянского комитета: российские документы и исследования // Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX в. Сб. статей. М., 2016. С. 169. «В книге “Югославия: История возникновения...” на странице 53 указывается, что после образования Югославянского комитета “в него вошли 25 человек”. По другим данным, первоначальный состав Комитета был значительно меньше... Далее, на стр. 317–318, говорится о визите Ф. Супило в Россию в 1915 г. Уточним, что Ф. Супило находился в России в феврале – апреле 1915 г. (не с января) и узнал о секретных переговорах Антанты с Италией еще до (а не после!) подписания Лондонского договора 26 апреля 1915 г. (см., например: Frano Supilo // Enciklopedija Jugoslavije. Zagreb, 1971. Књ. 8. S. 218). Также (на стр. 330) неверно указано время проведения Корфской конференции “2 (15) – 7 (20) июля” – она проходила с 2(15) июня по 7(20) июля.

22 Романенко С. А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века – 1991 год). М., 2011. С. 124.

23 Там же. С. 148, 150.

24 Васильева Н. В., Гаврилов В. А. Балканский тупик?.. (Историческая судьба Югославии в XX веке). М., 2000. С. 86.

25 Там же. С. 87.

26 Романенко С. А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством»... С. 151. В расчете на то, что настоящая статья попадет на глаза цитируемому коллеге, информируем его, что в 1914 г. Петр перенес на принца-регента Александра монаршие prerogative, что 3 октября 1929 г. был утвержден «Закон о названии и разделе Королевства на административные единицы», который гласил: «Официальное название государства сербов, хорватов и словенцев – *Королевство Югославия*... Общее управление в Королевстве Югославия осуществляется в бановинах, срезах и общинах... Бановин образовано девять...» (В 1931 г. король «даровал» конституцию, подтвердившую положения закона). В 1930-е гг. не существовало ничего из того, о чем пишет Романенко, – ни Государственного блока, ни партии монархистов, ни Крестьянско-демократической коалиции в указанном составе. А Сербскую радикальную партию в 1940 г. основал бывший премьер-министр Милан Стоядинович. Старая пашичевская партия, формально запрещенная, как и все парламентские организации, в 1929 г., называлась Народная радикальная партия сербов, хорватов и словенцев.

27 Там же. С. 150.

28 К тому же выводу, что и Писарев с Романенко, пришла Н. Васильева: «Принятая в 1921 году конституция закрепила победу сербской буржуазии. Государство было поделено на 33 области по административному принципу, которое (так в тексте. – А. С.) сознательно затрудняло развитие несербских национальностей» (*Васильева Н. В., Гаврилов В. А. Балканский тупик?.. С. 79–80).*

29 Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 529. Оп. 1. Д. 680. Л. 147, 149, 152–154, 168–169.

30 История Югославии. Т. II. С. 37.

31 *Васильева Н. В., Гаврилов В. А. Балканский тупик?.. С. 79.*

32 Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (В документах центральных российских архивов начала – середины 1920-х гг.). В 2-х ч. М., 2000. Ч. 1. С. 163–166.

33 *Романенко С. А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством»... С. 145.*

34 Из «Платформы соглашения внутри НРПЮ/КПЮ» (9 ноября 1924 г., Белград) // Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: В документах центральных российских архивов начала – середины 1920-х годов / Ч. 2. Июнь 1924 – декабрь 1926 г. / Под ред. Р. П. Гришиной. М., 2003. С. 246.

35 *Сумарокова М. М. Югославия. Политические отношения в Королевстве СХС (1921–1928 гг.) // Политические системы... М., 1988. С. 506.* (В данном случае автор в качестве «классика» цитирует Й. Б. Тито).

36 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1306а. Л. 4–6. (Из аналитической записки «КПЮ и национальные требования хорватов и других народов в Югославии» ст. референта Исполкома Коминтерна по балканским странам В. В. Громова в Секретариат ИККИ.)

37 Поптомов Владимир (1890–1952) – псевдоним: Громов Владимир Васильевич – член Болгарской коммунистической партии (тесных социалистов) с 1919 г. В 1924–1934 гг. – секретарь ЦК Объединенной внутренней македонской революционной организации. В 1935–1940 гг. – старший референт по балканским странам в ИККИ. После войны – член Политбюро ЦК БКП, заместитель председателя Совета министров Болгарии.

38 История Югославии. Т. II. С. 64.

39 Там же. С. 69.

40 РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 680. Л. 154.

41 История Югославии. Т. II. С. 77.

42 РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 2. Д. 228. Л. 1.

43 История Югославии. Т. II. С. 116.

44 Что касается средств достижения поставленных целей, то они оставались неизменными с начала 1920-х гг. до конца Второй мировой войны. «Вся деятельность партии должна быть подчинена подготовке как самого организма партии, так и находящихся под ее духовным влиянием масс к... гражданской войне, а также к вооруженному восстанию трудящихся масс», – так в 1924 г. определял задачи КПЮ Президиум Балканской коммунистической федерации (Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции... Ч. 2. С. 244.).

45 Дамянов Георгий (псевдоним Белов Г., 1892–1958). В 1936–1937 гг. – преподаватель Международной ленинской школы. В 1938–1943 гг. – работник аппарата ИККИ, зав. Отделом кадров ИККИ.

46 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 598. Л. 43, 46.

47 Там же. Л. 1.

48 Там же. Оп. 75. Д. 14. Л. 33.

A. A. Silkin

The “Greater Serbian hegemony” and the destiny of “non-Serbs” in the Kingdom of Serbs, Croats, and Slovenes / Yugoslavia. From Comintern documents to contemporary Russian historiography

In the USSR the totalitarian ideology has mainly formed the academic ideas about history, both the history of the country as well as the history of the world. The Kingdom of SCS, later Yugoslavia, was qualified as “as one of the chunks of the imperialist Versailles System”, as a result of “cruel oppression of revolutionary spirit of the masses”. The false paradigm of study and the inability to conceptualise the past free of censorship triggered the blurred explanation of the logic of the Yugoslav history after WWII. The trustworthy reconstruction of the events and their conceptualisation remained an impossible task for Soviet historiography.

Keywords: *Comintern, USSR, Kingdom of Serbs, Croats, and Slovenes, Yugoslav communists, Greater Serbian hegemony, oppression of non-Serbs.*

М. А. Васильев
(Москва)

Древнерусский теоним *Семарьгль*: историко-лингвистические этюды, I–II

...Шалтай-Болтай заговорил снова.

– Некоторые слова очень вредные. Ни за что не поддаются! Особенно глаголы! Гонору в них слишком много! Прилагательные попроще – с ними делай, что хочешь. Но глаголы себе на уме! Впрочем, я с ними со всеми справляюсь. Световодозвуконепроницаемость! Вот что я говорю!

.....

– И все это в одном слове? – сказала задумчиво Алиса. – Не слишком ли это много для одного!

– Когда одному слову так достается, я всегда плачу ему сверхурочные, – сказал Шалтай-Болтай.

Льюис Кэрролл. Алиса в Зазеркалье
(перевод Н. М. Демуровой)

В статье обсуждаются новейшая дешифровка А. А. Гиппиусом специфической формы лексемы *Семарьгль*, содержащейся в статье под 6488 г. Новгородской первой летописи младшего извода, а также вопрос о причинах превращения теонима *Семарьгль* в два псевдотеонима (соответственно, в двух псевдобогов) *Семь/Симь* и *Рьгль/Регль* в «Слове некоего Христолюбца».

Ключевые слова: *язычество восточных славян, бог Семаргл, этимология, Новгородская первая летопись младшего извода.*

Связанная с древнерусским богом Семарглом проблематика в разных ее аспектах – славянском и иранском; источноведческом, историографическом, историческом, лингвистическом, этнологическом и иных – многократно затрагивалась в работах автора¹.

Как и ранее, в принципиальном плане автор придерживается положения о наибольшей вероятности сармато-аланских корней божества Семаргла. По нашему мнению (не исключая иные основательные решения в рамках восточноиранской (североиранской) парадигмы, пока, однако в

специальной литературе отсутствующие²), Семаргл стал органической составляющей дохристианских верований населения юго-восточного ареала культурно-лингвистической Славии второй половины I тыс. как результат сложных процессов, сопровождавших становление праславянства, в том числе взаимодействий с лингво-культурным миром восточноевропейских иранцев³ (пример нечувствительного перехода (вращения) сакрального объекта из сферы «чужого» в область «своего», потому в случае с Семарглом речь не должна идти о заимствовании извне). Соответственно, с позиций сармато-аланской парадигмы древнерусский теоним *Семаргль* рассматривается в качестве эксклюзивной ареальной (восточно) славяно-восточноиранской (северноиранской) лексической изоглоссы⁴.

Вместе с тем, соблюдая корректность, нельзя не акцентировать то обстоятельство, что ирано-славянская конструкция носит предположительный характер. С лингвистической точки зрения это обусловливается определенной уязвимостью иранской этимологии древнерусского *Семаргль* (в первую очередь на иранской – как, впрочем, и на славянской – языковой почве не объяснимо наличие в теониме конечного -л). Однако на сегодня, полагаем, иранская (сармато-аланская, в нашем понимании) гипотеза является наиболее сильной и наиболее адекватной имеющейся в распоряжении исследователей совокупности разнохарактерных данных.

Новое, историко-лингвистическое обращение к Семаргловой тематике в частной статье объясняется:

– появлением в литературе оригинальной дешифровки лексемы *Семаргль* (точнее – содержащейся в Новгородской первой летописи младшего извода формы в косвенном падеже *Сеимарекла*), заслуживающей, полагаем, специального обсуждения (**ЭТЮД I**);

– необходимостью подробно рассмотреть в лингвистическом и источниковедческом ракурсах вопрос о причинах появления в «Слове некоего Христолюбца» «божеств» *Сима/Сема* и *Рьгла/Регла*, ранее лишь мельком нами затронутый⁵, поскольку в историографии не исчерпана тенденция интерпретировать их как некие реалии дохристианского паганизма восточных славян (**ЭТЮД II**).

ЭТЮД I. Восточнославянское/древнерусское божество Семаргл (иным славянским дохристианским традициям, насколько они дошли до нас, не известное) является, безусловно, самым «неудобным» среди «высших» языческих богов, поскольку ничего, кроме имени, о нем достоверно не известно. Потому первенствующая роль в дешифровке Семаргла принадлежит лингвистике, особенно этимоло-

гической ее отрасли. Однако, несмотря на многовековые уже опыты этимологического свойства⁶, и для лингвистов теоним *Семарьгль* продолжает оставаться *crux interpretum*⁷.

Одна из основополагающих причин имеющейся непростой научной ситуации заключается в том, что теоним в качестве цельной лексемы встречается в древнерусских первичных памятниках единственный раз, в статье под 6488 (980) г. отразившегося в последующем летописании свода 1110-х гг., известного как «Повесть временных лет» (ПВЛ). В ней повествуется, в частности, о проведении Владимиром Святославичем языческой («первой религиозной») реформы вскоре после своего утверждения на великокняжеском престоле (978 г.):

«И нача княжити Володимерь въ Киевѣ единѣ, и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь. И жряху имъ, наричущѣ `я богы, и привожаху сыны своя и дъщери, и жряху бѣсомъ, и оскверняху землю *треба*ми своими. И осквернися кровьми земля Руска и холмо-ть. Но преблагий Богъ не хотя смерти грѣшникомъ, на томъ холмѣ нынѣ церкви стоить, святаго Василья есть...»⁸ (Лаврентьевская летопись, 1377 г.).

В старейших сохранившихся летописных списках, содержащих ПВЛ, теоним имеет несколько отличные написания гласного первого слога: помимо содержащегося в приведенной выдержке из Лаврентьевской летописи («Симарьгла»), «Съмарьгла» (Ипатьевская летопись, начало XV в.)⁹, «Семарьгла» (Радзивилловская летопись, конец XV в.)¹⁰.

В научных изысканиях использовались и продолжают применяться в качестве равноправных две формы написания имени данного божества – как *Семаргл*, так и *Симаргл*. Исходя из приведенных различий, указанные передачи теонима следует считать одинаково корректными, а выбор одной из них относить на счет предпочтений конкретного исследователя.

Разноречия в древнейших (но на столетия более поздних, чем время создания летописного свода 1110-х годов) содержащих ПВЛ рукописях буквенного обозначения гласного первого слога (*и, е, ю*)¹¹ в рассматриваемом теофорном имени могут быть объяснены, например, тем, что они явились следствием устного надиктования летописцами текста, независимо от того, диктовались ли они писцу или писатели производили диктовку самим себе¹².

В связи с анализируемым аспектом проблематики см. также следующее наблюдение О. Н. Трубачева: «Хотя в славистической литературе принято оперировать “правильным” древнерусским написанием *Смольньскъ*, в текстах встречается ряд случаев *Смоленьскъ*, *Смолъньскъ*, *Смолинъскъ* с гласным полного образования, вместо первого ъ, достаточно об этом справиться в смоленских грамотах»¹³.

Между тем в Новгородской первой летописи младшего извода (НЛМл) (40-е гг. XV в.) в статье под тем же 6488 г. читается существенно отличающаяся от приведенных падежная форма теонима – *Сеимарекла*. Причем она одинакова во всех трех древнейших списках НЛМл: Комиссионном, Академическом (*А*) и Толстовском (*Т*):

«И паки (*АТ* нет) нача княжити Володимеръ в Киевѣ, и постави на холмѣ внѣ двора теремнаго: Перуна древяна (*А* древянаго, *Т* древянаго), а главу сребрену (*АТ* сребряну), а усь златъ, и Хоръса (*АТ* хорса) и Дажьба (*АТ* дажба) и Стриба, Сеимарекла, Мокошь. И жряху имь, наричюще их (*АТ* нарицающесея) богы...»¹⁴

В связи с формой *Сеимарекла* в НЛМл в монографии С. М. Михеева 2011 г., посвященной ПВЛ, содержится следующая ремарка: «Чтение НовГ разъяснено А. А. Гиппиусом как уточнение “се има рекла”, то есть ‘...Даждьбога и Стрибога (это их прозвища)’ (устное сообщение)»¹⁵.

Хотя из приведенного в работе С. М. Михеева устно проговоренного мнения А. А. Гиппиуса это прямо не вытекает, но мы усматриваем в высказанном ученым суждении в нем заложенную и требующую отдельного внимания серьезную коллизию. Суть ее в следующем.

В историографии обоснован и принят вывод, согласно которому в НЛМл по статью под 6523 (1015) г. отразился летописный свод 1090-х годов, названный А. А. Шахматовым Начальным, значительной частью вошедший в ПВЛ и ставший, следовательно, одним из важнейших ее источников¹⁶. Что касается интересующего нас летописного сегмента статьи под 6488 г., то он в ПВЛ, бесспорно, восходит к Начальному своду (и далее, не исключено, к тому летописному своду, предположительно 1070-х гг., который предшествовал Начальному¹⁷).

Из сказанного может следовать понятный и даже источниковедчески оправданный соблазн увидеть в имеющейся в НЛМл форме лексему, первичную по отношению к формам, содержащимся в старейших списках ПВЛ.

Однако даваемое НЛМл чтение, с нашей точки зрения, значальным считаться не может по ряду обстоятельств.

В принципиальном плане укажем на то обстоятельство, что если, как основательно считается в историографии, НЛМл *отражает* Начальный свод 1090-х гг. в статьях по 6523 г., то это автоматически не означает того, что *все* даваемые ею чтения таковы же, что были в данном своде, тождественны им. Это во-первых.

Во-вторых, содержащееся Новгородской первой летописью младшего извода чтение *Сеимарекла*, с нашей точки зрения, первичным считаться не может по следующим конкретным основаниям.

Ср., с одной стороны, высокую степень единообразия приведенных выше форм теонима в старейших по времени содержащих ПВЛ списках, отчетливо отделяющих их от НЛМл. С другой стороны, отчетливую же трудновозводимость этих форм к лексеме (в косвенном падеже) *Сеимарекла* – при очевидной непротиворечивости обратного утверждения (*Се(у)рьма*рьгла > *Сеимарекла* ‘се има рекла’). Потому что во втором случае мы могли бы иметь дело со вполне объяснимым превращением *непонятого* в *осмысленное*. В противном же варианте (*Сеимарекла* > *Се(у)рьма*рьгла), помимо прочего, перед нами был бы трудно объяснимый пример трансформации *внятно понимаемого* в *бестолковый набор букв* (звук).

Ср. также соответствующие фрагменты ПВЛ под 6488 г., посвященные началу «первой религиозной реформы» князя Владимира, в древнейших списках, и соответствующий текст в НЛМл, первые из которых, взятые в целом, выглядят, на наш взгляд, в некоторых моментах несколько более архаично и более первоначально. Заметим, впрочем, что как старейшие сохранившиеся списки ПВЛ не отражают добуквенно ее первоначальный, 1110-х гг. (в любой редакции) текст, так и НЛМл, повторим, не может полагаться добуквенной передачей Начального свода 1090-х гг.

К этому тезису ср. симптоматичную трансформацию в Радзивилловской летописи, в собственно Радзивилловском (Кенинсбергском), богато иллюстрированном миниатюрами ее списке теонима *Стрибогъ* в *Стробогъ*¹⁸ (что может быть объяснено фонетической ассимиляцией гласного первого слога с гласным второго слога)¹⁹ (опережающее/упреждающее чтение, терминологически определяемое также как «предвосхищение»), что и повлекло описку). В той же связи см. превращение там же нормативной лексемы др.-русск. *Дажьбогъ* (< праслав. **dadjbogъ*²⁰) в *Дажебогъ* (ср. еще с формой *Дажьб(о)га* в Комиссионном списке Ипатьевской летописи, при явно вторичном *Дажьдбога* в Хлебниковском и Погодинском ее списках). Выразительно при этом, что в Московско-Академическом списке Радзивил-

ловской летописи (Московско-Академической летописи) читается: «...и Хорса, и Дажьбога, и Стрибога, и Семарьгла, и Мокошь»²¹.

Кроме того, подходя со своего рода «языческой» стороны, вторичность предлагаемого А. А. Гиппиусом чтения индицируется для нас самой до крайности малой представимостью полагать *изначальность* сделанной летописцем второй половины XI в., введшим сведения о «первой религиозной реформе» в свой летописный свод, некоей *пояснительной фразы* («это их прозвища») *в середине перечня* Владимировых богов, сразу после упоминания кумиров Дажьбога и Стрибога и до называния Мокоши. Но позднейшее превращение непонятного теонима в пояснительную фразу принципиально допустимо.

Имеются ли случаи появления в древнерусских памятниках каких-либо неожиданных элементов в списках-перечнях почитавшихся в дохристианской Руси богов? Такой пример содержит «Поучение духовным детям» / «Слово св. Ионнна Златоуста», в котором читается: «Уклоняйся пред Богомъ невидимыхъ: молящихъ чловѣкъ роду и роженицам, порену и аполину, и мокоши, и перегини, и всяким богомъ (и) мерзкимъ требамъ не приближайся»²². Но проведенный анализ показал, что «аполин» (Аполлон) в этом памятнике, вероятнее всего, заменил восточнославянское божество солнца Хорса, причем произошло это на достаточно поздних этапах функционирования нарратива, т. е. древнегреческий Аполлон как бог солярный не фигурировал в его протографе²³.

Уместно в этой связи также указать на то обстоятельство, что и теонимы *Дажьбогъ* и *Стрибогъ*, и стоявшие за ними сверхъестественные сущности не были забыты на Руси даже к исходу XII в. (о чем свидетельствует «Слово о полку Игореве»²⁴), а ранее, в статье ПВЛ под 6622 (1114) г., современной времени создания этого свода, Дажьбог точно определен функционально как солярное божество: после Сварога «царствова сынъ его, именемъ Солнце, его же наричють Дажьбогъ...», «Солнце царь, сынъ Свароговъ, еже есть Дажьбогъ...»²⁵ Это во многом обесмысливает необходимость пояснительной характеристики непосредственно после именно их имен в перечне Владимировых божеств киевского пантеона в Начальном своде.

Поэтому, по нашему мнению, можно говорить только о том, что либо создатель НЛМл, либо кто-то из его предшественников мог являться в некотором роде *первым этимологом, лингвистом-истолкователем* (народно-этимологического свойства, конечно) совершенно

неясного ему стоящего в косвенном падеже теонима *Се(и/ѣ)марьѣла*, трансформировав его в *се има рекла* («это их прозвища») – разумеется, если остроумное предположение А. А. Гиппиуса принимается и если имеем дело с не просто большим искажением исходной словоформы при последующих переписках.

Вместе с тем следует отметить, что косвенно в пользу предполагаемого А. А. Гиппиусом «истолковательного» (псевдоэтимологического) чтения – вторичного, повторим, а не первоначального по своему характеру – может свидетельствовать то обстоятельство, что позднейший летописец мог трансформировать теофорное имя *Семарьель* в такое своего рода уточняюще-«извиняющееся» пояснение (мол, ничего не поделаешь, такие уж у них имена) как раз к теофорным композитам *Дажьбогъ* и *Стрибогъ*, ему предшествующим. Дело в том, что древнерусские книжники-христиане, как кажется, вообще старались избегать упоминания именно данных языческих божеств²⁶ – видимо, из-за заключенной в их «паганских» сложносоставных именах праславянской лексемы **bogъ*, могущей вызывать нежелательные соотнесения (аллюзии) с *христианским Богом*²⁷.

Семантически наполненное перетолкование при позднейшей трансляции писателями более ранних летописных текстов не являлось столь уж редким. Приведем пример, наглядно иллюстрирующий, с какими исследовательскими сложностями приходится сталкиваться летописеводам в подобных случаях и какие проблемы интерпретации они способны породить.

М. В. Кукушкина, ответственный редактор факсимильного издания иллюстрированной миниатюрами Радзивилловской летописи по рукописи XV в. и отдельно – древнерусского текста этой рукописи²⁸, писала:

«Уже при чтении корректур мы обратили внимание на неадекватность текста Р. Л. (Радзивилловской летописи. – М. В.) чтениям в других летописях при изложении рассказа в “Повести временных лет” под 862 г. о призвании трех братьев “из варяг” на княжение в Руси. Миниатюра № 15 (л. 8 об.) должна была изображать Рюрика в Ладоге., Синеуса на Белоозере и Трувора в Изборске. При этом только в Р. Л. писец, имя которого остается неизвестным, внес изменение в текст летописи... Он опустил в данной фразе имя князя “Синеус”, а вместо этого написал “сиде оу нас”. Позднее, вероятнее всего, при снятии Петровской копии в 1713 г. (БАН. 31.7.22), другой писец (возможно, более осведомленный) вставил сверху над словами “сиде оу нас” – “Синеус”²⁹. Таким образом фраза “а другий, Синеус, сиде оу нас на Белоозере” уже без исправлений вошла в Петровскую копию 1713 г.

Однако первым, кто заметил особое чтение текста Р. Л. под 862 г., был акад. А. А. Шахматов. В статье 1904 г., исследуя рассказ о призвании варяжских князей на Русь, он писал: "...не подлежит сомнению", что в основе сказания о варягах "лежат не выдумки, не ученые истории, а народные предания". В другом контексте той же статьи ученый вернулся к интересующему нас тексту и осторожно заметил: "Не напрасно, по-видимому, явилось чтение Радзивиловского списка «другий сиде оу нас на Белоозере»»³⁰.

Судя по всему, чтение «сиде оу нас» вместо «Синеус» действительно появилось под пером позднего переписчика «не напрасно», но дело, видимо, заключалось вовсе не в «народных преданиях», донесших до летописных страниц воспоминания о глубокой древнерусской архаике, как, можно думать, полагал А. А. Шахматов.

«Буквально двумя строками ниже, – продолжала М. В. Кукушкина, – под той же миниатюрой № 15, рукой того же писца в иной фразе упомянуто имя Синеус, и это обстоятельство опровергает существующее в науке мнение, что писец неправильно прочел слово в оригинале, с которого делал копию. Такое предположение маловероятно, поскольку рукопись, за некоторыми мелкими исключениями, написана одним полууставным почерком, свидетельствующим о высокой квалификации писца, которому могла быть доверена переписка летописного текста»³¹.

Исследовательница пришла к итоговому выводу, согласно которому Радзивиловская летопись «в списке 90-х гг. XV в. была переписана в Кирилло-Белозерском монастыре» и здесь же проиллюстрирована миниатюрами³². Этот монастырь в конце XV в. вообще являлся крупнейшим книжным центром Руси³³.

В свою очередь, Кирилло-Белозерская обитель, начало которой было положено в конце XIV в., расположена в 7–8 км от реки Шексны, берущей свое начало в Белом озере (ныне в Вологодской области), сравнительно недалеко от этого природного водоема. У истока Шексны из Белого озера до конца XIV в. находился город Белоозеро, где, согласно ПВЛ, и вокняжил Синеус. Позднее город был перенесен несколько западнее.

При принятии обосновываемой М. В. Кукушкиной точки зрения относительно места создания иллюстрированного списка Радзивиловской летописи 90-х гг. XV в. становится понятно, почему в нем на листе 8 об. читается: «и сѣде в Ладозѣ старей Рюрикъ, а другий сиде у нас, на Белѣозере, а третии Труворъ въ Изборьску»³⁴. А также то, почему именно белоозерский княжеский «стол» и сидящий на нем правитель размещены в центре имеющейся на данном листе нижней миниатюры, между «столами» и правителями Изборска и Ладоги.

Приведенный пример, помимо непосредственных целей, ради которых он здесь фигурирует, дополнительно положительно соотносится с предложенной нами интерпретацией гипотетической трактовки содержащейся в НЛМл словоформы *Сеимарекла*, предложенной А. А. Гиппиусом: в обоих случаях перед нами наполненные смыслом, не случайные перетолкования исходных лексем, во-первых, причем поздние, во-вторых.

ЭТЮД II. Божество *Семаргл*, помимо *ПВЛ*, упоминается, как мы считаем, дважды в древнерусском домонгольском нарративе «Слово некоего Христолюбца и ревнителя по правой вере», одном из старейших дошедших до нас памятников, направленных против языческих переживаний после принятия новой веры. Однако в данном памятнике теоним, переданный в *ПВЛ* как цельная лексема, разделен на два слова, два теонима, которые, в свою очередь, содержатся, согласно мнению Е. В. Аничкова, в двух отдельных фрагментах-вставках в возникшую между 1037 и 1054 г. первую редакцию «Слова»³⁵, в которой о язычестве не сообщалось ничего³⁶, причем вторая вставка «очевидно явилась лишь повторением первой»³⁷. Обе вставки ученый относил к третьей редакции «Слова некоего Христолюбца»³⁸.

Обличая «христиан, двоеверно живущих», «Слово» указывало, что они, в том числе:

веруют «въ Пероуна, и въ Хърса, и въ Сима, и въ Ръгла, и въ Мокошь...» (окончательная редакция «Слова», согласно Е. В. Аничкову)³⁹; «в перуна и хорса (і в хорса) и въ мокошь и в Сима и въ Ръгла (и в Еръгла)»⁴⁰ (воспроизведение Н. М. Гальковского по тексту «Троицко-Сергиевой Златой Цепи», рукопись XIV в., «с разночтениями по Паисиеву [Паисьевскому. – М. В.] сборнику (около 1400 года)»⁴¹) (варианты по различным спискам «Слова»: «и в сима и ворхгла», «и воргла», «въ ръгла», «ргла», «и во сима и въ ръгла») ⁴²;

молятся «Мокошьи, Симоу, Ръглоу, Пероуноу, [Волосу скотью богу (Е. В. Аничков показал, что упоминание в данном перечне Волоса является «вставкой во вставку»⁴³, и относил ее к четвертой редакции «Слова»⁴⁴. – М. В.),] Хърсоу» (Е. В. Аничков)⁴⁵; «и мокоши (і) симу. (і) реглу и перуну (“пероуноу и хърсоу”⁴⁶) и волосу скотью б(ог) у» (Н. М. Гальковский)⁴⁷ (варианты: «ръглу», «симу реглу», «и сему реглу») ⁴⁸.

Более Сим/Сем – Ръгл/Регл (равно как и Семаргл) ни в каких древнерусских первичных источниках не упоминаются.

В научной литературе имело достаточно широкое хождение положение о той или иной степени реальности древнерусских Сима/Сема и Рьгла/Регла в качестве неких божественных сущностей, терминологически обозначаемое нами далее как *гипотеза двух богов*. Ее по разным основаниям, здесь отдельно не анализируемым (например, сближение с упомянутыми в Ветхом Завете (4 Цар 17: 24, 29–31) божествами⁴⁹), придерживались многие исследователи⁵⁰.

У истоков гипотезы двух богов стояли П. М. Строев и П. И. Прейс. Касаясь вопроса о «темном» для него божестве Семаргле, первый из ученых предположил: «Перепищики не соединили ли в сем слове двух различных богов: *Сема* и *Регла*, как то стоит в Архангелогородском Летописце, М. 1781, стр. 25?»⁵¹ (об этом летописном известии см. далее). Догадку П. М. Строева признал доказанной П. И. Прейс после того, как А. Х. Востоков ознакомил его с выписками, сделанными «из старинных рукописей» (речь шла о «Слове некоего Христолюбца»): «В них эти божества встречаются в дательном падеже и разделены союзом... Таким образом, в летописи должно читать (Владимир постави): “Сима, Рьгла и Мокошь”»⁵².

При разборе гипотезы двух богов ключевым является вопрос о первичности либо перечня богов в ПВЛ в статье под 6488 (980) г., либо перечня в «Слове некоего Христолюбца». От его решения зависит признание «первородства» или теонима *Се(и/иъ)марьгль*, или теофорных имен *Симъ/Семъ* и *Рьгль/Регль*.

Еще раз приведем текст ПВЛ, содержащий список богов:

«И нача княжити Володимеръ въ Киевѣ единъ, и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усь златъ, и Хьрса, (и)⁵³ Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь...»

Предположим, далее, первичность чтения «Повести временных лет» по сравнению с даваемым «Словом некоего Христолюбца». Что может свидетельствовать в пользу этого?

Если сравнить летописный список с перечнем «высших» восточнославянских / древнерусских языческих божеств в «Слове некоего Христолюбца», то единственно возможным заключением может быть только то, что второй перечень без труда выводим из первого, в то время как обратное принципиально невозможно из-за отсутствия имен Дажьбога и Стрибога (фигурирующий в этом перечне Волос, во втором приведенном отрывке из «Слова», как говорилось, является «вставкой во вставку»).

По сути, «божественный список» «Слова некоего Христолюбца» являет собой не более чем усеченный реестр божеств Владимирова

пантеона, находящийся в ПВЛ. Адекватность обратного утверждения – создатель ПВЛ зачем-то добавил в перечень «Слова» имена Дажьбога и Стрибога, а также превратил «исконных» Сема/Сима – Рьгла/Регла в Се/(и/ѣ)маргла, – на наш взгляд, имеет вероятность, мало отличную от отрицательной.

Когда в данном этюде в связи со «Словом некоего Христолюбца» говорится о ПВЛ, то нельзя исключать иной, осторожной, но теоретически не исключенной конструкции. Автор третьей редакции (по Е. В. Аничкову) «Слова», если его первая редакция была создана в 1030–1050-е годы, мог заимствовать свой перечень богов не из «Повести временных лет», а из Начального свода 1090-х гг. (или даже, что при указанной датировке первой редакции «Слова» допустимо, из гипотетического свода 1070-х годов).

Автор же четвертой редакции «Слова» дополнил перечень богов упоминанием «Волоса скотья бога», с высокой степенью вероятности, полагаем, взятом (прямо либо опосредованно) из договора 971 г. князя Святослава с «Империей ромеев» (Византией) («...да имѣмъ клятву от бога, въ его же вѣруемъ – в Перуна и въ Волоса, скотья бога...»⁵⁴), который (как и договоры с Империей князей Олега и Игоря) в начальном летописании появился именно в ПВЛ, но отсутствовал в Начальном своде⁵⁵.

Если это так, то мы имеем некоторый *внутриисточниковый terminus ante quem* появления предыдущих версий рассматриваемого «Слова», на что в историографии, кажется, до сих пор внимания не обращалось.

Невозможно, однако, отвергать вероятности того, что творцы третьей и четвертой редакций (если следовать Е. В. Аничкову) «Слова некоего Христолюбца» работали лишь с текстом ПВЛ, но второй делал это несколько более «творчески».

Ничто не препятствует допущению, согласно которому названные в летописи среди киевских богов Дажьбог и Стрибог были пропущены редакторами «Слова некоего Христолюбца» в сделанных с опорой на летописный текст вставках в его первоначальный текст по причинам, о которых говорилось выше.

Напомним, затем, что в древнерусской письменной речи отсутствовали: нормативные знаки препинания, обязательное деление на слова, обязательное написание имен собственных с прописной буквы, и «воспроизведем» (реконструируем) интересующий нас фрагмент ПВЛ с учетом данных обстоятельств. Не будем забывать при этом о том, что:

1) имена всех богов в перечне даны в косвенном падеже,

2) стоящие в этом падеже мужские теонимы заканчиваются на **-а**,
 3) в летописном перечне (почти) всегда теонимы разделены союзом **и**.

Текст ПВЛ (либо, допустим, более ранний летописный), которым пользовался один из авторов вставок в «Слово», мог выглядеть приблизительно следующим образом: Владимир начал княжить в Киеве «един» и поставил вне своей резиденции, «теремного двора», кумиры

«перуна [...] ихърсаидажьбаистрибаисемарьглаим окошь».

Для автора рассматриваемых вставок в первоначальный текст «Слова некоего Христолюбца», т. е. для его переписчика-комментатора⁵⁶, совокупность указанных выше текстологических обстоятельств могла послужить основанием для того, чтобы *имя собственное летописного бога Се(и)марьгла не было воспринято им как целостная лексема, а в результате – превратилось под его пером в «божеств» Сима/Сема и Рьгла/Регла: реальная словоформа была прочтена (а в этом фрагменте-перечне только она одна могла быть так прочтена) и осмыслена как сложение из двух стоящих в косвенном падеже и оканчивающихся на -а «теонимов» (си(е)ма + рь(е)гла), что и привело к их обособлению союзом и, по аналогии с предыдущими и последующим сегментами перечня (а затем, кажется (ср. разночтения в воспроизведении у Е. В. Аничкова и у Н. М. Гальковского), просто отдельной их передаче в бессоюзном «божественном» перечислении второй вставки третьей, по Е. В. Аничкову, редакции).* Такое «улучшение» полностью укладывалось в стилистическую логику и синтаксическую ритмику всего летописного фрагмента, по видимости делая его даже более цельным, более внутренне организованным.

После этой «восполняющей» творческой корректировки, естественно, псевдотеонимы *Симь/Семь* и *Рьгль/Регль* во вставках в «Слово» могли склоняться независимо («...иже молятся... Мокошьи, Симоу, Рьглоу, Пероуноу... Хърсоу...»⁵⁷) и иметь предлог («И вѣроуютъ въ Пероуна, и въ Хърса и въ Сима, и въ Рьгла, и въ Мокошь...»⁵⁸).

Мы, следовательно, считаем возможным полагать, что переписчик-комментатор «Слова некоего Христолюбца», автор соответствующих в него вставок, понял летописный фрагмент **«исемарьгла»** как **«исема|регла»**, т. е. исследуемая лексема (в силу указанных выше трех обстоятельств) в его представлении распадалась на две, разделенные своего рода ритмико-стилистической цезурой (обозна-

чена символом II). Потому он «прочитал» в ней имена двух божеств, два теонима, а в результате – «исправил» текст своего источника, вставив на место упомянутой цезуры регулярный, в целом, для летописного перечня киевских кумиров разделительный союз *и*: «**исемаИрьгла**».

Так, путем лексико-семантической бифуркации, появились на свет псевдобоги *Се(и)мь* и *Рь(е)гль*, так появилась та несообразность, о которой А. В. Назаренко писал, что в данном «Слове» Сим и Рьгл возникли «по недоразумению вместо летописного “Симаргл”»⁵⁹.

Принципиально важно подчеркнуть то, что предлагаемое нами решение является большим, чем спекулятивное предположение. Оно аутентично проверяемо. Дело в том, что разделение теонима *Семарьгль* на две лексемы имело место в одном древнерусском летописном памятнике спустя пять столетий после составления ПВЛ, в источнике, *заведомо внешнем* по отношению к «Слову некоего Христолюбца».

Общерусская Устюжская летопись первой четверти XVI в. сохранилась в двух редакциях; интересующая нас ее вторая редакция (по месту хранения одного из содержащих ее списков получившая название Архангелогородского летописца) относится к началу XVII в.⁶⁰ Именно на этот источник опирался П. М. Строев, предполагая, что переписчики ПВЛ соединили в слове *Семаргл* имена двух различных богов, *Сема* и *Регла*, «как то стоит в Архангелогородском Летописце». А от данной мысли П. М. Строева, как говорилось, и отталкивался П. И. Прейс, подкрепляя гипотезу двух богов чтениями «Слова некоего Христолюбца».

Соответствующий текст данного летописца, помещенный под 6486 (978) г., гласит (курсив в цитате наш): «И нача княжити Владимир в Кииве един, и постави кумиры на холму и вне двора теремнаго: Перуна на холму древянаго, а главу сребряну, а ус злат, и Хорса, и Дажьбога, и Стрибога, *и Сема, и Регла*, и Мысошь (вариант по одной из рукописей: “Мкош”. – М. В.), и жряху бесом, и оскверняху землю Рускую, привожаху сыны и дщери на холм. На том месте ныне есть церкви святого Василия»⁶¹.

Следовательно, в данном древнерусском нарративе, в несколько сокращенном и не вполне точном виде пересказывающем восходящий к ПВЛ интересующий нас сегмент статьи под 6488 г., явным образом вне зависимости от «Слова некоего Христолюбца» и спустя века после его появления в любой редакции произошло разделение рассматриваемого теонима на две лексемы с их обособлением со-

юзом *и*. В этом составитель Архангелогородского летописца (либо творец летописного источника, откуда эти сведения были почерпнуты), в нашем понимании, независимо последовал логике всё тех же стилистики и синтаксической ритмики соответствующего фрагмента ПВЛ, из которых, на наш взгляд, исходил в своих корректировках один из переписчиков-редакторов «Слова некоего Христолюбца».

Таким образом, представляется, что *перечень древнерусских «высших» дохристианских божеств, содержащийся в ПВЛ (< более раннем летописном тексте, отразившемся в этом памятнике), первичен по отношению к «Слову некоего Христолюбца», в котором он подвергся переосмысливающему редактированию, заключавшемуся не только в порождении небывалых языческих божеств, но и в удалении богов реальных (Дажьбога и Стрибога). Что элиминирует многодесятилетнюю историографическую коллизию относительно Рьгла/Регла и Сима/Сема и лишает вескости источниковый фундамент («Слово некоего Христолюбца») гипотезы двух богов, а значит – и ее саму. Соответственно, не имея должной опоры, подлежат деконструкции любые решения битеонимического свойства.*

Помимо прочего, как выдвинутая интерпретация предложенного А. А. Гиппиусом, так и бифуркация Семаргла с превращением в двух псевдобогов в «Слове некоего Христолюбца» могут расцениваться в качестве дополнительных аргументов в пользу не раз высказывавшегося в историографии суждения о скором забвении рассматриваемого божества на древнерусской почве после принятия христианства⁶².

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Васильев М. А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. М., 1999. Глава вторая. Божество Семаргл. С. 97–200 (книга доступна для скачивания в Рунете в форматах DOC и PDF); *Он же*. Особенности формирования и развития восточнославянского язычества: Боги иранского происхождения Семаргл и Хорс киевского пантеона князя Владимира. «Первая религиозная реформа». Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2000. Глава первая. Бог Семаргл: Происхождение, функции, облик. С. 13–121 (работа имеется в Электронной библиотеке диссертаций disserCat и доступна для скачивания; переработанный в статейный вид автореферат диссертации

был впервые опубликован: *Он же*. Особенности формирования и развития восточнославянского язычества // Международный исторический журнал. 2000. № 10 (<http://history.machaon.ru/>), затем неоднократно дублировался в Рунете, зачастую с иными заголовками или без них, как с указанием авторства, так и без него). Из более ранних работ см.: *Он же*. Боги Хорс и Семаргл восточнославянского язычества // Религии мира. История и современность. Ежегодник 1987. М., 1989.

2 В этой связи см. критику построений В. Н. Топорова, связывавшего интерференцию божеств Хорса и Семаргла с восточноиранским (северноиранским) по языку элементом *ал-арсийа*: *Васильев М. А.* «Хорс жидовин»: древнерусское языческое божество в контексте проблем Khazaro-Slavica // Славяноведение. 1995. № 2; *Он же*. Язычество восточных славян накануне крещения Руси... С. 40–48.

3 Подробнее см.: *Васильев М. А.* Язычество восточных славян накануне крещения Руси... Приложение 1. Анты и словене: этногенетические и раннеэтноисторические процессы в славяноязычном мире в первой половине – середине I тысячелетия н. э. С. 267–296; *Он же*. Особенности формирования и развития восточнославянского язычества... Глава третья. Время и пути вхождения богов Хорса и Семаргла в восточнославянское язычество. С. 187–249.

4 Ср.: *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы: На стыке Востока и Запада. М., 1965. С. 115–117.

5 См. указанные наши монографию (с. 110–112) и диссертацию (с. 27–28).

6 Из ранних суждений см. мнение 1804 г. Г. А. Глинки, который писал (вполне, впрочем, в народно-этимологическом ключе), что слова Зимерзла, Симаергла, Симаргла и т. п. означают «всё одно и то же, т. е. зиму и мерзнуть» (*Глинка Г. А.* Древняя религия славян // Мифы древних славян. Саратов, 1993. С. 125). А двадцатью годами позже С. В. Руссов предположил, что имя Зимцерлы или Зимаерглы (т. е. Семаргла) происходит от слов *зияю* и *мерцаю* (*Руссов С.* Опыт об идолах, Владимиром в Киеве поставленных во время язычества, и сим же великим князем уничтоженных, когда он просветился благодатным учением христианской веры. СПб., 1824. С. 3).

7 Ср. мнение Вс. Ф. Миллера, охарактеризовавшего имя Семаргла в качестве «сгих для мифологов» (*Журнал Министерства народного просвещения*. 1885. Июнь. С. 298), (лат. *crux* ‘крест, орудие пыток; мука, мучение, беда, горе, бедствие’).

8 Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд.,

испр. и доп. СПб., 1996. С. 37 (далее – ПВЛ). См. также: Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. 1. Стб. 79 (далее – ПСРЛ).

9 Опубликовано (ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 67) по Ипатьевскому (Академическому) списку, разночтения по Хлебниковскому (X) и Погосдинскому (П) спискам: «и нача княжити Володимиръ въ Киевѣ вдинъ (X.П. единъ). и постави кумиры на холмѹ. внѣ двора теремна^ѣ. Перуна деревѹна. а голова его серебряна (X.П. сребряна). а усъ золо^ѣ (X.П. золотыи) и Хорьса. и Дажьба (X.П. даждьбога). и Стриба. и Сѣмарьгла. и Мокошь. и жраху^ѣ имь. наричуще (X. нарѣчюще, П. нарѣчоуще) блгы. (буква л соскоблена; X. и богы, П. и б(ог)а)...»

10 «И нача кн(я)житии Володимеръ в Кыеве единъ, и постави кумиръ на холмѣ внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а глава ему серебряна, а усъ золотъ, и Хорса, и Дажьб(о)га, и Стробога, и Семарьгла, и Мокошь. И жряху имь, наричюще а богы...» ПСРЛ. Л., 1989. Т. 38. С. 39.

11 Буква **и** в стандартной древнерусской графической системе передавала фонему /и/, буква **е** – фонему /е/, буква **ѣ** в нашем случае, после согласного, – фонему /ѣ/ (см.: Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., переработ. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004. С. 22). Применительно к рассматриваемой им проблематике исследователь отмечал также: «Следует предполагать, ... что уже с XI в. для фонемы /ѣ/ существовало два способа письменной передачи – **ѣ** (основной способ) и **е** (допустимый дополнительный способ). В книжной письменности обычно (хотя всё же не всегда) использовался основной способ, в бытовой письменности применялись оба...» (Там же. С. 27).

12 О подобных приемах работы летописцев см.: Михеев С. М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011 (Славяно-германские исследования. Т. 6). С. 54.

13 Трубачев О. Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. 3-е изд., доп. М., 2005. С. 100–101.

14 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 128 (основной текст опубликован по Комиссионному списку; издание факсимильно воспроизведено в: ПСРЛ. М., 2000. Т. III).

15 Михеев С. М. Кто писал «Повесть временных лет»? С. 225, прим. 358.

16 Из последних обзорных работ, посвященных начальному древнерусскому летописанию, в том числе своду 1090-х годов, см.: Понтэ А. В. А. А. Шахматов и спорные начала русского летописания // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 3 (33); Гунтуис А. А. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект

текстологической реконструкции // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама. М.; Вологда. 2012.

17 См.: *Михеев С. М.* Кто писал «Повесть временных лет»? С. 66, 67, 69, 79 и др. (относительно носящей для интересного нам фрагмента маркирующий характер лексемы *кумирь*).

18 ПСРЛ. Т. 38. С. 39. См. также: Радзивилловская летопись / Отв. ред. М. В. Кукушкина. СПб., 1994. Кн. 1: Факсимильное воспроизведение рукописи. Издание подготовлено по рукописи, хранящейся в Библиотеке РАН. Л. 44 об.

19 Ср.: *Зализняк А. А.* «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2004. С. 99.

20 Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. М., 1977. Вып. 4. С. 182–183.

21 ПСРЛ. Т. 38. С. 39.

22 Цит. по: *Срезневский И. И.* Роженицы у славян и других языческих народов // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1855. Кн. 2, пол. 1. Отд. I. С. 104.

23 Подробнее см.: *Васильев М. А.* Язычество восточных славян накануне крещения Руси... С. 29–32.

24 См.: Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 14, 16, 17.

25 ПВЛ. С. 127.

26 Из сохранившихся древнерусских поучений, направленных против языческих переживаний, их имена названы лишь в «Слове святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константина града, о том, как первое поганые веровали в идолы, и требы им клали, и имена им нарекали»: «А друзии вѣрують въ стриба дажьба. и переплоута...» (*Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. М., 1913. Т. II. С. 60; репринтно переиздано: М., 2000).

27 См.: *Jagič V.* Mythologische Skizzen. II. Dažьbogъ – Dabog – Dabog // Archiv für Slavische Philologie. 1880. Bd. V. H. 1. S. 9; *Мансика В. Й.* Язычество восточных славян. М., 2005. С. 138; *Васильев М. А.* Язычество восточных славян накануне крещения Руси... С. 111.

28 Радзивилловская летопись: Текст. Исследование. Описание миниатюр / Отв. ред. М. В. Кукушкина. СПб., 1994. Кн. 1–2.

29 См. также: ПСРЛ. Л., 1989. Т. 38. С. 16, прим. Ж.

30 *Кукушкина М. В.* К вопросу о месте происхождения Радзивилловской летописи в списке XV в. // Труды Отдела древнерусской литературы (Пушкинский Дом). СПб., 1997. Т. 50. С. 374–375.

31 Там же. С. 379.

- 32 Там же. С. 382–383.
- 33 Там же. С. 378.
- 34 Цит. по: ПСРЛ. Т. 38. С. 16.
- 35 Подробнее см.: *Аничков Е. В.* Язычество и древняя Русь. СПб., 1914. С. 130–138 (репринтно переиздано: М., 2003). См. также: Там же. С. 155 и др.
- 36 Там же. С. 364.
- 37 Там же. С. 130, прим. 2.
- 38 Там же. С. 364.
- 39 Там же. С. 130, 374.
- 40 *Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. II. С. 41.
- 41 Там же. С. 37, 40.
- 42 Там же. С. 45, прим. 8, 7–9.
- 43 *Аничков Е. В.* Язычество и древняя Русь. С. 47.
- 44 Там же. С. 364.
- 45 Там же. С. 377.
- 46 *Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. II. С. 47, прим. 80.
- 47 Там же. С. 43.
- 48 Там же. С. 43, 47, прим. 79.
- 49 «И перевел царь Ассирийский людей из Вавилова, и из Куты, и из Аввы, и из Емафа, и из Сепарваима, и поселил их в городах Самарийских вместо сынов Израилевых. [...] Притом сделал каждый народ и своих богов и поставил в капищах высот, какие устроили Самаряне, – каждый народ в своих городах, где живут они. Вавилоняне сделали Суккот-Беноф, Кутийцы сделали Нергала, Емафяне сделали Ашиму, Аввийцы сделали Нивхаза и Тартака, а Сепарваимцы сожигали сыновей своих в огне Адрамелеху и Анамелеху, богам Сепараимским» (разрядка в цитате наша. – *М. В.*)
- 50 *Квашнин-Самарин Н.* Очерк славянской мифологии // Беседа. 1872. Кн. IV. Отд. I. С. 237; *Забелин И. Е.* История русской жизни с древнейших времен. М., 1879. Ч. II. С. 292; *Фаминцын А. С.* Божества древних славян. СПб., 1884. Вып. I. С. 226–227, 232; *Барац Г. М.* Библейско-агадические параллели к летописным сказаниям о Владимире Святом. Киев, 1908. С. 19 (работа перепечатана в: *Барац Г. М.* Собрание трудов по вопросу о еврейском элементе в памятниках древнерусской письменности. Париж, 1927. Т. I, отдел второй); *Он же.* Собрание трудов по вопросу о еврейском элементе в памятниках древнерусской письменности. Берлин, 1924. Т. II. С. 152; *Brückner A.* Mitologia słowiańska.

Kraków, 1918. S. 92–97; *Mansikka V.* Die Religion der Ostslaven. Helsinki, 1922. Bd. I. S. 396; *Мансикка В. Й.* Религия восточных славян. С. 296; *Niederle L.* Slovanske starožitnosti. Praha, 1924. D. II, sz. I. S. 124–125. *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. С. 116; *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). М., 1965. С. 21; *Słownik starożytności słowiańskich.* Wrocław etc., 1972. T. 4, cz. 2. S. 496; *Szafrański W.* Religia Słowian // *Zarys dziejów religii.* Warszawa, 1986. S. 457; *Idem.* Prahistoria religii na ziemiach polskich. Wrocław etc., 1987. S. 360–361; *Витчак К. Т.* Из исследований праславянской религии. I: Новгородское *Рьгель* и ведийское *Rudrá* // *Этимология,* 1991–1993. М., 1994; и др.

51 *Строев П. М.* Краткое обозрение мифологии славян российских. М., 1815. С. 21, прим. 1. См. также: *Он же.* Нечто о Мифологии Славян Российских и в особенности о богине *Золотой Бабе* // *Современный наблюдатель российской словесности.* 1815. № 13/14. С. 61, прим. 2.

52 *Прейс П.* Донесение... г. министру народного просвещения из Праги от 26 декабря 1840 года // *Журнал Министерства народного просвещения.* 1841. Ч. XXIX. Февраль. Отд. IV. С. 37–38.

53 В отличие от Новгородской первой младшего извода, Лаврентьевской и Радзивиловской летописей, в Ипатьевской (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 67) союз *и* между именами этих двух солнечных божеств отсутствует.

54 ПВЛ. С. 34.

55 См., например: *Творогов О. В.* Повесть временных лет и Начальный свод (Текстологический комментарий) // *Труды Отдела древнерусской литературы (Пушкинский Дом).* Л., 1976. Т. XXX.

56 См.: *Аничков Е. В.* Язычество и древняя Русь. С. 43.

57 Там же. С. 377.

58 Там же. С. 374.

59 См.: *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). 2-е изд., испр. и доп. для русского перевода / Перевод А. В. Назаренко, под ред. К. К. Акентьева. СПб., 1996. С. 407. (= *Subsidia Byzantinorossica.* Т. 1).

60 См.: ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 3–6.

61 Там же. С. 61.

62 Последовательно эта мысль проводилась Б. А. Рыбаковым. См.: *Рыбаков Б. А.* Русалии и бог Симаргл-Переплут // *Советская археология.* 1967. № 2; *Он же.* Язычество древних славян. М., 1981. С. 435–437; *Он же.* Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 714–741.

M. A. Vasil'ev

The Old Russian teonym *Semargl'*. Studies in history
and linguistics, I-II

The article discusses the newest interpretation by A.A. Gippius of the specific form of lexeme *Semargl'* in Novgorod First Chronicle under 6488 and reasons of transformation of the theonim *Semargl'* in two pseudotheonims (accordingly two pseudogods) *Sem'*/*Sim'* and *Rogl'/Regl'* in *Slovo nekoego hristolyubtsa*.

Key-words: *East Slavic paganism, [Old Rus'] god Semargl, etymology, [Novgorod First Chronicle] younger recension*

А. Коритник
(Любляна)

Интеллектуалы раннего Нового времени: Сигизмунд Герберштейн и Франц А. Пельцхоффер

Раннее Новое время отмечено многими революционными преобразованиями. В их ряду была и революция интеллектуальная, в землях Внутренней Австрии охватившая прежде всего область религиозного знания, а столетие спустя переместившаяся в другие научные сферы. В исследовании кратко определены понятие «интеллектуал» и его роль в культурной, духовной и социальной истории раннего Нового времени и рассмотрены два интересных примера: в XVI веке судьба известного дипломата Сигизмунда Герберштейна и в XVII веке судьба правоведа и философа Франца А. Пельцхоффера. Герберштейн и Пельцхоффер – два выразительных примера мыслителей (а не просто «чистых ученых»), которые каждый по-своему значительно повлияли на формирование современного мира.

Ключевые слова: *интеллектуал, институт, познание, история познания, XVI век, история интеллектуальной мысли, история культуры, дипломатия, политическая теория.*

I

Знание, познание и утопия гораздо ближе друг к другу, чем обычно думают. Совсем не обязательно, что любое знание – одновременно и желание его улучшить, воплотить либо расширить или все вместе взятое – это зависит от интеллектуального потенциала каждого индивидуума, а также от возможностей, предоставляемых ему в жизни, окружения и условий, социальной включенности. Утопично звучит, но почти наверняка верно и то, что зачастую идея какой-то будущей науки или идея какого-то будущего, еще не реализованного замысла может быть утопичной, поскольку у нее двойственный потенциал: она или реализуется, или останется только идеалом; а может, как у Платона, а в данном случае не без этого, будет создан частичный «слепок слепка». Изменения в истории, вне всяких сомнений, происходят, однако, возможно, не тем способом, как любят воображать себе современники, включая и нас самих, но с течением времени эти изменения становятся более или менее изучаемым прошлым. История уже давным-давно избавилась от иллюзии, что прошлое – это вечный, последовательный прогресс; до наступления

нашего тысячелетия в ней были выработаны различные методы, используя которые, ответственный историк исследует прошлое и пишет о нем. Раннее Новое время, как мы традиционно называем период между 1500 и 1700 годами, особенно интересно параллельными и несоизмеримыми историческими процессами, не в последнюю очередь повлиявшими на «рождение» современного постмодернистского, гипертехнологичного мира, в котором мы живем сейчас и ради которого мы пишем историю. Интересен он потому, что в течение двухсот лет действительно изменилось очень многое, на всех уровнях: трансформация коснулась отдельного человека, ставшего индивидуумом, большой социальной структуры трехслойного феодального общества, политического образования империй, королевств и монархий, экономики и ведения хозяйства; самой культуры, а также познания и знания как изначальной человеческой ценности. Перемещались центры тяжести сил – как веры, так и просвещения; знание, образование и познание как наиболее абстрактный концепт – всегда разный коктейль человеческого опыта и (само)рефлексии – стали играть иную роль как для общества в целом, так и для тех, кто в них видел «направление прогресса» или по крайней мере интерпретацию души человека и природы, в которой он должен жить.

В настоящем исследовании мы сделаем несколько акцентов, касающихся «интеллектуальной революции», наблюдаемой наряду с другими землями Внутренней Австрии (в рамках Священной Римской империи германской нации) также и в Крайне, о которой бытует расхожее представление, что тогда это была провинция преимущественно со словенским населением, подчиненная иностранным правителям и потому благоприятная для развития интеллектуальной мысли. Для исторической сцены в XVI веке она подготовила поколение видных гуманистов и реформаторов, в XVII веке – преданных малой родине патриотов, увлеченных наукой и познанием, которые писали преимущественно на латыни, немецком и итальянском языках (протестанты, конечно же, на народном наречии – словенском языке). Их устремления на заре эпохи Просвещения объединились в новых институциональных формах, служащих познанию, каковыми были разнообразные ученые общества, названные академиями. На примере барона Сигизмунда Герберштейна, бывшего родом из старого крайнского дворянского рода и выполнявшего важные дипломатические задачи для трех разных монархов, мы проследим, как интеллигент из Крайны от имени империи наладил контакты с Великим княжеством Московским, оставив для истории драгоценное

свидетельство о России того времени – «Записки о Московии». А на примере юриста и политического теоретика Франца А. Пельцхоффера мы увидим, как даже истинных приверженцев веры и властей могла покарать безжалостная политическая цензура. Герберштейн и Пельцхоффер станут для нас примерами двух различных типов интеллектуалов, но прежде чем вкратце осветить их жизнь и деятельность, постараемся определить само понятие «интеллектуал» применительно к раннему Новому времени.

Для начала необходимо задаться вопросом, что означает понятие «интеллектуал» и в связи с чем мы остановились именно на нем; не будем слишком распространяться о том, почему именно это слово кажется нам наиболее подходящим для реалий XVII века, хотя в нашем распоряжении есть и другие (как, например, «клирик»). Ведь в истории познания и всевозможных форм его проявления есть люди – избранные, носители, первые и самые важные участники, – и только потом приходит черед институций, классификаций, архивации¹. Если вернуться к этимологии, обстоятельствам зарождения этого понятия, становится ясно, что в случае с «интеллектуалом» как специальным термином не просто избежать обвинений в анахронизме, поскольку слово появилось в XIX в.: так называли образованную и профессионально активную часть патриотически настроенного городского населения, достойную стать духовными вождями. Что касается интеллигенции как общественного класса, классифицируемого по идеологическим признакам (консервативная, фашистская, социалистическая, либеральная, демократическая, революционная и т. д.), то она появилась в царской России, получила еще большее распространение во времена скандального дела Дрейфуса и затем в XX в. окончательно утвердилась в значении «интеллектуал» – образованный человек с критическим отношением к обществу, способного своими решениями и авторитетом влиять на него, зачастую противопоставляющий себя «мейнстриму» и поэтому весьма часто оказывающийся гонимым. Одновременно это и часть культуры, и сила, влияющая на политику.

Если вспомнить Сартра, знаменитого интеллектуала XX в., и многие социологические, философские и исторические исследования о данном понятии, на первый взгляд, тяжело, по крайней мере в том значении, в каком используется понятие «интеллектуал» в современной общественно-гуманитарной сфере, говорить об интеллектуалах XVII или даже XVI столетия. Вместе с тем необходимо руководствоваться здравым смыслом, принимая методологически обоснованное

решение о том, что значения понятий с течением времени меняются и что мы всегда будем обречены описывать прошлое при помощи современной лексики, даже если очень стараться избегать этого, и, сохраняя, преобразовывать его в историю или историческое повествование. Чем уже с исторической точки зрения понятие «интеллектуал» в XX и XXI вв., тем более применима теория американского политолога и философа, экономиста и социолога Томаса Суэлла, который очень широко определил интеллектуалов как специальную категорию людей, профессия которых связана с мыслью. В их числе он называет писателей, академиков, учителей, университетских преподавателей². Интеллигентность Суэлла отличал от мудрости и устанавливал связь с интеллектуалами. Такое широкое понимание (кстати, и Ле Гофф использует в работах по историографии то же понятие для средневековых мыслителей) дает нам обоснованную возможность, чтобы – так же как и словосочетание «Средние века» появилось уже после их окончания и было «обращено в прошлое» – понятие «интеллектуал» использовать для деятелей духовной сферы XVI и XVII вв. Однако необходимо в отношении ряда характерных особенностей констатировать, что между «сегодня» и «вчера» существует огромная разница – как в образе мыслей, так и в общественных отношениях. Следует согласиться с тем, что было бы чересчур наивным понимать радикальных интеллектуалов XIX века как преемников философов эпохи Просвещения, а их в свою очередь как преемников клириков протестантизма или гуманистов Ренессанса; сущность работы с идеями, а здесь, по Суэлли, все начинается и все заканчивается³, гораздо сложнее, ведь об интеллектуалах последних столетий необходимо говорить в особом ключе, заостряя внимание не только на частностях и различиях с современностью.

В своем решении мы можем опереться на Самуэла Кольриджа и Эрнеста Геллнера, называющих «клириками» профессионалов в познании, которые сами себя воспринимали учеными людьми (*docti, eruditi, savants, Gelehrten*⁴). «Граждане» задуманного сообщества, «литературной республики» (*Respublica Literaria*), о которых мы еще будем говорить, считали себя грамотными, т. е. *литераторами*. «Клирики» – достаточно широко используемый термин для XVI и XVII вв., ведь они были, по крайней мере в том, что касается Внутренней Австрии, главными носителями знаний, в своей основе истекающих именно из области веры. Впрочем, это весьма двусмысленное утверждение, на что указал Жак Ле Гофф в своем исследовании о средневековых интеллектуалах, где он намеренно отказался от

определения значения понятия и с успехом ввел его для обозначения ученой культурной среды, которая образовалась в Средние века вокруг университетов и к которой он причислял не только преподавателей, но и студентов (вагантов). При помощи понятия «интеллектуал» он, по его собственным словам, навел мосты внимательного отношения с институтов на людей, «с идей на общественные структуры, практику и менталитет»⁵. Новоявленные интеллектуалы как горожане – это ремесленники. Они подобны торговцам, ведь их профессия – «торговец словами» или «торговец временем»⁶. Ле Гофф существенно распространил понятие «интеллектуал» на людей науки, ученых, клириков, мыслителей, на «тех, чьим ремеслом были мышление и преподавание своих мыслей. Этот союз личного размышления и передачи его путем обучения характеризовал интеллектуала»⁷. Для него это ученые-гуманисты, обособленные от толпы и светских властей, носители антиинтеллектуализма и аристократы на службе у князей, из-за которых схоластическая латынь умирала, и они обернулись в тогу одиночества и отстраненности ледяного античного «совершенства». И наверняка, «нужно было дожидаться Контрреформации, чтобы получило распространение искусство, которое [...] попыталось найти способ участия народа в культурной жизни»⁸.

Понимание «интеллектуала», предложенное Ле Гоффом, как видно, не может оставаться только социальной категорией, хотя и связано с расцветом городов, но, к тому же, оказывается профессиональным определением «ремесленников» духовной сферы. И хотя мысль Ле Гоффа о Контрреформации является верной, плеяда интеллектуалов XVII века становится еще более любопытной для рассмотрения, хотя, конечно, они сильно отличаются от своих «предков» из Средневековья и Ренессанса (и даже Реформации). Без сомнения, у них была более выражена принадлежность к разным социальным слоям, ведь они получали места как мэтры и в уже потерявших былую силу университетах, и в новейших учреждениях, и к тому же началась эпоха универсального знания, что будет показано позже на примере историографии в настоящей работе, и одновременно научная специализация. В словенских землях на их роль, авторитет, образование и все прочее влияла, конечно, религиозная, политическая и гражданская турбулентность эпохи (являвшаяся в облике болезней, войн и т. д.). Поэтому не следует ожидать, что в ответ на их воздействие – посредством записанных или опубликованных идей и научных трудов – общество будет реагировать настолько сильно, чтобы они ощутили на себе какие-либо негативные последствия. Мировос-

приятие XVII в. в Крайне, Штирии и Каринтии все еще коренилось в средневековом понимании времени и места, а первые «крамольные» идеи, требующие решительных мер, появляются только в XVIII в. Впрочем, это не означает, что эти ученые умы, бывшие заложниками универсальной латыни, а также немецкого и иногда итальянского языка, не привнесли никакого вклада в интеллектуальную историю Европы. Они были не только компиляторами, но вместе с тем и распространителями знаний в социально и политически весьма неустойчивом мире Центральной Европы XVII столетия, мире, уже медленно встававшем на путь новых «революций».

Единственное, что необходимо добавить к теории интеллектуалов Ле Гоффа, – здоровое сомнение в правомерности утверждения, что умственный потенциал Нового времени антиинтеллектуалистичен и что интеллектуалы – всего лишь люди ученой культурной среды, объединившие исследовательскую и преподавательскую деятельность, а средневековые университеты были для них наиболее подходящей и в те времена единственной возможностью с официальным статусом института, где накапливалось человеческое знание. Однако нельзя утверждать, что люди начиная с Ренессанса, эпохи гуманизма и реформации не являлись «интеллектуалами». Хотя Ле Гофф слишком подчеркивает их пристрастие и склонность к мистике, но гораздо меньше умственную сторону их деятельности и развитие критического метода, который именно из классической филологии XVII в. после Жана Бодена перешел в историографию. Точно так же гуманисты не являются единственными «ремесленниками идеи» своего времени; и тем более в позднейшие времена, когда Реформация – как интеллектуалистическое движение, хотя его основополагающие идеи были теологического происхождения – разбила в идейном и экономическом отношении хорошо укрепленную монолитность христианской церкви; и еще позже, когда Контрреформация медленно, но верно консолидировала не только основные постулаты веры и религии, но и открылась новым наукам, пробивавшим себе дорогу из новой «натурфилософии» (научной революции), развивала школы и обладала пониманием ценности того, чего жаждали в первую очередь социально продвинутые слои, то есть дворяне, а затем и буржуазия.

Раз уж мы коснулись теории, то в области социологии, которая в XX в. как социология познания в наибольшей мере рассматривала интеллигенцию и интеллектуалов в различных социальных сферах, обобщим важное на наш взгляд понимание, предложенное

Антонио Грамши и Карлом Мангеймом; их взгляды на особую социальную группу интеллектуалов были во многом связаны с потрясениями и переменами, имевшими место в первой половине XX века. В отличие от Мангейма, университетская деятельность которого не была столь бурной (он вступал в научные споры только с представителями Франкфуртской школы⁹), Грамши был «человек действия», революционер, марксист и социалист. В той части его наследия, которая затрагивает интеллигенцию и революцию, очень интересны его «Тюремные тетради»¹⁰ (!) – тезис о том, что «все люди являются интеллигентными, но в обществе не всеми осуществляются функции интеллигента»¹¹, конкретизирован разделением на интеллектуалов «органических» и «традиционных». Исторический вопрос о происхождении интеллигенции представляется Грамши чрезвычайно важным, поэтому, в его понимании, «традиционными» интеллигентами являлись люди античности и Средневековья, которые «воспринимаются особняком, вне зависимости от доминирующей социальной группы»¹². В отличие от них, «органические» интеллектуалы непосредственно связаны с миром экономического производства, но одновременно являются и частью общественно-политической жизни и пытаются на нее, например за счет своей партийной принадлежности, повлиять. Этот второй тип для Грамши является наиболее важным, поэтому этими функциями он наделил только интеллектуалов «органических», поскольку они являются «исполнителями воли правящей группы при выполнении ряда задач в социальной гегемонии и политическом господстве»¹³. Интеллигентами Грамши считает людей, которые благодаря умственной деятельности обеспечивают согласие масс с политикой правящей группы и выполняют все функции государственного аппарата. Им было верно отмечено, что термин «интеллигент» многозначен, особенно с учетом таких отличных типов, как «городской интеллигент» (промышленник, капиталист и т. п.) или «сельский интеллигент» (учитель, священник, аптекарь и др.), а также выявлены значительные различия между интеллигентами в Германии, Италии, Франции, Великобритании, России, США или Латинской Америке. Тем не менее, его теория «пропустила» многие другие типы, которые по отношению к правящим группам в начале Нового времени не были привилегированными и даже находились в незавидном положении, поэтому ее следует воспринимать как отражение времени трансформации общества после распада Габсбургской монархии в 1918 г. Ле Гофф в отношении средневековых интелли-

гентов также не мог не признать, что они «не выбиваются из схемы Грамши, хотя и весьма общей, однако же действующей»¹⁴.

Иной социологический взгляд на интеллигентов в наше время был разработан Карлом Мангеймом. В «Идеологии и утопии» он проанализировал структуру, методы и содержание политического и утопического мышления в формирующемся буржуазном обществе Нового времени; и поскольку он развивал социологию познания, то уделил особое внимание «носителям» такого мышления – представителям интеллигенции. Для Мангейма временем формирования «свободного интеллекта» Нового времени является период подъема городов и буржуазии, ведь лишь с завершением Средневековья могла разгореться конкурентная борьба, в которой отдельные личности могли снискать симпатии публики. В отличие от традиционных «клириков», интеллигент Нового времени «отдан на откуп» свободному рынку, где надо бороться за существование, поскольку его уже не гарантирует социальный статус. Представители буржуазии тоже боролись за свою экономическую, политическую и культурную роль в европейском обществе XVII и XVIII вв. Поэтому Мангейм трактовал интеллигенцию как слой «относительно бесклассовый – свободно парящая в социуме интеллигенция»¹⁵: он был убежден в том, что социология, которая пытается понять мир только в рамках общественных классов, не в состоянии в полной мере понять проблемы интеллигенции. Поэтому интеллигенцию следует связывать не только с одним каким-либо общественным классом, но со всеми; она парит над ними («без привязки», как утверждает Мангейм), а образованность ее представителей означает существенный отход от значимого слоя средневековых интеллектуалов («клириков»), которые в феодальном мире отвоевали себе место под солнцем уже в силу выбора профессии.

Таким образом, с учетом всего сказанного выше, интеллигентов следует рассматривать как особую часть социально структурированного мира, при этом относительно независимую от общества. Они образованны, их профессия – мысль. Разумеется, эти мысли в большинстве своем не носят «подрывного» характера, однако по крайней мере в среде «клириков» все еще сильны средневековые традиции, влияющие на образ мышления и поведения интеллигенции (и других социальных сфер «продленного» феодализма), поэтому можно привести не так много примеров того, как в XVII в. на территории Внутренней Австрии та или иная мысль вызвала бурную реакцию, – так, юрист и историк Франц А. Пельцхоффер за свою публицистику

подвергся нападкам со стороны властей и ужесточенной цензуре. Интеллигенты XVII века обладают профессией и создают свои труды, многие из которых так и остались в рукописях или с годами были утрачены, оставив свидетельства о себе лишь в отдельных библиографических каталогах, таких как «*Labacensis Bibliotheca Publica*» («Обзор публичной библиотеки г. Любляна», 1715)¹⁶, который составил Янез Грегор Долничар, или «*Bibliotheca Carnioliae*» (Библиотека Крайны, 1803) Марка Похлина¹⁷. Конечно, следует принять во внимание и то, что общественность того времени – значительно более узкое понятие, чем мы себе представляем сейчас, в том числе по причине недостаточной грамотности населения, однако репродуктивной ценностью интеллигенции для истории, пусть даже с точки зрения инвентивности истории познания, пренебрегать нельзя. К числу интеллигентов следует отнести также людей творческих, таких как поэты, архитекторы, скульпторы, музыканты, хотя, согласно тому, как понимал интеллигенцию Ле Гофф, писателям в науке (и связанном с нею образовании любой ступени) делать нечего. Тем не менее, мы должны учитывать то, что значимые успехи многих не занимавшихся естественными науками интеллектуалов в XVII в. на территории Внутренней Австрии, и особенно в Любляне, были достигнуты именно в области искусства. Хотя наука от них не сильно отставала – по крайней мере в том, что касается продвинутой ее институтов. И хотя эти интеллигенты по сути дела были компиляторами, они создали перспективное пространство познания (например, библиотека Семинарии) и вкупе с меценатами, кое-кто из которых тоже располагал крупными библиотеками – хотя в Крайне XVII в. их было и не так много, – являются частью неспешной, но поступательной интеллектуальной революции, которая в следующем веке была сопряжена с новой, свежей концепцией принадлежности к нации.

II

Однако опираться только на теорию – недопустимо. Важно понять, какие метаморфозы претерпела интеллигенция в Европе с момента учреждения средневековых университетов до первых академий Нового времени. Разумеется, это вовсе не означает, что интеллигенция присутствовала лишь в сфере образования и культуры – она функционировала и в области политики, и в сфере дипломатии. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что языки в XVI–XVII вв. переживали революционные изменения. Латынь, общепринятый язык науки, в ранний период Нового времени все еще имела хождение в

университетах и, несмотря на ее постепенное размывание в конкуренции с живыми языками, вплоть до эпохи Просвещения зачастую играла роль языка науки, была межнациональным языком. Принадлежность к тому или иному народу, равно как и в позднейшие времена к националистическим движениям, центрировалась вовсе не на том, какой язык применяется – идентичность коренилась в локальном патриотизме и не предполагала того, чтобы язык, который представлял собой одну из позиций идентичности сообщества, представлял центром вселенной. Поэтому латынь еще довольно долго, по крайней мере для ранних интеллигентов Нового времени, представляла собой важное дискурсивное поле, в том числе для гуманистов, которые жили и трудились в Словении или за ее пределами. Петр-Павел Вергерий, дипломат римской курии, епископ города Копер, стал видным распространителем гуманистических идей (например, Эразма Роттердамского) и оказал существенное влияние на образованность и кругозор Приможу Трубара, схожие заслуги принадлежат также графу-палатину Петру Бономо. На латинском языке писали другие гуманисты: Августин Пригл (прибл. 1470–1535), получивший прозвище Тифернус (он был родом из Италии), предавался собирательству и архитектуре, будучи секретарем епископа Кристофера Равбара (в свое время они вместе учились), отличался он и своим воинствующим католицизмом, выступая против протестантизма уже в момент его зарождения; по мнению Приможы Симонити, Тифернус является «ярким примером разностороннего гуманиста широчайшего масштаба во всеобщей истории» и в нем наиболее отчетливо в сравнении с другими интеллектуалами, действовавшими в гуманистических сферах, вырисовывается личность¹⁸. Учителем императора Максимилиана I был Томаж Прелокар из города Целье (Thomas de Cilja); в числе гуманистов в Словении до периода протестантизма также можно упомянуть Брикцию Простого, преподававшего на художественном факультете в Вене, толкователя риторических произведений Цицерона¹⁹; на том же факультете читал лекции по философии Матия Хвале из местечка Ваче.

Среди гуманистов, которые были дипломатами, политиками и интеллектуалами по своей базовой духовной ориентации, следует упомянуть также барона Сигизмунда (Жиги) Герберштейна (1486–1566), который отличился как посланник императора Максимилиана при осуществлении дипломатических миссий, особенно в Россию – по результатам которой он написал свои «Записки о Московии» («*Rerum Moscovitarum comentarii*», 1549). По оценке Йозе Глонара,

это был человек всесторонне образованный, «толерантный космополит, щедро наделенный природой как физически, так и духовно»²⁰. Род Герберштейнов был одним из старейших знатных родов Внутренней Австрии, и уже само их привилегированное социальное положение позволило его представителям занимать важные военные и политические посты и легче получать доступ к образованию. Жига Герберштейн родился в селе Випава и свои богатые, можно сказать, почти универсальные знания в области истории приобретал сначала у себя на родине и в местечке Кршко, после чего, спасаясь от эпидемии чумы, перебрался в Вену, где в возрасте всего шестнадцати лет стал бакалавром в области философии²¹. В юные годы он отличился в сражениях с венграми и венецианцами (1514), поэтому император Максимилиан I за незаурядные военные успехи произвел его в рыцари, а также назначил придворным советником. С этого момента началась его дипломатическая карьера. Им был предпринят целый ряд дипломатических миссий: в период с 1516 по 1556 гг. он побывал в Польше, Турции, Чехии, Испании, Дании, два наиболее важных дипломатических поручения им выполнены в России; император Максимилиан впервые направил его туда в 1516 году, а вторая его поездка, еще более важная с интеллектуально-культурной и исторической точки зрения, состоялась в 1526–1527 гг., при этом перед посланником ставилась конкретная задача подробнейшим образом изучить религиозную ситуацию на месте и собрать как можно больше русских церковных книг. Первый визит Герберштейн предпринял в Россию в то время, когда Великое Московское княжество и Великое княжество Литовское боролись за наследие древней Руси²². В ходе второй поездки ему пришлось сыграть посредническую роль в борьбе крупных политических сил за польский престол. Его дипломатические миссии увенчивались прекрасными результатами, и все это происходило на службе у Священной Римской империи германской нации.

Важно то, что Герберштейн стал своего рода «Колумбом России», как назвала его Анна Хорошкевич²³, а его «Записки о Московии», вышедшие в первом издании на латыни и впоследствии опубликованные на итальянском, немецком и чешском языках и неоднократно переизданные с внесением поправок, стали «европейской энциклопедией России»²⁴ и фундаментальным справочником по России, ее политической системе, обычаям, географическим, культурным и религиозным особенностям. «Записки» Герберштейна привели к углублению контактов между Европой и Россией, и любой дипломат счи-

тал своим долгом ознакомиться с меткими и талантливymi наблюдениями, которые содержались в этих путевых заметках. Интеллигент Герберштейн открыл новую область знаний, которая не ограничивалась узкой сферой, но оказывала сильное влияние на международной арене. Достоверность этого труда подтверждена личным опытом. В предисловии сказано: «Я пишу это прежде всего потому, что многое я видел сам, а кое-какие сведения почерпнуты мною из ряда достоверных источников»²⁵. Весьма полезным для осуществления автором важных дипломатических контактов оказалось не только то, что он располагал проверенной информацией, но и, в том числе, знание одного из славянских языков. «В этом мне помогло знание словенского языка (который похож на русский, или московский) – я записывал не с чьих-то слов, а как свидетель, без прикрас, искренне и доступно, чтобы запечатлеть все это в памяти потомков»²⁶. И хотя Герберштейн этимологизирует наименование государства «Россия» от «рассеять», идея единства славян, бытовавшая еще при жизни Герберштейна, в дальнейшем нашла более глубокое рассмотрение у Адама Бохорича в предисловии к его грамматике словенского языка, написанной на латыни, «*Arcticae horulae succisivae*» (1584).

Если рассматривать «Записки о Московии» Герберштейна в более широком плане, то их, по выражению Петера Бурке²⁷, можно отнести к периоду «открытия России», начавшемуся на заре XVI века и продолжившемуся на уровне академической институциональной интеграции во время Петра Первого. Познание интеллигента Герберштейна было бесценным, и это понял еще Бохорич. В его предисловии к грамматике Герберштейн упоминается среди наиболее заслуженных деятелей Крайны; Бохорич был убежден, что именно Герберштейна следует чтить за образец, потому что он, «с ранней юности особо возлюбив науку и пристрастившись к ней, до самого конца своей жизни ею занимался непрестанно, и почитал такой труд, чередуя его со службой при дворе наших премилостивых властителей, эрцгерцогов Австрии, под сладостным и благодеянным владичеством которых нам довелось жить. Пользу же он приносил не только на родине, однако многожды пускался в долгий и трудный путь в далекие чужеземные страны и города, где как посланник держал речи от лица Максимилиана I, Фердинанда I, а впоследствии – Максимилиана II, императоров Священной Римской империи германской нации, вершил свои труднейшие и столь важные для христианского мира миссии в Италии, Франции и Англии, в Турции, Польше, Московии, а также в Германии с величайшей похвальностью и всецело

по воле перечисленных владык»²⁸. Как нам представляется, в истории познания и истории интеллигенции роль Герберштейна, которая в то время заключалась в его деятельности на международной арене, представленной в «Записках о Московии», стала одним из важных звеньев в «подвижке» различных революций, включая интеллектуальные, а не только в области географии или книгопечатания.

Помимо Герберштейна, можно вспомнить еще об одном ярком примере того, как деятель-интеллигент родом из Крайны оказал весьма интересное влияние на политико-правовое понимание самой империи как таковой: Франц А. Пельцхоффер, барон Шенау (1645–1710), не причислял себя к какой-либо институционализированной форме познания, в рамках которых, очевидно, испытывали потребность действовать другие интеллектуалы XVII века. Более того – его политическая философия о природе и значении абсолютистского государства не осталась незамеченной, вплоть до ее отторжения, потому что она настолько принципиально выделялась из всех прочих, что всколыхнула аппарат государственной цензуры. «Это великий человек, – пишет Долничар в “*Labacensis Bibliotheca Publica*”, – что подтверждается самими его трудами, перед которыми благоговеют ученые во всем мире и которые являют нам его более чем строгие суждения и дают полезные предостережения, подкрепленные твердыми аргументами»²⁹. В уверенности, что этим человеком сделаны пророчества, Долничар причисляет его к политическим деятелям; без сомнения, Пельцхоффер – это уникальный, замечательный пример интеллигента второй половины XVII в., и не только потому, что Похлин в «*Bibliotheca Carnioliae*» перечисляет столько отправленных им должностей и имевшихся у него титулов – ландскнехт в населенных пунктах Камен и Добравица, дворянин в местечках Запуже, Загорье и Чрни-Поток, советник Его императорского величества, присяжный заседатель в Кране, советник вице-домского бюро, ланд-комиссар по допросу свидетелей в Доленском регионе, земский депутат, член Английского общества³⁰, – но и потому, что на основе хорошего образования он создал уникальную, можно сказать, выдающуюся политическую теорию, которая превзошла обычную концепцию юриспруденции и превратилась в философию с прочными незыблемыми постулатами, распространившимися на понимание религии, церкви, государства, политики и религиозной терпимости; все это, по утверждению Перицхоффа, вероятно, было весьма в духе сильной, амбициозной и порой «непростой» личности Пельцхоффера.

Впервые он столкнулся с проблемами в 1693–1696 гг., работая в земстве, когда пытался снять с себя обвинения в действиях по собственному произволу, и поэтому, хотя в принципе никаких противоправных действий он не совершал, ему не удалось продлить свои полномочия. Янко Полец, ссылаясь на доводы Перицхоффа, резюмирует, что, вероятно, Пельцхоффер бросил вызов губернатору и управителю земли (Юрий Жига граф Галленберг³¹). Женат Пельцхоффер был дважды, сначала на Марии-Магдалене Сириан, а затем на Марии-Констанце Регине, баронессе Парадейзер (Paradeiser); известно, что первой его супругой был возбужден судебный иск против Янеза Вайкарда Вальвазора и его первой жены Аны-Розины «из-за 2000 флоринов, имевших в данной земле хождение»³² и что вторая – после смерти мужа сыграла весьма заметную роль, самостоятельно издав его самый значимый труд «*Neuenteckte Staats-Klugheit in Hundert politischen Reden*» («Новоявленная государственная мудрость в ста политических речах», 1710), который вызвал бурную реакцию государственного аппарата и повлек за собой процесс государственного цензурирования. Прежде чем разбираться, что именно так разгневало императора и императрицу в этой последней вышедшей книге, а пуще всего – в VII и VIII томах, опубликованных после смерти автора³³ – «*Arcanorum status*» («Государственные тайны», 1709) – и переизданных во Франкфурте в 1711 г., следует отметить, что Пельцхоффер – оригинальнейший политический мыслитель, и хотя его духовная база формировалась под влиянием иезуитской школы и глубокого изучения античных авторов (особенно ему был близок Тацит), он приобрел и иные знания – и решительно отверг политическую философию XVI века, к примеру Макиавелли или Бодена.

Первое крупное сочинение Пельцхоффера на темы политики, «*Lacon politicus, strictim doctrinam administrandae reipublicae, quam ajunt politicam, complectens et evolvens*» («Лаконичный политикон, в сжатом виде характеризующий науку управления республикой, называемую политикой, 1706), вместе с изданными посмертно в 1713 г. IX и X томами «*Arcanorum status*», как и в случае в Вальвазором, представляют собой великолепные труды, выполняющие одновременно, как мы вправе ожидать от автора-интеллигента XVII века, несколько функций. Ведь если мы осмелимся оценивать значимость трудов Пельцхоффера, не сбрасывая со счетов и того, что критерии современности волей-неволей применяются нами по отношению к прошлому, то сочтем его отчаянно консервативным. Быть может, этому виной его приверженность иезуитам, хотя он от них и отда-

лился. Однако политическая философия Пельцхоффера, в которой нет места ни картезианской философии, ни размышлениям о природе познания или каким-либо сомнениям в существовании Бога и авторитетности абсолютной власти, всецело направлена на доктрину абсолютной власти. Для него существует лишь одна политика, или «теополитика, управляемая небом», как он писал в «*Arcanorum status libri decem*»³⁴. Так же как Беллармин и Боссюэ, Пельцхоффер считал, что государственная власть дана от Бога. В том же томе ясно указано: «*Nihil Est praeter Deum*» (I, 93)³⁵ («Нет ничего, кроме Бога»). Спекторский подчеркивает, что Пельцхоффер, вопреки скептически настроенным современникам, таким как, например, Самуэль Пуфендорф, которому Священная Римская империя германской нации представлялась «чудовищной формой правления», глубоко верил в святость, «римскость» и «императорство» империи³⁶. Более того, он решительно выступал за достижение устойчивости монархии силами верховной власти, которая может быть только абсолютной. Как убежденный монархист, в труде «*Arcanorum status*» он превозносил империю, и его политические доводы, по мнению Спекторского, определяются тремя ключевыми понятиями XVII века: порядок, поддержание и недоверие к демократии³⁷.

Если бы это была вся политическая философия Пельцхоффера, было бы трудно понять, почему его труды оказались в списке управления государственной цензуры и почему именно из-за них впоследствии в империи, где никогда не заходило солнце, систематически подвергали цензуре любую книгу, прежде чем выдать разрешение на публикацию в австрийских землях. Однако гораздо важнее в этой связи то, что Пельцхоффер «признал политику как средство, а не как цель, и как инструмент, служащий для “общественного блага”»; «политика есть наука об основании, сохранении и прирастании государства», которое «основано Богом и природой»³⁸. Пельцхоффер резко выступал против атеизма; в четвертом томе «*Arcanorum status*» он писал: «Государству легче прожить без солнца, чем без религии»³⁹. Несмотря на то, что он защищал абсолютизм верховной власти, он, будучи интеллигентом со «смешанными представлениями об уходящем и грядущем мире»⁴⁰, был уверен в том, что власть и властители не могут быть наделены неограниченной силой, ибо политик должен быть хорошим этиком и, управляя государством, подчиняться собственным законам. Несмотря на то, что властители возвышаются над законом, они не должны его нарушать, ибо это зло, уверен Пельцхоффер⁴¹. Ведь «люди, хотя и рождены для послушания, не стерпят полной кабалы.

А значит – “будь королем, а не господином”, и помни, что власть – это труд и бремя (*correlativa sunt honor et onus*), а добрые подданные – это и есть царская корона: *boni subditi sunt corona Regis*»⁴². Игор Грдина в связи с этим подчеркивает, что Пельцхоффер был одним из первых, кто выступил за внесение изменений в законодательство. «Люди стали ощущать, что законы пишутся ими самими»⁴³.

И вот тогда, когда люди действительно начинают сами создавать законы, мы, как осознал это европеец XVIII века, уже далеки от абсолютной власти. Это ощутило и государство, поэтому совсем не удивительно, как отмечает Марко Штухец, то, что Пельцхоффер разгневал императрицу и повлек императорский указ от 22 августа 1711 г., гласивший: «Книгу не дозволено ни принять к печати, ни продать, пока она не прошла цензуру»⁴⁴. Изданные во Франкфурте политические труды Пельцхоффера не были подвергнуты австрийской цензуре, и уже это стало причиной значительного недовольства, при этом камнем преткновения стали в особенности VII и VIII тома «Arcanorum status», в которых содержалось «столько вредных для государства взглядов»⁴⁵. Власти были в бешенстве от того, как Пельцхоффер рассматривал верховного правителя и кабинет министров, а именно об этом и идет речь в этих двух «спорных» книгах, опубликованных только после его смерти. «Правитель стоит выше императивных, но не выше нормативных законов. Самоограничение властителя законами, изданными им самим, является неизменным. [...] Правительство должно служить не личным, а общественным интересам: *salutis publicae est lex suprema et Regina legum*. Поэтому правительство должно быть умеренным»⁴⁶.

Дело в том, что Габсбурги, ставшие эксклюзивными венценосцами и больше не нуждавшиеся в короновании папой Римским, теперь иначе воспринимали абсолютную власть; она распространялась от парадного дворцового зала до самого укромного уголка ложа, где завязывалось немало политико-имперских альянсов в истории империи в XV, XVI и XVII вв. Несмотря на то, что на самом деле Пельцхоффер был «святое папы» и ни в коей мере не принимал новые, «революционные» идеи атеизма, религиозной терпимости, природы познания как таковой и познающего субъекта, из всех интеллектуалов Крайны он стал именно тем, на кого обрушилась самая лютая цензура, более того, она (о)хватила все его книги, опубликованные после «революционного» труда «Arcanorum status»; а между тем Пельцхоффер глубоко верил и в Бога, и в Империю. Тем не менее, интеллектуальная деятельность, как мы видим на каждом шагу, на заре

Нового времени выбирает свой путь, независимо от того, насколько «традиционно» познание, в рамках которого она должна была зародиться. На протяжении определенного времени Пельцхоффер был иезуитом, однако, будучи напористым мыслителем своего времени, создавшим значимые политические и философские труды, при всей своей традиционности он на деле попадает в интеллектуальный авангард. Будучи носителем важного сегмента знания и познания, воплощенного в его теории природы абсолютной власти, он также обладал обширной библиотекой, в которой насчитывалось более 500 томов, а поскольку те, кто после его смерти проводили опись его наследия, не переписали названий книг, можно только догадываться о том, на какой концептуальной и интеллектуальной основе основывались взгляды и теория Пельцхоффера⁴⁷.

Франц А. Пельцхоффер не был единственным юристом своего времени, но, безусловно, он был одним из немногих политических теоретиков и мыслителей, не примкнувших к какой-либо институциональной форме знания и смело прокладывавших свой путь. Конечно, у Внутренней Австрии были и другие «сыны», юристы по образованию, которых за их письменные труды или устную деятельность можно причислить к интеллигентам посттридентского периода. Одним из наиболее известных юристов той эпохи был человек, «излучавший честность, острый ум и серьезность обычаев»⁴⁸.

История познания, вероятно, представляет собой древнейшее из всех возможных воззрений на человеческую цивилизацию, которая именно благодаря ей пробивалась к верхушке биологического дерева и завладела миром – и в добре, и во зле. Интеллигенты как проводники, но также и как создатели познания, были значимыми историческими агентами раннего Нового времени: Герберштейн – «мост» между Россией и Габсбургами в деликатной политической игре, в ходе которой выявлялась расстановка сил различных цивилизаций; Пельцхоффер – стоящий особняком защитник политической теории, заложивший, в том числе, основы восприятия Габсбургами политических отношений с Великим Московским княжеством. И оба они стали доказательством того, что Внутренней Австрии, а в ее пределах – и словенцам, досталась не самая последняя роль в шахматной партии, разыгрывавшейся весомыми политическими силами, которые в то время лишь консолидировались и пребывали в поиске своего места под солнцем.

*Перевод со словенского языка Ж. В. Перковской
и Ю. А. Созиной*

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 В этом смысле интересно сравнить понятия «знание» и «информация».
- 2 *Sowell T. Intellectuals and society. New York, 2011. P. 4.*
- 3 *Ibid.*
- 4 Ученые (*лат., лат., франц., нем.*) – ср.: *Burke P. A Social History of Knowledge. From Guttenberg to Diderot. London, 2000. P. 19.*
- 5 *Le Goff J. Intelektualci v srednjem veku. Ljubljana, 1998. S. 5.*
- 6 *Ibid. S. 7.*
- 7 *Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века / Пер. А. М. Руткевич. СПб., 2003. С. 5.*
- 8 Там же. С. 152.
- 9 Ср.: *Gramsci A. Selections from the Prison Notebooks, Seattle, 1983.* Здесь он отметил, что все люди являются интеллигентами, но лишь некоторые из них осуществляют функцию интеллигента (ср.: *Said E. Representations of the Intellectual. New York, 1996. P. 3*), что несомненно нацелено на тезис о том, что интеллигентами могут являться лишь те ангажированные индивидуумы, которые критическим образом публично вмешиваются в мироустройство и меняют его; с другой стороны находятся «традиционные интеллигенты», например учителя или представители духовенства, которые лишь инструментализованным образом повторяют свою мыслительную работу по мере смены поколений.
- 10 *Gramsci A. Problemi revolucije. Intelektualci i revolucija. Beograd, 1973. S. 120.*
- 11 *Ibid. S. 119.*
- 12 *Ibid. S. 123.*
- 13 *Le Goff J. Intelektualci v srednjem veku... S. 8.*
- 14 *Mannheim K. Ideologija in utopija. Beograd, 1978. S. 152.*
- 15 *Ibid.*
- 16 Перевод рукописной библиографии Долничара опубликован в научно-критическом издании «O slovstvu na Kranjskem» (Trubar, Hren, Valvasor, Dolničar. Ljubljana, 2009); поскольку этот источник будет неоднократно упоминаться, в дальнейшем он будет поименован как *Bibliotheca Labacensis publica* с указанием страниц.
- 17 Перевод посмертно изданной библиографии «писателей» Крайны авторства Похлина опубликован в научно-критическом издании (Kranyska gramatika. Bibliotheca Carnioliae. Ljubljana, 2003). Поскольку этот источник будет неоднократно упоминаться, в дальнейшем он будет поименован как *Bibliotheca Carnioliae* с указанием страниц.

18 Ср.: Primož Simoniti, Avguštin Tyfernus (Primož Simoniti') // Slovenski biografski leksikon. 13. zv. Ljubljana, 1982. – В дальнейшем, помимо бумажного источника (сокращенно – SBL), будет следовать ссылка также на электронный источник (www.slovenska-biografija.si).

19 Ср.: Franc Ksaver Lukman, Brikcij Preprost // SBL. 1952 (<http://www.slovenska-biografija.si/oseba/sbi461242/>).

20 Ср.: Joža Glonar, Sigismund Herberstein // SBL. 1926 (<http://www.slovenska-biografija.si/oseba/sbi461242/>).

21 Ср.: Ibid; *Lenarčič A.* Žiga Herberstein, njegov prostor in čas // *Žiga Herberstein – vojščak, državnik, diplomat in mirotvorec*. M., 2000. S. 70.

22 Ср.: *Žiga Herberstein – vojščak, državnik, diplomat in mirotvorec...* S. 127; *Gumiljov L.* Od Stare Rusije do ruskega imperija. Ljubljana, 2012. S. 223.

23 *Žiga Herberstein – vojščak, državnik, diplomat in mirotvorec...* S. 107.

24 Ibid.

25 *Herberstein S.* Moskovski zapiski. Ljubljana, 2001. S. 6.

26 Ibid. S. 7.

27 *Burke P.* A Social History of Knowledge. From Guttenberg to Diderot. London, 2000. P. 58.

28 *Bohorič A.* Zimske urice proste. Maribor, 1987. S. 23.

29 Bibliotheca Labacensis publica. S. 373.

30 Bibliotheca Carnioliae. S. 528. – Упоминание Похлина об Английском обществе, или *Societatis Anglicanae*, научном обществе английских иезуитов, учрежденном бывшим провинциалом английских иезуитов Генри Мором. Сложно утверждать наверняка, но, невзирая на указанное, их деятельность в упомянутой «организации», по имеющимся данным, не была сколько-нибудь существенной.

31 Janko Polec, Franc Albert Pelzhoffer baron Schönauski // SBL. 1935 (<http://www.slovenska-biografija.si/oseba/sbi411282/>).

32 Ср.: *Golec B.* Valvasor kot zemljiški gospod // *Arhivi* 37. 2014. № 1. S. 84.

33 Остальные шесть книг за год до смерти Пельцхоффера были изданы в Любляне в типографии Майра (ср.: Polec // SBL; *Spektorski E.* Zgodovina socialne filozofije I, Ljubljana, 1932. S. 220).

34 Цит. по: *Spektorski E.* Mesto F. A. Pelzhofferja v zgodovini državoslovja. Ljubljana, 1941. S. 11.

35 Цит. по: *Pelzhoffer F. A.* Arcanorum status libri decem. Francofurti: apud G. C. Weberum, 1752. P. 16.

36 *Spektorski E.* Mesto F. A. Pelzhofferja v zgodovini državoslovja... S. 20.

37 Ibid. S. 19.

- 38 Ibid. S. 23 in *Arcanorum status* (I, 294).
- 39 *Spektorski E. Zgodovina socialne filozofije...* S. 220.
- 40 Цит. по: *Spektorski E. Mesto F. A. Pelzhofferja v zgodovini državoslovja...* S. 16.
- 41 *Grdina. Kulturnozgodovinska podoba Dolarjevega časa...* S. 11.
- 42 Ср.: *Spektorski E. Zgodovina socialne filozofije...* S. 221–221; *Spektorski E. Mesto F. A. Pelzhofferja v zgodovini državoslovja...* S. 22.
- 43 *Spektorski E. Zgodovina socialne filozofije...* S. 221.
- 44 *Grdina. Kulturnozgodovinska podoba Dolarjevega časa.* S. 11.
- 45 Ср.: *Štuhec. Rdeča postelja, ščurki in solze vdove Prešeren.* S. 79; Polec // SBL
- 46 *Štuhec. Rdeča postelja, ščurki...* S. 79; Polec // SBL.
- 47 *Spektorski E. Mesto F. A. Pelzhofferja v zgodovini državoslovja...* S. 22–23; *Arcanorum status* (I, 150): *imperium moderatum, Majestas absoluta.*
- 48 Ср.: *Štuhec. Rdeča postelja, ščurki...* S. 78.

A. Koritnik

The intellectuals of Early modern period:
Sigmund von Herberstein and Franz Pelzhoffer

Early modern period saw many revolutionary changes. In this raw there was also the intellectual revolution that changed first of all the religious knowledge in Inner Austria, and in about one hundred years spread to other academic domains. The article defines the concept of an “intellectual” and his role in the cultural, spiritual and social history of Early modern period. Two interesting examples are studied: the life of the well-known diplomat Sigmund von Herberstein in the 16th century, and the life of the jurist and philosopher Franz Pelzhoffer in the 17th century. They are two eloquent examples of thinkers (and not “mere scientists”) that significantly influenced the shaping of the modern world, each in his own way. Keywords: *intellectual, institute, cognition, history of cognition, 16th century, history of intellectual thought, history of culture, diplomacy, political theory.*

А. В. Богатырев
(Тольятти)

Триумфальные арки по случаю въезда Яна III Собеского в Вильно

Исследуется неизвестный архивный источник, позволяющий восстановить внешний облик произведений искусства конца XVII в. – триумфальных арок в честь въезда Яна III Собеского в город Вильно.

Ключевые слова: *триумфальная арка, Вильно, Ян III Собеский, П. Б. Возницын.*

Деятельность одного из выдающихся мужей XVII в. – короля Речи Посполитой Яна III Собеского, победителя турок в знаменитой битве под Веной 1683 г., исследована достаточно подробно. Поэтому любой новый артефакт, дополняющий и углубляющий сведения об этой личности, крайне ценен. Подобные реликвии мы обнаружили в процессе работы с хранящимся в Российском государственном архиве древних актов статейным списком российской дипломатической миссии Прокофия Богдановича Возницына, находившегося в Польше в 1688–1689 гг.

Рассказывая о первом пребывании короля в литовской столице – Вильно, Возницын оставил подробное описание двух триумфальных арок, украшавших город 22 апреля 1688 г. в связи с торжественным прибытием в город кортежа Собеского.

Дипломат включил упомянутое сообщение в свой доклад, но, скорее всего, он не был его автором. На это намекает и приписка: «Да на... почте послана книга на латинском языке писанная триумф королевскому величеству»¹. Тем более что поляки (как Станислав Клециньский²) сами составляли «отчеты» о визитах важных персон. Вероятно, «Триумф королевскому величеству»³ – позаимствованный Возницыным перевод неизвестного сочинения анонимного характера: информации о нем нет ни в справочнике К. Эстрейхера, ни в «Новом Корбуте», ни у С. И. Николаева⁴.

Наиболее содержательно о событии 1688 г. поведали историки и литераторы Юзеф Игнацы Крашевский (1812–1887)⁵ и Леон Потоцкий (1799–1864)⁶, однако они умолчали о триумфальных арках. Авторы только писали, что по случаю приезда короля были украше-

ны Рудницкие ворота города (Brama Rudnicka)⁷. Похоже представляли ситуацию Миколай Балиньский и Мечислав Яцкевич⁸. Работы Л. Яновича, М. Космана, Э. Малаховича⁹ и других исследователей не добавили ничего принципиально нового.

В своих трудах Крашевский и Потоцкий опирались на ограниченный круг источников: акты виленской «думы», весьма общее свидетельство французского аббата Габриеля Франсуа Койе¹⁰, который не был очевидцем события и жил в XVIII столетии (1707–1782 гг.)¹¹. Хотя известны примеры декорирования под триумфальные арки городских ворот¹², судя по материалам Возницына, Ян III проезжал в Вильно все же именно через две триумфальные «брамы», специально сооруженные к его прибытию.

В барочной традиции въезды королей обставлялись с большой роскошью: с музыкой, театрализованными представлениями, громкими речами. Государь вступал в город сквозь триумфальные арки («башни», «porta triumphalis»), создававшиеся на время торжества из легких материалов – дерева и холста¹³. Сооружения, подлинные «арт-объекты», богато расписывались, украшались картинами, статуями богов и богинь. Мы видим манифестацию античной культуры, «римские» военные триумфы, возглавляемые Марсом и могучим Геркулесом¹⁴.

В основном по причине использования недолговечных технологий многие триумфальные арки не дошли до нас. Можно предположить, что такая участь постигла и башни в Вильно. Если бы имелись какие-либо изображения строений, как в случае с коронацией Яна III в 1676 г., запечатленной Францишеком де Грата Младшим и Ромейном де Хогге¹⁵, некий общий облик виленских сооружений был бы нам известен.

Найденное описание арок, по всей видимости, во многом соответствует устоявшимся «канонам»: обилие растительной символики, изображения ангелов (женские фигуры, персоны Славы – Fama)¹⁶, колонны («столпы»), образы атлантов («гиганты»)¹⁷.

Но есть здесь и интересные нюансы. Только в декоре виленских ворот встречается знак слона, отсутствующий на других знакомых нам арках Яна III¹⁸. «Элефант», однако, присутствовал в процессии германского императора Максимилиана I (1508 г.), а также в декорациях парижских церемоний 1571 г., где слон символизировал «религиозное почтение», долгожительство и вечность¹⁹. Виленская арка, пожалуй, в этом отношении походит на варшавскую «браму» 1637 г. Владислава IV, правда, там слон был ездовым животным Благочестия²⁰, чего нет в случае с воротами из Вильно.

Появление представителя фауны в декоре «porta triumphalis» 1688 г. заставляет вспомнить дипломатические интересы Собеского, его балтийскую политику, поддерживаемые им (еще с 1670-х гг.) контакты с Данией²¹, эмблемой которой выступает слон²².

Виленские сооружения отличались от прочих арок Яна III и так называемыми «ганками». В польском языке «ganek» имеет несколько значений, в том числе – крытая галерея, балкон²³. Как следует из текста «Триумфа», «ганки» ворот в Вильно предназначались для размещения певцов, музыкантов и актеров, славивших короля. Подобные архитектурные элементы использовались нечасто, замечены они лишь на «свадебной» арке королевича Якуба Людвика Собеского 1691 г., где «ганки» несли несколько иные функции: мест для гостей²⁴.

Высказывалось мнение, что иезуиты Вильно не встречали короля театральным зрелищем²⁵. Тем не менее, в описании арок читаем, что, приблизившись к башне, организованной «Орденом Иисуса», Ян III стал свидетелем театрализованного действия:

Егда же изволил прибыть до второй триумфальной брамы, от езуитов устроенной...

Тогда на той бреме... студент[ы] в разные рыцерские одежды убранные, говорили велегласно орацыи, ис которых един яко началнейший воин, держа щит позлащенный з гербом королевским, показуяся яко силный или храбрыи оруженосец, той щит поднимая горе, и опуская доле, повращаяся туду и сюду велегласно орацию свою простирал.

По тех наступили другие... имеющие одежды багряные, и власы накладные..., на главах венцы лавровые... говорили орацыи... вслед вопия, поздравления отдавали...²⁶

«Триумф королевскому величеству» также дает новые сведения о малоизвестном виленском художнике XVII в. Аксиновиче (Aksinowicz), писавшем образы и эмблемы на холстах ворот 1688 г. Этим в целом и исчерпываются данные о мастере в «Словаре польских художников»²⁷ и в более современном издании Генрика Дубовика²⁸. Благодаря найденному архивному документу теперь мы можем в деталях воссоздать творение художника.

Важно, что у Возницына есть информация о том, кто принимал участие в создании арок, – члены религиозного ордена иезуитов и мещане. Это позволяет понять приоритеты каждой из этих «корпораций», узнать, каким представляли короля названные слои населения Вильно, сравнить их восприятие монарха.

К примеру, наряду с привычной антитурецкой «линией» на арке иезуитов можно распознать антишведские мотивы. Они «зашифрованы» в символах, украшавших башню: в одном месте читаем о расположенном под польским орлом шведском «грифе»; в другом – о Самсоне, разрывающем пасть льву, гербовому животному королей Швеции²⁹. Эти дополнения, думается, появились вполне закономерно, в связи с определенной напряженностью в польско-шведских отношениях³⁰.

Кажется, Самсон в сюжете триумфальных ворот разит не грозного хищника, а самого дьявола – протестантское шведское королевство обычно рассматривалось приверженцами католицизма как пристанище еретиков, пострадавшие от шведов поляки-католики частенько рядили в «свейские» одежды сатану³¹.

Оформление «брамы» мещан показывает: среди них особенно популярна ставшая традиционной тема борьбы с турками. Собеский выступает и в качестве «освободителя» (скорее, покорителя) подвластных Порте «волохов» (влахов, а также молдаван) – вильнюсцы были осведомлены о молдавских походах 1684–1686 гг. Впрочем, к триумфам Яна III их отнести сложно, молдавские кампании оказались не столь удачными.

В декоре арок в той или иной степени нашли отражение как ратные успехи Яна III, так и его дипломатическая деятельность: балтийская политика, Венская баталия 1683 г., участие в Священной лиге (с 1684 г.), Вечный мир с Россией 1686 г., дунайские походы.

Затрагивались и иные вопросы. Помещенные на врата «водоносы» (сосуды) с цветами говорят о росте (процветании)³², связаны с водой, водной стихией. Обнаруживают себя вынашивавшиеся с 1670-х гг. Яном III планы торговли на Балтике³³: в барокко «аqua» интерпретировалась как движение, перемещение, бурные морские просторы³⁴. «Морские» ассоциации рождает и преобладающий в цветовой гамме ворот зеленый цвет, вместе с голубым воплощавший море³⁵.

Ян Собеский прославляется как служитель Аполлона, покровитель поэзии³⁶, литературы, музыки: не вполне обычным было появление на арке изображения лютни, напоминавшей о музыкальном искусстве³⁷. В самом деле, король поддерживал писателей и пиитов, посвящавших ему свои произведения³⁸.

Снова обратимся к цветовой композиции ворот. Если смотреть в общем, цветовые характеристики в описаниях «брам» Яна III заявлены скромно, крайне мало их в свидетельствах о въезде короля в Гданьск, в черно-белых тонах представлен эскиз эльблонгской арки³⁹.

Между тем, как известно, цвет в эпоху барокко мог о многом поведать. В сооружениях 1688 г. немало зеленого – указанная «фарба» помимо прочего обозначала плодородие, богатство, расцвет⁴⁰. Очевидно, таким правление Яна III хотела видеть определенная часть жителей Вильно.

Можно проследить в «дизайне» арок и некий цифровой код, нумерология была еще популярна в XVII в.⁴¹ Прежде всего, несколько раз упоминается число четыре, имевшее особое значение в период барокко, «эона» природных стихий⁴². Знак «4» – глубоко мистический символ, отсылающий к четырем евангелистам, четырем сторонам креста⁴³, четырем рекам Эдемского сада. Данная цифра также наводит на мысль о четырех участниках Священной лиги, гербы трех из которых совершенно явно помещены на «*luk triumfalny*». Есть здесь и намек на справедливого монарха, ведь «четыре» в барочное время символизировало правосудие⁴⁴.

Особое «звучание» символика триумфальных арок обретает в контексте событий 1688 г. Убедившись, что план возведения на польский престол сына Яна III, королевича Якуба, осуществить не удастся, сторонники «двора» сорвали сейм в Гродно⁴⁵. Это была весьма относительная, но все-таки победа короля над его противниками, мешавшими начинаниям государя⁴⁶. Вступая в Вильно, в город, связанный с именами крупных литовских родов, находившихся в оппозиции Собескому, – семей Пац и Сапег⁴⁷, польский король еще раз заявлял о политической «виктории» 1688 г.

Найденный у Возницына документ оказался информативным: он наполнил новыми фактами биографию Яна III Собеского, добавил неизвестные детали к истории королевского церемониала, раскрыл непрочитанные страницы литературы и изобразительного искусства Речи Посполитой XVII столетия.

В приложении публикуется извлечение из «Триумфа королевскому величеству» с описанием арок. Публикация осуществлена согласно «Правилам издания исторических документов» (М., 1990).

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 79. Д. 234. Л. 143.

2 *Dekoracja emblematyczna na wjazd Jana III do Warszawy (1677)*. URL: www.wilanow-palac.pl/dekoracja_emblematycz... (дата обращения: 16.06.16).

- 3 ПГАДА. Ф. 79. Д. 234. Л. 134–143.
- 4 Elektroniczna Baza Bibliografii Estreichera. URL: <http://www.estreicher.uj.edu.pl/> (дата обращения: 17.06.16); Bibliografia literatury polskiej «Nowy Korbut». Warszawa, 1963–1965. Т. 1–3; *Николаев С. И.* Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв. СПб., 2008.
- 5 *Kraszewski J. I.* Wilno od początków jęgo do roku 1750. Wilno, 1841. Т. 3. S. 261.
- 6 *Potocki L.* Pamiętniki pana Kamertona. Poznań, 1869. Cz. II. S. 203–205.
- 7 *Kraszewski J. I.* Op. cit. S. 261; *Potocki L.* Op. cit. S. 204.
- 8 *Baliński M.* Dawna Akademia Wileńska. Petersburg, 1862. S. 164–165; *Jackiewicz M.* Peregrynacje szczątków św. Kazimierza // *Magazyn Polski.* 2012. № 12 (84). S. 15.
- 9 *Janowicz L.* Wilno. Warszawa, 1990. S. 12; *Kosman M.* Wilno dawniej i dziś. Toruń, 1993. S. 37; *Małachowicz E.* Wilno. Dzieje, architektura, cmentarze. Wrocław, 1996. S. 23.
- 10 *Potocki L.* Op. cit. S. 203–204.
- 11 *Coyer (G. F.).* History of John Sobieski, King of Poland. London, 1762. P. 416.
- 12 *Śliwowska A.* Uroczyste wjazdy monarsze do Wrocławia w latach 1527–1620 // *Quart.* 2009. № 1 (11). S. 101.
- 13 Wjazd, koronacja, wesele... królowej... Cecylii Renaty w Warszawie roku 1637 / *Opac. A. Falniowska-Gradowska.* Warszawa, 1991. S. 102.
- 14 *Iwanoyko E.* Emblematyczne Sobiesciana Gotfryda Peschwitzta // *Artium Quaestiones.* 1983. II. S. 25, 26, 22, 23.
- 15 *Widacka H.* Jan III Sobieski w grafice XVII i XVIII w. Warszawa, 1987. S. 50, 126.
- 16 *Górska M.* Dekoracja emblematyczna upamiętniająca koronację Jana III. URL: http://www.wilanow-palac.pl/dekoracja_emblematyczna_upamietniajaca_koronacje_ja-na_iii_gdansk_2_ii_1676.html (дата обращения: 16.06.16).
- 17 *Żukowski J.* Elbląska brama triumfalna Jana III A.D. 1677. URL: http://www.wilanow-palac.pl/elblaska_brama_triumfalna_ja-na_iii_a_d_16-77.html (дата обращения: 17.06.16).
- 18 *Widacka H.* Jan III Sobieski...
- 19 *Cooper R.* The Theme of War in French Renaissance Entries // *Ceremonial Entries in Early Modern Europe.* London; New York, 2016. P. 25; *Torre Fazio de la J.* The Grand Entry of Elizabeth of Valois into Spain (1559) // *Ibid.* P. 158; *Sandbichler V.* Elements of Power in Court Festivals of Habsburg Emperors in the Sixteenth Century // *Ibid.* P. 177.

- 20 *Żukowski J.* Ephemeral Architecture in the Service of Vladislaus IV Vasa // *Ibid.* P. 203.
- 21 *Matwijowski K.* Sejm Grodzieński, 1678–1679. Wrocław, 1985. S. 33.
- 22 Glasgow Emblem Studies. Glasgow, 2006. Vol. 11. The Emblem in Scandinavia and the Baltic. P. 36.
- 23 *Schmidt J. A. E.* Słownik polsko-rossyisko-niemiecki. Wrocław, 1834. S. 110.
- 24 *Żukowski J.* Ślub Jakuba Ludwika Sobieskiego A. D. 1691. URL: http://www.wilanow-palac.pl/slub_jakuba_ludwika_sobieski-ego_a_d_16-91.html (дата обращения: 16.06.16).
- 25 *Okoń J.* Odsiecz wiedeńska Jana III w staropolskim teatrze szkolnym // *Pamiętnik Teatralny.* 1984. T. 33. № 1–2. S. 106.
- 26 РГАДА. Ф. 79. Д. 234. Л. 137–138.
- 27 *Maurin-Białostocka J.* etc. Słownik artystów polskich i obcych w Polsce działających: Malarze, rzeźbiarze, graficy. Wrocław, 1979. T. 3. S. 4.
- 28 *Dubowik H.* Encyklopedia Ziemi Wileńskiej. Wileński słownik biograficzny. Bydgoszcz, 2002. S. 8.
- 29 *Kodres K.* Magic of Presence: The Ceremony of Taking an Oath of Allegiance in 1690 in Tallinn (Reval) // *Images and Objects in Ritual Practices in Medieval and Early Modern Northern and Central Europe* / Ed. K. Kodres and A. Mänd. Newcastle upon Tyne, 2013. P. 195.
- 30 *Jonasson G.* Polska i Szwecja za czasów Jana III Sobieskiego // *Sobótka.* 1980. № 2. S. 241.
- 31 *Tazbir J.* Obraz heretyka i diabła w katolickiej propagandzie wyznaniowej XVI–XVII w. // *Kwartalnik Historyczny.* 1981. R. 88. № 4. S. 948, 951.
- 32 *Górska M.* Dekoracja emblematyczna...
- 33 *Komaszyński M.* Jan III Sobieski a Bałtyk. Gdańsk, 1983. S. 52, 54, 67.
- 34 *Levin L.* Metaphors of Conversion in Seventeenth-century Spanish Drama. London, 1999. P. 28.
- 35 *Sell S.* Masterpieces of Renaissance and Baroque Printmaking. Charlottesville, 1991. P. 114.
- 36 Знаки прошлого и настоящего: краткий словарь / Под ред. Н. Н. Романовой и др. М., 2007. С. 124.
- 37 *Холл Д.* Словарь сюжетов и символов в искусстве. М., 1996. С. 334, 340.
- 38 *Kostecki J.* Z dziejów mecenatu kulturalnego w Polsce. Warszawa, 1999. S. 66.
- 39 *Żukowski J.* Elbląska brama...

40 *Pastoureau M.* Green: The History of a Color. Princeton; Oxford, 2014. P. 45, 66; *Andrews N.* Everyday Christian Male's Guide to Modern Dating. Brownfish Publishing, 2009. P. 144.

41 *Rudrum A.* etc. The Broadview Anthology of Seventeenth-Century Verse and Prose. Calgary etc., 2000. P. 472.

42 *Knapp B. L.* Archetype, Architecture, and the Writer. Bloomington, 1986. P. 109.

43 *Schimmel A.* The Mystery of Numbers. Oxford, 1993. P. 94.

44 *Tresidder J.* The Watkins Dictionary of Symbols. London, 2008. <https://books.google.pl/bo-oks?isbn=1780283571> (дата обращения: 07.07.16).

45 *Wójcik Z.* Jan Sobieski. 1629–1696. Warszawa, 1983. S. 430–431.

46 *Śliziński J.* Jan III Sobieski w literaturze narodów Europy. Warszawa, 1979. S. 80.

47 *Podhorodecki L.* Sobiescy herbu Janina. Warszawa, 1981. S. 309; *Poziarnie.* Zbiorek Pamiątkowy. Wilno, 1861. S. 240.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Из описания королевского въезда в Вильно 12 апреля 1688 г.

(Л. 138) Описание брамы виленской триумфальной, на въезд его королевского величества полского, построенной от мещан:

(л. 138об.) Брама, в ней же въезды три, между ними столпы, а меж теми столпами по правой стороне стояли малеванные два рыцера з голыми мечами. По левой так же два, один турчин, (л. 139) имеющий в руках венец зелены, другой по полску убраный, з голым мечем.

Во входе брамном сверху намалеван щит, герб его королевского величества полского, на том щиту свет весь изображен: из изображеня же света вырастали две ветви зеленые.

Над тем всем надпись такова:

«Сей щит защищает все христианство, а луну турецкую побеждает».

Тамо же под щитом изображена луна турецкая, рогами к земли приклонилася (л. 139об.).

По стенам того ж входу все военное оружие, между тем оружием турки в оковах лежат [...]

С лица всея брамы столпов 6 по сторонам ганки, на которых была музыка, вверху на середине персона королевского величества на коне, на главе королевской венец зелены, около тоя персоны изобра-

жены грады, и войска турецкие и полские. Под ногами королевской персоны лежат рубленные и забитые турки, и их все военное оружие. На столпах по обеим сторонам, персоны женские, една по правой стороне держит в руках венец (л. 140) зеленый, а по левой ветвь масличную. Выше тех персон два водоносы, а из них растут изрядно разные цветы. По сторонам и выше тех водоносов 4 знамена: в самом верху два ангела с трубами держат корону над королем, около самой королевской персоны также четыре ангела с трубами, ис которых труб надписи такие выходят:

Из 1 «Славному»; из 2 «Победителю»; из 3 «Яну Третиему»; из 4 «Отцу Отчизны».

Выше королевской персоны надпис:

«Буди подножием Савроматия, (л. 140об.) которому никогда под ноги слатися непротивна. Превозношайся, великий чрез наклоненные въезжает головы турецкие, татарские, волоские, сим путем вшел на маестат, то кролем поляком Собеский належит, чтоб не слали под ноги суксон[у] (сумсону, Самсону? – А. Б.), доволно поганской крови, для здравия отчизны выпитой».

На другой стороне брамы также 6 столпов, меж которыми гиганты два стоящие, один держит небо на главе, с надписанием таковым: «Мудрейший света», вторый держит древо великое с надписанием таковым: «Силнейший над геркулеса[ми?]». Над дверми на середине, венцем (л. 141) зеленым оплетены гербы корунной и литовской, в середине королевской, наверху корона королевская, наисподи княжеская: по сторонам две персоны, первая держит солнце, другая столп. На самом верху персона славы, сидит на орле с лютнею, над нею два аггела с трубами и надписанием таковым: «Имяни твоему пою славу», выше того небо, на нем подпись: «Милость Божия».

Описание брамы 2, соделанные от езувитов

Врата едины, по сторонам их (л. 141об.) с самага фундамента с правой стороны лев, с левой стороны слон, выше их две персоны зброиные: вверху врат 5 персон наподобие девическое, 4 держат венцы зеленые на мечях; [...] посреди их персона мужеская зброиная, держит голои меч в единой, а в другои руке держит 4 лва обузданных: на тои же персоне висит щит, с надписью такою: «Храброму»; около его военное оружие. Над теми персонами ганок, так же и по сторонам два ганка, на правой стороне стояли спеваки, на левой стороне трубачи. А выше первого ганку двери, а в них на коне стоял воин зброиный (л. 142) з голым мечем, щит имеющий на себе, на кото-

ром щите надпись сицева: «Покой творящему». По рамам также два воина зброинные подле их два столпа, под первым столпом надпись такова: «Счастливостию», под другим столпом: «Волностию». На тех столпах также стояли персоны [на] изображение девическое, на первом столпе Слава; на втором Счастье; около тех столпов 4 воина з голыми мечами; под теми персонами, по левой стороне Сампсон челюсти лву растерзает; под ним надпись такова: «Еще далее». По правой стороне вторая персона держит жезл, на том жезле, надпись: «Доволно». Под тою персоною (л. 142об.) змий седмоглавый. Другий ганок, выше его Беллена, то есть богиня войны в зеленом венце, около ней разных родов звери. Выше ея венец из мечей голых сплетен на копиях, в том венце надпись такова: «Славному». Выше того венца третий ганок, по концам того ганка два аггела на столпах, на том же ганку оружие военное: а выше того оружия персона королевского величества, около персоны четырех государств гербы, то есть орел московской, по левой стороне; орел цесаря христианского, по правой стороне. Наверху орел полской, а внизу гриф Шведции. На самом верху персона женская, держащая в правой руке небо (л. 143), в левой руке землю.

*Российский государственный архив древних актов.
Ф. 79. Д. 234. Л. 138об.–143.*

A. V. Bogatyrev

Lost triumphal arches on the occasion of the entry of Jan III Sobieski in Vilna

In the scope of the study is an unknown archival source that allows us to restore the appearance of works of art of the late XVII century – triumphal arches in honor of Jan III Sobieski's entry into the city of Vilna. For the information published about this event previously a more detailed information is provided. The existence of two different unique features of the triumphal arches is proven. The attitude of certain groups in Vilna to the king is shown, and a "portrait" of the monarch is depicted as seen by the citizens.

Key-words: *ceremonial arrivals of the kings, "porta triumphalis", Vilna, Jan III Sobieski, P. B. Voznicyn, archival sources.*

К. А. Касаткин
(Санкт-Петербург)

Способы описания славянских областей Османской империи российскими путешественниками в первой трети XIX в.

В статье на основе опубликованных и неопубликованных источников анализируются способы описания русскими путешественниками первой трети XIX в. южнославянских народов. Предпринимается попытка выявить применявшиеся модели репрезентации, а также определить, как осмыслялось место славян в европейской картине мира.

Ключевые слова: *путешествие, Балканский полуостров, южные славяне, И. П. Липранди, В. Б. Броневский.*

В начале XIX в. на Балканский полуостров направляются российские государственные и военные служащие, на которых, наряду с выполнением основной миссии, было возложено поручение по сбору сведений о регионе и местных народах. Потребность правительства в информации о регионе является закономерным следствием роста влияния Российской империи в международной политике. После двух успешных русско-турецких войн в правление Екатерины II Россия смогла не только получить выход к Черному морю, но и закрепить в 7 статье Кючук-Кайнарджийского договора право покровительства православным народам Османской империи¹. С этого времени империя начинает проводить активную политику на Балканах, что приводит к постоянным столкновениям с другими великими державами². На волне военных и дипломатических успехов XVIII в. в среде российской политической элиты начинают возникать различные проекты переустройства европейских областей Османской империи, как, например, «Греческий проект» Екатерины II³ и идея создания православной федерации А. Чарторыйского⁴.

Важно отметить, что необходимость получения достоверных знаний о южнославянских народах и их соседях понимали не только в правительстве, но и в образованных кругах. Это было связано с интенсификацией в российском общественном сознании поисков этнической идентичности и попыток осмысления места своего отечества в мире⁵. Устанавливаются связи с деятелями славянского возрождения⁶, с европейскими языков переводится литература по истории и культуре славянских народов, осуществляются поездки

по австрийским и османским землям. И, тем не менее, до 1830-х гг. добровольных поездок по этим землям насчитываются единицы⁷. Путешествия на Балканы в начале XIX в. были связаны преимущественно со службой, а сам дискурс описания региона в этот период являлся все еще маргинальным. Эти факторы – новизна и необычность региона – оказали решающее влияние на способы описания народов европейской части Османской империи. Многие чиновники, дипломаты и офицеры оставили отчеты, письма, отдельные записки и даже словари, содержащие собранную во время путешествия информацию⁸. Все это составило базу зарождающегося отечественного славяноведения, которое М. В. Белов удачно охарактеризовал как «служебное». Оно имело слабую теоретическую основу, было во многом эклектичным и ситуативно-обусловленным и не стремилось к выработке целостной концепции изучаемой реальности⁹.

Очевидно, что с самого начала российские путешественники проводили четкое различие между собой и подданными Османской империи. Однако нам представляется важным проследить, какими путями происходило замещение восприятия образа «их» (жителей Османской империи) как гомогенной группы – гетерогенной, а также выявить способы категоризации народов Балканского полуострова. Иными словами, мы постараемся определить, когда южные славяне стали выделяться среди прочих подданных султана, на каком основании происходило это выделение, а также выявить пути развития дискурса о них¹⁰. В данной работе мы на нескольких примерах попытаемся показать, какие модели репрезентации южнославянских народов были представлены в трудах российских путешественников, посетивших Балканы в первой трети XIX в., как в этих описаниях осмыслялось место славян в европейской картине мира и вырабатывался соответствующий нарратив.

В первой трети XIX в. отношение российского образованного общества к православным народам Балканского полуострова начинает претерпевать существенные изменения¹¹. Восприятие славян как «тамошних диких народов»¹² постепенно вытесняется новыми, более позитивными способами описания. Авторы по-разному представляли место славян среди других народов, однако все их описания можно отнести к одной из двух моделей репрезентации.

В работах, относящихся к первой модели, южные славяне репрезентировались как сохранившийся осколок *своего* прошлого, приобретали черты древних богатырей и античных воинов. Подобные мотивы присутствуют уже в письмах А. И. Тургенева, который в 1804 г.

со своим товарищем А. С. Кайсаровым предпринял путешествие по южным землям Австрийской монархии. Сравнение южных славян с древними греками, по-видимому, являлось не просто устойчивым литературным приемом, но способом перцепции балканских реалий. В целом для российской интеллигенции при конструировании собственной идентичности существенным являлось не только противопоставление себя «Другому», но и противопоставление прошлого и настоящего; прошлой, допетровской, России – современной¹³. Для авторов, использующих первую модель описания, характерно представление современных им славян как хранителей некой общеславянской, а соответственно и российской, древности. Таким образом, происходит сближение русских со славянами по этническому признаку, но при этом последние на временной шкале помещаются далеко в прошлом. При этом для авторов южные славяне еще не стали «своими», но уже не смешивались и с другими подданными султана. В сознании путешественников славянские народы формировали границу, которая отделяла «свою» общность от «другой» – отсталых и непросвещенных османов. В терминологии Г. Зиммеля подобные пограничные группы обозначаются как «Чужие», т. е. социальные маргиналы, которые являются маркерами, отделяющими одну общность от другой¹⁴.

Ярким примером применения первой модели описания являются опубликованные в первой трети XIX в. «Записки морского офицера», «Путешествие от Триеста до С.-Петербурга в 1810 году» и «Письма морского офицера» В. Б. Броневского. В своих работах автор сочувственно отзываясь о черногорцах и сознательно идеализирует их. Однако господствовавший прежде дискурс о «Других» как о варварах не исчезает бесследно: образ черногорцев в «Записках» размывается, начинает двоиться, они превращаются то в невежественных дикарей, которые постоянно кричат и начинают стрелять по любому поводу, то в хранителей «славянской античности». Не раз В. Броневский обращается к образу Спарты и славянской древности. Так, он пишет: «Я видел Спарту, видел в полном смысле слова республику, отечество равенства и истинной свободы, где обычаи заменяют закон, мужество стоит на страже вольности, несправедливость удерживается мечом мщения... видел пред собою простоту Патриаршеских времен, беседовал с Ильей Муромцем, Добрыней и другими богатырями нашей древности»¹⁵.

Несмотря на сознательную идеализацию славянских народов, их языкам было отказано в какой бы то ни было самостоятельно-

сти. Броневский объединяет все южнославянские языки в единый «славянский», при этом не допуская возможности его естественного развития. Любое изменение возможно только под влиянием извне и расценивается как порча «древнего славянского языка». Броневский не признает и самоценности обрядов славянских народов. О штирийских славянах он пишет следующим образом: «Впрочем коренные жители суть славяне, коих нравы и обычаи от смешения с немецкими много изменились. Язык так порчен, что с трудом понимать их можно»¹⁶.

Автор сознательно обозначает четкие географические границы, отделяющие австрийских славян от венгров. Несмотря на указанные проявления «дикости», «порчу языка и нравов» славянских народов, в описании доминирует положительная коннотация. Иначе Броневский характеризует венгров. Для автора современные ему венгры лишены каких-либо добродетелей, которыми некогда обладали их предки, а от былого величия остались лишь воспоминания. Произшедшие с народом «изменения» автоматически переносятся автором и на земли, в которых этот народ обитает. Нигде Броневский не проводит художественно столь четкую линию, как между славянскими землями и Венгрией:

«Едва переступили мы границу, разделяющую Штирию от Венгрии, как все предметы изменились: вместо прекрасных полей, лугов и рощей... представилась печальная ложбина, наполненная грязью, болотами, мутными ручьями... Крестьяне покрыты рубищем или шубою навыворот; в потупленном взоре их напечатлено мрачное уныние»¹⁷.

В конце путешествия через венгерские земли он подводит итог: «Просвещенная Европа кончилась на границе Венгрии, и кончилась *очень дурно*»¹⁸. Броневский не считал ни венгров, ни турок жителями Европы, в то время как южные славяне в его представлении являлись ее органической частью, хранителями древней чистоты. В его работах, как и в трудах многих авторов первой трети XIX в., южные славяне еще не стали «своими», но некоторые существенные шаги в этом направлении уже были сделаны. Во-первых, произошел отказ от описания славян как невежественных дикарей и варваров; во-вторых, их быт и культура идеализировались и отождествлялись с древнерусскими. Признать южных славян «своими» в то время мешало, по-видимому, большой культурный разрыв между по-европейски образованными путешественниками и ведущими патриархальный, не затронутый модернизацией образ жизни балканскими крестьянами.

Авторы, придерживающиеся в своих сочинениях второй модели, напротив, полностью игнорировали идею какой бы то ни было славянской взаимности и совершенно иначе представляли себе место славян в системе координат «Свой – Другой». Оформи́вшаяся в начале XIX в., эта модель была связана в первую очередь с чиновно-просветительским мышлением и идеализацией преобразовательного гения Петра Великого¹⁹. Определение «Свой – Другой» происходило на основании подданства, в то время как религиозному, языковому и вообще культурным аспектам не придавали большого значения. При подобном подходе южные славяне сразу определялись как «Другие», т. е. подданные султана, а после дифференцировались по «географическому» или «этническому» признаку²⁰. Вторая модель репрезентации развивалась в русле накопления и систематизации «объективного» знания о европейской части Османской империи и была связана напрямую с идеями Просвещения.

Так, в 1830 г. Егор Ильич Энегольм опубликовал «Записки о городах забалканских», в которых с невероятной точностью указывает количество турецких, болгарских, греческих, еврейских домов; описывает жилища, рынки, достопримечательные постройки, приводит подробную характеристику дорог, климата, окружающей природы и рельефа местности. В отдельном разделе Энегольм приводит описание народов Фесалии, в которых старается отметить как положительные, так и негативные черты жителей Османской империи. Автор не проявляет особенного интереса к славянам, и они характеризуются только в качестве *одного из народов* Османской империи. Более того, славяне, представленные у Энегольма болгарами, получают совершенно нелестную характеристику: «На Балканах христиане сии суть бесчеловечные разбойники; они не довольствуются грабежом и похищением имущества проезжего, но, захватив несчастную жертву, прибивают гвоздями к деревьям, отрезают язык и уши, выкалывают глаза, и в неистовстве зверской дикости забавляются мучениями страдальца»²¹. Не обошлось в его описании и без следов ориенталистского дискурса: *все* народы Османской империи наделяются чертами народов «восточных»: они статичны, лишены динамики и неспособны к развитию.

Высшим достижением сторонников «этнографического» взгляда на народы Балканского полуострова является труд И. П. Липранди²², озаглавленный «Опыт словоистолкователя Отоманской империи...»²³. Эта работа представляет собой энциклопедический словарь, сохранившийся в нескольких редакциях, три из которых

хранятся в РГИА. Опубликовать словарь автору не удалось, однако появившиеся во второй половине XIX в. многочисленные работы Липранди были во многом основаны именно на информации из «Опыта словоистолкователя...». Этот энциклопедический словарь, над которым автор трудился более 15 лет, до 1836 г., представляет собой значительную ценность для современных исследователей как беспрецедентный в отечественной славистике пример аккумуляции знаний об Османской империи и народах, ее населяющих. По утверждениям самого автора, его словарь содержит 8000 статей и 600 иллюстраций!²⁴

Липранди не проводит значимого разграничения между народами Балканского полуострова: для него они все являются равноценными объектами, которые он препарировал, отделяя для удобства изучения одну сферу общественной жизни от другой. Для него бошняки, сербы, болгары не являются ни братьями, ни далекими предками, но только подданными турецкого султана. Именно подданство важно для автора. В его работах государство занимает центральное место, в то время как народы рассматриваются только в качестве его константных частей, не представляющих сами по себе никакой ценности. В этом принципиальное различие двух моделей репрезентации: если первая предполагала выделение южных славян как пограничной категории между «нами» (русскими) и «Другими» (турками), то вторая не стремилась к подобной категоризации подданных Османской империи, которая воспринималась в целом как населенная «Другими». В первом случае в центре внимания путешественников был народ, во втором – государство.

В отличие от Броневского, который Турцию противопоставляет Европе, И. П. Липранди во «Введении» к словарю пытается последовательно доказать, что все подданные султана также являются европейцами, так как часть их государства занимает Балканский полуостров. В этом он проявил себя как человек эпохи Просвещения: географические рамки Европы расширились по мере распространения наук; так и Россия стала Европой, а русские – европейцами, когда Петр I усилием воли смог искоренить многие суеверия и предрассудки.

Таким образом, Липранди создает своеобразную шкалу оценки уровня развития государства, главными критериями которой являются распространение просвещения и отсутствие предрассудков: из европейских держав дальше всех от идеала стоит Османская империя; в ней науки и искусства находятся еще в зачаточном состоянии и не

получили широкого распространения. Несколько ближе располагаются западноевропейские страны, жизнь которых в большей степени упорядочена в соответствии с идеями Просвещения. Самой же просвещенной европейской державой, как это ни странно, по мнению Липранди, является послепетровская Россия, в одно мгновение избавившаяся от мракобесия, еще долгое время сохранявшегося в странах Западной Европы.

Так, рассуждая о распространении в Османской империи всевозможных обрядов и заговоров, Липранди указывает, что подобные суеверия существовали еще недавно и в Европе. Более того, европейские народы, убежденные в существовании вампиров, оскверняли могилы, отрубали покойникам головы и вонзали им в сердца колья. И все эти предрассудки ходили не только в народе, но их разделяли даже церковные деятели и короли!

«Наконец, не утверждено ли существование магии, на разных церковных соборах, и многими указами французских королей, из коих последний состоял уже в 1682-м году. [...] Какая противоположность со здравым смыслом великого преобразователя России, который около этого же времени написал Воинский устав; «строго запрещающий верить и жестоко наказывающий чернокнижников, заговаривателей, суеверных и богохульных чародеев»²⁵, – пишет автор. И далее: «Это происходило в то время, когда Петр Великий положил уже основание образования монархии своей, изгнав многие предрассудки – которые ныне более всего чужды России»²⁶.

Пространственное восприятие «Другого» для Липранди, как и для представителей первой модели описания, отходит на второй план. Для него жители Османской империей являются «Другими» только потому, что они еще не до конца смогли усвоить все достижения европейского просвещения. Происходит сознательная подмена пространственных значений временными: все подданные султана – это «Другие», и им еще только предстоит стать «своими». Не случайно И. П. Липранди сравнивает турок с людьми, «которые в отношении к телесным силам и способностям совершенно возмужали, в нравственном же и умственном еще малолетние»²⁷.

Таким образом, в начале XIX в. не только шел активный поиск языка описания южных славян²⁸, но одновременно происходило осмысление места балканских народов в современной Европе. Можно говорить о том, что в первые годы XIX в. в среде российских путешественников существовало как минимум две модели репрезентации южных славян. В соответствии с

«мифологизирующей» моделью славяне рассматривались как историческая и географическая периферия, служащая границей между «Своими» и «Другими». Сторонники «энциклопедической» модели, развивавшейся в русле накопления позитивного знания, вообще не выделяли славян как отдельную категорию, рассматривая их лишь как подданных Османской империи. В 30-е гг., в связи с возникновением концепции «народности», первая тенденция начинает преобладать, вторая же, не имеющая мощной поддержки в академической среде, постепенно утрачивает свои позиции. Российского читателя в 1830-е гг. интересовали не столько южные славяне, сколько возможность их идеологического использования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Виноградов В. Н.* Двуглавый российский орел на Балканах. 1683–1914. М., 2010. С. 113.

2 Там же. С. 85–89.

3 Там же. С. 120–125; *Зорин А.* Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2004. С. 31–64; *Белов М. В.* «Греческий проект» и имперское наследие российской внешней политики в постсоветской историографической ситуации // Люди и тексты. Исторический альманах. Информационное пространство истории. М., 2014. С. 328–349; и др.

4 *Виноградов В. Н.* Двуглавый российский орел... С. 119–123; *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос: Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX века. М., 1972. С. 42–62; *Достян И. С.* Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980. С. 68–70; *Грачев В. П.* План создания «нового порядка» на Балканах и негативные последствия его неудачной реализации в первой половине 1807 г. // Двести лет новой сербской государственности. К юбилею Первого сербского восстания 1804–1813 гг. СПб., 2005. С. 65–71.

5 *Куприянов П. С.* Представления о народах у российских путешественников начала XIX в. // Этнос и культура. 2004. № 2. С. 25.

6 *Керимова М. М.* Югославянские народы и Россия. Этнографические сюжеты в публикациях и документах первой половины XIX в. М., 1997. С. 24–25; *Калоева И. А.* Изучение южных славян в России в XVIII – первой половине XIX в. М., 2002. С. 11.

7 О путешествиях российских служащих на Балканы см.: *Белов М. В.* «Службное» славяноведение в России первой половины XIX

века // Славяноведение. 2012. № 4. С. 53–68; Белов М. В. Варвары или братья? Балканские славяне глазами русских наблюдателей первой половины XIX в. // Цивилизация и варварство: Парадоксы победы цивилизации над варварством. М., 2013. С. 316–335; Белов М. В. Русские путешественники и дипломаты на Балканах в начале XIX века: поиск языка описания // Политическая культура и международные отношения в новое и новейшее время. Н. Новгород, 2009. С. 105–119; Лотман Ю. М. Рукопись А. Кайсарова «Сравнительный словарь славянских наречий» // Труды по русской и славянской филологии: I. Тарту, 1958. С. 191–203; Достян И. С. Миссии русских государственных деятелей и военных в Сербском княжестве в 30-е гг. XIX в. // Национальное возрождение балканских народов в первой половине XIX века и Россия. М., 1992. Ч. 1. С. 123–149; Достян И. С. Об описании Сербии, сделанном в 1830-м г. русским офицером Розелином-Сашальским // Славянское возрождение. М., 1966. С. 104–116; и др.

8 Изучению путешествий посвящена значительная литература: Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790–1840. СПб., 2004; Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003; Todorova M. Imagining the Balkans. New York, 1997; Куприянов П. С. Представления о народах у российских путешественников...; Куприянов П. С. Русское заграничное путешествие начала XIX века: парадоксы литературности // Историк и художник. 2004. № 1. С. 59–73; Рош Д. Путешествия // Мир Просвещения. Исторический словарь. М., 2003. С. 359–368; Русский травелог XVIII–XX веков. Новосибирск, 2015; и др.

9 Белов М. В. «Служебное» славяноведение... С. 55.

10 Нойман И. Использование «Другого»: Образы Востока и формирование европейской идентичности. М., 2004; Куприянов П. С. Представления о народах у российских путешественников...; Дюше М. Мир цивилизации и мир дикарей. Основы антропологии у философов // Век Просвещения. М.; Париж, 1970. С. 251–278; Человек на Балканах глазами русских. СПб., 2011; и др.

11 Белов М. В. Варвары или братья?.. С. 316–317.

12 Так их характеризовал, в частности, советник Коллегии иностранных дел, полковник С. Ю. Пуков, посетивший Черногорию в 1759 г. См.: Белов М. В. Русские путешественники на Балканах... С. 110–111.

13 Шёнле А. Подлинность и вымысел... С. 16–18.

14 Нойман И. Использование «Другого»... С. 38.

15 Броневский В. Б. Записки морского офицера, в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дми-

трия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год. СПб., 1818. Ч. I. С. 192. О «славянской античности» в XVIII–XIX вв. см., например: *Зорин А.* Кормя двуглавого орла... С. 31–156; *Кнабе Г. С.* Русская античность. Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. М., 2000.

16 *Броневский В. Б.* Путешествие от Триеста до С.-Петербурга, в 1810 году. М., 1828. Ч. I. С. 53–54.

17 Там же. С. 54–55.

18 Там же.

19 *Белов М. В.* Варвары или братья?.. С. 320–321.

20 *Куприянов П. С.* Представления о народах у российских путешественников... С. 30.

21 *Энегольм Е. И.* Записки о городах забалканских, занятых российскими войсками в достопамятную кампанию 1829 года. СПб., 1830. С. 54.

22 *Ишутин В. В.* Иван Петрович Липранди (1790–1880) // Советское славяноведение. 1989. № 2. С. 85–94. Там же приведена подробная библиография о жизни и деятельности И. П. Липранди.

23 Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 673. Оп. 1. Д. 138–216.

24 Там же. Д. 217. Л. 132.

25 Там же. Л. 30об.

26 Там же. Л. 44.

27 Там же. Л. 58об.

28 *Белов М. В.* Русские путешественники на Балканах... С. 105–119.

К. А. Kasatkin

Slavic regions of Ottoman Empire described by Russian travellers
in the first third of the 19th century

The article on the material of published and unpublished sources analyses the ways how Russian travellers described South Slavs in the first third of the 19th century. An attempt is made to reveal the model of representation they used and to show how the place of Slavs in the European image of the world was comprehended.

Keywords: *travel, Balkan peninsula, South Slavs, I. P. Liprandi, V. B. Bronevski.*

*О. С. Сапожникова
(Санкт-Петербург)*

Экземпляры из личной библиотеки О. М. Бодянского в Библиотеке Бестужевских курсов

Статья посвящена не известным ранее экземплярам из личной библиотеки знаменитого слависта XIX в. О. М. Бодянского. Фрагмент библиотеки Бодянского сохранился в составе собрания профессора Санкт-Петербургского университета И. А. Шляпкина, страстного коллекционера, целенаправленно собиравшего книги из распроданных библиотек знаменитых деятелей. Часть собрания Шляпкина сохранилась в фонде «Библиотека Бестужевских курсов» в составе Научной библиотеки Санкт-Петербургского университета, основная – в фондах Саратовского государственного университета. Выявленные экземпляры позволяют надеяться, что еще возможны находки фрагментов библиотеки Бодянского среди экземпляров собрания Шляпкина.

Ключевые слова: *О. М. Бодянский, славянская библиотека, славянское возрождение, И. А. Шляпкин, В. Ганка, Библиотека Бестужевских курсов, книжные дары, экслибрисы.*

В последние десятилетия отечественные исследователи проделали большую работу по выявлению и описанию знаменитой коллекции О. М. Бодянского, собранной им во время научной командировки по славянским землям в 1837–1842 гг. Готовясь занять в Московском университете новую кафедру – «истории и литературы славянских наречий», – ученый создал фундаментальную базу для преподавания на ней соответствующих дисциплин. Как писал современник Осипа Максимовича К. Гавличек-Боровский, «едва ли у кого найдется такое прекрасное собрание на всех славянских наречиях, как у него»¹. Книги в количестве более 2000 экземпляров были приобретены Университетом в 1843 г. и сохранились до наших дней в фондах Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ. Университетская коллекция О. М. Бодянского сохранилась в количестве 2349 томов², ее состав рассматривался в работах Н. И. Сафоновой³, Н. М. Пашаевой⁴, Л. Ю. Аристовой⁵, М. О. Мельниченко⁶ и др. В 2000 г. вышел из печати каталог Л. Ю. Аристовой «Славянская учебная библиотека О. М. Бодянского», насчитывающий 1792 издания на славянских языках. По мнению автора каталога, «это едва ли

не единственная славянская библиотека, подобранная крупным учебно-специально для нужд обучения студентов»⁷.

Известно, что помимо «учебной» библиотеки, О. М. Бодянский за свою жизнь собрал и большую личную коллекцию книг и рукописей, из них славянская часть составляла более 1000 томов. Судьба ее оказалось печальной. После кончины ученого его вдова предложила личную коллекцию Осипа Максимовича Московскому университету, «который оценил библиотеку в 12 тысяч рублей. Сведения о продаже библиотеки были переданы в Министерство, началась волокита, которая длилась более двух лет, после чего библиотеку за три тысячи рублей, без шкафов, в количестве семи ломовых возов, продали книготорговцу А. А. Астапову»⁸. Впоследствии 200 книг с «семи ломовых возов» были приобретены известным коллекционером-библиофилом П. В. Щаповым, собрание которого по завещанию было передано в Исторический музей, а затем – в основанную в 1938 г. на фондах музея Государственную публичную историческую библиотеку. В 1996 г. вышел каталог «Сербская книга эпохи национального возрождения (конец XVIII в. – 1878 г.) в фондах ГПИБ России», составленный Н. М. Пашаевой. Исследовательница опубликовала библиографические описания 471 сербского издания, из которых 114 происходят из собрания Бодянского. Особенность состава этой коллекции объясняется тем, что Щапов, собиравший, как правило, только русские книги, «не отказался от сербских, и в его библиотеке оказалось более двухсот сербских изданий эпохи национального возрождения, более ста из которых имеют автографы Бодянского»⁹.

Важной для славистики находкой стали экземпляры из личной коллекции Бодянского в Российской государственной библиотеке в количестве 102 единиц хранения. Предварительный каталог этого собрания был опубликован Аристовой в 2009 г.¹⁰ На книгах из личного собрания Бодянского, как правило, читаются дарственные записи деятелей славянского возрождения, с которыми он был знаком лично и многие годы вел научную и дружескую переписку. Еще одна отличительная особенность книг Бодянского – это его записи о месте и времени приобретения экземпляров. Значительная часть книг Бодянского помечена штампами-экслибрисами известного чешского будителя Вацлава Ганки, поскольку его книжная коллекция была практически полностью приобретена русским славистом.

Помимо указанных фрагментов личной библиотеки Бодянского, отдельные экземпляры из нее были выявлены исследователями в фондах Библиотеки Академии наук, в собрании редких книг и

рукописей Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета, Государственном литературном музее А. С. Пушкина¹¹.

Неизвестные экземпляры из библиотеки О. М. Бодянского были обнаружены недавно в восстановленном за последние годы фонде «Библиотека Бестужевских курсов» в составе Научной библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета*. Петербургские Высшие женские (или Бестужевские) курсы всегда славились своим педагогическим составом: здесь преподавали знаменитые ученые, лучшие профессора Санкт-Петербургского университета. Историко-филологическое отделение курсов было представлено такими именами, как О. Ф. Миллер, И. А. Бодуэн де Куртене, Л. В. Щерба, В. С. Соловьев, А. Н. Веселовский, И. В. Ягич, М. Р. Фасмер, С. А. Венгерова, Л. П. Карсавин, И. М. Гревс, М. Д. Приселков, П. А. Лавров, А. В. Карташев, С. Ф. Платонов и др.¹² Преподаватели в дар библиотеке Курсов преподносили свои труды, а некоторые передавали и целые собрания, поэтому фонд Бестужевской библиотеки содержит внушительное количество экземпляров с их дарственными записями, адресованными в библиотеку и ее сотрудникам, коллегам, ученикам, родным и близким¹³. Преподававший на курсах профессор И. А. Шляпкин при жизни пожертвовал курсам около тысячи экземпляров из своей знаменитой коллекции¹⁴. Будучи и страстным библиофилом, и ученым, он целенаправленно собирал не только раритеты и выдающиеся образцы рукописного и издательского искусства, но и экземпляры несохранившихся библиотек выдающихся деятелей. По словам самого Шляпкина, «антиквар в душе, [я] собрал коллекцию русских древностей, картин, гравюр и библиотеку, имеющую в нынешнем 1907 г. свыше 10 000 названий. Пополнял ее из разгромленных библиотек О. М. Бодянского, А. Н. По-

* Книжное собрание Высших женских («Бестужевских») курсов дошло до наших дней и располагается по-прежнему в своих исторических интерьерах в здании на Васильевском Острове (10-я линия, д. 31/33/35, ныне Институт наук о Земле СПбГУ). В 1919 г. Курсы слились с Петроградским (ныне Санкт-Петербургским) университетом, включая библиотеку, которая входит теперь в состав Научной библиотеки СПбГУ. Историческая расстановка книг Библиотеки курсов (ныне сектор «Библиотека Бестужевских курсов») сохранена; поступавшие с XIX в. собрания преподавателей Университета и жертвователей стоят на тех же местах и шифрах, которые были присвоены им библиотекарями, трудившимися здесь еще до 1917 г.

пова, О. Ф. Миллера, Н. И. Надеждина, К. А. Коссовича, Эттингера, А. Т. Болотова (масона), д-ра Дункана, М. Н. Островского, А. Н. Пыпина, Г. В. Есипова»¹⁵. Упомянутые «10» тысяч названий были переправлены Шляпкиным на «16» в экземпляре, подаренном Публичной библиотеке в 1916 г. На приобретенных из частных собраний книгах Илья Александрович делал пометы: «Из книг покойного Бодянского», «Экземпляры из сгнившей библиотеки Н. И. Надеждина», «= Orest Müller. † 1889» и т. д. Благодаря этим пометам стало возможным представление о некоторых несохранившихся в своем единстве частных библиотеках¹⁶.

Большой интерес в собрании Шляпкина, которое сохранилось в Библиотеке курсов в количестве ок. 700 томов, представляет славистическая коллекция¹⁷. Среди ее экземпляров – шесть чешско-словацких книг, одно сербское издание и одно немецкое, происходящие из собрания О. М. Бодянского. На трех из восьми выявленных экземпляров сохранились записи ученого с указанием даты и места их приобретения (рис. 1), на одном – указание на дарителя, П.-Й. Шафарика (см. Описание, № 1), под руководством которого русский ученый изучал чешский язык в Праге, а также автограф Шафарика: «Jos. Vodjanskemu Šafarik». На титульных листах книг встречаются штампы-эклибрисы Ганки «Z Hankowuh» и автографы, где упоминаются старшие его современники, знаменитые слависты Йозеф Добровский и Франтишек Томша (см. Описание, №№ 3, 4). Поскольку Ганка был сотрудником Чешского национального музея и имел возможность приобретать дублиеты, на его книгах встречаются и печати музея (рис. 2). Два экземпляра заслуживают особого внимания: их переплеты изготовлены из пергаменных листов латинских рукописей XII и XIV–XV вв., – Шляпкин в обоих случаях отметил: «NB переплетъ» (см. Описание, №№ 2, 4, рис. 3). Представляется, что Ганка, известный своей «находчивостью» при продаже раритетов и даже подделок, мог таким образом увеличивать стоимость приобретаемых у него книг. На всех томах – пометы И. А. Шляпкина об их происхождении из собрания Бодянского (рис. 4).

Необходимо отметить, что самая значительная часть собрания И. А. Шляпкина – около 15 тысяч единиц – поступила в 1918 г., согласно воле ученого, в Саратовский университет¹⁸. После Великой Отечественной войны некоторые древнерусские и исторического содержания рукописи из собрания профессора были переданы в ЦГАЛИ, а затем в составе фонда ЦГАЛИ – в РГАДА (фонд № 187)¹⁹. Основная же коллекция старопечатных книг, изданий Нового времени,

брошюр, рукописей и архивных материалов из собрания И. А. Шляпкина хранится по-прежнему в Зональной научной библиотеке имени В. А. Артисевич Саратовского государственного университета. Периодически ее сотрудники сообщают в своих работах о ценных рукописных и печатных экземплярах из коллекции Ильи Александровича²⁰. Есть все основания полагать, что какие-то фрагменты собраний, названные в процитированной выше автобиографии Шляпкина «спасенными», хранятся именно в фондах Саратовского университета. Во всяком случае, книги с экслибрисами Ганки известны авторам виртуальной выставки «Книжные знаки в собрании научной библиотеки Саратовского университета»²¹. К сожалению, книжные знаки не сопровождаются выходными данными книг или описаниями экземпляров, в которых они встречаются, но вполне логично предположить, что владельческие штампы-экслибрисы Ганки имеют прямое отношение к собранию Шляпкина-Бодянского и др. деятелей.

Как написала Л. Ю. Аристова в сборнике в честь 200-летия со дня рождения знаменитого русского и украинского слависта, «дальнейший поиск книг из личной библиотеки О. М. Бодянского даст нам возможность зафиксировать и сохранить собранные им книги, в частности, издания славянских будителей, из тиражей которых остались, возможно, считанные, а быть может, и вовсе уникальные экземпляры»²². По-видимому, исследователей личного собрания Бодянского ждут находки именно в фондах Саратовской библиотеки среди рукописей и изданий, спасенных профессором Шляпкиным. В данном сообщении представлен маленький каталог экземпляров из личной библиотеки О. М. Бодянского, выявленных в составе собрания И. А. Шляпкина в фонде «Библиотека Бестужевских курсов».

Описание книг из личной библиотеки О. М. Бодянского

Шифры книг библиотеки Высших женских курсов (ВЖК) соответствуют современным шифрам Сектора «Библиотека Бестужевских курсов» Научной библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета. Инвентари (инв.) соответствуют инвентарным номерам библиотеки И. А. Шляпкина, присвоенным самим владельцем.

1. ВЖК. XXXI.3.15 инв. Б.Ш. 1223

Čelakovski, František Ladislav (1799–1852)

Čtení o strojnavací mluvnici slovanské na universitě pražské / [Соч.] Františka Ladisl. Čelakovského. – V Praze: V komisi u F. Řivnáče, 1853. – XII, 357 с.; 22 см. – (Novočeska bibliotéka, XVII).

На обл. дарственная запись П.-Й. Шафарика: «Jos. Vodjanskemu Šafarik».

На обор. обл. владельческая запись: «О. Бодянского. Отъ Шафарика. 26/XI 1854 г. Москва».

Штамп библиотеки И. А. Шляпкина на обл. и тит. л., здесь же рукой И. А. Шляпкина: «Библиотеки Шляпкина».

2. ВЖК.ХХХI.3.22 инв. Б.Ш. 93

Kollar, Jan. (1793–1852)

Čítanka anebo kniha k čítánj pro mládež we sskolách slowanských [...]. – Budín: w Králowske uniwersické tiskarne, 1825. – 231, [4]; 21 см.

Рукой И. А. Шляпкина на обороте верхней крышки переплета: «Куплена после † О. М. Бодянского. Принадлежала Вяч. Ганкѣ (NB переплетъ)».

На тит. л. штамп-эклибрис Вацлава Ганки: «Z Hankowuch».

Переплет обтянут пергаменным листом из латинской рукописи XII в. с хорошо сохранившимся текстом в два столбца.

Штамп библиотеки И. А. Шляпкина на тит. л. и верхн. крышке переплета.

3. ВЖК.ХХХI.4.23 инв. Б.Ш. 1267

Kronyka cýrkewní u níž se příběhy a příběhy cýrkive české [...] / seps. [...] od Bohuslawe Bjlégowskeho [...] ; wyd. s předm. a mnohými zazn. od Jozefa Skalického. – Praha : Vetterl z Wildenbrunu, 1816. – [10], 150, [2] с.; 1 л. карт.; 17 см.

На тит. л. запись В. Ганки: «Od Dobrowského 9 čerwna 1816. Hanka». Здесь же печать-эклибрис В. Ганки красной тушью: «Z Hankowuch» и печать Национального музея в Праге красной тушью: лев в шестиугольнике.

На листе с посвящением под словами «Kněz wydawatel» подпись: «Ditrich rodič Skalecký».

На обор. верхн. крышки переплета запись И. А. Шляпкина: «Библиотеки Шляпкина (от † Бодянского) № 1267».

Запись на тит. л.: «Библ. Шляпкина № 1267», здесь же штамп библиотеки И. А. Шляпкина.

4. ВЖК.ХХХI.7.29 инв. Б.Ш. 22

Tomsa, František Jan (1753–1814)

Über die Veränderungen der českischen Sprache, nebst einer českischen Chrestomathie seit dem 13. Jahrhunderte bis jetzt / von Franz Tomsa. – Prag : F. Tomsa, 1805. – 263 с.; 20 см.

На тит. л. под именем автора запись, по-видимому, рукой В. Ганки: «† 1 Nov. 1814. Pragaе, 64 annorum». Здесь же штамп-эклибрис В. Ганки: «Z Hankowuch».

На внутр. стор. верхн. крышки переплета рукой Шляпкина: «Книга эта куплена у Бодянского. Принадлежала Вяч. Ганкѣ (NB переплетъ). Почеркомъ Ганки надпись о Томшѣ».

На форзаце, тит. л., верхней крышке переплета – штамп библиотеки И. А. Шляпкина.

В тексте встречаются пометы, выполненные красными чернилами.

Переплет изготовлен с использованием пергаменного листа из латинской рукописи XIV–XV вв. с хорошо сохранившимся текстом.

5. ВЖК.ХХХI.8.26 инв. Б.Ш. 1268

Dobrovský, Josef (1753–1829)

Slavin: Beiträge zur Kenntniss der slavischen Literatur, Sprachkunde und Alterthemer, nach allen Mundarten / von Joseph Dobrowsky [...]. – Prag: in der Herrlichen Buchhandlung, 1808. – 479 с.; 3 л. илл.; 19 см.

Экз. дефектн.: отсутств. тит. л., с. 1–320 и 3 л. илл.

На тит. л. штамп красной тушью Библиотеки Национального музея в Праге: «Nat. Bib. Mus. 1818». Здесь же рукой И. А. Шляпкина: «Сборникъ статей о славянщинѣ».

На обороте верхней крышки переплета владельческая запись: «О. Бодянского. 1843. Москва». Здесь же рукой И. А. Шляпкина: «Библ. Шляпкина № 1268»; («Dobrowski/ Slawin»).

Штамп-эксlibрис библиотеки И. А. Шляпкина на тит. л. и на вклеенной гравюре.

6. ВЖК.ХХХII.2.14 инв. Б.Ш.1258

Šafarik, Pawel Josef (1795–1861)

Počátkové staročeské mluwnice: Úvod k výboru staročeské literatury / od Josefa Šafaríka. – Praha: C.k. dworní knihtisk. Synů Boh. Háze, [1845]. – 118 с.; 23 см.

На обор. верхн. крышки переплета рукой И. А. Шляпкина: «Изъ книгъ О. М. Бодянского».

На форз. и тит. л. штамп библиотеки И. А. Шляпкина.

7. ВЖК.ХХХII.4.72 инв. Б.Ш.427

Карацић, Вук Стефановић (1787–1864)

Српски рјечник истолкован њемачким и латинским ријечма, скупио га и на свијет издао Вук Стефановић. – У Бечу (Wien, Viennae): P. P. Armenirn, 1818. – LXXII, 928 с.; 22 см. – Паралл. загл. на нем. и латин. яз.

На обор. верхн. крышки переплета владельческая запись: «О. Бодянского. 1838 11/3-14 Прага». Здесь же: «3 зл. ср.».

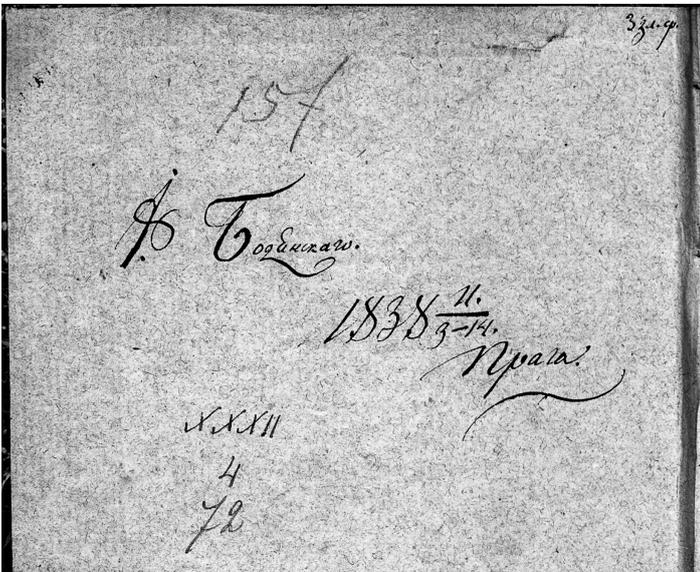

Рис. 1. Владельческая запись О. М. Бодянского. 1838 г.

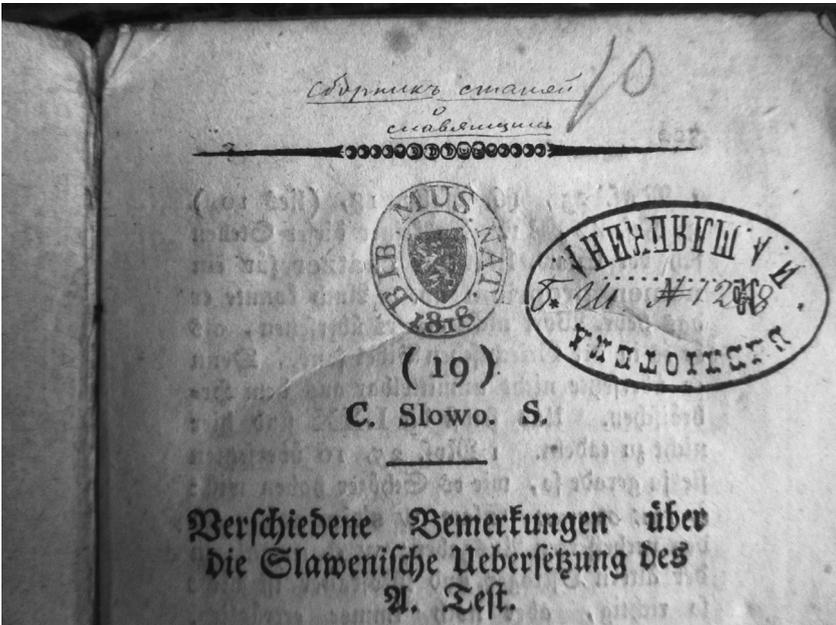

Рис. 2. Печать библиотеки Национального музея в Праге и штамп-экслибрис И. А. Шляпкина

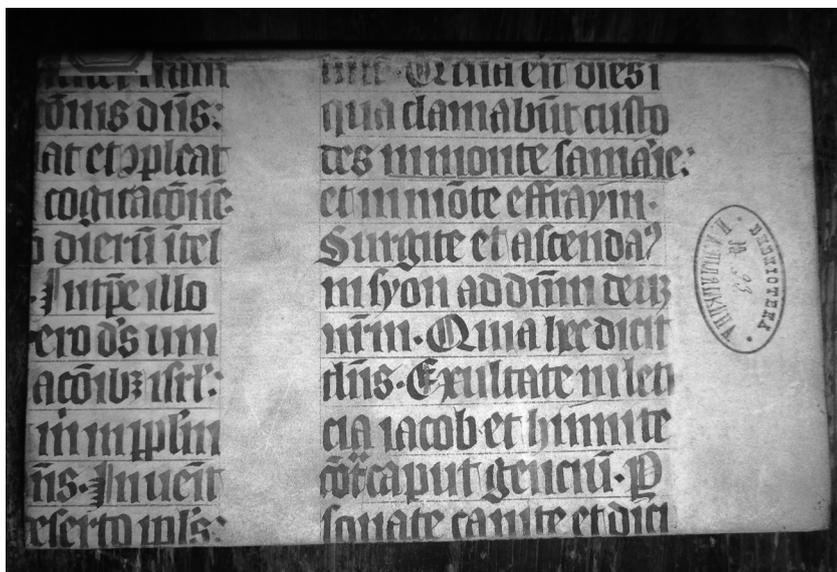

Рис. 3. Переплет из пергаменного листа латинской рукописи XII в.

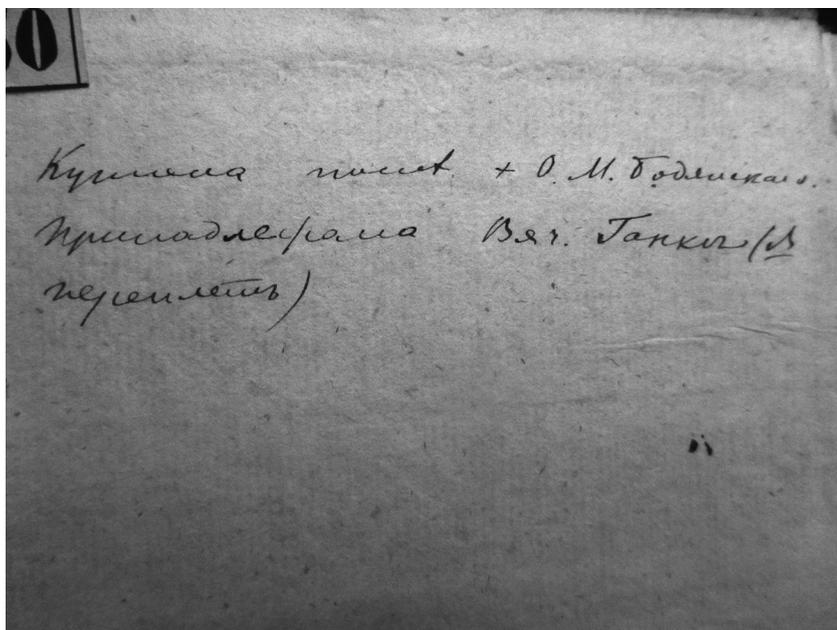

Рис. 4. Запись И. А. Шляпкина на экземпляре О. М. Бодянского

На тит. л. штамп-эксlibрис библиотеки И. А. Шляпкина, на форзаце рукой И. А. Шляпкина: «Библиотеки Шляпкина № 427».

8. ВЖК.ХХХII.8.45 инв. Б.Ш.1252

Pertz, Carl August Friedrich (1828–1881)

De Cosmographia Ethici Libri tres / scripsit Karolus Augustus Fridericus Pertz; accredit tabula. – Berolini : Sumptibus Friderici Nicolai, 1853 – VIII, 197 с.: 1 л. илл. ; 22 см.

На обороте авантитла рукой Шляпкина: «Изъ книгъ покойного Бодянского».

На обл. и тит. л. штамп библиотеки И. А. Шляпкина.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Рокина Г. В.* О. М. Бодянский и словаки // О. М. Бодянский и проблемы истории славяноведения (К 200-летию со дня рождения ученого). Сб. статей. М., 2009. С. 115.

2 *Сафонова Н. И.* Личные библиотеки в собрании отдела редких книг и рукописей научной библиотеки им. А. М. Горького МГУ // Рукописная и печатная книга в фондах Научной библиотеки Московского университета. М., 1973. Вып. 1. С. 76.

3 Там же. С. 74–91.

4 *Пашаева Н. М.* Славянская библиотека О. М. Бодянского // Советское славяноведение. 1982. № 1. С. 94–103; *Пашаева Н. М.* Библиотека О. М. Бодянского // Из фонда редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета. М., 1993. С. 38–49.

5 *Аристова Л. Ю.* Концепция учебной библиотеки на примере «славянской» библиотеки О. М. Бодянского // Вісник Одеського Національного Університету. Серія: Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. 2008. Т. 13. Вип. 8. С. 273–277; *Аристова Л. Ю.* Осип Максимович Бодянский как источниковед и исследователь славянских языков. Дисс. ... канд. филолог. н. М., 2008.

6 *Мельниченко М. О.* Первые шаги О. М. Бодянского по созданию Славянской библиотеки // О. М. Бодянский и проблемы истории славяноведения... С. 173–179.

7 *Аристова Л. Ю.* Славянская учебная библиотека О. М. Бодянского: Каталог / Под ред. В. П. Гудкова. М., 2000. 336 с.

8 *Аристова Л. Ю.* Концепция учебной библиотеки... С. 276.

9 Сербская книга эпохи национального возрождения (конец XVIII в. – 1878 г.) в фондах ГПИБ России / Сост. Н. М. Пашаева; ред. Н. Ф. Чернышева. М., 1996. С. 5.

10 *Аристова Л. Ю.* Фрагмент книжного собрания О. М. Бодянского в РГБ // О. М. Бодянский и проблемы истории славяноведения... С. 180–209.

11 *Аристова Л. Ю.* Славянская учебная библиотека О. М. Бодянского... С. 21.

12 *Федосова Э. П.* Бестужевские курсы — первый женский университет в России (1878–1918 гг.). М., 1980.

13 *Востриков А. В.* Библиотека Бестужевских курсов: историческая хроника в свидетельствах и документах. СПб., 2009.

14 *Востриков А. В., Лейбова А. В., Лейбов К. Г.* Библиотека Высших Женских курсов: собрание И. А. Шляпкина // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. М.; СПб., 1995. Вып. 2. С. 398–413.

15 *Шляпкин И. А.* Для немногих: Автобиограф. заметка проф. И. А. Шляпкина. СПб., 1907. С. VI–VII.

16 *Сапожникова О. С.* «Сгнившая» библиотека Н. И. Надеждина: находки в собрании И. А. Шляпкина // Пушкин и его современники: Сборник научных трудов. Вып. 6 (45). СПб. (в печати).

17 *Сапожникова О. С.* Славистическая коллекция в мемориальном собрании И. А. Шляпкина: неизвестные автографы деятелей славянского возрождения // Вестник Альянс-археологический. Вып. 12. М.; СПб., 2015. С. 71–81.

18 *Кузнецова Ю. А.* Коллекции Отдела рукописей, древних и редких книг библиотеки СГУ // Ученые записки Саратовского государственного университета. Саратов, 1947. Т. 17. Вып. исторический. С. 271–281; *Перетц В. Н.* Описание собрания рукописей проф. И. А. Шляпкина, принесенного в дар владельцем Саратовскому государственному университету (ч. 1) // Археографический ежегодник за 1959 г. М., 1960. С. 363–413.

19 *Пушкарев Л. Н.* Рукописные сборники литературного характера Центрального Государственного литературного архива СССР // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1954. Т. 10. С. 459–465.

20 *Конькова Н. А.* Рукописный сборник «Всію» конца XVIII века в собрании И. А. Шляпкина // Редкие книги: Сб. ст. / Отв. ред. Н. А. Попкова; отв. за вып. А. В. Зюзин. Саратов, 2001. С. 25–31 (Редкие книги Зональной научной библиотеки СГУ; Вып. 21); Певческие рукописи XVII–XIX вв.: Каталог. Саратов, 2000 (Редкие книги Зональной научной библиотеки СГУ; Вып. 19).

21 <http://library.sgu.ru:8080/ex1/gallery.aspx?cat=1&page=4>

22 Аристова Л. Ю. Фрагмент книжного собрания О. М. Бодянского... С. 185.

O. S. Sapozhnikova

Books from the private library of O. M. Bodyansky
in the Library of the Bestuzhev courses

The author informs about previously unknown instances from the private library of the famous Slavist O. M. Bodyansky. Bodyansky library's fragment was preserved as a part of the collection of I. A. Shlyapkin, professor of St. Petersburg University, a passionate collector, who intentionally collected books from the sold libraries of the famous persons. A part of Shlyapkin's collection remained in the fund of «Bestuzhev courses' library» in the Scientific Library of St. Petersburg State University, the main part of this collection is placed in Saratov State University. Recognition of these books lets us hope to identify the Bodyansky library's fragments among the other instances of Shlyapkin's collection.

Keywords: *O. M. Bodyansky, Slavic library, Slavic Revival, I. A. Shlyapkin, W. Hanka, book gifts, ex-libris, the Library of the Bestuzhev courses.*

Н. Н. Старикова
(Москва)

По следам словенского футуризма: загадка Антона Подбевшека

В статье рассматриваются отдельные поэтические опусы словенского поэта-экспериментатора Антона Подбевшека, которые свидетельствуют о том, что для словенской авангардной поэзии 1920-х гг. были характерны футуристические тенденции.

Ключевые слова: *Антон Подбевшек, пролетарское искусство, футуризм, звукопись.*

В словенской литературе период между двумя мировыми войнами характеризуется атмосферой свободного творческого поиска и значительного эстетического плюрализма, следствием которых стали бесспорные художественные достижения. Существенное влияние на обновительные процессы в словенском искусстве 1920-х гг. оказала поэтика авангарда. В определенной степени почва для проникновения в национальную литературную традицию новых революционных тенденций была подготовлена теми переменами в повседневной практике и мироощущении человека и человечества, которые принес с собой XX век: его общественно-исторические катаклизмы, научно-технический прогресс, новые условия и ритмы жизни. Идеальный и духовный кризис, который вместе с большинством народов Европы переживало словенское общество после Первой мировой войны, требовал новой точки опоры – нового мировосприятия, необходимого человеку, реальность которого превратилась в ужасающие развалины, – подталкивал художника к новым поэтическим исканиям. При этом для словенских авторов, видящих в национально-охранительном пафосе важнейшую задачу художественного слова, эстетическая революция с самого начала предусматривала более лояльное, чем в западноевропейских литературах, отношение к национальной традиции, т. е. заведомо более «мягкую» модель авангардного искусства. Однако последние опубликованные в Словении архивные материалы, их анализ и научные комментарии свидетельствуют о том, что не всех словенских литераторов, синтезировавших старое и новое, можно считать приверженцами умеренного пути обновления

поэтики¹. В первую очередь это касается Антона Подбевшека (1898–1981), тяготевшего в своем творчестве к радикальному эксперименту, к поэтике авангарда в ее футуристическом выражении.

Антон Подбевшек (1898–1981) остается одной из самых загадочных фигур словенской литературы XX в., его новаторские, идущие в ногу со временем художественные находки опровергают известный тезис о ее «пожизненном» отставании от «больших» литератур. Пережив стремительный взлет в начале 1920-х (большая часть стихотворений датируются 1919–1922 гг.), в 1928 г. он оставляет большую поэзию, занимаясь в дальнейшем издательской деятельностью. Из забвения в середине 1950-х гг. имя Подбевшека возвращают эссе и статьи, написанные В. Бартолом и Ф. Петре², это подвигает поэта к попытке вернуться на поэтическую сцену, но неудачной. Однако его поэтическую судьбу все же можно назвать состоявшейся – еще при жизни Подбевшек получил национальное признание, как выдающийся представитель национального авангарда вошел в первую антологию «Дорога в ночи. Словенская футуристическая и экспрессионистическая лирика» (1966), особенностям его стиля был посвящен ряд монографий, например, К. Шаламун-Беджицкой «Антон Подбевшек и его время» (1972), М. Мушича «Весна в Новом Месте» (1974) и др.³ Творческое наследие Подбевшека сравнительно невелико, его составляют произведения, опубликованные в первой половине 1920-х гг., радиозапись прозвучавших в эфире стихов (1958) и уцелевшие рукописные и машинописные тексты, хранящиеся в Национальной библиотеке.

В шестнадцать лет, возможно, под воздействием манифеста Ф. Т. Маринетти, о котором упоминали в словенской литературно-критической периодике⁴, Подбевшек написал стихотворный цикл «Желтые письма», сделав первый шаг к искусству футуристического авангарда:

Я порывист – крайности меня захватили: и...а...и...а...
 Но начатое я довел до конца: а...а...и...и...
 Хотя меня и дразнили кликуши: хи...хи...хи...хи...
 Культура и цивилизация стыло пророчили: кра...кра...кра...

По мнению М. Довича, это был первый собственно «авангардный жест» словенской футуристической поэзии, который в силу обстоятельств оказался за рамками литературного процесса и не повлиял на него⁵. Редакция ведущего словенского литературно-критического

журнала «Люблянский звон» в лице ее главы Я. Шлебингера отказала никому не известному амбициозному юнцу в публикации этой «коллекции ребусов, которая [...] скорее привлечет психиатра, чем эстета»⁶, в итоге полностью цикл «Желтые письма» впервые увидел свет через три четверти века (!!!), в 1990 г.⁷ Другой новацией Подбевшека стало внедрение в культурный обиход нового для словенской культуры интерактивного способа бытования литературы, отвечающего духу времени, – публичных выступлений с чтением поэтических произведений, иногда под музыку, и их анализом. Впоследствии он неоднократно обращал внимание на свою роль первопроходца: «[...] осенью 1914 г. я впервые в Словении начал устраивать в Новом Месте литературные вечера [...] для гимназистов»⁸; «До моих выступлений у нас не было традиции литературных вечеров [...], именно я познакомил словенцев с этой новой формой общения поэта с читательской аудиторией»⁹. Такой формат взаимодействия с публикой Подбевшек вместе с друзьями и коллегами по авангардному цеху – художником Б. Якацем и композитором М. Когоем – применил в Новом Месте и Любляне для проведения публичных художественных акций, в некотором смысле предшествовавших современным перформансам. Отношение к этим выступлениям было крайне неоднозначным. После одного из них, состоявшегося 12 ноября 1920 г. на сцене Люблянского театра драмы, где поэт представлял рукопись своего сборника «Человек с бомбами», в печати был опубликован памфлет известного психиатра А. Шерко, в котором автор стихов был безапелляционно назван психопатом¹⁰. А выражение «человек с бомбами» до выхода в 1925 г. книги ассоциировалось в общественном сознании с личностью самого поэта, человека, который с помощью слова готов взорвать реальность. «Свои легендарные выступления, – пишет Я. Вречко, – часто сопровождавшиеся импровизациями на рояле М. Когоя [...], поэт обычно начинал словами: “Антон Подбевшек – человек с бомбами”, после чего он нараспев, словно проповедь, декламировал свои стихи»¹¹. Существенен был также импровизационный момент: согласно сохранившимся документальным свидетельствам, выступавший живо переключался на актуальные гуманитарные и политические темы, высказывал весьма революционные взгляды на современную отечественную литературу и программу ее развития¹². Едва ли не первым в Словении Подбевшек начал проецировать постулаты авангардного искусства на личную повседневную практику поведения, превращая свою жизнь в художественный объект, выводя творческую составляющую за пределы искусства, в жизнь. Вы-

и
попал в философа с правой стороны.

Отскочил от него

и
опять полетел к мудрецу слева

и
отскочил вверх
под углом в 45 °.

и
когда

я
был
уже

довольно
высоко

в
воздухе,
я

вдруг
увидел
шагающие

через
триумфальную арку

миллионные
толпы

сражающихся
людей

со
всех
частей
света,

вооруженных

с
ног
до

головы.

Они двигались и двигались, растворяясь в бесконечной дали, как
огромные серые змеи.

Тут засияла луна,

и

я увидел низкорослых, истощенных людей,
шагающих шеренгами людей,
земля глухо гудела под их размеренным шагом,
и
небо эхом отражало их орлиное боевое пение.
[...]

Очевидно, что все уровни этого текста подчинены известной футуристической задаче: поразить, возмутить, эпатировать публику с помощью авторской системы средств воздействия на реципиента, который должен одновременно выступать в трех амплуа: читателя, зрителя и слушателя. Одним из излюбленных приемов Подбевшека была замена поэтических строф ритмизированным прозаическим текстом, эти опусы он называл не стихами, а «композициями». Такковы «Гимн царю радужных змей», «Чародей из ада», «Плясун в тюрьме».

В 1922 г. авангардные течения получают в Словении определенное организационное оформление: появляется первое художественное объединение «Клуб молодых», созданное Подбевшеком, Когоем и литературным критиком Й. Видмаром. В этом же году они учреждают первый словенский художественный журнал авангардистской направленности «Трие лабодье», который, однако, вышел всего в двух номерах. Подбевшек, не согласный с недостаточно революционной, по его мнению, «соглашательской» концепцией издания, покидает его и приступает к реализации более амбициозного проекта – вместе с Т. Селишкаром, Ш. Равникар и А. Церквеник учреждает свой авангардистский журнал «Рдечи пилот». «Топлива» этому летающему средству тоже хватило лишь на два номера, однако на его страницах были опубликованы несколько эссе Подбевшека на тему духовной революции в искусстве, которые можно назвать программными. Это «Отрывок об искусстве», «Отношения художника и государства» («Рдечи пилот», 1922, № 1) и «Политическое искусство» («Рдечи пилот», 1922, № 2). В первом тексте автор утверждает ведущую роль нового искусства в движении человечества к прогрессу, его активную позицию в революционном преобразовании жизни. Второе эссе конкретизирует этот вектор рассуждений: художник в современном обществе призван оздоравливать его самыми радикальными анархическими террористическими способами – взрывая идеи «как бомбы»¹³. В третьем эссе, которое словенские литературоведы квалифицируют как литературный революционный манифест,

автор, в контексте нападков на современную ему популяцию литераторов, провозглашает принцип революционной классовости литературы, призывая к борьбе с капиталистическим миропорядком, пролетарскому интернационализму и личному участию каждого революционного художника в преобразовании общества¹⁴.

В 1925 г. выходит единственный сборник Подбевшека «Человек с бомбами», в публикации которого большую практическую роль сыграла писательница Штефания Равникар, ставшая к этому времени женой поэта. Автор не внес никаких корректив ни в саму подборку, ни в порядок расположения стихов: фактически читатель имел перед собой точный сценарий его поэтических публичных выступлений начала 1920-х гг. При подготовке книги в типографии Подбевшек был предельно требователен к точности расположения строк на странице и воспроизведения оригинальной графики. Он прибегнул также к весьма авангардному приему – реконструировал предшествующие изданию этапы мытарств рукописи, поместив на обложку выдержки из переписки с редакторами и издательствами. Там же располагалось краткое эссе «Итальянский Тутанхамон» о революционере духа Джорджано Бруно и вызывающая самореклама (автор «на голову опередил О. Жупанчича», «имя Подбевшек отрывает новую эпоху в истории словенской литературы»¹⁵ и т. д.). Мнения критиков относительно сборника разделились: одни – М. Ярц, Й. Видмар, К. Коциянчич¹⁶ – увидели индивидуальность и большой творческий потенциал Подбевшека, близость его произведений авангардным литературным практикам. Другие – Ф. Финжгар, Ф. Водник¹⁷ – были возмущены и шокированы.

Для произведений, вошедших в книгу «Человек с бомбами», некоторые из которых едва ли можно назвать поэзией в общепринятом смысле слова, характерно тяготение к свободной форме и вызывающей образности, композиционные «сдвиги» и графическая семантика текста, а также «оптическое расчленение единицы стиха» (Т. Претнар¹⁸). Однако там есть отдельные стихотворения, в которых эмоциональная составляющая, переживание оказываются сильнее поставленной программной задачи «взрывать» окружающий мир словами. Это касается, например, зарисовки «В день призыва на вокзале», в основе которой лежит биографический эпизод – в 1917 г. Подбевшек был мобилизован и после стремительной военной подготовки отправлен на фронт. В этих строках отчетливо слышен голос «потерянного» поколения, у которого война отняла молодость:

Вкруг замерзших и впалых спин обвились детские руки и кричали:

«Отче!»

В испарине тела – туман и пот – и откуда-то слышен паровоза Шип будто змеи шипенье.

«Бог хочет!»

Некоторые сохранившиеся в архиве Подбевшека послевоенные машинописные записи неопубликованных стихов свидетельствуют о том, что поиски визуальной выразительности поэтической речи и эксперименты с графическими средствами передачи смысла, ритма и звукописи продолжались. Например, в стихотворении «Путь», впервые прозвучавшем по радио 10 апреля 1958:

в свете
вечернем по склону
каменистому высоко меж скал
свой путь совершали серны
а над ними
под облаками
багровыми
парил и падал
и взмывал
орел-исполин

я замер
завороженный видом
гор-великанов
и их обитателей
и долго всматривался
в их пики
за которыми полыхало
небо
пламенел
и ширился
пожар

о путь
тебя я часто
искал у обрывов и склонов

ты наполняешь сердце
радостью
и укрепляешь
дух мужеством
без которого
нет мне
жизни

о огонь
возле тебя я забываю
что ГОНИМЫЙ ТАЙНОЙ
СИЛОЙ должен идти
во тьме сквозь ливень
молнии и громы
без оглядки
под рев воды
и грохот скал
срывающихся
в пропасть

Интерес к поэзии Подбевшека в словенских интеллектуальных кругах вновь возникает в конце 1950-х гг., помимо экспрессионизма и футуризма критики обнаруживают в его произведениях «следы» новых «измов» – сюрреализма и дадаизма¹⁹. Сам же поэт весьма скептически воспринимал все попытки «встроить» его творчество в конкретные эстетические рамки. Однако его реакция была не всегда последовательна: так, в заметке «Об экспрессионизме» (1960) он пишет, что от традиционного стиха пришел к «свободному, по образцу итальянских футуристов [...], с новым ритмическим ударением»²⁰. А в интервью А. Бартлю (1978) всячески подчеркивает свое неучастие ни в каких авангардных течениях: «Тогда [в процессе создания «Человека с бомбами». – *Н. С.*] я ничего не знал о современных поэтических течениях, не прочитал ни одного футуриста. Я никогда не хотел быть ни футуристом, ни кем-то еще, я всегда стремился быть Антоном Подбевшеком»²¹. Огромная художественная интуиция позволила этой неординарной одаренной личности не столько изучить, сколько ощутить авангардный мейнстрим европейской литературы 1920-х гг. и применить некоторые его принципы и установки в своем творчестве.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См.: *Dović M. Mož z bombami. Anton Podbevšek in slovenska zgodovinska avantgarda.* Ljubljana; Novo mesto, 2009.

2 *Bartol V. Zbirka Človek z bombami revolucija v slovenski poeziji // Primorski dnevnik.* 15.6.1958; *Petrè F. Podbevškov problem // Naša sodobnost.* 4. 1956. Št. 7–8. S. 674–692.

3 *Šalamun-Biedrzycka K. Anton Podbevšek in njegov čas.* Maribor, 1972; *Mušič M. Novomeška pomlad.* Maribor, 1974; *Vrečko J. Anton Podbevšek in slovenska zgodovinska avantgarda. Umetnost ob koncu tisočletja.* Ljubljana, 1986. S. 21–48; *Poniž D. Sedem desetletij Človeka z bombami // Podbevšek A. Človek z bombami.* Novo mesto, 1991.

4 *Juvančič F. Manifest futuristov // Ljubljanski zvon.* 29. 1909. S. 255–256; *Sveteck V. Marinetti in njegova šola // Slovan.* 7. 1909. S. 252–254, 309–310, 341–342, 373–377; *Molè V. Enquête Internationale sur le Vers libre et Manifeste du Futurisme par F. T. Marinetti // Ljubljanski zvon.* 30. 1910. S. 572–574; *Debeljak A. Paseizem in futurizem // Ljubljanski zvon.* 32. 1912. S. 129–134; *Gruden I. L' Italia futurista // Dom in svet.* 26. 1913. S. 333–337, 377–381, 413–415, 453–456 и др.

5 *Dović M. Mož z bombami....* S. 16.

6 Цит. по: *Petrè F. Tradicija in inovacija.* Ljubljana, 1990. S. 149.

7 *Glavan M. Podbevškova Žolta pisma // Rast.* 1. 1990. Št. 4. S. 320, 324.

8 *Podbevšek A. Anton Podbevšek o kulturnem in umetniškem dogajanju septembra 1920 v Novem mestu // Dolenjski list.* 21. 1.10.1970. Št. 40. S. 4.

9 *Podbevšek A. O ekspresionizmu // Primorski dnevnik.* 25.12.1960. S. 3.

10 *Šerko A. Anton Podbevšek: Človek z bombami // Naprej.* 13.11.1920. S. 2.

11 *Vrečko J. Labodovci, pilotovci, konstrukterji, konsisti in tankisti // Slavistična revija.* 47. 1999. Št. 1. S. 51.

12 См.: *Recitacijski večer Antona Podbevška // Tabor.* 12.6.1921; *Govekar F., Lah I. Slovenska najmlajša // Jutro.* 23.9.1921. Št. 225. S. 2; *Kovač J. Umetniška soareja // Slovenski narod.* 24.9.1921; *O prvem recitacijskem večeru najmlajših // Novi čas (delavski list).* 14.11.1921. S. 2.

13 *Podbevšek A. Razmerje umetnika do države // Rdeči pilot.* 1922. Št. 2. S. 5.

14 *Podbevšek A. Politična umetnost // Slovenski literarni programi in manifesti.* Ljubljana, 1990. S. 64–66.

- 15 *Podbevšek A.* Človek z bombami. Ljubljana, 1925 (platnice).
- 16 *Jarc M.* Anton Podbevšek Človek z bombami // Slovenski narod. 1.3.1925. S. 3; *Vidmar J. A.* Podbevšek Človek z bombami // Kritika. 1. 1925. Št. 4. S. 54–58; *Kocjančič K.* Človek z bombami // Učiteljski list. 1925. Št. 22. S. 175.
- 17 *Vodnik F.* Anton Podbevšek Človek z bombami // Dom in svet. 38. 1925. S. 254–255; *Finžgar F. S. (R. C.)* Človek z bombami // Mladika. 6. 1925. S. 313.
- 18 *Pretnar T.* Podbevškov verz med tradicijo in avantgardističnim eksperimentom // Obdobje ekspresionizma v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi. Ljubljana, 1984. S. 262.
- 19 *Bartol V.* Zbirka Človek z bombami... S. 3; *Slodnjak A.* Slovensko slovstvo. Ljubljana, 1968. S. 380.
- 20 *Podbevšek A.* O ekspresionizmu // Primorski dnevnik. 25.12.1960. S. 3.
- 21 *Bartelj A.* Anton Podbevšek (portret) // Dolenjski list. 29, 6.7.1978. Št. 27. S. 10.

N. N. Starikova

After Slovene futurism: The mystery of Anton Podbevšek

The article concentrates on several poetic works of the Slovene experimental poet Anton Podbevšek. They prove that Slovene avant-garde poetry of 1920s had futurist tendencies.

Keywords: *Anton Podbevšek, proletarian art, futurism, sound symbolism.*

И. Е. Адельгейм
(Москва)

Аутопсихотерапия исторической и структурной травмы в польской прозе 1990–2000-х гг.

Психотерапия, использующая нарративный подход, обязана своей эффективностью не только эмоциональной разрядке, которую дает «проговаривание» проблемы, но и возможности создавать связную жизненную историю, позволяющую анализировать и корректировать реальную историю жизни. Своего рода процессом аутопсихотерапии служит и литературное творчество. В статье сделана попытка показать, как при помощи различных художественных приемов осуществляется ряд аутопсихотерапевтических процессов, направленных на преодоление исторических и структурных травм в польской прозе 1990–2000-х гг.

Ключевые слова: *польская проза, историческая и структурная травма, аутопсихотерапия, нарративизация травматического опыта.*

Исторические травмы тех, чье детство в Польше называют «послеялтинским»¹, связаны со Второй мировой войной, пережитой не в реальности, а в виде разрушительных для психики и идентичности последствий. Это травмы «детей руин» – детей насилия, страха и молчания, травмы обитателей послевоенного пространства и времени, живущих в тени памяти о войне недавно закончившейся и в ожидании войны новой.

Это, во-первых, наследование травмы Холокоста – проза детей выживших: матрицентрические тексты, повествующие о детстве, обремененном страшным материнским прошлым – замалчиваемым, вытесняемым (проза М. Тулли, Э. Курьюлюк, А. Тушиньской) или становящимся орудием эмоционального шантажа (Б. Кефф). В этот ряд можно поставить и книгу А. Янко, мать которой ребенком пережила уничтожение нацистами польской деревни.

Во-вторых, последствия военной и послевоенной миграции, заселения бывших немецких территорий, образования пространства идентичности «умноженной», а следовательно, формирующейся заново. Для детей переселенцев полное укоренение оказалось невозможным без рефлексии над судьбами предков и бывших жителей

Возвращенных территорий. Для А. Юревича и А. Загаевского травмой становится то, что утраченные Восточные Кресы полностью застилают реальное пространство детства, остающееся неосвоенной территорией постепенно отравляющей детей чуждостью. Психологический опыт авторов, родившихся уже на Возвращенных территориях, – П. Хюлле, С. Хвина, А.-Д. Лисковацкого, И. Батор, И. Ивасюв, Б. Хельбиг – связан с ощущением двойного «разлома», двойной драмы – в судьбе родителей и пространства детства. Для З. Орышин, дочери добровольных переселенцев, это травма испытанной в детстве вины перед выселяемыми немцами.

Для младшего поколения писателей это травма исторического перелома 1989 г.: «раскол» в биографии и сознании, нехватка романтики общественного сопротивления, исторически закрепившейся как основа польской ментальности и культуры, ощущение тупика между глобальным потребительством – и навязываемыми властью и историко-культурной традицией национальным этосом и мартирологией.

Анализируемая в статье структурная² травма, связанная с *личной* историей и *личным* временем, – это опыт соприкосновения со смертью и танатический страх (романы О. Токарчук и М. Тулли, дневники траура И. Ивасюв, А. Юревича и А. Тушиньской, а также посвященный перинатальной утрате сборник рассказов Ю. Баргельской).

На уровне поэтики преодоление этих болевых точек осуществляется при помощи эмпатической археологии пространства, эмпатической биографии и автобиографии, дневника траура, деконструкции окружающих дискурсов, использования культурных кодов, сказки, фантазмагии, героев-масок и пр., включения как текстовой и внетекстовой реальности старых фотографий и пр. Эти жанры и приемы делают возможным осуществление элементов целого ряда психотерапевтических приемов.

1. К методу системно-семейных расстановок Хеллингера (рассматривающему человека как часть рода и позволяющему находить и устранять причины проблем, источник которых находится в жизни предков) отсылает эмпатическое повествование об опыте предков в текстах о Возвращенных территориях и текстах второго поколения детей Холокоста.

В 1990-е гг. эмоционально наполненная реконструкция ностальгии, памяти места, травмы переселения от имени предков собственных и «названных» (т. е. предков по месту проживания – немцев)

происходит в первую очередь посредством эмпатической археологии – повествования о предметах, связанных с немецким прошлым Возвращенных территорий («История одной шутки», «Ханеман» Хвина, «Рассказы на время переезда» Хюлле, «Улицы Щецина», «Сахарница фрау Кирш» Лисковацкого). В 2000-е гг. элементы системных расстановок осуществляются в большей степени при помощи эмпатической биографии («Воспой сады» Хюлле, «Eine Kleine» Лисковацкого, «Бамбино», «К солнцу» Ивасюв, «Пяскова Гура», «Заоблачье», «Темно, почти ночь» Батор, «Секретики» Хельбиг, «Спасенная Атлантида» Орышин) – конструирования возможных судеб поколения дедушек-бабушек, родителей, немецкого населения Возвращенных территорий. Это позволяет повествователю словно бы лично убедиться, что не может быть началом начал земля, под которой «лежит, растоптанная»³ родина бывших жителей, и понять посредством повествования опыт своих предков-переселенцев, и в результате получить моральное право на укоренение.

В матрицентрических текстах второго поколения детей Холокоста эмпатическое повествование оказывается одним из вариантов терапии симбиотической травмы. Чтобы освободиться от унаследованной травмы, необходимо простить, для прощения же мало рационального осмысления – необходимо эмпатическое *воспроизведение* в повествовании тех моментов в опыте матери, которые сделали ее такой, виртуальное *проживание* их повествовательницей. Кроме того, авторами движет и чувство долга перед жертвами, потребность оставить о них память. Работая не только со своей памятью, но и с памятью предков, они стремятся очистить ее от клейма стыда и страха, выразить то, что осталось невыраженным⁴. Наконец, в результате повествования происходит встраивание себя в семью, род, а семьи и рода – в свое сознание («Я ощутила огромное облегчение, какое дает чувство принадлежности»⁵), т. е. частичное преодоление травмы разрыва родственных связей⁶, которое Л. Лангер называет одним из самых страшных последствий войны⁷.

Согласно методу семейных расстановок, главным источником психологических проблем у последующих поколений является исключение из семейной системы (т. е. желание забыть) кого-либо из участников травмы (будь то пострадавшие или виновные). Причем к семейной системе, по Хеллингеру, относятся не только родные, но и люди, связанные с человеком отношениями жизни и смерти («Теперь, когда Гитлер [...] и Сталин [...] мертвы // Только ты у меня осталась, мое дитя // из близких»⁸). Яркий образ такой «семьи» дает

роман Тулли «Шум»: в зале фантазмагорического «Низшего суда», помимо непосредственных участников жизни героини, родившейся *после* войны, появляются убитые эсэсовцы и их сожженные жертвы, и на восклицание одного из персонажей – «Их нужно прогнать [...] Мы все тут не поместимся, и так уже дышать нечем!» – председатель суда отвечает: «Они останутся здесь [...] Куда нам их девать? Всё это одна семья»⁹. Курылюк важнейшей задачей своего повествования называет потребность компенсировать матери «исключение» ее в своем детстве¹⁰ – ничего не зная о страшном прошлом матери, девочка нередко мечтала от нее избавиться¹¹.

Коррекция в романе Тулли должна символически совершиться в Низшем суде: «Мы все собрались сегодня [...] затем, чтобы... [...] простить»¹². Однако совершается она и иначе. Эсэсовец, живущий в придуманном маленькой героиней лесу, – не только воплощение абстрактного насилия и конкретной реальности войны и послевоенного мира, не только зло, которому девочка и лис пытаются противостоять (связывая эсэсовца). Это тот *конкретный* немец, который, переводя узников (в том числе мать девочки) из одного лагеря в другой, ежедневно клал в рот каждому по ложечке сахара (что позволило им добраться до цели), тот, которого застрелили после освобождения лагеря, тот, которого не спасла мать, хоть и могла. Девочка же «находит» эсэсовца («Каждый раз, когда я смотрела на лиса и девочку, у меня возникало ощущение, что на моей картинке кого-то не хватает»¹³), воспроизводит историю с *его* перспективы, кормит в своем вымышленном мире с ложечки сахаром – восстанавливая таким образом место этого человека в их «семье». Пытается символически восстановить место в «семье» «хороших» и «плохих» немцев Янко в своем «Малом Холокосте», не просто рассказав о них, но увидев происходящее *их* глазами¹⁴.

2. Часть прозы о Возвращенных территориях построена на диалоге взрослого повествователя с собой-ребенком. Такой диалог как метод психотерапии направлен на вербализацию, объективацию детских травм и переживаний, осознание раздвоенности путем идентификации с обоими полюсами.

Развернутые обращения повествователя «Лиды» Юевича к себе-ребенку¹⁵, создающие психологическую дистанцию, эмоциональное напряжение между взрослым и детским сознанием дают иллюзию власти над смыслами собственной биографии, усиливают ощущение ее единства: «Если я не выдавлю из себя этой повести [...] жизнь моя окажется неполной»¹⁶. Загаевский же в «Двух горо-

дах» посредством анализа амбивалентности пространства реального и иллюзорного пытается освободиться от власти навязанного ему старшим поколением ностальгического дискурса¹⁷, описать город собственного опыта и собственных переживаний, вступить в диалог с собой-ребенком, а затем дистанцироваться от него¹⁸. В результате два ранее исключавших друг друга пространства образуют наконец призрачное единство¹⁹. Повествователи Хвина и Хюлле осмыслиют случайность и закономерность путей предков, приведших их к той точке, в которой появились на свет они сами²⁰.

3. По А. Янову, основателю первичной терапии, для освобождения от «замороженной боли» необходимо возвратиться в прошлое, заново пережить ситуацию, ставшую причиной первичной травмы, и разрушить ее с помощью крика. Таким «криком», по сути, является само повествование Тулли, Курылюк, Кефф, Янко, Орышин и др., подробно (у Орышин – в многократной проекции на целый ряд персонажей) описывающее травматический опыт. Более «наглядно» функцию «первичного крика» выполняет ряд «арий», «речитативов» и возгласов в многоголосном «Произведении о Матери и Отчизне» Кефф и катартический плач у Батор: «Мне казалось, что очищающая соленая волна заливаает все места, будившие мою печаль, заливаает подвал моего дома, подмывает ящик, в котором мы с Эвой прятались от матери [...] и через окна выливается в сад, в лес, поднимается на поляну, где немецкие солдаты убили еврейских узников, где советские солдаты изнасиловали немецкую девочку [...]»²¹.

4. Повествование также служит деконструкции и реконструкции жизненного нарратива – осознанию и анализу попыток других людей или социума узурпировать «авторство» жизненной истории человека, поиску так называемых «уникальных» моментов (эпизодов, когда человек сопротивлялся навязываемой ему истории), т. е. структурированию и «уплотнению» истории альтернативной вплоть до обретения способности противостоять истории доминирующей.

Подробно описывая неуверенность, затравленность девочки, насмешки и издевательства дома и в школе, безуспешные попытки приспособиться к «правилам нормальности», установленным в семье, и пр., повествовательница «Шума» Тулли также фиксирует моменты ощущения загнанной глубоко внутрь силы²², немногочисленные, но все же имеющиеся воспоминания о другом, добром, отношении родственников²³, попытки бунта²⁴, изменение ситуации после замужества и рождения детей²⁵. Текст Кефф – символическая борьба с матерью за собственную идентичность и собственную историю²⁶.

5. Проза использует «восстановление участия» – реальное или виртуальное привлечение к процессу терапии людей, способных дать дополнительную точку зрения на человека и его проблему («Травматические воспоминания являются неусвоенными фрагментами гнетущего опыта [...]. Травмированная личность должна вернуться к воспоминанию, нередко также для того, чтобы его дополнить»²⁷). Наиболее буквальный пример – показания «свидетелей» в Низшем суде в романе Тулли «Шум» – именно они нащупывают причину травмы девочки: «Теперь я бы сказала, что она скрывала под свитером какую-то страшную рану. Не знаю, откуда она могла у нее появиться, ведь жизнь у нас тогда была спокойная. [...] она эту рану унаследовала от матери»²⁸. Повествование осуществляет также символическую работу с памятью матерей (являющейся причиной травмы дочерей-повествовательниц), дополняя ее «показаниями» свидетелей (проза Тулли, Гушиньской, Курылюк, Янко).

6. Повествование обращается к терапевтической метафоре – эффективному средству психотерапии, позволяющему в сжатой и психологически действенной форме выразить проблему и диссоциировать ее для последующего анализа. Так, в ряде метафор воплощается обременительность наследования материнского страдания (образы нежеланного наследства²⁹, тяжелого груза – абстрактного³⁰ или конкретизированного³¹, туча, дым, лава, пепел³² как символ преследующего потомков страдания жертв Холокоста, *memento*³³, физиологические метафоры – горб³⁴, рана³⁵, аллергия³⁶, образы, связанные с пренатальным периодом развития ребенка³⁷, с рабством и заточением – поводок³⁸, кандалы, тюремная вышка, Вавилонский плен³⁹, а также жертвоприношением⁴⁰, пожиранием ребенка⁴¹ и пр.). Повествование способствует экстерииоризации проблемы, которая таким образом получает имя, а человек рассматривается не как ее вместилище, а как субъект, находящийся с ней во взаимоотношениях, которые поддаются анализу и коррекции.

Повествование, кроме того, наглядно показывает *работу* терапевтической метафоры. Так, героиня Кефф отождествляет себя с персонажами массовой культуры, переосмысливая известные сюжеты и гротескно снижая разрушительный пафос материнского дискурса⁴² (характерно, что лишь маски-коды делают для героини возможным бунт⁴³). Развернутую метафору представляет собой сказка: в воображаемом мире маленькой героини Тулли живут ее альтер эго и лис, олицетворяющий психологическую свободу, а также воплощающий насилие эсэсовец; во взрослой жизни героиня вновь встречает лиса,

который приводит ее в Низший суд, способствующий преодолению травм прошлого.

7. Токарчук и Кефф используют также мифодраму – метод психотерапии, основанный на драматической постановке мифологических сюжетов.

Роман Токарчук опирается на шумерский миф об Инанне, психологическую сверхзадачу которого писательница определяет как «обезвреживание ужаса смерти»⁴⁴. Токарчук не реинтерпретирует его, а лишь *проживает* вместе с читателем. Именно возможности идентифицировать себя с персонажами служат осовременивающие миф футуристические реалии и само обращение автора к периоду, «когда боги были людьми»⁴⁵, к шумерской мифологии, где «еще не существовало пропасти, появившейся лишь у греков и разделившей богов и людей на два разных вида»⁴⁶. Вместе с богиней автор переживает чисто человеческий опыт неминуемости и одиночества смерти и пр.⁴⁷ Это «безопасное» (поскольку речь идет о боге⁴⁸) получение в человеческом измерении⁴⁹, в парадигме человеческих чувств опыта, человеку недоступного⁵⁰. Повествование представляет собой *буквальное* разятие бытия на две части – жизнь и смерть, – а затем объединение их заново, *переживание* смерти как необходимой части бытия⁵¹. Целью мифодрамы Токарчук – «заменяющей» исчезнувшие мистерии и обряды инициации – является обретение гармонии, приятие реальности смерти как части архаического взаимообмена человека с природой.

В «Произведении о Матери и Отчизне» Кефф имена главных героинь – Деметра и Кора – символизируют драматическое и вечное единство матери и дочери. Отношения сдвигаются с мертвой точки, когда Мать комментирует открытие памятника Дмовскому. Ответ дочери⁵² знаменателен: здесь, во-первых, впервые появляется третий персонаж – Геката, в античной мифологии тесно связанная с Деметрой и Корой/Персефоной, выступающая помощницей обеих. Мать, наконец, выходит за рамки своей трагедии, оказывается способна увидеть также трагедию народа, переставая быть лишь Матерью, становясь Гекатой, которая высказывает мрачное пророчество, связанное с отсутствием в обществе толерантности (Геката отвечала за человеческое безумие или одержимость идеей, а кроме того, являлась богиней пределов, порогов, перекрестков – мест, где смыкается свое и чужое). Во-вторых, используется двуименность богини-дочери. Кора – «Дева» – уже самим этим словом неразрывно связана с матерью. Здесь, однако, Кора впервые называет себя Персефоной (имя,

которое богиня носила, только став женой Аида и только находясь в подземном царстве) и так именуется уже до конца книги, обретая частичную свободу от матери.

8. Смерть не поддается передаче через знания – «отказывается свидетельствовать»⁵³, не подлежит логической рефлексии. Человек прорабатывает немалую внутреннюю работу, чтобы научиться жить со страхом Неведомого и защищаться от него. Большинство выстраиваемых людьми адаптивных стратегий по преодолению тревоги смерти основано на механизмах отрицания и игнорирования, что приводит к разрушительным для индивидуальной психики последствиям: «В нашей современной системе за ее [жизни. – И. А.] переживание как позитивной ценности мы расплачиваемся постоянным фантазмом смерти»⁵⁴.

Известна в то же время огромная эффективность конфронтации человека с собственной смертью. Моделирование этой пограничной ситуации успешно использует психотерапия, добиваясь эффекта десенсибилизации – уменьшения чувствительности к какому-либо опыту путем его повторения. При помощи различных упражнений (написание собственного некролога, фантазирование о собственной смерти и похоронах, групповой опыт переживания «жизненного цикла», в частности, старости и умирания, и пр.⁵⁵) пациента заставляют многократно испытывать танатический страх в уменьшенных дозах, помогая манипулировать объектом тревоги и анализировать его.

Метод десенсибилизации последовательно использует в «Последних историях» Токарчук. Три героини романа, стоящие в центре трех его глав, – не просто бабушка, мать и внучка, но маски автора-повествователя, что подтверждает множество очевидных параллелей между ними. Автор-повествователь словно бы пытается свыкнуться со смертью, осваивая ее на ряде женских персонажей. Характерна при этом зеркальная конструкция. Естественный порядок встречи человека со смертью подразумевает очередность «Он» – «Ты» – «Я». Токарчук же располагает главы наоборот: «Я» – «Ты» – «Он». В I части умирает *главная* героиня, Ида. Во II главе умирает отец Иды, *муж* старухи Параскевы. Наконец, в III части книги умирает *посторонний* человек, с которым случайно знакомится дочь Иды и внучка Параскевы. Таким образом, сначала происходит персонализация смерти, разрушающая иллюзию гипотетического бессмертия. Затем подробно описывается опыт смерти-Ты: Параскева переживает траур, однако акцент в повествовании сделан на своего рода «самообучении» смерти, привыкании к ее присутствию, освоении⁵⁶. И, наконец, смерть отдалается еще больше, оставаясь, однако, неизмен-

ным *memento*⁵⁷. Таков психологический защитный механизм: «приложив» сценарий смерти к «Я», повествователь затем, словно бы инстинктивно, уходит в более безопасное «Ты» и, наконец, в «Он». От «единственности», единичности смерти Собственной – через промежуточный случай смерти Близкой – к бесконечной «множественности» смерти Другого.

Более того, роман представляет собой искусную конструкцию из множества цепочек смерти – подобно тому, как представляет ее реальная жизнь. Если продолжить цепочку «Я» – «Ты» – «Он», гипотетически выстраивается уже «естественный» порядок «Он» – «Ты» – «Я»: внучке, только что оказавшейся свидетельницей смерти Чужой, предстоит пережить смерть своей матери, которая уже произошла в I главе, но о которой она еще не знает в «своей» III и которая разрушит последний барьер, отделяющий ее абстрактное понятие смерти от собственного конца. Другая цепочка – смерть животных (схема ступеней столкновения со смертью в «естественном» порядке: «Он» – «Ты» – «Я»⁵⁸; зооморфные сравнения и соприкосновение с мертвыми животными⁵⁹). Кроме того, во всех трех главах встречается имя автора – Ольга: этот персонаж каждый раз оказывается близким или далеким представителем того света или проводником туда. Наконец роман включает в себя множество эпизодов разыгрывания смерти в играх, фантазиях, на сцене и т. д.

9. Поскольку смерть является абсолютным воплощением «неведомого»⁶⁰, «архетипом непостижимости»⁶¹, «частичная смерть» – опыт смерти «из вторых рук» – перспектива, в которой она наиболее доступна живым. Смерть близкого человека максимально приближена к смерти собственной, давая опыт переживания однократности и незаменимости человеческого бытия. Оплакивание умершего близкого – отделение себя от него и отделение от себя той незаменимой части мира, которой он был для скорбящего, опыт перестройки собственного, частично также умершего, мира представляет собой специфическую попытку преодоления смерти. Деррида и Бодрийяр интерпретируют этот механизм как своеобразный торг, стремление притерпеться к смерти посредством скорби, пожертвовать смерти нечто принадлежащее нашему внутреннему «я» и получить взамен нечто, делающее смерть близкой и интимной, сделать ее частью своей жизни⁶².

Юревич и Ивасюв переживают в тексте траур не просто по близкому человеку, но по отцу, т. е. это опыт разрушения последнего барьера между смертью в третьем лице и смертью собственной⁶³. Поэтому тексты подробно фиксируют не только переживание – про-

живание – боли, утраты как таковых, но говорят также об ощущении цезуры в жизни⁶⁴, «переходе от опосредствованного к непосредственному»⁶⁵: после смерти родителей «умереть предстоит нам, и никто тут не поможет»⁶⁶.

Особым случаем «частичной смерти» оказывается переживание утраты, траура еще при жизни – рядом со смертельно больным близким. «Упражнения по утрате» Тушиньской – описание опыта «подготовленной» смерти, некогда считавшейся благом, а также опыта соприкосновения с ней, которого, как правило, лишен современный человек⁶⁷. «Упражнения по утрате» по сути представляют собой «упражнения» по адаптации к «активной, агрессивной пустоте смерти»⁶⁸. Переживание постепенного умирания мужа и структурирование этого опыта в тексте в значительной степени излечивает собственный страх смерти⁶⁹.

10. По словам Д. Рейнгольда, большинство позитивных точек зрения на смерть имеют сверхъестественную предпосылку: «Век, в котором мы живем, может быть мирским, но наши личные чаяния и надежды таковыми не являются»⁷⁰. Отрицание конечности смерти Бауман называет «исключительно привлекательным изобретением»⁷¹. У Тулли обживание того света как своего рода продолжения или негативного отражения знакомой нам реальности, лишь слегка измененной, происходит в первую очередь через освоение путей коммуникации с ним, наполнено «техническими» деталями⁷², у Токарчук же в первой части «Последних историй» оно совершается через фильтр вполне земного пейзажа и привычных деталей быта.

11. Сверхзадача повествования Баргельской – ассимиляция травматического опыта, интеграция пережитой травмы с опытом настоящего времени⁷³. Автор «Обсолеток» пишет не только о собственной перинатальной утрате: «Я рассказываю о себе, но помогаю рассказать и другим женщинам, получается целая галерея. Книга обо мне одной не имела бы смысла, поскольку это опыт такой глубины, что не существует иного способа рассказать о нем, кроме как попытаться представить реакции разных женщин»⁷⁴.

Однако этот «каталог» детских смертей встраивается в повседневную жизнь с ее бытом, проблемами и радостями, вписывается в мельчайшие детали быта. Повествовательница словно бы не сосредотачивается полностью на страшном опыте: большие, малые и совсем крошечные события, сотни уникальных жизненных мгновений сливаются в единый поток, изображаются как одинаково значимые⁷⁵. Баргельская использует своего рода технику «разделенного экрана»,

применяемую в гипнотической терапии и помогающую пациентам обезвредить травматические воспоминания (психотерапевт просит пациента закрыть глаза и мысленно разделить визуальное поле на две части: на одну половину экрана пациент помещает болезненный образ, а на другую – успокаивающий: постоянное присутствие второго компенсирует и смягчает первый)⁷⁶. Кроме того, при помощи ряда приемов (сочетание стилей и интонаций⁷⁷; описание с позиции словно бы стороннего, бесстрастного наблюдателя⁷⁸) повествовательница снижает пафос и, следовательно, внешний накал эмоций. Еще одним способом справиться с ужасом описываемого является разложение происходящего на множество мелких действий⁷⁹ или дробление ужаса на мелкие нестыковки логики⁸⁰.

12. Сарказм, являясь эмоциональной трансформацией, высмеиванием эмоциогенного события, поиском в нем абсурдного, нелепого, смешного, служит вербальной разрядке эмоций. Сарказм и доведение до абсурда массово используются прозаиками младшего поколения в коллажах дискурсов, бесконечном их пародировании и, наконец, развернутых фантазмагорических и гротескных эпизодах, давая авторам иллюзию освобождения от гнета реальности.

Сарказм вызывают, прежде всего, элементы национального этоса. Пафос снижается при помощи физиологических образов⁸¹ и вульгаризмов⁸², саркастически обыгрывается национальная мартирология⁸³, нивелируются и обесмысливаются идея польской солидарности⁸⁴, польская ментальность⁸⁵, национальные святые⁸⁶, обесценивается в восприятии героев национальная символика⁸⁷. Подобным образом доводится до абсурда доминирование рекламного дискурса⁸⁸. Фантазмагорические эпизоды (в прозе М. Цегельского, М. Сеневи́ча, М. Нахача, Р. Осташевского, Д. Беньковского, К. Варги, И. Карповича, П. Червиньского, Р. Остаховича, Я. Красновольского) также касаются двух главных «полюсов» современной жизни Польши, вызывающих у авторов ощущение безысходности, – идеологии потребительства и бремени национального этоса. Эмоциональная разрядка, направленная в первую очередь на табуированные прежде и частично остающиеся таковыми сегодня объекты (дискурс национального этоса), создает для автора особую инвективную атмосферу⁸⁹. Как и в любой карнавальной ситуации, здесь происходит нарушение табу, а повествователь реализует одновременно два противоположных стремления – избежать контакта с табуированными понятиями и получить этот контакт, в результате достигается своего рода катартический выход эмоций.

Таким образом, нарративизация травмы в процессе художественного повествования позволяет переработать посттравматический опыт и служит преодолению ужаса неизбежного будущего, невыносимого настоящего или травмирующего прошлого.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Tytuł. 1991. № 3. Цит. по: *Czermińska M.* Autobiograficzny trójkąt. Świadectwo, wyznanie i wyzwanie. Kraków, 2000. S. 146.
- 2 *La Capra D.* Trauma, nieobecność, utrata // *Antologia studiów nad traumą.* Kraków, 2015. S. 98.
- 3 *Oryszyn Z.* Ocalona Atlantyda. Warszawa, 2012. S. 178.
- 4 *Janko A.* Mała Zagłada. Kraków, 2015. S. 12, 36, 54, 75, 91; *Tuszyńska A.* Rodzinna historia lęku. Kraków, 2014. S. 146; *Kuryluk E.* Goldi. Apoteoza zwierzczkowości. Kraków, 2011. S. 117, 146; *Kuryluk E.* Frascati. Apoteoza topografii. Kraków, 2009. S. 47, 145; *Kuryluk E.* Moje książki są z żaloby. Rozmawia Juliusz Kurkiewicz // *Gazeta Wyborcza.* 23.07.2010 (http://wyborcza.pl/1,75475,8167738,Ewa_Kuryluk__Moje_książki_są_z_żaloby.html).
- 5 *Tuszyńska A.* Rodzinna historia lęku. S. 173.
- 6 *Ibid.* S. 135, 146, 183, 260; *Tulli M.* Ludzik mi padł, więc gram następnym. Rozmawia Katarzyna Kubisiowska // *Gazeta Wyborcza.* 30.10.2011 (http://wyborcza.pl/duzyformat/1,127291,10548289,Magdalena_Tulli__Ludzik_mi_padl_wiec_gram_nastepnym.html?pelna=tak); *Kuryluk E.* Goldi. Apoteoza zwierzczkowości. S. 170; *Kuryluk E.* Frascati. Apoteoza topografii. S. 81; *Janko A.* Mała Zagłada. S. 33.
- 7 *Langer L.* Scena pamięci. Rodzice i dzieci w tekstach i świadectwach Holokaustu // *Literatura na Świecie.* 2004. № 1–2. S. 127.
- 8 *Keff B.* Utwór o Matce i Ojczyźnie. Kraków, 2008. S. 59.
- 9 *Tulli M.* Szum. Kraków, 2014. S. 128.
- 10 *Kuryluk E.* Moje książki są z żaloby.
- 11 *Kuryluk E.* Frascati. Apoteoza topografii. S. 116, 121, 154, 203, 242; *Kuryluk E.* Goldi. S. 48.
- 12 *Tulli M.* Szum. S. 116.
- 13 *Ibid.* S. 46.
- 14 *Janko A.* Mała Zagłada. S. 37–39, 47, 62, 154.
- 15 *Jurewicz A.* Lida. Gdańsk, 1994. S. 39–40, etc.
- 16 *Ibid.* S. 14.
- 17 *Zagajewski A.* Dwa miasta. Warszawa, 2007. S. 24.
- 18 *Ibid.* S. 24–25.

- 19 Ibid. S. 46.
- 20 *Chwin S.* Krótka historia pewnego żartu. (Sceny z Europy Śródkowoschodniej). Kraków, 1991. S. 151, 154–155, 170; *Huelle P.* Opowiadania na czas przeprowadzki. Gdańsk, 1999. S. 39.
- 21 *Bator J.* Ciemno, prawie noc. Warszawa, 2012. S. 523.
- 22 *Tulli M.* Szum. S. 46.
- 23 Ibid. S. 62, 79, 47.
- 24 Ibid. S. 77, 91, 92, 24.
- 25 Ibid. S. 22, 92.
- 26 *Keff B.* Utwór o Matce i Ojczyźnie. S. 27, 28, 39, 55, 56.
- 27 *Bessel A. van der Kolk, Onno van der Hart.* Natrętna przeszłość: elastyczność pamięci i piętno traumy // Antologia studiów nad traumą. Kraków, 2015. S. 169.
- 28 *Tulli M.* Szum. S.119.
- 29 *Tulli M.* Włoskie szpilki. Warszawa, 2011. S. 64–66, 75; *Tulli M.* Szum. S. 55, 19, 66,
- 30 *Tulli M.* Włoskie szpilki. S. 27; *Tuszyńska A.* Rodzinna historia lęku. S. 10; *Keff B.* Utwór o Matce i Ojczyźnie. S. 5.
- 31 *Tulli M.* Włoskie szpilki. S. 65–66, 75.
- 32 *Keff B.* Utwór o Matce i Ojczyźnie. S. 16.
- 33 *Tulli M.* Włoskie szpilki. S. 65–66, 75, 69, 125, 126–128, 140.
- 34 *Tuszyńska A.* Rodzinna historia lęku. S. 10.
- 35 *Tulli M.* Szum. S. 119–120.
- 36 *Janko A.* Mała Zagłada. S. 15–16.
- 37 Ibid. S. 12.
- 38 *Keff B.* Utwór o Matce i Ojczyźnie. S. 48.
- 39 Ibid. S. 23, 60.
- 40 Ibid. S. 47.
- 41 Ibid. S. 19, 39, 47.
- 42 Ibid. S. 10, 13, 16, 19, 26–27, 29, 33, 47, 49, 54.
- 43 Ibid. S. 27, 55.
- 44 *Tokarczuk O.* Anna In w grobowcach świata. Kraków, 2006. S. 209.
- 45 Ibid. S. 76.
- 46 Ibid. S. 198.
- 47 Ibid. S. 19, 49, 68, 73, 40, 70, 145, 147.
- 48 Ibid. S. 44.
- 49 Ibid. S. 38.
- 50 Ibid. S. 107, 176.
- 51 Ibid. S. 19, 31, 33, 69, 168, 127, 36, 119–120.
- 52 *Keff B.* Utwór o Matce i Ojczyźnie. S. 61.
- 53 *Деррида Ж.* Голос и феномен. СПб., 1999. С. 48.

- 54 *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М., 2006. С. 245.
- 55 *Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия. М., 1999 (<http://psylib.org.ua/books/yalom01/index.html>).
- 56 *Tokarczuk O.* Ostatnie historie. Kraków, 2004. S. 79, 134, 169, 187–188.
- 57 *Ibid.* S. 267.
- 58 *Ibid.* S. 8, 18, 55, 65, 107–108, 111–113, 118.
- 59 *Ibid.* S. 52, 53, 205, 247, 234–235, 258.
- 60 *Bauman Z.* Płynny lęk. Kraków, 2008. S. 55.
- 61 *Ibid.* S. 93.
- 62 *Деррида Ж.* Дар смерти (часть 1) // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. Серія: Теорія культури і філософія науки. 2002. № 552/1. С. 127; *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. С. 265.
- 63 *Янкелевич В.* Смерть. М., 1999. С. 32.
- 64 *Jurewicz A.* Dzień przed końcem świata. Kraków, 2008. S. 8, 25, 11, 28, 33, 39, 28; *Iwasiów I.* Umarł mi. Notatnik żałoby. Wołowiec, 2013. S. 13.
- 65 *Янкелевич В.* Смерть. С. 32.
- 66 *Iwasiów I.* Umarł mi. S. 118.
- 67 *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. С. 318.
- 68 *Tuszyńska A.* Ćwiczenia z utraty. S. 197.
- 69 *Ibid.* S. 154, 198.
- 70 *Рейнгольд Д.* Мать, тревога и смерть. Комплекс трагической смерти // (<https://www.litmir.co/br/?b=269886&p=9>).
- 71 *Bauman Z.* Płynny lęk. S. 57.
- 72 *Tulli M.* Szum. S. 100, 112–113, 105, 102, 132, 112–113.
- 73 *Bessel A. van der Kolk, Onno van der Hart.* Natrętna przeszłość: elastyczność pamięci i piętno traumy. S. 174.
- 74 <http://www.wysokieobcasy.pl/wysokie-obcasy/1,96856,9625264,JustynaBargielskaPoronilam.html>
- 75 *Bargielska J.* Obsoleteki. Wołowiec, 2010. S. 38–39.
- 76 *Ibid.* S. 80.
- 77 *Ibid.* S. 56–57.
- 78 *Ibid.* S. 38–41, 27, 40–41, 38–39, 27.
- 79 *Ibid.* S. 27.
- 80 *Ibid.* S. 41, 86, 82, 83, 27.
- 81 *Varga K.* Trociny. Wołowiec, 2012. S. 118, 125; *Piotr C.* Pokolenie IKEA. Gdynia, 2012. S. 183; *Sieniewicz M.* Czwarte niebo. Warszawa, 2003. S. 311; *Varga K.* Nagrobek z lastryko. Wołowiec, 2007. S. 121, 51.
- 82 *Witkowski M.* Barbara Radziwiłłówna z Jaworzna-Szczakowej. Warszawa, 2007. S. 130. *Varga K.* Aleja Niepodległości. Warszawa, 2010. S. 34.

83 *Karpowicz I.* Niehalo. S. 65; *Varga K.* Trociny. S. 114; *Varga K.* Nagrobek z lastryko. S. 294; *Sieniewicz M.* Spowiedź Śpiącej Królowy. Kraków, 2012. S. 126; *Bieńkowski D.* Biało-czerwonny. Warszawa, 2007. S. 18.

84 *Ibid.* S. 196; *Chutnik S.* Dzidzia. S. 113; *Czerwiński P.* Pokalanie. Warszawa, 2005. S. 61.

85 *Czerwiński P.* Międzynaród. Warszawa, 2011. S. 29, 223; *Czerwiński P.* Przebiegum życiae. Warszawa, 2009. S. 78; *Piątek T.* Wąż w kaplicy. S. 9, 204; *Varga K.* Aleja Niepodległości. S. 103; *Piotr C.* Pokolenie IKEA. S. 183; *Chutnik S.* Dzidzia. S. 45; *Varga K.* Nagrobek z lastryko. S. 55, 213, 227; *Масловская Д.* Польско-русская война под бело-красным флагом // Иностранная литература. 2005. № 2. С. 62; *Czerwiński P.* Pokalanie. S. 37.

86 *Varga K.* Nagrobek z lastryko. S. 327; *Karpowicz I.* Balladyny i romanse. Kraków, 2011. S. 51; *Karpowicz I.* Niehalo. S. 51, 65, 90; *Beška K.* Wrzawa. Warszawa, 2004. S. 263; *Czerwiński P.* Przebiegum życiae. S. 15.

87 *Shuty S.* Zwał. Warszawa, 2004. S. 131, 155; *Varga K.* Aleja Niepodległości. S. 208; *Chutnik S.* Dzidzia. S. 44–45; *Varga K.* Nagrobek z lastryko. S. 130–131; *Shuty S.* Produkt polski. (recycling). Kraków, 2005; *Czerwiński P.* Przebiegum życiae. S. 215; *Масловская Д.* Польско-русская война... С. 54, 61; *Karpowicz I.* Niehalo. S. 65.

88 *Czerwiński P.* Pokalanie. S. 152–153; *Shuty S.* Zwał. S. 64; *Dzido M.* Małż. Kraków, 2005. S. 108–110.

89 *Жельвис В. И.* Язык и эмоции. Волгоград, 1995. С. 53.

I. E. Adel'gejm

The autopsychotherapy of a historical and structural trauma in the Polish prose (1990–2000s)

Psychotherapy that uses narrative approach is effective not only due to the emotional discharge one can get speaking out the problem, but also due to the ability to create a cohesive life story that helps analyse and change the real story of one's life. An autopsychotherapy of its kind is creative writing. The article shows the use of various artistic techniques in autopsychotherapeutic processes that aimed at overcoming the historical and structural traumas in the Polish prose (1990–2000s).

Keywords: *Polish prose, historical and structural trauma, autopsychotherapy, narrativisation of traumatic experience.*

А. Г. Машкова
(Москва)

Словацкая «литература факта» и биографические романы Лацо Зрубца

В статье кратко изложена история словацкой «литературы факта» XIX в. – начала XXI в., обозначены основные этапы ее развития, дана их краткая характеристика. Особое внимание уделено состоянию современного биографического романа. В центре исследования – роман Лацо Зрубца «Дважды умерший», повествующий о жизни и смерти венгерского поэта, словака по происхождению, Шандора Петефи / Александра Петровича. Автор приводит аргументы, подтверждающие принадлежность Петефи к словацкому народу и опровергающие официальную версию его кончины.

Ключевые слова: *«литература факта», биографический роман, Шандор Петефи / Александр Петрович, смерть, плен, версии.*

Термин «литература факта» вошел в употребление в Словакии в 1960-е годы, когда началось широкое обсуждение этого вида литературы на страницах периодической печати и когда он стал предметом дискуссий на конференциях (1961 г. – издательство «Младе лета»; 1968 г. и 1969 г. – журнал «Культурны живот»; «круглый стол» 1975 г. – журнал «Ромбоид» и др.). По материалам дискуссий были изданы соответствующие сборники. В то время эта литература находилась в поле зрения таких исследователей, как Я. Поляк, М. Юрчо, позже к ним присоединились Ю. Ноге, З. Клатик, И. Кусы, В. Петрик и др. До этого она обозначалась разными терминами (художественно-образовательная литература, научно-художественная литература, объективная литература, полезная литература, популярная литература и т. п.). Однако ее возрастающая популярность во второй половине XX столетия, богатство и разнообразие побудили критику высказаться не только за унификацию самого термина, но и за необходимость выделения ее в самостоятельный вид художественного творчества наряду с эпикой, лирикой и драмой. Важным представляется и констатация словацкими исследователями того, что литература факта является особым гибридным и парадоксальным феноменом, ибо она возникла на грани трех типов литературы – художественной,

публицистической и научной, что нашло свое отражение в ее жанрово-видовой структуре¹.

В разные периоды словацкой истории интенсивность развития «литературы факта» была неодинакова, неодинаковым был и ее жанровый спектр, тематика, что можно объяснить общим состоянием литературной жизни и задачами, которые стояли перед ней на том или ином этапе ее развития.

Так, в XIX в., когда в условиях жесточайшего национального гнета шел процесс формирования литературы, которая была важнейшей составляющей процесса становления нации, данный вид творчества находился в стадии зарождения. Его основоположниками были Людовит Штур и Йозеф Милослав Гурбан. Первый в своем путевом очерке «Путешествие в лужицкие земли» рассказал читателям о поездке в земли онемеченного лужицкого народа, что было для Словакии того времени чрезвычайно актуальным. На рубеже веков травелоги создают С. Гурбан-Ваянский и М. Кукучин, описавшие свои путешествия по землям южных славян и в Европу.

В первой половине XX в. жанровый спектр литературы факта расширяется, при этом травелог остается одним из ведущих жанров. Появляются даже так называемые «фиктивные» или «модифицированные» варианты травелогов, описывающие путешествия в Южную Америку, Африку (Л. Ондрейов «Африканский дневник», «По горам Суматры» – обе 1936 г., «Случаи в глуши», 1940 г., и др.), которые писатели никогда не совершали, а знали о них лишь из книг или из рассказов очевидцев. Очень популярны в это время были также жанры дневников, репортажей, воспоминаний, записок, в которых участники Первой и Второй мировых войн описывали свое участие в военных действиях, в движении Сопротивления, в Словацком национальном восстании, рассказывали о судьбах людей в фашистских концлагерях, о зверствах фашистов, о преследовании евреев и т. п. При этом, если в произведениях, повествующих о событиях Первой мировой войны, писатели стремились познакомить читателей с собственным духовно-биографическим опытом, отразить культурно-исторический взгляд на войну (Я. Грушовский «Из мировой войны», 1919 г., «Такими мы были», 1920 г., Я. Есенский «Из плена», 1918 г., «Рассказы о войне. Из дневников наших легионеров, 1919 г., и др.), то в произведениях о Второй мировой войне было заметно присутствие политической составляющей в освещении военной тематики (П. Карваш «Мост», 1945 г., Я. Коренко «Искусство мстить», 1945 г., В. Шалгович «Герой Налепка», 1946 г., и др.).

В 50-е гг., когда на смену идейно-эстетическому многообразию литературы приходит единственно разрешенная модель художественного творчества – соцреализм, политическая, идеологическая составляющая «литературы факта» становится определяющей. Ее основная цель – демонстрация успехов социализма, его преимуществ перед капиталистическим мироустройством. Об этом рассказывают путевые очерки, написанные на материале жизни в СССР и других соцстран, а также репортажи, описывающие успехи социализма внутри страны (Л. Мнячко «Воды Оравы», 1955 г., А. Плавка «В стране счастливых людей», Ф. Гечко «Москва – Ленинград – Ясная Поляна», 1953 г., А. Плавка «Румынская весна», 1954 г., В. Минач «В стране, где всходит солнце», 1955 г., и др.). Однако уже в 1960-е гг., по мере демократизации жизни словацкого общества, ситуация начинает меняться. Постепенно расширяется круг тем (культ личности – «Запоздалые репортажи» Д. Татарки, 1964, «Обвиняемый, встаньте!» Р. Калиского, 1963 г.; деформация отношений в обществе, негативные стороны жизни – П. Репка «Встань и иди», 1970 г., опубликована в 1998 г.; Л. Мнячко «Где заканчиваются пыльные дороги», 1962 г., и др.). Многие темы подвергаются переосмыслению (тема Восстания – М. Крно «Вернусь живым», 1957 г.). Богаче становится жанровый спектр, при этом его развитие идет в направлении укрупнения жанровых форм. В частности, большой популярностью, особенно в 1970–1980-е гг., пользуется жанр мемуарного романа, к которому обращается поколение писателей, достигших периода зрелости, когда у людей возникает потребность осмыслить собственный жизненный путь и все, что с ним сопряжено, поделиться этим опытом с другими людьми. Вместе с тем это была возможность в условиях нормализационного процесса напомнить читателям о традициях недавнего прошлого. Именно поэтому в своих книгах авторы вспоминают не только о своей жизни, семье, но и о судьбе своего поколения в контексте литературной и общественно-политической жизни своего времени. Только в течение двух десятилетий – 1970–1980-х гг. – были опубликованы десятки мемуарных романов (Урбан «Зеленая кровь. Воспоминания сына лесника», 1970 г., «Куда попало по Галинде», 1971 г., опубликована в 1992 г., «На берегу прозрачной реки», 1994 г., «Свобода – это не шутка», 1995 г.; А. Плавка «Влюбленный в жизнь», 1971 г., «Полная чаша», 1976 г.; П. Бунчак «Грешная молодость», 1973 г.; Я. Поничан «Бурная молодость», 1975 г., и др.).

С активным развитием мемуарного жанра в последние десятилетия связано и постепенное формирование биографического романа,

который прежде не был широко представлен в Словакии. Причем после образования Словацкой Республики в 1993 г. большой интерес создатели биографического романа проявляют к судьбам людей, пострадавших от коммунистического режима (Ш. Друг «Владимир Клементис – жизнь и творчество в документах», 1995 г.; А. Матёвчик «Йозеф Цигер-Гронский – драма жизни», 1995 г.; коллектив авторов «Жизнь и творчество Андрея Жарнова», 2000 г., и др.). Вместе с тем в рамках этого жанра формируется национально-ориентированная тенденция, которая характеризуется интересом к национальным традициям – литературным, историческим, к фигурам людей, оставивших заметный след в словацкой культуре (книги о Святополке, Яношике, Братиславе, Великой Моравии и др.).

В этом ряду интерес представляет творчество Лацо Зрубца (1931–2011) – автора биографических романов о знаменитых словаках («Личности нашего прошлого с древних времен до 16 века», 1991 г., о правителе Нитранского княжества Прибине «Первым был Прибина», 1994 г., «Всемирно известные словаки», 2000 г., и др.), рассказ о которых способствует утверждению национального самосознания словацкого народа. Особого внимания заслуживают два биографических романа Зрубца: «Дважды умерший» (2008) и «Ференц Лист и его любимые» (2010). В одном из них речь идет о жизни и творчестве Шандора Петефи, в другом – Ференца Листа. Эти выдающиеся деятели, будучи словаками по происхождению, вошли в историю мировой культуры как представители венгерской нации.

Остановимся подробнее на первом произведении. Однако прежде – некоторые соображения по поводу биографического романа. Как известно, существует несколько разновидностей биографического романа. Это **документальная биография**, в которой документ играет первостепенную роль, служит основой повествования, определяет стиль произведения; **научная биография**, основанная на научных изысканиях, в которой отсутствуют оценочные моменты автора; **беллетризованная биография**, где наряду с реальными фактами большую роль играет вымысел; **художественная биография**, которая открывает простор для авторской фантазии и которая отличается свободой авторского самовыражения. На мой взгляд, роман Зрубца «Дважды умерший» можно отнести именно к последнему типу биографии – жанру художественного биографического романа.

В соответствии с теорией Лотмана, начальным звеном рождения текста является «возникновение исходного символа, емкость которого пропорциональна обширности потенциально скрытых в нем

сюжетов»². Таким исходным смысловым символом в романе «Дважды умерший», который служит отправным пунктом для развития сюжета, стал факт смерти героя, о чем говорит само название произведения. К разгадке данного смыслового символа устремлено все повествование. Известно, что существуют противоречивые мнения относительно времени и обстоятельств смерти Петефи. Этот факт его биографии покрыт тайной, является как бы шифром судьбы венгерского поэта, разгадать который на протяжении длительного времени пытаются общественные деятели, ученые, журналисты, писатели разных стран.

Однако не только стремлением напомнить читателю о невыясненных обстоятельствах смерти Шандора Петефи продиктовано обращение автора к его судьбе. В эпилоге мы читаем о том, что в международной акции под названием «Выдающиеся деятели мировой культуры XVIII–XX столетий», которая прошла в 1980-е гг. прошлого века, среди 483 гениев были названы имена троих венгров: Ференца Листа, Шандора Петефи и Белы Бартока. Словаков среди предложенных не было, так как, по утверждению Зрубеца, пражское руководство, которое в то время представляло Чехословакию в этой акции, предпочло их обойти. Между тем Лист не был венгром, его мать происходила из Русовце близ Братиславы, отец и дед, который был учителем словацкого языка, были из Старого Юра рядом с Братиславой. А сам Лист (*слов. list* – письмо) не знал венгерского языка, его родным языком был словацкий, в обществе же он пользовался французским. Свою приверженность словакам он как бы подтвердил, создав произведение под названием «Торжественно славим Славян» в честь празднования тысячелетия прихода Кирилла и Мефодия на словацкую землю. Что касается Бартока, то он родился в Румынии, учился в братиславской гимназии, а затем в течение почти 30 лет был профессором музыки в Музыкальной академии Братиславы. Наконец, третий в этом ряду – Шандор Петефи. У обоих – Листа и Петефи – «были словацкие родители, словацкие души, словацкие сердца и родным был словацкий язык»³. Поэтому, как и Лист, Петефи также мог бы, с точки зрения автора книги, достойно представить словацкий народ в ряду других выдающихся деятелей культуры мира. Ибо, как пишет Зрубец: «Мы, словаки, небольшой, но упорный народ, проживающий в сердце Европы, мы дали миру не одну выдающуюся личность, которой гордятся главным образом наши южные и западные соседи. Точных доказательств достаточно для того, чтобы мы могли эти ошибки исправить»⁴. Из этого следует,

что основной задачей автора книги о Петефи было не только привести доказательства, опровергающие официальную версию кончины Петефи в период венгерской революции 1848–1849 гг., рассмотреть факты, подтверждающие его пребывание в русском плену и смерть в 1856 г. в Баргузине, но и попытаться привлечь внимание к словацкой судьбе Петефи. Таким образом, цель писателя – восстановить справедливость в отношении словацкого народа, показать, что его культура занимает достойное место в ряду других культур мира. Иначе говоря – цель патриотическая, цель, которая затрагивает национальное самосознание словаков.

Итак, за основу сюжета романа «Умерший дважды» взят фактический материал о жизни и творчестве классика венгерской литературы поэта Шандора Петефи / Александра Петровича – словака по происхождению. С помощью линейного, хронологического сюжета Зрубец воссоздает процесс формирования его личности, трагическую судьбу поэта. Перед нами история жизни гениального человека на фоне общественно-политической ситуации середины XIX в. Все события описаны по законам художественной прозы. И лишь две последние главы – «Поиски могилы» и «Эпилог» – представляют собой изложение фактов и документов.

С помощью художественного повествования автор представляет образ выдающейся личности и одновременно живого человека со свойственными ему сильными и слабыми сторонами характера. Так как многие подробности жизни Петефи и по сей день остаются неизвестными, недостающие материалы восполняются фантазией писателя, вымышленными ситуациями, диалогами, внутренними монологами и т. п. Иначе говоря, он допускает определенный произвол в целях биографической реконструкции человеческой и творческой судьбы Петефи.

Вся жизнь героя как бы разделена на два периода. Первый период – это время с момента рождения до официально признанной смерти в 1849 г. Автор подробно описывает семью, где родился будущий поэт, его детские годы, нежную любовь к матери и сложные отношения с отцом, попытки получить образование, процесс становления характера и формирование поэтического таланта, увлечение двоюродной сестрой Альжбетой, любовь к Юлии и рождение сына Золтана, участие в политической борьбе венгров за независимость в 1848 г., трагическую смерть от руки русских казаков в бою при Шегеншваре и захоронение в общей могиле в венгерском Кишкёрёши. Второй период – это так называемая жизнь после смерти. Если в

первой части преобладала событийность, она весьма динамична, то во второй мы видим усиление субъективного характера повествования, активизацию психологического начала. Здесь рассказывается о пребывании в русском плену, сначала в Виннице, затем в Баргузине, о женитбе на русской девушке Наташе, рождении сына, трагической смерти поэта. Однако все же большую часть повествования представляют воспоминания героя о доме, матери, семье, родных местах, воссозданные с помощью внутренних монологов в форме несобственно-прямой речи, снов, видений, которые имеют романтическую окраску.

В этой связи хотелось бы отметить наличие двух центральных мотивов в книге. Это мотив дома, матери, который имеет как прямое, так и условно-символическое значение – как мотив родины-Словакии. Герой часто обращает свой взор к нежно любимой им матери. При этом воспоминания о ней переплетаются с воспоминаниями о родном крае, словацкой природе и т. п. Второй мотив – мотив скитаний. В поисках своего «я», своего места в жизни, Петефи поменял много школ, объездил многие словацкие города, затем – это скитания в плену. Иначе говоря, мотив скитаний наделен в произведении метафизическим смыслом и воспринимается как символ жизненных испытаний, выпавших на долю поэта.

Как создатель художественного текста Зрубец использует соответствующие приемы. Так, мы видим здесь сочетание внешней биографии (последовательное изложение происходящих в жизни героя событий) и биографии внутренней, так называемого приема «психологических расшифровок». Именно благодаря последнему психологический портрет Петефи обретает объемность. Вместе с тем жизненность, достоверность этого образа достигается путем воссоздания событий общественно-исторической значимости, которые помогают глубже понять натуру персонажа. Исторический фон не только обогащает повествование, но и придает ему документальный характер. В частности, благодаря точным указаниям дат происходящих событий произведение обретает черты романа-хроники. Достоверный характер повествованию придает и включение в текст большого топографического материала, в частности названий городов, местечек, где бывал Петефи, исторических событий, в которых он принимал участие. Иначе говоря, здесь может идти речь о хронопической широте произведения, связующим звеном в котором является образ главного героя. Наконец, очень важным в этом плане моментом является включение в текст в качестве эпиграфов отрыв-

ков стихотворений поэта, реальных имен писателей, общественных деятелей, с которыми контактировал Петефи или которые имели к нему какое-либо отношение. Это словацкий поэт, основоположник идеи славянской взаимности Ян Коллар, который был учителем Петефи в Пеште, словацкий поэт-романтик Андрей Сладкович, с которым Петефи встречался, словацкие писатели-штуровцы, венгерский поэт Арани, реальные исторические личности – Кошут, Беем и т. п.

В заключительных главах писатель последовательно пытается восстановить версию смерти Петефи в Баргузине. Он приводит многочисленные выдержки из статей, опубликованных в венгерской и русской печати начиная с 1855 г. и вплоть до наших дней, подтверждающие обнаружение могилы Петефи на кладбище в Баргузине, включает в текст стихотворения поэта, написанные на словацком языке и опубликованные в баргузинской печати. Далее автор рассказывает о четырех международных экспедициях в Баргузин с участием венгерских, американских и российских ученых с целью установления истины, в частности, об эксгумации тела, о собственной встрече с человеком – русским генералом, державшим в руках произведения Петровича, написанные в России. Единственным препятствием для окончательного установления истины, как утверждает автор, стал запрет венгерских властей на эксгумацию тел матери и отца Петефи для проведения экспертизы ДНК.

Таким образом, заключительная часть романа «Дважды умерший», завершая историю жизни Петефи, выглядит вполне убедительной, ибо базируется на конкретном документальном материале. Она отвечает изначальной задаче, которую автор ставит перед собой: основываясь на фактах, доказать правомерность версии о смерти Петефи в России, а в итоге – того, что, будучи венгерским поэтом, он всегда оставался сыном словацкого народа, своей словацкой матери: свои последние произведения он писал по-словацки и подписывался своим настоящим именем: Александр Петрович.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Kusy I. Prelomový čas (Slovenská literatúra faktu). 1997. Literika. III. Č. 2; Jurčo M. Paradoxný svet literatúry faktu. Banská Bystrica, 2000.*
- 2 *Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. М., 1996. С. 214.*
- 3 *Zrubec L. Zomrel dva razy. Nitra, 2008. S. 191.*
- 4 *Ibid. S. 190.*

A. G. Mashkova

Slovak “literature of fact” and bigraphical novels of Laco Zrubec

The article is a concise history of Slovak “literature of fact” in the 19th-beginning of 21st centuries. It describes the main stages of its development and provides their brief outline. A special focus is on modern autobiographical novel. Most of the attention is dedicated to the novel of Laco Zrubec “Zomrel dva razy” about the life and death of the Hungarian poet, Slovak by origin: Sándor Petőfi (Alexander Petrovič). The author provides arguments for Petőfi’s Slovak national belonging and disproving the official version of his death.

Keywords: *“the literature of fact”, biographical novel, Sándor Petőfi (Alexander Petrovič), death, captivity, versions.*

А. С. Моругина
(Москва)

Экзистенциальные черты в образах главных героев романов Драго Янчара «Галерник», «Северное сияние» и «Звон в голове»

В статье рассматриваются романы современного словенского писателя Д. Янчара, их экзистенциальная основа и специфика ее отражения в образах главных героев произведений. Анализ мировоззрения протагонистов, сходство и различие их идейных позиций и поведения отражает развитие философских взглядов автора.

Ключевые слова: *современный словенский роман, экзистенциальная философия, проблема выбора.*

Прозаик, эссеист и драматург Драго Янчар (р. 1948) является одним из выдающихся современных словенских авторов, чьи произведения были удостоены национальных и международных литературных премий. Дебют писателя состоялся в начале 1970-х гг., когда Янчар публикует свое первое произведение – сборник рассказов «Паломничество господина Хоужвички», в котором, как и в последующем творчестве, прослеживается влияние философии французского экзистенциализма. С самого начала Янчара волнуют современные проблемы, он проявляет ярко выраженный интерес к судьбе и психологии своих героев, вынужденных существовать в условиях противостояния власти и истории.

Анализируемые романы, как пишет Н. Н. Старикова, сочетают в себе черты исторической и интеллектуальной прозы: «подлинность эпохи, документальность, историческую детерминированность главного героя... и вневременные проблемы бытия человека и окружающего его мира...»¹ Янчар считает, что человек прошлого «практически ничем не отличается от человека XX века»², поэтому при создании образа героя он стремится найти «точки пересечения мироощущений человека минувших столетий и настоящего», обнаружить в мире предков героя, «соотносимого с мировоззренческими проблемами современности»³. Как отмечает чешский литературный критик Ф. Бенхарт, Янчар обладает «исключительным умением создавать пространственно-временную атмосферу, воздавать истории то, что ей полагается, однако на этом не останавливаться: его цель – обнажить темные, неизведанные уголки человеческой души, задав-

ленные отчужденностью в обществе и в самом человеке»⁴. По словам словенской исследовательницы Х. Глушич, «произведения Янчара [...] повествуют о человеческой тоске и страдании, которые его персонажи хотят преодолеть, сразившись с судьбой. Они повествуют о страхе и сомнениях, о красоте и любви к жизни, о гордости, храбрости и страсти...»⁵ Часто главные герои Янчара – люди «на грани», находящиеся в самом низу социальной лестницы, вынужденные жить в мире абсурда и насилия, против которых они восстают. Нередко такое столкновение приводит к гибели героя, что присуще многим европейским экзистенциальным романам.

Характерный для янчаровской прозы и драматургии тип героя-аутсайдера формируется в 1970-е гг., в так называемое «свинцовое» десятилетие недавней истории СФРЮ. Реагируя на общественные противоречия своего времени, писатель исследует противопоставление «власть – индивидуум» в сфере политики и морали и одним из первых в словенской литературе создает востребованный культурной средой той поры образ героя-одиночки.

Наиболее яркое воплощение этот образ находит в романе «Галерник» (1978), основой которого становится тема столкновения личности и эпохи, человека и власти. «Галерник» стал новым типом словенского исторического романа, в котором автор на материале истории Европы XVII в. обращается к экзистенциальной проблематике. Спасаящегося бегством от гонений инквизиции героя Йохана Ота отличают интеллектуальность, сомнение во всем и вся, поиск смысла жизни и сущности истории, попытка осмыслить происходящее, а также стремление к свободе, аполитичность, несогласие с насилием и злом в обществе.

Во многом наследует черты Ота коммивояжер Йозеф Эрдман, герой романа «Северное сияние» (1984), в котором события разворачиваются накануне Второй мировой войны в словенском городе Марибор. Герой осознает, что Европа стоит перед угрозой Апокалипсиса, а в обществе нарастают социальные противоречия и идейная дифференциация. Однако Эрдман далек от политики и революционных настроений тех, кто жаждет перекроить общественное мироустройство. Единственно возможной формой свободы для него в это трагическое время становится безумие. В Мариборе, пережив любовную трагедию, герой сходит с ума, его возвращают в Линц и назначают лечение электрошоком.

В романе «Звон в голове» (1998) Франц Кебер, отбывающий наказание в югославской тюрьме за ограбление почты, оказывает-

ся невольным зачинщиком бунта заключенных. По мысли писателя, события повторяются – всё, происходящее сейчас когда-то уже случилось, поэтому в сюжет о восстании югославских заключенных в конце 1960-х гг. включены эпизоды осады римлянами иудейской крепости Масада в первом веке н. э. Роман характеризуется многоплановостью, которая дает возможность множественного прочтения и интерпретации всех присутствующих в тексте уровней проблематики – социальной, психологической и философской.

Сходство между тремя героями прослеживается уже в биографии и мировоззренческой позиции. Все они так или иначе связаны с военными событиями, на всех сказывается их губительное воздействие. Сведения об их прошлом имеют фрагментарный характер, многое остается скрыто, о себе герои чаще всего рассказывают по принуждению (под пытками или на допросе). Их мучит бессонница, они кричат или разговаривают во сне, испытывают постоянное беспокойство, не выносят замкнутого пространства. Безыдейность и внутренняя независимость обрекают их на одиночество: они чужды внешнему миру, и мир враждебен по отношению к ним.

Основной категорией в экзистенциализме является понятие существования, которое отождествляется с субъективными переживаниями человека и проблемой свободы, понимаемой не как свобода духа, а как свобода выбора. В качестве определяющих свойств экзистенциального героя можно назвать имманентно присущее ему одиночество и попытки его преодоления, поиски абсолютной свободы, чувство абсурдности и хаоса бытия, утрата смысла жизни, беспредметная тревога, предельное отчаяние. Ключевой категорией европейского экзистенциального мировоззрения является понятие пограничной ситуации, то есть существования перед лицом смерти. В романах Янчара влияние философских идей Сартра проявляется в том, что его герои также сталкиваются с непреодолимым божественным фатализмом (подобно Оресту из пьесы Сартра «Мухи»).

На основании названных устойчивых характеристик в творчестве словенского автора можно выделить экзистенциальный тип протагониста, наследующий черты героев Сартра и Камю. Сохраняя устойчивые черты, европейский экзистенциализм в творчестве писателя дополняется специфической национальной проблематикой. Янчаровских героев от европейского прототипа отличает экзистенциальный мотив путешествия, блуждания, зачастую связанный с поиском национальной идентичности. Мотив отчужденности автор сводит к буквальной форме: все рассматриваемые герои – мигранты,

покинувшие родные края, говорящие на нескольких языках. Во время своих странствий они оказываются в «пограничной ситуации», перед выбором: подчиниться существующему порядку или восстать против него. При этом странствие отражает внутреннее развитие (как эволюцию, так и инволюцию) героя, временная остановка обусловлена идейным или духовным кризисом, конец пути связан с достижением подлинного понимания свободы. Фундаментальное для экзистенциальной философии понятие подлинной свободы, не зависящей от внешних казуальных связей, герои обретают в парадоксальной ситуации заключения (на галере, в психиатрической клинике, в тюрьме).

Скитания главного героя романа «Галерник», вызванные бегством от инквизиции, напоминают перемещение по социальной пирамиде от жизни зажиточного бюргера до рабства на галере. С проблемой социальной иерархии связано само заглавие романа: галерник – последний уровень социального падения героя и одновременно высшая точка его духовного освобождения, когда внутренняя свобода оказывается выше свободы физической: «Йохан От понял: в каждом галернике живет его собственная свобода. Никто не может лишить его, Йохана Ота, свободы. Ни бич, ни суровое море... Все мы тут заключенные. В цепях или без цепей, со свистком или кнутом в руках, с кляпом в зубах или с веслами в окровавленных ладонях – все мы прикованы к этой старой посудине»⁶. Это экзистенциальное ощущение свободы герой воспринимает скорее как бремя, нежели как достижение. На каждом новом этапе своих странствий он пытается влиться в социум, терпит неудачу и оказывается в пограничной ситуации, между жизнью и смертью. Умирая в финале от чумы, герой проявляет удивительную волю к жизни. Словенский литературный критик А. Инкерт обратил внимание на то, что гипотетическая смерть Йохана Ота – это «неизбежный, унижительный, несчастный конец»⁷. Он не приносит себя в жертву высоким идеалам, в его смерти нет идеи. Однако сам факт гибели героя отходит на второй план перед лицом его необычайной жизнестойкости, что в экзистенциальной философии гораздо важнее смерти во имя человечества или истории.

Странствующий по Европе коммивояжер Йозеф Эрдман, утративший свою национальную идентичность и запутавшийся в противоречиях времени, делает остановку (буквально – оказывается на железнодорожной станции), чтобы разрешить внутренний кризис. Рассказ Эрдмана похож на дневник, изложение событий в котором

ведется отстраненно, даже отчужденно, подобно тому, как герой экзистенциального романа наблюдает себя со стороны (яркий пример – Антуан Рокантен в романе Ж. П. Сартра «Тошнота»). Янчар отмечает, что для большинства путников Марибор – «лишь промежуточная станция на пути следования»⁸. Для Эрдмана этот город становится последней остановкой перед шагом в безумие. Город принимает всех, его пространство постоянно нарушается, в нем смещены понятия «свой» и «чужой» (Марибор располагается недалеко от Австрии). В город детства героя привело желание найти свои корни и обрести потерянный некогда дом. Символ утраченного дома в «Северном сиянии» олицетворяет макет земного шара в руках Творца, парящий под куполом церкви, до которого герой, будучи ребенком, хотел дотянуться. Примечательно, что фамилия Эрдман составлена из немецких слов «die Erde» – Земля, земной шар – и «der Mann» – мужчина. Именно в тот момент, когда Эрдман находит заброшенную церковь своего детства, его метафизическое бегство от настоящего удается. Он чувствует себя ребенком и ложится на пол в позу эмбриона. «Я – дитя, которое получило то, чего жаждало, и хорошо, что я ничего не понимаю и ничего не могу изменить»⁹. Северное сияние (это нетипичное для Центральной Европы природное явление действительно было зафиксировано метеорологами в Мариборе), ставшее для героя последним шагом на пути к безумию, – знамение будущего прихода в этот мир зла в лице наступающего фашизма. По мнению Янчара, зло существует не только в конкретном воплощении (унижение, ненависть, отчуждение), но и как абстрактная категория. Схожую трактовку понятия зла можно обнаружить в романе А. Камю «Чума» (1947), где речь идет не только о «коричневой чуме», как называли фашизм в Европе, но и об абстрактной категории зла, существующей на протяжении всей мировой истории. Персонажи Камю Тарру и доктор Риз считают, что зло заложено уже в самой природе человека, но, в отличие от героя романа «Северное сияние», они, понимая бессмысленность усилий и борьбы, видят свой долг в противостоянии этому злу.

Отражением жизненного кризиса героя романа «Звон в голове» становится его пребывание в югославской тюрьме строгого режима. Дневниковая, исповедальная форма свидетельствует о том, что в центре внимания писателя находится в первую очередь личность, ее психология и философия. Всю свою жизнь Кебер проводит в странствиях: «...замкнутый человек всегда путешествует»¹⁰, – говорит он. Такой образ жизни приводит к тому, что герой не может с уверенно-

стью сказать, где его настоящая родина. Постоянное существование в пограничных ситуациях помогает ему осознать не только собственную свободу, но и необходимость предоставления свободы другим, о чем он заявляет с помощью бунта. Мотив бунта характерен для произведений Камю и Сартра, где в сходной с янчаровской тюрьмой Ливада атмосфере гнетущей враждебности и насилия герой-бунтарь восстает против Отца, Бога или власти. Подобно Антуану Роконтену, Кебер также испытывает болезненный, переходящий в физический недуг симптом человеческого существования и обреченности на свободу. В разговоре с начальником тюрьмы в ответ на вопрос, что побудило его выбросить телевизор в окно и начать таким образом бунт, герой отвечает, что всему виной «звон в голове». В интервью газете «Приморске новице» Янчар называет кеберовский «звон в голове» «призывом к деятельности»¹¹, в романе же объясняет его появление тем, что герой осознает «собственную свободу воли» и то, что «все события и твой выбор заранее предрешены»¹². Экзистенциальный дискурс Янчара близок этическим идеям М. М. Бахтина о субъекте и поступке, в которых речь идет о категориях «должного выбора», то есть «ответственности за свою единственность, за свое бытие» и «пассивности» как свободно избираемой формы существования¹³. В случае избрания пассивной жизненной позиции бытие личности дает трещину, так как вне ответственного волевого поступка личность перестает быть личностью.

Исторические периоды, в которые развивается действие романов, выбраны не случайно. Янчара интересуют переломные события в истории человечества, которые позволяют определять важнейшие законы исторического развития и обращаться к вневременной универсальной проблематике. Выбирая эпоху, Янчар проявляет устойчивый интерес к христианству, вопросам кризиса религиозного сознания. В романе «Галерник» появляется образ пустой, покинутой Богом часовни, в «Северном сиянии» герой занят поисками церкви своего детства, где его посещает видение, что изображенный под ее куполом Бог выпускает из своих немощных рук земной шар, и он падет в бездну. Тезис о смерти Бога в современном мире нашел яркое отражение в романе «Звон в голове»: Бог не спасает ни иудеев, ни героя, ни его возлюбленную, а потому, полагает Кебер, не так уж и важно, есть он или нет.

Философия экзистенциализма воспринимает мир с точки зрения кризисной эпохи. Проблема заключается в том, что такой «обезбоженный» абсурдный мир не дает основания для этической основы,

человеку в нем не на что опереться, он может с одинаковым успехом выбрать и судьбу героя, и судьбу преступника. Весь мир, история и люди связаны непрерывным взаимодействием сил добра и зла, которые каждый носит в себе. Чему служить, человек выбирает сам, именно свобода выбора в экзистенциальной философии – единственно возможная для индивидуума акция, которая и есть воплощение его подлинной свободы.

Роман «Звон в голове» открывает новый этап в эволюции героя Янчара. На место персонажа, бегущего от окружающей действительности и не стремящегося отстаивать свои взгляды, приходит борец за человеческое достоинство, заявляющий о своем праве на внутреннюю свободу вопреки законам эпохи, в которую он живет.

В образе Кебера соединяются как экзистенциальные, так и христианские черты (чувство стыда, вины, страдания, преодоление низменных инстинктов). Главный герой оказывается в обществе, где человеческие отношения основаны на насилии, человек часто лишен духовных ориентиров и веры в Бога. Для Кебера распятия, которые коллекционирует его возлюбленная Леоница, не более чем сувениры, языческие «божки». Всю жизнь он ждал, что Бог заметит его страдания и придет на помощь. Но этого так и не произошло. И тогда возникает «звнящее ничто»¹⁴, как называет свой недуг герой. По замечанию словенской исследовательницы В. Матайц, «смысл жизни иудеям придавало наличие божественного провидения, а Кеберу остается лишь звон, за которым – это самое “ничто”»¹⁵, пустота. Янчар видит подлинное достоинство и свободу человека в стремлении изменить не историю, а свою природу, взяв на себя ответственность за совершаемые поступки. По словам писателя, «единственная возможность освобождения заключается в самом процессе освобождения. Если конечной цели невозможно достичь, остается лишь движение, движение само. И в этом процессе – этика и катарсис, несмотря на всю предрешенность такого начинания»¹⁶.

Отличия между главными героями по отношению к экзистенциальным категориям пограничной ситуации и бунта

Роман	«Галерник»	«Северное сияние»	«Звон в голове»
Ключевая пограничная ситуация	Галера, заболевание чумой	Остановка в Мариборе в канун войны, трагическая любовь, безумие	Тюрьма, бунт заключенных
Результат странствия	Эволюция (новое понимание свободы)	Инволюция (сходит с ума)	Эволюция (бунтует)
Тип героя в отношении бунта	Пассивный герой. Не бунтует, а спасается бегством	Пассивный герой. Невозможность изменить ход истории, бессмысленность бунта	Активный герой. В безвыходной ситуации борется за свободу выбора и человеческое достоинство

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Старикова Н. Н.* Литература 1970–1980-х годов // Словенская литература XX века. М., 2014. С. 197.

2 *Jančar D.* Ko se nasanjamo, bomo spali naprej. Pogovori. Celovec; Ljubljana; Dunaj, 1997. S. 257.

3 *Старикова Н. Н.* Исторический роман в словенской литературе конца XX – начала XXI века. Между «массовым» и «элитарным» // Славяноведение. 2011. № 3. С. 66.

4 *Benhart F.* Galjot in tisti drugi. Temne strani življenja // Naši razgledi. 11.8.1989. Št. 15. S. 458.

5 *Glušič H.* Drago Jančar in odprtost samobitnosti // XXVIII. Seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Zbornik predavanj. Ljubljana, 1992. S. 94.

6 *Янчар Д.* Галерник // Ненадич Д., Янчар Д., Куленович С. Дорогтей. Галерник. Подземная река. М., 1982. С. 451.

7 *Inkret A.* Tujci, disidenti in blodniki. Drago Jančar. Galjot. Ljubljana, 1984. S. 414.

- 8 *Jančar D.* Северное сияние. М., 1990. С. 27.
- 9 Там же. С. 202.
- 10 *Jančar D.* Zvenenje v glavi. Ljubljana, 1998. S. 78. Здесь и далее перевод цитат сделан автором статьи.
- 11 Primorske novice od 6. septembra 2011 / *Drago Jančar*, književnik v fokusu. <http://www.primorske.si/Kultura/Vilenica/Drago-Jančar-književnik-v-fokusu.aspx>.
- 12 *Jančar D.* Zvenenje... S. 233.
- 13 *Бахтин М. М.* К философии поступка. Работы 20-х годов. Киев, 1994. С. 43.
- 14 *Jančar D.* Zvenenje... S. 233.
- 15 *Matajč V.* Osvetljave: kritiški pogled na slovenski roman v devetdesetih. Ljubljana, 2000. S. 137.
- 16 *Jančar. D.* Ko se nasanjamo, bomo spali naprej. S. 26.

A. S. Morugina

Existencial traits in the images of main characters of Drago Jančar novels
“Galiot”, “Northern Lights” and “Ringing in the Head”

Drago Jančar is a contemporary Slovene writer. The article concentrates on his novels, their existential basis, and the specific way it is reflected in the images of the protagonists. The analysis of the world view of the main characters, the similarity and differences of their ideas and behaviour reflect the development of author's philosophical views.

Keywords: *contemporary Slovene novel, existential philosophy, the problem of choice.*

А. Н. Красовец
(Москва)

Цветка Липуш и Майя Хадерлап: множественная языковая и культурная идентичность словенских поэтесс австрийской Каринтии

В статье представлены два поэтических сборника словенско-австрийских авторов: «Что мы, когда мы» (2015) Цветки Липуш и «Долгий переход» (2014) Майи Хадерлап, в которых известные поэтессы передают свое глубоко личное отношение к языку и национальной и культурной идентичности.

Ключевые слова: *Цветка Липуш, Майя Хадерлап, литература словенского меньшинства в Австрии, каринтийские словенцы, поэзия, двуязычие, национальная идентичность.*

Цветка Липуш и Майя Хадерлап являются представительницами литературы словенского меньшинства в австрийской Каринтии, каждая из них выражает свой индивидуальный взгляд на множественную идентичность поэтического творчества двуязычных авторов.

Австрийская поэтесса словенского происхождения Цветка Липуш родилась в 1966 г. в Айзенкаппель-Феллахе (слов. *Železna Karla*), так же как и ее соотечественница, двуязычная австрийско-словенская поэтесса и писательница Майя Хадерлап, 1961-го года рождения. Цветка Липуш изучала литературу, славистику и библиотековедение в университетах Клагенфурта, Вены и Питтсбурга, пятнадцать лет прожила в США, с 2009 г. живет в Зальцбурге. Она является дочерью словенского зарубежного писателя Флорьяна Липуша (род. 1937), ставшего в 1960 г. одним из основателей словенского каринтийского литературного журнала «Младье» («*Mladje*»). С 1990 по 2000 годы Цветка Липуш наряду с Майей Хадерлап и Фабьяном Хафнером также участвовала в издании этого журнала. Она – автор семи поэтических сборников, отмеченных рядом важных премий. Последний из них, «Что мы, когда мы»¹, в 2016 г. получил на родине награду фонда Прешерна.

Майя Хадерлап изучала германистику, философию и театральное искусство в Венском университете, защитила докторскую диссертацию по театроведению. Работала как драматург в театрах Триеста, Любляны и Клагенфурта, преподает историю театра и драматургию в Клагенфуртском университете. Автор ряда поэтических

сборников, один из которых, «Посох» («Bajalice», 1987), в 1989 г. также получил награду фонда Прешерна. С 1989 по 1992 годы Хадерлап являлась главным редактором журнала «Младье». За свой роман 2011 г. «Ангел забвения»² Майя Хадерлап была удостоена премии Ингеборг Бахман, одной из самых главных литературных наград в среде немецкоязычных авторов. За ней последовали премия Бруно Крайского за политическую книгу, почетный знак земли Каринтия, премия Винченца Рицци в 2013 г. В 2012 г. Майя Хадерлап была удостоена звания почетного доктора Клагенфуртского университета, с 2016 г. является членом Немецкой академии языка и поэзии.

Писательница посвятила свой романский дебют воспоминаниям своей бабушки и отца, пережившим тяжелое испытание Второй мировой войной и нацизмом, отложившим неизгладимый отпечаток на словенцах австрийской Каринтии. Книга вышла десяти тысячным тиражом, была неоднократно переиздана, переведена на словенский, итальянский, французский и английский языки. В 2014 г. на немецком языке был опубликован поэтический сборник Хадерлап «Долгий переход»³, в апреле 2016 г. увидел свет его словенский перевод «Dolgo prehajanje»⁴.

Обе поэтессы по-своему раскрывают проблему идентичности и принадлежности к каринтийским словенцам, неоднозначный и не являющийся очевидным вопрос, который каждый представитель словенского национального меньшинства в Австрии вынужден решать для себя сам. Путь их самоидентификации также неминуемо проходит через язык. Так, темы национальной принадлежности, изгнания, чужести, инаковости, родины, детства, предков, родного языка, поиска дома и тема пути как жизненной позиции находят свое индивидуальное преломление в творчестве обоих авторов, что неминуемо соотносено с проблемой поэтического созидания как такового.

Цветка Липуш начала писать свой поэтический сборник «Кто мы, когда мы» по возвращении в Австрию после пятнадцатилетнего пребывания в США, стихи сборника являются плодом этого переходного для поэтессы периода как в языковом, так и в географическом плане. Она живет в ситуации триязычия, при которой ее профессиональная и повседневная жизнь протекает на немецком и английском языках, а словенский неизменно связан со сферой интимного поэтического творчества. Поэтому, как утверждает Липуш, ее отношение к языку, по всей вероятности, отличается от ситуации писателей, которые живут только в одном языке⁵.

Роман Майи Хадерлап «Ангел забвения», получивший широчайший резонанс как в Австрии, так и в Германии и Швейцарии,

открыл путь к осознанию важнейшей проблематики каринтийских словенцев, трагичной судьбы борцов против нацизма, участников партизанского движения, оказавшихся после окончания войны, в отличие от югославских участников движения Сопротивления, в статусе предателей родины, чужих и изгоев в новой Австрии. Роман несет автобиографические черты, с помощью приема детской перспективы повествует о судьбе бабушки героини, пережившей наряду с другими каринтийскими словенками депортацию в концентрационный лагерь Равенсбрюк, и об отце, ставшем в десять лет жертвой нацистских пыток, а в двенадцать – одним из самых молодых партизан, а также о печати, которую наложил этот травматичный опыт на всю их дальнейшую жизнь и жизнь их близких. Пережитое во время войны усугубилось послевоенной ситуацией, когда каринтийские партизаны попали в разряд отверженных и были вынуждены жить и выживать с грузом исторической несправедливости, скрывая и замалчивая пережитое. Словенскому автору удалось донести уникальную и очень личную историю своих близких благодаря выразительной поэтичности своего текста, нацеленного на осознание более глубоких бытийных составляющих истории, без осуждения и идеологических клише. Роман стал первым произведением писательницы, написанным на немецком языке, до этого она издала несколько сборников стихов по-словенски. Хадерлап говорит о том, что словенская история по-немецки оказалась лучше услышана. С самого начала она решила, что будет писать не на своем родном языке, что стало для нее своего рода освобождением, позволило установить дистанцию по отношению к повествуемому, выстроить своеобразный «защитный механизм», поскольку истории, о которых она рассказывает, – это то, с чем ей приходилось жить с раннего детства и что стало частью ее самой. При этом очевидно, что действие происходит в среде словенцев на словенском, который представляет язык наиболее интимного и любящего общения внутри семьи. На словенский язык роман перевел опытный переводчик Штефан Вевар. По словам Хадерлап, словенский перевод был для нее так же важен, как и оригинал, и полученный результат несколько не разочаровал. Сотрудничество с Веваром привело к тому, что он стал переводчиком ее поэтического сборника «Долгий переход».

Размышления о вопросах идентичности, о грузе столь непростого подвижничества для представительниц словенского каринтийского меньшинства выливаются в проникновенные поэтические строки. Оба автора стремятся выйти за пределы узкой привязанности к

одному пространству, открыть свою маленькую родину миру. Так, в своей поэзии Цветка Липуш стремится освободиться от ощущения пойманности в каком-то одном географическом месте, не живя более двадцати лет в Каринтии, она присваивает себе другие пространства глобального мира, в ее поэзии появляются Америка, Нью-Йорк, Шанхай. Многокультурность и многоязычие являются ее принципиальной жизненной позицией, однако языком ее внутренних поэтических диалогов все же остается словенский.

Размышления об идентичности неизменно возвращают поэтесс к своему детству, проведенному среди Каринтийских гор; так, природа зачастую производит впечатление чего-то гнетущего, откладывающего свой отпечаток на людях. Приведем два стихотворения на эту тему: «Провожатый» («Vodič») Цветки Липуш и отрывок из «То, что было» («Kar je bilo») Майи Хадерлап:

Провожатый

Когда ты растешь в глухом краю,
 где совы желают тебе спокойной ночи,
 где взрослые берут с собой ружье
 или веревку, где из каждого автомобиля
 на пешехода направлен пристальный взгляд, где беседа
 крещена вином, где ты теряешься в журчании
 ручья, собачьем лае, где кроме
 почтальона и пекаря лишь смерть стучит
 в дверь, ты доверяешься страху.
 Посреди просеки, где скапливается
 жар, горло твое наполняется смолянистой
 тишиной, так что с открытым ртом со всех ног ты несешься домой⁶.

То, что было

[...]

Ничего нельзя сделать, никогда ничего.

Пока мы росли,
 как стебли, к всемогущему небу,
 к которому нам не нравилось быть слишком близко,
 погибали близкие нам люди.
 С кроваво-опухшими глазами они сидели,
 уставившись на нас, не зная,
 на какой они стороне жизни.
 Мы еще лепили разноцветные наклейки

на все, что нам довелось увидеть,
записывали солнце, землю и месяц,
улицу, дом, лес и цветок.
То, что мы открывали, тут же,
словно разоблаченное, исчезало.
Из календарей мы вырывали года,
из желобов веяло гнилью,
постоянно преследующий нас пар.
Пока мы росли, стариков
ломали набеги на мир⁷.

Поиск ответа на поставленный в названии сборника вопрос «Кто мы?» заставляет Цветку Липуш задуматься о наследстве, оставленном родителями, прабабушками и прадедушками, о «коктейле генов», как говорит она сама, об этой «вавилонской башне из эха прошлого и настоящего», пойманных в короткий промежуток времени существования мгновений, начал, подъемов и падений, сожалений, продолжений, принципов и предрассудков. О чувствах отчужденности и приспособлении к новой среде, об ощущении внутренней бездомности и изгнанничества Липуш пишет в стихотворении «Посмотри на нас, как мы плывем в воздухе» («Poglej nas, kako lebdimo»):

1.

Когда мы переезжаем, начинаем ходить на концерты.
Как беженцы, которых занесло в незнакомый край,
мы следим за дирижером сквозь метель звука,
до тех пор, пока фортепианные клавиши не постучат в
расстроенные сердца.
Следуем за гидом, охотником за крысами, который тянет
за собой стаю посетителей сквозь церкви,
дворцы, мимо статуй генералов, которым голуби
причесывают брови. У бронзовых всадников начинают свербеть
ступни,
когда их окружают иностранные акценты. Чужаки, мы тянемся
за крошками радушия к столу тех, кто здесь свой.
Нас угощают годами на фасадах домов,
шепотом ризниц, обломками крепостной стены,
посыпанными солью как крендели на прилавке,
так что мы пьяные от чужой истории возвращаемся домой.

2.

Сватаемся к пейзажу, который подает нам зеленую руку
в знак приветствия, лишь позднее, после рукопожатия,
мы угадываем реку, водные жилы. Каштан в теплых карманах
приручает пальцы к осени, которая поймает нас в свой капкан,
так что лица побледнеют, закутанные в куртки фигуры
превратятся в волшебные цветные веснушки на серо-
коричневой акварели. Когда мы одни, ныряем
в прошлое как в домашний халат. Как он мягко нас
кутает. В золотом сиянии поднимается над нами день, когда в
утренней тишине
потягиваем кофе и заспанные тарачимся на растерянные стулья,
которые осторожно ступают ногами на новую землю.

3.

Из-за шторы шуримся на городские подмостки, готовящиеся
к рабочему дню. Ширится шум жестяной гусеницы,
ползущей из предместья в центральный блеск, где барочный сад
поправляет подстриженную прическу в зеркале тонкого льда,
наряд для фотокамер бесчисленных гостей, уже дремлющих
в гостиничных номерах. На иностранных языках они видят сны о
рогаликах,
которые рыцари бросают с крепостной стены в оркестровую
яму. Когда мы вступаем в уличную сцену, принимаем все,
что падает нам в руки – флажки с наконечников
зонтов азиатских гидов, слепой взгляд каменного ангелочка,
быстрый шаг загородной ноши, – и подставляем лицо
холодному воздуху, так что глаза начинают слезиться и над рекой
появляется радуга голубей, нот и белых париков⁸.

Тема внутреннего изгнания и миграции получает новые ноты в стихотворении Хадерлап «Переход» («Prehod»), где речь идет о покинутом родном языке, а вместе с ним и об оставленной жизни и старом мире:

На побережье нового мира ты отложишь в сторону
свой родной язык. Облака, которые
плавают над тобой, станут отзвуками
слов, которые ты когда-то говорил,
а теперь молчишь. Спустя долгое время после тебя

прибудут всадники на облаках
твоих притворств: любовь, забота, гармония,
чужие, как великаны Ла-Манша. Грубо
вытесанная рамка из дыма – дом, в котором
ты некогда жил. Едва различимый,
плывет над тобой, непостижимый, как ты.
Выброшенные морем, старая расческа,
не тот носок при подходящем ботинке.
Скомканный горизонт в твоей руке,
остров из красочной бумаги.

Все происходит вместе со словом,
в котором я ширюсь, разветвляюсь.
Все меня оставляет, что осталось
невывказанным; что не прояснилось
в языке, проходит. На конце
мысли сохранен конгломерат
стараний. Расстроенный,
расшатанный и без повода, каждый
мой шаг со словом, я проталкиваюсь
сквозь свое время, которое меня уносит
и выбрасывает на берег. В одной-единственной клетке поймано
предчувствие всего зла. В сегодняшнее, слепящее
врывается письмо. Когда оно замирает,
показывается его старый панцирь из страха⁹.

Так возникает одна из главных тем сборника Майи Хадерлап — проблема языка, словенского как ее родного языка, с которым связаны светлые воспоминания детства, описания природы, а также размышления об истории словенского народа, которая представляет собой не историю завоевателей, а лишь борьбу малочисленного народа за свою идентичность посредством языка. Главный же акцент в сборнике сделан на том, что этот язык стал мал для автора, поэтические циклы — это длительное прощание со словенским языком, из которого, как она говорит, «выселилась», и переход к немецкому. Все это парадоксальным образом описано по-немецки. Поэтесса очень искренно передает наблюдения над происходящими в ней процессами. Прочитаем два стихотворения: «Дом старого языка» («Hiša starega jezika») и «Мечтающий язык» («Sanjajoči jezik»):

По коридорам языка, из которого я
выселилась, безголово мечутся пчелы.
Перелетные птицы, которых оставил стыд,
опорожняют кишечник по комнатам,
будто они наконец-то дома, там,
где когда-то были. Язык меня
приковывал к миру, но не мог меня насытить.
Когда я вгрызлась в него, то вкусила
его пустоту. Как мало я
пустила после себя, и, однако же, все, что осталось
от лет, через которые я пронеслась. Эпохальные обеты
лежали за их пористыми,
атрофированными стенами, как и милый стих,
обещавший мне еще молоко и мед,
тогда как уже давно образовалась трещина.
Наконец, я двинулась в путь. Оставленное
последовало за мной. Пришло к назначенному месту,
я же... упорно продолжаю кружить¹⁰.

Мечтающий язык

Мой малый язык во сне мечтает о стране,
в которой плетет гнезда слов,
чтобы роями улететь через границы,
которые не его границы. Перерасти он хочет
самого себя, подняться хочет к дальним
аллеям духов из воды и газа, нырнуть
к черным морским трубам,
в изговоримое поймать каждое явление
и его зыбкие тени,
как радужная словесная популяция
поселиться в людях, которые на нем говорят
и пижут, отложить личинки в поры
их кожи. Мой язык хочет быть
необузданным и великим, хочет убежать от страхов,
обитающих в нем, от светлых
и темных историй, в которых его спрашивают
о ценности и его значимости. Лишь
помечтав, он нежно расправляет крылья, весь гибкий

и легкий, такой, какой есть, почти еще стих¹¹.

Так, словенский для автора несет на себе груз оправдания своего существования, родительских травм, очевидно, ей хочется освободиться от тяжести боя за идентичность, от невозможности насытиться этой борьбой. В своем романе «Ангел забвения» она также говорит о своем переходе от словенского к немецкому: «Во время моей работы в Клагенфуртском театре словенский уходит из моих текстов. В один из дней я обнаруживаю, что в моих записках и пометках его больше нет, что он выселился из ящиков, оставил мой письменный стол и взял с собой свою самую красивую одежду. Как обиженная красавица, уставшая от моих измен, думаю я, когда произошедшее изменение открывает мне глаза. Я пытаюсь понять, изменилась ли с языком, который сбежал от меня, и моя манера мыслить, или же вместе с языком, который вырос у меня на устах и положил мне цепь в ладонь, чтобы я могла тянуть к себе мир, тот выскользнул у меня из рук? Я должна была прежде оставить неопределенный, особняком стоящий мир между языками, который долго бросал меня из стороны в сторону и который не знал никакой безусловности, скажем, писания на одном языке со своим все решающим “или – или”? Снаружи все остается неизменным, все как раньше. Словенские книги стоят, как стояли раньше. Словенский язык я не забываю, не оставляю, не таю. Ничего украдкой не меняется. Лишь что-то, за что нельзя ухватиться, что-то воздухом подобное ломается. Лишь строки моих стихотворений скользят в новый наряд и осматриваются по новым краям, так как хотят убежать от ничейной земли через границу»¹².

Продолжением размышлений о тонких и запутанных нитях, соединяющих существование двух языков во внутреннем «я», является поэтическое признание Хадерлап, отпечатанное на задней стороне обложки сборника «Долгий переход»: «Нет другого такого края, который так сильно звал бы к замене слов, к переводу, как языковая граница. В таком крае, или, более того, в таком пространстве, обитаю и я. Оно невидимо и похоже на затемненный коридор, который я выстроила или выкопала в качестве связующего пути между определяющими меня языками. В отличие от узких, далеко не так основательно возведенных коридоров, ведущих к другим языкам, этот заполнен кулисами из прошлого и истории моих языков. Набитые шкафы и трещащие по швам ящики в нем так и ломаются от вымышленных, услышанных и пережитых историй. В этом коридоре я упражняюсь в незаметности, здесь бесконечно расхаживаю вверх-

вниз, туда-сюда и расспрашиваю то одну, то другую сторону. Здесь я провозглашаю решение суда черепков о конфликте, который является моим собственным, и практикуюсь в искусстве связывания. Связи, сплетенные мной вокруг моих языков и культур, есть сеть, которая держит меня и защищает. Порой в далеком и глухом коридоре звучат пугающие голоса и зовы — как отзвук страхов, пережитого насилия и боязни, но через некоторое время их как волной уносит эхо посчастливившегося диалога»¹³.

Тема языка, таким образом, неотделима от поэтического самовыражения, в этой связи мы также можем проследить триаду «язык – тело – поэзия», поскольку процесс поэтического творчества зачастую ощущается как нечто физиологическое. Так, в стихотворении Хадерлап «Стихотворение и смысл» («Pesem in smisel»):

Это стихотворение глухо, у него нет ощущений,
оно ничего не понимает, пока я не поменяюсь
с ним своим телом. Только тогда
оно может почувствовать как будто комок в моем горле,
моими глазами осматривает свою фигуру,
как бледно поблескивают образы,
которые я ставлю перед ним, как,
выговариваясь, заступает за увиденное,
облизывает его и соблазняет, как далеко
уже пробилась сомнения, которые я хотела для него
сохранить. Мы так малы друг без друга,
едва достойны упоминания. Там, где мы должны
были быть заметны, зияет невидимая пустота¹⁴.

Подобную сопряженность поэзии и тела мы находим в сборнике Липуш, для которой тело – одно из центральных понятий ее поэтики, именно в нем она ищет дом для субъекта, оторванного от родины и корней, для изгнанника, у которого есть только его смертное тело, в котором, однако, он также порой может чувствовать себя чужим. Так, в цикле из трех стихотворений «Где ты, когда ты» («Kje si, ko si») автор дает ответ, что именно поэт, вынужденный честно предстать перед самим собой, углубиться в свою самость, отбросив все внешние наслоения, раскрывает человеческое бытие:

Стихотворение, которое не хочет на свет,
сторонится бумаги, как еще

заспанный ребенок холодной одежды.
Вертится на кончике языка, топчется
в отдаленной комнатке сознания, тогда как
я его уговариваю, осторожно его
подгоняю: «Спустись в слово,
в гнездо, полное звонких и
шумных согласных; знающими руками они
придадут тебе форму, так что ты
зашагаешь вниз по строчкам как
манекенщица по подиуму.
Попрощайся с болтливым сердцем
и выселись из меня. Возможно,
я уже завтра буду кем-то другим, и
ты останешься в темноте»¹⁵.

О своем отношении к языку Цветка Липуш говорит, что несмотря на то, что долгие годы живет в других странах, она никогда не решалась писать поэзию на другом языке, шла ли речь об английском или немецком: «Если ты долгое время играешь на одном инструменте, скажем, на пианино, то не можешь его в одночасье без тренировки поменять. То же и с языками, даже если ты полностью владеешь языком, это не значит, что ты будешь компетентным в написании поэзии на нем»¹⁶. Словенский язык, по ее словам, представляет единственную константу в ее жизни, которая позволяет ей внутри иностранного языка создать свой собственный мир, свое интимное воображаемое пространство, к которому она всегда может вернуться. Поэзия для нее – это прежде всего диалог, который она ведет сама с собой, когда она за границей, и общественная роль, когда она возвращается в родное словенское пространство¹⁷.

Совсем другую позицию занимает Майя Хадерлап, утверждающая, что в отличие от старшего поколения словенских каринтийских писателей, писавших исключительно по-словенски, который был им ближе и был «их» языком, она с раннего возраста связана с обоими языками и обеими культурами. У нее было стремление писать только по-словенски, но, к сожалению, сегодня, на ее взгляд, в Каринтии и в Австрии словенский писатель обречен на одиночество, так как уже не существует той словенской литературной среды¹⁸, которая была еще в 80-е¹⁹. Немецкий же для нее, будучи сперва функциональным языком, со временем стал и эмоциональным. Оба языка являются частью ее языковой идентичности, ни одного из них она не исключает.

Такого рода двуязычие представляет единственное преимущество каринтийских словенцев, за которое не следует оправдываться, а уже тем более стыдиться. Безусловно, литературное двуязычие – это смелый вызов. Когда же некоторые словенцы упрекают писательницу в том, что она германизировалась, она приходит к выводу, что это их образ мыслей, который ее не затрагивает. Разделение на «или/или» является исключительно идеологической конструкцией и бессмысленно; культура независимо от политики должна преодолевать такое видение²⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Lipuš C.* Kaj smo, ko smo. Ljubljana, 2015.
- 2 *Haderlap M.* Engel des Vergessens. Göttingen, 2011.
- 3 *Haderlap M.* Langer Transit. Göttingen, 2014.
- 4 *Haderlap M.* Dolgo prehanjanje. Ljubljana, 2016.
- 5 Cvetka Lipuš: «Slovenščina zame ni samoumevna». Intervju s prejemnico nagrade Prešernovega sklada. 16. Februar 2016, Ljubljana – MMC RTV SLO // <http://www.rtvsllo.si/kultura/knjige/cvetka-lipus-slovenscina-zame-ni-samoumevna/385970>
- 6 *Lipuš C.* Vodič // *Lipuš C.* Kaj smo, ko smo. S. 62. Перевод со словенского здесь и далее мой. – А. К.
- 7 *Haderlap M.* Kar je bilo // *Haderlap M.* Dolgo prehanjanje. S. 72.
- 8 *Lipuš C.* Poglej nas, kako lebdimo // *Lipuš C.* Kaj smo, ko smo. S. 53–57.
- 9 *Haderlap M.* Prehod // *Haderlap M.* Dolgo prehanjanje. S. 34.
- 10 *Haderlap M.* Hiša starega jezika // *Haderlap M.* Dolgo prehanjanje. S. 27.
- 11 *Haderlap M.* Sanjajoči jezik // *Haderlap M.* Dolgo prehanjanje. S. 29.
- 12 *Haderlap M.* Angel pozabe. Maribor, 2012. S. 170.
- 13 *Haderlap M.* Dolgo prehanjanje.
- 14 *Haderlap M.* Pesem in smisel // *Haderlap M.* Dolgo prehanjanje. S. 38.
- 15 *Lipuš C.* Kje si, ko si // *Lipuš C.* Kaj smo, ko smo. S. 69.
- 16 Na pesniškem tandemu s Petro Koršič: Cvetka Lipuš in Ana Pepelnik (Lara Paukovič). Trubarjeva hiša literature // <http://www.trubarjevahisaliterature.si/index.php/rubrike/poroilo-z-dogodka/2131-na-pesnikem-tandemu-s-petro-kori-cvetka-lipu-in-ana-pepelnik-lara-paukovi>
- 17 Ibid.
- 18 Отметим, что в последние годы ситуация в литературе каринтийских словенцев намного улучшилась. Переломным стал седьмой но-

мер за 2013 г. каринтийского литературно-критического журнала «Растье» («Rastje»), пришедшего на смену журналам «Младье» и «Новине» («Mladje», «Novine»). Критики отмечают, что уже давно словенские каринтийские писатели не были столь продуктивными в области поэзии, прозы и драмы. Как журналу «Растье», так и двуязычному форуму «Slo-lit» (http://www.slolit.at/start_sl) не всегда удается отслеживать всю широту спектра происходящих событий в литературной жизни словенской Каринтии, см.: *Leben A. Slovenske literarne revije v Avstriji // Literatura*, št. 300, junij 2016. Letnik XXVIII. S. 50–57.

19 *Haderlap M. Angel pozabe je postal moja pripoved / Jezernik J. Pogledi*, št. 20, 12. oktober 2011 // <http://www.pogledi.si/ljudje/angel-pozabe-je-postal-moja-pripoved>.

20 Ibid.

A. N. Krasovec

Cvetka Lipuš and Maja Haderlap: multiple language
and cultural identity
of Slovene female poets in Austrian Carinthia

The article describes two volumes of poetry by Slovene authors from Austria: “What are we, when are we” (2015) by Cvetka Lipuš and “A long way” (2014) by Maja Haderlap where these poets express their deeply personal attitude to language and national and cultural identity.

Keywords: *Cvetka Lipuš, Maja Haderlap, literature of Slovene minority in Austria, Slovenes in Carinthia, poetry, bilingualism, national identity.*

Т. И. Вендина
(Москва)

Русская природа в диалектном слове (по материалам «Лексического атласа русских народных говоров»)

Статья посвящена анализу проблем лингвогеографического изучения диалектной лексики в свете новых данных «Лексического атласа русских народных говоров». Оценивая предварительные итоги этого крупномасштабного проекта, автор говорит о том, что семантическая сфера «Растительный мир» полна присутствием человека, ибо «человеческие» признаки являются неотъемлемой частью любого ее номинативного участка. Статья убедительно доказывает, что в чрезвычайно раздробленной семантической сфере «Растительного мира» существует своя номинативная логика, отличная от литературного языка, т. е. диалекты имеют свой взгляд на окружающий мир. Свежий, достоверный материал Атласа заставляет по-новому взглянуть и на природу диалектных номинаций.

Ключевые слова: *диалектология, лингвистическая география, атлас.*

XX век вошел в историю русской диалектологии такими крупномасштабными проектами, как «Диалектологический атлас русского языка» и «Лексический атлас русских народных говоров». Оба проекта тесно связаны между собой. Более того, сама идея создания «Лексического атласа русских народных говоров» родилась в процессе работы над «Диалектологическим атласом русского языка».

Как известно, в этом атласе раздел «Лексика» занимает довольно скромное место. «Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» (М., 1947) содержит всего 154 вопроса, из которых 52 относятся к семантике ряда слов, большей частью архаизмов. Между тем в «Программе Лексического атласа русских народных говоров» содержится более 5 тыс. вопросов, касающихся лексики, типичной для социального уклада, среды обитания и быта сельских жителей и отражающей специфику русской языковой картины мира.

Такое существенное расхождение между вопросниками обоих атласов во многом связано с общим уровнем развития диалектологии середины и конца XX в., и прежде всего с недостаточной изучен-

ностью диалектной лексики к моменту составления «Программы» ДАРЯ, отсутствием соответствующих монографий, а главное – необходимого количества диалектных словарей, равномерно представляющих основные группы говоров. Именно поэтому «круг вопросов, включенных в раздел лексики, оказался довольно случайным и не связанным с изучением лексики как системы», – писал один из создателей Атласа Р. И. Аванесов. Лексических карт в Атласе «могло бы быть значительно больше, если бы лексика русских диалектов была в большей степени изучена ко времени составления Программы». Завершая свои размышления по этому поводу, он, однако, замечает, что «в дальнейшем, по мере развития монографического изучения лексики русских диалектов и выявления словарных и семантических диалектных различий, возможно создание новой серии атласов русских говоров, посвященных лексике и семантике»¹.

Общий подъем лексикологических исследований диалектной лексики, наметившийся в конце XX в., появление многочисленных диалектных словарей сделали возможной реализацию идеи создания «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ).

В основу составления «Программы ЛАРНГ» был положен критерий значимости реалии в традиционной материальной и духовной культуре. Ввиду обширности макросистемы диалектного языка (территориальные границы атласа простираются от Белого до Черного моря, а на востоке – до Урала, т. е. они значительно шире, чем в «Диалектологическом атласе русского языка» и в русской части «Общеславянского лингвистического атласа»), «Программа» строится по тематическому принципу, что само по себе способствует восприятию материала в этнокультурном контексте, поскольку подспудно выявляет материальные и духовные ценности традиционной культуры. Она состоит из следующих крупных разделов – природа (растительный и животный мир, ландшафт, метеорология), человек (анатомические названия, различные особенности человека, характеристика личности, социальные отношения; семья и семейные отношения; народная медицина), трудовая деятельность (полеводство, огородничество, садоводство, животноводство, птицеводство, пчеловодство, ткачество, промыслы: рыболовство, охота; ремесла: плотницкое, гончарное, кузнечное дело); материальная культура: крестьянское жилище, хозяйственные постройки, строительство; домашняя утварь, крестьянская одежда, обувь, головные уборы, рукавицы, украшения; питание (пища, напитки и их приготовление), пути сообщения и средства передвижения; традиционная духов-

ная культура (верования, обряды, праздники и развлечения, игры). Внутри этих разделов выделяются более узкие тематические группы. Вопросы формулируются от значения к слову и от слова к значению, что дает возможность выявить структурно-семантические и деривационные различия диалектного слова. Такое значительное количество вопросов должно существенно увеличить возможность выявления системообразующих связей в диалектной лексике, поскольку ЛАРНГ строится на принципиально иных началах, нежели ДАРЯ, так как в его основе лежит не дифференциальный, а системный подход к принципам отбора и картографирования материала.

Эта ориентация на системный подход в лингвогеографической проекции диалектной лексики предопределялась, с одной стороны, современной методикой изучения словарного состава территориальных диалектов, а с другой – требованиями самой лингвистической географии, объектом картографирования которой являются не разрозненные, а системные факты.

Появление многочисленных лексикологических исследований диалектной лексики, ориентированных на выявление системных отношений, преодоление научного скепсиса в правомерности применения понятий «системы», «системности» к лексике и семантике, а главное – успехи, достигнутые лингвистической географией в картографировании диалектных различий на уровне лексики и словообразования в русской и, шире, славянской диалектологии, убедительно доказали, что широкий круг проблем, связанных с пространственным изучением лексико-семантического уровня языка, может быть решен только при условии всестороннего охвата диалектного материала и более углубленного подхода к его собиранию и описанию.

Напомню, что системный подход к отбору материала предполагает прежде всего равное внимание к любому члену диалектного различия, независимо от того, представляет ли он собственно диалектную лексическую единицу или же слово, входящее одновременно в состав литературного языка. Включение в программу лексического атласа лексики литературного языка мотивируется не только требованием системности, но и самой языковой логикой, поскольку эта лексика образует основной костяк народного словарного запаса, игнорировать который просто нерационально. Кроме того, снятие этих ограничений дает возможность исключить искусственные лакуны в составе программы, которые всегда возникают при дифференциальном подходе.

Задача Атласа заключается в том, чтобы представить в пространственной проекции основные звенья словарного состава русских народных говоров – лексические и семантические различия в организации тематических групп слов, семантическую структуру слова, особенности диалектного словообразования.

Системный подход к изучению диалектной лексики, лежащий в основе «Программы» Атласа, дал возможность рассмотреть ее в рамках отдельных микросистем. В настоящее время подготовлен к печати первый том Атласа – «Растительный мир», открывающий тематическую серию «Природа».

Каждый том этой тематической серии будет посвящен определенной семантической группе: первый том посвящен растительному миру, второй том будет посвящен лексике животного мира, третий – ландшафтной лексике, четвертый – метеорологии и т. д. Лексика «освоенной природы» (полеводство, огородничество, садоводство и т. д.) будет представлена в тематической серии «Трудовая деятельность человека». Такая организация материала позволит более четко эксплицировать различия в принципах номинации семантических групп, принадлежащих одному семантическому полю.

Карты, входящие в том «Растительный мир», имеют своей целью локализовать в пространстве вариативные звенья одного из древнейших номинативных участков лексической системы русских диалектов, связанного с представлениями диалектоносителей об окружающей их природе.

В томе содержится более двухсот карт, которые представляют лексику разных тематических групп:

1) названия лесных массивов, в том числе и общее название леса (ср., например, карты 'лес', 'большой лесной массив', 'небольшой лесок, роща', 'высокий лес', 'мелкий лес, мелколесье', 'густой лес', 'редкий лес', 'чаща', 'больной лес', 'здоровый высокий прямой строевой лес', 'тонкий высокий лес', 'вырубленный лес', 'поваленный бурей лес', 'мертвый лес с засохшими на корню деревьями', 'молодой лес из деревьев разных пород', 'горелый лес', 'лес, растущий на болоте', 'лес, растущий по берегам рек, озер', 'лиственный лес', 'хвойный лес', 'смешанный лес' и др.), сюда входят и названия некоторых лесных локусов (ср. карты 'поляна', 'опушка леса', 'просека, участок вырубленного леса', 'выгоревшее место в лесу', 'грибное место', 'луг, богатый травами', 'ягодное место' и др.);

2) названия деревьев (ср. карты 'большое растущее дерево', 'маленькое растущее дерево', 'верхушка дерева', 'ветвь дерева', 'листва',

‘почка’, ‘сережки на дереве’, ‘ветвистое дерево’, ‘развилистое дерево’, ‘гнилое дерево’, ‘дерево, вырванное с корнем’, ‘дерево с дуплом’, ‘кривое дерево’, ‘верхний слой древесины дерева’, ‘сломанное бурей дерево’, ‘сухое упавшее дерево’ и др.), в том числе отдельных их видов (ср. карты ‘береза’, ‘верба’, ‘осина’, ‘рябина’, ‘ель’, ‘сосна’, ‘черемуха’), сюда входят и названия ‘березового сока’, ‘смолы’, а также ‘коры деревьев’ (см. семантическую карту ‘бересто’, ‘кора ивы’, ‘кора, используемая при дублении’, ‘шишковатый нарост на дереве’ и др.);

3) названия кустарников (ср. карты ‘густые заросли кустарника’, ‘мелкий низкорослый кустарник’, ‘орешник’, ‘шиповник’ и др.);

4) названия трав (ср. карты ‘болотная трава’, ‘сорная трава’, ‘колючая трава’, ‘душица’, ‘зверобой’, ‘крапива’, ‘молочай’, ‘подорожник’, ‘полынь’, ‘щавель’ и др.);

5) названия ягод (ср. карты ‘брусника’, ‘голубика’, ‘ежевика’, ‘малина’, ‘черника’, ‘земляника’, ‘клюква’, ‘клюква, перезимовавшая под снегом’, ‘комоника’, ‘морошка’, ‘зрелая ягода’, ‘незрелая зеленая ягода’ и др.);

6) названия цветов (ср. карты ‘василек’, ‘девясил’, ‘ромашка’, ‘клевер’, ‘ландыш’, ‘колокольчик’, ‘одуванчик’, ‘репейник’ и др.);

7) названия грибов, в этот блок карт входят и названия кушаний из грибов (ср. карты ‘гриб’ (общее назв.), ‘белый гриб’, ‘валуй’, ‘лисичка’, ‘масленок’, ‘мухомор’, ‘опенок’, ‘несъедобный гриб’, ‘поганка’, ‘подберезовик’, ‘подосиновик’, ‘рыжик’, ‘свинушка’, ‘съедобный гриб’, ‘сыроежка’, ‘шампиньон’, ‘грибной нарост на дереве’, ‘грибная похлебка’ и др.).

Каждую карту сопровождает развернутый комментарий, включающий такие необходимые элементы, как объяснение проблематики карты, характеристика картографируемого материала и тех диалектных различий, которые получают отражение на карте, принятую систему картографических средств, указания на сомнительные названия, дисквалифицированные автором по разным причинам, замечания эксплораторов о тех или иных формах и другую информацию. В заключение дается общая характеристика материала карты с указанием ареалов картографируемых лексем.

Комментарий сопровождается иллюстративным материалом, позволяющим реально увидеть жизнь диалектного слова в той или иной частной диалектной системе (например, в материалах к карте «Луг, богатый травами» в некоторых пунктах встретились лексемы *гумно*, *гуменник*, и только благодаря иллюстративному материалу

эти лексемы удалось сохранить, так как тексты говорят о том, что они действительно обозначают луг, богатый травами, ср.: *Коровам на гумно хорошо. Травы много, да и лес далеко* (п. 138). *Пошел за травой на гувёник* (п. 249). *У нас гувённый за домом. Там корове косим* (п. 284). *Пора огувенник-то косить, там трава выше пояса* (п. 140). Интересно, что все эти лексемы локализируются в ивановских говорах.

К комментарию прилагается алфавитный список картографируемых слов, позволяющий реально увидеть представленность каждой лексемы на картографируемой территории и соотнести ее с тем или иным населенным пунктом. Кроме того, приводится общий индекс всех материалов (в том числе и тех, которые не получили отражение на карте). Этот индекс материалов имеет самостоятельную ценность, так как он «паспортизирует» диалектный материал, который впоследствии может стать основой новых исследований.

О чем же говорят карты Атласа?

Карты Атласа говорят о том, что природа является артефактом культуры.

Знакомство с материалами тома раскрывает отношение русского народа к «вмещающей и кормящей»² его природе, что выразилось прежде всего в богатом и детализированном словаре, характеризующемся плюрализмом в наименованиях одних и тех же реалий, различающихся способами семантического и словообразовательного маркирования. Лексическое богатство семантической сферы «Природа» свидетельствует о том, что для человека традиционной духовной культуры взгляд на окружающий мир оказывается не менее важным, чем взгляд на «самого себя». Семантическая сфера «Растительный мир» полна присутствием человека, ибо «человеческие» признаки являются неотъемлемой частью любого ее номинативного участка. Они используются **либо прямо** (ср., например, многочисленные названия с корнями **баб-**: *бабарь*, *бабка* к. 177 ‘съедобный гриб’; *бабин-ягин табак* к. 188 ‘гриб дождевик’; *бабка* к. 160 ‘одуванчик’; *бабочник*, *бабушник*, *бабкин хлеб*, *бабушкин хлеб* к. 149 ‘клевер’; *бабушка*, *бабурка* к. 169 ‘ромашка’; **дед-**: *дедкин хлеб* к. 149 ‘клевер’; *дед*, *дедóк*, *дедóвник*, *дедушник* к. 167 ‘репейник’; *дедушкин (дедов) табак (табачок)* к. 188 ‘гриб дождевик’; *дед-и-баба* к. 160 ‘одуванчик’; **мат-**: *матерняк* к. 14 ‘чаща’; *маточник* к. 169 ‘ромашка’; *матёрый лес* к. 17 ‘здоровый, высокий, прямой строевой лес’; **сын-**: *пасынок* к. 52 ‘шишковатый нарост на стволе дерева’; **голов-**: *голова* к. 160 ‘одуванчик’; *головач* к. 188 ‘гриб дождевик’; *головьё* к. 93 ‘часть ство-

ла без сучьев»; **глаз**:- *глазки, глазовник* к. 136 ‘морошка’; *глазмой* к. 146 ‘василек’; **горб**:- *горбач, горбунь, горбылина* к. 91 ‘кривое дерево’; *горб* к. 52 ‘шишковатый нарост на стволе дерева’; **лоб**:- *лобан* к. 184 ‘валуй’), **либо опосредованно**, через восприятие или действия человека (ср., например, названия: *обдуванчик* к. 160 ‘одуванчик’; *вонькуха, вонючка, вонкая трава* к. 141 ‘душистая трава’; *горчак, горчаница, горчанка, горчень, горчук, горчун* к. 165 ‘полынь’; *горчуха, горчун* к. 188 ‘гриб дождевик’; *солодашка, солодок, солодуя, солодыга, солодыжка, солодянка* к. 201 ‘сыроежка’; *солоник, солоника, солоница* к. 170 ‘щавель’; *солюшка, соляник, солянуха* к. 187 ‘волнушка’ и т. д.).

Однако убедительнее всего об этом говорит тот факт, что разные участки семантической сферы «Природа» лексически проработаны не одинаково. И эта неравномерность в распределении смысловой информации является ярким свидетельством проявления жизненных интересов диалектоносителей. В диалектной категоризации мира природы ярко выражена зависимость от внешних условий бытия челоака, близость к натуральному хозяйству, исконным занятиям крестьянина, парцеллирование объектов познания, в результате которого семантически и словообразовательно маркируется то, что имеет для крестьянина практическую ценность в повседневной жизни, что несет в себе опасность или угрозу его существованию, а также то, что позволяет ему ориентироваться в окружающем его мире³.

Работа с материалами этого тома показала, что в чрезвычайно раздробленной семантической сфере «Растительного мира» существует своя номинативная логика, отличная от литературного языка, т. е. диалекты имеют свой взгляд на окружающий мир. Это своеобразие диалектной номинативной логики лексической параметризации окружающего мира поддается реконструкции, однако только при системном подходе к материалу.

В этой связи следует особо отметить важную роль словообразования, которое позволяет определить, какие элементы внеязыковой действительности словообразовательно маркируются и почему, и тем самым выяснить, **что** в языковом сознании народа является жизненно и социально важным. Каждая тематическая группа лексики, представленной на картах Атласа, имеет свои характерные особенности в принципах семантической организации и номинации. Образ жизни (*modus vivendi*) не мог не сказаться на образе мышления (*modus cogitandi*) человека. Существование тесных эмоционально-когнитивных и аксиологических, потребностно-мотивационных связей русского народа с окружающим его миром вело к актуализа-

ции в каждой семантической сфере растительного мира своих характерных мотивационных признаков.

Системный подход к изучению диалектной лексики этого тома позволил выявить следующую особенность в ее организации: ключевые слова каждого номинативного участка семантической сферы «Растительный мир» (например, *лес, дерево, луг, трава, ягода, гриб* и др.) являются производными с синхронной точки зрения. Это объясняется не только древностью указанных слов, но и их функцией в лексической системе языка как слов идентифицирующих, призванных служить адекватному восприятию, являющихся системообразующим звеном данного фрагмента лексикона.

Вместе с тем словообразовательная производность этих лексем компенсируется многочисленными дериватами, характеризующими каждый номинативный участок этой многоуровневой гетерогенной семантической сферы с самых разных точек зрения, благодаря чему ее семантическое пространство обладает высокой степенью расчлененности.

Так, например, семантический участок «Лес» широко открыт для актов словообразования, хотя само название леса как совокупности произрастающих в нем деревьев (ср. *лес, бор, ляд, роща* к. 1 «Лес») является производным (единичные производные образования типа *лесняк, лесье, дубрава* выполняют лишь идентифицирующую функцию).

С помощью словообразовательных средств объективируются такие признаки леса, как **преобладающие породы деревьев** (ср.: *листвяк, листвяжник* к. 5 «Лиственный лес»; *игольник, хвойник, хвойняк* к. 6 «Хвойный лес»; *разнолесица, разнолесок, разнолесье* к. 7 «Смешанный лес», в том числе и видовые названия деревьев, ср.: *березовник, дубник, ольшняк, осинник, сосенник* и т. д., см. к. 8 «Лес с преобладанием деревьев определенной породы»).

При этом актуализируется не только видовой признак, но и оценочный, указывающий на **качество растущих в лесу деревьев** (ср. *буреломник, буреполом, валёж, валежина, валежник, валёжник, ветробой, ветровал, ветролом, вихрелом, вылом, выломок, завал, заваль, залежь, залом, лом, повал, повалесье, полом, слом, слома* к. 35 «Поваленный бурей лес»; *гарник, выгарь, выгарки, погарь, горель, горельник, погорельник, горелка, погорелье, паленина, пожарище, огнище* к. 28 «Горелый, выгоревший лес»).

Расчленение семантического пространства «Лес» с подключением словообразовательных средств происходит и при актуализации

классифицирующих или характеризующих признаков, особенно имеющих хозяйственно-важное значение.

Так, в частности, словообразовательные средства активно включаются в акт номинации при необходимости охарактеризовать лесной массив с точки зрения качества произрастающих в нем деревьев. При этом на первый план выходит когнитивно-прагматический аспект: с помощью словообразовательных средств объективируются, как правило, отрицательные признаки, о чем свидетельствует не только количество и состав производных, но и нередко их отсутствие при обозначении положительного признака. Разная семантическая дифференциация этого номинативного участка наблюдается в том случае, когда необходимо обозначить:

– **лес с больной древесиной** (ср. *гнилушник, гнильё, дурак, дурняк, негодье, негодняк* и др. к. 20 «Больной, низкий, кривой, нестройной лес») или **высыхающий на корню лес** (ср. *засошина, застойник, засухоль, засушина, засушник, мертвень, мертвечатина, мертвешник, мертвина, мертвяк, мёртнице, подстой, подсушник, сошник, сошняк, стояк, сухара, сухарина, сухарник, сухарняк, сухат, сухняк, суховник, сухолесье, сухольё, сухоподстой, сухоподстойник, сухопостой, сухопостойник, сухостав, сухостой, сухостойка, сухостойник, сушарник, сушилльник, сушина, сушинник, сушки, сушляк, сушник, сушняк, сушина, сушняжник* к. 41 «Мертвый лес с засохшими на корню деревьями»), притом что для обозначения здорового, сильного леса используются чаще всего описательные конструкции (ср.: *жаровый лес, добрый лес, спелый лес, ядрёный лес, кондовый лес* к. 17 «Здоровый высокий прямой строевой лес» или *взводистый, взгонистый, гонистый, гонкий, погонистый, погонный, прогонистый лес* к. 18 «Высокий лес с большими деревьями», ср. также единичную производную лексему с качественно-оценочным значением *здоровяк* на к. 17 «Здоровый высокий прямой строевой лес»);

– **мелкий, малорослый лес** (ср. *малорос, малороска, малорослик, малоросник, мелкач, мелкаш, мелколесник, мелколесье, мятлик, молодой, подлесник, подлесок, полесок, полесье, парусняк, подрастель, подрост, подростель, подростник, подросток, подсад, подсада, подсадник, подсадок, прусняк* к. 23 «Мелкий лес, мелколесье»), тогда как дериваты, обозначающие хороший лес с большими, высокими деревьями, являются единичными (ср. *лесина* п. 49, *высокарь* п. 341; *высокач* п. 279; *высокорник* п. 454; *вышник* п. 392; *жарник* п. 207 к. 18 «Высокий лес с большими деревьями», поскольку чаще используются описательные конструкции);

– **кривой, нестроевой лес** (ср. *криволесье, кривостой, кривляк, кривняк, кривуша* к. 20 «Больной, низкий, кривой, нестроевой лес»); ср. единичные производные для обозначения высокого прямого строевого леса (*строевик, строёнка, стройняк, стройлес, стройник, высокоствольник* к. 17 «Здоровый высокий прямой строевой лес»);

– **величину леса**, причем, что особенно интересно, как правило, небольшого леса (ср. соотношение номинативных рядов **небольшого леса**: *боровинка, гай, гаёк, колок, курень, лесок, малолесье, мелколесье, нива, околок, осколок, перелесок, подлесок, роща, сколок* к. 31 «Небольшой лесок, роща»; и **большого леса**: *лесище, многолесье, уймище, урочище* и др. к. 30 «Большой обширный лесной массив»);

– его **густоту**, особенно когда необходимо обозначить **густой, дремучий непроходимый лес, чашу** (ср. *глушняк, глухомань, густарник, густина, гущина, густолесье, гуцар, гуцара, займище, трущобник, частель, чащель, частельник, чащельник, частик, чащара, чащина, частина, чащоба, чащобник, чернолесье* к. 11 «Густой лес»; *глушняк, глушник, глухомань, гуцара, дёр, дрём, дурман, заглушица, зарастень, матерняк, парма, рамень, раменье, рем, рема, ропость, сузём, тайбола, тайга, трущоба, урема, хлисья, чаща, чащара, чащина, чащоба* и др. к. 14 «Чаша»), реже – при обозначении **редкого леса** (ср. *поредь, поредняк, поредье, проредка, прорезж, редашка, редина, редка, редколесица, редколесок, редколесье, редник, редняк, редыш, редьё, редак, реженец, жидель, жидник, жидняк, облесье* к. 10 «Редкий лес»);

– **возраст**, особенно при обозначении **молодого леса** как леса, непригодного для строительства домов, мостов, лодок и других сколь-либо значительных хозяйственных построек (ср. *заросль, заростель, заростник, заросляк, заростняк, лесок, малёг, мелкач, мелкашник, мелколесье, мелкотина, мелкотник, мелкотняк, мелятник, молодель, молодень, молодельник, молодижник, молодяжник, молодник, молодняк, молодяжка, молодятник, молочник, паросник, парусняк, подлесок, подрост, подростель, подросток, полесье, росляк* к. 27 «Молодой лес из деревьев разных пород»);

– **назначение леса, его функциональное использование** (ср. *бревенник, бревяник, деловьё, заборник, избяник, избняк, корабельник, мачтовик, мачтовник, погонка, строевик* к. 17 «Здоровый высокий прямой строевой лес»; *дровеник, дровеняк, дровник, дровняк, дровяник* к. 20 «Больной, низкий, кривой, нестроевой лес»; *жердинник, жердник, жердяник, жерденик, жердняк, жердовник, слезник, слезняк* к. 26 «Тонкий высокий лес»);

– место произрастания леса (ср. *боровина, боровинка, верховик, вершина, вершинка, вершинник, горняк, грива, гривка* к. 33 «Лес на возвышенности»; *болотник, болотняк, моховик, омишара, мокрятник, топяк* к. 32 «Лес, растущий на болоте» или *бережняк, береговик, береговина, бережина, бережник, бережняк, забока, займище, озери-на, озёрник, приозёрица, наберега, побережина, подбережник, прибережник, прибрежник, прибрежнина, прибрежня, прибрежняк, поречина, приречник, речнина* к. 34 «Лес, растущий по берегам рек, озёр»).

Свою логику и свои особенности в принципах семантической организации и номинации имеют и лесные локусы – поляна (к. 111 «Поляна»), опушка (к. 115 «Опушка»), просека (к. 117 «Просека»), луг, богатый травами (к. 175 «Луг, богатый травами»).

Так, например, в названиях просеки ведущим является акторный мотивационный признак («предмет как результат действия»), ср. *засака, просек, просяк, просека, просёка, выруб, вырубка, вырубок, проруб, прорубка, разруб, разрубка* к. 117 «Просека». В названиях опушки преобладает локативный признак, ср. *взлесок, взлесье, забока, закраек, закрайка, залесок, залесье, облесок, облесье, обочина, окраина, окрайка, подлесок, подлесье* к. 115 «Опушка». В названиях луга, богатого травами, – качественно или предметно-характеризующий признак, ср. *травник, травица, травница, травостой, травяник, гувеник, гуменник, гувно, гумно, многотравье, разнотравье, луговина, луговище, лужина* к. 175 «Луг, богатый травами». А в названиях поляны актуализируются чаще всего три признака: качественно- или предметно-характеризующий (ср. *гладина, гладинка, гладушинка, гладушка, голощёка, голыдьба, голыздина, голызина, долина, долинка, круглина, кругловина, круговина, кружевина, прогалина, прогалинка, прогалонок, проголызина, просветлина, пустоле-сье, пустоты, пустоша, пустошка, пустошок, пустынка, пустынь, пустошь, пустоша, пустошка, пустырь, редина, светлина, светло-вина, чистина, чищина, чистинка, чистовина, чисть, чистяжина, чища, чищоба*), локативный (ср. *междулесок, междулесье, межлесье междулесица, пролесок, пролесье*) и признак подобия (ср. *лысина, майдан, палестина, палестинка, плешина, плешка*).

Таким образом, каждая тематическая группа семантической сферы «Лес» имеет свои характерные мотивационные признаки, связанные с отражением действительности. Эти признаки, с одной стороны, помогают человеку ориентироваться в сложном и многоликом мире природы, а с другой – говорят о его жизненных приоритетах.

Наряду с онтологическим планом, связанным с отражением предметов и реалий внешнего мира, в этой семантической сфере присутствует и аксиологический план, так как словообразовательные средства используются для обозначения не только когнитивного, но и прагматического элемента. Именно с прагматическими интересами связана актуализация чаще всего отрицательных признаков при номинации леса, поскольку необходимо указать на непригодность использования такого леса в хозяйстве крестьянина: с этим обстоятельством связано, как представляется, маркирование преимущественно молодого (а не старого) леса, больного, а не здорового леса как не имеющего хозяйственной ценности, в частности, непригодного для строительства домов, мостов, лодок, и т. д.

По-иному организован семантический участок «Деревья». Названия большинства деревьев (ср.: *береза, ель, дуб, сосна, вяз, осина, ива* и др.), в том числе растущего дерева, различных его частей, древесины, ветвей дерева (см. карты к. 93 «Часть ствола без сучьев», к. 96 «Ветвь дерева», к. 59 «Древесина») практически закрыты для словообразования⁴. Встречающиеся в диалектах производные от этих наименований с тем же значением (типа *березина, вербава, вязина, ивка, ивня, ольховина, елица* и др.) являются, по сути дела, субстанциальными образованиями, имеющими лишь идентифицирующее значение и нулевую мотивационную маркированность, поскольку так же, как и их мотивирующие, они «скрывают» свою внутреннюю форму. Появление их в языке во многом объясняется давлением языковой системы, а именно существующей в диалектах тенденцией к мотивированности слова (по этой модели – непрямая основа родового названия дерева + аффиксальный расширитель – образуются многочисленные производные, семантически тождественные их мотивирующим).

Ситуация, однако, меняется, когда необходимо обозначить вид того или иного дерева, указать на его возраст, место произрастания, функциональное назначение и другие признаки, имеющие хозяйственное значение для человека. Ярким примером может служить название березы. В комментарии к карте автор пишет о том, что помимо общерусского названия березы он счел возможным отразить на карте названия, характеризующие разновидности растения *Betula alba*, «поскольку в ряде говоров эти названия не только составляют видовые пары (например, *глушняк ~ чистяк*), но и являются единственными обозначениями реалемы. Опыт диалектологического исследования показывает, что при номинации природных объектов далеко не все

значимые с точки зрения литературного языка оппозиции активизируются диалектоносителями. В процессе номинации явлений и объектов природы диалектоносители учитывают самые мельчайшие признаки реалий, так возникают дифференцирующие названия, в которых актуализируются различные особенности местных объектов природы». Поэтому на карту выносятся и названия породы березы с шершавым листом, негодной на банные веники (*глушнега, глушняк, глушина, глушка, крушина*), и породы березы с небольшими гладкими листьями (*чистуха, чистушка, чистка, чистяк, весёлка*). Доказательством правомерности такого решения могут служить следующие иллюстрации, записанные в полевых условиях: *Глушка не как чистка, на язык возьмешь – как тертуха* (п. 69). *На веники надо ломать чистку, а то опаршивишь* (п. 107). *Чистяк гладкий, на веники* (п. 49). *С весёлки сок собирать любили. Из весёлки веники делали* (п. 219). *Весёлка та на веники, а глушняк нет* (п. 332). «Осознавая и признавая общенародную языковую оппозицию “общее название” – “видовое наименование”, диалектоносители тем не менее настаивают на конкретизации названий близких им, “родных” природных объектов. Именно в этом проявляется своеобразие их языковой картины мира: *Ну берёза, это как берёза, это где-то, а у нас вот чистуха есть, а есть глушина. Берёза есть берёза, весёлка на веники иде, а глушина не* (п. 221). *Чистка – это берёза, листочек возьмёшь на язык, он и гладенький* (п. 69). *У берёзы-весёлки лист мягкой, гладкой. А у берёзы-глушины твёрдый лист* (п. 223). Предпочтение в употреблении видовых наименований отдельными говорами, а значит и правомерность их включения в состав картографируемого материала, подчеркивается не только частотностью этих наименований в русских диалектах, но и словообразовательной вариативностью (ср.: *чистуха ~ чистушка ~ чистотка ~ чиснега ~ чистка ~ чистяк; глушина ~ глушнега ~ глушка ~ глушняк*), а также типологической повторяемостью словообразовательных моделей (ср.: *чистяк ~ глушняк, чистка ~ глушка, глушина ~ крушина*)» (М. В. Флягина. Комментарий к карте 61 «Береза»). В пользу авторского решения свидетельствует и четкий ареал этих названий в русских диалектах.

Несмотря на довольно слабую семантическую расчлененность номинативного участка «Деревья», картографирование диалектных названий показало, что в этих названиях объективируются такие признаки, как:

– **качественно- или предметно-характеризующий** (ср. *белостволка, белица, белокорка, белянка, весёлка, глушина, глушка, глушина, глушняга, глушняк, чиснега, чистарка, чистка, чистолист,*

чистополь, чистуха, чистяк к. 61 «Береза»; *белюстка* к. 72 «Осина»; *черень, черномушка, чернуха, черняк* к. 73 «Черемуха»; *дикарь, дикарка, дикарька, дикорька, дикуш, дикуша, дикушка, дичка, дичок, кислица, кислика, кисличка, кислуха, кислушка* к. 74 «Дикая лесная яблоня»; *горбач, горбыль, кривина, кривляга, кривляк, кривляка, кривняк, кривулина, кривуля, кривуляк, кривуляка, кривуха, кривуша, кривушка, кривьё, кривяк, кривяка* к. 91 «Кривое дерево»; *ветвистое, ветлистое, ветлявое, ветливое, гагаристое, лапистое, разлапистое, сучлявое, сучливое, сучистое, сучкастое, сучастое, сукастое, сучковатое, сучковатое, сучклявое, суковатое, суклевастое, суковатое, сучьеватое* к. 92 «Ветвистое дерево»);

– **акциональный** (ср. *витуха, повитель, повитуха* к. 61 «Береза»; *висла, вислина, плаучка, плакуша, плакунья, плачуша, плачуха* к. 64 «Ива»; *дрожина, дроженица, дрожица, дрожнина, дрожница, дрожница, трепетуха, трусница, трясина, трясина, трясуха, трясушка, шелестуха* к. 72 «Осина»; *глотица, глотуха, засадица, засидица, рассадица* к. 73 «Черемуха»; *вилага, виляка, вилаха, виляха, извереть, изворотень* к. 91 «Кривое дерево»; *раскладистое, развесистое* к. 92 «Ветвистое дерево»);

– **локативный** (ср. *лесавка, лесовка, лесника, лесничка, леснушка, лесовина, лесовка, лесовушка, лешак, лешака, лешуга* к. 74 «Дикая лесная яблоня»);

– **функциональный**, указывающий на: назначение дерева (ср. *дубильня, дубина, дубна, дубнина, дубняк, дубовина, дубовник, задуба, задубье* к. 105 «Кора ивы»; к. 106 «Кора, используемая при дублении»);

– **реляционный**, указывающий на отношения принадлежности (например, сока лесных деревьев, ср. *березень, березина, березица, берёзица, березник, берёзник, березница, берёзница, березняк, березовик, берёзовик, березовица, берёзовица, берёзовник, березовка, берёзовка, березок, березьевка, березян* и др. к. 109 «Сок березы»);

– **партитивный**, признак, актуализирующий значение части дерева (ср. *верховец, верховина, верхуша, верхушка, вершина, вершинка, вершинник, вершок, маковица, маковка, маковушка, макуша, макушка* к. 95 «Верхушка дерева»).

Это лишь небольшой пример, иллюстрирующий различия в организации разных номинативных участков семантической сферы «Растительный мир».

Однако главное, о чем говорят карты Атласа, – это то, что, несмотря на интенсивный процесс влияния литературного языка, следствием которого является нивелирование диалектных различий,

русские диалекты не утратили своего лексического своеобразия.

Это особенно ярко проявляется в наличии в диалектах слов, которым в литературном языке нет однословного эквивалента, а имеются лишь описательные конструкции (см., например, карту Л 12 'густые заросли кустарника': *бачажник, густарник, зарастель, кустарицина, палежник, чапарыжник, настельник*; Л 28 'лес по берегу реки': *береговик, береговина, бережина, бережник, наберега, займище, левада*; Л 26 'лес, растущий на болоте': *болотник, болотняк, мокрятник, омшара, топляк, топняк, согра, сохра, шохра* и др.).

Оценивая материалы первого тома Атласа в целом, можно сказать, что они являются убедительным доказательством того, что процесс номинации – это не пассивная объективация внешнего мира, а сознательное и целенаправленное словотворчество диалектоносителей, в котором познавательное и ценностное сливаются в единое целое. «Ословливание» окружающего мира происходит, с одной стороны, в соответствии с общим принципом категоризации мира, когда то, что является значимым для человека, оказывается глубоко осмысленным и детально проработанным в языке, тогда как менее значимые фрагменты получают более общие названия, нередко лишь в виде описательных конструкций; а с другой – в соответствии с аксиологическими законами, когда движение человеческой мысли осуществляется по шкале знаний и общественных ценностей и любые отступления в сторону (будь то положительный или отрицательный вектор) получают свое отражение в языке. При этом в основе и первого, и второго номинативного принципа лежит когнитивно-прагматическое начало. Сам процесс «означивания» предметов и явлений внешнего мира представляет измерение их значимости для носителей языка.

Поэтому свежий, достоверный материал Атласа заставляет по-новому взглянуть и на природу диалектных номинаций. Думается, что сопряженность теории номинации и теории лингвогеографии открывает в будущем широкие перспективы для развития диалектологии.

Материалы Атласа представляют особую ценность еще и потому, что именно лексический уровень языка более всего подвержен «давлению действительности», в связи с чем он ярче всего передает своеобразие семантического облика модели мира. В этом смысле материалы уже первого тома атласа, «Растительный мир», давая возможность увидеть пространственную и реальную классификацию человеческого опыта, позволяют взглянуть на русскую природу сквозь призму диалектного слова.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957. С. 8.
- 2 Гумилев Л. Н. От Руси к России. М., 1992. С. 11.
- 3 Подробнее см.: Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998.
- 4 Не могу в связи с этим не привести интересное наблюдение А. Д. Черенковой, свидетельствующее о давлении действительности на язык. Отсутствие леса ведет, как правило, к нерасчлененному восприятию деревьев. В тех воронежских говорах, где леса отсутствуют вообще или же имеются лишь искусственные насаждения в лесополосах и около водоемов, «носители говоров употребляют для названий тополя, ивы, клена, ясеня и др. деревьев одно слово – *вятло*» (см. Черенкова А. Д. Мировосприятие сельских жителей и отражение его в лексике природы (на материале говоров Воронежской области) // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 1995. СПб., 1998. С. 102.

T. I. Vendina

Russian nature and the dialectal word (on the materials of “Lexical Atlas of Russian Dialects”)

The article dwells upon the problems of linguogeographical study of dialectal words in the light of new data coming from the “Lexical Atlas of Russian Dialects”. The author evaluates the preliminary results of this project and states that the semantic sphere “The word of vegetation” is marked by human presence: the “human” features are an unalienable piece of every part of it. The article proves that in the fragmented semantic sphere “The word of vegetation” a nominative logic of its own kind exists, different from the standard language. That means that there is a dialect-specific view of the world. The fresh and trustworthy material of the Atlas helps us to review the nature of dialectal nominations.

Keywords: *dialectology, linguistic geography, atlas.*

С. А. Ганичева
(Москва)

Диалектные глаголы как средство вербализации представлений о голосах птиц

Статья посвящена представлениям о голосах птиц, существующим в русской диалектной языковой картине мира и отраженным в глаголах звучания. Автор дает когнитивную интерпретацию компонентов, которые составляют ситуацию вокализации, обозначаемую этими глаголами. Основным источником материала для исследования служит картотека «Лексического атласа русских народных говоров».

Ключевые слова: *русские говоры, диалектная языковая картина мира, диалектные глаголы, вокализации птиц.*

Одним из средств обозначения в языке вокализаций животных и птиц наряду со звукоподражательными междометиями (*тень-тень, кукареку, у-у-у*), существительными со звуковым значением (*свист*) и словесными имитациями (*чечевицу видела* – о звуке, издаваемом синицей) являются глаголы звучания. В русском языкознании эти слова, как правило, рассматривались с позиции системно-структурной парадигмы: изучалась их семантическая структура (Л. М. Васильев, Н. А. Курашкина, С. А. Алиева, И. В. Ивлиева и др.), морфологические особенности (М. А. Шелякин, А. Н. Тихонов), словообразовательные и морфемные модели (Р. Г. Карунц, И. В. Ивлиева, Ю. С. Азарх и др.), особенности строения звукоподражательных корней (С. С. Шляхова, Н. А. Курашкина, Е. В. Тишина и др.) и т. д.

В то же время эти глаголы, являясь основным средством языкового обозначения процесса вокализации живых существ, так или иначе отражают представления о мире звуков, существующие в языковом сознании. Данная статья посвящена тому, как представления об одном из слагаемых этого мира – голосах птиц – вербализованы в глагольной лексике русских говоров. В мифологической символике птиц акустические характеристики играют большую роль¹, поэтому можно предположить, что и в диалектной языковой картине мира представления о вокализациях являются важным компонентом птичьих образов.

Картина мира, отраженная в диалектах, сохраняет глубинные основы национального самосознания, традиционные черты мирови-

дения народа. Она отличается естественным характером, не искажена кодификацией, среди ее признаков – парцеллирование объектов познания, антропоцентризм, большая зависимость от внешних условий бытия, субъективизм, консервативность².

Богатый материал для изучения диалектной языковой картины мира представляют собой сведения, собранные по программе «Лексического атласа русских народных говоров». Данная статья основывается на материале вопросов, посвященных вокализациям птиц (грача, гуся, жаворонка, журавля, курицы, кукушки, петуха, синицы, соловья, сороки, тетерева). В атласе не дифференцируются собственно диалектные и литературные лексемы, и далее в статье они также рассматриваются вместе как единая система глагольных средств обозначения голосов птиц, существующая в говорах.

При обращении к этим словам сразу же встает вопрос о методике их лингвокогнитивного анализа. В случае с предметной лексикой реконструкция связанных с ней фрагментов диалектной языковой картины мира часто основывается на анализе внутренней формы слова, его словообразовательной структуры. Как отмечает Т. И. Вендина, акт словообразовательной номинации позволяет проследить ход познающей мир мысли человека, на основе мотивировочных признаков установить те стороны предметов и явлений, которые оказываются наиболее существенными с точки зрения называющего³.

Однако подобный путь анализа неприменим к глаголам, обозначающим вокализации птиц. Большая часть этих слов имеет звукоподражательную природу и, следовательно, обладает одним и тем же мотивировочным признаком – акустическим: *гагакать*, *свистеть*, *сокотать*, *тенькать*, *чирикать*, *чуфыркать* и т. д. Исключения, имеющие метафорическую мотивацию, подобно глаголу *заливаться* (преимущественно о пении жаворонка), или являющиеся отсубстантивными образованиями, как глагол *сорочить* (о сороке), в данной лексико-семантической группе немногочисленны.

Анализ акустического мотивировочного признака дает мало материала для исследования отраженных в диалектной языковой картине мира представлений о птичьих голосах, за исключением того, какой из типов разнообразных вокализаций птицы чаще всего попадает в поле внимания человека. Так, например, глаголы говоров, употребляющиеся по отношению к журавлям, обычно соотносятся с перекличкой этих птиц в полете (негромкие звуки разных тонов): *курлыкать*, *курлычить*, *глукать*, *куркать* и др., о чем свидетельствует фонетический облик корней и контексты в картотеке атласа: Жу-

равушки закурлыкали, на юг полетели; Вона журавли летят, курныкают; Как журавли в небе закурлыкают, так мне всё детство вспоминается и др. При этом в природе вокализации серого журавля* значительно разнообразнее: призывный крик, ориентировочный крик, сигнал к взлету, сигнал тревоги, предупреждающий сигнал, сигнал угрозы, переключка брачной пары и др.⁴

Представляется, что для лингвокогнитивной интерпретации глаголов, обозначающих голоса птиц, можно обратиться к иному пути анализа, не связанному с выявлением мотивировочных признаков. Функциональной ролью глагола в речи является обозначение ситуации. Она обладает определенным набором компонентов. В случае с глаголами, обозначающими вокализации птиц, к основным компонентам, с нашей точки зрения, можно отнести субъект действия (птица), характер действия (особенности вокализации: громкая, резкая, с переливами и т. д.), место и время действия (хронотоп) и причину действия (причина вокализации или ее прекращения). Анализ того, как каждый из компонентов ситуации отражен в глагольной лексике говоров и в употреблении этой лексики в речи, позволит выявить общие представления о голосах птиц, существующие в диалектной языковой картине мира.

Если обозначать общую особенность этих представлений, то можно отметить их нечеткость, расплывчатость. Образы звуков в сознании носителей говоров не имеют четких границ, пересекаются друг с другом и накладываются друг на друга.

Об этом свидетельствует анализ первых двух компонентов ситуации птичьей вокализации – субъекта и характера действия, – которые тесным образом переплетаются между собой.

Все рассматриваемые глаголы делятся на две группы в зависимости от того, какой компонент обозначаемой ситуации в большей степени представлен в их семантике: субъект действия или характер действия. В первом случае основными семами в значении глагола являются субъектные: *грасть* (о грачах), *грать* (о воронах, галках, грачах), *кукарекать*, *кирикать* (о петухе), *кукукать* (о кукушке), *глюкать*, *курлыкать* (о журавле), *болмотать* (о тетереве) и др. Несмотря на большую роль субъектной семы, данные слова отражают и характер действия: акустический образ вокализации птицы передается в них за счет фонетического состава корневой звукоподражательной

* Наиболее распространенный на территории Европейской части России вид журавля.

морфемы. На этом основывается возможность использования части данных слов по отношению к нескольким птицам (или, шире, к нескольким живым существам), имеющим акустически близкие вокализации: *курлыкать* – о журавле и тетереве; *грать* – о воронах, галках, грачах; *стрекотать* – о сороке и сверчке и т. д.*

Во второй группе глаголов центральными являются семы характера звука: ‘звонко, тонко’ (*звенеть, пищать, щебетать, свистеть* и др.), ‘громко, резко’ (*керкать, трещать, стрекотать* и др.), ‘негромко, тонко’ (*чирикать, тенькать* и др.) и т. д. Характер действия в этих глаголах передается не только семной структурой, но и, как в предыдущих словах, фонетической структурой корневых морфем, чаще всего также имеющих звукоподражательную природу. Такая составляющая ситуации вокализации как субъект действия представлена в значении этих слов латентно. Во-первых, хотя каждый из глаголов данной группы может соотноситься с очень широким кругом субъектов, этот круг ограничен теми существами, вокализации которых обладают определенными акустическими особенностями. Даже глаголы *кричать* и *петь*, имеющие наибольший объем семантики, ограничены в сочетаемости: *кричать* употребляется по отношению к любой непевчей птице – грачу, журавлю, гусю и т. д., а *петь* – по отношению к певчим птицам, а также к петуху. Во-вторых, материал говорцов показывает, что в некоторых случаях существует тенденция «специализации» тех или иных глаголов широкой семантики. Например, глаголы *свистеть* и *свистать* зафиксированы по отношению к жаворонку, синице, соловью, однако в отношении соловья составляют значительно большую часть материала.

Для обозначения вокализаций одной и той же птицы могут использоваться глаголы обеих групп, что отмечается как в рамках номинативного ряда, так и в одном пункте обследования. С другой стороны, один и тот же глагол может быть зафиксирован в разных номинативных рядах, о чем уже говорилось выше.

Таким образом, семантическая система диалектных глаголов, обозначающих вокализации птиц, довольно сложна. Существование двух групп глаголов, в значении которых на первом плане выходят разные компоненты ситуации вокализации, пересечение номинативных рядов друг с другом, использование глаголов с разным се-

---

* Это часто наблюдается в рамках одного пункта обследования, т. е. не всегда связано с диалектной семантической дифференциацией слова в говорах.

мантическим объемом по отношению к одной и той же птице – всё это говорит о том, что человек, с одной стороны, выделяет в общем хоре птичьих голосов отдельные вокализации, а с другой – подводит близкие по звучанию голоса под общий акустический образ, обозначаемый тем или иным глаголом широкой семантики. Этим определяется расплывчатость представлений о вокализациях птиц в диалектной языковой картине мира, неопределенность границ звуковых образов.

Анализ состава номинативных рядов позволяет также установить некоторые особенности восприятия вокализаций отдельных птиц.

Наиболее конкретны и детальны представления о голосе птиц, имеющих хозяйственное или промысловое значение: курицы и петуха, гуся, тетерева. В соответствующих номинативных рядах велика доля глаголов, в семантике которых основными являются субъектные семы: *квохтать*, *квохчить*, *квокать*, *квыкать*, *квактать*, *клоктать*, *клькать*, *кокотать*, *коткать*, *котыкать*, *кудахтать*, *кудахчить*, *кудакать*, *кутакчить*, *кутыкать*, *гудахтать*, *кудкудахтать*, *кытыкать*, *коткаться* и др. – о курице; *кукарекать*, *кукарикать*, *кикирекать*, *кирикать*, *кукарекукать*, *кукарековать*, *кукаречить* и др. – о петухе; *гоготать*, *гагакать*, *гаганить*, *гагачить*, *гагать*, *кагекать*, *кагачить* и др. – о гусе; *болботать*, *болмотать*, *гурайдать*, *гурандить*, *курлыкать*, *чувывать*, *чувычить*, *чувышкать*, *чуфыркать* и др. – о тетереве.

Кроме того, для практической деятельности человека имеет значение разграничение разных типов вокализаций этих птиц, что находит отражение в семантической дифференциации глаголов.

Наиболее ярко она представлена в словах, обозначающих звуки, издаваемые курицей, что наблюдается не только в говорах, но и в литературном языке. Прежде всего, существуют отдельные глаголы для обозначения вокализаций курицы (см. примеры выше). Кроме того, среди глаголов, употребляющихся по отношению к курице, основную оппозицию в литературном языке и в говорах составляют слова, обозначающие вокализации курицы при несении яйца, и слова, обозначающие вокализации курицы, которая высидывает яйца или ходит с цыплятами. В литературном языке эта оппозиция выражена словами *кудахтать* и *квохтать* (*клохтать*)⁵. Иллюстрации в картотеке атласа и в словарных статьях диалектных словарей свидетельствуют о том, что в говорах процесс вокализации во время несения яйца также часто обозначается глаголом *кудахтать* и одно-

коренными лексемами (*кудактать, кутыкать, кудакать, кудачить, кутакчить, кудкудакать* и др.), словами *кокотать* и *роститься*: *Кура как яйцо снесет, кудухтает*; *Курица кокочет, скоро яйцо снесет*⁶; *Ростится, когда яичком хвастает, положилась когда*⁷ и т. д. Вокализации курицы в то время, когда она высидывает яйца и ходит с цыплятами, чаще обозначаются глаголами *квохтать, клохтать* и однокоренными словами (*квоктать, клокать, клукать, квыкать, квокать* и др.): *Курица-то, когда над цыплятами, всё клокчет, клокчет*⁸. Дифференциация прослеживается в ряде высказываний: *Квохчут, када цыплят везут, а так – кудухчут; Перед тем как снестись, курица сокорит: «ко!», «ко!», «ко!»*. *А когда снесётся, кудкудачет*⁹. В то же время несмотря на общую тенденцию к дифференциации глаголы нередко смешиваются и употребляются безотносительно к типу издаваемого звука: *Квокчет, как яйцо снесет; Ходит, квокчет «кок-кок», цыплят водит*¹⁰. Смешение в ряде случаев наблюдается в региональных словарях, о чем свидетельствует сопоставление толкований и иллюстраций в словарных статьях (*квохтать* и *квоктать* – ‘кудахтать’: *Када курица выводит цыплят, она квокчет, и када садится на яйца, тоже квокчет*¹¹). Иногда толкования отражают возможность употребления глагола по отношению к разным звукам: *роститься* ‘кудахтать перед тем, как снести яйцо (о курице)’ и ‘квохтать перед тем, как сесть на яйца для высидывания цыплят (о курице)’¹², *тараточить* ‘кудахтать, клохтать (о курице)’¹³.

Значительно менее отчетливо выражена семантическая дифференциация в ряду глаголов, обозначающих вокализации гуся, однако в ряде случаев зафиксирован глагол *шипеть*, обозначающий голос рассерженного гуся*.

Семантическая дифференциация также представлена в обозначениях звуков, издаваемых тетеревом – промысловой птицей. Песня самца тетерева во время токования в основном состоит из булькающих, бормочущих звуков, однако в определенный момент птица

* В народном хозяйстве и в народной культуре определенную роль играют как домашние, так и дикие гуси, однако в сознании человека большее место занимает домашний гусь, о чем свидетельствуют примеры в картотеке атласа: *Гуси на дворе гакают; У соседей гуси были, как разгогочутся, так хоть из дому беги; А это наша гусыня гакает; В сарае загоготали гуси; Мороки с ними, с гусями, прожорливые очень, да и гогочут почем зря* и др. О диких гусях речь идет только в отдельных примерах: *Так и летя, так и гогочу: га-га-га!*

«чуфыкает» – издает звук типа «чуфффы»). Соответственно, это различие вокализаций попало в поле внимания человека, и в диалектах употребляются, с одной стороны, глаголы, акустически сходные с *бормотать* (*болмотать*, *гурковать* и др.), а с другой – слова типа *чуфыркать* (*чувыкать*, *чувышкать* и др.).

Достаточно отчетливо, хотя и не столь детально, отражены в языковом сознании вокализации кукушки и журавля. По отношению к этим птицам также используются преимущественно глаголы с субъектными семами: *кувать*, *кукать*, *куковать*, *кукотать*, *кукукать*, *кукуковать*, *кукулить*, *кукучить* и др. – о кукушке; *глукать*, *гурлыкать*, *куркать*, *курлыкать*, *курныкать*, *курлычать*, *курлычить* и др. – о журавле. В первом номинативном ряду слова являются однокоренными, хотя демонстрируют значительное формальное варьирование корневой морфемы. Все глаголы в обоих рядах соотносятся с одним типом издаваемых птицей звуков: брачной песней самца кукушки (громкое размеренное «ку-ку»¹⁴) и перекличкой журавлей в полете (см. выше), о чем говорит сходство звуковых образов, передаваемых корневыми морфемами глаголов каждого ряда. По всей видимости, конкретность образов вокализаций этих птиц обусловлена тем, что обе они живут достаточно далеко от человека (соответственно, он лишен возможности слышать все разнообразие издаваемых птицей звуков), однако при этом играют значительную роль в традиционных мифологических представлениях¹⁵.

Совершенно иной облик имеет состав номинативных рядов, относящихся к соловью, жаворонку, сороке и синице (первые три птицы также имеют большое значение в традиционной народной культуре¹⁶). Эти ряды отличаются большим разнообразием: *высвистывать*, *заливать*, *заливаться*, *насвистывать*, *нащелкивать*, *подсвистывать*, *прищелкивать*, *разливаться*, *свистать*, *свистеть*, *свистувать*, *трелевать*, *трелить*, *трельчать*, *уливать*, *щекать*, *щекотать*, *щелкотать*, *щелкать* и др. – о соловье; *жаворонить*, *заливать*, *заливаться*, *залиться*, *затвливать*, *затвликать*, *затвлилить*, *твлиить*, *трелить*, *трелькать*, *чирикаать*, *чиркать*, *чиликать* и др. – о жаворонке; *дзинькать*, *зинькать*, *пенькать*, *пикаать*, *пинькать*, *пищать*, *попискивать*, *сенькать*, *синькать*, *тенькать*, *теренькать*, *тетенькать*, *тинькать*, *тренькать*, *цвенькать*, *цвикаать*, *цвинькать*, *цвирикаать*, *цвиринькать*, *цвиркать* и др. – о синице; *скорготать*, *сокотать*, *сорочить*, *стрекотать*, *стрекочить*, *строкать*, *строчить*, *трещать*, *чикакать*, *чикотать*, *чичикаать*, *щекотать*, *щекотить*, *щектать* и др. – о сороке. В отличие от кукушки и журавля, вока-

лизации этих птиц значительно чаще попадают в поле внимания человека. Синицы и сороки обитают в непосредственной близости от человеческого жилища, а пение соловья и жаворонка издавна высоко ценилось в культуре.

Особенно разнообразны номинативные ряды глаголов, обозначающих вокализации певчих птиц – соловья, жаворонка и синицы. В них преобладают глаголы с семами, обозначающими характер звука (см. выше). В человеческом восприятии этих птиц на первый план выдвигается их красивый голос, поэтому более существенным становится обозначение самого процесса пения или его акустических характеристик, а не принадлежности звука определенной птице. Сложность песен, наличие в них переливов и трелей отражается также в употреблении глаголов, имеющих метафорическую мотивацию (*залиться, залиться* – о жаворонке, соловье), и глаголов, относящихся к морфемно охарактеризованным способам глагольного действия (*высвистывать, насвистывать, нащелкивать, подсвистывать, прищелкивать* и др.).

Наименее отчетливые представления об обозначаемой вокализации отражают глаголы, употребляющиеся по отношению к грачу. Слова, зафиксированные в этом номинативном ряду, могут использоваться применительно к вороне (*гаркать, грать, гракать, каркать, кракать, крачить*), галке (*грать*), сороке (*грать*), гусю (*гаркать, каркать, кракать, крачить*), утке (*кракать*), курице (*каркать*). Обозначение крика грача часто вторично по отношению к обозначению крика вороны, сходной с грачом, но занимающей большее место в народном сознании. Об этом свидетельствует тот факт, что большинство глаголов, по данным использованных словарей, имеет значения ‘каркать’ или ‘кричать (о вороне)’, а указание на возможность употребления применительно к грачу встречается только у слов *грать* ‘гаркать, каркать (о грачах)’¹⁷, *грать* ‘издавать звуки, каркать (о грачах)’¹⁸ и *грачить* ‘кричать по-грачиному’¹⁹.

Таким образом, в составе номинативных рядов глаголов, обозначающих голоса птиц, отражается значение вокализаций в хозяйственной деятельности человека, их роль в традиционной мифологической культуре, пространственная близость сферы обитания птицы к жилищу человека.

Другие компоненты ситуации вокализации, обозначенные выше, – место, время и причина крика. Они могут быть выявлены путем анализа контекстов, иллюстрирующих употребление глаголов в речи. В нашем случае эти контексты извлечены из картотеки

«Лексического атласа русских народных говоров» и представляют собой своеобразные тексты-примитивы из одного, реже двух или трех предложений. Контент-анализ этих текстов позволяет выявить пространственно-временные представления, связанные с вокализациями птиц, а также представления о том, почему кричит или поет птица.

В рамках статьи мы не имеем возможности подробно рассматривать образы голосов всех птиц, поэтому остановимся подробнее на представлениях о вокализации одной из них – кукушки.

В контекстах встретилось много слов и сочетаний слов, обозначающих временные представления о том, когда раздается кукование: время года – весна (*весна; весной**) и лето (*лето; в начале лета*), время суток – вечер (*вечером; вечер; по вечерам*) и утро (*на заре; рано*). В нескольких контекстах отмечено, что кукушка кукует не постоянно, а только в определенное время (*в определенное время; своё время знает; не всегда; время ей куковать; уже петь престала*). Начинается кукование большей частью весной (*жито поднимется, в колос станет заходить; на Никола**;* с первых оттепелей; *рано; когда на деревьях появляются первые листья; в апреле*). Временем окончания крика называют июль или конец июня (*в конце июня; в июле*), часто оно связывается с церковными праздниками: Петровым днем (*до двенадцатого июля; Петров день будет, до Петрова дня, до Петра, Петров день*) и Ильиным днем (*до Ильина дня*). Ряд слов и словосочетаний определяет периодичность крика и его длительность. Крик раздается *часто*, повторяется (*опять, обычно*). Он, как правило, долгий (*долго; слушать замучишься; весь вечер; уж полчаса; всё кукует и кукует; усё кукукая да кукукая*).

Если говорить, о месте, с которым связывается кукование, то это лес (*лес; березняк*). Слова и словосочетания других тематических групп единичны (*с того берега; за рекой; за огородом; в степи; вдали; в селе; в балке*); примечательно, что практически нет обозначения понятий сферы человека (кроме слова *село*).

Таким образом, пространственно-временные представления о вокализациях кукушки в целом соответствуют особенностям, наблюдаемым в природе. Кукушка – лесная птица, ведущая скрытный образ жизни. Человек гораздо чаще слышит кукушку, чем видит. Кукование начинается с прилетом птицы, срок которого в разных реги-

* Курсивом выделены примеры.

** Никола Вешний, отмечается 22 (9) мая.

онах варьируется (от начала апреля до конца мая). Прилет кукушки обычно совпадает с началом разворачивания листьев на деревьях. Завершается кукование к концу брачного периода, обычно в первой-второй декаде июля.

Интерпретация причин кукования в народном языковом сознании, напротив, в основном определяется мифологическими представлениями и наглядно демонстрирует антропоцентризм языковой картины мира. В большом количестве контекстов отражено распространенное представление о куковании как о предсказании количества лет жизни, оставшихся человеку: *сколько накукует раз, столько и жить остаётся; сколько прокукует – столько лет человек жить будет; года насчитывает; кукуй много раз, чтоб дольше прожить; счёт оставшимся годам; года считает; лета насчитывать; жисть узнают, скока жить осталось; сколько прокукует, столько годков; сколько тебе жизни накукукали?* и др. Иногда встречается и иное объяснение причины кукования: кукушка ищет или оплакивает своих детей (*детей своих ищет; по детям своим плачет*). Кроме того, в нескольких контекстах встретилось объяснение того, почему кукушка перестает куковать, также отражающее мифологические представления о птице: кукушка прекращает куковать, так как давится колосом (*колосом задавилась*) или так как после Петрова дня превращается в ястреба (*до Петра кукуе, а с Петра цыплят ворует; с Петра цыплят воровать; после Петрова дня в ястреба превращается*)²⁰.

Анализ контекстов, относящихся к вокализациям других птиц, показывает, что картина пространственно-временных представлений о голосе птицы и представлений о причинах вокализации оказывается совершенно иной. Так, голоса сороки, синицы, домашних птиц раздаются вблизи человеческого жилья; кроме того, они не привязаны явно к тому или иному времени года. Крики журавлей соотносятся со временем перелета этих птиц (осень, реже обозначается весна) и т. д.

Таким образом, диалектные глаголы отражают представления о вокализациях птиц, существующие в диалектной языковой картине мира. Соответствующие звуковые образы характеризуется расплывчатостью и неопределенностью границ. Об этом свидетельствует анализ таких компонентов ситуации, обозначаемой глаголами, как субъект и характер действия. При этом голоса разных птиц отражаются в диалектной языковой картине мира с разной степенью конкретности и детальности, что зависит от роли птицы в хозяйственной и промысловой деятельности человека и мифологических представлениях, а также близости ее среды обитания к жилищу человека.

Пространственно-временные представления о вокализациях птиц и представления о причине вокализации могут быть выявлены путем анализа контекстов, иллюстрирующих употребление глаголов в речи. Так, контексты с глаголами, обозначающими кукование, свидетельствуют о том, что пространственно-временные представления соотносятся с реальными природными особенностями вокализаций кукушки, а интерпретация причины кукования отражает мифологическую символику образа кукушки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Гура А. В.* Звуки и голоса животных в традиционных народных представлениях // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. М., 1998. С. 95–101.

2 *Радченко О. А., Закуткина Н. А.* Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен // Вопросы языкознания. 2004. № 6. С. 25–48.

3 *Вендина Т. И.* Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998. С. 7–9.

4 Птицы СССР: курообразные, журавлеобразные. М., 1987. С. 276–277.

5 Словарь современного русского литературного языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1986. Т. 2. С. 45, 60.

6 Картотека «Лексического атласа русских народных говоров» (КЛАРНГ).

7 Словарь русских народных говоров (СРНГ). СПб., 2001. Вып. 35. С. 197–198.

8 КЛАРНГ.

9 Там же.

10 Там же.

11 Большой толковый словарь донского казачества (БТСДК). М., 2003. С. 214.

12 Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1984. Т. 5. С. 89.

13 СРНГ. СПб., 2010. Вып. 43. С. 283.

14 Птицы России и сопредельных регионов: рябкообразные, голу-беобразные, кукушкообразные, совообразные. М., 1993. С. 193.

15 *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 646–666, 682–709.

16 Там же. С. 556–568, 633–644.

- 17 СРНГ. Л., 1972. Вып. 7. С. 119.
- 18 Там же. С. 116–117.
- 19 БТСДК. С. 117.
- 20 О мифологических представлениях, связанных с кукушкой в традиционной народной картине мира, см.: *Гура А. В.* Символика животных... С. 682–709.

S. A. Ganičeva

Dialectal verbs verbalizing the ideas about bird voices

The article is dedicated to bird voices in Russian dialectal image of the world reflected in the verbs of sound. A cognitive interpretation of components of a vocalisation situation described by these verbs is provided. The data for the research is taken from the card-index of the Lexical Atlas of Russian Dialects.

Keywords: *Russian dialects, dialect image of the world, dialect verbs, vocalisation of birds.*

С. С. Скорвид
(Москва)

Еще раз об ассимиляции вибранта *r* в нижнелужицком языке на фоне соотносительных фактов других западнославянских языков и диалектов

В статье привлекается внимание к проблеме специфического нижнелужицкого изменения твердого вибранта /r/ после согласных /p/, /t/, /k/ в сибилант /š/ в сравнении с процессами ассимиляции не только /r/ в других западнославянских языках и диалектах. Эту проблему рассматривал уже целый ряд ученых, в том числе в последнее время Л. Э. Калнынь, которая полагает, что данное изменение отражает тесную связь согласных в слове, характерную для периода господства открытых слогов в ранней истории славянских языков. Автор статьи, учитывая, кроме прочего, данные современных польских и чешских переселенческих говоров в России, приходит к выводу, что это состояние может отчасти сохраняться до наших дней.

Ключевые слова: *ассимиляция, твердый и мягкий вибрант, нижнелужицкий язык, западнославянские языки, славянские переселенческие говоры в России.*

Предлагаемые заметки, написанные по случаю знаменательного юбилея Людмилы Эдуардовны Калнынь, касаются одного аспекта серболужицкой (нижнелужицкой) диалектологии – первой области ее научных интересов, которой она остается верна по сей день. Нижнелужицкому оглушению вибранта как факту славянской фонетики, находящему аналогии в других не только западнославянских, но и восточнославянских диалектах, она посвятила работу 1989 г.¹, а четверть века спустя вновь обратилась к данному феномену, трактуя его как один из нижнелужицких фонетических архаизмов². Ее новая статья, созданная на основе доклада на Международной конференции «Лужицкие сербы в прошлом и в начале XXI в.: язык, культура, история», состоявшейся в Институте славяноведения в 2014 г., и побудила автора нижеследующих строк еще раз присмотреться к указанному явлению и связанному с ним процессу ассимиляции не обязательно оглушенного *r / r'* в соотношении с фактами других западнославянских языков и диалектов, включая бытующие далеко за пределами исходного ареала.

В таком более широком контексте обсуждаемую нижнелужицкую особенность в своей статье описывает и Л. Э. Калнынь: «Явле-

ние это известно в языках/диалектах Западной Славии, где оглушение вибранта и последующее преобразование первичного результата этого оглушения касается только палатализованного согласного *r'*. Нижнелужицкое оглушение вибранта имеет свою специфику. Здесь в позиции после *p, t, k* шумным заменяется не только *r'*, что известно и другим западнославянским языкам, но и *r*, что, кроме нижнелужицких диалектов, нигде не встречается: *pšut, kšej, tšawa*³. Конечный результат преобразования твердого *r* после глухих взрывных согласных, как показывают приведенные примеры, в нижнелужицком совпал с исконным *š*, на некотором этапе развития нижнелужицкого консонантизма отвердевшим; напротив, результат изменения палатализованного *r'* в той же позиции совпал с мягким *ś*, какой в остальном появился на месте *t'* вследствие его изменения в аффрикату *ć*, в дальнейшем утратившую – не после фрикативных *s, š* – взрывной элемент, например: *pši-, pše-* (префиксы), *kšiwu, tši, tšeši* и т. п. Этот факт с учетом того обстоятельства, что твердый *r*, в том числе в позиции после глухих взрывных согласных, в исходе основы издавна мог чередоваться с палатализованным *r'* перед флексиями и суффиксами с передним гласным, что ограничено отражается и в современном нижнелужицком словообразовании и отчасти формообразовании, требует скорректировать утверждение, что «синхронно [...] ничто, кроме этимологии, не указывает на то, что в *pšut, kšej, tšawa* переднеязычный спирант появился на месте *r*»⁴. Чередования *tš ~ ts, kš ~ ks, pš ~ ps*, например, в таких словах, как *sotša* ‘сестра’ vs. *sotšicka* ‘сестричка’, *sotšenc* ‘племянник (сын сестры)’, *sotšiny* ‘сестрин’ (наряду с *sotšynu*), *mokšy* ‘мокрый’ vs. *mokšejšy* ‘более мокрый’, *mokšiš* ‘мочить’, *kopš* ‘фенхель, укроп’ (наряду с *kopr*) vs. *kopšica* ‘фенхель’, пусть редкие и почти утраченные в собственно словоизменении (ср. у существительного *sotša* дат.-местн. п. ед. ч. и им.-вин. п. дв. ч. *sotše*, но у существительного *kmótš* ‘кум’ им. п. мн. ч. *kmótša* ‘кумовья’), все же указывают на это – хотя, конечно, не рядовым носителям/пользователям нижнелужицкого идиома.

Процесс выделения сибиланта при изменении некогда смягченного *r'* после *p, t, k*, отраженный как в ниже-, так и в верхнелужицкой области (ср. в.-луж. примеры с транскрипцией в соответствии с литературным произношением: *při-* [pš'i], *pře-* [pš'e], *kšiwu* [kš'iwu]; после *t* с ассимиляцией *tři* [c'i] наряду с *třasć* [č'asć] ‘трясти’), а в смежных с серболужицким ареалах – польском, чешском – не ограниченный сочетаниями с глухим взрывным согласным, но последовательно охвативший *r'* во всех позициях, несомненно, следует

рассматривать в одном ряду с явлениями ассибиляции, какие в разной мере затронули разные группы мягких согласных не только в западнославянских языках, прежде всего тех, которые Р. О. Якобсон назвал «палатализирующими»⁵. Наиболее широко представлена ассибиляция у мягких зубных *t', d'*: она распространена (с различиями в характере сибиллянта, шипящего или свистящего) от серболужицкого ареала на западе через польский с кашубским, а также с северноморавской (силезской) частью чешского языкового массива и далее с западно- и восточнословацкими говорами до белорусской языковой территории на востоке; в конечном итоге данное фонетическое явление известно и русскому языку. При этом, например, чешский язык в целом не относится к «палатализирующим», но в древнечешских памятниках приблизительно до XV в., когда, по всей вероятности, оппозиция твердых зубных *t, d* и палатализованных зубных *t', d'* сменилась в нем оппозицией альвеолярных *t, d* и палатальных (среднебных) *t', d'*, встречаются написания типа *dzyecze* ‘дитя’, корреспондирующие с польск. *dziecię* (и, с заменой шипящих свистящими, кашуб. *dzecuszko*), в.-луж. *džěčo* (и, с заменой шипящих аффрикат ффрикативными, н.-луж. *žise*), а также белорус. *dzičė*. Только в польской области (с соседними северноморавским и восточнословацким ареалами) ассибиляция наступила и у мягких зубных *s', z'*, изменившихся в палатальные шипящие *ś, ź*. В истории польского языка появление вследствие всех этих процессов нового ряда мягких шипящих согласных, датируемое XII–XIII веками, создало ситуацию, чреватую смешением новых шипящих со старыми, исконно также мягкими (что и произошло в некоторых диалектных зонах, где имеет место так наз. *sziakanie*). Действие дивергентной тенденции привело в конечном итоге к отвердению старых шипящих согласных, которое историки польского языка относят к XVI в. Альтернативой этому было совпадение старых шипящих со свистящими, твердыми *s, z* и отвердевшим *c* (так наз. *mazurzenie* – «мазурение», наблюдаемое во многих польских диалектах). Об этих общеизвестных фактах здесь уместно вспомнить в связи с тем, что аналогичные процессы были пережиты также и в нижнелужицкой области. Ввиду ее давней смежности с польской языковой территорией это нельзя объяснять исключительно типологическим сходством: вероятно, здесь следует видеть и некоторые изоглоссы.

Впрочем, трудно с однозначностью провести изоглоссу в случае «мазурения», каковое явление затронуло в нижнелужицком (как и в некоторых польских говорах) только *č*, изменившийся в *c* (ср. су-

sćis ‘чистить’ и др.). С одной стороны, в Великопольше, с которой нижнелужицкий ареал когда-то граничил на востоке, «мазурение» отсутствует; с другой, аналогичный «мазурению» процесс был отражен – по-видимому, различно по говорам – в позднем полабском языке, где, однако, он не был сопряжен с возникновением ряда новых палатальных шипящих согласных; наконец, в связи с «мазурением» часто упоминают и древненовгородское «цоканье», тем более сопоставимое с «цоканьем» в нижнелужицком. В то же время обращает внимание, что в верхнелужицком, где старый *č* сохранился, новая шипящая аффриката, возникшая из мягкого *t'*, фонетически совпала с ним (ср. *čisćić* [č'isč'ić']), чего благодаря «цоканью» не произошло в нижнелужицком.

С большей определенностью с польским развитием в говорах без таких явлений, как «мазурение» или *sziakanie*, т. е. как раз в великопольских, соотносится нижнелужицкая дифференциация новых мягких фрикативных шипящих *ś, ź*, возникавших из *ć < t'* и *ź < d'*, с отвердевающими старыми *š, ż*. С глухими фрикативными согласными из этих двух рядов в нижнелужицком совпали и окончательные результаты преобразования соответственно палатализованного *r'* и твердого *r* после *p, t, k* – в отличие от ситуации в польском языке, где континуантами *r'* выступают такие же твердые шипящие, как отвердевшие старые *š, ż*. Исключение составляют польские говоры, не различающие этих двух рядов шипящих: например, мазурские, которые вместе со всеми мазовецкими и другими характеризуются «мазурением». Обычно констатируется, что в таких говорах шипящие, возникшие на месте *r'*, не подвергаются «мазурению», так как этот процесс перестал действовать ко времени утраты вибрации континуантом *r'*. В отношении мазурских говоров, однако, следует дополнительно отметить, что реализация шипящих, выступающих как на месте *r'*, так и в других случаях, колеблется в диапазоне от твердых альвеолярных до палатальных. Очень часто здесь представлены «средние» *ś, ź*, ср. примеры из сборника текстов К. Нича *pśišli* ‘пришли’, *spśedajū* ‘продают’, *tšeba* ‘надо’, *źěś* ‘зверь’⁶ и из наших записей образцов мазурского переселенческого говора в Сибири (д. Знаменка в Республике Хакасия): *kun'e tšimal'i* ‘коней держали’, *v'itšoχn'eli* ‘вытряхнули’, *pšijexali* ‘приехали’, *pšet trut'arm'ijo* ‘перед Трудармией’ и т. д. Впрочем, нередко здесь и случаи сохранения вбранта с шипящим призвуком – например, в сибирском переселенческом говоре *přin'ese* ‘принесет’, *napřendli* ‘напряли’, *dobře* ‘хорошо’ и др.

Очевидно, что в нижнелужицком закрепление на месте *r* и *r'* в сочетании с предшествующим глухим взрывным согласным соответственно твердого и мягкого глухого шипящего могло наступить только после дифференциации двух этих рядов шипящих согласных в данном ареале. Абсолютная хронология обоих процессов не поддается установлению. Безусловно, они произошли в период до начала письменной фиксации нижнелужицких диалектов. Как замечает Л. Э. Калнынь со ссылкой на работу Х. Шустера-Шевца 1968 г., он, «анализируя звуковую систему, отраженную в одном из нижнелужицких памятников письменности XVI в., не находит в ней существенных отличий от современного нижнелужицкого языка»⁷. Это касается и системы шипящих согласных, включая замены *r* и *r'* после *p*, *t*, *k*. Памятник, о котором идет речь, – это песенник и катехизис, изданный в 1574 г. Альбином Моллером, где встречаются, например, написания (курсивом рядом дается прочтение Х. Шустера-Шевца) *Saytscha zajiša* ‘назавтра, наутро’, *pławũ pšawu* ‘правый, праведный’, а в более раннем фрагменте нижнелужицкого требника 1543 г. читаем: *pšhoffüsch pšosyś* ‘просить’, *pšhoffü pšosu* ‘просит’, *pšhofczo pšosóco* ‘просите’, *kšchignul pšches Jefu Kriftuffa kšygnul pšez Jezu Krystusa* ‘получил через Иисуса Христа’⁸. Нетрудно видеть, что приведенные прочтения представляют собой результат реконструкции с опорой на современное состояние: сами по себе написания в текстах указывают лишь на наличие шипящего на месте *r* и *r'* после глухих взрывных, причем даже в заимствовании *kšchignul* из нем. *kriegen* (в современном нижнелужицком *krydnuś*). Твердость/мягкость шипящих, а часто даже шипящий или свистящий характер сибиллянта в графике памятников XVI в. не различались.

Если вслед за Х. Шустером-Шевцем предполагать отверждение старых шипящих в нижнелужицком в XVI в., что традиционно принимается и в отношении польского языка, можно *mutatis mutandis* представить как аналогичное польскому также предшествующее развитие рассматриваемого фрагмента консонантизма в серболужицком ареале вообще. Правда, наряду с несомненно параллельными процессами здесь будут проявляться и существенные различия, в том числе касающиеся судьбы вибранта. Польский дрожаще-шипящий согласный *ř* – континуант *r'* – сохранял это качество в целом до XVIII в., а по говорам может сохранять его до сих пор (см., в частности, мазурские примеры выше). На серболужицкой территории развитие шипящего элемента при дрожащем только после глухих

взрывных согласных, вероятно, способствовало более ранней утрате вибрации. В этой связи характерно сохранение в нижнелужицком не ассимилированного вибранта после *k* в сочетании с предшествующим сибилантом в начале слова, что наблюдается в нескольких лексемах с исторически «подвижным *s*-», которые имеют также варианты без *s*- и, соответственно, с изменением *kr* > *kš*, таких как *škrabaś* наряду с *kšabaś* ‘скрести’⁹. Впрочем, в южной части нижнелужицкого ареала переход *r* в *š* не только после *k*, но и после *p* вообще не происходил или происходил непоследовательно¹⁰.

Тем не менее в течение некоторого времени на серболужицкой территории, по-видимому, существовал палатализованный дрожаще-шипящий *ř* на месте *r*’ после *p*, *t*, *k*, а в нижнелужицком ареале и аналогичный непалатализованный вибрант на месте *r* в той же позиции. Соотносительный с первым из них вибрант в истории польского и чешского языков фиксируется с XIII в.: древнейшее его отражение на письме в польском (в виде *rz*) относится к 1231, а в чешском (в виде *rř*) – к 1237 г. Это, разумеется, не исключает возможности более раннего его развития, ведь и позже в польских и чешских памятниках с простой графикой *ř* нередко передается так же, как *r*. В любом случае XIII в. можно считать верхней хронологической границей почти общезападнославянского (с разным охватом позиций) изменения *r*’ > *ř*.

Что касается нижней границы, то Л. Э. Калнынь, говоря о времени преобразования твердого *r* после глухих взрывных в нижнелужицком, ссылается на важное наблюдение Х. Фаски в работе 1973 г., посвященной прежде всего общесерболужицким континуантам *r*’ в позиции после *p*, *t*, *k*. В ней ученый указал на то обстоятельство, что изменение вибранта в серболужицкой области не представлено в консонантных группах, возникших в результате так наз. «метатезы плавных» и падения редуцированных: например, для *r*’ и *r* в нижнелужицком *trěś* ‘тереть’ (< *terti*), *krick* ‘кустик’ (< *кѣгѣкъкъ*, ср. *keř* < *къгъ* ‘куст’), *prog* ‘порог’ (< *porgъ*), *praś* ‘стирать’ (< *ръгати*) и т. д. Спустя 20 лет в «Серболужицком языковом атласе» Х. Фаска уточнил: «В группах типа *tert ассимиляция *ř после *p*, *t*, *k* произошла лишь в континуантах предлогов/префиксов *perg, *pergъ, *pergъ, т. е. в в.-луж. *pře*, *před*, *přez*, н.-луж. *pše*, *pšed*, *pšez*, но не в их производных, ср. в.-луж. *prědk*, *prědku*, *prědni*, *prjedy*, н.-луж. *prjedk*, *prjedku*, *prjedny*, *prjezy*, *prjeki* и др. Таким образом, если не объявлять *pře/pše*, *před/pšed*, *přez/pšez* исключениями, то, вопреки прежней трактовке [...], ассимиляция *ř после *p*, *t*, *k* могла наступить и закончиться сразу же после метатезы плавных и до исчезновения редуцированных в слабой

позиции. То, наступила ли или не наступила ассимиляция *r' после *p, t, k* в группах типа *tert, зависело от их интонации и акцентуации»¹¹. Согласно гипотезе автора, *r' ассимилировался только в таких группах типа *tret < *tert, которые находились под циркумфлексным ударением, в то время как под акутом или в предупредном положении плавный в группе *tret продлевался, что препятствовало ассимиляции. При этом Х. Фаска вновь подтвердил свою прежнюю датировку изменений вибранта в серболужицком, но с оговоркой, что они происходили «в X веке, во всяком случае после или в ходе метатезы плавных и до утраты слабых редуцированных»¹².

Предположение Х. Фаски о продлении плавного в процессе изменения групп типа *tert, по крайней мере в некоторых случаях, заставляет вспомнить объяснение изменений всех таких групп, данное некогда А. М. Селищевым и подхваченное С. Б. Бернштейном. По их интерпретации, плавный сонант здесь, чтобы обеспечить открытие слога, который им завершался, отходил к последующему слогу, где перед согласным должен был развить побочную слоговость. При этом в северо-западных и восточнославянских диалектах сонанты стали долгими, вследствие чего позже их слоговость переходила «на новый вокальный элемент, который затем развился в полноценный гласный». В дальнейшем «в одних диалектах развитие нормального гласного из вокального элемента было связано с постепенной редуциацией гласного предшествующего слога, в других – гласный предшествующего слога не редуцировался»; отсюда и «различие между лехитскими и восточнославянскими фактами: *krova* – *корова*, *brzeg* – *березь*, *głowa* – *голова*. Таким образом, в польских *krowa*, *brzeg*, *głowa* и т. д. перестановки не было. Это можно считать окончательно установленным после того, как Розвадовский открыл, что предлоги перед данными словами имели сверхкраткие гласные в “сильной” позиции (ср. *we głowie*). Это свидетельствует о том, что в древнепольском языке в слове *głowa* между [g] и [l] был гласный, который позже утратился»¹³. Думается, принятие этой схемы при интерпретации развития серболужицких групп типа *tert (> ter't > t'ret > tret), а также *tort (> tor't > t'rot > trot) позволило бы лучше объяснить общесерболужицкий факт сохранения *r'* в сочетаниях, восходящих к *ter-, *ker-, *per- перед согласными, при его изменении в предлогах/префиксах *per, *perđь, *perзь, где редуцирующийся гласный мог исчезнуть раньше (такая трактовка, как представляется, предпочтительнее реконструкции гипотетических акцентно-интонационных различий), а в нижнелужицком – сохранение *r* в аналогичных сочетаниях, восходящих к *tor-, *kor-, *por-.

Также отсутствие изменения *r'*, а в нижнелужицком и *r* в сочетаниях с *p*, *t*, *k*, возникших в результате утраты *b, *ɓ после названных согласных, не кажется однозначно надежным аргументом в пользу отнесения этих изменений к периоду до исчезновения слабых редуцированных, или, в терминологии С. Б. Бернштейна, сверхкратких. Известно, например, что «в языке полабских славян сверхкраткие гласные в “слабой” позиции в ряде случаев оказались очень устойчивыми», поскольку «здесь они в начальных слогах разделили судьбу “сильных” сверхкратких, т. е. перешли в гласные полного образования»¹⁴, а именно – «в ударной и предударной позициях [...] в *a* или *a*, ср. *drāvə* ‘дрова’, *māre* ‘мру’, *tāmə* ‘тьма’»¹⁵. Для серболужицкого ареала, который исторически тесно связан с полабским, также вполне правомерно допустить достаточно длительное сохранение на месте «слабых», по правилу Гавлика, *b и *ɓ в начальных слогах если не прямо континуантов «сильных» редуцированных, то некоего «вокального элемента», впоследствии утраченного, типа того, какой сохранялся в группах *t^oret > tret* и *t^orot > trot*.

С учетом всех этих соображений отнесение обсуждаемых серболужицких изменений вибранта уже к X в., предлагаемое Х. Фаской, представляется маловероятным. Можно лишь констатировать, что они произошли до завершения изменений в группах *tert и *tort, а также процессов, сопряженных с падением редуцированных. Те и другие могли занять некоторый промежуток времени после X в., когда в славянских диалектах началась утрата *b и *ɓ, а преобразования групп *tert, *tort у южных – но не у остальных – славян уже закончились. Более точная датировка начала не только серболужицких, но, шире, западнославянских изменений вибранта, по-видимому, невозможна.

В завершение уместно уточнить, о каких именно изменениях вибранта *r'*, а в нижнелужицком и *r* после *p*, *t*, *k*, может идти речь по отношению к периоду между X и XIII в. Х. Фаска пишет об ассимиляции как *r'* в верхне- и нижнелужицком, так и *r* в нижнелужицком и их последующей замене сибилантами¹⁶. Л. Э. Калнынь более осторожно говорит о прогрессивном оглушении вибранта – после глухих взрывных согласных – и последующем преобразовании первичного результата этого оглушения в языках/диалектах Западной Славии, а применительно к нижнелужицкому развитию – о замене не только *r'*, но и *r* после *p*, *t*, *k* шумным. Но каким? Если допустить с самого начала ассимилированный характер нижнелужицкого континуанта *r* в данной позиции, то его оглушение на общезападнославянском фоне

не выглядит уникальным: в чешском и польском ассимилированный *ř* (здесь на месте *r'*), будучи уже шумным, а не сонорным, также подвергается в том числе и прогрессивному оглушению, что не вполне обычно для звонких шумных согласных, но встречается не только у *ř*, ср. оглушение *h* после *s* в случаях типа *sxořet* 'сгореть' в диалектах собственно Чехии или оглушение *v, v'* после глухих типа *tfardy* 'твердый', *kf'atek* 'цветок' в восточной части польских диалектов (это характеризует и литературную орфоэпическую норму). Специфически нижнелужицким явлением была бы лишь ассимиляция твердого *r*, которую, в отличие от ассимиляции *r'*, нельзя рассматривать в контексте аналогичных изменений палатализованных зубных согласных *t', d'* и (в польской области) *s', z'*. Можно, однако, предположить, что сама ассимиляция твердого *r* после *p, t, k* в нижнелужицком была следствием его оглушения еще как сонорного.

Хорошо известно, что сонорный *r* в некоторых славянских языках может иметь глухой вариант: в частности, в польском в позиции после глухих в конце слова или после глухих перед глухими, включая оглушенный *v / v'*, в начале или в середине слова, ср. примеры с транскрипцией в соответствии с литературным произношением: *wiatr* [v'atr̩] 'ветер', *trwać* [tr̩fać] 'длиться'; *Piotrków* [p'ot̩kuf] (название города) и т. п. Такой глухой сонант *r* при артикуляции неизбежно сопровождается фрикативным шумом, аналогичным ассимиляции. В отдельных подобных случаях в западнославянских языках/диалектах мог возникать и дрожаще-шипящий вибрانت *ř*, ср. чешск. *chřtán* 'глотка', 'пасть', исторически тождественное *hrtan* < *gъrtan- 'гортань', но с перестановкой -гъ- > -гъ- и с экспрессивной заменой начального звонкого взрывного согласного глухим фрикативным (характерны также старопольские варианты той же лексемы: *grtań, krtań, krztań, krztoń* и др.). На фоне этих фактов, относящихся к периоду после утраты *ъ, *ь, если признать их сравнимыми с нижнелужицким изменением *r* после глухих взрывных согласных, специфика последнего заключалась бы единственно в том, что оно реализовалось не перед согласным или в конце слова, а большей частью перед гласным. Ср., впрочем, развитие *кгъвъ, кгъвѣ... в н.-луж. *kšej* – род. п. ед. ч. *kšwě* [kš̩ɥ'ě] и в польск. *krew* [kref] – род. п. ед. ч. *krwi* [křf'i] при зафиксированном в наших записях мазурского переселенческого говора в Сибири (д. Александровка в Красноярском крае) единичном примере изменения изначально твердого *r* в *ř* после глухого согласного перед гласным в форме им. п. ед. ч. данной лексемы: *ona je'e do domu... křef, fšo [...]* *je'e do domu dosza* 'она еле домой – кровь и вообще – дошла'.

Остается под вопросом, насколько правомерно трактовать приведенный сибирско-мазурский изолированный диалектизм *křef* как прямую параллель н.-луж. *kšej*. Возможно, в нем следует видеть скорее результат субституции посредством *ř* (оглушающегося после глухого *k!*) вторично смягченного перед гласным переднего ряда вбранта *r*. Такое вторичное смягчение твердых согласных, приобретающих позиционную «полумягкость», в мазурском диалекте на исходной территории наблюдается перед *i* < *у, а в названном островном переселенческом говоре – не без влияния закономерностей русской фонетики – оно распространяется также на позицию перед *e*, например: *ṽesela? nu pr'enž'i n'is te ṽesele še nac'inačo [...]* *b'ičo fšo tamoj r'ešono* 'свадьбы? ну прежде чем начиналась свадьба... все там было решено' и т. д. Подобное же явление вторичной реализации перед гласными переднего ряда твердых *d, t, n* в палатализованном варианте отмечается в переселенческих чешских говорах на черноморском побережье Северного Кавказа, ср. *hdě* 'где' (чеш. лит. *kde*, диал. *hde*), *mlad'í uš soṽ ruskí* 'молодые – уже русские', *naše turist'í, nekerí soṽ pjekn'í* 'наши туристы – некоторые хорошие' и т. д. В примерах со смягчением согласных перед флексией им. п. мн. ч. существительных и прилагательных речь не идет о чередованиях твердых фонем с мягкими, сигнализирующих одушевленность: выражение данной категории в им. п. мн. ч. существительных в северокавказских чешских говорах утрачено, а у прилагательных перед унифицированной флексией соответствующей формы *-í* она не проявляется и в диалектах на исходной территории. Таким образом, здесь мы имеем дело с фонетическим явлением. При этом заслуживает внимания зафиксированное в одном аналогичном случае замещение вбранта *r* перед флексией *-í* ассимилированным *ř* (после гласного – звонким): *nekeř'í daže se stid'eji řict, že soṽ Češi* 'некоторые даже стыдятся сказать, что они чехи'.

Возвращаясь к нижнелужицким изменениям *pr, tr, kr* > *pš, tš, kš*, можно заключить, что при любой трактовке их первичного результата следует безоговорочно согласиться с Л. Э. Калнынь в том, что в основе такого преобразования вбранта лежала его контактная связь с предшествующим согласным, характерная для линейной последовательности, состоящей из открытых слогов, в период до падения редуцированных. Такие случаи, как чешск. *chřtán*, польск. *krtań* при старопольск. *krztań* и, возможно, сибирско-мазурский окказионализм *křef*, однако, указывают на то, что связь эта явно не утратилась сразу после исчезновения редуцированных, а в какой-то степени способна сохраняться до сего дня.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Калнынь Л. Э.* Нижнелужицкое оглушение вибранта как факт славянской фонетики // *Формирование и функционирование серболужицких литературных языков и диалектов.* М., 1989. С. 160–172.
- 2 *Калнынь Л. Э.* Архаизмы в диалектах Нижней Лужицы // *Миноритарные и региональные языки и культуры Славии.* М., 2017. С. 129–136.
- 3 Там же. С. 133–134.
- 4 Там же. С. 135.
- 5 *Яacobсон Р.* О теории фонологических союзов между языками // *Яacobсон Р. Избранные работы.* М., 1985. С. 100.
- 6 *Pólnocno-polskie teksty gwarowe / Pod redakcją K. Nitscha.* Kraków, 1955. S. 64–65.
- 7 *Калнынь Л. Э.* Архаизмы в диалектах Нижней Лужицы... С. 135.
- 8 *Schuster-Šewc H.* Sorbische Sprachdenkmäler. 16.–18. Jahrhundert. Bautzen, 1967. S. 292–296.
- 9 *Sorbischer Sprachatlas 14. Historische Phonologie / Bearbeitet von H. Faßke.* Bautzen, 1993. S. 139.
- 10 *Ibid.* S. 143.
- 11 *Ibid.* S. 133.
- 12 *Ibid.* S. 136.
- 13 *Бернштейн С. Б.* Сравнительная грамматика славянских языков. М., 2005. С. 218.
- 14 Там же. С. 51, 250.
- 15 *Stieber Z.* Zarys dialektologii języków zachodniosłowiańskich z wyborem tekstów gwarowych. Warszawa, 1956. S. 25.
- 16 *Sorbischer Sprachatlas 14.* S. 139.

S. S. Skorvid

Once again about the assibilation of the vibrant *r* in Lower Sorbian against the background of similar facts in other West Slavic languages and dialects

The paper draws attention to the problem of the specific Lower Sorbian change of the vibrant /r/, also when it was not palatalized, after the consonants /p/, /t/, /k/ into the sibilant /š/ compared to the processes of assibilation not only of the palatalized /r/ in other West Slavic languages and dialects. This problem has already been discussed by many scholars, recently by L. E. Kalnyn who believes that such a change reflects especially close connection of consonants within words, which was typical of the period of the predominance of open syllables in the early history of the Slavic languages. The author of this article takes into consideration, among others, some similar facts in contemporary Polish and Czech immigrant dialects in Russia and concludes that this situation is partly maintained until now.

Keywords: assibilation, non-palatalized and palatalized vibrant, Lower Sorbian, West Slavic language group, Slavic immigrant dialects in Russia.

А. А. Булычев
(Москва)

Заметки об изданиях латинского и иных шрифтов XV–XVIII столетий из собрания РГАДА:

I. О книгах из библиотеки Самойлы Васильевича Величко

Статья посвящена описанию украинских и литовских печатных изданий, по преимуществу панегириков, из личного собрания украинского казацкого летописца рубежа XVII–XVIII веков С. В. Величко. Особенный интерес представляют собственноручные инскрипты владельца, оставленные на полях принадлежавших ему книжек.

Ключевые слова: *украинское летописание, Самойло Величко, личная библиотека, печатные издания, панегирики, польский язык, латинский язык.*

В собрании печатных изданий библиотеки Московской Синодальной типографии (РГАДА) хранится комплекс из двенадцати брошюр, принадлежавших украинскому книжнику первой четверти XVIII в. Самойле Васильевичу Величко¹. Заслуженную известность ему принесла монументальная «Летопись», повествующая о деяниях казаков Войска Запорожского в период от гетманства Б.-З. М. Абданк (Сырокомля)-Хмельницкого до последнего года XVII столетия. Впрочем, есть весьма веские основания полагать, что свой труд С. Величко довел как минимум до 1720 г.: страницы с рассказом о событиях 1701–1720 гг. оказались попросту утраченными².

Жизненный путь казацкого летописца прослеживается лишь фрагментарно. Родился он в 1670 г., однако и место рождения, и социальное положение семьи по сию пору покрыты тайной. В юности С. Величко, по-видимому, учился в Киево-Могилянской академии, где среди прочих знаний овладел латинским, польским и немецкими языками. Когда и при каких обстоятельствах Величко присоединился к запорожским казакам точно неизвестно. Между тем с того момента и его служебная карьера, и литературные интересы самым тесным образом будут связаны с «лыцарями» из Сечи. В ранге канцеляриста Войска Запорожского он служил под началом В. Л. Кочубея в Генеральной войсковой канцелярии. Снискав доверие патрона, С. Величко участвовал в его секретной переписке с русским царем Петром I. После казни Кочубея 15 июля 1708 г. ему пришлось оставить службу, но связи с семейством своего начальника он сохранил. По

возвращении вдове В. Кочубея поместий мужа Самойла Васильевич находит приют в одном из них – прославленной Н. В. Гоголем Диканьке, где всецело предается литературным занятиям. Интенсивная творческая работа сказалась на здоровье украинского летописца – в последние годы жизни он практически ослеп. Умер С. В. Величко в октябре 1728 г.³

В первые десятилетия после Октябрьского переворота 1917 г. библиотека Величко попала в поле зрения архивистов Древлехранилища Централархива РСФСР. В 1928 г. на семи изданиях сохранились датируемые архивные записи-скрепы светло-синими чернилами, фиксирующие количество листов в каждом из экземпляров⁴. Кроме того, на четырех книжках теми же чернилами сделаны пометы на дореволюционном штампе МГАМИД: «Об. ин. п. 272» (№ 17910), «Об. ин. п. 274» (№ 17911), «Об. ин. п. 279» (№ 17909–17909а), «Об. ин. п. 281» (№ 17920). Интерпретировать эти пометы, по-видимому, следует как «Об[оленский] ин[остранная] п[ечать] *учетный номер*». Скорее всего, все двенадцать изданий, которыми некогда владел С. Величко, сначала оказались в собрании кн. М. А. Оболенского, а уже потом были переданы им на хранение в Московский главный архив Министерства иностранных дел (МГАМИД).

Приблизительно в 1970-х гг. все двенадцать⁵ брошюр из библиотеки Величко прошли обработку в Лаборатории микрофильмирования и реставрации документов Главного архивного управления при Совете Министров СССР (ЛМРД). Там их «одели» в архивные переплеты из тонкого электрокартона, на которых отсутствуют какие-либо ярлыки или экслибрисы архивных учреждений Российской империи или частных коллекций дореволюционной поры. Между тем экземпляр «*Lucubratiuncula*» Ивана Величковского (Чернигов, 1684; № 17918), по-видимому, некогда нес на себе какой-то знак или ярлык, указывающий на его происхождение из книжного собрания директора МГАМИД кн. М. А. Оболенского. Возможно, речь могла идти даже о специально изготовленном экслибрисе для книг кн. Оболенского, пожертвованных им в библиотеку своего Архива⁶.

В связи с этим возникает вопрос: кто составил краткие описания книг из личной библиотеки украинского летописца, помещенные на владельческих обложках времени Империи? На то, что брошюры, принадлежавшие Самойле Величко, обернуты именно во владельческие, а не архивные обложки, указывают несколько обстоятельств. Во-первых, на все обложки нанесены методом блинтового тиснения штампы-логотипы Императорской Публичной библиотеки – мо-

нарший вензель под российской императорской короной *НИ* с аббревиатурой *И. П. Б.* в лавровом венке, перевязанном у основания лентой в форме банта. Иными словами, на их изготовление пошла «фирменная» бумага Императорской Публичной библиотеки, при том что на самих печатных изданиях какие-либо отметки об их принадлежности к фондам этой библиотеки отсутствуют. Во-вторых, первоначальные учетные номера экземпляров из собрания Величко в диапазоне от 17 до 29, писанные теми же чернилами, что и тексты описательных статей, дважды менялись, и только последние, третьи по счету, номера от 277 до 284 соответствуют архивным, указанным на штампах МГАМИД. Думается, первоначальные номера отражают учет частной коллекции, а не государственного хранилища. К тому же оттиски фиолетовой мастики штампа МГАМИД обнаруживаются отнюдь не всех экземплярах из библиотеки Величко⁷. Таким образом, авторство описаний на обложках можно с осторожностью приписать не чиновниками МГАМИД, а их коллегам из Императорской Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге. Явно «домашний», неформальный стиль описательных статей с пояснениями, наподобие комментария к мирскому имени будущего местоблюстителя патриаршего престола митрополита Стефана Яворского («еще не Монаха») <№ 17913>, равно как и пометы типа NB, наводят на мысль о частном обращении коллекционера к государственным служащим за помощью в точном определении приобретенных им артефактов. Именно библиотекари-профессионалы Публичной библиотеки, чьи фонды формировались, кстати, по принципу коллекций, способны были верно определить «летучее» издание окказионального характера по неполному экземпляру без титульного листа (№ 17909). Причем ни владелец, ни описатели явно не придавали особого значения факту владения книгами «канцеляриста Войска Запоризскаго», поскольку только в двух описательных статьях они сделали подобающие случаю отметки об этом⁸. Помимо прочего, тот факт, что все отдельные экземпляры и единственный конволют из собрания С. В. Величко оказались в обложках с записями XIX в. ясно указывает на их бытование без переплетов как минимум до времени попадания собрания брошюр в руки кн. Оболенского.

Судя по сохранившимся библиотечным формулярам РГАДА, лишь четыре брошюрки из двенадцати выдавались исследователям в читальный зал архива. Пожалуй, наиболее известная из них – «Liscibratiuncula» Величковского (№ 17918) – на протяжении 1962–2010 гг. пять раз покидала место постоянного хранения. Шесть раз, в 1956–

1999 г., ученые и сотрудники Архива древних актов пользовались экземпляром сочинения Лазаря Барановича «*Naiasnieysza nieba u ziemie Carica Panna Matka Matka Panna Marya*» (Чернигов, 1683, № 17914). Наконец, в 1956 г. панегирик Стефана Яворского в честь киевского митрополита Варлаама Ясинского «*Arctos et antarctos caeli rossiaci*» (Киев, 1690) во владельческом конволюте с прозаическим, по преимуществу, славословием Мазепе «*[Luna Mazepiana]*» ([Киев, рубеж 1680–1690-х], № 17909а) единственный раз держала в руках выдающийся отечественный книговед Т. Н. Каменева. Правда, в те годы ее интересовали исключительно печатные книги, выпущенные в Чернигове. В итоге только первые два издания «черниговской печати» были введены в научный оборот, причем двукратно: в 1959 (сразу обе)⁹ и 1981 гг. (лишь первая), как экземпляры из личной библиотеки украинского книжника-летописца начала XVIII в.

Настоящие заметки вводят в научный оборот весь сохранившийся в РГАДА корпус книг, принадлежавших С. В. Величко.

Атрибутирующими признаками, позволяющими установить связь того или иного экземпляра с личной библиотекой Величко, являются, в первую очередь, записи с указанием его имени и фамильного прозвища. Вторым, не менее надежным, признаком для атрибуции оказывается внутренняя буквенная нумерация книг в собрании, выполненная характерным почерком темно-коричневыми чернилами непосредственно на их титульных листах¹⁰. Притом на многих из них, помимо инскриптов самого Величко, встречаются владельческие записи и откровенно «школярские» прописи Феодора Вирозуба (Верозуба), который также владел этими брошюрами, но, возможно, ранее. В пользу такого предположения косвенно свидетельствует тот факт, что, подготавливая место для собственной записи о принадлежности книги, С. В. Величко зачеркнул начало весьма часто воспроизводимой в экземплярах ученической прописи: «Помощь моя...». Этот текст усвоится нами Ф. Вирозубу по совпадению почерка и чернил в изданиях «*[Luna Mazepiana]*» и «*Hippomenes Sarmacki*» Ф. Орлика (Киев, 1698, № 17911). Анализ инскриптов Вирозуба позволяет с уверенностью говорить о нем как об образованном человеке, не только знакомом с латынью и польским языком, но даже изучавшем философию («*Auditoris Philosophia*» <№ 17909а>), по-видимому, в Киево-Могилянской академии. К тому же он находился в не совсем понятных связях со старшей братией и насельниками Киевской Печерской лавры, что позволяло ему подвизаться в монастырских Дальних пещерах (№ 17910). При этом он вряд ли

имел отношение к появлению на титульных листах внутренней буквенной нумерации, поскольку в подборке брошюр, собственником которых был Величко, встречаются экземпляры с такой нумерацией и владельческой записью казацкого летописца, но без инскриптов Ф. Вирозуба (№ 17912). Впрочем, и к внутренней буквенной нумерации собрания на ярлычках Вирозуб, скорее всего, не был причастен: в издании сочинения С. Лещинского (№ 17919) находится и ярлычок с номером, и запись С. Величко, но опять-таки нет даже косвенных письменных свидетельств владения книгой Ф. Вирозубом.

Внутренняя буквенная нумерация и владельческие записи оказываются в равной степени важными для определения принадлежности экземпляра к личной библиотеке украинского летописца, поскольку имеются брошюры как без внутреннего номера, но с записью Величко (№ 17911), так и, напротив, с внутренним номером, но без его владельческого инскрипта (№ 17915). В настоящее время библиотека С. В. Величко состоит из печатных изданий с внутренней буквенной нумерацией: 1, 2, 4, 6–9, 14, 15, 18 и одного без такого номера. Этот же порядок очередности принят и в поэкземплярном описании брошюр из книжного собрания казацкого летописца, которые ныне хранятся в фонде «Отдел редких изданий / иностранные» (РГАДА). По возможности, в описательных статьях воспроизведены все ученические прописи и пометы, в полной мере демонстрирующие теснейшую связь этой подборки брошюр с киевскими школярами (см. Приложение к настоящим заметкам).

Библиотека С. В. Величко вряд ли состояла только из двух десятков брошюрок, среди которых преобладают панегирики, написанные по случаю. Перед нами, скорее всего, ее некая часть, причем частично приобретенная или унаследованная после студента-философа Киево-Могилянской академии Ф. Вирозуба. Единственный датированный инскрипт Вирозуб оставил в 1695 г. (№ 17910). Думается, что после 1695 г. и произошел переход книжного собрания Вирозуба в собственность украинского летописца. Самая ранняя владельческая запись С. Величко с датой приходится на 1690 г. (№ 17913), притом она выполнена на книге, не принадлежавшей Ф. Вирозубу. Благодаря ей существенно уточняется хронология биографии Величко: в 1690 г., двадцати лет от роду, будущий составитель знаменитого Летописца уже служил под началом генерального писаря В. Л. Кочубея, занимая должность «канцеляриста Войска Запоризскаго».

Репертуар описанной ниже библиотеки С. В. Величко, разумеется, в первую очередь отражает литературно-культурные пристра-

ствия ее прежнего владельца Ф. Вирозуба во время обучения того в Киево-Могилянской академии. На это ясно указывают многочисленные ученические прописи, оставленные им полях принадлежавших ему книжек. Впрочем, они вряд ли отличались от интеллектуальных предпочтений самого Величко, который, по преданию, также был тамошним студентом. Собственно говоря, сама подборка иноязычных литературных и научных публикаций, выпущенных не только в Московском царстве, но и в порубежной Речи Посполитой, служит лучшим доказательством (пусть косвенным) пребывания С. В. Величко в стенах киевской *alma mater*. В любом случае, у казацкого книжника явно не вызвали отторжения публикации местных, украинских, опытов барочной элоквенции, восхваляющих Царицу Небесную, или славословящих его старших современников-единоверцев. В числе последних были и киевский митрополит Варлаам Ясинский, и черниговский архиепископ Лазарь Баранович, и гетман И. С. Мазепа-Колединский, имевший до своей измены репутацию наивернейшего слуги царя Петра, и государев стольник Ян Обидовский – зять непосредственного начальника Величко Кочубея.

Особого книговедческого комментария заслуживают две печатные книжки из собрания «канцеляриста Войска Запоризскаго»: «Pełnia nieubuywającej chwały w herbowym xieżycu...» Стефана Яворского ([Киев], 1691, № 17910) и «[Luna Mazeriana]» (№ 17909а). Первая брошюра весьма отличается от аналогичного издания, описанного Я. Д. Исаевичем и Я. П. Запаско (№ 671): она напечатана не в две, а в одну краску, и у нее отсутствует титульный лист с гравюрой¹¹, но, главное, наборные полосы с текстом занимают не двадцать, а тридцать шесть нумерованных листов. Столь значительные различия позволяют говорить о неизвестном варианте публикации этого литературного произведения. Еще интересней приплет к «Arctos et antarctos caeli rossiaci» – панегирик И. Мазепе «[Luna Mazeriana]» (названа нами по аналогии с «Luna Sieniaviana» <Львов, 1649>). Типографский материал приплетенной брошюры полностью совпадает с типографским материалом «Arctos'a» Яворского, что заставляет видеть в ней, во-первых, издание книгопечатни Киево-Печерской лавры и, во-вторых, с учетом малой степени износа печатных форм, книжку, выпущенную практически одновременно со сплетенным с ней сочинением Яворского. Датировать в таком случае ее следует рубежом 1680–1690-х гг. «[Luna Mazeriana]» представляет собой брошюру из четырех тетрадей по два листа каждая, что составляет восемь нумерованных листов. Весьма вероятно, издание могло иметь титульный лист.

При этом и неведомый Вироzub, и С. Величко, подобно многим православным украинско-белорусским духовным и светским писателям эпохи позднего русского Средневековья, не могли не испытывать сильного влияния инославного (в их случае католического) школьного образования в целом, и богословия в частности.

В подобном положении оказались практически все народы, жившие на периферии *Rex Orthodoxia*. Гибель Византии автоматически привела к крушению православного высшего и среднего образования, в особенности в странах «Византийского содружества». После 1453 г. и до середины – последней четверти XVII столетия ни на Балканах, ни в Восточной Европе не появилось успешно функционировавшего учебного заведения, ориентированного исключительно на греческую Ортодоксию, не только уровня Магнарской высшей школы в Константинополе, но и училища средней ступени.

Впрочем, справедливости ради следует заметить, что византийская православная ученость не получила должного развития среди православного населения Восточной Европы еще и в силу весьма специфического способа заимствования новообращенными русичами (общими предками великороссов, украинцев и белорусов) греческого церковно-культурного наследия. Так, местная политическая и культурная элита повела себя сверхпрагматически, заказывая в первую очередь переводы книг, обеспечивающих потребности храмового богослужения. Византийские сочинения по философии, теологии, риторике, отчасти истории оказались не востребованы древнерусскими интеллектуалами¹². Неактуальным для молодого христианского государства стал и опыт организации византийцами правильных учебных заведений¹³.

Со временем ситуация ненамного улучшилась: в средневековой Руси появились церковные культурно-образовательные центры, ориентированные на Византию. Одни возникали под патронажем суверенной светской власти¹⁴, другие – в стенах отдельно взятого монастыря, имевшего исторически сложившиеся связи с иноческими обителями Константинополя или Святой Горы Афон¹⁵. Впрочем, количество подобных центров было мизерным даже в пору расцвета греческо-русского церковного и культурного диалога. После 1448 г., когда Русская митрополия Константинопольского патриархата самопровозгласила себя Автокефальной Поместной Церковью, трансляция в Северо-Восточную Русь византийского духовного наследия приобрела откровенно эфемерный характер. В условиях нарочито негативного отношения светской и церковной элиты Великого кня-

жества Московского к западноевропейскому иноконфессиональному культурному опыту и практике, при очевидном угасании едва сформировавшейся греческой традиции, широкие массы населения оказались в невеселом состоянии церковно-культурного одиночества без надежды на правильное высшее и среднее образование.

Немногим лучше было положение на Украине и в Белоруссии, где, несмотря на тесные церковные связи с Константинопольским патриархатом, регулярная греческая средняя и, тем более, высшая школа долгие века не получили сколько-нибудь заметного развития.

В последней трети XVI – начале XVII столетия в восточных землях Речи Посполитой начатки теологического образования в духе строгой Ортодоксии можно было получить, пожалуй, только в легендарной Академии в Остроге¹⁶. Однако после смерти ее основателя кн. В.-К. К. Острожского в 1608 г. учебное заведение быстро пришло в упадок. Позднее, во второй четверти – середине XVII в., подобием греческого духовного центра стал Межигорский монастырь в Киеве, однако насколько обитель соответствовала статусу училищной, ныне определить затруднительно¹⁷.

Между тем при фактически абсолютном доминировании учебных заведений, патронируемых Римско-католической церковью, это было поистине «каплей в море», не повлиявшей на общую безотрадную для восточных христиан картину. Поэтому в подавляющем большинстве православная украинская и белорусская молодежь обучалась в католических, по преимуществу иезуитских, коллегиях, поневоле воспринимая христианскую богословскую доктрину в изложении «божественного доктора» Фомы Аквинского. Последний создал стройную систему общего богословия, запечатленную в знаменитой «Summa Theologicae». Положенная в основу школьного католического образования, «Summa» Аквината усилиями интерпретаторов стала доступна не только на латыни, но и на польском языке. К сожалению, подобного компактного сочинения, излагавшего во всей полноте православное догматическое богословие, в ту пору не существовало.

Образовательная программа созданного митрополитом Петром Могилой в 1632 г. Киево-Могилянского коллегия, преобразованного позднее в академию в 1658 г., также была ориентирована скорее на католическую школьную модель, нежели на фактически забытый греческий образец. Более того, очевидное влияние западноевропейского схоластического образования на учебную программу крупнейшей православной школы Киева вполне отвечало намерениям

его основателя митрополита Петра Могилы. Он не только никогда не скрывал своего культурного полонофильства, но и полагал полезной и спасительной для окормляемой им паствы более тесную интеграцию в иноконфессиональное польско-литовское общество. Не случайно именно при Могиле произошел знаменательный «разрыв... со старой традицией бескомпромиссной верности Православному Востоку и отстаивания русской культуры и Церкви в Польше (точнее, Речи Посполитой. – А. Б.)», когда выпестованная в его коллегии новая генерация украинско-белорусских православных писателей-богословов предпочла постулаты и систему аргументации современной католической теологии максимум византийской патристики¹⁸.

Неудивительно поэтому, что в личной библиотеке студента Киевской Академии Величко, наряду с латинско- и польскоязычными творениями православных соплеменников, хранились и «*Canones ex Universa Philosophia, Conformes Legibus Ecclesiae & Naturæ...*» ([Вильно, 1699], № 17915), усваиваемые виленскому католическому епископу Константину Казимиру Бржостовскому (в записи бакалавра философии А. Л. Володкевича).

Впрочем, и Вирозуб, и Величко отнюдь не принадлежали к числу утонченных рафинированных европейских интеллектуалов, являя собой национальный тип книжного человека, окончательно порвавшего с греческой ученостью, но при этом нетвердо усвоившего и новую для себя западноевропейскую школьную науку. Прежде всего это отразилось в практике написания иноязычных текстов. В своих ученических прописях, например, Вирозуб легко сбивался на весьма распространенный в ту пору среди образованных украинцев «*polszyzna Kresowa*» или «*jazyk wschodniopolskij*» (по шуточному определению А. Гейштора), мешая в одном тексте латинские и польские слова, иногда вставляя в них буквы родного кирилловского алфавита. Сам же Величко, получив в собственность неисправный экземпляр «*Echo głosu wołającego na puszczy...*» Сим. Яворского ([Киев], 1689, № 17913) с перепутанными местами тетрадями, вместо того чтобы вернуть книге первозданный вид, закрепил ошибку своим владельческим инскриптом. Аналогичным образом он поступил и с не вполне правильно сложенным экземпляром «*Bogata drogich kamieniy speza ná wysrówienie złoświatnego pałacu wiekopomney sławie...*» Я. Орновского (Чернигов, 1693, № 17920).

Книжное собрание С. В. Величко представляет его владельца одним из рядовых представителей украинских православных книж-

ников XVII в., позиционировавших себя приверженцами греческой Ортодоксии, но притом пытающихся по мере сил освоить иноконфессиональную культурную традицию. Датированные владельческие инскрипты казацкого летописца на принадлежавших ему печатных изданиях позволяют уточнить время пребывания того в должности «канцеляриста Войска Запоризскаго».

* * *

1. № 17916. **Olewnicki Witakowski, Kazimierz Stanisław. Lot // strzały // Stetkiewi/czowskiey, // Apollinowa ciężiwa do wiekopomney slawy celu wymierzony //...** Vilnæ: Typis Franciscanis, Roku Tyśiac sześćset śiemddzieśiat sśostego [1676].

2°. [1]²A²B²C²D²E²F¹ = [13] л. Строк 32. Шрифт: 10 строк = 71 мм. (антиква). Тит. л. – в рамке из наборных украшений. Л. 2₁а – заставка из наборных украшений.

Особенности экземпляра: нет последней седьмой тетради F¹; л. 2₁, 2₃ 1₄, 2₅, 1₆ – на фальцах, все листы – в потеках, на л. 1₁а и 2₆б – следы загрязнения. *Реставрация:* на л. 1₁б, 1₅б, 2₅, 1₆, 2₆ – подклейки невержерованной бумагой; реставрация книжного блока в ЛМРД; на л. 1₅б, 2₅, 1₆, 2₆ в местах подклеек невержерованной бумагой – утраты текста. *Переплет* реставрационный, электрокартон. В левом верхнем углу верхней крышки – ярлык с названием библиотечного фонда и учетным номером Центрального государственного архива древних актов СССР (ЦГАДА).

Инскрипты: на л. 1₁а – буквенный номер Я: – 1 (повторен на ярлычке, наклеенном на том же листе); по нижнему краю л. 1₁а–1₂а – владельческая запись южнорусской скорописью: 3 книг / Самойлових / Величковых; ученические прописи скорописью: 1). на л. 2₄а – Fama in leone w lenmate <?> (парафраз текста панегирика, седьмая строка сверху); 2). на л. 2₆б – Zdrowia; by swoia (повторение первых трех слов текста с передачей знаков препинания).

Библиотечные и архивные пометы: на л. 1а обложки – 1). штамп блинтового тиснения: вензель под российской императорской короной *ИИ* и аббревиатурой – *И. П. Б.* в лавровом венке, перевязанном у основания лентой в форме банта; 2). скорописью выцветшими темно-синими чернилами: 26* / Казимира Станислава Олевницкаго /

---

* Учетный номер 26 дважды был переименован, сначала на 55, а затем на 277, отмененные учетные номера зачеркнуты, вся правка карандашом.

Витаковского*, ректора Виленской академии / Lot strzały Stetkiewicz-zonskiej; 3). учетный номер ЦГАДА фиолетовыми анилиновыми чернилами: 4° / 9236; 4). оттиск фиолетовой мастики штампа проверки наличия 1957 г. На л. 1_а – учетный номер ЦГАДА фиолетовыми анилиновыми чернилами: 9236 / 4°.

Библиография: Estreicher 23: s. 326.

2. № 17918. **Wieliczkowski, Ioannis. Lucubratiuncula.** [Чернигов: Тιοграфия Троицко-Ильинского монастыря, 1684]**.

2°. A¹ B² C² = [5] л. Строк 32. Шрифт: 10 строк = 69 мм. (латиница курсив). Листы издания – в рамках из наборных украшений. На л. 1_а – заставка (Гусева, Полонская 1990: 1729).

Особенности экземпляра: л. 2₂, 1₃ – на фальцах; на л. 1₁, 1₂, 1₃, 2₃ – пигментные пятна, на всех листах – следы загрязнения в правом нижнем углу. Реставрация книжного блока в ЛМРД. Переплет реставрационный, электрокартон. В левом верхнем углу верхней крышки – ярлык с названием библиотечного фонда и учетным номером Центрального государственного архива древних актов СССР (ЦГАДА).

Инскрипты: на л. 1_а – буквенный номер $\hat{A} - 2$; по нижнему краю л. 1_а–2_{3а} – владельческая запись южнорусской скорописью: 3 книг / Самойла / Величка / Канцеллзристи / BZ; на л. 2_{3б} – ученическая пропись скорописью: ...ризи (перевернута).

Библиотечные и архивные пометы: на л. 1а обложки – 1). штамп блинтового тиснения: вензель под российской императорской короной *ИИ* и аббревиатурой – *И. П. Б.* в лавровом венке, перевязанном у основания лентой в форме банта; 2). скорописью выцветшими темно-синими чернилами: NB*** / 29**** / Типографа Ивана Величковского¹⁹ / Польские стихи / въ честь Лазаря Барановича. // Panegiryk***** Towarzystwa Kunsztu / Typographskiego dla ucezenia Łazarza / Baranowicza. Lucubratiuncula Joannis / Wieliczkowski. // Запись на брошюре: з книг Самойла Величка / канцелляриста В. З. // На 5 лл. (без загл. листа); 3). скорописью светло-синими чернилами: на 5 лл. / К. Покровская (автограф) / 22/X 28; 4). учетный номер ЦГАДА фиолетовыми

* От начала строки четыре слова подчеркнуты.

** Аббревиатура подчеркнута.

*** Учетный номер 29 дважды был переименован, сначала на 59, а затем на 280, отмененные учетные номера зачеркнуты, вся правка карандашом.

**** Имя и фамилия подчеркнуты.

***** Слово подчеркнуто.

анилиновыми чернилами: 9238 / 4^о; 5). оттиск фиолетовой мастики штампа проверки наличия 1957 г. На л. 1_{1а} – учетный номер ЦГАДА фиолетовыми анилиновыми чернилами: 9238 / 4^о. На всех листах издания, включая л. 1а обложки, – оттиски фиолетовой мастики печати «Древлехранилище / Главархив Р. С. Ф. С. Р.».

Библиография: Каменева 1959: 14; Исаевич, Запаско: 622.

3. № 17914. **Lazarz Baranowicz. Naiasnieysza // nieba y ziemie // Carica // Panna Matka // Matka Panna // Marya.** W Czernihowie: w Typograhiey S. Тоес. Jllin., 22.XII.1683.

2^о. [1]¹] [2] A² B² C² D² E² F² G² H² J² K²⁺¹ = [24] л. Строк 31, 33, 35, 36, 37, 38, 39. Шрифты: 10 строк = 61 мм (кириллица), = 52 мм (латиница, антиква), = 60 мм (латиница, готический), = 72 мм (латиница, курсив). Набор в два столбца (фрагмент) – на л. 3₁₂. Тит. л. – в рамке из наборных украшений, листы издания – в двойных линейных рамках. Л. 1_{2b} – гравюра на меди, л. 2_{2а}, 1_{3а} – заставки из наборных украшений, л. 3_{12а} – концовка (Гусева, Полонская 1990: 1883). На л. 2_{2а} – ломбарда.

Особенности экземпляра: обрез книжного блока окрашен; л. 1₁–1₂ – склеены (?); л. 2₃, 1₄, 2₅, 1₆, 2₇, 1₈, 2₉, 1₁₀, 2₁₁, 1₁₂ – на фальцах; на листах – следы загрязнения в правом нижнем углу, пигментные пятна. Реставрация книжного блока в ЛМРД. Переплет реставрационный, электрокартон. В левом верхнем углу верхней крышки – ярлык с названием библиотечного фонда и учетным номером Центрального государственного архива древних актов СССР (ЦГАДА).

Инскрипты: на л. 1_{1а} – буквенный номер Ä – 4; по нижнему краю л. 2_{2а}–2_{4а} – владельческая запись южнорусской скорописью: 3 книз / Самуила / Величка / Канцеллзристи / Войска Запорозского; на л. 1_{12b} – ученическая пропись южно-русской скорописью: Зле день лживаз (?) / находи... <нрзбр.>.

Библиотечные и архивные пометы: на л. 1а обложки – 1). штамп блинтового тиснения: вензель под российской императорской короной *НИ* и аббревиатурой – *И. П. Б.* в лавровом венке, перевязанном у основания лентой в форме банта; 2). скорописью выцветшими темно-синими чернилами: 17* / NB / Польское песнопение / Богородице /

* Учетный номер 17 дважды был переименован, сначала на 48, а затем на 270, отмененные учетные номера зачеркнуты, вся правка карандашом. Номер 48 переправлен из № 18, что написан выцветшими темно-синими чернилами рядом с № 17.

Лазаря Барановича. / Черниговъ, 1683* // Запись на брошюре** : з книг Самуила Величка, кан/целляриста Войска Запорозского // На 23 лл.; 3). учетный номер ЦГАДА фиолетовыми анилиновыми чернилами: 9233 / 4°; 4). оттиск фиолетовой мастики штампа проверки наличия 1957 г. На л. 1₁а, 1₆а – учетный номер ЦГАДА фиолетовыми анилиновыми чернилами: 9233 / 4°.

Библиография: Каменева 1959: 12; Исаевич, Запаско: 615.

4. № 17913. **Iaworski, Symeon. Echo // glosu wołaiącego // na puszczy // ...** [Киев: Типография Лавры], 1689.

2°. [1]²⁺¹ [a]² b² c² D² E² f² G² H¹ [2]¹ [3]¹ [4]² = [22] л. = [44] с. Строк 37, 42, 44, 50, 51. Шрифты: 10 строк = 47 мм (антиква), = 58 мм (готический). Тит. л. и листы издания – в рамках из наборных украшений. Гравюры – л. 1₁б, 1₃а, 1₄а, 1₅а, 1₆а, 1₇а, 1₈а. Концовки – л. 3₁б (наборное украшение), 2₃б, 2₄б, 2₅б, 2₆б, 2₇б, 1₉б (Каменева, Гусева 1976: 351, 348, 350, 349, 312; Гусева, Каменева, Полонская 1981: 1095). На л. 1₂а – ломбарда.

Особенности экземпляра: обрез книжного блока окрашен; изначально перепутаны тетради: четвертая помещена после второй, седьмая – перед шестой; л. 2₄, 1₃, 2₅, 1₇, 2₆, 1₈, 1₁₁, 1₁₂ – на фальцах; на всех листах – следы загрязнения в правом нижнем углу. Реставрация книжного блока в ЛМРД. Переплет реставрационный, электрокартон. В левом верхнем углу верхней крышки – ярлык с названием библиотечного фонда и учетным номером Центрального государственного архива древних актов СССР (ЦГАДА).

Инскрипты: на л. 1₁а – буквенный номер S – б; по нижнему краю л. 2₁а–2₂а, 1₄а–2₄а, 1₃а–2₃а – владельческая запись южно-русской скорописью: 3 книгъ / Самойла / Василіевича / Величка / Канцелляристи / Войска Запорозского / року #ÃÖ× (1690), закрепившая неправильный порядок тетрадей; на л. 2₁₂б – ученическая пропись скорописью, почерком Величко: моему верце <?> (перевернута, наполовину обрзана при переплете).

Библиотечные и архивные пометы: на л. 1а обложки – 1). штамп блинтового тиснения: вензель под российской императорской короной *HI* и аббревиатурой – *И. П. Б.* в лавровом венке, перевязанном у основания лентой в форме банта; 2). скорописью выцветшими тем-

* Ниже дата повторена карандашом.

** Слова от начала строки подчеркнуты.

но-синими чернилами: 19* / Echo** (Панигирикъ Мазепе) / Симеона*** Яворскаго**** (еще не Монаха) / 1689; 3). скорописью светло-синими чернилами: На двадцати двух / листах 15/X 28 / А. Н. (автограф А. А. Новосельского <?>); 4). учетный номер ЦГАДА фиолетовыми анилиновыми чернилами: 9232 / 4°; 5). оттиск фиолетовой мастики штампа проверки наличия 1957 г. На л. 1_{1а} – учетный номер ЦГАДА фиолетовыми анилиновыми чернилами: 9232 / 4°.

Библиография: Estreicher 18; s. 517; Быкова, Гуревич 1958, Прил. II: 11; Исаевич, Запаско; 657.

5. № 17910. **Stephan Iaworski. Pelnia // nieubywaiącey chwały // w herbowym xieżycu // z trzech primæ magnitudinis luminarzow // Barlaama świętego pustelnika, // Barlaama świętego męczenika, // Barlaama świętego pieczarskiego // ...** [Киев: Типография Лавры], 1691.

2°. [1]¹⁺² A² B² C² D² E² F² G² H² I² K² L² M² N² O² P² Q² R¹ = [36] л. = [72] с. Строк 38, 39 (антиква), 42 (готический). Шрифт: 10 строк = 50 (антиква), = 52 (готический). Тит. л. и листы издания – в рамках из наборных украшений. Печать в одну краску. Тит. л. – без гравированных изображений свв. Варлаамов. Гравюры – л. 1_{2а}, 1_{7а}, 1_{10а}. Заставки – 1_{2b}, 1_{5b}, 2_{5b}, 2_{6а}, 1_{8а}, 2_{8а}, 1_{9b}, 1_{11b}, 1_{12а}, 2_{12b}, 1_{14а} (наборные украшения). Концовки – 1_{3а}, 2_{6b}, 2_{7b}, 1_{8b}, 1_{9а}, 2_{9b}, 1_{11а}, 2_{11b}, 2_{12а}, 2_{17b}, 1_{18b} (наборные украшения), 2_{13b} (Гусева, Каменева, Полонская 1981: 1088). Ломбарды – л. 3_{1а}, 1_{2b}, 1_{7b}, 1_{10b}, 1_{15а}.

Особенности экземпляра: обрез книжного блока окрашен; л. 2₂, 1₃, 2₄, 1₅, 2₁₀, 1₁₁, 2₁₂, 1₁₃ – на фальцах; на всех листах – пигментные пятна, следы загрязнения; л. 1₁₈ – в потеках. *Реставрация:* на л. 1_{7а}, 2_{7а}, 1_{18а} – подклейки неперфорированной бумагой, на л. 1_{7а}, 2_{7а} – утрата текста; реставрация книжного блока в ЛМРД. *Переплет* реставрационный, электрокартон. В левом верхнем углу верхней крышки – ярлык с названием библиотечного фонда и учетным номером Центрального государственного архива древних актов СССР (ЦГАДА).

Инскрипты: на л. 1_{1а} наклеен ярлычок с буквенным номером от руки темно-коричневыми чернилами С: – 7; по нижнему краю л. 2_{1а}–

* Учетный номер 19 дважды был переименован, сначала на 49, а затем на 271, отмененные учетные номера зачеркнуты, вся правка карандашом. Номер 49 переправлен из № 19.

** Слово подчеркнуто.

*** Исправлено из *Стеф...*

**** Имя и фамилия подчеркнуты.

1_{3a} – владельческая запись южнорусской скорописью: 3 книгъ / Самойла / Величка / Канцеллзристи / ВЗ (запись на последнем л. почти срезана при переплете); по внешнему краю л. 1_{3a} – владельческий инскрипт скорописью: Ex libris Theodori Wirozub; по внешнему краю л. 1_{18b} – владельческая запись южнорусской скорописью, переходящей в полуустав: 3 рестру книгъ Геодора Верозиба на тотъ час мешкающаго на Дално[й] Печере / року Божого 1695; на л. 2_{2a,b}, 1_{3a,b}, 2_{3a}, 2_{4a,b} – ученические прописи: очень краткие латинские параллели к польскому тексту – попытки перевода одного, реже нескольких слов.

Библиотечные и архивные пометы: на л. 1а обложки – 1). штамп блинтового тиснения: вензель под российской императорской короной *НИ* и аббревиатурой – *И. П. Б.* в лавровом венке, перевязанном у основания лентой в форме банта; 2). скорописью выцветшими темно-синими чернилами: 21.* / Pełnia / Стефана Яворскаго. / 1691; 3). оттиск фиолетовой мастики штампа МГАМИД с рукописной пометой светло-синими чернилами скорописью: Об. ин. п. 272; 4). учетный номер ЦГАДА фиолетовыми анилиновыми чернилами: 9229 / 4°; 5). оттиск фиолетовой мастики штампа проверки наличия 1957 г. На л. 1а – 1). оттиск фиолетовой мастики штампа МГАМИД; 2). помета светло-синими чернилами скорописью: Об. ин. п. 272; 3). учетный номер ЦГАДА фиолетовыми анилиновыми чернилами: 9229 / 4°; на л. 1_{18b} – оттиск фиолетовой мастики штампа МГАМИД.

Библиография: упоминания отсутствуют.

6. № 17920. Ornowski, Ian. Bogata // drogich kamieniy // speza // nǎ wysrǎwienie złotoświetnego pałacu // wiekopomney slawie // wielmoznego i egomosci pana // p. Iana // z Obidowa // Obidowskiego, // Ich Carskiego Przeswietnego Maiestaty stolnika // ... W Typ: Monast: S: Troieck: Illinsk: Czernihowskiey, 1693.

2°. [A]²⁺¹B²C¹D²E²F²G²H²J²K²L²M²N¹N¹ = [25] л. Строк 36, 45, 48. Шрифт: 10 строк = 50, 47 (готический), = 51 (готический с антиквой). Тит. л. и листы издания – в наборных рамках. Концовки – л. 1_{7a}, 1_{9b}, 1_{13b}, 1_{13b} (Гусева, Полонская 1990: 1891, 1888), 1_{8a}, 2_{10a} (наборные украшения). Ломбарды – л. 1_{2a}, 1_{7b}, 1_{8b}, 2_{9a}, 2_{10b}.

Особенности экземпляра: обрез книжного блока окрашен; отсутствует л. 3₁ – гравюра; л. 1₃ помещен между листами 1₁₃ и 1₁₃ (в экз. – два л. 1₁₃). Л. 2₁, 2₂, 1₃, 2₅, 1₆, 2₇, 1₈, 2₉, 1₁₀, 2₁₁, 1₁₂ – на фальцах; на листах – следы загрязнения, пигментные пятна, следы счищенной плесени,

* Учетный номер 21 дважды был переименован, сначала на 51, а затем на 272, отмененные учетные номера зачеркнуты, вся правка карандашом.

потеки. Реставрация: на л. 1₃а и 2₄а – подклейки невержерованной бумагой; реставрация книжного блока в ЛМРД. Переплет реставрационный, электрокартон. В левом верхнем углу верхней крышки – ярлык с названием библиотечного фонда и учетным номером Центрального государственного архива древних актов СССР (ЦГАДА).

Инскрипты: на л. 1₁а – буквенный номер **И**: – 8, на л. 1₂а наклеен ярлычок с буквенным номером от руки темно-коричневыми чернилами **ЃВ**: – 13 (!); по нижнему краю л. 2₂а, 1₄а–2₅а – владельческая запись южнорусской скорописью: 3 книгъ / Самойла / Величка / Канцеллзристи / ВZ (запись на последних двух листах почти срезана при переплете); по внешнему краю л. 1₃а – владельческий инскрипт скорописью: 3 книгъ Федора Верозуба; по нижнему краю л. 1₂а – ученическая пропись: Помощь моз *wm* Г<о>с<по>да сотворшаго Н<е>бо...; на л. 1₈а – глосса: *Varie* (?); на л. 1₁₃б – по внешнему краю ученические прописи скорописью, сильно обрезанные при переплете: 1). *В Б<о>жестве <нрзб.> славы Твое[й]...*; 2). *Трели / ти тамь...*

Библиотечные и архивные пометы: на л. 1а обложки – 1). штамп блинтового тиснения: вензель под российской императорской короной *ИИ* и аббревиатурой – *И. П. Б.* в лавровом венке, перевязанном у основания лентой в форме банта; 2). скорописью выцветшими темно-синими чернилами: 20.* / Иоанна Орновскаго** / Панигирикъ Обедовскому / Черниговъ 1693; 3). оттиск фиолетовой мастики штампа МГАМИД с рукописной пометой светло-синими чернилами скорописью: Об. ин. п. 281; 4). учетный номер ЦГАДА фиолетовыми анилиновыми чернилами: 9239 / 4°; 5). оттиск фиолетовой мастики штампа проверки наличия 1957 г. На л. 1₁а – 1). оттиск фиолетовой мастики штампа МГАМИД с рукописной пометой светло-синими чернилами скорописью: Об. ин. п. 281; 2). учетный номер ЦГАДА фиолетовыми анилиновыми чернилами: 9239 / 4°; на л. 1₁₃б – оттиск фиолетовой мастики штампа МГАМИД.

Библиография: Estreicher 23: s. 440; Каменева 1959: 31; Исаевич, Запаско: 687.

7. № 17912. **Orlik, Filip. Alcides // Rossiyski // triumfalnym lawrem // ukoronowany // iaśnie wielmożny iegomość pan / Ian Mazepa // Hetman Woysk // Ich Carskiego Przeswietnego // Maiestatu Zaporozskich // ...** W Wilnie, 1695.

* Учетный номер 20 дважды был переименован, сначала на 50, а затем на 281, отмененные учетные номера зачеркнуты, вся правка карандашом.

** Имя и фамилия подчеркнуты.

2°. А² В² С² D² E² F² G² H² I² K² L² M² N² O² P² = [30] л. Строк 30, 34 (антиква), 47, 50 (антиква с курсивом). Шрифт: 10 строк = 70 мм (антиква), = 47 мм (антиква с курсивом), = 47 мм (курсив). «Барочная» фигурная полоса набора – л. 1₁₃b, 1₁₅; на л. 1₁b – гравюра. Заставки: л. 2₁a, 1₃a, 1₄a (наборные украшения). Концовки – л. 1₁₄b, 2₁₅b (Каменева, Гусева 1976: 279), 1₁₅a (наборные украшения). Ломбарда – л. 2₁a.

Особенности экземпляра: обрез книжного блока окрашен; л. 1₁₅ – на фальце; все листы – со следами загрязнения, по верхнему и нижнему краям – пигментные пятна; л. 1₁₂ и 2₁₂ – в потехах. Реставрация: по верхнему краю л. 1₁–2₁₂ – подклейки невержерованной бумагой; реставрация книжного блока в ЛМРД. На л. 1₁₃–2₁₅ – след жучка-точильщика. Переплет реставрационный, электрокартон. В левом верхнем углу верхней крышки – ярлык с названием библиотечного фонда и учетным номером Центрального государственного архива древних актов СССР (ЦГАДА).

Инскрипты: на л. 1₁a – буквенный номер F: – 9; по нижнему краю л. 1₃a–1₆a – владельческие записи южнорусской скорописью: 1). З книзь / Самуила...; 2). Сей Панегирикъ / з книг Самойла / Василіевича / Величка / *wm* року #AÖÏS (1696); на л. 2₁₅b – полуобрезанная при переплете ученическая пропись скорописью: *pasneiz (?) tuum homo człowiek.*

Библиотечные и архивные пометы: на л. 1a обложки – 1). штамп блинтового тиснения: вензель под российской императорской короной *HI* и аббревиатурой – *И. П. Б.* в лавровом венке, перевязанном у основания лентой в форме банта; 2). скорописью выцветшими темно-синими чернилами: 22.* / Alcides Rossiyski (въ честь Мазепы) / Филипа Орлика / 1695**; 3). скорописью светло-синими чернилами: На двадцати девяти / листах (29 л.) + 11⁶*** = 30 л. / 15/X 28 / А. Н. (автограф А. А. Новосельского <?>); 4). учетный номер ЦГАДА фиолетовыми анилиновыми чернилами: 9231 / 4°; 5). отпечаток фиолетовой мастики штампа проверки наличия 1957 г. На л. 1₁a – учетный номер ЦГАДА фиолетовыми анилиновыми чернилами: 9231 / 4°.

Библиография: Estreicher 23: s. 424.

8. № 17919. Leszczynski, Sebastian Ioann. Roxolani leonis // plausus // ad auspaticissimum adventum, // potentissimi et jnvictis-

* Учетный номер 22 дважды был переименован, сначала на 52, а затем на 273, отмененные учетные номера зачеркнуты, вся правка карандашом.

** Имя, фамилия и дата подчеркнуты.

*** Ныне нумерация 1928 г. удалена.

simi // Augusti II // ... Zamoscij: Typis Universitatis, M. DC. XC. VIII. [1698].

2°.)² A² B² C² = [8] л. Строк 27 (антиква), 30, 31 (антиква с курсивом). Шрифт: 10 строк = 95,5 мм (антиква), 69 мм (антиква с курсивом) Заставка: л. 1₂а (наборные украшения). Концовка: л. 2₄б (наборное украшение). Ломбарда – л. 2₁а.

Особенности экземпляра: обрез книжного блока окрашен; л. 2₁–2₄ – в жировых пятнах, разрушающих бумагу (в особенности на л. 1₄–2₄). Реставрация книжного блока в ЛМРД. Переплет реставрационный, электрокартон. В левом верхнем углу верхней крышки – ярлык с названием библиотечного фонда и учетным номером Центрального государственного архива древних актов СССР (ЦГАДА).

Инскрипты: на л. 1₁а наклеен ярлычок с буквенным номером ÄВ: – 14; по нижнему краю л. 1₂а–2₃а – владельческая запись южно-русской скорописью: *Самишло / Величко / Канцеллзриста / Войсковго року 1708.*

Библиотечные и архивные пометы: на л. 1а обложки – 1). штамп блинтового тиснения: вензель под российской императорской короной *ИИ* и аббревиатурой – *И. П. Б.* в лавровом венке, перевязанном у основания лентой в форме банта; 2). скорописью черными чернилами: 24* / *Севастьяна Иоанна Лещинскаго** / Roxolani Leonis Plausus ad / adventum*** potentiss. et invictiss. / Augusti II etc. соч. Сев. I. Лещ. / Zamoscij 1698. Въ л[ист].;* 3). скорописью карандашом: *ин[остранные] Об[оленский];* 4). учетный номер ЦГАДА фиолетовыми анилиновыми чернилами: 9234 / 4°; 5). оттиск фиолетовой мастики штампа проверки наличия 1957 г. На л. 1₁а, 2₄б – учетный номер ЦГАДА фиолетовыми анилиновыми чернилами: 9234 / 4°.

Библиография: Estreicher 21 s. 215.

9. № 17915. **Wolodkowicz Andrea Ladislao. Canones // ex Univer-
sa Philosophia, // Conformes Legibus Ecclesiae & Naturae. // Contra
Renatos Antiquorum // In Intellectu et Voluntate errorum Patronos //
Propugnati // ...** [Вильно, 1699]

2°. A² B² C² D² E² F² G² H² = [16] л. Строк 37 (курсив), 32, 34, 36, 44 (антиква с курсивом). Шрифт: 10 строк = 50 мм (антиква), 58, 64

* Учетный номер 24 дважды был переименован, сначала на 54, а затем на 275, отмененные учетные номера зачеркнуты, вся правка карандашом.

** Имена и фамилия зачеркнуты теми же чернилами, что были использованы при написании описательной статьи.

*** Перед словом зачеркнуто: *eti...* (?).

мм (курсив). Заставка: л. 2, а. Концовка: л. 2₈ b (наборные украшения). Ломбарды – л. 2₁ a, 2₃ a, 2₄ b, 1₇ a.

Особенности экземпляра: обрез книжного блока окрашен; л. 2₁, 1₂, 2₃, 1₄, 2₅, 1₆, 2₇, 1₈ – на фальцах; л. 1₆ – 1₈ – в потеках; по нижнему краю л. 1₁–2₅ – следы смывтой плесени; на листах – следы загрязнения. Реставрация книжного блока в ЛМРД. Переплет реставрационный, электрокартон. В левом верхнем углу верхней крышки – ярлык с названием библиотечного фонда и учетным номером Центрального государственного архива древних актов СССР (ЦГАДА).

Инскрипты: на л. 1₁ a – буквенный номер АВ: – 15; владельческие и иные записи отсутствуют.

Библиотечные и архивные пометы: на л. 1a обложки – 1). штамп блинтового тиснения: вензель под российской императорской короной *НИ* и аббревиатурой – *И. П. Б.* в лавровом венке, перевязанном у основания лентой в форме банта; 2). скорописью выцветшими темно-синими чернилами: 25.* / Андрея Володковича / *Canones ex universa philo- / sophia / 1699.* в л[ист]; 3). учетный номер ЦГАДА фиолетовыми анилиновыми чернилами: 9235 / 4°; 4). оттиск фиолетовой мастики штампа проверки наличия 1957 г. На л. 1₁ a, 2₅ a – учетный номер ЦГАДА фиолетовыми анилиновыми чернилами: 9235 / 4°.

Библиография: Estreicher 33: s. 287.

10. № 17909. **Stephanus Jaworski. Arctos // Cæli Rossiaci, // in Gentilitiis Syderibus // illustrissimi ac reverendissimi patris // P: Barlaami Iasinski // ...** [Киев: Типография Лавры,] 1690.

2°. [1]¹ A² B² C² D² E² F² G² H² J² [K]¹ = [20] л. Строк 38 (антиква, готический), 43 (антиква, антиква с курсивом), 44, 45 (антиква с курсивом). Шрифт: 10 строк = 43 мм (антиква, антиква с курсивом), 52 мм (готика). Тит. л. и листы издания – в рамках из наборных украшений. Тит. л. – печать в две краски. Концовки – 2₃ b, 2₈ a (Каменева, Гусева 1976: 312, 351), 2₄ a, 2₆ a, 2₁₀ a (наборные украшения). Ломбарды – л. 1₂ a, 1₃ a, 1₇ a.

Особенности экземпляра: обрез книжного блока окрашен; отсутствуют – л. 1₁, 2₁₀, 1₁₁; листы 1₂–2₃, 2₄–1₅, 2₆–1₇, 1₈–2₉ – на фальцах; края листов загрязнены. Реставрация: на л. 2₉ – старинная кустарная реставрация вержерованной бумагой XVIII в. с фрагментом водяного знака «Герб «Погоня»» (соответствие не найдено), утрата текста (до 2/3 наборной полосы); реставрация книжного блока в ЛМРД.

* Учетный номер 25 дважды был переименован, сначала на 55, а затем на 276, отмененные учетные номера зачеркнуты, вся правка карандашом.

Переплет реставрационный, электрокартон. В левом верхнем углу верхней крышки – ярлык с названием библиотечного фонда и учетным номером Центрального государственного архива древних актов СССР (ЦГАДА).

Инскрипты: на л. 1₂а – 1). буквенный номер ЁВ: – 18; 2). владельческая запись скорописью: Ex libris Theodori Wirozub. По нижнему краю л. 1₂а–1₄а – владельческий инскрипт южнорусской скорописью: З Книгъ / Самойла / Величка / Канцеллзристи / ВЗ. На л. 1₃б – ученическая запись скорописью, почерком Ф. Вирозуба: ...numera qua qsqm (quis-quam) excepit indicia uirtutis suar (?), quot cicatrices / totidem cogoris decoга. сув*.

Библиотечные и архивные пометы: на л. 1а обложки – 1). штамп блинтового тиснения: вензель под российской императорской короной *НИ* и аббревиатурой – *И. П. Б.* в лавровом венке, перевязанном у основания лентой в форме банта; 2). скорописью выцветшими темно-синими чернилами: 28** / Arctos / Стефана Яворскаго; 3). оттиск фиолетовой мастики штампа МГАМИД с рукописной пометой светло-синими чернилами скорописью: Об. ин. п. 279; 4). скорописью светло-синими чернилами: на 24 лл. / К. Покровская (автограф) / 22/X 28; 5). учетный номер ЦГАДА фиолетовыми анилиновыми чернилами: 9228 / 4°; 6). оттиск фиолетовой мастики штампа проверки наличия 1957 г. На л. 1₂а – 1). оттиск фиолетовой мастики штампа МГАМИД с рукописной пометой светло-синими чернилами скорописью: Об. ин. п. 279; 2). учетный номер ЦГАДА фиолетовыми анилиновыми чернилами: 9228 / 4°. На всех листах издания, включая л. 1а обложки, – оттиски фиолетовой мастики печати «Древлехранилище / Главархив Р. С. Ф. С. Р.».

Библиография: Исаевич, Запаско: 663.

11. № 17909а. [**Luna Mazepiana**] [Киев: Типография Лавры, рубеж 1680-х – 1690-х гг.].

2°. А² В² С² D² = [8] л. Строк 39 (антиква). Шрифт: 10 строк = 43 мм. Листы издания – в рамках из наборных украшений. Концовка – л. 2₄б (Каменева, Гусева 1976: 350). Ломбарда – л. 1₁а.

Особенности экземпляра: обрез книжного блока окрашен; листы 2₁, 1₂, 2₃, 1₄ – на фальцах; на листах следы потеков, загрязнения. Реставрация книжного блока в ЛМРД. Переплет реставрационный, электрокартон (общий с № 10 настоящего описания).

* Последнее слово подчеркнуто.

** Учетный номер 28 дважды был переименован, сначала на 58, а затем на 279, отмененные учетные номера зачеркнуты, вся правка карандашом.

Инскрипты: на л. 1₂а – владельческая запись скорописью: Ex libris Theodori Wirozub* / Auditoris Philosophia; ученические прописи скорописью: 1). ...tristia somniseras depellite noctes pectora (л. 1₂а); 2). Кто тебе не блажить Прес<вя>таз Д<е>во (л. 2₁а); 3). ...cumeryskemi zewsząd nosy chmurami Rossia oto (л. 1₂а); 4). ...woiachewicza // ...nakłoniwe ucho a słuchay iak głosno / Apollo gra piesn n łutni załosną / Nakłoniwe ucho a słuchay iak głosno / gźucisę Pegasic з Helikonske gory** skały / oto cię czekam przez czas iuz niemały / oto cię czekao (л. 2₄б); 5). ...adsis incepus ic posco Rector olympi / adsis incepus ic pos... (л. 2₄б)***.

Библиотечные и архивные пометы: на всех листах издания – оттиски фиолетовой мастики печати «Древлехранилище / Главархив Р. С. Ф. С. Р.»; на л. [8б] – оттиск фиолетовой мастики штампа МГАМИД.

Библиография: упоминания отсутствуют.

12. № 17911. Orlik, Filip. Hippomenes // Sarmacki //... W Typograhiey Swietey Cudotworney Lawry Pieczarstiey Kijowstiey, 1698.

2°. A²B²C²D²E²G²H²J²K²L²M²N¹=[23] л. Строк 40, 42 (готический), 43 (готический с антиквой), 26, 52 <реконструкция> (антиква). Шрифт: 10 строк = 43, 85 мм (антиква), 54 мм (готический), 53 мм (готический с антиквой). Тит. л. и листы издания – в рамках из наборных украшений. Гравюры – л. 1₁б, 2₉а, 2₁₀б. Концовки – л. 2₃б, 2₃б, 1₁₂б (Каменова, Гусева 1976: 312), 1₆б, 1₉б, 2₁₀а (наборные украшения). Ломбарды – л. 2₁а, 1₄а.

Особенности экземпляра: обрез книжного блока окрашен; отсутствует л. 1₈; л. 1₆ и 2₆ – перепутаны местами; листы 1₁, 2₁, 1₄, 2₅, 2₆, 2₇, 2₈ – на фальцах; на листах – пигментные пятна, следы потеков и загрязнения. Реставрация книжного блока в ЛМРД. Переплет реставрационный, электрокартон. В левом верхнем углу верхней крышки – ярлык с названием библиотечного фонда и учетным номером Центрального государственного архива древних актов СССР (ЦГАДА).

Инскрипты: По нижнему краю л. 1₁а–1₃а – владельческий инскрипт южнорусской скорописью: З Книгѣ / Самойла*** / Величка / Канцеллзристи / Войскового; ученические прописи скорописью, почерком Ф. Вирозуба: 1). Помощникъ и покровитель бысть во спасеніе

* Здесь и далее Ф. Вирозуб последовательно заменяет латинское z на з кирилловской азбуки.

** Слово зачеркнуто.

*** Строка, дублирующая предыдущую, написана Вирозубом иным почерком и замазана чернилами.

**** Написано после замазанной чернилами ученической прописи скорописью, почерком Ф. Вирозуба: Помощь моз...

сеи ми будетъ [?] Б<о>гъ (л. 1_а); 2). Длз твоей ... пини <?> (л. 2_б); 3). Помощь моз *wt* Г<о>с<по>да сотворшаго Н<е>бо и земляю: *Zko* побител (?) / Початокъ мудрости бозтисз Б<о>га: / *Wm* юности моез многи боритсз со мьною страсти, но самз / *...и спаси мз Спасе. (л. 1_{1б}) / Ненавидзщей Сиона посрамзтсз *wt* Г<о>с<по>да зко трава озневе / будета иссохшаз** : Свзтимъ Духомъ всзказ / душа оживлзетсз и чистотоz возвишаецсз (л. 2_{1а}; первые две строки с разной степенью полноты повторены на листах: 1_{1а}, 2_{1а}, 2_{6а}, 2_{8а}, 2_{9а}, 2_{10б}, 1_{11а}, 2_{11а}).

Библиотечные и архивные пометы: на л. 1а обложки – 1). штамп блинтового тиснения: вензель под российской императорской короной *NI* и аббревиатурой – *И. П. Б.* в лавровом венке, перевязанном у основания лентой в форме банта; 2). скорописью черными чернилами: 23*** / *Hippomenes Sarmacki* (въ честь Обідовскаго) / Филиппа Орлика**** / 1698 Киевопечерск. Типогра.; 3). оттиск фиолетовой мастики штампа МГАМИД с рукописной пометой светло-синими чернилами скорописью: Об. ин. п. 274; 4). скорописью светло-синими чернилами: На 22 лл. / К. Покровская (автограф) / 23/Х 28; 5). учетный номер ЦГАДА фиолетовыми анилиновыми чернилами: 9230 / 4°. На л. 1_а – 1). помета светло-синими чернилами скорописью: Об. ин. п. 274; 2). учетный номер ЦГАДА фиолетовыми анилиновыми чернилами: 9230 / 4°; на л. 1_{3а} – оттиск фиолетовой мастики штампа МГАМИД; на л. 1_{12б} – оттиск того же штампа с рукописной пометой светло-синими чернилами скорописью: Об. ин. п. 274. На всех листах издания, включая л. 1а обложки, – оттиски фиолетовой мастики печати «Древлехранилище / Главархив Р. С. Ф. С. Р.»

Библиография: Исаевич, Запаско: 741.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См.: РГАДА. Ф. ОРИ/ин. № 17909, 17909а, 17910, 17911, 17912, 17913, 17014, 17915, 17916, 17918, 17919, 17920.

2 Сохранившийся текст памятника опубликован в: *Летопись событий в Юго-Западной России в XVII в.* Киев, 1848–1864. Т. 1–4.

* Текст начала строки обрезан при переплете в ЛМРД.

** Парафраз стихов Псалтири (Пс. 128: 5–6).

*** Учетный номер 23 дважды был переименован, сначала на 53, а затем на 274, отмененные учетные номера зачеркнуты, вся правка карандашом.

**** Имя и фамильное прозвище подчеркнуты.

3 См.: *Соколов В. В.* Величко Самуил Васильевич // Русский биографический словарь. М., 2000. Т. Вавила – Витгенштейн. С. 359–360.

4 РГАДА. Ф. ОРИ / ин. № 17909, 17910, 17911, 17912, 17913, 17918, 17920.

5 Две брошюры – во владельческом конволюте, первоначально принадлежавшем некоему Феодору Вирозубу (Верозубу), под одним буквенным номером 18 (№ 17909).

6 См.: *Исаевич Я. Д., Запаско Я. П.* Пам'ятки книжкового мистецтва: Каталог стародруків, виданих на Україні. Львів, 1981. Кн. 1 (1574–1700). № 622. С. 99. Ср.: *Каменева Т. Н.* Черниговская типография, ее деятельность и издания. Сводный каталог изданий, напечатанных в Чернигове (1646–1818) // Труды ГБЛ. М., 1959. Т. 3. № 14. С. 261, 263.

7 Из одиннадцати экземпляров – шесть без каких-либо оттисков штампов, на трех – оттиски штампа МГАМИД, на одном – Древлехранилища Главархива РСФСР, а еще на одном – оттиски штампов, и императорского МГАМИД, и советского Древлехранилища.

8 РГАДА. Ф. ОРИ / ин. № 17914, 17918.

9 См.: *Каменева Т. Н.* Черниговская типография... № 12, 14. С. 260–261, 263; *Исаевич Я. Д., Запаско Я. П.* Пам'ятки книжкового мистецтва... Кн. 1. № 622. С. 99.

10 Иногда этой внутренней буквенной нумерации сопутствует похожая буквенная нумерация на наклеенных ярлычках, имеющаяся лишь на некоторых экземплярах. Об ее происхождении и авторстве трудно сделать сколько-нибудь достоверные предположения, можно лишь ответственно заявить, что она не дублирует первую. Если номер первый, проставленный на ярлычке и титульном листе совпадают (№ 17916), то номер восьмой на титульном листе соответствует номеру тринадцатому на ярлычке (№ 17920).

11 Ср.: *Степовик Д. В.* Олександр Тарасевич: Становлення української школи гравюри на металі. Київ, 1975. С. 78–79.

12 См., например: *Tompson F. J.* The difference between the reception of Byzantine culture in Mediaeval Bulgaria and in Mediaeval Russia // The 17th International Byzantine Congress: Abstracts of short papers. N. Y., 1986. P. 349; *Tompson F. J.* The Reception of Byzantine culture in Mediaeval Russia. Aldershot; Brookfield; Singapore; Sidney, 1999. Ср.: *Франклин С.* Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950–1300 гг.). СПб., 2010. С. 63–65, 372–373.

13 См.: Там же. С. 351–355.

14 Именно таким способом образовались «очаги» византийской духовной культуры в великих княжествах Тверском (конец XIII – середина XV вв.) и Нижегородско-Суздальском (XIV в.).

15 Такими монастырями были и знаменитый «Григорьевский Затвор» в Ростове Великом (XII–XIV вв.), и Богородице-Рождественский Лисицкий в Новгороде Великом (XIV в.), и Успенский Муромский на Онежском озере (XV в.)? и некоторые другие.

16 Подробнее см., например: *Мицько І. З. Острозька слов'яно-греко-латинська академія (1576–1636)*. Київ, 1990. С. 19–80.

17 После возобновления Межигорского монастыря в 1599 г. настоятель и старшая братия обители поддерживали тесные контакты с калуферами Православного Востока. В послании-посвящении к тамошним насельникам во главе с игуменом Коментарием, что открывает первый вариант печатных «Духовных бесед» преподобного Макария Египетского (Вильно, 1627), издатели, между прочим, писали о Межигорье: «Многии бо вем слышачи о нем (монастыре. – А. Б.), з далеких краев, од Иерусалима и святой Синайской горы, для навеженья и подражания жития вашего (иноков. – А. Б.) приходят и з вами обитовати зезволяють» (Духовнии беседы святого отца нашего Макария пустелника Египетского о досконалстве христиан православных. У Вильни, 1627. Л. [3b] <первая фолиация>. Подробнее об этом издании см.: Каталог белорусских изданий кирилловского шрифта XVI–XVII вв. / Сост. В. И. Лукьяненко. Л., 1975. Вып. 2: <1601–1654 гг.>. № 72. С. 100–105).

18 См.: *Лаппо-Данилевский А. С.* История русской общественной мысли. XVII–XVIII вв. М., 1990. С. 60–63 и след.; *Зеньковский С. А.* Русское старообрядчество: Духовные движения семнадцатого века. München, 1970. С. 165–167.

19 Датировка Т. Н. Каменевой (*Каменева Т. Н.* Черниговская типография... С. 261).

A.A. Bulyčev

Notes on publishing Latin and other fonts from 15th–18th centuries from Russian State Archive for Old Documents (RGADA):

I. Books from the library of Samojlo Vasil'evič Veličko

The article is dedicated to description of Ukrainian and Lithuanian printed books, predominantly panegyrics, from the private collection of the Ukrainian Cossack chronicler S. V. Veličko (active at the end of the 17th – beginning of the 18th centuries). The inscripts of the owner left on the margins of his books are of special interest.

Keywords: *Ukrainian chronicles, Samojlo Veličko, private library, printed books, panegyrics, Polish language, Latin language.*

Д. А. Боровков
(Москва)

К вопросу об атрибуции гипотезы о Первом Печерском своде (Н. В. Шляков или А. А. Шахматов)

В статье анализируется комплекс аргументов, на основании которых в 1907–1908 гг. была сформулирована гипотеза о Первом Печерском своде 1073 г., и демонстрируется, что авторство гипотезы и частичное определение его состава следует приписать Н. В. Шлякову, а более полную разработку и атрибуцию свода 1073 г. монаху Печерского монастыря Никону – А. А. Шахматову.

Ключевые слова: *Шахматов, Шляков, Никон, Ярослав I, летопись.*

В концепции Начального летописания, разработанной в начале XX в. А. А. Шахматовым, одним из ключевых элементов является гипотеза о Первом Печерском своде 1073 г., атрибутируемом будущему игумену Печерского монастыря Никону, который в построениях А. А. Шахматова и его последователей оказывается едва ли не «создателем собственно русского летописания»¹. Однако надо заметить, что, атрибутируя А. А. Шахматову авторство гипотезы о Первом Печерском своде, исследователи, как правило, не обращают внимание на замечание, сделанное в XVI главе «Разысканий о древнейших русских летописных сводах» (1908), где А. А. Шахматов, разбирая содержание летописной статьи 6562 (1054) г. с рассказом о кончине Ярослава I и изложением наставления сыновьям «не преступати предела братня», рассматривавшимся в рамках его концепции в качестве одного из ключевых элементов Первого Печерского свода, пишет следующее: «Вслед за предшествующими исследователями отмечаю связь статьи 6562 г. с событиями 6581 (1073) г., когда между Ярославичами возникла жестокая распря, когда Святослав со Всеволодом, преступив отцовскую заповедь, изгнали Изяслава из Киева»². Как выясняется из помещенного здесь же примечания, под «предшествующими исследователями» А. А. Шахматов имел в виду Н. В. Шлякова, опубликовавшего в июньском номере «Журнала Министерства народного просвещения» за 1907 г. статью «Восемьсот пятьдесят лет со дня кончины великого князя Ярослава I Мудрого», заключающую в себе ряд аргументов, на основании которых была сформулирована

гипотеза о существовании Первого Печерского свода.

Из статьи Н. В. Шлякова следует, что он не только выявил лексическое сходство в «заповеди» Ярослава сыновьям из летописной статьи 1054 г. («заповедав им не преступати предѣла братня, ни сгонити»), открывающем «Повесть временных лет» рассказе о разделе земли между сыновьями Ноя («жребий метавше не переступати никому же в жребий братень»), а также в летописных статьях 1067–1068 гг. с осуждением вероломства Изяслава Ярославича по отношению к полоцкому князю Всеславу, и статье 1073 г., в которой сообщалось о событиях, последовавших за изгнанием Изяслава Ярославича младшими братьями («А Святославъ сѣде в Киевѣ, прогнавъ брата своего, преступивъ заповѣдь отню, паче же и Божью...»)³, но и на основании «Жития» Феодосия обосновал предположение о том, что эти статьи могли быть составлены в Печерском монастыре, игумен которого, по словам составителя «Жития» Нестора, энергично вступился за Изяслава Ярославича, что привело к его конфликту с новым киевским князем Святославом Ярославичем. Н. В. Шляков высказал предположение о том, что «вот в этот-то момент и должна была вырваться громким криком на весь мир из глубины души идея о непреступании жребия братня»⁴, и на этом основании датировал составление в Печерском монастыре летописи «со сказанием о разделении земли между сыновьями Ноя, сказанием о смерти Ярослава и о вражде Ярославичей» второй четвертью 1073 г. или первой половиной мартовского 6581 г.⁵ Менее был уверен Н. В. Шляков в определении автора этих фрагментов летописи. С одной стороны, он склонялся к атрибуции их пресвитеру Иакову, пришедшему в Печерский монастырь с реки Альты, которого Феодосий накануне кончины в 1074 г. не смог сделать своим преемником на посту игумена из-за сопротивления монастырской братии и которому историки XIX в. атрибутировали ряд памятников древнерусской литературы⁶. С другой же стороны, он готов был признать, что авторство этих фрагментов не принадлежало Иакову и написать их мог кто-то из близких Феодосию монахов Печерского монастыря⁷.

Теперь приведем ключевые элементы, выявленные в составе Первого Печерского свода А. А. Шахматовым в «Разысканиях о древнейших русских летописных сводах». Во-первых, он отмечал, что автор летописной статьи 1073 г. дважды указывает на нарушение заповеди Ярослава: «вполне вероятно поэтому отнести на счет того же летописца внесение в свод самого текста Ярославова завещания сыновьям, тем более что этот текст составлен в настолько об-

щих выражениях, что предполагать у летописца наличие копии с Ярославова завещания у нас нет оснований». Исследователь допустил мысль о том, что текст завещания «мог быть сочинен самим летописцем, знавшим доподлинно, что Ярослав перед смертью увещевал своих сыновей жить в мире и поручал младшим слушаться старшего Изяслава»⁸, таким образом воспроизведя не только мнение Н. В. Шлякова, но и более раннее мнение С. М. Соловьева (1847), считавшего «заповедь» Ярослава под 1054 г. «позднейшим сочинением» летописца⁹.

А. А. Шахматов не ограничился статьями 1054 и 1073 гг. и при реконструкции содержания Первого Печерского свода отнес к нему большую часть тех летописных сюжетов, которые были указаны Н. В. Шляковым, – статьи 1067–1068 гг. с критикой вероломства Изяслава Ярославича по отношению к Всеславу Полоцкому (за исключением так называемого рассуждения о крестной силе под 1068 г., составление которого, в отличие от Шлякова, он атрибутировал не составителю Первого, а составителю Второго Печерского свода 1090-х годов), а также параллели из библейской истории¹⁰.

На наш взгляд, именно Н. В. Шлякову, опубликовавшему свои наблюдения в 1907 г., принадлежит приоритет в выявлении части тех основ, на которых в 1908 г. А. А. Шахматовым было сформировано представление о Первом Печерском своде. Достижением А. А. Шахматова следует признать гипотезу о том, что «главным редактором летописи», составлявшей в Печерском монастыре, мог быть монах Никон¹¹, которую исследователь обосновал как свидетельством «Жития» Феодосия, где говорилось, что во время пребывания в Киеве Никон не только говорил поучения братии, но и занимался переплетным делом, так и наблюдениями над календарными датами в летописных статьях 1060-х гг., из которых следовало, что в первой половине 1060-х гг. они появлялись в летописных известиях, сообщавших о Тмуторокани (где, согласно «Житию» Феодосия, в это время находился Никон), а в конце 1060 – начале 1070-х гг. стали появляться в летописных известиях, рассказывавших о событиях в Киеве, где Никон оставался до 1073 г., после чего на несколько лет вернулся в Тмуторокань, незадолго перед отъездом включив в Первый Печерский свод «заповедь» Ярослава I о недопустимости «преступления предела братня» под 1054 г. и осуждение поступка Святослава Ярославича под 1073 г., что, по предположению А. А. Шахматова, привело к конфликту Никона со Святославом и заставило строптивного монаха удалиться из Киева¹².

Изложенные выше факты свидетельствуют в пользу того, что гипотезу о Первом Печерском своде, его датировку, определение некоторых составных частей следует приписать Н. В. Шлякову, а выявление большей части сюжетов в составе свода, их атрибуцию монаху Киево-Печерского монастыря Никону следует приписать А. А. Шахматову, адаптировавшему некоторые из наблюдений Н. В. Шлякова для разработанной им концепции Начального летописания.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Петрухин В. Я.* Ярослав Мудрый, Ярославичи и начальное летописание // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008. С. 175.
- 2 *Шахматов А. А.* История русского летописания. СПб., 2002. Т. 1. Кн. 1. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 273–274.
- 3 *Шляков Н. В.* Восемьсот пятьдесят лет со дня кончины великого князя Ярослава I Мудрого // Журнал Министерства народного просвещения. 1907. Ч. 9. № 6. Отд. 2. С. 371–372.
- 4 Там же. С. 374.
- 5 Там же. С. 375.
- 6 *Бугославский С. А.* Текстология Древней Руси. М., 2007. Т. 2. Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе. С. 21–43.
- 7 *Шляков Н. В.* Восемьсот пятьдесят лет... С. 375.
- 8 *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. 1. Кн. 1. С. 274.
- 9 *Соловьев С. М.* История отношений между русскими князьями Рюрикава дома // Соловьев С. М. Древнерусские князья. СПб., 2010. С. 142.
- 10 *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. 1. Кн. 1. С. 285, 305, 307.
- 11 Там же. С. 286–287.
- 12 Там же. С. 285–286, 291–294, 297, 303–304, 307.

D. A. Borovkov

On the attribution of the hypothesis of the First Pechersk
Set of Chronicles

(N. V. Šl'akov or A. A. Šaxmatov)

The article analyses the set of arguments on the basis of which in 1907–1908 a hypothesis on the First Pechersk Set of Chronicles (1073) was expressed. It demonstrates that the authorship of the hypothesis and the partial establishing of the composition of the Set has to be attributed to N.V. Šl'akov. The full development and the attribution of the Set of 1073 to Nikon, a monk of Pechersk monastery belongs to A.A. Šaxmatov.

Keywords: *Šaxmatov, Šl'akov, Nikon, Yaroslav I, chronicle.*

М. А. Робинсон
(Москва)

К биографии Алексея Леонидовича Петрова (по архивным материалам)

В статье на основе архивных материалов раскрываются неизвестные страницы биографии выдающегося слависта-карпатоведа Алексея Леонидовича Петрова, вносятся уточнения и исправления в существующие публикации. Отмечается его работа по переводу на русский язык книги известного венгерского слависта Яноша Мелиха. В приложении к статье публикуется ходатайство Петрова, послужившее основанием для предоставления ему научной командировки в Венгрию в 1922 г. Ключевые слова: *Алексей Леонидович Петров, Янош Мелих, карпатоведение, Австро-Угория, мадьярский язык, угрорусы.*

Личность известного в науке дореволюционной России и в науке русского зарубежья А. Л. Петрова (1859–1932) долгие годы не привлекала внимания историков отечественного славяноведения. Как отмечалось в середине 1990-х гг., современники называли его «патриархом карпато-русских исследований», но потом он оказался «почти» забыт¹. Долгое время за неимением документальных источников оставались непроясненными и некоторые моменты биографии ученого. Прежде всего такое положение относилось как ко времени, предшествующему его отъезду из Советской России, так, в особенности, к выяснению причин этого шага в 1922 г.

Основным источником сведений о биографии Петрова в советское время был биобиблиографический словарь «Славяноведение в дореволюционной России». Там довольно скупо сообщалось: «С зимы 1922 П. постоянно жил в Праге и Будапеште»². Практически дословно текст из этой статьи повторен в другом биобиблиографическом словаре: «А з зимы 1922 р., постійно проживаючи в Празі або Будапешті»³.

Впервые целый ряд новых документов, касающихся выезда Петрова за границу, а также его жизни в Праге, был опубликован в статье А. Н. Горяинова и М. Ю. Досталь⁴. Как отмечали авторы, Петров – «личность с неясными пока связями и, в силу этого, несколько даже таинственной биографией»⁵. Из представленных в статье ма-

териалов стало совершенно ясно, что Петров официально выехал за границу в научную командировку, поддержанную Петроградским университетом и Российской академией наук, с разрешения Народного комиссариата просвещения РСФСР. Можно только сожалеть, что эта ценная публикация, появившаяся в 1995 г. в малотиражном издании, прошла незамеченной большинством авторов статей в различных справочных изданиях. Также не привлекла внимания и глава в книге А. Н. Горяинова, которую он посвятил раскрытию «загадок биографии» Петрова⁶.

Это обстоятельство способствовало появлению достаточно вольных трактовок перемещения ученого из Петрограда в Прагу, они, по-видимому, основывались только на том, что Петров умер в Праге, и, следовательно, это была эмиграция. Подобные утверждения характерны как для книжных изданий, так и для статей в интернете. Итак, в «Энциклопедии подкарпатской Руси» можно прочитать о Петрове: «В 1922 г. эмигрировал в ЧСР, жил в Праге»⁷. Практически дословно эта формулировка повторена на украинских электронных ресурсах (Вікіпедія, Gpedia, Your Encyclopedia и Wikiwand): «В 1922 році емігрував в Чехословаччину, жив в Празі», или в российском интернете: «В 1922 г. эмигрировал в Чехословакию»⁸. Встречаются и хронологически неопределенные трактовки времени начала «эмиграции»: «...по першій світовій війні на еміграції у Празі»⁹.

Причем чем ближе к нашему времени, тем больше сведения о появлении Петрова в Праге обрастают подробностями, не опирающимися на какие-либо источники. Так, в «Енциклопедії історії та культури карпатських русинів» кроме обычного утверждения об эмиграции Петрова специально указано, что он «політичний емігрант»¹⁰. Другой автор усмотрел в дате отъезда Петрова связь со знаменитым «философским пароходом». В 8 томе «Энциклопедии истории Украины» можно прочитать: «...після вимушеної еміграції з Росії 1922 (у числі висланих більшовиками рос. інтелектуалів) оселився в Празі»¹¹. Никто особенно не обратил внимание хотя бы на то, что на церемонии прощания с Петровым присутствовал и выступал «полпред СССР в Чехословакии А. Я. Аросев», который отнес покойного к ученым, «к-рые помогали строить сов. культуру»¹². Вряд ли такое могло случиться даже на похоронах¹³ самовольно покинувшего СССР, и уж тем более высланного по политическим соображениям, то есть врага советской власти.

Если нет никаких сомнений в том, что Петров в 1922 г. не эмигрировал из России и, тем более, не был выслан из страны по политическим

причинам, а выехал за границу совершенно официально в научную командировку, то остается еще много вопросов, связанных и с его жизнью до заграничной командировки, и с обоснованием этой поездки, и с его общением с коллегами на родине после отъезда. Обращение к архивным источникам позволяет прояснить некоторые из этих вопросов.

Как свидетельствуют документы, наиболее востребованными для слависта в первые послереволюционные годы оказалось свободное владение венгерским языком. В 1918 г. Петров был занят переводом книги венгерского слависта Яноша Мелиха*¹⁴ «Наши славянские заимствования»¹⁵, который ученый осуществлял по заказу Отделения русского языка и словесности. Так, 18 января 1919 г. Петров предоставил в Отделение счет за часть выполненной им работы: «За исполненный мною перевод двадцати (20) листов с мадьярского языка книги Мелиха [...] мне приходится получить 150 руб[лей] за лист три тысячи (3000 руб[лей])»¹⁶. А. А. Шахматов 20 января переправил счет Петрова «на три тысячи рублей за исполненный им перевод мадьярского сочинения Мелиха о славянских заимствованиях в мадьярском языке» в Правление РАН с предложением «отнести уплату на суммы Отделения, оставшиеся по смете 1918 года»¹⁷.

ОРЯС стремилось использовать знания редкого специалиста, а тот, в свою очередь, готов был заинтересовать Отделение своими предложениями. Так, Шахматов 8 марта 1919 г. в обращении к Общему собранию РАН отмечал: «Известный славист Алексей Леонидович Петров, хороший знаток мадьярского языка, получил от академической Комиссии по изданию сочинений Константина Багрянородного предложение составить библиографию того, что в мадьярской ученой литературе относится к этому писателю, сообщаящему ценные сведения о древнейших судьбах мадьяр». Со своей стороны, «ввиду необходимости систематически просмотреть много периодических изданий, А. Л. Петров предложил Отделению РЯС заняться одновременно выборкой из них всех библиографических указаний на то, что относится к славянской филологии, так и к русской истории (в пределах до 1711 года)»¹⁸. В результате «Отделение отнеслось сочувственно к предложению А. Л. Петрова». Кроме этой работы, Петров получил от Отделения историко-филологических наук «поручение составить мадьярскую библиографию по востоковедению».

По мнению Шахматова, за все эти серьезные поручения должна была быть определена соответствующая материальная компенса-

* Мелих Янош (1872–1963) – крупнейший венгерский славист.

ция. Он подчеркивал, что Петров «в течение нескольких месяцев (во всяком случае не менее восьми) будет всецело занят академической работой». Это обстоятельство, отмечал Шахматов, «дает Отделению РЯС основание подумать об обеспечении его труда в таком размере, в каком оплачивается труд научных сотрудников академических учреждений, тем более что срочное выполнение возложенной на А. Л. Петрова задачи потребует упорного с его стороны труда в течение 6–8 час[ов] ежедневно»¹⁹.

Проблема изыскания средств для оплаты названных работ была не простой. У Отделения в то время не было «свободных средств». Поэтому Шахматов просил Общее собрание походатайствовать «перед Народным Комиссариатом по Просвещению об обеспечении А. Л. Петрова в качестве научного сотрудника при Отделении РЯС в течение восьми месяцев (май – декабрь), с тем чтобы А. Л. Петров выполнял за это вознаграждение работу как этого Отделения, так и Отделения ИФ»²⁰.

Общее собрание поддержало предложение Шахматова, но просило «временно – впредь до ассигнования средств Народным Комиссариатом – изыскать в своих бюджетах средства для оплаты труда А. Л. Петрова»²¹.

Из всего изложенного следует, что Петров самым тесным образом стал сотрудничать с гуманитарными отделениями Академии наук, и сотрудничество было взаимовыгодным. Предполагал ли тогда Петров, что его проект заняться венгерской библиографией, как показали последующие события, во многом определит его будущую судьбу.

Из переписки Петрова с Шахматовым и ОРЯС следует, что ученый еще не закончил перевод книги Мелиха и теперь параллельно вел работу по нескольким проектам. Второго апреля 1919 г. он одновременно написал Шахматову и послал «доклад» в ОРЯС, в котором подробно описал уже проделанную работу и объем предстоящей, а также высказал свое мнение о переводимой книге. Итак, Петров докладывал Отделению: «Из 20-ти печатных листов сочинения Я. Мелиха “Славянские элементы в мадьярском языке”, перевод которого за уже полученный мною гонорар я обещался выполнить не позже 1-го июля с. г., имею честь представить перевод 1-ой части – 11½ листов. Перевод § 1–12 2-ой части – 8 л. 11 стр. – предполагаю закончить во второй половине апреля. Оставшиеся же 19 л. 9 стр. 2-ой части буду переводить постепенно, уделяя большую часть времени составлению мадьярской библиографии.»

Подчеркивал Петров и значение переводимой книги для науки. Он писал: «Несмотря на кое-какие промахи и иногда странные суждения (особенно в области слав[янской] филологии), книга г. Мелиха имеет серьезное научное значение и заслуживает быть изданной (с необходимыми сокращениями) на русском языке»²². В этом официальном докладе Петров не останавливался на тех проблемах с выполнением перевода, которые он отметил в письме к Шахматову. Некоторые из них касались таких тонкостей, как, например, вопрос, «как передать по-русски мад[ьярские] фонетические термины относительно гласных». Другие относились к техническому оформлению рукописи, связанному со сроками этой работы. «Проверка и поправка ссылок и цитат отняла бы у меня несколько дней, – писал Петров, – а я спешу все закончить до моего отъезда (?!). Да и удобнее это сделать, когда закончен будет весь перевод. – Найдутся еще такие же ошибки и неточности»²³.

Сотрудничество Петрова и ОРЯС продолжало расширяться и укрепляться. «Приношу глубокую благодарность Отделению за оказанную мне поддержку в нынешнее трудное время, – писал Петров, – и надеюсь оправдать его доверие в деле окончания перевода и, главным образом, составления мадьярской библиографии»²⁴. Не трудно заметить, что, кроме перевода книги Мелиха и работы над венгерской библиографией, в письмах Петрова появился еще один сюжет – «отъезд». Хорошо известно, что ученый имел очень богатый опыт различных экспедиций, связанных с его научными интересами. Сам он упоминал о «частых и иногда продолжительных посещениях Угри (м[ежду] пр[очим] ежегодно с 1907 по 1914 г.), и не только Будапешта, но и провинции, краев...»²⁵. Подобный опыт Петрова также заинтересовал ОРЯС, и 25 апреля 1919 г. за подписью Шахматова появился документ, объясняющий, о каком скором отъезде писал ученый. «Дано сие удостоверение, – гласил документ, – доктору славянской филологии Алексею Леонидовичу Петрову и оставленному при Первом Петроградском Университете по кафедре русской истории Владимиру Алексеевичу Петрову* в том, что они командированы с

* Петров Владимир Алексеевич (1893–1967) – историк, библиограф, исследователь социально-экономической истории России XVI–XVII вв. и революционного движения в русской армии 1905–1917 гг. В 1920–1929 гг. работал в Главархиве, с 1929 долгие годы работал в Библиотеке Академии наук, поставил вопрос о необходимости разыскания и восстановления библиотеки Петра Первого, организовал эту работу и разработал ее план. В конце жизни заведовал Архивом ЛО Института истории

1-го мая по 15-ое октября с. г. для осмотра архивов, библиотек, принадлежащих церквям и монастырям».

В документе подчеркивались особые полномочия членов экспедиции: «Отделение рус[ского] яз[ыка] и слов[есности] Рос[сийской] Академии Наук обращается к правительственным, общественным и ученым учреждениям, а также к заведывающим монастырями и настоятелям церквей с покорнейшею просьбой не отказать А. Л. Петрову и В. А. Петрову в просвещенном содействии как в пути следования, так и при исполнении ими возложенного на них Вторым Отделением Академии поручения»²⁶. Похоже, что первого мая командировка не смогла начаться, так как некоторые вопросы с ее подготовкой решались еще 15 мая. Этой датой обозначено еще одно удостоверение, выданное Петрову и касавшееся количества книг, запрошенных ученым для своей работы. В первоначальном проекте удостоверения значилось, что «отправляющемуся в ученую от Академии Наук командировку проф. Алексею Леонидовичу Петрову даны составляющие собственность Библиотеки Академии Наук книги (в ящике около 12–15 пудов), необходимые для его научных занятий и подлежащие по окончании командировки возвращению в означенную Библиотеку»²⁷. В окончательный текст удостоверения Шахматов внес правку, значительно сократив количество запрашиваемых книг: «(в чемоданах около 4–6 пудов)»²⁸.

В промежутке между первым и 15 мая решались и финансовые вопросы между Отделениями РАН и Петровым. Третьего мая «Шахматов доложил Конференции, что Отделение ассигнует тысячу пятьсот рублей для оплаты труда А. Л. Петрова совместно с теми средствами, которые на тот же предмет ассигнует Отделение исторических наук и филологии»²⁹.

В архивных материалах не обнаружена информация о том, в какие регионы России командировался Петров вместе с сыном, но возможно предположить, что это было Поволжье. Ученый сообщал Шахматову 9 июля, что «ездил на неделю в Самару»³⁰, что «книг в библиотеке мало, по славяноведению особенно»³¹, что «главы обеих университетских [нрзб]* партий А. И. Нечаев и Вл. Н. Перетц – [...] предлагали мне перейти на зиму в Самару, но: а) квартиры нет – в одной квартире, если найдется, живут две, три семьи; б) освещения не

АН СССР. См.: *Валк С. Н. Владимир Алексеевич Петров (1893–1967) // Вспомогательные исторические дисциплины. 1962. Вып. 2. С. 294–300.*

* Тексты писем Петрова трудны для прочтения, почерк очень мелкий, некачественная бумага и расплывчатые чернила.

будет»³². Специально Петров останавливался на плохих отношениях между ректором Самарского университета Нечаевым и академиком Перетцем³³, одним из основателей этого университета.

Сразу же после возвращения из командировки Петров поделился с Шахматовым своими опасениями о перспективе выполнения заказов ОРЯС. Он писал 8 октября 1919 г.: «П. А. Лавров сообщил, что в Универ[ситетском] штате я должен показать мой заработок, кроме профессуры. Надо ли указывать жалование ученого корректора? Думаю, да. Декрет о совместительстве³⁴ исключает квалифицированных специалистов»³⁵. Из письма мы узнаем, что для Петрова при ОРЯС была создана специальная ставка «ученого корректора». Видимо, Петров очень опасался потерять это место, потому что писал: «Боюсь, что составление библиографии пойдет более медленно: кажется, мне откажут теперь в выдаче свечей и ограничат отпуск керосину. Что же я буду делать – одна тоска. Главная моя работа была вечером и ночью»³⁶. Но, как свидетельствуют источники, опасения Петрова потерять место «ученого корректора» оказались напрасными. Обратим внимание на то, что в письме больше не упоминается работа Петрова над переводом книги Мелиха, которую он обещал к этому времени уже закончить. Возможно, он уже об этом отчитался, но никаких следов ни отчета, ни самого текста перевода обнаружить не удалось, а книга Мелиха так и не была издана на русском языке.

В 1919 г. произошли политические события, радикально изменившие ситуацию региона, исследованию которого Петров посвятил многие годы. Победители в Первой мировой войне приступили к юридическому оформлению итогов войны, приведшей к распаду Австро-Венгрии. 10 сентября был подписан Сен-Жерменский мирный договор с Австрией. Одним из пунктов договора было закрепление за Чехословакией входившей в венгерскую часть империи Габсбургов Подкарпатской Руси, к этому времени уже занятой чехословацкими войсками. Это территориальное изменение было подтверждено победителями в Трианонском договоре, заключенном с Венгрией 4 июня 1920 г.

Петров, несомненно, следил за происходящими событиями, что видно из его обширной «Докладной записки и ходатайства»³⁷, составленной 30 января 1920 г. и направленной в ОРЯС*. Ходатайствовал ученый о длительной командировке в Венгрию. На нескольких страницах он развернул самую разнообразную аргументацию в доказа-

* Полный текст ходатайства Петрова публикуется в приложении.

тельство пользы этого предприятия. И первую задачу командировки он сформулировал следующим образом: «Прежде всего желательно довести до конца составление начатой уже мадьярской библиографии* по славяноведению, истории России и востоковедению»³⁸. Далее Петров перечислял те мероприятия, которые необходимы для успешного выполнения поручений Академии наук, а также могут послужить ее интересам. Он, в частности, рекомендовал воспользоваться тем, что «вероятно, в смутное время многие собрания книг выброшены на рынок». Покупка этих книг поможет «основать мадьярский отдел в наших библиотеках, напр[имер], Академии Наук»³⁹.

«Но кроме печатных произведений, важных для науки, – настаивал Петров, – не только желательно, но прямо необходимо собрать все, что напечатано в б[ывшей] Угрии с начала войны о России, как в военном (история войны), так и в иных отношениях (революционный период), а также относительно революционного движения, господства и падения коммунизма в Угрии среди мадьяр и немадьярских народностей и относительно действий, взглядов и настроений мадьяр, румын, сербов, словаков, угроруссов, немцев и т. д. касательно раздела Угрии, основания новых государств и т. п.»⁴⁰.

Упомянул ученый и еще об одном задании, полученном им в 1918 г. от Академии наук, по составлению «этнографической карты Австро-Угрии по данным 1914 г.». Он подчеркивал, что многие статистические и этнографические издания «теперь можно найти только в Австро-Угрии, изучение их должно составить одну из моих главных задач».

Особое внимание Петров предполагал обратить на «не вполне этнографически ясные края». «И чем большее количество таких местностей будет лично обследовано, – утверждал ученый, – тем более карта будет соответствовать действительности. Для меня, безусловно, обязательно посещение угро-русской границы, гл[авным] обр[азом], со словаками, а также русских остров[ов] среди мадьяр и румын»⁴¹. И особо важную задачу видел Петров в том, чтобы «изучить условия новой жизни отторгнутых от казавшейся неделимой по историческим, географическим и экономическим причинам Угрии ее немадьярских частей, отошедших к румынам, чехам, сербам, равно как и условия жизни появившейся вместо исторической Угрии этнографической Мадьярии»⁴².

* Подчеркивания в тексте сделаны Петровым.

После постановки более общих задач командировки Петров останавливался на личных планах. Он предполагал составить «этно-графическую карту всей разноплеменной Угрии в 1772 г.» и продолжить исследование влияния протестантских идей на православные проповеди в XVI в. Как подчеркивал ученый, многие его материалы остались «в Национальном Музее», «ввиду поспешного моего отъезда из Будапешта 16-го июля 1914 г.»⁴³. Ученый считал себя наиболее «подходящим лицом» для «ознакомления с современным положением б[ывшей] Угрии», так как во время своих прежних посещений территорий, «населенных угроруссами, сербами, румынами, немцами, [...] приобрел в разных местах хороших знакомых и даже друзей». «Прежние мои друзья, – писал Петров, – помогут ориентироваться в кажущихся нам отсюда столь сложными и запутанными отношениях»⁴⁴.

Все изложенное ученый считал достаточным основанием для предоставления ему ученой командировки «в б[ывшую] Австро-Угрию с конца апреля 1920 г. по 1 сентября 1921 г., т. е. на 1 год и 4 месяца – меньший срок недостаточен (на какое время буду ходатайствовать и перед Советом Университета об аналогичной командировке)». Он рассчитывал и на серьезное материальное обеспечение поездки, предоставление средств, «достаточных как для отправления и безбедного проживания за границей, так и для предполагаемых многочисленных разъездов, а также для приобретения всех нужных изданий для библиотеки Академии»⁴⁵. Необходимость командировки Петров объяснял и очень личными мотивами, ее получение «сейчас же отразилось бы на общем моем духовном и физическом состоянии, дав мне ближайшую цель жизни; отсутствие такой цели более всего и действует на меня угнетающе». Кроме того, командировка даст ему «возможность просуществовать, хотя бы ближайшие годы»⁴⁶.

ОРЯС сразу же и благожелательно отреагировало на ходатайство Петрова. В протокол Общего собрания РАН от 7 февраля 1920 г. включено обращение Шахматова, составленное 5 февраля. В документе сообщалось о том, что ОРЯС «постановило командировать его в Австро-Венгрию для составления мадьярской библиографии, а также для научных исследований в области мадьярской истории и мадьярских древностей, столь успешно изученных А. Л. Петровым в предшествующих нынешнему времени трудах». Отделение готово было финансировать командировку, но тех средств, которые оно может выделить, недостаточно, они «совершенно не соответствуют ценности наших денег за границей. Поэтому и ввиду продолжитель-

ности предполагаемой командировки Отделение просит о выдаче А. Л. Петрову иностранной валюты до 10 000 руб., а на покупку славянских и мадьярских книг 5 000 руб.». Общее собрание ходатайство поддержало, одновременно «предоставив профессору А. Л. Петрову лично выяснить в Комиссариате вопрос о средствах, какие потребуются на командировку»⁴⁷.

От Наркомпроса 20 марта было получено принципиальное согласие, но вместе с тем было предложено «обсудить вопрос с точки зрения научного интереса данной командировки, ее неотложности, а также и с финансовой стороны»⁴⁸. Дело явно застопорилось, и Петров, уже получивший к этому времени разрешение от Университета на заграничную командировку «только с сохранением содержания»⁴⁹, решил использовать ее в России. Для получения разрешения, как отмечали Горяинов и Досталь, ему «удалось также использовать какие-то неизвестные нам связи с представителем Наркомпроса в Петрограде М. П. Кристи»⁵⁰. Наконец, «21 мая ученому была разрешена командировка в Поволжье и на северный Кавказ “для изучения племенного состава этих местностей на основе национального самоопределения”»⁵¹.

И к организации этой командировки Петров отнесся весьма основательно. ОРЯС 15 июня 1920 г. вновь выдало ученому удостоверение для получения книг от Библиотеки Академии наук. Оно дословно повторяло то, которое он получил 15 мая 1919 г., и количество книг было то же самое – «в чемоданах около 4–6 пудов»⁵². Судя по письму к Шахматову, Петров отправился в путь только в июле. Описывая дорогу, он сообщал 16 июля: «...без затруднений (хотя и тесно было) добрался до Нижнего, оттуда с удобствами на пароходе до Козьмодемьянска»⁵³. Скорее всего этот город стал основной базой в командировке ученого, откуда он совершал свои поездки. По-видимому, Петров обладал особым талантом в организации своих командировок. Так, например, академик Перетц, который продолжал оставаться в Самаре, отмечал в письме Истрину от 9 февраля 1921 г.: «Я, по крайней мере, – совсем не чувствую по себе, чтобы звание члена Академии – вызывало в провинции уважение. А вот был тут в командировке Алексей Леонидович Петров, так его возили в отдельных каютах и пр[очее] – стало быть, умел внушить страх и трепет...»⁵⁴

Петров не был единственным ученым, хлопотавшим о заграничной командировке, теми же проблемами были озабочены еще несколько славистов. В первой половине 1920 г. получил приглаше-

ние в Прагу В. А. Францев. Об этом коллеги известили Карского⁵⁵, занимавшегося подготовкой к выборам Францева в действительные члены РАН⁵⁶.

Так, известный богослов, член-корреспондент РАН Глубоковский в письме А. А. Шахматову 14 марта 1920 г. просил поддержать ходатайствовавшего за него А. И. Соболевского и «провести формально [...] заграничную командировку в самой Академии Наук и защитить это дело в дальнейшем течении»⁵⁷. Глубоковский надеялся на обещанное ему содействие З. Г. Гринберга*. ОРЯС еще до этого обращения выразило 10 марта принципиальное согласие поддержать предложение Соболевского и ходатайство Глубоковского. Шахматов же составил и обращение ОРЯС в Общее собрание Академии наук от 26 апреля 1920 г., в котором была сформулирована цель командировки Глубоковского. Предлагалось направить его в скандинавские страны, Германию и Францию «для обозрения, исследования и описания славяно-русских материалов (рукописных и старопечатных) в книгохранилищах названных стран»⁵⁸.

О ситуации с возможностями командировать ученых за границу и о результатах по поданным в 1920 г. ходатайствам ОРЯС Карский сообщил Францеву. «Что касается пражских дел, – писал Карский второго декабря 1920 г., – то этот вопрос сложнее, но и по нему уже предприняты шаги. Прежде всего предложено ходатайствовать об учреждении в Праге Русского ученого Института, в котором могли бы находить руководство и заниматься там командируемые за границу слависты; во-вторых, поднят вопрос (и с этою целью едет специальная делегация в Москву) о возможности заграничных командировок для академиков и вообще профессоров с научной целью и об отпуске для них подходящего содержания в иностранной валюте. До сих пор такие командировки почти не разрешаются; ходатайствовать о Вас сейчас невозможно: это может повлиять на выборы и наверняка будет безрезультатным. В прошлом году (или даже в этом) ходатайствовали о командировке Петрова в Венгрию и Глубоковского за границу и получили отказы»⁵⁹.

Петров поступил очень разумно, предпочтя использовать шестнадцатимесячную командировку внутри России. Внутреннее положение государства явно не способствовало попыткам ОРЯС помочь его

* Гринберг Захар Григорьевич (1889–1949) – член Коллегии Государственной комиссии Наркомата просвещения РСФСР, заместитель А. В. Луначарского, служащий Комиссариата народного просвещения Северной области.

коллегам получить зарубежные научные командировки. Карский писал 24 февраля Францеву: «...ходатайствовать о Вашей командировке не приходится, а главное – денег в иностранной валюте вряд ли дадут, наши же советские за границей цены не имеют»⁶⁰. 10 марта Карский останавливался на той же проблеме: «С командировками дело расстраивается: предержавшие власти не выдерживают своих обещаний, по-видимому жалеют золото, без которого за границу ехать нельзя. Впрочем, кой-кого пускают, но больше естественников. Выборы из представленных кандидатов делает особая комиссия в Москве»⁶¹. И вновь 27 марта: «Дело с командировками все не налаживается, хотя в прошлом заседании и ходатайствовали о Глубоковском»⁶². Но эти хлопоты ничем не закончились. Только благодаря участию М. Горького ученому все же удалось выехать из России в августе 1921 г.⁶³

Францев так и не дождался официальной командировки. Уже из Чехословакии он, благодаря заочное избрание его академиком, писал академику В. М. Истрину 28 февраля 1922 г.: «Перенеся в течение 1921 г. брюшной тиф, трижды возвращавшийся, и затем сыпной тиф, я по болезни вынужден был оставить службу и выехать за границу для лечения»⁶⁴. О тяжелых заболеваниях Францева, которые были еще в предшествующий год, А. И. Яцимирский писал Перетцу 24 августа 1920 г.: «Францев болен, сначала был у него тиф настоящий, теперь паратиф»⁶⁵.

На этом фоне несомненной удачей Петрова стало то, что в марте 1922 г. ему «приказом Наркомпроса была предоставлена научная командировка в Венгрию и Чехословакию сроком на восемь месяцев с сохранением содержания и выдачей субсидии в 500 золотых рублей»⁶⁶. Осенью 1922 г. А. Л. Петров выехал за границу. Почти сразу же после прибытия в Прагу Петров просит походатайствовать перед Наркомпросом о продлении командировки еще на 4 месяца «с сохранением содержания», но уже «без субсидии»⁶⁷. Отметим, что Петров обращался не в ОРЯС, а сразу к Непременному секретарю Академии С. Ф. Ольденбургу. Один из ранних отчетов Петрова о командировке сохранился в Архиве Петербургского университета⁶⁸, каких-либо отчетов в архиве Академии наук обнаружить не удалось, но зато там зафиксировано прохождение отчетов через ОРЯС. Итак, упоминавшийся отчет за март-июнь 1923 г. был отправлен замещавшим Ольденбурга на месте Непременного секретаря академиком И. Ю. Крачковским в ОРЯС 7 августа с просьбой «не отказать возвратить означенный отчет с заключением для доклада Общему Собранию Конференции»⁶⁹.

Е. Ф. Карский 14 сентября предоставил в ОРЯС свое заключение, в котором отмечал, что Петров «предпринимал научные поездки из Праги в Венгрию и Югославию главным образом для ознакомления с научной литературой, вышедшей с 1914 г. по славистике, кроме того, он старался пополнить свои сведения по этнографии Венгрии и Закарпатской Руси. По тем же вопросам напечатано им на чешском языке и несколько статей. Вследствие этого отчет его может быть признан удовлетворительным»⁷⁰. Почти сразу, 19 сентября, ОРЯС приняло свое решение: «Постановлено признать Отчет удовлетворительным, о чем и сообщить Непременному Секретарю с отзывом акад[емика] Е. Ф. Карского»⁷¹.

Как отмечалось в статье Горяинова и Досталь: «В нашем распоряжении нет каких-либо сведений о финансовой поддержке А. Л. Петрова из Советской России, наблюдаются даже некоторые признаки неблаговоления к нему на родине». Этот вывод сделан на основании того, что «с 1 сентября 1923 г. Петров был “отведен от преподавания”»⁷². На самом деле лишение финансовой поддержки относилось только к университетскому «содержанию». Об этом обстоятельстве Петров узнал очень быстро. Уже 7 сентября он писал Истрину с курорта Подебрады: «Сын мне писал, что в числе других (и П. А. Лавров?) я устранен из Университета... [...] Не зная еще об этом, – продолжал ученый, – я решил просить Академию и подходящие инстанции о продолжении командировки еще на 1 год. Кроме общих, понятных Вам причин, мне действительно в Петрограде заниматься невозможно – многих необходимых мне по истории Угрии пособий там нет, нет и людей, с которыми я мог бы посоветоваться»⁷³. Сообщал Петров и о своих научных успехах, и о перспективах работы, но эта информация была главной в письме. Он откровенно писал не только о состоянии своего здоровья, но и о бесперспективности его научной работы на родине. «Хотел я сам приехать сюда хлопотать, – писал Петров, – потом вернуться в Прагу, но пришлось от этого отказаться: и устал я очень от путешествий и работы, сердце очень ослабло, и я должен теперь лечиться; и путешествие в Россию очень дорого и трудно, да и как трудно будет опять выбраться (если даже возможно). К тому же я теперь здесь, т. е. в Петрограде, совсем не нужен – к чему славянство и Закарп[атская] Русь? Наконец, если бы что в Петрограде и написалось – издать нельзя, а в Чехии все-таки мои работы ценятся»⁷⁴.

Беспокоясь о своей семье, оставленной в Петрограде, ученый, уволенный из университета, надеялся остаться сотрудником Академии наук. «Но вот в чем дело – с моим “удалением”, – сетовал Пе-

тров, – положение моей семьи будет крайне тяжелым финансово. Поэтому я очень просил бы Вас и Отделение не увольнять меня от должности ученого, а продлить командировку; всю работу корректора может исполнять мой сын, Владимир, если, конечно, Вы довольны его работой. Это очень помогло бы моей семье и успокоило мою совесть – когда, вероятно, на что бы я смог жить в Петербурге без проф[ессорского] жалования и пайка».

Делился ученый и своими впечатлениями о жизни и настроениях русской эмиграции. И если, по его словам, Францев «здесь совсем прижился», то И. И. Лаппо* «как и все наши эмигранты, тяготеет разлукой с родиной, но сознает, что невозможно вернуться»⁷⁵. Отмечал он и материальное положение особенно многочисленной русской эмиграции в Югославии, по которой он недавно путешествовал: «В каждом даже маленьком городке – русские: инженеры, учителя, доктора, пограничники, таможенники. Им платят чуть не вдвое меньше, чем сербам, но все-таки с голоду умереть нельзя»⁷⁶.

Похоже, что отношения с Францевым, который с такими трудами выбрался в Чехословакию, у Петрова не сложились. Кстати, Францева, несмотря на то, что, по мнению Петрова, тот «совсем прижился» на чужбине, посещали те же мысли и в то же время, что и других эмигрантов. «В Россию, очев[идно], не вернусь; – писал Францев академику М. Н. Сперанскому 15 июля 1923 г., – с грустью об этом думаю и не нахожу ни в чем утешения; надо работать зд[есь], пока есть силы, но тоска давно уже одолевает, и трудно, тяжело жить без отчизны, без родной почвы под ногами, без родного воздуха». И, выражая надежду на встречу, продолжал: «Но – авось – еще встретимся? Приезжайте к нам в командировку». При этом ученый не без сарказма отмечал: «Ведь выбрался же А. Л. Петров! – Странный он тип»⁷⁷. И позже Петров, оправдываясь перед Й. Поливкой** за поступки, которые он считал всего лишь формальным проявлением лояльности к президенту страны его пребывания***, отмечал: «Францев также резко об этом отозвался»⁷⁸.

* Лаппо Иван Иванович (1869–1944) – историк. В 1921–1933 годах жил и работал в должности приват-доцента юридического факультета Русского народного университета в Праге. Организатор работы Русского исторического общества в Праге (1925–1940), член Славянского института.

** Поливка Йиржи (1858–1933) – чешский филолог, член-корреспондент Академии наук по ОРЯС.

*** Обычай расписываться на Новый год в «книге поздравлений Президенту».

Интересно, что частные контакты с адресатами на родине Петров предпочитал вести через сына. Так, он просил Истрина: «Ваш ответ передайте сыну (в незапечат[анном] конверте) – он уже переправит мне»⁷⁹. У нас нет ответа на вопрос, почему надежнее или быстрее было отправлять почту через В. А. Петрова.

Текст обращения А. Л. Петрова к РАН не обнаружен, но имеется документ с реакцией на него. Итак, в Протоколе заседаний ОРЯС от 24 октября 1923 г. один из пунктов повестки сформулирован лаконично: «Ученый корректор Отделения проф. А. Л. Петров, находящийся в заграничной командировке, просит исходатайствовать ему разрешение пробыть за границей еще год, с ноября с. г. по ноябрь 1924 г., без содержания, ввиду того, что им еще не закончены начатые работы»⁸⁰. Итоговое решение было сформулировано следующим образом: «Постановлено просить Общее собрание возбудить перед надлежащими властями ходатайство об удовлетворении просьбы А. Л. Петрова»⁸¹. Эта же ситуация повторилась и в следующем году. В июле 1924 г. Ольденбургу от ОРЯС было направлено следующее ходатайство. «Считая работы А. Л. Петрова, – писал Истрин, – представленные в его отчете (от 19-го мая 1924 г.) за время с 15 октября 23 г. по 20 апреля 24 г., очень ценными для выяснения истории Угорской Руси, полагал бы желательным продолжить ему от Академии Наук просимую им командировку по август 1925 года»⁸².

Но в 1925 г. ситуация изменилась. Непременный секретарь Академии Ольденбург направил третьего октября в ОРЯС следующую выписку из «Протокола Заседания Президиума от 29/IX 1925 г.»: «§5 Доложена просьба Ю. И. Поливки о поддержании ходатайства проф. А. Л. Петрова о продлении его заграничного пребывания в славянских землях еще до сентября 1926 г. и заключение по этому вопросу и. о. Председательствующего ОРЯС». В данном случае решение выглядело неутешительно: «Положено: ввиду несостояния А. Л. Петрова на службе в Академии и того, что Академией ему никакого научного поручения за границу не дано, воздержаться от поддержки этой просьбы»⁸³. Таким образом, из этого документа следует, что уже в 1925 г. Петров не состоял «ученым корректором» в ОРЯС, а с 1926 г. лишился даже формальной поддержки своего пребывания за границей со стороны Академии наук.

В 1925 г. произошло еще одно событие, связанное с пребыванием Петрова в Чехословакии и характеризующее его организационные способности и человеческие качества. Он оказал существенное

содействие в приезде в Прагу Т. А. Крюковой*, окончившей в 1925 г. факультет общественных наук ЛГУ по славяно-русской секции. «С ноября 1925 по август 1926 г. Крюкова стажировалась в Праге. Об этом времени она вспоминала: “По окончании Университета в 1925 г. я уехала за границу, в Прагу, для усовершенствования в славяноведении и славянской лингвистике. [...] Советский паспорт я получила вполне официально, а визу заграничную выслал мне профессор-славист Петров, советский гражданин, командированный от Академии наук в Прагу”»⁸⁴. Что могло связывать Петрова с юной студенткой, которая никак не могла быть его ученицей, так как поступила в Петроградский университет в год отъезда Петрова за границу? Где же они могли пересечься? На этот вопрос дает ответ информация о факте пребывания Петрова в Козьмодемьянске в 1921 г., во время одной из его экспедиций. Крюкова происходила из одного из самых уважаемых семейств Козьмодемьянска⁸⁵ и приходилась внучкой его главе П. Ф. Бычкову**. У нас нет сомнений, что Петров был не только знаком, но и дружен с семьей Бычкова в то время, когда Крюкова заканчивала школу в 1921 г.

Петрову удалось получить разрешение на продолжение командировки от Университета. Известно, что в 1929 г. он попал, с легкой руки «рабочих бригад» по проверке деятельности Наркомпроса, в число лиц «с неизвестной “классовой физиономией”», имевших заграничную командировку, выданную наркоматом и представляющую из себя «скрытую эмиграцию»⁸⁶. Неизвестно, продлевалась ли эта командировка и далее, или Петров фактически перешел на положение полуэмигранта. Такое положение еще не считалось криминалом, например, Н. Н. Дурново до своего возвращения в Советский Союз несколько лет пребывал в таком положении⁸⁷. Он стал получать

* Крюкова Татьяна Александровна (1904–1978) – этнограф, искусствовед, стояла у истоков отечественной этнографии, на протяжении более тридцати лет руководила отделом этнографии Поволжья и Приуралья Гос. музея этнографии народов СССР.

** Бычков Павел Федорович (1844–1925) – предприниматель, политический деятель. Потомственный почетный гражданин (1884). В 1877–95 гг. городской голова, в 1881–96 гг. почетный мировой судья. 1903–12 гг. директор Козьмодемьянского городского общественного банка. Являлся членом и руководителем многих общественных и благотворительных организаций. Хлеботорговец, владел несколькими заводами, мельницами. В 1912 г. избран депутатом 4-й Госдумы, входил в думскую фракцию октябристов, член Прогрессивного блока. В 1918 г. его предприятия были национализированы, а дома конфискованы.

пособие от Чехословацкого министерства иностранных дел. «Это пособие, – объяснял Дурново, – получали главным образом русские профессора-эмигранты, как А. Л. Петров»⁸⁸.

Обосновывая необходимость своей командировки, Петров писал: «Ввиду моих лет (61) и ухудшающегося за последнее время по условиям жизни состояния моего организма, я все более проникаюсь опасениями, что мне уже не под силу ждать отдаленного будущего для завершения хотя бы некоторых работ, могущих иметь, смею думать, известную ценность для русской науки»⁸⁹. Ученый смог осуществить свою мечту, за период его пребывания в Чехословакии им были опубликованы многочисленные исследования по истории Подкарпатской Руси. В 2000-е годы интерес к его фигуре и творчеству заметно вырос, о чем свидетельствуют уже упоминавшиеся статьи о нем в различных энциклопедических изданиях. Появились и публикации эпистолярного наследия⁹⁰, перепечатывались его изданные в Праге работы⁹¹. В 2012 г. в ужгородской еженедельной газете «Европа-Центр», единственной газете Закарпатья, которая публикует материалы как на украинском, так и на русском языках, появилась статья «Патриарх карпаторусской историографии Алексей Петров (к 80-летию со дня смерти)»⁹². Поэтому раскрытие еще неизвестных страниц в биографии ученого представляет особый интерес и открывает поле деятельности для дальнейших поисков.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В Отделение русского языка и словесности*
Российской Академии Наук
Доктора славяноведения
Профессора А. Петрова

Докладная записка и ходатайство

В виду моих лет (61) и ухудшающегося за последнее время по условиям жизни состояния моего организма, я все более проникаюсь опасениями, что мне уже не под силу ждать отдаленного будущего для завершения хотя бы некоторых работ, могущих иметь, смею думать, известную ценность для русской науки. Для окончания этих

* Помета А. А. Шахматова: «Прошу переписать в двух экземплярах».

работ, безусловно, необходимы продолжительные научные занятия в пределах бывшей Австро-Угрии, главным же образом, бывшей Угрии (Венгрии), и этого-то мне хотелось бы достичь в ближайшее время.

1) Прежде всего желательно довести до конца составление начатой уже мадьярской библиографии по славяноведению, истории России и востоковедению. В Петербурге налицо сравнительно небольшая часть мадьярских изданий; для того же, чтобы библиография имела научную ценность, необходимо исчерпать всю мадьярскую научную литературу, что возможно лишь в Угрии (Венгрии), гл[авным] обр[азом] в Будапеште (хотя и там далеко не полный подбор провинциальных изданий).

2) В связи с этим, настоятельно нужно озаботиться приобретением на месте (м[ожет] б[ыть], антикварным путем – вероятно, в смутное время многие собрания книг выброшены на рынок) мадьярских изданий и, таким образом, пополнить или, вернее сказать, основать мадьярский отдел в наших библиотеках, напр[имер], Академии Наук. Прежде всего надо иметь в Петербурге: а) полный комплект изданий источников по истории Угрии и связанных с нею стран, гл[авным] обр[азом], грамот и вообще архивных материалов, опубликованных не только учеными обществами столичными и провинциальными, но и самоуправлениями городскими и вармедскими (комитатскими), церковными организациями и частными лицами (из фамильных архивов магнатских и даже среднедворянских). Затем – б) все статистические материалы и выводы, как по переписям 1900 и 1910 гг. (также и цислейтанские), так, м[ожет] б[ыть], и из времени после войны (убежден, что подобные работы существуют). Далее – в) комплекты более ценных журналов и ежегодников и, наконец, – г) отдельно вышедшие книги и брошюры* (и не только на мадьярском, но и на других языках б[ывшей] Угрии).

3) Но, кроме печатных произведений, важных для науки, не только желательно, но прямо необходимо собрать все, что напечатано в б[ывшей] Угрии с начала войны о России, как в военном (история войны), так и в иных отношениях (революционный период), а также относительно революционного движения, господства и падения коммунизма в Угрии среди мадьяр и немадьярских народностей и относительно действий, взглядов и настроений мадьяр, румын, сербов,

* Необходимо, конечно, пополнить наши библиотеки и всем ценным, что вышло в славянских землях после 1914 г., но собрать все вряд ли по силам одному лицу, не посвятившему себя специально этой задаче. (Прим. А. Л. Петрова.)

словаков, угроруссов, немцев и т. д. касательно раздела Угрии, основания новых государств и т. п.

4) В 1912 г. было издано мной исследование о границах угрорусской речи в 1772 г. (с картами), основанное на «Lexicon locorum populosorum».

Исследование, надеюсь, доказало важность и достоверность этого официального документа, из которого я извлек лишь небольшую часть – данные об угрорусах и их непосредственных соседях. Чрезвычайно важно снять с Лексикона копию целиком и составить по нему этнографическую карту всей разноплеменной Угрии в 1772 г. Такая карта была бы превосходной базой для изучения движения народностей с конца XVIII в. по настоящее время.

5) В 1915 г. напечатан мною текст угорских проповедей XVI в., составленных православным, но под влиянием протестантских идей, исследование же о них было только начато, и, м[ежду] пр[очим], результаты сличения их с проповедями мадьярскими – кальвинскими, лютеранскими и социнианскими остались – ввиду поспешного моего отъезда из Будапешта 16-го июля 1914 г. – в Национальном Музее. Я обязан докончить мое исследование, что невозможно как без этих результатов, так и без дополнительных разысканий в печатных изданиях и отчасти в архивных материалах по истории протестантских идей в Угрии.

6) По поручению Академии еще в 1918 г. взял на себя составление этнографической карты Австро-Угрии по данным 1914 г. Мной исполнена карта всей Угрии (на 9 листах 10-тиверстной карты Генерального Штаба) по имевшимся в моем личном распоряжении печатным, а кое-где и рукописным материалам. Карта же Цислейтании, а также Хорватии, Славонии, Босны и Герцеговины не могла быть составлена за отсутствием в Петрограде самых необходимых статистических и этнографических изданий и исследований. Таковые теперь можно найти только в Австро-Угрии, изучение их должно составить одну из моих главных задач. Есть, однако, полная возможность получить там – кроме данных по 1914 г. – и совершенно новые сведения, м[ожет] б[ыть], более надежные и не столь фальшивые, как сведения прежней официальной статистики о территориальном распространении народностей. При продолжительном пребывании в Австро-Угрии ныне, думаю, гораздо легче посетить не вполне этнографически ясные края и лично проверить опубликованные данные. И чем большее количество таких местностей будет лично обследовано, тем более карта будет соответствовать действительности. Для

меня, безусловно, обязательно посещение угро-русской границы, гл[авным] обр[азом], со словаками, а также русских остров[ов] среди мадьяр и румын.

7) такие поездки и пребывание в разных частях бывшей Угрии (и вообще бывшей Австро-Угрии) дадут возможность ознакомиться и с столь высокоинтересным недавним прошлым и современным состоянием вновь возникших национально-политических организаций, ознакомиться с их национальным и социально-экономическим положением и со взглядами разных народностей и разных партий на совершившееся и совершающееся. Об этом распространяться нечего. Особо важно и любопытно изучить условия новой жизни отторгнутых от казавшейся неделимой по историческим, географическим и экономическим причинам Угрии ее немадьярских частей, отошедших к румынам, чехам, сербам, равно как и условия жизни появившейся вместо исторической Угрии этнографической Мадагрии.

Имею смелость думать, что для выполнения намеченных задач, и особенно для ознакомления с современным положением б[ывшей] Угрии, я бы являлся более, чем многие другие, подходящим лицом, и не только потому, что знаком как со славянским, так и с мадьярским языком, но и потому, что при моих частых и иногда продолжительных посещениях Угрии (м[ежду] пр[очим] ежегодно с 1907 по 1914 г.), и не только Будапешта, но и провинции, краев, населенных угрорусами, сербами, румынами, немцами, я приобрел в разных местах хороших знакомых и даже друзей. Полагаю, что не все они перемерли за последнее время, надеюсь, что связи, основанные на научных интересах и личных симпатиях, не окончательно порваны политикой и что прежние мои друзья помогут ориентироваться в кажущихся нам отсюда столь сложными и запутанными отношениями.

Ввиду всего вышеизложенного, имею честь просить Академию Наук об отпращивании меня в ученую командировку в б[ывшую] Австро-Угрию с конца апреля 1920 г. по 1 сентября 1921 г., т. е. на 1 год и 4 месяца – меньший срок недостаточен – (на каковое время буду ходатайствовать и перед Советом Университета об аналогичной командировке), а также о принятии нужных мер для выхлопотания мне денежных средств в иностранной валюте, достаточных как для отпращения и безбедного проживания за границей, так и для предполагаемых многочисленных разъездов, а также для приобретения всех нужных изданий для библиотеки Академии.

Я вполне сознаю громадность принимаемой на себя ответственности и трудность выполнения намеченных задач, но надеюсь, что

вся моя прежняя научная деятельность служит ручательством, что – поскольку это будет зависеть от меня – я добросовестно исполню свои обязательства*.

Возбуждаю ходатайство теперь же, заблаговременно, так как, во-первых, и проведение в Комиссариате командировки, и получение нужных средств пойдет, вероятно, медленно, а во-вторых, мне самому потребуется время для серьезной подготовки, для составления подробных планов работ, для зарегистрирования имеющихся в Петрограде материалов и, наконец, для составления списка мадьярских изданий, у нас имеющихся в здешних библиотеках.

К тому же, если бы командировка была назначена, то это сейчас же отразилось бы на общем моем духовном и физическом состоянии, дав мне ближайшую цель жизни; отсутствие такой цели более всего и действует на меня угнетающе. Очень прошу, если меня считают еще научным работником для науки, дать мне возможность просуществовать, хотя бы ближайшие годы.

А. Петров

19 ³⁰/_I 20

СПБАРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1101. Л. 21–24.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Горяинов А. Н., Досталь М. Ю.* А. Л. Петров и его научные славистические поездки 1920-х годов. Из писем и документов русских и чешских архивов // Переписка славистов как исторический источник. Сборник научных статей. Тверь, 1995. С. 94–119.

2 См., например: *Вялова С. О.* Петров Алексей Леонидович (4 (16). III 1859, Петербург – 5.I 1932, Прага) // Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979. С. 266.

3 *Хланта І.* Літературне Закарпаття у ХХ столітті. Біобібліографічний покажчик. Ужгород, 1995. С. 547.

4 *Горяинов А. Н., Досталь М. Ю.* А. Л. Петров и его научные славистические поездки... С. 94.

5 Там же. С. 101.

6 *Горяинов А. Н.* Кремация в Праге, или Как профессор А. Л. Петров превратился в «академика» // *Горяинов А. Н.* В России и эмиграции:

---

* Помета Шахматова: «До сих пор переписать». Следующий далее текст перечеркнут.

Очерки о славяноведении и славистах первой половины XX века. М., 2006. С. 260–273.

7 Поп И. И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2006. С. 291. За информацию из энциклопедических ужгородских изданий благодарю М. Ю. Дронова.

8 Соколова В. А. Русские ученые-слависты в Чехословакии между двумя мировыми войнами: 1920–1945 гг.: Биобиблиографические материалы к истории русской филологии в эмиграции // Новые российские гуманитарные исследования. 2009. № 4. URL: <http://nrgumis.ru/articles/154/> (дата обращения: 15.11.2016).

9 Закарпаття в Енциклопедії українознавства. Ужгород, 2003. С. 118.

10 Енциклопедія історії та культури карпатських русинів. Ужгород, 2010. С. 586.

11 Віднянський С. В. Петров Олексій Леонідович (16(04).03.1859 – 05.01.1932) // Енциклопедія історії України. Київ, 2011. Т. 8. Па–Прик. С. 193.

12 Вялова С. О. Петров Алексей Леонидович... С. 266.

13 Мы не будем специально останавливаться на событиях, в результате которых предполагавшиеся похороны Петрова на Ольшанском кладбище в Праге были сорваны дипломатическим представительством Советского Союза, организовавшим кремацию ученого и отправку его праха на родину. См. подробнее: Горяинов А. Н. Кремация в Праге... С. 268–273; Поп И. И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. С. 291.

14 См. о Мелихе Яноше: Драхош И. Деятельность Яноша Мелиха в области славяноведения // Slavica. Debrecen, 1968. VIII. С. 45–48.

15 Melich J. Szláv jövevényszavaink. Budapest, 1903–1905. Az óbolgár nyelvemlékek szókészlete és a Magyar nyelv szláv jövevényszavai. Budapest, 1903. К. 1; A Magyar nyelv keresztény terminológiája. Budapest, 1905. К. 2.

16 СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1919). Д. 4. Л. 22.

17 Там же. Л. 21.

18 Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1090. Л. 41–41об.

19 Там же. Л. 41об.

20 Там же. Л. 41об.–42.

21 Там же. Л. 42.

22 Там же. Л. 44.

23 Там же. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1154. Л. 108.

24 Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1090. Л. 44.

25 Там же. Д. 1101. Л. 23.

26 Там же. Д. 1090. Л. 39.

27 Там же. Л. 40.

- 28 Там же. Д. 1101. Л. 3.
- 29 Там же. Ф. 4. Оп. 2 (1919). Д. 4. Л. 117.
- 30 Там же. Ф. 134. Оп. 3. Д.1154. Л. 116.
- 31 Там же. Л. 118об.
- 32 Там же. Л. 116об.
- 33 Там же. Л. 118об.
- 34 «Декрет Совета Народных Комиссаров. О порядке совместительства должностей» датирован 18 сентября 1919 г.
- 35 СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д.1154. Л. 121.
- 36 Там же. Л. 121об.
- 37 Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1101. Л. 21–24.
- 38 Там же. Л. 21.
- 39 Там же.
- 40 Там же. Л. 21об.–22.
- 41 Там же. Л. 22об.
- 42 Там же. Л. 23.
- 43 Там же. Л. 22.
- 44 Там же. Л. 23.
- 45 Там же. Л. 23об.
- 46 Там же. Л. 24.
- 47 Там же. Ф. 1. Оп. 1 а. Д. 168. Л. 13 об.
- 48 Цит. по: *Горяинов А. Н., Досталь М. Ю.* А. Л. Петров и его научные славистические поездки... С. 97.
- 49 Там же. С. 102.
- 50 Там же. С. 103.
- 51 Там же. С. 97.
- 52 СПбФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1101. Л. 5.
- 53 Там же. Ф. 134. Оп. 3. Д.1154. Л. 110.
- 54 Там же. Ф. 332. Оп. 2. Д. 118. Л. 53–53об.
- 55 Там же. Ф. 292. Оп. 2. Д. 176. Л. 4.
- 56 Там же. Л. 1.
- 57 Там же. Ф. 134. Оп. 3. Д. 369. Л. 1–2.
- 58 Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1101. Л. 31.
- 59 Там же. Ф. 292. Оп. 2. Д. 176. Л. 5.
- 60 Там же. Л. 7.
- 61 Там же. Л. 8.
- 62 Там же. Л. 9.
- 63 *Глубоковский Н. Н.* Из ненапечатанного архива: автобиографические воспоминания // Научно-богословский и церковно-общественный журнал. 2003. № 2 (23). С. 177.

- 64 СПбФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. Д. 177. Л. 6.
- 65 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 97. Л. 5об.
- 66 *Горяинов А. Н., Досталь М. Ю. А. Л. Петров и его научные славистические поездки...* С. 97.
- 67 Там же. С. 104.
- 68 Там же. С. 105–107.
- 69 СПбФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1134. Л. 11.
- 70 Там же. Л. 7.
- 71 Там же. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 172. Л. 153об.
- 72 *Горяинов А. Н., Досталь М. Ю. А. Л. Петров и его научные славистические поездки...* С. 100.
- 73 СПбФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. Д. 119. Л. 1.
- 74 Там же. Л. 1–1об.
- 75 Там же. Л. 1об.
- 76 Там же.
- 77 Там же. Ф. 172. Оп. 1. Д. 312. Л. 16об.
- 78 Цит. по: *Горяинов А. Н., Досталь М. Ю. А. Л. Петров и его научные славистические поездки...* С. 113.
- 79 СПбФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. Д. 119. Л. 1об.
- 80 Там же. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 172. Л. 157–157об.
- 81 Там же. Л. 157об.
- 82 Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1141. Л. 10.
- 83 Там же. Д. 1151. Л. 19.
- 84 Цит. по: *Решетов А. М. Тернистый путь к этнографии и музею: страницы жизни Т. А. Крюковой // Репрессированные этнографы. Вып. 2. М., 2003. С. 272.*
- 85 История семьи Бычковых. URL: <http://www.kmkmuzey.ru/index.php/exhibition/968-histbychkov> (дата обращения: 5.12.2016).
- 86 *Горяинов А. Н., Досталь М. Ю. А. Л. Петров и его научные славистические поездки...* С. 100.
- 87 *Робинсон М. А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004. С. 210.*
- 88 *Робинсон М. А., Петровский Л. П. Н. Н. Дурново и Н. С. Трубецкой: проблема евразийства в контексте «Дела славистов» (по материалам ОГПУ–НКВД) // Славяноведение. 1992. № 4. С. 79.*
- 89 СПбФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1101. Л. 21.
- 90 *Делеган М. В., Выскварко С. А. Автографы профессора Санкт-Петербургского университета А. Л. Петрова в фондах Государственного архива Закарпатской области // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Історія. Ужгород, 2007. Вип. 19. С. 155–159; Деле-*

ган М. В., Выскварко С. А. Письма профессора Санкт-Петербургского университета А. Л. Петрова в фондах Государственного архива Закарпатской области // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Історія. Ужгород, 2008. Вип. 21. С. 220–226.

91 См., например: *Петров А. Л.* Задачи карпато-русской историографии // Вчені Росії про Закарпаття: Із карпатознавчої спадщини. Ужгород, 2009. С. 115–138.

92 *Разгулов В.* Патриарх карпаторусской историографии Алексей Петров (к 80-летию со дня смерти). URL: http://mediacentr.info/The_newspaper_Europa_Center/patriarh-karpatorusskoj-istoriografii-aleksej-petrov-k-80-letiju-so-dnja-smerti__30463 (дата обращения 10.12.2016)

M. A. Robinson

To the biography of Aleksej Leonidovič Petrov (on archival data)

The article describes previously unknown parts of the biography of the outstanding specialist in Slavic and Carpatian studies Aleksej Leonidovič Petrov on archival data, while several facts already published on this issue are corrected and clarified. His translation of a book by a well-known Hungarian slavist Melich János is acknowledged. In the appendix Petrov's petition that became the basis to support his academic trip to Hungary in 1922 is published.

Keywords: *Aleksej Leonidovič Petrov, Melich János, Carpatian studies, Austro-Hungary, Hungarian language, "Ugrorussians".*

*А. И. Колин (Кишинев),
А. С. Стыкалин (Москва)*

Автобиография А. И. Яцимирского в фонде Московского университета (1899 г.)

Публикуется автобиографический очерк известного филолога и археографа А. И. Яцимирского, адресованный в испытательную комиссию Московского университета в 1899 г. в связи с защитой дипломной работы.

Ключевые слова: *А. И. Яцимирский, Московский университет, славистика, археография, славянские рукописи, российско-румынские культурные связи.*

Вниманию читателей предлагается документ, хранящийся в Фонде Московского университета в Центральном государственном архиве (ЦГА) Москвы. Это автобиографический очерк, принадлежащий перу выдающегося филолога, археографа и историка средневековой культуры Александра Ивановича Яцимирского (1873–1925). Написанный в конце марта 1899 г., он был адресован в испытательную комиссию университета по историко-филологическим наукам и связан с защитой дипломной работы.

Как видно из списка опубликованных к этому времени научных работ Яцимирского¹, приложенного к автобиографии и другим поступившим в комиссию документам², к своим 26 годам это был уже довольно зрелый ученый, получивший известность в профессиональной среде. Живя в 1890-е гг. в Москве, Яцимирский еще студентом принимал активное участие в деятельности ряда научных обществ, выступая на их заседаниях с докладами. Речь идет о Московском археологическом обществе (куда его пригласил один из педагогов, профессор Матвей Соколов), Московском библиографическом кружке, этнографическом отделе Общества любителей антропологии, естествознания и этнографии. Более того, уже со студенческих лет, с середины 1890-х гг., статьи и заметки перспективного молодого ученого, основанные на глубоком изучении средневековых южнославянских текстов (в первую очередь получивших хождение в румынском пространстве), начали охотно публиковать авторитетные академические журналы – Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, Чтения Императорского общества истории и древностей российских³. Как знаток средневекового ру-

кописного наследия (прежде всего южнославянского происхождения), он был приглашен известным московским купцом-меценатом П. И. Щукиным, владельцем богатого музея русских древностей, для описания его богатейшего рукописного собрания. Эта работа вышла в двух томах в 1896–1897 гг., сразу став серьезным явлением в русской археографии.

Насколько можно судить по автобиографическому очерку и списку публикаций, к началу XX в. круг основных научных интересов будущего крупного филолога уже во многом определился. Обращает на себя внимание широта кругозора, позволившая впоследствии Яцимирскому долгие годы возглавлять редакцию славянской филологии в Энциклопедии Брокгауза – Ефрона и опубликовать на страницах этого многотомного издания десятки статей⁴. Вместе с тем приоритеты со временем менялись. В 1890-е гг. в сфере научных интересов Яцимирского (известного нам сегодня прежде всего как слависта) едва ли не центральное место занимали исследования в области восточнороманской филологии, этнографии, культуры. Это было в немалой мере обусловлено происхождением филолога, выросшего в Бессарабии в румыноязычной среде и начавшего свой путь в науке с краеведения и описания рукописного наследия бессарабских монастырей. Как явствует из автобиографии, 26-летний филолог, исходя из общности языка, рассматривал бессарабских молдаван как часть румынского этноса. Вопрос о принадлежности лиц, говорящих на одном языке, к разным государственным образованиям – к Российской империи и к Румынии – не имел для него в данном случае решающего значения⁵.

Впервые на полевые исследования в Румынию Яцимирский выехал летом 1895 г. По итогам ряда экспедиций были опубликованы в «Древностях Славянской комиссии Московского Археологического общества» в 1898–1899 гг. сделанные им описания рукописных собраний Нямецкого монастыря в Запрутской Молдове (как и Ново-Нямецкого монастыря в Бессарабии), румынского монастыря Агапии. Среди введенных им в эти годы в научный оборот средневековых письменных памятников были славяно-молдавская летопись 1512 г., произведения южнославянской литературы, получившие хождение в румынском пространстве⁶. Из выдающихся деятелей культуры Нового времени его привлекало наследие Паисия Величковского – Яцимирский в 1890-е годы обратился к публикации как его собственных, так и связанных с его деятельностью текстов, в том числе надгробных стихов на его могиле в Нямецком монастыре⁷.

Вскоре после получения в 1899 г. диплома Яцимирский выехал в длительную командировку в Румынию, Сербию, Болгарию для ведения полевых исследований, поездка стала возможной благодаря стипендии Петербургской академии наук. Исследователям жизненного пути А. Яцимирского⁸ малоизвестен эпизод, приключившийся с ним в этот раз при посещении Румынии. Будучи по недоразумению арестованным по обвинению в контрабанде, он оказался в заключении и был оправдан Ясской судебной палатой только после почти полугодового мытарства по румынским тюрьмам. «Вся злоба румын на русских за Бессарабию была излита на мне, но я не терял бодрости духа», – писал он по свежим впечатлениям в 1900 г. своему земляку и коллеге по румынским штудиям тогдашнему ректору Московской духовной академии епископу Арсению (Стадницкому), впоследствии митрополиту⁹. Кстати, российское посольство, замечает Яцимирский в том же письме, ничего не сделало для вызволения его из тюрьмы.

По получении диплома в Московском университете Яцимирский служил преподавателем русской словесности в средних учебных заведениях, сначала в Москве, а с 1903 г. в Петербурге. При этом он продолжает активно заниматься наукой. В 1903–1905 гг. он публикует в Петербурге в двух томах сборник «Румыно-славянские очерки», в который вошли статьи по истории румынско-славянских культурных связей начиная со средневековья. В 1904 г. отдельным изданием в Петербурге выходит работа «Язык славянских грамот молдавского происхождения». Яцимирскому, как известно, принадлежат большие заслуги в изучении деятельности и творчества в контексте своей эпохи (конец XIV – начало XV в.) Григория Цамблака, выдающегося средневекового писателя, книжника и церковного иерарха болгарского происхождения, оставившего большой след и в истории румынской культуры. Основанная на обилии документов, впервые введенных в научный оборот, вызвавшая отклик и дискуссии в профессиональной среде монография «Григорий Цамблук. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности» (СПб., 1904) была удостоена Ломоносовской премии¹⁰. В 1905 г. был опубликован составленный Яцимирским свод «Славянские и русские рукописи румынских библиотек», в 1905–1906 гг. в серии «Памятники древней письменности и искусства» вышли подготовленные им сборники статей и текстов «Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии, XV–XVII вв.» и «Из истории славянской проповеди в Молдавии».

Когда в 1906 г. Яцимирский стал приват-доцентом Петербургского университета, в его обязанности входило среди прочего преподавание румынского языка и словесности студентам-филологам. Изучение румынского языка и духовной культуры в Петербургском университете опиралось на определенную традицию, связанную с именами Я. Д. Гинкулова и П. А. Сырку¹¹. Непосредственным его предшественником по румынским филологическим студиям был безвременно скончавшийся в 1905 г. Полихроний Сырку, как и Яцимирский, оставивший заметный след в истории своей науки. Как выясняется из писем Яцимирского епископу Арсению, отношения между двумя земляками-филологами не были идеальными¹². Тем не менее, именно Яцимирский подготовил к печати незаконченные труды Сырку, остававшиеся в рукописях¹³. Как и подобало наиболее выдающемуся знатоку славянских рукописей, бытовавших на румынских землях, он зачастую смотрел на румынистику сквозь призму славистики, она была для него неотделима от славистики, а румыно-славянские культурные связи он считал одной из магистральных тем своих научных исследований¹⁴.

Как явствует из обширной переписки Яцимирского с коллегами и в том числе из его писем близкому другу, выдающемуся исследователю средневековой русской литературы академику В. П. Перетцу¹⁵, он был человеком леволиберальных убеждений, хотя и сторонившимся участия в активной политике. В 1890-е гг. Московский университет был одним из средоточий политической фронды, многие студенты преследовались за причастность к революционной деятельности¹⁶. Что касается Яцимирского, то сохранился документ о его политической благонадежности – это подготовленное в канцелярии московского обер-полицмейстера МВД в марте 1899 г. свидетельство, данное дворянину А. И. Яцимирскому «для представления в Испытательную комиссию [Московского университета] в том, что он за время проживания в Москве под судом и следствием не был и ныне не состоит и ни в чем предосудительном полициею не замечен»¹⁷. Тем не менее, десятью годами позже, в период реакции после подавления революции 1905–1907 гг., он подвергся травле правой прессы. Так, после публикации в 1909 г. его газетной статьи к 100-летию народного поэта Алексея Кольцова Яцимирский был подвергнут нападкам влиятельнейшей газеты «Новое время» за мнимые симпатии экспроприаторам частной собственности¹⁸. Было даже назначено полицейское расследование, приведшее к приостановке его педагогической деятельности в Петербургском университете и воз-

вращению преподавателем в реальное училище¹⁹. Кроме того, у Яцимирского произошел тогда разлад на политической почве с одним из его учителей по Московскому университету – академиком А. И. Соболевским. Он негативно отреагировал на сближение Соболевского с черносотенной организацией Союз русского народа²⁰. Яцимирский пишет в декабре 1909 г. будущему академику В. Н. Перетцу о том, что хотя живет в Петербурге неподалеку от Николаевского вокзала, поблизости от квартиры Соболевского, не хочет заходить к нему, после того как тот обозвал группу либерально настроенных приват-доцентов сволочью. «Вообще с правой компанией стараюсь – быть подальше»²¹.

Несмотря на свою относительную политическую левизну, Яцимирский на протяжении долгих лет поддерживал тесные связи с человеком, который никак не мог быть левым уже по своему статусу – речь идет об уже упомянутом епископе, а позже митрополите Арсении (А. Г. Стадницком). Его многочисленные письма Арсению с 1900 по 1917 г. общим объемом более 120 рукописных листов хранятся в личном фонде Арсения в Государственном архиве Российской Федерации²². В своей переписке владыка Арсений (крупный специалист по истории православной церкви в восточнороманских землях, особенно в Молдавии) и А. Яцимирский постоянно обменивались мнениями по конкретным проблемам румынской, молдавской истории, они внимательно следили за новыми работами друг друга. Яцимирский предоставил в распоряжение Стадницкого ряд ценных средневековых источников, помогал ему достать литературу на румынском языке. Более того, он оказывал Арсению техническую помощь при подготовке рукописей к печати. В предисловии к своему важнейшему труду «Исследования и монографии по истории Молдавской церкви» (СПб., 1904), в Румынии отмеченному королевской наградой *Vene Merente*, а в России удостоенному Уваровской премии, епископ Арсений в январе 1904 г. счел «приятным долгом выразить свою глубокую благодарность А. И. Яцимирскому, принявшему на себя нелегкий труд по печатанию и корректированию нашей работы, а также озаботившемуся приисканием оригиналов для прилагаемых портретов святителей Румынской церкви. Ему же принадлежит составление именного указателя и оглавлений и некоторые справки по редким румынским изданиям»²³. Имя Яцимирского, неоднократно посещавшего Арсения в бытность его епископом, а затем архиепископом в Пскове, а с 1910 г. в Новгороде, неоднократно упоминается на страницах дневника Стадницкого, ценнейшего исторического ис-

точника, многотомное издание которого осуществляет Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет в Москве²⁴.

Касаясь многообразных бессарабских, а также румынских связей А. Яцимирского, нашедших отражение в письмах к нему, хранящихся в его богатом личном фонде в Российском государственном архиве литературы и искусства²⁵, хотелось бы упомянуть его переписку 1910–1911 гг. со студентом-бессарабцем Степаном Чебаном, впоследствии видным румынским литературоведом, академиком Румынской академии Штефаном Чёбану. В феврале 1910 г., будучи студентом Киевского университета, Чёбану написал письмо Яцимирскому как крупнейшему в России специалисту по румынской филологии и этнографии. «В наших университетских библиотеках, – писал он, – имеется литература даже на японском языке, но нет ни единой книги на румынском языке или о румынской литературе, если не считать разысканий в области духовного стиха академика А. Н. Веселовского²⁶. Эти прискорбные обстоятельства вынуждают меня обратиться к Вам как к единственному авторитету у нас в России по этим вопросам»²⁷. По письмам Чёбану Яцимирскому можно судить о влиянии этого крупного ученого на профессиональное становление молодого бессарабского филолога. Не меньшую помощь он оказал трансильванскому румынскому историку С. Драгомиру (впоследствии не только академику, но видному государственному деятелю межвоенной Румынии), приезжавшему в Россию для изучения архивных источников по истории русско-румынских связей в XVII в.²⁸

В 1913 г. Яцимирский стал по конкурсу профессором Варшавского университета по кафедре славянской филологии, с этим университетом, эвакуированным во время первой мировой войны в Ростов-на-Дону, была так или иначе связана его дальнейшая научная, публикаторская и научно-организационная деятельность, столь же плодотворная²⁹. В 1920-е гг. он внес немалый вклад в становление славистики, археографии, археологии, искусствоведения, музейного дела на Дону, донское краеведение³⁰. Как явствует из некролога, опубликованного в Ростове по случаю безвременной кончины ученого в 1925 г., его коллеги по университету считали его важнейшей заслугой то, что он «оставил после себя в рядах местных деятелей просвещения и общественной жизни много учеников, никогда не порывавших с ним связи и старающихся усвоить себе его бесконечную энергию и трудоспособность»³¹.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Автобиографический очерк А. И. Яцимирского

Родился я в степной части Бессарабии неподалеку от днестровского лимана в бывшем татаро-буджакском пашалыке, а теперь новоказачьей станице Байрамче 29 августа 1873 года. Первоначальное образование я получил при школе отца моего, народного учителя, уже в средней Бессарабии в чисто румынском местечке Ганчештах³². Здесь я познакомился с румынским языком, с образом жизни, обычаями и народными произведениями бессарабских румын; эти свидания дали мне богатый материал для моих последующих работ. В 1883 г. я поступил в пригготовительный класс кишиневской прогимназии, впоследствии преобразованной в полную гимназию, а в 1893 г. окончил ее³³. В старших классах гимназии я интересовался историей русской литературы и русской историей благодаря следующему. Во-первых, преподаватели указанных предметов, несомненно, люди даровитые, сами любили преподаваемые ими предметы, многое излагали своими словами и старались внушить своим ученикам такое же отношение к урокам. Несомненно, это останавливало мой интерес к указанным предметам, так как остальные преподаватели напирали главным образом на долбление, выполнение программы и проч.³⁴ Во-вторых, каждое лето я обходил пешком, иногда без гроша в кармане, бессарабские монастыри и вообще местности, замечательные в историческом или археологическом отношении; всё чем-либо замечательное я изучал, описывал, срисовывал, и в результате второй по времени моей экскурсии явился ряд статей, которые я уже в пятом классе поместил в местной газете «Бессарабский вестник» под заглавием «Древности по берегам Днестра». Но одно, по-видимому маловажное, обстоятельство значительно специализировало мои научные интересы: в то же лето я получил от одного монаха-схимника, отца Анастасия из монастыря Городище на Днестре, в подарок одну славянскую рукопись XV века, со среднеболгарским правописанием, которая меня поразила своим внешним видом, языком, правописанием, содержанием (это был Сборник с апокрифическими статьями) и приковала к себе всё мое внимание. С тех пор, наряду с изучением истории Бессарабии, этнографии бессарабских румын и памятников местной старины, я живо интересовался рукописями, читал их и не упускал случая,

чтобы приобретать более интересные из них при своих ежегодных экскурсиях по монастырям Бессарабии; уже при приезде в Москву у меня было около 25-ти рукописей³⁵.

Таким образом, выбор факультета для продолжения образования не представлял для меня никаких затруднений. То же можно сказать и относительно университета. Хотя Новороссийский университет всего в 4 часах езды от Кишинева, но в Москву влекли меня традиции Шевырева, Буслаева, Тихонравова... В университете меня сразу заинтересовали всегда содержательные, строго научные и прекрасно излагаемые лекции профессора Матвея Ивановича Сокколова по истории древней русской литературы. Лекции, а в особенности семинарские занятия почтенного профессора я посещал и в неурочное время, т. е. когда профессор читал другим курсам. Как председатель Славянской Комиссии Московского Археологического Общества, Матвей Иванович пригласил меня для сообщения моих рефератов на заседаниях этой Комиссии, и таких рефератов мною было прочитано около десяти. Таким образом, и дальнейшие мои занятия вполне определились характером как лекций по древней русской литературе, так и докладов и вообще занятий Славянской Комиссии. К работам над славянскими рукописями моего собрания и московских общественных библиотек присоединились следующие два отдела моих работ такого же характера. Я разумею, во-первых, то обстоятельство, что во время прохождения 2, 3 и 4-го курсов я был приглашен Петром Ивановичем Щукиным, владельцем прекрасного и большого музея русских древностей, для описания славянских и русских рукописей его богатого собрания. Этот труд был мною исполнен в течение двух лет, а в течение третьего года оба тома моего описания были отпечатаны³⁶. Во-вторых, каждое лето, по примеру моих гимназических экскурсий, я совершал по Румынии поездки, где занимался рукописями монастырских, общественных и частных собраний, благодаря чему я увеличивал свои познания в старой славянской и русской литературах, увеличивал я также и свое рукописное собрание, делал списки и фотографические снимки преимущественно с [слово неразборчиво] или же малодоступных рукописей и прочее³⁷. И в настоящее время в моем собрании насчитывается более сотни рукописей, по большей части интересных по своему содержанию и югославянского письма³⁸. К этому следует прибавить мои, правда, немногочисленные, работы по румынской этнографии: во-первых, материалы и тексты народных произведений, записанные мною лично в Румынии и Бессарабии³⁹; во-вторых, несколько ста-

тей-отзывов о трудах румынских ученых – этнографов, лингвистов, славистов-историков⁴⁰.

Некоторые из указанных работ были напечатаны в «Этнографическом обозрении», остальные были только прочитаны в заседаниях этнографического отдела Общества любителей Антропологии, Естествознания и Этнографии при Московском университете. Несколько небольших работ мною напечатано в румынских повременных изданиях, главным образом в яском журнале «Revista critică literară» de D-I Ar. Densușianu [Арон Денсушьяну]. Библиографический характер занятий моих над рукописями привел меня и в Московский Библиографический Кружок, где мною сделано три сообщения на его заседаниях. Результатом моих работ над рукописями является ряд статей, список которых к сему прилагается⁴¹; впрочем, в списке мною не отмечены краткие мои рецензии, переводы с румынского, мои отчеты о командировках и проч. Часть моих работ в настоящее время печатается, а для более крупных вопросов мною собраны материалы⁴². В 1897 г. мною получено выпускное свидетельство, но до сих пор экзамена в историко-филологической комиссии я не держал по недостатку средств, а также вследствие того, что не в меру увлекался научными работами и их печатанием.

31 марта 1899 г.

Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 76. Д. 507. Л. 4–5об.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Центральный государственный архив (ЦГА) Москвы. Ф. 418. Оп. 76. Д. 507. Л. 6–7.

2 Наряду с автобиографическим очерком и списком опубликованных к этому времени работ в испытательную историко-филологическую комиссию поступили письмо от 6 апреля 1899 г. на имя председателя комиссии о допущении к испытанию по словесному отделению; квитанция в правление университета на напечатание диплома, на вознаграждение экзаменаторов и другие расходы испытательной комиссии (20 руб.); свидетельство о политической благонадежности из канцелярии московского обер-полицмейстера МВД; рукописные квалификационные работы «О простых прошедших в старо-церковном языке в сравнении с теми же формами в русском, сербском и польском языках» и

«Переводные повести византийского происхождения» с пометами профессоров Р. Брандта и М. Соколова «Весьма удовлетворительно». См.: Там же. Л. 1–21.

3 См., в частности, его ранние публикации: Первый печатный славянский служебник // Изв[естия] Отд[еления] русского языка и словесности. Императорская Академия наук. 1896. Т. I. Кн. 4; Акты из собрания А. И. Яцимирского // Чтения Императорского Общества истории и древностей российских. 1897. Кн. I; Мелкие заметки по старинной славянской и русской литературам. I–II // Изв[естия] Отд[еления] русского языка и словесности. Императорская Академия наук. 1897. Т. II. Кн. 2; Вновь найденный список Домостроя // Археологические известия и заметки. 1897. № 9; Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературам. III–IV // Изв[естия] Отд[еления] русского языка и словесности. Императорская Академия наук. 1898. Т. III. Кн. 1; Из славянских рукописей. Тексты и заметки // Ученые записки Императорского Московского университета по историко-филологическому факультету. М., 1898; Новый труд по старой славянской библиографии // Изв[естия] Отд[еления] русского языка и словесности. Императорская Академия наук. 1898. Т. III. Кн. 4; Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературам. VII–XX // Там же. 1899. Т. IV. Кн. 2; Новые данные о хождении Антония архиепископа Новгородского в Царьград // Там же. 1899. Кн. 1; Заметки из старинных рукописей // Чтения Императорского Общества истории и древностей российских. 1899. Кн. 2.

4 О масштабах научной и публикаторской деятельности А. И. Яцимирского дает представление следующее издание: Яцимирский А. И. Биобиблиографический справочник / Сост. А. Матковски. Кишинев, 1979. В дополненном и обновленном виде этот материал содержится в справочнике, изданном в Болгарии: *Матковски. А. Полихроний Сырку и Александр Яцимирский. Биобиблиографии. Велико Търново, 2013.*

5 Вклад А. И. Яцимирского в изучение румынского языка, словесности, духовной культуры подробно проанализирован в работе: *Домосилецкая М. В. Изучение румынского языка и культуры румын в России (XIX – начало XX вв.) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. V. Ч. 1 / Отв. ред. акад. Н. Н. Казанский. СПб., 2009. С. 51–151.*

6 Из славянских рукописей. Тексты и заметки // Ученые записки Императорского Московского университета по историко-филологическому факультету. М., 1898.

7 Заметки из старинных рукописей // Чтения Императорского Общества истории и древностей российских. 1899. Кн. 2.

8 Заслуга наиболее полной реконструкции его биографии принадлежит, несомненно, молдавской исследовательнице А. Матковски, опубликовавшей ряд серьезных работ. См., в частности, статью 1970-х гг., не утратившую научной ценности и поныне: *Матковски А.* Документальные данные о жизни и деятельности А. И. Яцимирского // Советское славяноведение. 1979. № 1. С. 89–99.

9 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 550 (митрополит Арсений). Оп. 1. Д. 488. Л. 2об.

10 Сегодняшний взгляд на роль А. Яцимирского в изучении творчества Г. Цамблака представлен в работе: *Домосилецкая М. В.* Изучение румынского языка...

11 См.: Там же.

12 В одном из писем Яцимирский отвергал в качестве безосновательных упреки со стороны Сырку в румынофобских настроениях и поддержке политики русификации. См.: ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 488.

13 См., в частности: Из переписки румынских воевод с Сибинским и Брашовским магистратами. Тексты 28 славянских документов валашского происхождения XV–XVII вв. городских архивов Сибины и Брашова и Брюкентальского музея в Сибине / Предсмертный труд П. А. Сырку с предисловием А. И. Яцимирского. СПб., 1906.

14 Показательна в этой связи его статья, опубликованная в «Журнале народного просвещения» за 1908 г., о значении румынской филологии для славистики.

15 76 рукописных листов с письмами Яцимирского Перетцу хранятся в личном фонде В. Н. Перетца в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ): Ф. 1277. Оп. 1. Д. 97.

16 См. соответствующие материалы в фонде Московского университета в ЦГА Москвы (Ф. 418. Оп. 514. Д. 29).

17 Там же. Оп. 76. Д. 507. Л. 3.

18 *Робинсон М. А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004. С. 244.

19 См. подробнее: *Матковски А.* Документальные данные о жизни и деятельности А. И. Яцимирского.

20 Об избрании А. И. Соболевского почетным членом Союза русского народа см. материалы в его личном фонде в РГАЛИ: Ф. 449. Оп. 1. Д. 39.

21 *Робинсон М. А.* Судьбы академической элиты... С. 244. В письмах Яцимирского епископу Арсению весьма показательны крайне не-

гативные оценки деятельности их общего земляка П. Крушевана. См.: ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 488.

22 Там же. См. также еще одно письмо: РГАЛИ. Ф. 584. Оп. 2. Д. 26. Ответные письма Арсения Яцимирскому почти не сохранились. Нам известно лишь одно письмо: Там же. Ф. 449. Оп. 1. Д. 80.

23 *Арсений (Стадницкий), еп.* Исследования и монографии по истории Молдавской церкви. СПб., 1904. С. XXII.

24 *Арсений (Стадницкий), митр.* Дневник. 1880–1901. М., 2006; 1902–1903. М., 2013; 1903–1905. М., 2015. Что же касается писем Яцимирского Арсению, то это также ценный, частично заслуживающий публикации источник, отражающий настроения в среде российской академической и университетской интеллигенции в связи со значительными историческими событиями эпохи – поражением в русско-японской войне, расстрелом петербургской демонстрации 9 января 1905 г., положившим начало революции. Будучи филологом, этнографом и историком культуры, не проявлявшим в своих научных трудах непосредственного интереса к современной политике, Яцимирский тем не менее в письмах Стадницкому никогда не уходил от политических, и в том числе внешнеполитических, оценок.

25 В основе фонда (Ф. 584) лежит эпистолярное наследие А. И. Яцимирского, переданное в 1930-е гг. его вдовой и сыном на хранение в центральный московский архив. Среди многочисленных корреспондентов Яцимирского были крупнейшие филологи и историки из разных стран, славянские культурные и научные общества, библиотеки, музеи, редакции научных журналов, первый президент Чехословацкой республики Т. Г. Масарик.

26 Ш. Чёбану имеет в виду работу А. Н. Веселовского «Разыскания в области русского духовного стиха» (СПб., 1879–1883), в которой обращалось внимание на некоторые явления румынской словесности.

27 РГАЛИ. Ф. 584. Оп. 1. Д. 253. Л. 2. В личном фонде Яцимирского в РГАЛИ хранятся три письма к нему Ш. Чёбану, однако ответные письма, видимо, не сохранились.

28 См.: Там же. Д. 70; см. также: *Матковски А.* Документальные данные...

29 Другая известная нам автобиография А. И. Яцимирского относится как раз к ростовскому периоду его творчества (август 1922 г.): РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 422.

30 См.: *Степаненко Н. А.* Яцимирский А. И. // Донской архив. Вып. 4. Ростов-на-Дону, 2008.

31 Известия Донского государственного университета. 1925 г. Т. 6. Ростов-на-Дону, 1925. С. 5.

32 По отцовской линии А. Яцимирский принадлежал к потомственным дворянам Подольской губернии. Наличие польских шляхетских корней не меняло того факта, что род был не католическим, а православным (некоторые выходцы из него, например, химик К. Б. Яцимирский, оставили след в развитии украинской науки). Обладая русским самосознанием, А. И. Яцимирский, впрочем, серьезно интересовался и занимался польской культурой. Его двухтомная работа «Новейшая польская литература: от восстания 1863 г. до наших дней» (СПб., 1908), в основе которой лежал университетский спецкурс, вызвала в атмосфере реакции нападки в правой прессе, выискивавшей в ней пропаганду революционных идей. О польской литературе он писал и для Энциклопедии Брокгауза – Ефрона. К концу XIX в. та ветвь дворянского рода Яцимирских, к которой принадлежал выдающийся филолог, обеднела. Об этом можно судить и по сделанному в автобиографии А. И. Яцимирского признанию в том, что, завершив учебу в Московском университете в 1897 г. и получив выпускное свидетельство, он тем не менее два года не держал экзамена по недостатку средств. Проблема дополнительного заработка ввиду отсутствия каких-либо доходов, кроме жалования гимназического преподавателя, стояла перед ним и позже, даже тогда, когда опубликованная в 1904 г. Императорской академией наук монография «Григорий Цамблак: Очерк его жизни, административной и книжной деятельности» принесла ему серьезное признание в академической среде и Ломоносовскую премию. «Яцимирский – очень способный и даровитый; но не особенно подходящая женитьба его на больной и капризной вдове, живущей не по средствам, заставляет его постоянно думать о хлебе насущном, который он добывает, размениваясь на мелочи в писаниях разных библиографий, известий, заметок. Надо только удивляться его работоспособности», – записал в своем дневнике 30 июля 1905 г. тесно сотрудничавший с Яцимирским епископ Арсений (А. Г. Стадницкий). См.: *Арсений (Стадницкий), митр. Дневник. 1903–1905. М., 2015. С. 120.* Среди журналов, в которых сотрудничал в это время А. И. Яцимирский, публикуя свои статьи, рецензии, обзоры, можно назвать «Вестник иностранной литературы», «Исторический вестник», «Русскую мысль», «Русскую старину», «Русский филологический вестник», «Славянские известия».

33 Это была кишиневская мужская гимназия № 2. Его одноклассником и одногодком был будущий великий архитектор А. В. Щусев. Они дружили и переписывались, нам известно дружеское письмо Щу-

сева Яцимирскому, относящееся к 1910 г., когда Щусев уже был очень видным архитектором, проектировал здания для Марфо-Мариинской обители в Москве. См.: РГАЛИ. Ф. 584. Оп. 1. Д. 273. Щусев делился с однокашником планами поездки, уже не первой, в Италию, а также в Грецию (в Афины и на Афон) в целях ознакомления с памятниками архитектуры. Письмо заканчивается словами: «Спасибо за память. Очень рад тебя видеть».

34 В 1880-е – начале 1890-х гг. в качестве преподавателей русской словесности во второй кишиневской мужской гимназии действительно служили люди яркие. Это уроженец Херсонщины Евгений Федорович Будде, впоследствии профессор Казанского университета и член-корреспондент Петербургской академии наук (скончался в 1931 г. в заключении), это и другой педагог-словесник – классик украинской художественной литературы Иван Семенович Нечуй-Левицкий. С Е. Ф. Будде Яцимирский впоследствии, в 1899–1906 гг., вел активную переписку, они обменивались также книгами. Письма бывшего учителя своему выдающемуся ученику хранятся в РГАЛИ в личном фонде А. И. Яцимирского (Ф. 584. Оп. 1. Д. 30). Как выясняем из писем, в 1906 г. Будде, будучи профессором Казанского университета, посоветовал Яцимирскому защитить именно в этом университете докторскую диссертацию по книге о Г. Цамблаке и склонял его воспользоваться возможностью получить по конкурсу место приват-доцента в Казани. Диссертация была защищена в Казани, но в Казанском университете Яцимирский остаться не захотел, став в том же 1906 г. приват-доцентом Санкт-Петербургского университета. Нельзя исключать, что это до некоторой степени охладило его отношения с учителем, его активная переписка с Будде со временем затухает.

35 По свидетельству А. Матковски, некоторые рукописи принадлежали еще деду Яцимирского, обедневшему помещику Подольской губернии, а часть рукописей была приобретена его отцом. См.: *Матковски А.* Документальные данные...

36 Опись старинных славянских и русских рукописей из собрания П. И. Щукина. М., 1896–1897. Вып. I–II. 367+276 стр.

37 Можно предполагать, что А. И. Яцимирский был среди пионеров в использовании фотографирования в археографической практике. Позже, уже после революции 1917 г., в Ростове-на-Дону, куда он был эвакуирован в годы первой мировой войны вместе с Варшавским университетом, Яцимирский внедрил в преподавательскую практику курс «Фотография в применении к памятникам старины, быта и искусства». См.: *Степаненко Н. А.* Яцимирский А. И. .... С. 14–18.

38 Еще до переезда в 1903 г. Яцимирского из Москвы в Петербург его собрание было передано им в библиотеку Академии наук в Петербурге из соображений лучшей сохранности.

39 См., в частности, его публикации: Разбойники Бессарабии в рассказах о них // Этнографическое обозрение, 1896. Кн. XXVIII. № 1; Румынские заговоры // Там же. 1897. Кн. XXXII. № 1. Как и некоторые другие русские филологи бессарабского происхождения, молодой Яцимирский отдал определенную дань изучению творчества А. С. Пушкина, опубликовав в юбилейном 1899 году в самом серьезном академическом издании статью, в которой песнь Замфиры в «Цыганах» Пушкина, жившего в начале 1820-х годов, как известно, в Бессарабии, сопоставлялась с произведениями фольклора румынских цыган. См.: Песня Замфиры в «Цыганах» Пушкина и цыганская хора // Изв[естия] Отд[еления] русского языка и словесности. Императорская Академия наук. 1899. Т. IV. Кн. 1. К темам «Румынские реминисценции в творчестве Пушкина», «Пушкин и Бессарабия» он неоднократно обращался и в своих статьях 1900-х годов. В те же 1900-е годы в переводах Яцимирского на русском языке неоднократно выходили произведения румынского (прежде всего бессарабского) фольклора, в том числе в изданиях, адресованных детям.

40 См. его публикации: Последнее мнение румынского ученого о происхождении названия «Влах» // Этнографическое обозрение. 1895. Кн. XXVI. № 3; Новая теория румынского ученого о происхождении названия «Бессарабия» // Этнографическое обозрение. 1896. № 2–3. Кн. XXIX–XXX; Повесть о мутьянском воеводе Дракуле в исследовании румынского ученого // Известия Отделения русского языка и словесности. Императорская Академия наук. 1897. Т. II. Кн. 4. К числу мелких публикаций А. И. Яцимирского конца 1890-х годов по проблемам румынской археологии и истории культуры относятся: Достопамятная церковь в Яссах // Русский Архив. 1896. Кн. 10; Букурештский Музей древностей // Там же. 1897. № 4; Благотворительность Русского Царского Дома в Румынии // Русский Вестник. 1899. Кн. 5.

41 ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 76. Д. 507. Л. 6–7.

42 См.: *Яцимирский А. И.* Библиографический справочник / Сост. А. Матковски. Кишинев, 1979.

A. I. Kolin and A. S. Stykalin
An autobiography of A. I. Jacimirskij
in the archive of Moscow University (1899)

A publication of an autobiography of A. I. Jacimirski, a well-known philologist and archaeographer, addressed to the exam commission of Moscow University in 1899 in connection to his master thesis defence.

Keywords: *A. I. Jacimirskij, Moscow University, Slavic studies, archaeography, Slavic manuscripts, Russian and Romanian cultural connections.*

Н. С. Гусев
(Москва)

**«...Какие вообще высказываются соображения по вопросу
желательности вмешательства России в славянский вопрос»:
доклад Департамента полиции об отношении населения России
к возможности общеевропейской войны в 1912 г.**

Публикуемый документ создан в Департаменте полиции министерства внутренних дел Российской империи на основании сведений со всей страны и показывает отношение населения к возможности вооруженной поддержки Россией Сербии в ее конфликте с Австро-Венгрией из-за побережья Адриатического моря в ноябре 1912 г. История создания документа демонстрирует настроения, царившие в самом Департаменте полиции.

Ключевые слова: *Россия, Австро-Венгрия, Сербия, Польша, Балканские войны.*

Осенью 1912 г. связанные системой взаимных договоренностей Болгария, Сербия, Греция и Черногория объявили войну Османской империи. Началась Первая балканская война, вызвавшая в России большой интерес. Это обуславливалось и конфессиональной близостью, и восприятием текущей войны как продолжения русского дела на Балканах. Однако довольно скоро конфликт приобрел новый оттенок. Сербия и Греция рассчитывали разделить Адриатическое побережье, населенное преимущественно албанцами. Но великие державы, изначально настаивавшие и вовсе на сохранении статус-кво на Балканах, пришли к решению о создании на этих территориях албанского княжества. Это произошло во многом благодаря давлению Австро-Венгрии, планировавшей поставить образованное государство под свой протекторат. Для сербов такой поворот событий был особенно болезнен, поскольку лишал их вожаемого выхода к морю. Войска короля Петра Карагеоргиевича быстро наступали к побережью Адриатики, чтобы сесть за стол переговоров, уже взяв Дураццо (ныне – Дуррес). На эти действия в Вене ответили угрозами войны, демонстративным освещением королевского дворца в Белграде прожекторами и частичной мобилизацией в приграничных с Россией военных округах. В этот момент российский военный министр В. А. Сухомлинов прислал председателю правительства В. Н. Коковцову уже одобренное императором требование об отпуске 63 млн руб. на усиление обороны на австрийском фронте, впоследствии в Петербурге ограничились задержкой в увольнении в запас нижних

чинов приграничных округов. В обществе изначально локальный конфликт стал восприниматься как шаг к русско-австрийской войне. Мысль о ней витала в воздухе.

Исследователи не единожды обращались к теме отношения русского общества к Балканским войнам, однако в основном опираясь на прессу¹, притом даже рассматривая провинциальные издания². В более широком контексте (как предисловие к Первой мировой войне) эту проблематику, привлекая и периодические издания, и источники личного происхождения, также рассматривали³, в том числе и в рамках назревавшего конфликта с Центральными державами⁴. В настоящее время большое внимание указанной проблематике уделяет Е. Г. Кострикова, используя не только прессу, но и широкий круг мемуаров, архивных материалов личного происхождения, фондов газет, документов МИД⁵. Она пришла к выводам, что в отличие от правительства общество требовало поддержки славян, определенная его часть перестала воспринимать войну как катастрофу. Кострикова отметила, что воинственная позиция была занята лишь отдельной частью общества. Но именно такие настроения в публичном пространстве чаще озвучивались.

В то же время при изучении общественных настроений упускался из виду такой важный источник информации, как документы департамента полиции, где хранился публикуемый документ. История его создания связана с сербо-австрийским спором из-за границ планировавшегося в тот момент албанского княжества и колеблющейся позиции Николая II.

1 ноября 1912 г. начальникам районных охранных отделений была разослана шифровка, требовавшая «доложить для всеподданнейшего доклада», «замечается ли, и в каких слоях сочувствие которой-либо из воюющих сторон и в чем оно выражается, второе [-] какие вообще высказываются соображения по вопросу желательности вмешательства России в славянский вопрос, и третье – не основывают ли левые оппозиционные партии на таком вмешательстве своих планов»⁶. В Государственном архиве Российской Федерации в фонде Департамента полиции хранятся отчеты из отделений по всей империи. В другом фонде содержатся и документы по подготовке ответа на запрос охранного отделения при московском градоначальнике. В его ведении находились отделения и жандармские части не только в столице, но и на обширной территории от Смоленска до Нижнего Новгорода, откуда поступили отчеты сотрудников и записки агентов⁷. Можно предположить, что аналогичные документы хранятся

в региональных архивах, к примеру, таковой был обнаружен в Государственном архиве Волгоградской области в фонде помощника начальника Саратовского губернского жандармского управления в Царицынском уезде (до 1918 г. город являлся уездным центром Саратовской губернии)⁸. Последние две архивные единицы уже частично задействовались нами⁹.

Помимо самих фактических сведений интересна и подготовка документа. Проект записки подал 9 ноября 1912 г. чиновник особых поручений V-го класса при Департаменте полиции действительный статский советник Пешков (видимо, Николай Александрович Пешков (1868 – после 1920), от руки в проект были внесены серьезные правки¹⁰, после чего его набрали на печатной машинке на бланке директора Департамента для отправки министру внутренних дел (тогда этот пост занимал А. А. Макаров). Часть правок носила технический характер, придавая более удачную формулировку информации, часть – смягчала воинственный настрой автора проекта, часть – сокращала избыточную, на взгляд директора Департамента, информацию, в частности в случае с настроениями националистов. Но в то же время значительное внимание уделено визиту сербского профессора Радована Кошутича и позиции кадетов, где повторяется информация из доклада охранного отделения в Петербурге¹¹.

Часть правок носила принципиальный характер, придавая документу иной тон. Информация из различных охранных отделений значительно различалась в вопросе отношения к «вмешательству России в славянский вопрос». Отдельные сотрудники информировали о желании населения «наказать» Австро-Венгрию, пусть это и будет означать войну. Большинство же сообщало, что население ограничивалось сочувствием, жертвованиями в пользу славян, зачастую лишь потому, что, как выразился один из агентов, «нехристь-турка притесняет православных»¹². Эту разницу отчасти можно объяснить и собственными представлениями сотрудников Департамента о роли России в конфликте. По всей видимости, в силу этого обстоятельства автор проекта записки придал документу тональность, создающую впечатление, что вооруженное вмешательство будет поддержано большей частью населения. Правки «сгладили» эту остроту.

Особняком стоит обстоятельная информация о настроениях поляков. Она была почерпнута не из донесений начальника варшавского охранного отделения, там лишь скупо сообщается, что «крайние националистические и польские социалистические партии ожидают вмешательства России с тайным вождедением использовать конфликт

между Австрией и Россией в целях поднятия восстания в Польше, для достижения ее независимости, в виду чего уже ныне ведется усиленная агитация среди поляков Галиции и края»¹³. Подробная информация заимствована из «Записки о подготовке Австрии к войне с Россией и использовании первой для своих целей польских организаций», которая также содержится в данной единице хранения¹⁴.

Документ хранится в ГАРФ (Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 278), текст приведен в соответствие с современными нормами правописания, сокращенные слова дописываются в квадратных скобках. Расхождения с проектом записки даются в постраничных сносках.

Исправляющий должность директора департамента Полиции.

Имею честь представить Вашему Высокопревосходительству шефскую записку ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ об отношении общественных групп к возможности вмешательства России в Балканские события и на случай личного Вашего доклада сводную записку об использовании Австрией польских зарубежных организаций для повстанческих в России выступлений. И.д. Директора С. Белецкий¹⁵.

«11» ноября 1912 года.

Из поступивших за последнее время в министерство внутренних дел сведений усматривается, что события, разыгравшиеся на Балканском полуострове, нашли отклик в различных слоях населения Российской империи*.

В существующих политических партиях относительно вопроса о возможности вооруженного вмешательства России в разрешение славянского вопроса замечаются следующие течения:

Правые партии, из опасения возобновления революционного движения, отрицают необходимость объявления войны.

---

* *в проекте вычеркнуто:* и русское общество, в большей своей части, созная исторические задачи России на Ближнем Востоке, признает, что выступление ее в защиту балканских государств для поддержания их территориальных интересов явилось бы популярной войной не только в широкой массе народа, но даже и в среде интеллигенции, хотя при этом высказывается неуверенность в боевой подготовке армии и победоносном исходе будущей войны, а потому раздаются голоса о предпочтительности дипломатического вмешательства, проводимого с большой твердостью и настойчивостью (л.38).

Умеренные группы, допуская активное выступление России лишь при условии вооруженного вмешательства со стороны Австрии или оскорбления достоинства Российской империи, считают, что освободительный характер будущей войны поднимет патриотическое настроение*, а благоприятное окончание** представится достойной наградой*** за**** неудачи на Дальнем Востоке*****.

Националисты считают соответственным вмешательство России в Балканскую войну ради приобретения необходимых проливов. Октябристы, признавая, что Россия не подготовлена к военным выступлениям, отстаивают лишь необходимость предъявления требований твердым дипломатическим путем.

Прогрессивная печать первоначально приняла безразличное и даже недоброжелательное отношение к славянам под предлогом

* *в проекте вычеркнуто*: и послужит оздоровительным началом (л. 38об).

** *в проекте вычеркнуто*: таковой (л. 38об).

*** *в проекте*: представится реваншем (л. 38об).

**** *в проекте вычеркнуто*: пережитые (л. 38об).

***** *в проекте вычеркнуто*: полное же уклонение от участия в балканских делах будет явным показателем нашей слабости и нанесет тяжелый удар престижу империи не только за границей, но и в народных массах, а кроме того может вызвать в общественных кругах взрыв негодования и порицания бездельности правительства. Соображения по настоящему вопросу умеренных кругов изложены публицистом Меньшиковым в помещенной в «Новом времени» от 1 сего ноября статье под заглавием «Великая Балкания», сущность коей сводится к тому, что начатая на свой риск война балканских славян и Греции за освобождение единоплеменных территорий обнаружила наличность сильного военного союза четырех балканских государств, который вследствие выдающихся военных успехов союзников имеет все данные обратиться в недалеком будущем в новую европейскую великую державу в виде Балканской федерации, и что общность политических интересов побуждает Российскую империю поддерживать всеми мерами эту нарождающуюся федерацию. По мнению националистов, русская дипломатия во всяком случае должна избегнуть повторения ошибки 1908–1909 гг. и не подвергать в будущем достоинство России новому испытанию; наряду с этим лидер их, оставаясь верным принципу невмешательства Государственной думы в дела иностранной политики, отказывается от предъявления по сим предметам запросов, тогда как октябристы, отстаивая противоположную тенденцию, готовят целый ряд энергичных выступлений с целью обвинения главных, по их мнению, виновников нашей уступчивости и мнимой неготовности к войне (л. 38об–39). *На проекте от руки на полях предлагалось несколько вариантов освещения мнения националистов и октябристов.*

будто бы недопустимости для прогрессивных партий способствовать разжиганию националистических инстинктов и возбуждению реакционных стремлений старотурецких элементов против конституционалистов-младотурок. Однако под давлением сильного общественного подъема в пользу славян прогрессивная печать изменила свою тактику, и даже в кадетском органе «Речь» от 19 минувшего октября было помещено обращение к русскому обществу с призывом о нравственной и материальной помощи балканским народам, борющимся за освобождение своих братьев, с выражением надежды, что русское национальное самосознание обеспечит за ними плоды их победы*. Поводом к такому повороту послужила горячая речь прибывшего из Белграда профессора Кошутича¹⁶, произнесенная им 11 октября на совещании прогрессистов в квартире профессора Максима Ковалевского¹⁷ в С[анкт-]Петербурге¹⁸. Оратор, разбивая доводы лидера кадетской партии профессора Милюкова¹⁹, доказывал, что причину внутренних несчастий Турции послужил полный провал еврейской солунской партии, захватившей власть под именем «младотурок», близких по духу с нашими кадетами, и что России выгоднее иметь на юге сильных младших братьев, нежели раздавленных рабов Турции и Австрии. В частности, в среде кадет произошел раскол и образовалось два течения: одно – еврейское, во главе с профессором Милюковым и присяжным поверенным Винавером²⁰, ставшее на сторону австрийских притязаний, хотя в самые последние дни Милюков оповестил о сделанном им пожертвовании в пользу славян, и другое – славянское, руководимое профессором Ковалевским и солидарное с прогрессистами, октябристами и националистами, изложившими свою точку зрения на современные события в упомянутом выше воззвании к русскому обществу²¹. Тем не менее необходимо отнестись с большим сомнением к искренности заявляемого ныне кадетской прессой сочувствия к балканским славянам, так как оппозиционные элементы в действительности питают надежду, что новое вооруженное выступление России будет иметь те же внутренние последствия, что и после Японской войны, и в случае хотя бы частичной неудачи русского оружия не преминут воспользоваться этим обстоятельством для своих противогосударственных целей.

* в проекте вычеркнуто: Это воззвание показывает, что прогрессивные круги относятся к делу южных славян вполне сочувственно и высказываются за желательность активного вмешательства России в разрешение славянского вопроса (Л. 39об).

Что же касается политических партий более левого направления, то они совершенно откровенно высказываются, что новая война создаст благоприятную почву для преступной агитации вследствие затруднительного положения правительства, отвлеченного внешней борьбой.

Симпатии столичной учащейся молодежи – на стороне славян, как борцов за свободу, но высказывается опасение, что в случае успеха русского оружия против Австрии революционное движение отойдет на много лет*.

Беспартийные рабочие в С[анкт-]Петербурге относятся к событиям индифферентно с некоторым, впрочем, сочувствием к славянам, но, будучи поглощены личной жизнью, считают войну нежелательной**.

Населяющие Кавказ, Закавказье, Туркестан и Казанскую губернию мусульмане стоят на стороне своих единоверцев-турок, а некоторая часть мусульманской интеллигенции и духовенства оказывает им содействие сбором пожертвований на «Красный Полумесяц» и военные нужды турецкой армии, отправкой с Кавказа в Турцию добровольцев и рассылкой от имени центрального комитета «Равенства мусульман»²² воззваний с призывом к кровавой борьбе с христианами для защиты Турции как мусульманского религиозного центра***.

Большинство армян, проживающих на Кавказе, в интересах своей нации намерено обратиться к русскому правительству с ходатайством о предъявлении к Турции требования о даровании автономии для Армении, согласно Берлинскому трактату, или же о действи-

* *в проекте*: что победоносный исход войны на много лет отсрочит освободительное движение (Л.39об).

** *в проекте вычеркнуто*: Имеются указания, что в случае войны кавказские революционные группы предполагают приложить все усилия к расширению своей работы, а харьковский рабочий район и виленский железнодорожный узел решили устроить политическую забастовку и усилить пропаганду в целях широкого революционирования масс.

Инородческое население к происходящим на Балканах событиям относится довольно безразлично, за исключением мусульман, армян и поляков. *Напротив этого абзаца на полях помета в виде вопросительного знака.*

*** *в проекте вычеркнуто*: Кроме того, считая русское правительство виновником возникшей войны, мусульмане стали обнаруживать к нему свое недоброжелательство, принявшее в некоторых местностях характер видимой неприязни к русскому населению, хотя указаний на возможность восстания мусульман, в случае открытия военных действий против Турции, пока не имеется (Л. 40об).

тельном проведении в жизнь намеченных турецкой конституцией реформ. Напротив, сторонники армянской революционной партии «Дашнакцутюн»²³, отвергая подобное обращение, призывают русских армян к непосредственной помощи турецким армянам деньгами, оружием и людьми для самозащиты и подготовки восстания против турок*.

Польские патриоты, не принадлежащие к революционным партиям, еще в 1909 году обратились к австрийскому императору с заявлением о том, что польское общество, охотно служащее целям австрийского правительства, уполномочило их поднести к престолу его величества готовность польского населения верное Ему служить, выставить с объявлением войны России отряды организованных повстанцев и оказать содействие Австрии денежными пожертвованиями. Петиция эта будто бы принята была благосклонно императором, и генеральному штабу поручено разработать план организации польских повстанцев и снабжения их оружием из венского арсенала.

Наиболее сильная из местных революционных организаций «Польская социалистическая партия»²⁴, поставив себе целью добиться независимости Польши путем вооруженного восстания, создала в 1909 году в Галиции особый «Союз активной борьбы»²⁵, имеющий своей задачей постепенное подготовку кадров народной польской армии, которые, в случае возникновения войны между Россией и Австрией, должны выступить в качестве партизанских отрядов в помощь иностранным войскам. Учитывая эту деятельность партии, австрийский генеральный штаб вошел в полуофициальное соглашение с ее «центральным комитетом», который обязался все сведения, представляющие интерес для австрийского разведочного бюро, сообщать последнему.

Австрийское правительство, в свою очередь, в виде вознаграждения, предоставило этой партии возможность совершенно беспрепятственно развивать свою организационную работу в Галиции, где и устроены «школы боевиков», в которых члены «Союза активной борьбы» обучаются военному строю, стрельбе, устройству заграждений, практическому применению разрывных снарядов, порче мостов, телеграфов и т. п.

На состоявшемся в конце августа текущего года в Галиции съезде делегатов всех польских революционных организаций принято

---

* в проекте вычеркнуто: Об отношении к настоящему вопросу различных частей населения привисленского края имеются сведения, что (л. 41).

решение тотчас по объявлении Австрией войны России поднять восстание в привислинском крае и теперь же приступить к приобретению распродаваемых австрийских винтовок прежнего образца и транспортированию их в пределы России, а также организовать для надобности будущего восстания «польский скарб войсковый» (военная казна).

Насколько идеи, проводимые втайне революционными партиями, успели уже проникнуть вглубь народных масс привислинского края, свидетельствует тот факт, что за последние годы деятельность даже легально функционирующих в крае обществ приняла ярко националистическое, враждебное России направление. Мысль о поднятии во время русско-австрийской войны мятежа в Польше разделяется наместником Галиции, римско-католическим духовенством и даже будто бы самим Папой, который не откажет послать полякам свое благословление на борьбу за независимость и готов оказать им материальную помощь*.

Финляндские революционные партии давно уже ожидают вступления России на театр военных действий или возникновения в стране внутренних затруднений, с тем чтобы в это время поднять вооруженное восстание для объявления независимости**.

Русские революционные партии, памятуя последствия русско-японской войны, в случае нового столкновения с Австрией или Турцией приложат со своей стороны все усилия к использованию этого события для поднятия революционного движения***. Находящаяся в Константинополе «инициативная группа моряков черноморского флота»²⁶ отдала распоряжение, чтобы команды пароходов, которые будут обращены в военные транспорты, отказывались продолжать службу.

Относительно черноморского флота поступают негласные указания на намерения некоторой части матросов уклониться от участия в боях, а случае принуждения к тому со стороны начальства —

---

* *в проекте вычеркнуто*: По имеющимся сведениям, в приграничные наши губернии уже прибыли из Австрии эмиссары для агитации и среди населения возникли тревожные слухи, и появились прокламации, несомненно, австрийского происхождения, призывающие к бунту (л. 42).

** *Этот абзац написан на полях проекта от руки*. (л. 42).

*** *в проекте*: для затруднений, но до сего времени в этом направлении высказались определенно лишь российская и украинская социал-демократическая партии, издавшие по одной прокламации с призывом направить все усилия к поднятию революционного движения (л. 42об).

сдавать свои суда неприятелю или же, по примеру «Потемкина»²⁷, начать бомбардировку русских приморских городов*.

Сухопутные войска к слухам о надвигающейся войне относятся более или менее спокойно, и только временно задержанные на действительной службе нижние чины, подлежавшие увольнению в запас, в отдельных случаях выражали неудовольствие**.

Об изложенном долгом считаю всеподданнейше доложить ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

«_» ноября 1912 года

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Мороз Ю. М.* Русское общество и Антанта в период Балканских войн 1912–1913 гг. // *Белорусский журнал международного права и международных отношений.* 2004. № 4; *Учаева Н. А.* Мифы и реалии Балканских войн 1912–1913 гг. на страницах русской периодической печати // *Славянский сборник. Межвузовский сборник научных трудов.* Саратов, 2009. Вып. 7; *Гусев Н. С.* Тема славянского единства в русской периодической печати во время Балканских войн 1912–1913 годов // *Историки-слависты МГУ. М., 2011. Кн. 8: Славянский мир: в поисках идентичности; Рупосова Л. П.* Лингвистические средства оценивания события и его участников (на материале публицистических источников периода первой и второй Балканских войн (1912–1913 гг.) // *Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность.* М., 2015. Вып. 3; *Гусев Н. С.* Первая Балканская война и русское общество // *Славяноведение.* 2015. № 5.

* *в проекте вычеркнуто:* что явится вместе с тем мстью с их стороны за произведенные в Севастополе аресты и предание смертной казни товарищей (л. 42об).

** *в проекте вычеркнуто:* хотя в одесском военном округе и замечается среди солдат этой категории несколько тревожное настроение.

За пределами Российской империи текущие события на Балканском полуострове нашли горячий отклик со стороны заграничных социалистов, которые повсеместно устраивают многолюдные митинги протеста против войны, причем наиболее внушительная манифестация, закончившаяся шествием по улицам около ста тысяч человек, имела место в Вене, а объединяющее социалистов различных государств «международное социалистическое бюро» издало «манифест к пролетариату всех стран» с призывом восстать против кровавых столкновений для предупреждения общеевропейской войны (л. 42об–43).

2 *Смирнов Ю. Н.* Особенности восприятия Первой Балканской войны в провинциальном обществе (по материалам либеральной самарской прессы) // Наука и культура России. Международная науч.-практ. конф. Самара, 2013. Т. 1; *Смирнов Ю. Н.* Либеральная провинциальная пресса о первой Балканской войне (на примере Самары) // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Нижневартовск, 2014; *Смирнов Ю. Н.* Глобальные предупреждения провинциального журналиста: публикации Н. Северского (А. И. Свицерского) в период Балканских войн (1912–1913 гг.) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Самара, 2014. Вып. 2; *Артамонова Л. М.* Критика внешней политики правительства на Балканах и антивоенные выступления в самарской печати 1912–1913 годов // Внешнеполитические интересы России: история и современность. Самара, 2014.

3 *Бестужев И. В.* Борьба в России по вопросам внешней политики накануне Первой мировой войны (1910–1914 гг.) // Исторические записки. 1965. Т. 75; *Thaden E.* Public Opinion and Russian Foreign Policy toward Serbia, 1908–1914 // Велике силе и Србија пред Први светски рат. Зборник радова приказаних на међународном научном скупу Српске академије наука и уметности, одржаном од 13.–15. септембра 1974. године у Београду. Београд, 1975; *Урибес Э.* Российское общество и внешняя политика // История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997; *Томохико У.* Восприятие международной обстановки начала XX в. А. Букейханом и его современниками // Алаш мұраты және тәуелсіз Қазақстан. Астана, 2011.

4 *Крючков И. В.* Образ Австро-Венгрии на страницах периодической печати Дона и Северного Кавказа в начале XX в. (1900–1917). Ставрополь; Пятигорск, 2003; *Котов Б. С.* Образы Германии и Австро-Венгрии в российской прессе накануне Первой мировой войны. 1912–1914 гг. (по материалам либеральной и консервативной печати): Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2014.

5 *Кострикова Е. Г.* Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны. 1908–1914. М., 2007; *Кострикова Е. Г.* Первая Балканская война и российское общество // Вестник Университета дружбы народов. Серия «История России». 2009. № 4. С. 97–110; *Кострикова Е. Г.* Первая Балканская война и российское общество. Корреспонденты русских газет на театре военных действий // Први балкански рат 1912./1913. године: Друштвени и цивилизацијски смисао (поводом стогодишњице ослобођења Старе Србије и Македоније 1912). Ниш, 2013. Књ. I. С. 473–484.

6 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. Ед. хр. 278. Л. 8.

7 Там же. Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 1346.

8 Государственный архив Волгоградской области. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 297. Л. 120.

9 *Гусев Н. С.* Первая Балканская война и русское общество...; *Гусев Н. С.* Болгария и Сербия в русском общественном мнении в период Балканских войн 1912–1913 гг. Дисс. ... канд. ист. наук.. М., 2015.

10 ГАРФ. Ф. 102. Ед. хр. 278. Л. 37–43.

11 Там же. Л. 28об–29об.

12 Там же. Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 1346. Л. 21.

13 Там же. Ф. 278. Л. 25.

14 Там же. Л. 57–61.

15 Белецкий Степан Петрович (1873–1918) – с февраля 1912 по 1915 г. директор Департамента полиции. В 1915–1916 гг. – товарищ министра внутренних дел.

16 Кошутич Радован (1866–1949) – сербский лингвист, профессор Белградского университета. В 1908 г. в России вышла его книга «Сербский народ и аннексия Боснии и Герцеговины» (СПб., 1908), в 1912 г. он лично приехал донести до русского общества позицию Белграда (подробнее см.: *Гусев Н.С.* Сербь в борьбе за Адриатику на поле русского общественного мнения в 1912 г. // Внешнеполитические интересы России: история и современность: сб. материалов III-й Всероссийской научной конференции. Самара, 2016).

17 Ковалевский Максим Максимович (1851–1916) – российский историк, юрист, социолог, один из лидеров масонства, активный общественный и политический деятель начала XX в.

18 «Группа прогрессивных общественных деятелей» собралась под председательством А. В. Васильева по инициативе М. М. Ковалевского и П. А. Лаврова, приняла решение о чтении публичных лекций, вскоре Ковалевский отошел от «группы», и ее лидером стал А. Н. Брянчанинов, заседания продолжались до весны 1913 г. (Интересы на Балканах и правительственное сообщение. СПб., 1913. С. 2–4, 60–68).

19 Милюков Павел Николаевич (1859–1943) – российский историк, политик, публицист, лидер кадетской партии. В конце 1890-х гг. во время отстранения от педагогической деятельности в России преподавал в Софийском университете, участвовал в археологических изысканиях в Македонии.

20 Винавер Максим Моисеевич (1863–1926) – российский юрист, политический деятель, один из лидеров кадетской партии.

21 Раскол внутри партии действительно имел место. В начале войны на заседании ЦК кадетов Милюков при поддержке А. М. Колюбакина выступал против участия в работе славянских обществ. Среди аргументов он называл «темный» состав участников этих организаций и необходимость сохранения индивидуальности. Большинство членов ЦК раскритиковали его позицию, Д. Д. Протопопов утверждал, что кадеты должны стать «лоцманами» общественных настроений, А. И. Шингарев считал, что оставаться в стороне «неудобно для удельного веса партии». В итоге все-таки была «благословлена и материальная, и идейная поддержка славянам», а в «Речи» появилось воззвание П. Н. Милюкова «Поддержите наших друзей» (*Воронкова И. Е.* Партия конституционных демократов о целях и текущих задачах балканской политики Российской империи начала XX века // *Славяноведение.* 2009. № 5. С. 25).

22 «Равенство мусульман» – партия Мусават (от арабск. «равенство»), созданная в 1911 г. в Баку. Выступала с позиций панисламизма и пантюркизма, в 1918–1920 гг. встала во главе Азербайджана.

23 Дашнакцутюн – армянская политическая партия левого толка, использовавшая террористические методы. С 1907 г. выступала за создание культурной автономии Турецкой Армении, после 1908 г. некоторое время находилась в блоке с младотурками.

24 Польская социалистическая партия – польская партия, возникшая в 1892 г. в Париже, с 1904 г. применявшая террористические методы борьбы в Царстве Польском. На территории Галиции готовились боевики, одним из них являлся Ю. Пилсудский. Во время Первой мировой войны некоторые ее члены приняли участие в формировании польских легионов, сражавшихся на стороне Австро-Венгрии.

25 Союз активной борьбы – возникшая в 1908 г. тайная военизированная организация левого толка, ставившая своей целью подготовку вне границ России организаторов и технических руководителей будущего вооруженного восстания в Царстве Польском.

26 Инициативная группа моряков черноморского флота – инициативная группа эсеров А. Мгеброва, создававшая профсоюз «Союз черноморских моряков».

27 «Потемкин» – броненосец «Князь Потемкин-Таврический», на котором в 1905 г. вспыхнуло восстание, когда он находился в Одесском порту. Перед уходом из порта корабль дал несколько холостых и боевых залпов по городу.

N. S. Gusev

“What generally concerns the question of the desirability of the intervention of Russia in the Slavic question”:
the report of the police Department about the attitude of Russians to the possibility of European war in 1912

The published document was created in the police Department of the Ministry of internal Affairs of the Russian Empire on the basis of information from the whole country and shows the attitude of the population to the possibility of armed Russian support for Serbia in its conflict with Austria-Hungary over the Adriatic sea coast in November 1912. The history of the document shows the mood prevailed in the police Department.

Keywords: *Russia, Austro-Hungary, Serbia, Poland, Balkan wars.*

Е. П. Серапионова
(Москва)

Юлия Янчаркова о коллекции русского искусства в галерее Находа

В последнее время исследования, посвященные России (так наз. россия), в Чешской республике появляются нечасто. Поэтому особенно приятно отметить прекрасно изданную монографию-альбом по русскому изобразительному искусству¹, подготовленную Юлией Янчарковой, искусствоведом, работающим в Славянском институте Академии наук Чешской республики, автором уже известной нашему читателю монографии об искусствоведе Н. Л. Окуневе².

Солидная книга альбомного формата посвящена коллекции русской живописи, рисунка и графики XIX – первой половины XX века из Галереи изобразительного искусства в Находе (ГИИН), небольшом чешском городке Кралоупеградского края недалеко от границы с Польшей. Художественная галерея в Находе была открыта еще в 1934 г., а с 1978 г. она располагается в манеже средневекового замка, возвышающегося над городом. В этом году исполняется 50 лет с того времени, как галерея начала целенаправленно собирать собственную коллекцию русской живописи.

Я помню, как несколько лет назад автор этой книги Ю. Янчаркова предложила мне поехать с ней в Наход, в галерею, где находится коллекция русских картин и икон. Честно признаться, я была поражена богатством коллекции и тем, что в ней представлены полотна таких известных мастеров живописи, как В. А. Тропинин, И. К. Айвазовский, И. Е. Репин, А. П. Боголюбов, И. И. Левитан, В. Д. Polenov, М. В. Нестеров, А. А. Киселев, С. К. Зарянко, Ю. Ю. Клеверстарший и др. Всего коллекция насчитывает 240 произведений русского искусства: картин, рисунков, графических работ и одну скульптуру. В галерее тогда не было специалистов по русской иконописи, и Ю. Янчаркова согласилась помочь атрибутировать некоторые экспонаты. Так началось ее сотрудничество с работниками галереи и ее директором историком искусства Яном Капустой, занявшим этот пост в 1992 г. Прекрасным плодом сотрудничества этих людей и двух институций – Славянского института Академии наук ЧР и Галереи изобразительного искусства г. Наход – можно назвать и появившуюся книгу-альбом.

Надо отдать должное работникам галереи и ее руководителю, так как ими проделана огромная работа не только по формированию русской коллекции, но и по реставрации многих полотен. Начиная с 1991 г. в галерее регулярно проводятся выставки, на которых демонстрируются произведения русских мастеров. Отчасти идея создания книги и получение финансовых средств на ее издание – также заслуги руководства галереи.

В настоящее время в галерее Находа находится третье по величине собрание русского искусства в Чехии (после Национальной галереи в Праге и Галереи изобразительного искусства в Остраве).

Коллекция формировалась постепенно и, как отмечает Ю. Янчаркова, достаточно стихийно. Ее основу составляют покупки в антикварных магазинах и у частных лиц на территории Чехии. Остается только удивляться количеству оказавшихся на территории этой небольшой центральноевропейской страны произведений русского искусства. По словам автора книги, коллекция «неровная»: в ней представлены как весьма интересные произведения искусства, так и работы невысокого качества, а также копии известных картин.

В Галерею Находа попали несколько картин из собрания бывшего Славянского института, созданного в межвоенное двадцатилетие. Ряд картин привез из СССР чехословацкий дипломат Я. Коутский, впоследствии продавший их через антикварный магазин. Находская коллекция включает и картины русских художников-эмигрантов, покинувших Россию после большевистского переворота, причем живших как в Чехословакии, так и в других странах русского рассеяния.

В книге Ю. Янчарковой раскрывается история развития русского светского искусства начиная с XVIII и кончая первой половиной XX века. Причем автор делает это на примерах произведений из художественной галереи Находа. В ходе подготовки книги было уточнено авторство 32 художественных произведений. Отдельной проблемой стала датировка предметов искусства, в результате проведенной исследовательской работы были внесены исправления, касавшиеся дат создания 26 экспонатов. Целому ряду исправлений и уточнений подверглись названия работ. Больших усилий автору стоило определение происхождения картин и их участия в выставочных проектах предыдущих лет.

В первой части работы под названием «История русского искусства XVIII – первой половины XX века в коллекции ГИИИИ» дана информация о русском искусстве на примерах экспонатов находской

галереи. Здесь автор знакомит читателя с художниками, картинами и персонажами, на них изображенными.

Вторая часть книги называется «Коллекция русского искусства с XIX до середины XX века ГИИИ». Тут представлен каталог коллекции, включая биографические данные художников, которых автор делит на две группы – известные мастера, биографии которых уже достаточно исследованы, и мало известные и неизвестные художники, о которых было сложно собрать хотя бы самую общую информацию (для этого автору пришлось поработать в архивах и просмотреть большое количество литературы). Особую группу представляли художники-эмигранты, жившие и творившие в Чехословакии. Во многих случаях Ю. Янчарковой удалось исправить существовавшие в литературе ошибки и мифы.

В начале повествования Ю. Янчаркова подробно останавливается на истории создания Галереи изобразительного искусства в Находе и ее выставочной деятельности. Отдельно автор рассказывает о коллекции Славянского института в Праге, основу которой в 1932 г. заложил русский эмигрант, профессор Карлова университета в Праге Николай Львович Окунев. Он установил имена 554 русских мастеров, оставивших Россию, из них 468 художников, 51 скульптор и 35 архитекторов, большая часть которых проживала в то время во Франции. Остальные творцы обосновались в Чехословакии, Югославии, Бельгии, Эстонии, Латвии, Финляндии, Германии, Венгрии и других странах. Со многими из них он установил связь, приобретал у них их творения и устраивал выставки.

Затем Ю. Янчаркова воспроизводит историю развития русского искусства указанного периода от классицизма, академизма, романтизма к критическому реализму, сецессии, неорусскому стилю, авангарду и социалистическому реализму. Рассматривает она и разные жанры: пейзажи, жанровые и исторические картины. В отдельных параграфах автор повествует о русских художниках-эмигрантах, живших во Франции, других странах и в Чехословакии. В частности, Янчаркова рассказывает о жизни и творчестве живших в ЧСР художников Г. А. Мусатова, И. Д. Шапова, И. Н. Анисимова, Р. Л. Сиротского, Н. М. Родионова, Н. С. Бакулина, А. Р. Соловьева, А. К. Орлова, А. Белоцветова, В. И. Крашенинникова. Может быть, что автору удалось собрать далеко не всю информацию о представленных в каталоге художниках, но удивляет та огромная работа, которую она смогла проделать всего лишь за два года активного научного поиска.

Во второй части книги биографические сведения о художниках даны в алфавитном порядке с фотографиями их работ. Иллюстративный ряд подобран и расположен весьма умело и выполнен на высоком полиграфическом уровне. Выбранная автором структура ведет к определенным повторам и переключке первой и второй частей, но вместе с тем позволяет не только представить жизнь и творчество отдельных художников, но и вписать их в историю развития русского художественного творчества.

В приложении к книге даны списки выставок и каталогов к ним, художественных объединений и школ, использованной литературы, сокращений, а также развернутый именной указатель (с полными именами и отчествами). Издание заключают резюме на русском и английском языках.

В непосредственной подготовке книги к изданию на чешском языке автору помогали ее коллега по институту Д. Гашкова, дочь Э. Янчаркова и директор галереи в Находе Я. Капуста. В научной работе над книгой автору содействовали работники Государственного Русского музея в Санкт-Петербурге, Международного благотворительного фонда Д. С. Лихачева, Российской национальной библиотеки, сотрудники расположенных в Находе Галереи изобразительного искусства, Краеведческого музея и Государственного районного архива, а также специалисты других научных заведений. Перевод резюме на английский язык осуществил Г. Табахник. Работа выпущена пражским издательством «Индигопринт», редактором издания является Л. Павлух.

Научными рецензентами выступили специалисты из Чехии и России: Я. Х. Главачкова, В. Кадочникова, В. Круглов и Л. Вихорева.

Изданием этой замечательной книги Ю. Янчаркова знакомит чешских читателей, интересующихся искусством, с историей и развитием русской живописи и графики, вносит значительный вклад в научную разработку искусствоведческих сюжетов и вместе с тем дополняет и уточняет наши знания о соотечественниках, творивших за рубежом, обогащая историческую «эмигрантологию».

И хотя книга издана на чешском языке, представляется, что она заинтересует не только чешских читателей и ценителей искусства, но и специалистов по живописи в России и в мире. Книга может быть использована для составления словарей, каталогов, лекций, а также дает импульс к дальнейшим исследовательским работкам. Хотелось бы надеяться, что она привлечет внимание музейщиков, владельцев выставочных залов и галерей, с тем чтобы активнее вклю-

чать коллекцию галереи Наход в выставочные показы, проводимые на основе взаимного обмена.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Jančarková J.* Ruská malba, kresba a grafika od 19. do poloviny 20. století ze sbírky Galerie výtvarného umění v Náchodě. Praha, 2015.

2 *Янчаркова Ю.* Историк искусства Николай Львович Окунев (1885–1949). Жизненный путь и научное наследие (Heidelberg Publikationen zur Slavistik. В. Literaturwissenschaftliche Reihe. Band 37). Frankfurt am Main; Berlin; Bern, 2012.

E. P. Serapionova

Julia Jančarkova on the collection of Russian art
in the gallery of Nachod

This is a review of J. Jančarkova's book, devoted to the collection of Russian Art in the Gallery of Nachod (Czech Republic).

Б. В. Носов
(Москва)

Варшавское восстание 1944 г. в свете новых исторических документов

В рецензии дан обзор содержания нового сборника документов, посвященного Варшавскому восстанию 1944 г. Автор акцентирует внимание на отражении в опубликованных исторических источниках таких проблем, как подготовка и ход восстания, возможность оказания помощи повстанцам со стороны Красной армии, роль в событиях польского эмигрантского правительства в Лондоне.

Ключевые слова: *Варшавское восстание, советско-польские отношения, Армия Крайова, польское эмигрантское правительство в Лондоне.*

История советско-польских отношений в XX в. является в наши дни одним из наиболее плодотворно развивающихся направлений в исторической науке как в России и в Польше, так и в ряде других стран, для которых характерен высокий уровень развития научной историографии. Ежегодно публикуемые труды в этой области насчитывают десятки названий. При этом одной из важнейших тем остается Варшавское восстание 1944 г. Тем не менее, рецензируемому тому (Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Апрель 1943 – декабрь 1945: В 3 т. Т. 2. Ч. 1: Варшавское восстание. Июль – ноябрь 1944 г. / Под ред. А. Н. Артизова. М., 2016. 832 с.) принадлежит в этом ряду особое место, что обусловлено рядом существенных обстоятельств.

Рецензируемое издание подготовлено под руководством Федерального архивного агентства во главе с А. Н. Артизовым. Помимо федеральных и ведомственных архивов РФ, на всех этапах работы над публикацией видная роль в ней принадлежала академической науке, представленной Институтом славяноведения РАН. Выпущенный том представляет собой публикацию советских и польских исторических источников, запечатлевших на своих страницах историю Варшавского восстания и советско-польских отношений во второй половине 1944 г. В них нашли отражение и позиции, занятые руководством ведущих держав антигитлеровской коалиции.

Тому предпослано «Археографическое предисловие»¹, в котором дается характеристика подготавливаемого издания в целом и, в част-

ности, указывается, что «публикация будет осуществлена на основе документов из российских и зарубежных архивов»². В публикации представлены документы семи важнейших отечественных архивов, начиная с Архива Президента РФ. Основная масса публикуемых российских документов хранится в фондах Центрального архива Министерства обороны РФ и Архива внешней политики РФ³. Польские документы, помещенные в томе, взяты из Архива новых актов (Варшава), а также из ряда польских документальных публикаций. Всего в рецензируемом томе помещено 411 документов советского и польского происхождения, а также единичные немецкие документы из российских архивных собраний. Вопреки заявленному издателями принципу, в публикацию не были включены, вероятно, по объективным причинам, материалы германских архивов, которые позволили бы существенно дополнить представленную в издании картину событий и углубить понимание политических процессов. В частности, первостепенное значение имели бы немецкие материалы, отражающие состояние польского антифашистского подполья и в целом положение в Польше накануне и в период Варшавского восстания, имея в виду, что материалы Армии Крайовой и лондонского польского правительства отличала известная и понятная в тогдашних условиях тенденциозность – стремление преувеличивать собственные силы и свое политическое значение. Сопоставление советских и германских источников было бы также весьма полезным для объективной оценки как положения на советско-германском фронте, так и военно-политической ситуации в Польше в целом, и в частности в Варшаве и на подступах к польской столице. Думается, что отмеченный недостаток является для данной публикации весьма существенным и в значительной мере снижает ее научное значение.

Рецензируемый том состоит из трех разделов: 1. «Накануне восстания» (49 документов с середины июля по 1 августа 1944 г.); 2. «Восстание» (325 документов с 1 августа по 2 октября 1944 г.) и 3. «После восстания» (25 документов с 4 октября до конца ноября 1944 г.). 11 документов помещены в приложении. В томе также присутствует необходимый научный аппарат: примечания, именной и географической указатели, а также весьма ценный топографический указатель Варшавы. Может быть, существенным дополнением было бы помещение в книгу картосхемы Варшавы времен войны, имея в виду, что планы польской столицы, составленные до и после войны, существенно различались.

В опубликованных в томе документах получили всестороннее освещение военно-политическая ситуация на советско-германском

фронте, международное положение и отношения между союзниками по антигитлеровской коалиции, подготовка восстания и повстанческая борьба в столице, условия взаимодействия с восставшими советских войск на правом берегу Вислы.

Говоря о значении и специфике данного тома, да и серии в целом, следует указать на характерную особенность современных российских изданий исторических источников. На протяжении многих десятилетий в документальных публикациях присутствовали материалы отдельных архивных фондов, публикации, посвященные отдельным личностям или межгосударственным отношениям на протяжении длительного исторического периода, как, например, «Документы и материалы по истории советско-польских отношений» (последний вышедший в свет 12-й том охватывает пятилетие 1961–1965 гг.)⁴. Новейшие же издания носят выраженный монографический характер, когда вводимые в научный оборот документы концентрируются вокруг центральной исследовательской проблемы. В этом случае публикуемые исторические источники выступают в органическом единстве с введением «Варшавское восстание 1944 г.: замысел и итоги»⁵. Научный жанр этого раздела определить достаточно сложно. По нашему мнению, такое «Введение» выступает в единстве с публикуемым корпусом документов и комментариями к ним. Оно характеризует концепцию публикации, ее содержательную и проблемную структуру, которые в свою очередь получили развитие в комментариях, позволяющих детализировать как общие, так и частные исследовательские проблемы. Таким образом, все три основные части тома (вводная часть, документы и комментарии) подчинены единой цели: монографическому изучению истории Варшавского восстания, вернее одного из сложнейших, с точки зрения трактовки в историографии, его аспектов, а именно истории советско-польских отношений исследуемого периода.

В связи с вышесказанным следует указать на еще одно немаловажное обстоятельство. Первая часть второго тома опубликована по меньшей мере на год ранее, прежде чем в издательство будет направлен первый том, относящийся к периоду 1943 – первой половины 1944 г. Трудно сказать, чем обусловлена подобная очередность, однако она не могла не сказаться на издании отрицательно, поскольку при этом подвергся определенной деформации монографический принцип, согласно которому документальная и исследовательская части издания выступают в нем в органическом единстве. Исследовательская часть открывается событиями 1943 г., предшествовавшими Варшавскому

восстанию, однако она в значительной и существенной части лишена в публикации второго тома своего документального основания в тех источниках, которые еще только готовятся к публикации, что также повлекло за собой и определенное ослабление используемой ее авторами научной аргументации. Разумеется, ожидаемая публикация первого тома устранил отмеченный недостаток, однако непонятная непоследовательность издателей оставляет все же досадное впечатление.

Несомненно, что российская публикация документов, отражающих историю Варшавского антифашистского восстания августа – октября 1944 г., будет с пристальным вниманием встречена как российской, так и польской общественностью. При этом следует подчеркнуть, что героический подвиг восставшей против гитлеровских оккупантов польской столицы стал одной из наиболее славных страниц в истории борьбы народов с гитлеровским фашизмом и одним из наиболее ярких свидетельств вклада польского народа в общую победу антигитлеровской коалиции во главе с СССР, США и Великобританией над нацизмом. Вместе с тем история Варшавского восстания несет в себе комплекс так называемых «трудных вопросов», остающихся уже многие годы дискуссионными в отношениях между российскими и польскими историками, имеющими важное значение как для внутренней политики Польши, так и для современных российско-польских отношений. Именно на некоторых из этих проблем мы и намерены остановиться с точки зрения их освещения в рецензируемом томе.

В первых же строках «Введения» авторы формулируют принципиальный тезис: «Доступные сегодня документы свидетельствуют, что восстание в Варшаве не было неожиданным патриотическим порывом поляков...»⁶ С началом Второй мировой войны военно-политическое руководство второй республики в Польше, а в дальнейшем и польское эмигрантское правительство в Лондоне исходили из того, что как нацистская Германия, так и СССР являются противниками Польши, что в ходе войны обе эти державы либо потерпят поражение, либо будут ослаблены настолько, что не смогут повлиять на послевоенное урегулирование, а это в свою очередь создаст благоприятные условия для реализации интересов польского буржуазного государства. «В соответствии с этой концепцией, – констатировали авторы «Введения», – определялась деятельность военно-политического подполья, создавшегося в Польше как для борьбы против гитлеровского оккупационного режима, так и против советской власти, установленной на территории бывших польских восточных воеводств, вошедших в состав СССР в 1939 и 1940 г.»⁷. К этому можно было

бы добавить, что выступавшие против гитлеровцев общественные силы, ориентировавшиеся на правящие круги довоенной Польши, рассчитывавшие на поддержку со стороны западных союзников и на изоляцию СССР, занимали в той же мере непримиримую позицию по отношению к прокоммунистическому антифашистскому сопротивлению в Польше и представлявшей его с начала 1944 г. Крайовой Радой Народовой в Люблине. Однако, как отмечали авторы «Введения», «формирование антигитлеровской коалиции во главе с “Большой тройкой”» – СССР, США и Великобритания, – которым принадлежало решающее слово «в отношении “малых” союзников», и победы Красной армии на советско-германском фронте предвещали «переход Польши в сферу советского влияния»⁸.

Приведенные тезисы в целом являются общими для новейшей историографии – как для российской, так и для польской. За исключением, пожалуй, одного утверждения большинства наших польских коллег, а именно, что позиция правого лагеря польского антифашистского сопротивления якобы представляла собой позицию польского общества в целом. Следует отметить, прежде всего, что указанный переход Польши в сферу советского влияния отнюдь не освобождал польское эмигрантское правительство от ответственности за проводимый антисоветский курс, поскольку оставлял открытым вопрос о степени и формах проявления «советского влияния», решение которого отнюдь не было предопределено и в значительной мере зависело и от польской стороны, в том числе и от правого лагеря в Польше, представленного лондонским правительством.

Как говорится во «Введении», с конца 1943 г. исходным пунктом отношений СССР с правым лагерем польского сопротивления и с лондонским правительством стало, с одной стороны, вступление Красной армии в районы, входившие в состав довоенной Польши, а с другой – разработка эмигрантским правительством и командованием Армии Крайовой связанного с этим плана «Буря», предусматривавшего восстание на всей территории Польши, дабы сформировать там собственные органы власти до того времени, как те или иные районы страны будут, вследствие изгнания гитлеровцев, заняты Красной армией. При чем план «Буря» был подготовлен для реализации «в первую очередь на западноукраинских, западнобелорусских землях и в Виленском крае, чтобы не допустить здесь восстановления советских порядков»⁹.

С советской стороны вопрос о конкретной разработке мер для учреждения на освобождаемых польских землях дружественного

СССР и в тоже время польского национального по статусу политического режима встал весной 1944 г. Во-первых, не была исключена возможность «урегулирования отношений с правительством Ст. Миколайчика [...] Во-вторых, рассматривалась возможность создания в Польше альтернативного правительства из левых политических сил»¹⁰. Таким образом, перед лондонским правительством открывалась реальная перспектива конструктивного сотрудничества с СССР, что, в частности, вытекало из их взаимного статуса как союзников в борьбе с нацистской Германией. Эмигрантское правительство отвергло этот вариант, руководствуясь классовыми соображениями и опасаясь, что взаимодействие с СССР неизбежно приведет к установлению советской гегемонии и коммунистического режима в Польше. Такая позиция лондонского правительства находила впоследствии полное оправдание и обоснование в польской антикоммунистической историографии. Подобная точка зрения господствует в исторической науке стран Запада и разделяется многими отечественными исследователями. Правда, тезис о некоей неизбежности советского господства в случае сотрудничества эмигрантского правительства с Советским Союзом может восприниматься только гипотетически, ибо польская сторона изначально отказалась от позитивного взаимодействия с СССР. Это решение, впрочем, имело весьма негативные последствия для польского народа. За авантюризм своих лондонских вождей Армия Крайова и в целом польское антифашистское сопротивление заплатили сотнями тысяч людских жизней и ничем не оправданных потерь, которых можно было бы избежать, хотя бы и ценой перспективы участия после войны коммунистов во власти.

Советское руководство, как аргументированно показали авторы, было в целом верно информировано о положении в Польше, о расстановке сил в движении Сопротивления в стране и в центрах зарубежной польской эмиграции. Попытки польских отрядов АК в Вильно и Львове выполнить приказ командования о введении в действие плана «Буря» вызвали ответные действия советского командования, приказавшего «немедленно разоружить» отряды АК, лояльных СССР солдат и офицеров направить в армию З. Берлинга, а «лиц офицерского состава, представлявших интерес» для органов контрразведки, передавать в распоряжение спецслужб¹¹. Обращает на себя внимание, что, вопреки утверждению некоторых польских публицистов, эти меры в условиях военного времени и прифронтовой полосы вряд ли можно расценить как репрессивные, тем более «антипольские». Главное состояло в том, что все подлинные поль-

ские патриоты получили возможность без изменения статуса и воинских званий продолжить вооруженную борьбу с гитлеровцами. Особые меры коснулись только лиц, заподозренных во враждебных намерениях или действиях в отношении Красной армии и советской администрации, что по законам военного времени влекло соответствующие последствия.

Как показано в рецензируемом труде, важнейшим фактором, обусловившим как причины Варшавского восстания, так его ход и итоги, стало положение на советско-германском фронте весной и летом 1944 г., после завершения советского наступления в Прибалтике, в Белоруссии и на Западной Украине. В ходе него были не только освобождены территории СССР, но и положено начало освобождению народов Европы от гитлеровской оккупации. Во «Введении» этой проблеме посвящен специальный очерк «развития боевых действий на центральном участке советско-германского фронта»¹². Его исходный тезис основывался на докладной записке Г. К. Жукова от 19 июля 1944 г., согласно которой главным направлением наступления Красной армии должна была стать Восточная Пруссия¹³. Далее изложение и анализ сосредоточены на действиях советской 2-й танковой армии на подступах к Варшаве в начале августа 1944 г. и на контрударах немецких войск, что вынудило советское командование перейти к обороне на правом берегу Вислы. Однако думается, что, подробно и квалифицированно анализируя детали оперативной обстановки, авторы очерка упустили из поля зрения главное. Опыт почти двухсотлетней истории войн и боевых действий по линии Минск – Варшава – Берлин свидетельствовал, что успешное наступление на данном направлении могло развиваться только при условии осуществления опережающих операций в Прибалтике или в Карпатах. Из этого исходило и командование Красной армии, планируя в 1944 г. удары в направлении Словакии (где вспыхнуло Словацкое национальное восстание) и Восточной Пруссии. До решения этих задач форсирование Вислы и штурм Варшавы были бы едва ли целесообразны. Учет именно этих обстоятельств, в первую очередь с политической точки зрения, как показано в рецензируемом томе, сыграл решающую роль в принятии лондонским эмигрантским правительством и командованием Армии Крайовой решения о восстании.

Эмигрантское правительство намеренно до вступления в Варшаву советских войск планировало установление своей власти в польской столице, что вытекало из плана «Буря» и что в полной мере находит подтверждение в помещенных в томе документах. С этой точ-

ки зрения, проведение восстания в то время, когда Красная армия не была готова и не планировала штурм Варшавы, вполне соответствовало замыслам лондонских польских политиков. Из этого вытекал и полностью подтвержденный публикуемыми историческими источниками вывод авторов и составителей тома о том, что руководство АК не намеревалось информировать ни советское верховное командование, ни командование фронтов и соединений Красной армии ни о планах восстания, ни о действиях повстанцев. Это, в свою очередь, вызывало понятную настороженность советского военного руководства.

Развитие восстания, особенно в период, когда повстанцы под давлением превосходящих сил противника вынуждены были перейти к обороне, ставит ряд вопросов о возможности и готовности советских войск оказать помощь восставшей Варшаве. Эти вопросы по сей день остаются дискуссионными в советской и в польской историографии. Вероятно, чтобы поставить под сомнение выводы советских исследователей, некоторые польские историки настаивают на публикации документов оперативного управления частями и подразделениями Красной армии под Варшавой. Такая публикация представляет собой в первую очередь техническую проблему, поскольку воинские уставы не предусматривали ведение в советских подразделениях журналов боевых действий, а устные приказы, как правило, не фиксировались. Работа с документацией оперативного управления полками со стороны командования дивизий также представляет значительную трудность из-за большого объема документов, которые к тому же не содержат в первую очередь интересующей исследователей информации политического характера. Тем не менее, в рецензируемом томе публикуются документы уровня войсковых объединений, в которых нашла отражение решимость советских солдат и командиров оказать помощь повстанцам (например, документы № 224, 225, 226). Однако главный вопрос остается без ответа: могла ли Красная армия форсировать Вислу и спасти от уничтожения восставшую Варшаву? Ответ на него носит уже не научный, а политический характер.

Стратегическое и оперативно-тактическое положение советских войск под Варшавой в момент восстания, как уже было отмечено выше, складывалось не в пользу Красной армии. Штурм Варшавы в этих условиях (без предварительной подготовки, в условиях большой площади городской застройки и при наличии развернутой и готовой к бою группировки противника, а также угрозы контрударов гитлеровцев с флангов¹⁴) был сопряжен с риском вероятного поражения и неоправданно больших потерь. Разумеется, в случае решительного

приказа советские солдаты пошли бы на смерть, чтобы спасти от гибели польских патриотов, а столицу Польши от уничтожения. Однако такого приказа верховный главнокомандующий не отдал. Определенного ответа о причинах этого решения у историков, к сожалению, нет, а все рассуждения на эту тему носят спекулятивный, гипотетический характер.

Принципиально важное значение имеет вопрос, почему операция «Буря», предполагавшая восстание на всей территории Польши, была осуществлена только в Варшаве. Авторы «Введения» усматривают причины решения о начале восстания в столице в ошибочной оценке «военно-оперативной» обстановки и в неблагоприятной внешнеполитической ситуации, ссылаясь, в частности, на позицию английского правительства, возражавшего против повстанческих действий «без согласования с советской стороной»¹⁵. Эти выводы убедительно подтверждаются представленными в томе документами. Однако думается, что отмеченные обстоятельства не имели первостепенного значения. Главное состояло в том, что Армия Крайова в Польше не располагала силами, даже в минимальной степени необходимыми для реализации разработанных лондонским правительством планов. Поэтому восстание в столице оставалось единственным шансом установить власть правого лагеря в стране и провозгласить восстановление польского государства под своим руководством до вступления в Варшаву советских войск. Именно этим было продиктовано отчаянное и авантюристическое решение – поднять знамя восстания. Об этом свидетельствуют, хотя неполные, противоречивые и отнюдь не всегда достоверные, сведения о численности, составе и социальной базе польского антифашистского подполья, и в первую очередь Армии Крайовой и правого лагеря. Как указали авторы «Введения», «был расчет на то, что боевое участие в акции “Буря” смогут принять от 52–57 тыс. до 70–80 тыс. человек, исключая повстанцев в Варшаве»¹⁶. Даже если принять эти данные как достоверные (а в действительности сил было существенно меньше, поскольку далеко не все подпольщики могли бы принять реальное участие в повстанческой борьбе), то сил было явно недостаточно для восстания в одном стратегически решающем пункте, каковым и была Варшава, не говоря уже о всей Польше. Авторы «Введения» проанализировали соотношение сил в польской столице накануне восстания. По их оценке, в общей сложности на западном берегу Вислы в боевых отрядах АК, по разным данным, значилось от 16 до 22 тыс. чел. К ним присоединялись бойцы других организаций движения сопротивле-

ния. Им противостояли в Варшаве 20 тыс. немецких войск, имевших также 50 тыс. чел. в резерве¹⁷. Очевидно, что, с точки зрения классической стратегии вооруженного восстания, согласно которой для успеха требуется создать решающий перевес сил в определенное время и в определенном месте, при таком их соотношении восстание было изначально обречено на поражение.

Чем же в итоге было обусловлено принятое лондонским эмигрантским правительством и командованием Армии Крайовой решение послать в бой своих сторонников? На этот роковой вопрос есть два ответа. Во-первых, лондонское правительство не могло не считаться с волей польских патриотов выступить с оружием в руках против гитлеровских захватчиков. В противном случае оно рисковало предстать в глазах своих сторонников в Польше в роли капитулянтов и утратить поддержку со стороны польского антифашистского сопротивления. Во-вторых, лондонское польское правительство исходило из принципиального тезиса, подхваченного и развитого польской историографией после 1945 г. Согласно ему, власти в Лондоне не были эмигрантскими, а выступали в качестве правопреемника правительства Второй Польской республики, руководя польским подпольным государством. Впервые этот тезис был сформулирован выдающимся польским историком Стефаном Кеневичем применительно к истории польского Январского восстания 1863–1864 гг., а затем развивался и экстраполировался его последователями. Однако истоки концепции подпольного государства, очевидно, восходят еще к политической позиции самих эмигрантских властей в Англии. В наши дни она имеет не только историографические, но также политические и государственно-правовые последствия. Эта концепция позволяет ряду современных польских политиков и публицистов утверждать, что освобождение Польши от гитлеровских захватчиков связано исключительно с борьбой Армии Крайовой, что нынешняя Третья Республика Польша является преемницей польского подпольного государства, независимо от подвига Красной армии, от постановлений Ялтинской конференции и от полувековой истории Народной Польши. В этой политической схеме истории Варшавского восстания принадлежит первостепенная роль. С этой точки зрения, представленные в том документе, их объективный научный анализ и осмысление, представленные во «Введении» и комментариях, имеют весьма существенное не только научное, но и общественное значение, в частности и для понимания как истории, так и современного состояния российско-польских отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Апрель 1943 – декабрь 1945: В 3 т. Т. 2. Ч. 1: Варшавское восстание. Июль – ноябрь 1944 г. / Под ред. А. Н. Артизова. М., 2016. С. 43–52.
- 2 Там же. С. 43.
- 3 Там же. С. 45.
- 4 Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1–12. М., 1963–1986.
- 5 Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Т. 2. Ч. 1. Варшавское восстание... С. 5–42.
- 6 Там же. С. 5.
- 7 Там же.
- 8 Там же. С. 5–6.
- 9 Там же. С. 6.
- 10 Там же. С. 7–8.
- 11 Там же. С. 9.
- 12 Там же. С. 12–19.
- 13 Там же. С. 13.
- 14 Опыт Второй мировой войны свидетельствовал, что операции такого рода проводились после фланговых обходов и окружения изолированных группировок противника.
- 15 Там же. С. 19–20.
- 16 Там же. С. 6–7.
- 17 Там же. С. 20.

B. V. Nosov

Warsaw Uprising (1944) in the newly published
historical documents

The review is dedicated to the new book of documents dedicated to Warsaw Uprising (1944). The author places a special accent on the following problems reflected in the documents: the preparation and progress of the Uprising, whether the Red Army was able to help the rebels, Polish government-in-exile in London and its role in the events. Keywords: *Warsaw Uprising (1944), Soviet-Polish relations, Armia Krajowa, Polish government-in-exile in London*

Б. В. Носов
(Москва)

Исследование о российско-польских научных связях в 1940–1960-е годы

В рецензии рассматривается новейший труд, посвященный советско-польским научным связям (*Szumski J. Polityka a Historia. ZSRP wobec nauki historycznej w Polsce w latach 1945–1964. Warszawa, 2016*). Особое внимание уделяется анализу методики и взглядов автора при изучении вопросов, связанных с возникновением Института славяноведения АН СССР и подготовкой советской трехтомной «Истории Польши».

Ключевые слова: СССР, ПНР, российско-польские научные связи, Институт славяноведения АН СССР.

Изучение истории российской и польской науки и научных связей между двумя странами – одно из наиболее интенсивно развивающихся в начале XXI в. научных направлений в России и Польше. За последние годы в этой области было опубликовано немало научных трудов, защищен ряд диссертаций, успешно работала Комиссия историков России и Польши, отметившая в минувшем 2015 г. свое пятидесятилетие. Развитию интереса к данной проблематике способствовали «Дни российской и польской науки», проводившиеся начиная с 2001 г. поочередно в обеих странах Российской и Польской академиями наук.

Думается все же, что главной причиной актуальности названной проблематики стали идеологические трансформации, происшедшие в российском и польском обществе в XX в., особенно во второй половине минувшего столетия, и вызванные ими изменения методологических оснований и научных концепций в исторической науке обеих стран. Именно поэтому рецензируемой монографии польского исследователя Яна Шумского (*Szumski J. Polityka a Historia. ZSRP wobec nauki historycznej w Polsce w latach 1945–1964. Warszawa, 2016. 429 s.*), несомненно, принадлежит заметное место. Ее значение определено также и тем, что автор в качестве объекта исследований избрал не просто те или иные яркие эпизоды истории советско-польских научных связей, или же принял за исходный пункт некие личные впечатления и представления, что было характерно для историков старшего поколения. Он предпринял успешную попытку на осно-

ве фундаментальной источниковой базы представить целостную структурированную картину развития исторической науки в СССР и в ПНР изучаемого периода применительно к общей истории двух стран, проанализировать позицию советских властей по отношению к научному знанию и к сообществу ученых-историков. В основу источниковой базы исследования были положены архивные материалы высших партийных и государственных органов СССР и ПНР, архивы Российской и Польской академий наук и их институтов. Особо следует указать на детальное владение автором материалом как польской, так и российской историографии.

В первой же фразе Введения Я. Шумский указал, что целью книги «является определение главных направлений политики, которая проводилась высшим органом власти в СССР – Центральным Комитетом Коммунистической Партии* [...] в отношении учреждений исторической науки в Польше в 1945–1964 гг., а также ее практическая реализация»¹. Изучаемый период, по словам автора, характеризовался стремлением советских властей не только к «политическому контролю, но и к надзору над наукой государств, включенных в сферу советского влияния»².

Не вступая в дискуссию о том, что же представляла собой упомянутая Я. Шумским «система политического контроля» и какую роль в ней играли правившая в Польше ППР/ПОРП, другие политические партии или же, например, католическая церковь, мы остановимся на выяснении вопроса, о каком же «надзоре за польской наукой» идет речь в монографии. Далее автор отметил, что ЦК советской компартии «проводил идеологический надзор, инспирировал и формулировал направления политики партии не только в СССР, но и в значительной мере во всех странах “народной демократии”, надзирая в то же время за их реализацией»³. Следовательно, речь идет не о «надзоре» только за польской исторической наукой как таковой, а о так называемой «линии партии» в отношении исторической науки в целом, в том числе и советских историков. В связи с этим приходит на память классическое высказывание Фридриха Энгельса о том, что «истине безразличны классы, но классам – не безразлична истина», а также напрашивается аналогия между государственными установками 1950-х годов и современной «исторической политикой», прово-

---

* Согласно Конституции СССР и в целом государственно-правовому устройству Советского Союза ЦК КПСС не являлся органом государственной власти. – Б. Н.

димой некоторыми странами официально, а иными – негласно, без публичного ее провозглашения. Названная «историческая политика» осуществляется правящими кругами самыми разными средствами, начиная от приоритетного финансирования и вплоть до прямого государственного администрирования и прокурорского надзора.

Однако отнюдь не упомянутая коллизия по вопросу о «партийности» исторической науки определяет основное содержание книги Я. Шумского. Монография состоит из 11 разделов, каждый из которых представляет собой относительно самостоятельный очерк истории сотрудничества ученых СССР и ПНР в двадцатилетний период его зарождения и становления после окончания Второй мировой войны. Пожалуй, впервые и в польской, и в российской историографии этот вопрос рассмотрен достаточно полно, без характерных для «советского периода» умолчаний, продиктованных политической целесообразностью. Поэтому можно уверенно утверждать, что как с точки зрения введенного в научный оборот материала источников, так и с точки зрения наблюдений и выводов автора каждый раздел составляет органическую часть монографии и имеет вместе с тем самостоятельное научное значение.

Не имея возможности остановиться на каждом из упомянутых разделов, хотелось бы указать на ряд наиболее, с нашей точки зрения, интересных вопросов. В частности, третий раздел⁴ посвящен, как заявляет сам автор, обстоятельствам создания Института славяноведения АН СССР. Разумеется, содержание раздела существенно шире, нежели вопрос об основании одного из академических институтов. Я. Шумский указывает, что в 1920–1930-е годы славяноведение не привлекало внимания советского руководства и рассматривалось как одно из проявлений «буржуазного национализма». Однако уже накануне Второй мировой войны и особенно в ходе войны, и сразу после ее окончания, отношение к славяноведческой проблематике меняется. Автор придерживается мнения, что в поисках «средств советизации» Восточной Европы «одним из инструментов этой политики был поворот к старой идее панславизма»⁵. Наиболее значимым актом советского руководства по организации научного обоснования «нового славянского движения», по словам Я. Шумского, стал намеченный на 1948 г. и так и не состоявшийся Конгресс славянских комитетов. Автор убедительно продемонстрировал, что подготовка конгресса в политике СССР была тесно связана с развитием политической ситуации в Юго-Восточной Европе и с советско-югославским конфликтом, со стремлением сплотить вокруг советского руковод-

ства своих славянских союзников. Однако применительно к исторической науке «славянская идея», которую «пытались использовать для проведения методологического переворота в гуманитарных науках славянских стран, – констатировал Я. Шумский, – не стала обязательным содержанием ни в научных исследованиях, ни, прежде всего, в политике Москвы в отношении своих славянских соседей. Планы эти были реализованы уже с использованием иных политических средств»⁶. Автор приходит к выводу, что Москва искала «прогрессивных историков» в славянских странах, а «координирующим центром» по организации там методологического переворота стал Институт славяноведения АН СССР. «Прикрытием для навязывания таких контактов стали фундаментальные проекты по написанию Истории славянских государств»⁷.

Возразить против концепции данного раздела можно было бы по двум пунктам. Во-первых, Я. Шумский механистически сводит славянское движение эпохи Второй мировой войны и отношение к нему советского государства к имперскому панславизму XIX в., однако «славянская идея» 1940-х гг. идеологически возникла как реакция на расовые теории нацизма, а движение славянской взаимности возродилось как ответ на гитлеровскую политику агрессии и геноцида славянских народов. Поддерживая славянское движение, СССР рассматривал его как одну из форм объединения антифашистских демократических сил в борьбе с нацизмом, что явно не соответствует некорректной аналогии с панславизмом в России XIX в.

Во-вторых, создание Института славяноведения было, разумеется, связано с политикой СССР в отношении славянского движения в годы борьбы с германским нацизмом. Не случайно длительное время одним из направлений работы института было исследование германской идеологии и политики «наступления на восток» (*Drang nach Osten*). Вклад славянских народов во всемирную историю и мировую культуру, без сомнения, заслуживает специального изучения, однако замысел, положенный в основание института, состоял в ином. Созданный в 1947 г. Институт славяноведения был задуман как научное учреждение, призванное исследовать исторический процесс становления «новой мировой системы», название, да и облик которой еще не были определены, поскольку в первые послевоенные годы было еще не ясно, какой путь социально-политического развития изберут освобожденные Красной армией от гитлеровцев европейские страны. А поскольку почти все они, за редкими исключениями, были славянскими, то и название «Институт славяноведения» было вполне

подходящим, освященным к тому же столетней историей славяноведения как международно признанного академического научного направления в России. С учетом высказанных соображений можно согласиться с выводом Я. Шумского, что Институт славяноведения АН СССР сыграл немаловажную роль в становлении основанной на принципах марксизма исторической науки в ПНР.

В связи с этим хотелось бы остановиться на седьмом разделе, озаглавленном «Создание марксистской “Истории Польши”: знание “провозглашенное” и знание эмпирическое»⁸. Задача написания академических, своего рода «нормативных» историй славянских народов была поставлена перед советскими историками еще накануне войны. В ее решении принимали участие и польские историки-марксисты, принадлежавшие к коммунистическому движению, однако с установлением в Польше «народной власти» ее цели, содержание и политическое значение этого проекта существенно изменились. Я. Шумский детально анализирует развитие начатой в 1950 г. советско-польской дискуссии по проспекту готовившейся к изданию в СССР трехтомной «Истории Польши». Автор справедливо указывает на догматический характер изложенной И. С. Миллером советской концепции издания, на понятные трудности польских участников дискуссии при представлении своих возражений⁹. Хотя это, в частности, объяснялось и тем, что с польской стороны критике подвергались не только суждения советских коллег, но и приоритетное право последних реализовать в советской публикации собственные авторские позиции. Однако уже сам помещенный в монографии Шумского материал свидетельствует, что к обсуждению, проходившему как в Москве, так и в Варшаве, были привлечены достаточно широкие круги научной общественности, в том числе и «беспартийные» и даже «буржуазные» ученые, среди которых были Т. Мантойфель, В. Куля, С. Кеневич. Видная роль в развернувшейся дискуссии как с советской, так и с польской стороны принадлежала медиевистам, специалистам по Новой истории. Не в последнюю очередь на научный характер обмена мнениями повлиял Б. Д. Греков. Таким образом, тон в обсуждении задавали не партийные догматики, а люди науки. Разумеется, подготовку издания курировал ЦК компартии, в частности М. А. Сулов, однако при соблюдении всех партийных канонов на первом месте все же оставались подлинно научные проблемы. Партийное руководство того времени было искренне убеждено в научности марксистского понимания истории и с этой точки зрения недвусмысленно продемонстрировало, что на первом месте для него

оставался принцип научности выработанной концепции и ее воплощения в подготавливаемом труде.

Думается, что именно этим объясняются дискуссии, развернувшиеся вокруг публикации каждого отдельного тома «Истории Польши». Так, Я. Шумский пишет, что по поводу публикации в Москве первого тома в 1954 г. «разразилась подлинная буря», автор указывает на обнаруженный в томе «целый ряд концептуальных и фактографических ошибок»¹⁰, к сожалению, не говоря, каких именно. Между тем один только перечень обсуждавшихся методологических и конкретно-исторических вопросов свидетельствовал о научном характере дискуссии, отнюдь не ограничившейся претворением в жизнь партийной директивы. Весьма важно и то, что эта дискуссия оказала существенное влияние на советских специалистов по отечественной истории, поставив ряд вопросов о типологической общности и особенностях феодализма у народов Восточной Европы с древнейших времен до конца XVIII в. Однако уже сам факт упомянутой Я. Шумским «бури» свидетельствует в первую очередь о развернувшемся широком и напряженном обсуждении, результатом которого стал выход в свет в 1956 г. новой редакции первого тома. Таким образом, как бы ни расценивать содержание этого издания, а оно, несомненно, было явлением своего времени, «История Польши» во многом стала плодом совместно выработанных советскими и польскими учеными научных представлений, а уж только потом директивно утвержденной партийной концепции.

Аналогичная дискуссия проходила вокруг второго тома «Истории Польши»¹¹, однако в итоге и она завершилась публикацией согласованного текста. По-иному ситуация сложилась вокруг третьего тома, охватывавшего период с 1918 по 1945 гг. В данном случае столкновение мнений между советской и польской сторонами касалось совсем уже «недавнего прошлого», оно во многом, если не в решающей степени, определялось политической позицией, та же не в последнюю очередь зависела от жизненного пути участников обсуждения, среди которых трудно было провести грань между историками и политиками, с явным преобладанием последних. Эту дискуссию Я. Шумский определяет как «отражение процессов демократизации исторической науки в Польше»¹². Именно тогда, в июле 1956 г., по его словам, «дошло до наиболее острых столкновений между польской и советской сторонами»¹³, когда Т. Данишевский, Ю. Ковальский и Л. Гросфельд выступили с острой критикой предложенного советскими коллегами текста. Впервые введенный в научный оборот

Я. Шумским ценный материал ярко отражает напряженную ситуацию, сложившуюся в период кризиса 1956 г. в Народной Польше, среди ученых-историков, прежде всего занимавшихся новейшим периодом и бывших в наибольшей степени связанными с «партийной» историографией ПНР. Автор не обошел вниманием и бытовавшие в те годы случаи внутренних интриг и доноительства. Однако думается, что подобные околонукальные явления хотя и влияли на общественную атмосферу, но все же не имели кардинального значения.

Главное же заключается в том, что автор проанализировал поднятые польскими историками дискуссионные проблемы: об оценке восстановления в 1918 г. независимой Польши, о «прогрессивности» восстановления польского государства, несмотря на его буржуазную природу и поражение попытки польских и советских коммунистов продвинуть социалистическую революцию на запад; о роли США на исходе Первой мировой войны; о характере политических партий в Польше 1918–1939 гг., в частности ППС; о роли политики Англии и Франции в период предвоенного кризиса 1938–1939 гг.; о советско-германском пакте 1939 г. и ряд других проблем. Шумский указал, что польские историки возражали против включения в том периода народной демократии. В этом советская сторона пошла навстречу своим польским коллегам. Тем не менее содержание третьего тома так и осталось несогласованным. Примечательно, что и до сегодняшнего дня поставленные в 1956 г. дискуссионные проблемы так и остаются в числе так называемых «трудных вопросов», обсуждаемых современными российскими и польскими историками.

Сформированная в 1950-е гг. историческая концепция истории Польши на протяжении почти 50 лет оставалась нормативной для исторической науки ПНР, несмотря на дискуссионный характер целого ряда ключевых проблем, например, о месте Украины в Речи Посполитой XVII в., на которые указал Я. Шумский и которым из-за ограниченности объема монографии не уделит достойного внимания. Однако уже сам приведенный автором анализ советско-польской дискуссии о советском издании «Истории Польши» свидетельствует о ее подлинно научном характере, что оказало существенное влияние на историческую науку в обеих странах. Разумеется, реализовывалась эта дискуссия в существовавших тогда общественных и политических рамках, с которыми историкам приходится считаться во все исторические эпохи и периоды. Подводя итог, Я. Шумский пишет: «Мерой значения и роли советского проекта создания канонического изложения истории Польши был

постоянный политический надзор соответствующих отделов и структур ЦК ВКП(б) / КПСС. Научный патронаж над проектом от имени партии осуществлял Институт славяноведения АН СССР, в котором в 50-х годах XX в. выковывались концепции и схемы истории Польши и других славянских государств»¹⁴. Представляется, что приведенный автором конкретный исторический материал гораздо богаче. Он ярче отражает диалектику развития науки и ее взаимоотношения с властями, чем подобные схематичные выводы. Собственно, это можно было бы сказать по адресу каждого из разделов рецензируемой монографии. Думается, что ее главная ценность – в том, что она стала живым отражением уже относительно давней эпохи, отражением, основанным на уникальной источниковой базе. Поэтому эта книга будет иметь значение и для последующих поколений историков и широкого круга читателей, которые будут адресовать ей уже новые вопросы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Szumski J. Polityka a Historia. ZSRP wobec nauki historycznej w Polsce w latach 1945–1964. Warszawa, 2016. S. 17.*

2 Ibid.

3 Ibid.

4 Ibid. S. 103–129.

5 Ibid. S. 106.

6 Ibid. S. 129.

7 Ibid.

8 Ibid. S. 240–271.

9 Ibid. S. 248–255.

10 Ibid. S. 256.

11 Ibid. S. 261–264.

12 Ibid. S. 264.

13 Ibid.

14 Ibid. S. 271.

B. V. Nosov

A study of Russian-Polish academic connections in 1940–1960s

The article dwells upon the newest publication dedicated to Soviet-Polish academic connections (*Szumski J. Polityka a Historia. ZSRP wobec nauki historycznej w Polsce w latach 1945–1964. Warszawa, 2016*). A special attention is dedicated to the analysis, methods, and views of the authors when studying the issues connected to the establishment of the Institute of Slavic Studies (Academy of Sciences of USSR) and the preparation of the Soviet “History of Poland” in three volumes.

Keywords: *USSR, Polish People’s Republic, Russian-Polish academic connections, Institute of Slavic Studies (Academy of Sciences of USSR)*.

Н. А. Лунькова
(Москва)

Литературные пейзажи Станислава Стратиева

В рецензии рассматривается новая вышедшая в Болгарии монография, посвященная прозе и драматургии выдающегося национального автора С. Стратиева.

Ключевые слова: *болгарская литература, Станислав Стратиев, проза, драматургия.*

«Литературные пейзажи: творчество Станислава Стратиева»¹ (2015) Илияны Димитровой – первая монография, посвященная исследованию прозы и драматургии С. Стратиева (1941–2000), что, безусловно, является знаковым событием для современной болгаристики. Оно выполнено с привлечением работ болгарских и зарубежных теоретиков, историков литературы и демонстрирует превосходное владение материалом. Это особенно ценно, так как произведения этого выдающегося литератора, творческий путь которого пришелся на вторую половину XX в., изучены на родине крайне мало: в основном изданы отдельные рецензии и статьи, в большей степени затрагивающие специфику его комедиографии. Это объяснимо, поскольку Стратиев – признанный драматург, автор эмблематичных для болгарского театра пьес «Римская купальня» (болг. «Римска баня»), «Замшевый пиджак» (болг. «Сако от велур»), «Автобус» (болг. «Рейс») и др., был директором Сатирического театра им. Алеко Константинова (София). Болгарскому зрителю Стратиев известен также как автор сценариев к нескольким фильмам, вошедшим в «золотой фонд» болгарского кинематографа, среди которых снятые режиссером Людмилом Кирковым «Оркестр без названия» (болг. «Оркестър без име») и «Равновесие» (болг. «Равновесие»), лента получила Серебряный приз на Московском международном кинофестивале в 1983 г.).

В книге Димитровой предпринимается попытка выявить особенности, характерные для художественного мира писателя в целом, в связи с чем исследовательнице было необходимо рассмотреть поэтику не только его пьес, но и прозаических произведений – рассказов и повестей. В предисловии автор уточняет, что данный труд не претендует на всеохватность и призван скорее рассмотреть отдельные концепты творчества писателя, нежели создать традиционный

«творческий портрет или литературно-исторический очерк» (с. 7). Монография состоит из предисловия, четырех глав, заключения и списка литературы.

В первой главе «Образы памяти и забвения в творчестве Станислава Стратиева» Димитрова исследует трансформации человеческого «я», обретение, утрату, определение самоидентичности в связи с сохранением или распадом традиционных аксиологических основ развития личности и общества в целом. Для творчества Стратиева это одна из ключевых проблем: и в драматургии, и в прозе он постоянно возвращается к вопросу о том, как функционирует субъект в границах внутренней и внешней реальности, как меняется сознание героя под воздействием обстоятельств (или вопреки им). Димитрова справедливо замечает, что Стратиев всегда выступает против любого насилия или давления, оказываемого на человеческую личность, прослеживает в своем творчестве механизмы этого воздействия и их последствия для внутреннего мира индивида. Исследовательница подчеркивает, что писатель часто прибегает к противопоставлению духовного / материального, живого / неживого, демонстрируя, как «овеществление» отдельного человека постепенно приобретает более серьезные масштабы и перерастает в «опредмечивание» всей нации (эта проблематика широко разработана, в частности в поздней прозе Стратиева): «В конце XX века чрезмерная забота о телесном есть знак глубокого кризиса национальной идентичности, но сейчас, в отличие от вековой насильственной / вынужденной недобровольной зависимости, когда физическое спасение выступало одним из механизмов сохранения народности, так как обеспечивало и сохранение памяти, она являет собой добровольный акт духовного самоуничтожения» (с. 17). Димитрова уделяет внимание и обратному процессу – превращению «вещей» в «людей», иллюстрируя его на примере трансформации образа Гардероба из пьесы «Максималист» (болг. «Максималистът»), где он представлен как «сила, регулирующая отношения и ограничивающая поведение личности» (с. 22). Оппозиция «духовное / телесное» встречается уже в самых ранних рассказах писателя (сб. «Одинокие ветряные мельницы», болг. «Самотни вятърни мелници», 1969), – где для ее раскрытия привлекаются такие архетипические образы, как *детство*, *дом*, *небо* и др. Для Стратиева характерно стремление передать мир детства как чувственно воспринимаемую, «подвижную», а не застывшую реальность, поэтому писатель часто использует символику цвета (Димитрова особо отмечает роль «болгарского зеленого», неслучайно имеющего «национальный» от-

тенок). Концепты памяти и забвения неразрывно связаны с образами детства: по мере взросления герой «забывает» себя, утрачивая свое «я» в столкновениях с институализированным обществом, внешней реальностью: краски детства, спектр которых необычайно широк в «Одиноких ветряных мельницах», со временем «бледнеют и исчезают» (с. 59), что отражается в последующих работах писателя (так, в «Мотивах для кларнета» (болг. «Мотиви за кларинет») «краски внезапно куда-то исчезли, и все выцвело» (с. 59), а от людей и предметов остались только их тени).

Вторая глава «Пьесы Станислава Стратиева. Особенности драматургического языка» посвящена поэтике драматургического наследия писателя, которое отличается тем, что в нем не изменена реалистическая природа изображаемого (герои и место действия вполне правдоподобны), но благодаря языковым особенностям, языковой игре создаются новые, «виртуальные пространства» (с. 10), «иллюзорный, второй драматургический план» (с. 69), проливающий свет на основной конфликт произведения. Димитрова рассматривает несколько образов-посредников, которые выступают в пьесах Стратиева своего рода «предметами, которые превращаются в проблемы» (с. 69): *мамонт, купальня, пиджак, пуговица, гардероб, овца* и т. д., а «обстоятельства и ситуация сами становятся метафорой»². Попадая в рамки сценического пространства, эти предметы, нарушая границы привычного для них семантического поля, получают иное звучание, воплощая метафору на языке драматургии. Кроме того, они имеют большое значение в функционировании диалогической речи и отдельных реплик героев, что подробно анализируется Димитровой. С ее точки зрения, в своих пьесах Стратиев смог (благодаря усилению пластических функций жеста, декораций, а главное – самого слова) затронуть те проблемы, о которых в социалистической Болгарии «говорить было нельзя» (с. 139). Важно отметить, что исследовательнице удастся вписать драматургию Стратиева в контекст не только болгарского, но и европейского литературного процесса (в частности, она подчеркивает связь его художественных экспериментов с развитием польского театра 1960–1970-х гг.) (с. 70).

В следующей главе «Проза Станислава Стратиева: между повторением и отличием» автор монографии анализирует главным образом повести «Дикая утка между деревьями» (болг. «Дива пастица между дърветата»), «Недолго светило солнце» (болг. «Кратко слънце») и «Дикие пчелы» (болг. «Диви пчели»), выявляя основные

структурно-композиционные особенности и акцентируя внимание на образах главных героев, которые «не отказались отстаивать свою идентичность» (с. 151). Значительная часть этой главы посвящена соотношению лирического и сатирического начал в прозе Стратиева: Димитрова приходит к выводу, что ее первоначальный замысел – попытаться разграничить эти начала и сгруппировать произведения согласно преобладанию в каждом какого-то одного – был неудачен, поскольку для прозаических произведений писателя характерен тесный сплав лирико-импрессионистического и юмористического, сатирического модусов повествования. В связи с этим исследование пошло по другому пути: если в первой главе о прозе писателя она акцентирует внимание на тех произведениях, где преобладает идея свободы воображения и силы мечты, открывающей перед человеком множество возможностей, раскрываются процессы становления индивида и факторы, на него влияющие, то в третьей главе настоящей книги речь идет о том, каковы механизмы распада личности и что происходит с теми, кто сопротивляется механизмам давления власти. Защищая свое право быть самими собой, герои вынуждены выбирать между «тишиной, одиночеством или смертью» (с. 151), причем последняя выглядит наиболее логичным спасением от насаждаемых, навязываемых человеку различными способами «стереотипных социальных и культурных моделей» (с. 184).

Последняя глава исследования – «Модели болгарского в творчестве Станислава Стратиева после 1989 г.» – посвящена анализу позднего периода творчества писателя, охваченного «разочарованием от процессов, наступивших в болгарском обществе после исторических перемен 1989 г.» (с. 190). По мнению Димитровой, с конца 1980-х гг. лирическое в произведениях Стратиева все чаще уступает место сатирическому, его тексты приобретают открытый полемический характер, на первый план выходит публицистический стиль. С этим трудно не согласиться, так как большинство прозаических произведений этого периода представляют собой открытый диалог с читателем, в центре которого – обеспокоенность нравственной деградацией современного общества, отчаяние от невозможности ее остановить³. Говоря о нарративных особенностях поздней прозы, исследовательница отмечает ее фрагментарность и ассоциативность, присутствие гротескных и абсурдных образов она связывает с «болью и обеспокоенностью» (с. 199) Стратиева за судьбу своего народа в изменившейся действительности. «Апокалиптически опустошенный национальный пейзаж» (с. 193), воплощение особой «болгарской

модели» миропонимания, Димитрова анализирует также на драматургическом материале, в частности на примере пьес «Зимние повадки зайцев» (болг. «Зимните навиги на зайците») и «Балканский синдром'93» (болг. «Балкански синдром' 93»).

В Заключении к своей работе автор подчеркивает, что все произведения Станислава Стратиева тесно связаны с тем литературно-историческим контекстом, в рамках которого они создавались, обращая внимание на центральные проблемы его творчества – изучение кризиса идентичности отдельного человека, тесно сопряженного с трансформациями культуры, идеологии, нации. С точки зрения Димитровой, Стратиев является едва ли не единственным болгарским писателем, которому удалось одновременно быть и не быть «вовлеченным» в «нормативные требования доктрины соцреализма» (с. 207) благодаря удивительной амбивалентности его художественного языка, так как с его помощью он мог, не критикуя власть напрямую, изобличать ее недостатки, используя «иронию, пародию и гротеск» (с. 208), особенно в драматургии.

Представленная книга представляет несомненную ценность для исследователей болгарской литературы второй половины XX века, и в частности творчества Станислава Стратиева, поскольку в ней помимо проведенного подробного анализа особенностей поэтики его произведений размещена и библиографическая информация: сформирован список работ, касающихся исследования творчества Стратиева в Болгарии, перечислены в хронологической последовательности все его опубликованные произведения (список книг, вышедших отдельными изданиями, произведения, включенные в различные сборники, публикации в периодических изданиях и интервью с автором). Такой кропотливый труд, безусловно, заслуживает самой высокой оценки. Книга И. Димитровой может быть полезна всем, кто интересуется произведениями С. Стратиева, она пригодится при подготовке спецкурса по его творчеству в рамках изучения истории болгарской литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Димитрова И. Литературни портрети: Творчеството на Станислав Стратиев. Велико Търново, 2015. (Далее ссылки на настоящее издание приводятся в тексте рецензии в скобках с указанием страницы.)

2 Панова С. Смях и присъда. София, 1977. С. 251.

3 Подробнее о поэтике поздней прозы С. Стратиева см.: *Карцева З. И. Мотивы боли и отчаяния: проза Станислава Стратиева // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2000. № 5.*

N. A. Lunkova

Literary landscapes of Stanislav Stratiev

The review analyses the monograph newly published in Bulgaria and dedicated to the prose and dramas of the outstanding national author S. Stratiev.

Keywords: *Bulgarian literature, Stanislav Stratiev, proze, drama.*

Г. П. Пилипенко
(Москва)

Книга о диалектной фразеологии словенской Истрии

Рецензируемая книга посвящена анализу словенской диалектной фразеологии. К. Марц-Братина исследует фразеологические единицы в истрийских словенских говорах. По мнению автора, фразеологические единицы являются отражением материальной, социальной, духовной и локально-специфической культуры.

Ключевые слова: *словенский язык, Истрия, фразеология, диалекты.*

В 2014 г. в издательстве Annales (г. Копер, Словения) вышла в свет книга др. Карин Марц-Братины (*Karin Marc Bratina*) «*Jezikovna podoba slovenske Istre: kulturna semantika slikovitega v slovenskoistrskem narečju*» («Языковой облик словенской Истрии: культурная семантика образного в словенском истрийском наречии»). С появлением книги был восполнен пробел в словенской диалектной фразеологии: собраны и проанализированы фразеологические единицы в истрийских словенских говорах. Теоретические вопросы словенской диалектной фразеологии уже затрагивались в работах П. Вайса, С. Покляч, В. Смоле. В настоящей же работе впервые представлена и обобщена фразеология словенской части полуострова Истрия. Книга состоит из двух больших разделов. Первый раздел «*Frazeologija in kulturološki pristopi k njenemu preučevanju*» («Фразеология и культурологические подходы к ее изучению») посвящен общетеоретическим вопросам, во втором разделе «*Narečna frazeologija slovenske Istre*» («Диалектная фразеология словенской Истрии») рассматриваются собственно фразеологические единицы. В конце монографии в виде словаря приводится список всех фразеологизмов, а также именной и предметный указатель.

В первом разделе автор подробно говорит о подходах к образному языку с точки зрения культурологически релевантных данных о нем. Утверждается, что во фразеологических единицах присутствует экстралингвистическая данность из области материальной, духовной, социальной культуры, в них отражаются культурные ценности и нормы определенного общества, а сама фразеология представляет

собой часть коллективной памяти определенной языковой общности (с. 221). В трактовке фразеологических знаков К. Марц-Братина опирается, в частности, на работы Д. Добровольского и Э. Пиирайнен. Рассматриваются такие типы фразеологических единиц, как прагматические фраземы (с. 38), поговорки (с. 40). Поскольку фразеология тесно связана с культурой, автор дает собственное определение этому понятию: культура – это «совокупность убеждений, поведений и взглядов, а также способность членов языковой общности действовать на основе общественных, моральных, политических и других ценностей, которые происходят из опыта их языковой общности» (с. 48). Рассмотрены методы русской этнолингвистики и польской школы этнолингвистики.

Во второй части автор подробно излагает этническую историю Истрии. Здесь на протяжении многих лет взаимодействуют славянский и романский миры, а этническая картина региона постоянно менялась. Кроме того, на этнические границы наложился и социальные: принадлежность к урбанной среде автоматически означала восприятие романской культуры, тогда как руральная среда подразумевала славянскую ассимиляцию (с. 107). Сегодня Истрия представляет собой чрезвычайно пестрый регион, разделенный между Италией, Словенией и Хорватией. К. Марц-Братина обращается к истории лингвистического изучения словенской части Истрии, упоминает работы М. Малецкого, Ф. Рамовша, Т. Логара, говорит о деятельности известных диалектологов Р. Коссуты и Г. Филипи. Отдельный подраздел посвящен методологии полевой работы и опыту собирания материала по фразеологии (с. 127–137). Особенность состоит в том, что спрашивать информантов только по фразеологии чрезвычайно сложно, важно зафиксировать использование фразеологической единицы в спонтанной речи, а не как изолированный от контекста ответ на вопрос. Метод сбора материала подразумевал создание направленного вопросника. Этот вопросник был составлен на основе изучения литературы на диалекте (как художественных произведений, так и фольклорных записей). По признанию автора, проведение полевой работы – один из самых тяжелых этапов в исследовании, но одновременно это и самый приятный этап (с. 134).

Культурно-семантический анализ собранных фразеологических единиц производился на основе методов, разработанных русской этнолингвистикой, польской школой этнолингвистики, а также в рамках теорий лингвокультурологии и межъязыковой фразеологии.

Анализ фразеологических единиц начинается со 147 страницы. Автор дает наряду с фонетической записью запись на литературном языке, перевод автор приводит над самим диалектным словом, напр.: *imeti počiščen šufito*^{podstrešje} ► 'jə:mət po'či:šćən šu'fi:to (иметь очищенный чердак) (с. 145). Ценность собранного материала состоит еще и в том, что он может служить частью словенского диалектного фразеологического словаря.

Диалектный материал был разделен автором на четыре группы. В первую группу вошли фразеологические единицы, связанные со сферой материальной культуры. Во вторую группу автор включает такие единицы, которые имеют отношение к социальной культуре Истрии. Третью группу представляют собой фразеологизмы, отражающие духовную культуру носителей словенских диалектов в Истрии. К четвертой группе принадлежат локально-специфические фразеологические единицы, в частности – образованные от конкретных имен. К сфере материальной культуры отнесены слова, обозначающие сельскохозяйственные орудия *ne imeti vil, samo grablje* (не иметь вил, только грабли), нар. *ne 'jə:mət 'vi:l, 'sa:mo γ'ra:ble* 'только брать, никому ничего не давать' (с. 150); архитектурные сооружения в Триесте: *iti k Mihcu in Jakcu* (идти к Михецу и Якецу)*, нар. 'jə:t x 'Mi:xçə eno 'Jâ:kçə 'идти/ехать в Триест' (с. 152); еду: *biti suh kot bakala*^{pošenovka} (быть худым как треска), нар. 'bə:t 'sy:x ku bākā 'la: 'быть очень стройным' (с. 152) и др. Анализ фразеологических единиц обогащают межъязыковые параллели с романскими идиомами и с хорватским языком, напр.: хорв. [suv] *ka bakalar* 'очень худой', ит. триест. *el xe suto come un bacalà* (с. 153). К области социальной культуры относятся фразеологические единицы, в которых выражаются родственные отношения; отражены особенности человека и черты его характера: *biti kot petelin na gnoju* (быть как петух на навозе), нар. 'be:t kur pete'li:n [nə 'γ'no:ju] 'спесивый человек' (с. 158); вербализируются движения, семантика которых обусловлена культурой; содержатся эвфемизмы для пьянства, бедности, болезней: *imeti pot in sonce* (иметь дорогу и солнце), нар. 'jə:mət 'pu:t in 'su:nce 'быть бедным' (с. 162) и др. В рамках этой группы особое внимание уделено социальной роли женщины в Истрии. Подробно описан род занятий шавринк, женщин из юго-западной части Истрии, которые занимались перепродажей разных товаров (напр. собирали яйца у жителей центральной части Истрии и относили в Триест для продажи – *jajčca-*

* Скульптура с часами на главной площади Триеста.

rice): *žena drži pet kantonov^{vogal} od hiše*, нар. *'žā:na dər'ži: 'pe:t kan'to:nou ut 'xi:še*, 'женщина содержит пять углов' (три дома и два у хозяев в Триесте) (с. 174). Эти женщины занимались также продажей молока (*mlekarice*), хлеба (*krušarice*), стирали белье (*perice*), работали на заводах, занимались контрабандой. Во фразеологизмах также находит отражение и духовная культура, в собранном материале выделяются семантические подгруппы, посвященные колдовству и магии, суевериям, положительным и отрицательным мифологическим персонажам (напр.: *vrag, orko/mrak, mora, strela, šajeta, kresnik, volkodlak*, напр.: *oklodak^{volkodlak} pešta^{lačiti/vidi} koga* (волкодлак давит/видит кого-то), нар. *'uə:klədək pjš'ta:vi:di* 'мучает кого-то, не дает спать' (с. 203)), христианству (напр.: *bog, križ*), смерти. Автор утверждает, что во фразеологии семантического поля «духовная культура» переплетаются элементы язычества и христианства (с. 212). К локально-специфическим относятся фразеологические единицы, образованные от этнонимов (*Čiči, Šavrini, Brkinci, Istrani*), а также от личных имен. Источник их возникновения следует искать в легендах и анекдотах, бытующих в селах словенской Истрии (с. 215), напр.: *iti dakordo^{razumeti se kot Čurji}* (ладить как семья Чурьи), нар. *jət də'ko:rdο kur 'Čurjə* (в селе Пуче некогда жила семья, которая была известна тем, что все в ней жили дружно).

Из замечаний позволим себе сказать следующее. Не всегда понятны четкие критерии отнесения фразеологизма к конкретной семантической группе. На наш взгляд, фразеологизмы, в которых речь идет о Триесте, можно было бы включить в группу локально-специфических, автор же относит их к сфере материальной культуры.

К. Марц-Братина проанализировала фразеологические единицы и представила их как отражение материальной, социальной, духовной и локально-специфической культуры. При объяснении значений автор учитывала также метаязыковые высказывания информантов, поскольку они позволяют выявить все оттенки значений, а также проводила параллели с другими региональными идиомами. Данная книга является весомым вкладом в словенскую фразеологию и диалектологию. Книга может быть интересна лингвистам, историкам, этнографам, литературоведам, а также всем тем, кто интересуется историей и культурой Истрии.

G. P. Pilipenko

A book on dialectal phraseology of Slovenian Istria

Karin Marc-Bratina's monograph is devoted to the analysis of Slovenian dialectal phraseology. The linguist explores phraseological units in the Istrian Slovenian dialects. According to the author, the phraseological units are a reflection of material, social, spiritual and local-specific culture.

Keywords: *The Slovenian Language, Istria, phraseology, dialects.*

Т. В. Шалаева
(Москва)

XXXIII Всероссийское диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров – 2017»

XXXIII Всероссийское диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров – 2017» проходило в Русском географическом обществе, в Санкт-Петербурге, 30–31 января 2017 г. Оно было посвящено вопросам русской диалектной лексикологии, лингвогеографии и, в частности, проблемам, связанным с составлением «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ). В создании этого многотомного труда принимают участие сотрудники крупнейших региональных вузов Российской Федерации под руководством Института лингвистических исследований РАН и Института славяноведения РАН. Ежегодное совещание, проводимое Институтом лингвистических исследований, имеет своей целью обсуждение актуальных вопросов лексики русских говоров с точки зрения общей и исторической лексикологии, словообразования, этимологии, лингвистической географии, этнолингвистики и ономастики. Необходимость рассмотрения данных проблем возникла в процессе работы над ЛАРНГ. Доклады, представленные на совещании, содержат результаты разноаспектных исследований русской диалектной лексики, что, с одной стороны, дает надежные теоретические основания для отбора картографируемого материала ЛАРНГ, а с другой – позволяет наиболее полно и последовательно отображать его на картах Атласа.

Совещание открыл руководитель темы ЛАРНГ член-корреспондент РАН *С. А. Мызников* (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург). Он приветствовал участников совещания от имени директора института, акад. *Н. Н. Казанского*, и попросил почтить минутой молчания память скончавшегося в 2016 г. прежнего руководителя темы *А. С. Герда*. Затем *С. А. Мызников* представил отчет о работе группы ЛАРНГ ИЛИ РАН за 2016 год. *Т. И. Вендина* (ИСл РАН, Москва) выступила с отчетом «О ходе работы над томами “Растительный мир” и “Животный мир”», в котором она призвала участников этого проекта интенсифицировать работу над Атласом. В своем докладе «“Лексический атлас русских народных говоров” и лексика природы в лингвогносеологическом аспекте» она рассмотрела вопрос о том, что может дать для антропологической лингвистики, и в частности

для лингвогносеологии, реализация такого проекта, как «Лексический атлас русских народных говоров». Знакомство с материалами тома, по мнению докладчика, раскрывает отношение русского народа к «вмещающей и кормящей» его природе, что выразилось в чрезвычайно богатом и детализированном словаре, характеризующемся плюрализмом в наименованиях одних и тех же реалий, различающихся способами семантического и словообразовательного маркирования.

Доклады, прозвучавшие на конференции, условно можно разделить по нескольким тематическим направлениям. Так, некоторые выступления касались проблем отбора и интерпретации лексики при картографировании и лексикографической работе: *Л. Я. Костючук* (Псковский гос. ун-т) «Проблема варианта или отдельности диалектного слова (при сборе и картографировании материала)» и *Л. П. Михайловой* (Карельская гос. пед. академия, Петрозаводск) «К проблеме представления вариантов в диалектной лексикографии».

Часть выступлений была посвящена анализу отдельных тематических и лексико-семантических групп, семантических полей и словообразовательных гнезд, в частности, в связи с их нанесением на карты ЛАРНГ: *М. В. Флягина* (Южный фед. ун-т, Ростов-на-Дону) «Название белки и ее детеныша в русских народных говорах: лексико-словообразовательный аспект», *Л. А. Климкова* (Арзамасский филиал Нижегородского гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского) «Словообразовательное гнездо на картах ЛАРНГ (на материале СГ *галка*)», *Р. В. Ширшаков* (Пензенский гос. ун-т) «Названия дождевого червя в русских народных говорах (номинативный и лингвогеографический аспекты)», *Н. А. Красовская* (Тульский гос. пед. ун-т) «Название сверчка в русских говорах», *Т. Е. Гревцова* (ЮФУ, Ростов-на-Дону) «О проблемах картографирования свадебной лексики в русских народных говорах (материалы к карте Л 5292 “Свадебный хлеб”)».

Значительное число докладов касалось лексических особенностей отдельных говоров: *Н. С. Ганцовская*, *Н. В. Сотников* (Костромской гос. ун-т им. Н. А. Некрасова) «Рыболовство на Галичском озере (материалы для ЛАРНГ)», *Н. В. Бурко* (Орловский гос. аграрный ун-т) «Отражение диалектной языковой картины мира в наименованиях географических объектов (на материале орловских говоров)», *В. Н. Гришанова* (Орловский гос. ун-т им. И. С. Тургенева) «Этнокультурный потенциал лексики, связанной с гигиеной, в одном орловском говоре», *Ю. В. Каменская* (Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского) «Лексическая репрезентация фрагмен-

та социальной сферы в диалектной картине мира (динамический аспект)», *А. И. Буранова* (СГУ им. Н. Г. Чернышевского) «Особенности репрезентации темы “религия” в конфессионально неоднородном регионе», *Ж. А. Панина* (Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова) «Наименования постов в архангельских говорах», *Я. В. Мызникова* (Санкт-Петербургский гос. ун-т) «Лексика свадебного обряда в говорах Симбирского Заволжья», *М. Д. Королькова* (ИЛИ РАН) «Ремесленная лексика в говорах Присурского Поволжья: предварительные результаты лингвогеографического анализа», *Н. А. Стародубцева*, *Н. А. Тупикова* (Волгоградский гос. ун-т) «Обозначение деструктивных изменений объектов материального мира в речи носителей донских говоров», *С. В. Окуловская* (КГУ им. Н. А. Некрасова) «Лексика, называющая крестьянские постройки, на территории междуречья Унжи и Ветлуги (на материале произведений И. М. Касаткина)», *Т. Е. Баженова* (Поволжская гос. соц.-гум. академия, Самара) «О наименования предметов домашнего обихода в самарских говорах», *А. Д. Черенкова* (Воронежский гос. ун-т) «Лексические пласты в русской речи уроженца украинского села Воронежской области».

Проблемы региональной ономастики обсуждались в докладах *М. Р. Багомедова* (Дагестанский гос. ун-т, Махачкала) «К проблеме изучения онимов полиэтнического региона», *А. К. Шапошникова* (Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва) «Историческая топонимия и народные географические термины Ново-Сербии XVIII–XX вв.», *Е. В. Цветковой* (КГУ им. Н. А. Некрасова) «Костромская микротопонимия как источник информации для ЛАРНГ (названия оврагов)», *В. С. Картавенко* (Смоленский гос. ун-т) «Прецедентные имена в топонимии и микротопонимии».

Кроме того, на совещании были представлены доклады, посвященные диалектной фонетике и грамматике: *А. В. Тер-Аванесова* (ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН) «К вопросу о диалектном членении южнорусских говоров (засечные линии XIV–XV вв. и современные диалектные данные)», *С. В. Дьяченко* (ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН) «О вокализме белгородских говоров», *В. В. Шаповал* (Московский гос. пед. ун-т) «Падение редуцированных на карте славянства», *Т. Ф. Зиброва* (Самарский гос. ун-т) «Лексикализованные явления в говорах позднего заселения (лингвогеографический аспект)», *В. А. Закревская* (Тюменский гос. ун-т) «Глаголы с двойными приставками (на материале архангельских говоров)».

На совещании звучали и этимологические доклады – в частности *Т. В. Шалаевой* (ИСл РАН) «К этимологии праслав. **lin'ati*».

Диалектологическая работа в отдельных регионах России была предметом выступлений *Е. Н. Бекасовой* (Оренбургский гос. пед. ун-т) «О дополнениях к “Оренбургскому областному словарю” Б. А. Моисеева» и *Т. А. Бердниковой* (Северо-Восточный фед. ун-т им. М. К. Аммосова, Якутск) «О старожильческих русских говорах Якутии».

С докладом о новых источниках диалектных сведений выступила *Л. П. Батырева* (Шуйский филиал Ивановского гос. ун-та) «Частная переписка как лингвистический источник (письмо из д. Павлово Палехского р-на Ивановской области)».

В отдельных докладах был дан общий анализ картографических и лексикографических источников: *А. А. Соколова* (Российский гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург) «Онтология географической карты (этнолингвистический аспект)», *А. А. Бурыкин* (Ин-т лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург) «“Словарь названий пресноводных рыб СССР” А. С. Герда (к проблеме жанра)».

Сообщения об использовании Интернет-ресурсов в диалектологических исследованиях прозвучали в докладах *И. Б. Качинской*, *Д. В. Сичинавы* (МГУ им. М. В. Ломоносова) «О корпусе диалектных текстов в Национальном корпусе русского языка» и *С. В. Лесникова* (Санкт-Петербург) «Моделирование и реализация эксцерптного информационно-поискового гизауруса метаязыка лингвистики XVII–XX вв.».

По результатам совещания планируется издать сборник статей «Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования. 2017».

В рамках совещания ЛАРНГ 1 февраля 2017 г. в ИЛИ РАН состоялся ежегодный картографический семинар. В ходе семинара участники проекта обсуждали готовые карты Атласа, производили отбор картографируемой лексики и планирование работы над будущими картами. В этом году семинар был посвящен находящемуся в стадии разработки тому «Животный мир». На семинаре состоялось обсуждение следующих карт: ЛСЛ 220 «Детеныш белки» (автор – *М. В. Флягина*, ЮФУ), ЛСЛ 180 «Волчица» (автор – *Т. К. Ховрина*, Ярославский гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского), СМ 253 «Значения слова *горобец*» (автор – *В. Н. Гришанова*, ОГУ им. И. С. Тургенева), ЛСЛ 255 «Самка вороны», ЛСЛ 256 «Птенец вороны», ЛСЛ 258 «Собирательное название для ворон» (автор – *А. В. Приображенский*, КГПА), Л 266 «Самка голубя» (автор – *Н. В. Бурко*, ОГАУ), ЛСЛ 376 «Сверчок» (автор – *Н. А. Красовская*, ТГПУ), ЛСЛ 305 «Самка со-

ловья» (автор – Т. М. Малыхина, Курский гос. ун-т), Л 354 «Детеныш змеи» (автор – Л. М. Алёшина, ОГУ им. И. С. Тургенева), Л 356 «Ящерица» (авторы – Т. Е. Баженова, ПГСГА; Н. Ю. Баженов, СГУ), Л 357 «Дождевой червь» (автор – Р. В. Шишаков, Пензенский гос. ун-т), СМ 359 «Употребляется ли и в каких значениях слово *вьюн?*» (автор – Е. В. Цветкова, КГУ им. Н. А. Некрасова).

Участники совещания выразили надежду на публикацию в ближайшем будущем первого тома ЛАРНГ «Растительный мир» и интенсификацию работы над томом «Животный мир».

М. Л. Кулешова, А. С. Моругина
(Москва)

Международная научная конференция «Словенский язык, литература и культура в славянском и европейском контексте»

28–29 ноября 2016 года на филологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова прошла международная конференция «Словенский язык, литература и культура в славянском и европейском контексте». Конференция была приурочена к 25-летию Республики Словения и 45-летию словенской специализации на кафедре славянской филологии. Открытие конференции состоялось в библиотеке 1-го гуманитарного корпуса МГУ, где была также представлена «Словенская книжная выставка». К участникам и гостям конференции обратились Чрезвычайный и Полномочный посол Республики Словения в Российской Федерации господин *Примож Шелиго*, проректор МГУ, начальник Управления международного образовательного сотрудничества *Ю. А. Мазей*, сотрудник «Центра словенского языка как иностранного и второго иностранного», руководитель программы «Словенский язык в университетах за рубежом» *Мойца Нидорфер-Шишкович*, заместитель декана филологического факультета, доцент *Г. Е. Кедрова*, заведующая кафедрой славянской филологии, профессор *Н. Е. Ананьева*.

На **пленарном заседании** одной из ведущих тем являлось изучение словенского языка в России и за рубежом. *М. Нидорфер-Шишкович* (Центр словенского языка как иностранного и второго иностранного) рассказала о словенистике в университетах мира, среди которых МГУ имени М. В. Ломоносова занимает одно из важнейших мест. *О. С. Плотникова* (МГУ им. М. В. Ломоносова) и *Н. Н. Старикова* (ИСл РАН), в свою очередь, осветили плодотворную деятельность российских специалистов в различных областях, связанных со словенским языком: преподавание, перевод, лингвистика, литературоведение и т. д. Однако в настоящее время словенисты вынуждены столкнуться с рядом вызовов, часть из которых была рассмотрена в выступлениях докладчиков. Так, *М. Есеншек* (Мариборский университет) охарактеризовал языковую политику словенских университетов как «ошибочную» в связи с их стремлением ввести преподавание на английском языке. В докладе *М. Смолей* (Люблянский университет) была затронута проблема фактического неравноправия различных вариантов словенского языка, что приводит к недопони-

манию и, как следствие, к общественным конфликтам. Несмотря на вышеупомянутые и другие вызовы, в Словении и России продолжается активное исследование различных аспектов словенского языка: в частности, *Л. В. Куркина* (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН) рассказала об изучении словенской лексики в рамках проекта «Этимологического словаря славянских языков», а *В. Смоле* (Люблянский университет) описала процесс работы над лингвистическим атласом, второй том которого, под названием «Крестьянское хозяйство», вышел в 2016 г.

В секции «**Словенский язык на современном этапе. Лингводидактика. Языковая политика**» большая часть выступлений была посвящена проблемам синтаксиса и лексикологии. К первой тематике следует отнести доклад *А. Желе* (Институт словенского языка им. Франа Рамовша), в котором была рассмотрена теория предлога как свободной морфемы, затрагивающая не только область синтаксиса, но и словообразования, морфологии и семантики. Была представлена типология, в рамках которой полярными точками являются лексикализация глагола с предлогом как свободной морфемой и структурно-синтаксическая сочетаемость предлога в составе сочетания предлога с наречием. Проблема порядка слов в словенском языке стала основной для доклада *М. М. Громовой* (МГУ им. М. В. Ломоносова), посвященного сентенциальным клитикам в северо-восточных говорах. Исследование базировалось на обширном диалектном материале, был выявлен ряд закономерностей, характерных для исследуемой группы говоров. Особенности употребления союза *ra* рассмотрела *М. Лойк* (МГУ им. М. В. Ломоносова): по ее словам, основная отличительная черта данного союза заключается в том, что он не допускает порядка слов, при котором акцентированное слово стоит непосредственно за союзом или перед кластером клитик.

Вопросы анализа словенской лексики рассматривались в докладах *М. Л. Кулешовой*, *В. Есеншек*, *Б. Керна*. *М. Л. Кулешова* (МГУ им. М. В. Ломоносова) описала специфику семантики и сочетаемости слов *dober* и *lep*, а также других общеоценочных прилагательных с положительной коннотацией. Докладчица особо выделила дихотомию «качество – удовольствие», лежащую в основе противопоставления проанализированных единиц. В выступлении *В. Есеншек* (Мариборский университет) внимание уделялось главным образом вопросу соотношения языка и идеологии, становящемуся камнем преткновения при составлении словарей и оказывающему влияние как на процесс отбора слов, так и на их описание. Лексикографиче-

ская тематика также была затронута в докладе *Б. Керна* (Институт словенского языка им. Франа Рамовша), рассмотревшего характерные особенности словенских неологизмов. По словам докладчика, лексикон пополняется в основном за счет существительных; одной из специфических черт является также активное образование феминативов.

В рамках секции также прозвучали два доклада на лингводидактическую тематику. *М. Лутар* (Центр словенского языка как иностранного и второго иностранного) осветила процесс классификации учебников словенского языка как иностранного по общеевропейской шкале в зависимости от уровня обучающихся: отдельно оценивалось каждое задание и инструкция по его выполнению. *М. Кнез* (Центр словенского языка как иностранного и второго иностранного), в свою очередь, представила интернет-портал WRILAB2, цель которого – развитие навыков письма на словенском языке как вторым. Докладчица отметила, что важнейшей задачей в процессе обучения является знание особенностей текстовых жанров. Наряду с этим не были оставлены без внимания и вопросы социолингвистики. *О. А. Лысенко* (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого) рассказала о месте словенского языка в языковой политике Сербии. С ее точки зрения, несмотря на отдельные сложности, политику Сербии в отношении словенского языка в целом можно охарактеризовать как конструктивную и перспективную.

Большая часть докладов в рамках секции **«Сопоставительное и типологическое изучение словенского языка. Вопросы истории и этимологии»** была посвящена истории словенского языка. Выступающие рассматривали главным образом морфологию языка в диахроническом аспекте: в частности, в докладе *А. И. Плотниковой* (МГУ им. М. В. Ломоносова) был сопоставлен процесс развития флексии родительного падежа *-y/-u* у существительных мужского рода в истории словенского и русского языков. Было установлено, что в современных языках данное нестандартное окончание употребляется по-разному, несмотря на то что оно возникло в результате общих явлений, отмеченных еще в праславянском языке. *О. С. Плотникова* (МГУ им. М. В. Ломоносова) описала генезис и современное состояние словенского глагольного вида: в словенском языке функциональные границы употребления совершенного вида значительно шире, чем в русском, что было доказано на ряде примеров, в том числе использования данных форм в настоящем историческом, в сочетании с показателями кратности и т. д. Синтаксический аспект словенско-

го языка в его древнейшем состоянии был затронут *М. Шекли* (Люблянский университет) в докладе, посвященном союзам и частицам в Фрейзингенских отрывках. Выяснилось, что большая часть рассмотренных лексем (*i, a, že* и другие) отличается полисемичностью.

В докладах *Э. Кржишиник* и *Е. Коницкой* словенский и русский языки были сопоставлены на синхронном уровне в фразеологическом и лексико-семантическом аспектах. *Э. Кржишиник* (Люблянский университет) сравнила русские и словенские компаративные фразеологизмы с зоонимным компонентом и, помимо ряда ожидаемых параллелей в области коннотаций, отметила и несколько интересных различий, в частности у единиц с составляющей *mula/ušak*. Фразеологизмы с компонентом *бык/bik*, напротив, обнаруживают у словенского языка больше сходств с русским, нежели, например, с хорватским языком. *Е. Коницкая* (Вильнюсский государственный университет) выделила лингвокультурные коннотации, выявленные при анализе системы пространственных наречий словенского и русского языков. Одной из важнейших словенских черт является большая релевантность оппозиции «свой – чужой», находящая выражение в широкой сфере употребления наречий *noter – zunaj* (в значении *дома – за границей* и т. д.).

Три из пяти докладов в секции «**Словенский язык и языковые контакты**» были посвящены различным видам заимствований. *А. Леган-Равникар* (Институт словенского языка им. Франа Рамовша) рассказала о заимствованиях из немецкого в словенском языке XVI века: были описаны процессы трансформации лексического значения слова по сравнению с языком-источником (*cajhen*), изменение его эмоциональной и стилистической окраски (например, приобретение словом *ceremonija* пейоративной коннотации) и другие типы изменений. *И. Орел* (Люблянский университет) рассмотрела различные виды русизмов, присутствующих в словенских лексикографических источниках. В частности, в словенско-немецком словаре М. Плелершника присутствует около 400 слов, проникших в словенский из русского языка, из которых лишь 100 сохранились в современном языке. В докладе *Т. Якон* (Институт словенского языка им. Франа Рамовша) анализировались заимствования, характерные для словенских диалектов: большинство из них относится к германизмам, меньшая часть – к романизмам и мадьяризмам.

В двух докладах была затронута тема билингвизма в том или ином смысле: так, *И. Макарова-Томинец* (Приморский университет) описала языковой портрет русскоговорящего эмигранта в Словении,

его типичные грамматические и фонетические ошибки. Компетенция приезжих из стран бывшего СССР, по словам докладчицы, весьма неоднородна и зависит от многих факторов, включая длительность пребывания в стране, возраст, возможность дополнительного обучения и т. п. *Г. П. Пилипенко* (ИСл РАН), в свою очередь, проанализировал языковые стратегии двуязычных словенцев, живущих в итальянской провинции Триест. Среди речевых практик информантов, наряду с переключением кода между двумя языками (словенским и итальянским), присутствует также переход от общения на словенском литературном языке к разговору на диалекте и наоборот.

В секции **«Словенская литература: изучение, преподавание»** основное внимание докладчиков было уделено анализу творчества отдельных авторов и проблемам множественной языковой идентичности словенцев. К первой тематике относятся три доклада. *Н. Н. Старикова* выступление посвятила одной из самых загадочных фигур словенской литературы, авангардному поэту и смелому экспериментатору *А. Подбевшеку*, чьи произведения во многом опережали литературную практику его современников-словенцев. *А. С. Моругина* (МГУ им. М. В. Ломоносова) рассмотрела в своем докладе роль автобиографических мотивов в романе Драго Янчара «Насмешливое вожделение», много внимания уделив жанровому определению произведения. В докладе *Е. В. Шатъко* (ИСл РАН) рассматривалось функционирование текста новеллы «Могила для Бориса Давидовича» сербского автора Данилы Киша внутри драмы «Могила для пекарни» словенского писателя Иво Светины. В большинстве докладов были затронуты проблемы билингвизма и национальной самоидентификации словенских авторов, пишущих не на родных языках. *А. Г. Бодрова* (СПбГУ) в своем докладе показала, как воспринимают на родине творчество Альмы Карлин, немецкоязычной писательницы словенского происхождения, а также обозначила транснациональность ее творчества, которое проблематизирует само понятие национальной литературы и ее границ. Бодрова приходит к выводу, что произведения Карлин можно отнести к региональной словенской литературе, а именно региону Штирии, с которым писательница тесно связана. Схожие проблемы множественной языковой и культурной идентичности на примере творчества словенских поэтесс австрийской Каринтии рассмотрела в своем докладе *А. Н. Красовец* (ИНИОН РАН). Цветка Липуш и Майя Хадерлап – представительницы словенского меньшинства в австрийской Каринтии, и обе создают свою поэзию, балансируя между немецким и словенским языками, затра-

гивают сложные национальные вопросы, а также проблемы рода, семьи и языка. В выступлении *Ж. В. Перковской* на материале произведений Мирослава Кошуты и Марко Кравоса было продемонстрировано, как осуществляется «борьба за жизнь» словенского языка в триестинской историко-культурной среде. О реакции современной литературы на недавнее трагическое прошлое, связанное с конфликтом на Балканах и распадом СФРЮ, говорил в своем выступлении *К. Я. Козак* (Приморский университет, Словения), подчеркивая, что лишь немногие авторы, среди которых *Д. Йованович*, *Борис А. Новак* и *Д. Поточняк*, смогли творчески отреагировать на случившееся. Жанровые разновидности сербского исторического романа 1970-х гг. в южнославянском контексте затронул в докладе *С. Н. Мещеряков* (МГУ им. М. В. Ломоносова), отметивший, что в сербской литературе рассматриваемого периода сохранялись традиции романа-параболы с историческим сюжетом, что наблюдалось также в словенской, хорватской и болгарской литературах. Доклад *А. Бельчевича* (Люблянский университет) был посвящен истории словенского стиха, в которой было представлено четыре системы стихосложения в следующем хронологическом порядке: силлабическое стихосложение, книжное силлабо-тоническое стихосложение, дольник и свободный стих. Доклад *Б. Кракар-Вогель* (Люблянский университет) был обращен к проблемам методологии и современным принципам преподавания литературы в школе. В настоящее время изучение литературы в школе опирается на следующие принципы: 1. принцип содержательности и наглядности текста, 2. принцип доступности материала, 3. принцип рецептивно-коммуникативной образовательной модели (для 1–9 классов) и принцип дидактической модели (для гимназий), а также 4. принцип развития ключевых компетенций.

В секции **«Русско-словенские научные и историко-культурные связи»** большинство выступавших рассматривало взаимодействие между русскими и словенцами с ретроспективы XIX – начала XX вв., когда эти связи установились и активно развивались. Сюда можно отнести доклады *И. В. Чуркиной*, *М. Л. Бершадской*, *Л. А. Кирилиной*, *Т. И. Чепелевской*, *А. Г. Шешкен*. В докладе *И. В. Чуркиной* (ИСл РАН) речь шла об изучении русского языка словенцами в 1860–1870 гг., когда после поражения Австрии от Пруссии в словенской среде увеличились русофильские настроения. *М. Л. Бершадская* (СПбГУ) выступление посвятила образу России периода Первой мировой войны, который оставили в дневниках и воспоминаниях словенские «военнопленные» Александр Личан, Воеслав Моле и

Франц Зупанчич. Подобную предыдущему докладу тему развила и *Л. А. Кирилина* (ИСл РАН), рассмотревшая отношение словенских политиков к России в начале XX в., на которое прежде всего влияла их политическая ориентация, в зависимости от которой Россия для них приобретала статус друга или врага. Внимание *Т. И. Чепелевской* (ИСл РАН) было сосредоточено вокруг роли переводческой и популяризаторской деятельности фольклориста, писателя, переводчика и культурного деятеля Янеза Трдины для развития словенско-русских связей (на материале его рукописной книги «Русские»). *А. Г. Шешкен* (МГУ им. М. В. Ломоносова) рассказала о деятельности группы русских ученых, живших в Любляне и создавших там в 1924 г. «Русскую матицу», в задачи которой входило воспитание и просвещение русской молодежи, и прежде всего издание русских книг. Два доклада в данной секции было обращено к новейшему опыту взаимодействия и культурного обмена между двумя странами. Сюда относятся выступление *Д. Хубера* (Люблянский университет) о Семинаре словенского языка, литературы и культуры и Международном научном симпозиуме «Обдobjа» с точки зрения участия в них россиян, а также доклад *Ю. А. Созиной* (ИСл РАН) о переводе словенской литературы на русский язык в наше время, в чем большую роль сыграли усилия Института славяноведения РАН и Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М. И. Рудомино.

В секции **«История. Культура. Фольклор»** большинство докладов было посвящено кирилло-мефодиевским традициям в словенском литературном фольклоре. *М. Станоник* (Институт этнографии Словении НИЦ Словенской Академии наук и искусств) коснулась в своем выступлении упоминаний маршрута св. Кирилла и Мефодия в словенских фольклорных источниках, согласно которым святые братья по пути в Рим посетили в том числе словенские населенные пункты. О продолжении кирилло-мефодиевской традиции на территории современной Чехии рассказал в своем докладе *А. И. Изотов* (МГУ им. М. В. Ломоносова). *Б. Иванчич-Кутин* (Институт этнографии Словении НИЦ Словенской Академии наук и искусств) выделила в словенском фольклоре мотивы преданий о «кривопетах» – женщинах, ступни которых развернуты задом наперед, а также составила классификацию такого рода преданий и описала их. Она пришла к выводу, что мотивы, представленные в преданиях о «кривопетах», полностью или частично совпадают не только в славянском, но и в мировом фольклоре (например, мотив брака между человеком и мифическим персонажем). Доклад *К. Пиузи* (КНУ им. Т.

Шевченко) представлял собой попытку определить место сони (слов. *polh*) в славянском фольклоре, где в качестве персонажей выступают животные. Соня – это животное, чей облик в ходе веков прочно укоренился в сознании словенского народа, проник в его литературу и язык. Доклад *Н. С. Пилько* (ИСл РАН) освещал культурную жизнь Любляны в период итальянской оккупации в 1941–1943 гг. По сравнению с ситуацией, сложившейся в германской и венгерской оккупационных зонах, в Люблянской провинции положение словенской культуры было более выигранным – во многом потому, что итальянские власти не запретили употребление словенского языка.

Во время заключительного заседания и подведения итогов конференции оргкомитет и участники конференции выразили надежду на то, что ученые двух стран и в дальнейшем продолжат успешное сотрудничество, а МГУ им. М. В. Ломоносова продолжит выпускать квалифицированных специалистов в области словенистики.

О. А. Остапчук
(Москва)

Круглый стол «Украинский язык в государственной политике и общественной мысли в Российской империи и Советском Союзе»

Отдел восточного славянства, действующий в Институте славяноведения РАН с 1998 г., объединяет специалистов-гуманитариев различных специальностей, для которых широко понимаемая украинистическая проблематика является, без преувеличения, одним из научных приоритетов. Результаты их исследований, демонстрирующих комплексный подход к материалу – будь то историческому или лингвистическому, – регулярно публикуются, в частности, на страницах ежегодника «Белоруссия и Украина. История и культура» и в тематических сборниках. Не менее важно, что Отдел стал важной научной площадкой, собирающей историков, филологов, культурологов, политологов для обсуждения актуальных вопросов истории и культуры восточных славян, в том числе украинцев. Так, именно Отдел стал инициатором организации круглого стола на тему «Украинский язык в государственной политике и общественной мысли в Российской империи и Советском Союзе», на котором 6 декабря 2016 г. выступили как сотрудники Института славяноведения, так и исследователи из других московских научных центров (Института российской истории РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова, РГГУ и Лингвистического университета). Обсуждаемые вопросы вполне предсказуемо вышли далеко за рамки собственно лингвистической проблематики, включив историко-культурные и политические аспекты внешнего функционирования украинского языка в коммуникативном пространстве в различные периоды его истории.

Круглый стол открылся выступлением *С. С. Лукашовой* (ИСЛ РАН) «Языковая среда в Киево-Могилянской академии в XVIII в.». Разбирая вопросы изучения иностранных языков в этом учебном заведении, сыгравшем исключительную роль в развитии высшего образования на восточнославянских землях, докладчица сосредоточилась на проблемах качества их преподавания, а также оценки степени владения и уровня востребованности каждого из языков после окончания студентами учебного курса. Материалом для выступления послужили программы обучения и посвященные им документы (переписка, должностные инструкции). Так, в докладе отмечалось, что в качестве особых предметов для изучения в Киево-Могилян-

ской академии фигурировали латынь, реже – греческий и иврит. В то же время польский язык специально в качестве иностранного не изучался, видимо, предполагалось, что он уже известен студентам, поскольку стихосложению они учились именно по-польски. Похожая ситуация наблюдалась и с «простой мовой», отсутствовавшей в программе как отдельный предмет, однако упражнения в риторике явно предполагали владение ею. С. С. Лукашова особое внимание уделила функционированию различных регистров языка, включая родной язык учащихся во всех его вариантах; в этой связи упоминались студенческие театральные представления, рождественские вертепы, сбор милостыни, а также репетиторство в городе. Выступавшая подчеркнула, что сохранившиеся документы не позволяют говорить о негативном отношении администрации Академии, а также светских или духовных властей к малороссийской «простой мове», фактически выполнявшей функции литературного языка в XVIII в., или о принудительном вытеснении ее великорусским языком в процессе обучения или в студенческом обиходе. В ходе выступления и последовавшей за ним дискуссии обсуждался также вопрос о том, насколько языковая среда Киево-Могилянской академии была открыта и комфортна для выходцев из других регионов Российской империи.

М. В. Лескинен (ИСл РАН) посвятила свое выступление публичным дебатам второй половины XIX в. о статусе восточнославянских языков / наречий в российском общественном сознании, опираясь на анализ существовавших в то время лингвистических и этногенетических классификаций славянских народов и языков. Так, было отмечено, что в 1840-е гг. важнейшей проблемой для российских исследователей и публицистов стала проблема выделения группы восточнославянских («русских») языков в самостоятельную, отличную от других, ветвь славянских языков. Для деятелей российской науки, таких как Н. И. Надеждин, О. М. Бодянский и М. А. Максимович, это напрямую было связано со статусом русского языка и проблемой деления его на наречия. Попытки приведения в соответствие этнографической и лингвистической классификаций привели к тому, что во второй половине XIX в. возобладала концепция Надеждина, согласно которой русскому триединому племени соответствовал русский язык, а отраслям (ветвям или поколениям) русского племени – т. е. великорусам, малорусам и белорусам – три его наречия. В выступлении особо подчеркивался дискуссионный характер содержания понятий «язык», «наречие», «говор» («диалект») как таковых в этот период. Если в словарях и энциклопедиях пред-

лагались в качестве общепринятых узколингвистические определения, то в языке публицистов и популяризаторов науки эти термины были неоднозначными, и их трактовку можно прояснить лишь путем контекстуального анализа. М. В. Лескинен отметила, что нередко в произведениях одного и того же автора, например, «наречие» используется и в качестве классификационной единицы, более мелкой, чем язык, и для разграничения устной речи и письменного литературного языка, и как общий термин, синонимичный языку. В последней трети XIX в. в научной и учебной российской литературе малороссийское / малорусское наречие по-прежнему признавалось одним из трех наречий русского языка, которому, таким образом, было отказано в наличии признаков языка литературного. Как отметила докладчица, именно эта классификация благодаря закреплению ее во всех крупных словарях и энциклопедиях того времени использовалась в качестве критерия для установления иерархии народов (этнических групп) и языков в целом, а следовательно и определения их исторического / культурного статуса в общественном сознании и политической мысли.

Хронологическим и логическим продолжением предшествующего выступления стал доклад *М. Э. Клоповой* (ИСЛ РАН), сосредоточившейся на дискуссиях начала XX в. в Государственной Думе и периодической печати о преподавании украинского языка в школе. Эпоха после 1905 г. демонстрирует явный поворот в сторону коммуникативной эмансипации украинского языка, пусть и в ограниченных рамках. Как было отмечено в выступлении, проблема статуса украинского языка как таковая выносится здесь за скобки, в то же время, на заседаниях III и IV Государственной Думы не раз поднимался вопрос о целесообразности изучения украинского языка в начальной школе, что было очевидным образом связано с обсуждением реформы начального образования, начавшейся в 1908 г. Несмотря на то, что представителями малороссийских губерний в Думе были люди самых разнообразных политических взглядов, большинство из них положительно отнеслись к идее преподавания местного (украинского) языка в сельских школах. Так, первой, 29 марта 1908 г., с законопроектом «О языке преподавания в начальных школах с малороссийским населением» выступила группа депутатов-священников, предложившая сочетать обучение как на русском, так и на украинском языках. Спустя два года, в 1910 г., вопрос о языке преподавания в начальных школах возник вновь в связи с обсуждением в Государственной Думе проекта всеобщего 4-летнего образования, на

сей раз связанного с инициативой преподавания в «инородческих» школах национальных языков. Предложение обеспечить украинцам те же права, что и «инородцам», первоначально не получило поддержки, однако в ходе дискуссии П. Н. Милюков заявил о необходимости и возможности развития начального образования на украинском языке. Этот вопрос неоднократно возвращался в повестку дня и на заседаниях IV Государственной Думы. М. Э. Клопова отметила, что необходимость введения украинского языка в образование большинство выступавших аргументировали тем, что изучение родного языка в начальной школе будет способствовать ликвидации неграмотности и повысит общий культурный и образовательный уровень, однако вопрос об украинском языке на более высоких ступенях образования и в других сферах культурной жизни не обсуждался.

Вполне закономерно наибольшее внимание участников круглого стола привлек межвоенный период (1920–30-е гг.), ознаменовавшийся кардинальным изменением номинального и фактического коммуникативного статуса украинского языка в публичном пространстве. *Е. Ю. Борисенко* (ИСл РАН) представила обзор инструментов политического влияния, разработанных советским правительством для управления языковой сферой. В выступлении была подчеркнута связь украинской языковой политики с общей советской политикой коренизации, проводившейся в 1920–30-е гг. и ориентированной на развитие национальных языков и культур в рамках национальных территориальных образований различного уровня, от республики до сельсовета, при строгом соблюдении социалистического содержания культурно-языкового движения. Декларированный советской властью курс на внедрение двух и более языков в речевую практику населения национальных республик предполагал, что каждый гражданин страны, помимо родного языка, по крайней мере в теории, должен был овладеть и языком «коренного населения» национальной республики, и русским языком как языком общения между представителями различных наций. При этом, как подчеркнула выступавшая, полиэтничный характер страны Советов в сочетании с социальной мобильностью населения требовал не только обеспечения языковых прав наций, но и регламентации места и обеспечения статуса русского языка, прежде всего на основе его введения в программу обучения во всех учебных заведениях страны. Колебания политики в языковой сфере были тесно связаны с формированием общей идеологии: если в 1920-е гг. основное внимание уделялось национальным языкам и внедрению их в публичное пространство, то в 1930-е гг.

акцент сместился – был взят курс на повышение роли русского языка и создание единого «советского народа». Началась борьба с «националистическими проявлениями» среди представителей как «коренной национальности», так и национальных меньшинств, носившая явно репрессивный характер. Административная реформа, в ходе которой была упразднена часть национальных территориальных образований, сочеталась с реорганизацией школьного образования для представителей национальных меньшинств. В докладе было подчеркнуто, что при этом говорить о полной русификации в 1930-е гг. в УССР не приходится: программа украинизации – по крайней мере номинально – продолжала действовать и в области обучения, и в области издания литературы, и в кадровой сфере, хотя и подверглась существенной корректировке. В дискуссии обсуждались проблемы кадрового и научного обеспечения процесса украинизации, причины реформирования политики в языковой сфере, а также отношение жителей Советской Украины с различным языковым опытом и родным языком к проводимой политике.

На собственно лингвистических аспектах языковой политики в Советской Украине в 1920–30-е гг. остановилась в своем выступлении *О. А. Османчук* (ИСл РАН). Безусловное принятие самого термина «украинский язык» в противовес имперскому «малороссийское наречие» советскими властями означало, в частности, признание его независимого статуса и сочеталось с его полномасштабной коммуникативной эмансипацией: украинский язык призван был выполнять весь спектр «высоких» функций в культурном пространстве, ранее для него недоступных, однако также и функцию идеологическую. Это естественным образом потребовало развития собственно языковых ресурсов, прежде всего словарных, а также нормализации грамматики и правописания. В сфере языкового строительства на первый план вышел вопрос не о том, быть ли украинскому языку, а о том, *каким* должен быть язык украинской социалистической нации. С одной стороны, для украинского языка это означало настоящий прорыв в сфере кодификации: именно в 1920-е годы был завершен длившийся несколько десятилетий процесс выработки единой литературной нормы, ставшей компромиссом между «западной» и «восточной» культурно-письменными традициями. По-настоящему революционные достижения были достигнуты в сфере терминологии, в деле создания специальных и общеязыковых словарей. С другой стороны, прямое идеологическое вмешательство в языковую сферу сочеталось с откровенно волюнтаристским подходом к отбору языковых

средств, призванных быть не просто «правильными», но и «идеологически верными», что особенно драматично проявилось в 1930-е гг. О. А. Остапчук использовала материалы, связанные с работой Института научного языка Всеукраинской академии наук, ставшего основным центром кодификации обновленного в соответствии с духом социальных преобразований литературного украинского языка. После изменения политического курса и трансформации языковой политики в 1930-е гг. именно он стал основным объектом критики, повлекшей за собой откровенно репрессивную оценку отдельных лексем и целых лексикографических работ (что имело своим следствием также репрессии в отношении создававших их ученых) как «буржуазно-националистических» и «враждебных» пролетарской идеологии. Это означало, среди прочего, кардинальное изменение содержания и сущности языковой политики, остававшейся номинально украинской и украинизаторской.

Малозвестным аспектам украинизации в школах на территории РСФСР посвятил свой доклад *К. С. Дроздов* (ИРИ РАН). Широкое привлечение архивного материала позволило докладчику показать, как в губерниях Центрального Черноземья и на Кубани, где проживало наибольшее количество украинского населения России, происходила реализация директивных указаний партии и правительства в языковой сфере. Автор доклада отметил характерные особенности этого процесса, обусловленные двойственной идентичностью украинской по происхождению части населения РСФСР, которое считало себя не украинцами, а «хохлами», «суржиками» или «перевертнями», в качестве родного языка («ридной мовы») называя русский. В выступлении также был затронут вопрос о содержании украинизации. Так, отмечалось, что многие руководители отделов народного образования и школьных учреждений на местах (например, в Белгородском уезде Курской губернии) в качестве украинского языка вводили в сферу образования местный «слободской» говор, на котором, в частности, проводилась и ликвидация неграмотности. Особо остановился К. С. Дроздов на проблеме недостаточного обеспечения школ учебниками и учебными пособиями, а также учителями, владеющими украинским языком. Печальный итог – крайне низкое качество украинизации – вынужден был констатировать, в частности, в заключительном слове на съезде нацменьшинств сотрудник Отдела национальностей ВЦИК *З. С. Островский*. И это несмотря на то, что, как показал в докладе *К. С. Дроздов*, за десять лет (с 1922/23 по 1932/33 учебные годы) в деле украинизации народного образования

в Центральном Черноземье были достигнуты определенные успехи: по крайней мере, перед началом 1932/33 учебного года в директиве Центрально-Черноземного ОблОНО говорилось, что проблема украинизации учреждений народного образования в ЦЧО в основном разрешена. Последовавшее вслед за этим свертывание украинизации в полном соответствии с изменением общего политического курса проходило на Кубани стремительно и полномасштабно. Так, посреди учебного года, с 15 января 1933 г., было не только прекращено преподавание украинского языка во всех без исключения школах, но и запрещен выпуск почти 20 украинских газет и журналов; прекратилось радиовещание на украинском языке; закрылось несколько сотен школ; были ликвидированы украинский педагогический и научно-исследовательский институты, все украинские педагогические техникумы, и «по специальному указанию были сожжены все украинские библиотеки». Как полагает автор доклада, после «деукраинизации» середины 1930-х гг. среди украинцев России возобновился процесс естественной ассимиляции с постепенной сменой национальной идентичности с украинской на русскую.

На несколько ином территориальном и временном материале проблему директивного введения украинского языка в публичное пространство рассмотрел *М. Ю. Дронов* (Исл РАН). Свое выступление он посвятил русско-украинскому языковому дуализму на послевоенной Пряшевщине (современные северо-восточные районы Словакии), основываясь на материалах местной печати. В марте 1945 г. была основана Украинская народная рада Пряшевщины, претендовавшая на представительство всего русинского населения региона. Несмотря на свое название, национально-языковая политика рады была преимущественно русофильской. Отсутствовала четкость в вопросе о национальной принадлежности русинов, в официальной сфере доминировал русский язык. Однако уже в феврале 1948 г. в просоветской Чехословакии был взят курс на приведение национально-языковой политики в регионе в соответствие с теми мерами культурно-языкового строительства, которые предпринимались в ставшем советским Закарпатье. В результате, как отметил *М. Ю. Дронов*, только в начале 1950-х гг., после основания Культурного союза украинских трудящихся, была проведена украинизация Пряшевщины с масштабным введением украинского литературного языка в публичное и культурное пространство. Это, однако, привело к парадоксальным результатам; учитывая специфику этнического самосознания населения края, традиционно ориентированного ско-

рее на Русь / Россию, большая часть русинского населения сделала выбор в пользу не украинской, а словацкой культурно-языковой идентичности.

Собственно лингвистическая проблематика возобладала вновь в выступлениях заключительного блока круглого стола, объединившего специалистов-филологов. Свой доклад «Язык – наречие – мова. Статус украинского языка в русском дискурсе советского периода» Е. Е. Левкиевская (РГГУ) построила на материале Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru). Докладчица представила свои наблюдения над тенденциями контекстного употребления выражений «украинский / малорусский / малороссийский язык», «украинское / малорусское / малороссийское наречие» и «украинская / малорусская / малороссийская мова» в русских письменных текстах XX в. – от последних десятилетий дореволюционного периода до первого постсоветского десятилетия, что позволило ей определить место названных выражений в системе языковых средств, служащих для выражения оценки в языковом сознании. Одним из ведущих параметров для вычленения тенденций в сфере словоупотребления послужила частотность употребления указанных сочетаний. Так, согласно выводам Е. Е. Левкиевской, нейтральное для современного языкового сознания сочетание «украинский язык», лишь спорадически представленное в текстах начала XX в., становится доминирующим лишь в советский и постсоветский периоды. Одновременно в публицистике 90-х гг. XX в. возрастает частотность маркированного, негативно окрашенного сочетания «украинская мова», служащего для выражения иронического и/или презрительного отношения к языку и/или политической идентичности. Обратная тенденция была отмечена для сочетаний «малороссийский язык» и «малороссийское наречие»: будучи весьма частотными в дореволюционный период, в советских текстах они употребляются лишь как стилистически окрашенные историзмы, отнесенные в прошлое, однако продолжают активно использоваться в языке белой эмиграции, в современном дискурсе спорадически появляясь как средство эмоциональной оценки. Доклад, как и последовавшая за ним дискуссия, позволили установить связь между частотностью выражений, употребляемых в русском публичном дискурсе для обозначения украинского языка, и его статусом в общественном сознании.

В завершение круглого стола прозвучали выступления коллег-филологов из Лингвистического университета. Так, доклад А. А. Шехватовой был посвящен одной из ключевых проблем для со-

временного украинского дискурса о культуре речи – проблеме суржика и смешанной речи, рассмотренной сквозь призму отношения к речевым ошибкам и с опорой на материал электронных и печатных СМИ. Свой краткий обзор основных фактов из истории языковой ситуации на украинских землях в XIX–XXI столетиях представила А. А. Овсянникова.

Совмещение в рамках круглого стола выступлений, осветивших различные аспекты языковой проблематики, придали обсуждаемой теме необходимую глубину и многогранность. Лучшим доказательством продуктивности такого подхода стали активные дискуссии, в которых приняли участие все выступавшие. В ближайшем будущем ожидается публикация статей по материалам круглого стола в одном из тематических периодических изданий.

Д. В. Мельник
(Москва)

Круглый стол «Вектор non-fiction в современных литературах Центральной и Юго-Восточной Европы»

13 декабря 2016 г. в Отделе современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН прошел круглый стол на тему «**Вектор non-fiction в современных литературах Центральной и Юго-Восточной Европы**», в ходе которого был рассмотрен круг вопросов, связанных с текущим состоянием «литературы факта» в странах региона, ее этическими задачами и художественными возможностями.

Н. Н. Старикова (ИСл РАН) во вступительном слове кратко очертила круг поднимаемых вопросов и научных задач. *И. Е. Адельгейм* (ИСл РАН) представила доклад «“Литература нон-фикшн вселяет надежду...”». Польский литературный репортаж о военных преступлениях», в котором был поставлен вопрос о целесообразности литературных репортажей о массовых трагедиях, которые СМИ уже показали в реальном времени. Также в докладе были рассмотрены эстетические, этические, психологические задачи и возможности опирающегося на факт художественного слова с его сложной связью между объективным и субъективным – в эпоху девальвации эмоционального воздействия неопосредованной визуальности. Автор доклада «Основные тенденции развития словацкой литературы факта и биографические романы Лацо Зрубца» *А. Г. Машкова* (МГУ им. М. В. Ломоносова) рассмотрела историю развития словацкой «литературы факта», начиная с ее основоположников Л. Штура и Й. М. Гурбана (начало XIX в.) и заканчивая творчеством современных создателей этого вида литературы. Основное внимание автор доклада сосредоточила на произведениях Л. Зрубца, в частности на его романе «Дважды умерший» (2008). *Н. М. Куренная* (ИСл РАН) в докладе «Белорусская документальная проза: от Максима Горьцкого до Светланы Алексиевич» рассмотрела проблему творческого превращения документального факта в факт художественной литературы в произведениях М. Горьцкого, А. Адамовича, Я. Брыля, В. Колесника. Поэтику созданных ими художественно-документальных произведений отличает своеобразная техника монтажа, селекция материала и пр. *Л. Н. Будагова* (ИСл РАН) в докладе «К проблеме “поэзии факта”», рассматривая конкретные примеры, пришла к выводу, что

«литературу факта» нельзя ограничить только прозой, в ее сферу попадает и поэзия. *А. Г. Шешкен* (МГУ им. М. В. Ломоносова) в докладе «М. Гюрчинов. “Постижение действительности” (2000) как образец македонской автобиографической прозы» отметила значение книги воспоминаний выдающегося македонского литературоведа М. Гюрчинова для развития македонской документальной прозы. Автор пишет «о времени и о себе», уделяя особое внимание процессу становления литературы на македонском языке. Один из авторитетных исследователей русской литературы, Гюрчинов неоднократно бывал в России и встречался со многими русскими писателями, лично был знаком с сыном Б. Пастернака, о лирике которого написал монографию. В связи с этим его воспоминания представляют интерес и для российского читателя. *А. Н. Красовец* (ИНИОН РАН) в своем выступлении «Гленн Гульд в качестве главного героя романа Мирта Комяла “Прикосновение пианиста”» рассмотрела проблему документальности в биографическом плане. Образ главного героя романа во многих своих чертах основывается на личности канадского пианиста Гленна Гульда (1932–1982), выступающего прототипом эксцентричного гения, чье обостренное осязание превратило его отношение к музыкальному инструменту в фетиш. В докладе *Н. Н. Стариковой* (ИСл РАН) «Национально-освободительная борьба и социалистическая Югославия глазами очевидцев: “личная” история эпохи в романе М. Кресе “Страшно ли мне..?”» рассмотрена одна из актуальных и продуктивных тенденций развития современного словенского романа, в основе которой лежит индивидуальный опыт «личного» переживания истории. Роман Маруши Кресе (1947–2013) «Страшно ли мне?..», вышедший в год ее смерти, обращен к событиям военного и послевоенного прошлого Словении, представленным через субъективную, главным образом «женскую», оптику. В судьбе отдельно взятой словенской семьи отражается история целой эпохи, что дает автору возможность затронуть некоторые до сих пор «неудобные» для словенцев вопросы: раскол нации во время фашистской оккупации, обесценивание идеалов национально-освободительной борьбы и беззаконие властей в годы социализма, разжигание и обострение межнациональных противоречий в пост-югославский период. *Л. Ф. Широкова* (ИСл РАН) в докладе «“Устная история” как художественный прием в словацкой прозе XXI в.» обратилась к одной особенности современной словацкой литературы. В 2000-е гг. в словацком культурном сознании усилился интерес к недавнему, социалистическому прошлому. Публиковались воспоминания, документальные книги

о жизни в Словакии в 1950–1990-е гг., близкие к историческим исследованиям в жанре «устной истории». Схожие явления обнаружены и в художественной прозе – в романах П. Виликовского «Первая и последняя любовь» (2013), П. Ранкова «Матери» (2011), в книгах Й. Банаша «Остановите Дубчека!» (2009) и «Зона энтузиазма» (2008). За счет использования приема «устной истории» повествование становится стилистически и фабульно более многоплановым, усиливается эффект правдивости и достоверности художественного высказывания. Доклад *Е. В. Шатько* (ИСл РАН) «Взгляд на эпоху: диалог М. Ерговича и С. Басары в романе “Всякая всячина” (2014)» посвящен роману-диалогу «Всякая всячина», представляющему собой онлайн-переписку хорватского автора М. Ерговича и сербского писателя С. Басары. Авторы обращаются к судьбам бывших югославских республик после 1991 г. и затрагивают вопросы состояния национальных литератур, языковой политики, войны, политики, технического прогресса, исламского фундаментализма, глобализации и др. Книга имела успех среди сербских читателей, так как это первый пример литературного осмысления событий 1990–2000-х гг. на пространстве бывшей Югославии. *Н. А. Лунькова* (ИСл РАН) в докладе «Катя Зографова. “Болгарская одиссея Весны Парун”: судьба в письмах» рассмотрела критический опыт болгарской исследовательницы Кати Зографовой, посвященный «болгарскому» периоду творчества известной хорватской поэтессы Весны Парун. К. Зографова характеризует эту работу как «драматичную хронику 60-х гг. XX в.», раскрытую через личную переписку В. Парун и болгарского актера В. Чаушева. *Ю. П. Гусев* (ИСл РАН) в докладе «Факт и вымысел (исторические романы Дёрдя Шпиро)» на материале исторических романов современного венгерского писателя Д. Шпиро доказывает, что в литературном произведении вымысел – элемент более органичный и эффективный, чем факт и документ. Факт не противоречит вымыслу, а помогает ему в достижении истины. *А. В. Усачева* (ИСл РАН) посвятила свое выступление «Элементы non-fiction в романе Флорины Илис “Параллельные жизни” (2012)» литературному произведению о последних годах жизни известного румынского поэта Михая Эминеску (1850–1889). Писательница художественно осмысляет документы и воспоминания современников, создавая роман, в котором Эминеску как реальная историческая личность живет параллельно с Эминеску – культурным мифом XX в. *Е. В. Байдалова* (ИСл РАН) в докладе «Владимир Винниченко как герой современной украинской биографической прозы: рождение мифа» обрати-

лась к вопросу о формировании литературного мифа о писателе и политике В. К. Винниченко (1880–1951) в современной украинской биографической прозе. В центре данного мифа – актуализация представления о Винниченко как активном деятеле украинского национально-освободительного движения начала XX столетия.

На основе докладов, прозвучавших на круглом столе, в обозримом будущем планируется публикация сборника статей.

*А. С. Добычина
(Москва)*

К юбилею болгарского историка-медиевиста Г. Н. Николова

13 июля 2017 г. исполняется 60 лет нашему болгарскому коллеге-медиевисту доктору Георги Николову Николову – заместителю декана исторического факультета Софийского университета им. св. Климента Охридского, доценту кафедры истории Болгарии, учредителю Ассоциации византинистов и медиевистов в Болгарии (София, Болгария), Международной ассоциации по болгаристике (София, Болгария), Комиссии по исторической географии и пространственному анализу Византии при Международной ассоциации византийских исследований (АИЕВ) (Вена, Австрия), члену Комиссии экспертов при Исследовательском центре по изучению истории и культуры Средиземноморья и Юго-Восточной Европы им. Вальдемара Керана (Лодзь, Польша), члену Научного совета Центра славяно-византийских исследований им. И. Дуйчева (София, Болгария), члену Научного совета Македонского научного института (София, Болгария), автору 4 фундаментальных монографий и более 150 статей как научного, так и научно-популярного характера.

Его плодотворная исследовательская деятельность насчитывает почти 40 лет: еще будучи студентом, в 1978 г., Г. Н. Николов при активном содействии заведующего кафедрой истории Болгарии, доцента В. Т. Гюзелева, его будущего научного руководителя, организует «кружок» по средневековой болгарской истории, регулярные заседания которого вскоре превращаются в полноценные научные мероприятия. На них выступают уже получившие признание историки, филологи и искусствоведы: Э. Бакалова, Б. Димитров, В. Тыпкова-Заимова и др. – и пробуют свои силы молодые исследователи, среди которых и сам Г. Н. Николов со своим первым серьезным научным докладом о средневековом городе Боруе, на материалах которого впоследствии будет опубликована его первая печатная работа «Военно-политическая история средневекового города Боруи» (1981).

Большое влияние на формирование Г. Н. Николова как ученого оказало не только плодотворное общение с его коллегами по Софийскому университету, плеядой талантливейших историков: В. Гюзелевым, М. Каймакамовой, Д. Ангеловым, Г. Бакаловым, Н. Генчевым и т. д., – но и участие в крупнейших археологических раскопках свое-

го времени: прежде всего средневековых столиц Первого Болгарского царства, Преслава (под руководством Д. Овчарова) и Плиски (под руководством Л. Дончевой-Петковой). Важнейшей вехой в его научной биографии становится аспирантура в Центре славяно-византийских исследований, где он имеет возможность работать с такими маститыми учеными своего времени, как А. Джурова, Г. Бакалов и К. Станчев. В качестве сотрудника Центра Г. Н. Николова занимается разбором архива и богатейшей библиотеки покойного И. Дуйчева, «посмертно» ставшего своего рода «научным руководителем» для молодого медиевиста.

С 1990 г. Г. Н. Николов начинает преподавательскую деятельность в Софийском университете, ведет многочисленные семинары и спецкурсы, а в 2001 г. защищает диссертацию по теме «Централизм и регионализм в раннесредневековой Болгарии (VII–XI в.)», послужившую основой для вышедшей в 2005 г. первой монографии исследователя с тем же названием. В 2011 г. выходит вторая фундаментальная работа историка «Самостоятельные и полусамостоятельные владения в возобновленном Болгарском царстве (конец XII – середина XIII в.)».

Главной отличительной чертой работ Г. Н. Николова-историка является комплексный подход к изучению болгарского средневековья, исследование общих закономерностей и процессов развития средневековой болгарской государственности, проходившей через стадии централизма, регионализма и период апанажных владений. При этом, следуя традициям болгарской медиевистики, заложенным еще ее классиками, В. Златарским и П. Мутафчиевым, Г. Н. Николов рассматривает историю средневековой Болгарии в контексте ее тесного переплетения с судьбами других балканских государств и, что особенно важно, Византийской империи. Его статьи «Болгары и Византийская империя (август – ноябрь 1185 г.)» (2006), «Внутриполитическое развитие возобновленного Болгарского царства (конец XII – конец XIII в.): факторы и проблемы» (2009) по значимости выводов представляют собой минимонографии и вносят существенный вклад в осмысление проблематики «византийских образцов» и болгаро-византийского взаимодействия в период средневековья. Интерес к последней отчетливо проявляется и в двух недавно вышедших монографиях Г. Н. Николова об эпохе царя Самуила (980–1014) «Болгарский царь Самуил» (2014) и «Царь Самуил» (2016).

В настоящее время Г. Н. Николов продолжает работу в Софийском университете, успешно совмещая преподавательскую деятельность

ность с обязанностями заместителя декана исторического факультета университета и членством в редколлегиях таких авторитетных научных изданий, как «Минало», «Palaeobulgarica», «Македонски преглед», «Иницијал. Часопис за средњовековне студии». Активно участвует и выступает в качестве организатора на многочисленных конференциях, конгрессах и симпозиумах как в Болгарии, так и за рубежом, среди которых недавно прошедшие XXII и XXIII Международные конгрессы византинистов (2011, 2016) и III конгресс по болгаристике (2013). Об авторитете и известности исследователя в области медиевистики свидетельствуют его тесные научные связи с коллегами-византинистами, болгаристами, медиевистами не только из Болгарии, но и из сопредельных балканских стран, Западной и Центральной Европы, России и США, а также большое число учеников из самых разных стран мира, прошедших, без преувеличения, «школу Г. Н. Николова». И каждому ее «выпускнику», несомненно, знаком постулат, которым руководствуется в своей работе и сам исследователь: «Историк – это до известной степени ремесленник. Сначала он изучает ремесло: как сапожник, работая с кожей, пользуется иглой и ниткой, так для нас этой иглой и ниткой являются источники».

Пожелаем нашему болгарскому коллеге новых успехов в науке и преподавании, многая лета!

*Н. К. Жакова
(Санкт-Петербург)*

**Памяти Дануши Кшицовой
(26.04.1932–31.01.2017)**

Мировую славистику постигла тяжелая утрата: на исходе января 2017 г. ушла из жизни профессор Брненского университета, крупнейший ученый – славист, компаративист, многолетняя исследовательница русско-чешских и славянских взаимосвязей – Дануше Кшицова.

Все, кто хоть раз соприкоснулся с ней в своей жизни и работе, не могут забыть ее внимательных глаз, широкой улыбки, ее всепонимающего и сочувствующего взгляда, ее благожелательности. Широта ее интересов и умение проникнуть в сущность изучаемой проблемы, способность взглянуть на известные факты с совершенно новой, необычной стороны делали ее труды и ее выступления на многочисленных научных встречах всегда яркими, запоминающимися, открывающими новые горизонты в науке.

Весь путь Дануши Кшицовой начиная со студенческих лет связан с университетом г. Брно в Чехии, где ее педагогами были выдающиеся профессора, и среди них, прежде всего, крупнейший представитель славистической компаративистики Франк Вольман. Она стала его достойной ученицей и последовательницей, через всю жизнь пронеся верность сравнительно-историческому исследованию межславянских культурных и литературных взаимосвязей.

С первых шагов научной деятельности Д. Кшицова обратилась к переводам русской поэзии на чешский язык, начав с переводов Лермонтова, созданных чешским ученым и пропагандистом русской литературы Франтишеком Таборским. Результатом стал ряд статей Д. Кшицовой, а затем ее книга «Русская поэзия в интерпретации Франтишека Таборского» (1979). Еще в начале 70-х годов Д. Кшицову пригласил к сотрудничеству в создании Лермонтовской энциклопедии профессор Ленинградского университета В. А. Мануйлов. Так появилась обширная статья «Лермонтов и чешская литература» (ж-л «Русская литература», 1972), а затем и энциклопедическая статья «Лермонтов в Чехословакии» (1981; обе в соавторстве с Н. К. Жаковой).

Каждую проблему Дануше Кшицова прорабатывала досконально, на протяжении ряда лет, поэтому в ее творчестве можно выделить определенные периоды, посвященные исследованию той или

иной темы. Если в 70-е гг. это был Лермонтов и его восприятие в Чехии, то в последующем, продолжая заниматься русской поэзией, она сосредоточила свое внимание на главном жанре романтической поэзии – поэме, и уже в 1983 г. появилась ее монография «Поэма в эпоху романтизма и неоромантизма. Русско-чешские параллели». Сопоставление поэтики и генезиса русской и чешской поэмы проводилось на широком фоне общеевропейского и мирового литературного развития. Со свойственной ей глубиной погружения в исследуемую проблематику и с опорой на труды предшественников в русском и европейском литературоведении она анализировала специфические особенности поэм Лермонтова, их отличие от творчества его современников и поэтов грани XIX–XX вв., а также на ярких примерах раскрывала взаимосвязь литературы, изобразительного искусства и музыки, органичное взаимодействие литературы с философией и эстетикой (А. Шопенгауер, Ф. Ницше, В. Соловьев). На протяжении 80-х гг. она вновь и вновь, углубляя и расширяя границы исследования, обращается к этим темам в своих статьях в научных журналах Чехии, Польши, Австрии, Венгрии. Увлеченная историей восприятия и переводов русской поэзии в Чехии, Д. Кшицова создала уникальную по своей значимости и охвату материала монографию «Русская поэзия XIX – начала XX столетий в чешских переводах. Главы из истории литературных связей» (Прага, 1988), в которую вошли разделы, посвященные Пушкину, Лермонтову, Грибоедову, Гоголю, Тургеневу, Короленко, Горькому, Бальмонту, В. Хлебникову. Поэтические переводы этих авторов принадлежали известным чешским поэтам и переводчикам, а также самой Д. Кшицовой.

Обращаясь к русской поэзии конца XIX – начала XX в., Д. Кшицова открывала новые имена, главным среди которых для нее стало имя К. Д. Бальмонта. В поисках материалов о нем она работала в архивах и библиотеках Парижа, Москвы, Петербурга, участвовала в I Бальмонтской конференции в Шуте (1994) и написала ряд статей о русском поэте. Неожиданно ей выпало на долю вызвать из небытия сочинение Бальмонта, посвященное Чехии. Получив в руки исчезнувшую еще в 30-е годы, а затем найденную И. Цамуталиевой в 1994 г. в бумагах К. Крамаржа книгу Бальмонта, Д. Кшицова решила познакомить с ней своих соотечественников. Она перевела книгу на чешский язык, включая стихи, и издала ее в виде параллельных – русского и чешского – текстов. Неповторимость этому изданию, как и другим книгам Кшицовой, придавал богатый и редкий иллюстративный материал.

В дальнейшем проблематика научных исследований Д. Кшицовой все более концентрировалась на рубеже веков. Появились новые монографии «Русская поэзия на рубеже столетий. 1890–1910» (Прага, 1990, на рус. яз.), «Модернизм. Слово и форма» (Брно, 1998); наконец, вышла из печати подготовленная ею книга Бальмонта «Из истории русско-чешских литературных отношений. К. Д. Бальмонт. Душа Чехии в слове и в деле» (издание, перевод, статьи, комментарии Дануши Кшицовой, Университет им. Т. Г. Масарика, Брно, 2001). Начало нового тысячелетия ознаменовалось выходом трехтомника «Драматургия русского символизма» (Брно, 2001, 2003, 2004), где Д. Кшицова предстала не только автором содержательных вступительных статей, но и переводчицей целого ряда драм – «Павел I» С. Мережковского, «Путник» В. Брюсова, «Балаганчик» и «Незнакомка» А. Блока, а также примыкающих тематически к этой пьесе нескольких стихотворений, проявив незаурядное переводческое мастерство, точность передачи как содержательных, так и ритмико-интонационных особенностей, стилового своеобразия переводимых авторов. Каждый том трилогии был снабжен иллюстративным приложением. Особенно интересен в этом отношении второй том, включающий пьесу «Павел I». Страстная любительница фотографии, Дануше Кшицова специально приехала осенью 2002 года в Петербург и отправилась в Гатчину, чтобы запечатлеть состоявшуюся там историческую реконструкцию к 300-летию города, где выступали и сам Павел I, и его супруга Мария Федоровна в окружении свиты, а также был проведен парад войск в исторических костюмах. Снимки Д. Кшицовой не только служили украшением книги, но и помогали лучше понять эпоху. В дополнение к изданию русских драм было написано театроведческое исследование «Символизм на сцене МХАТа. Режиссерские концепции К. С. Станиславского» (Брно, 2003, в соавторстве с П. Кляйном).

Завершением этого тематического круга стало фундаментальное исследование «От модернизма к авангарду. Русско-чешские параллели» (Брно, 2007, 467 с., тоже с огромным количеством цветных и черно-белых иллюстраций, многие из которых были найдены ею и публиковались впервые). Предметом сравнительного изучения стала поэтика русской и чешской литературы. Представленные материалы демонстрировали сложные перипетии в поэзии, прозе, драматургии, театре, изобразительном искусстве, происходившие на рубеже XIX и XX вв. Д. Кшицова убедительно показывала, что представителей модернизма и авангарда объединяло то, что и те и другие находили

творческие импульсы в предыдущих периодах развития литературы и искусства. В книге анализировались проблемы знака, символа и мифа.

Параллельно с этими исследованиями Д. Кшицова участвовала в создании коллективных трудов, посвященных литературным связям славянских народов: «Востоочнославянские литературы в чешской среде до возникновения независимой Чехословакии» (Брно, 1997), «Словарь русских, украинских и белорусских писателей» (Прага, 2001) и др. За период с 1993 по 2006 г. ею было опубликовано около 60 статей по проблемам модернизма, символизма, русско-чешских связей, интердисциплинарного сопоставления явлений словесного и изобразительного искусства. В целом перечень ее трудов насчитывает более 400 статей, ею написано и издано около десяти монографий, она участвовала в создании не менее семи коллективных трудов, где часто выступала в качестве редактора и автора разделов. Мимо внимания Д. Кшицовой не проходили и события текущей литературной и культурной жизни. Она откликнулась на них многочисленными рецензиями, каждая из которых требовала владения разнообразным материалом и незаурядной эрудиции.

Появление последней книги Д. Кшицовой, посвященной путешествиям на Святую землю, казалось несколько неожиданным. Однако в предисловии она дает ответ на наше недоумение. Внешней причиной обращения к этой теме было приглашение на конференцию в Иерусалим, которым она не преминула воспользоваться. Внутренняя же – исходила из семейных преданий: ее дедушка Антонин, директор школы, а затем школьный инспектор, еще в начале XX века ездил на Святую землю. В монографии «Путешествия на Святую землю XII–XX столетий. Мифы и реальность в русских и чешских путешествиях» (Брно, 2013, 335 с.) содержится описание шести русских и шести чешских «хождений» с их переводом (особенно сложным с древнерусского языка), обращение к истории вопроса, рассуждения и оценки автора книги, к которой приложены старинные карты, литографии и множество фотографий, сделанных ею во время поездок в Иерусалим (2001) и турецкий Стамбул (2012).

Общим для всех трудов Д. Кшицовой является ее удивительная способность к сопоставлению фактов, как в синхронном, так и в диахронном плане, умение охватить проблему в целом и осветить частные, но существенные детали при сравнительно-историческом рассмотрении предмета.

Не следует думать, что Д. Кшицова писала все эти книги в уединении своего кабинета. Наоборот, жизненная энергия подвигала ее беспокойную натуру к постоянным путешествиям, а также к участию во множестве научных конференций, симпозиумов и конгрессов. Ее открытость, доброжелательность снискали ей всеобщую любовь и уважение. Повсюду завязывались связи, появлялись друзья, с которыми она поддерживала творческие и человеческие контакты, успевая отвечать на письма, посылать отписки своих статей, свои книги, рассказывать о творческих планах, делиться впечатлениями о новых местах, где ей удалось побывать. Ее творческая мысль была неутомимой. Она могла работать в любой обстановке – и дома, под говор своих внуков, и в поезде, и на борту самолета, где ее верным спутником был – ноутбук.

До сих пор остается недооцененной обширнейшая переводческая деятельность Д. Кшицовой, а между тем она не только переводила русскую поэзию, прозу, драму, но и размышляла о переводе в своих теоретических работах. Например, в статье «Поэтика художественного перевода» (*Opera Slavica*, 2011, 1) она утверждала, что в поэтическом переводе большей точности и художественной выразительности позволяет достичь перевод вольный. Даже в последние дни своей жизни, стремясь отвлечься от тяжелой болезни, она продолжала переводить – это были стихи Марка Шагала. Которые подтверждали ее теорию о переплетении мотивов, образности, стилевых примет в произведениях литературы и изобразительного искусства. В стихах Шагала она видела словесное воплощение процесса его живописного творчества (см. ее статью «Поэтика стихов Шагала», *Slavica litteraria*, 2009, 1).

При этом Дануше Кшицова все годы оставалась профессором брненского университета, читала студентам лекции по русской литературе, вела семинары по переводу, руководила дипломными и магистерскими диссертациями, организовывала научные поездки своих подопечных. Она активно участвовала в жизни Института славистики философского факультета Университета им. Т. Г. Масарика, была членом ученого совета, состояла в редакционных советах крупных научных журналов «*Opera Slavica*», «*Litteraria Humanitas*», «*Slavica Litteraria*». Известно ее членство в международных литературоведческих и компаративистских организациях *Argis comparationis*, *International Association of Word and Image Studies*. Ее заслуги перед наукой были неоднократно отмечены грамотами, Золотой медалью Университета им. Т. Г. Масарика и другими наградами.

Для всех нас Дануше Кшицова была примером постоянного творческого горения, трудолюбия, ответственности, самоотверженного служения избранному делу, душевной щедрости. Ее труды всегда с нами, а ее образ продолжает жить в наших сердцах.

Память о Дануше Кшицовой навсегда останется и в истории науки. Вечная ей память.

Ритта Петровна Гришина (25 марта 1930 – 19 мая 2015)*

Московская исследовательница Юго-Восточной Европы, полвека проработавшая в Институте славяноведения АН СССР (с 1991 г. РАН), оказала колоссальное влияние на изучение новейшей истории Болгарии. Прежде всего, это справедливо для ее докторской диссертации, которая была посвящена началам того, что в политической терминологии той эпохи называлось «фашизмом». Речь шла о право-консервативных партиях Болгарии после Первой войны и антикоммунистическом правительстве Демократического сговора Александра Цанкова¹. Книга, вышедшая в свет в 1975 г., стала подлинной сенсацией. Во-первых, такая основанная на широкой источниковой базе и критичная по отношению к историографической традиции монография по идеологическим причинам не могла появиться в СССР, и у этого было весьма неожиданное следствие – патриарх болгарской исторической науки Димитр Косев, сопроводив том предисловием собственного сочинения, опубликовал монографию на русском языке в издательстве Болгарской академии наук. Во-вторых, автор в своей книге всесторонне показала связь Внутренней македонской революционной организации с правым политическим лагерем в Болгарии. Это стало нарушением двойного табу: базировавшаяся в Болгарии и оттуда ведшая направленную против Югославии деятельность македонская организация в 1923–1924 гг. установила тесную связь с Коминтерном и советской дипломатией, и о ней – по причине весьма проблематичного с идеологической точки зрения характера – в болгарской историографии предпочитали умалчивать.

Я познакомился с Риттой Петровной в 1986 г. на Втором всемирном конгрессе болгаристов в Софии, где она решительно оппонировала своим болгарским коллегам-историкам по вопросам современной политики, таким как насильственное изменение имен проживавшим в стране туркам и в особенности – конфликт с Югославией из-за Македонии. Она нескандално удивилась, когда ее поддержали специалист по экономической истории, прекрасно знакомый с новейшей болгарской историей, Йежи

Впервые опубликовано в: *Südost-Forschungen*. München, 2015. Jg. 73 (2014). S. 478–480.

Томашевский из Варшавы и университетский ассистент из Западного Берлина, интересующийся македонским вопросом, то есть автор этих строк. Позднее из одного ее автобиографического эссе я узнал, что она уже в 1957 г., окончив исторический факультет МГУ, выбрала в качестве темы кандидатской диссертации в Институте славяноведения (в то время еще «и балканистики») македонский вопрос. В 2007 г. она вспоминала: «Пришла в науку» с молодеческим восторгом, и боевым настроением разрешить, наконец, запутанный македонский вопрос². Этого, как она пишет дальше, не допустил ее ортодоксальный научный руководитель, поэтому в 1963 г. Ритта Гришина защитила неопубликованную кандидатскую диссертацию по теме: болгарское рабочее движение 1928–1931 гг.

Ритта Петровна горячо поддержала курс на перестройку в СССР. В декабре 1987 г. я встретился с ней в Институте как раз в тот день, когда проходили выборы нового директора, и она, радостная, встретила меня новостью: «Представь себе, мы избрали его *демократически!*», иными словами, не так, как было принято раньше, «посоветски». Свободой, наступившей в 1990-е годы, она воспользовалась для того, чтобы заняться такими проблемами новейшей болгарской истории и истории советско-болгарских отношений, изучение которые раньше не приветствовалось³, и освоить прежде закрытые архивные фонды в Москве и в Софии⁴. В 2008 г. она завершила работу над тематическим сборником статей по истории модернизации в Болгарии от основания государства в 1878 г. до окончания Первой мировой войны в 1918 г., где некоторые знаковые для болгарской исторической науки темы, такие как миф о Сан-Стефанском мирном договоре, причесала, образно говоря, против шерсти⁵.

Для Москвы «золотой эпохи застоя», как со временем иронично стали называть брежневские времена, Ритта Петровна Гришина была весьма нетипичным историком. Позднее в период горбачевской гласности и в годы ельцинской открытости она в полной мере воспользовалась новыми возможностями. В том, что Институт славяноведения РАН в сегодняшней России обладает, пожалуй, самой разветвленной сетью научных связей и что московские источники по истории Болгарии и Македонии во всей их непростой взаимосвязи широко используются по всему миру, есть и ее колоссальная заслуга. Пусть земля ей будет пухом.

Штефан Трёбст (Лейпциг)

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Гришина Р. П.* Возникновение фашизма в Болгарии 1919–1925 гг. София, 1976. Ср. с моей рецензией, опубликованной в: *Southeastern Europe*. 1980. Vol. 7. S. 215–217.

2 *Гришина Р. П.* Кое-что о времени и о себе // *Воспоминания сотрудников Института славяноведения* / Отв. ред. Е. П. Аксенова. М., 2007. С. 117. Об изучении македонского вопроса в послевоенном СССР см.: *Валева Е., Исаева О.* Македонистика под запретом. К истории становления науки в СССР // *България, Балканите и Русия 18–21 век. България-руски научни дискусии* / Ред. И. Марчева. София, 2011. С. 31–50.

3 См.: *Сотрудники Института славяноведения Российской академии наук: Биобиблиографический словарь* / Отв. ред. М. А. Робинсон, А. Н. Горяинов. М., 2012. С. 104–106. Ср. с личной страницей Р. П. Гришиной на сайте Института славяноведения РАН. Текст доступен по адресу: <http://www.inslav.ru/ocob-institute/sotrudniki/776-2011-08-29-07-08-42> (дата последнего посещения 2.1.2016). См. также: *Славчева Ц. Гришина, Ритта Петровна (1930) // Чуждестранна българистика през XX век* *Енциклопедичен справочник* / Ред. А. Милтенова. София, 2008. С. 138.

4 См. фундаментальный обзор московских архивов по проблеме упомянутых выше трехсторонних отношений между советской внешней политикой, болгарскими коммунистами и македонской организацией в бурные 1923–1924 гг.: *Гришина Р. П.* Формирования взгляда на македонский вопрос в большевистской Москве 1922–1924 гг. (По документам российских архивов) // *Македония: проблемы истории и культуры* / Отв. ред. Р. П. Гришина. М., 1999. С. 142–202.

5 *Гришина Р. П.* Лики модернизации в Болгарии в конце XIX – начале XX вв. (Бег трусцой по пересеченной местности). М., 2008.

Избранные фрагменты из откликов читателей «Славянского альманаха»

...Публикуемые на его страницах материалы способствуют всестороннему, углубленному изучению славян, распространению научных знаний о славянском мире и укреплению межславянских научных и культурных связей. Нельзя не подчеркнуть, что это издание в настоящий момент является одной из ведущих площадок для публикации статей и сообщений, обзоров и рецензий, дискуссионных материалов, подготовленных отечественными и зарубежными славистами, во многом определяет «лицо» современного российского славяноведения. Отрадno, что «Славянский альманах» способствует упрочению связей академической российской славистики с высшей школой: преподаватели и аспиранты кафедры славянской филологии МГУ имени Ломоносова входят в число его авторов... *(Н. Е. Ананьева, профессор, доктор филологических наук, заведующая кафедрой славянской филологии филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова).*

...Отдельные номера «Славянского альманаха» попали ко мне в печатном виде, другие я видела в электронной версии. Содержание журнала меня никогда не разочаровало. Постоянные рубрики, посвященные истории, культуре, литературе и языкам славянских народов, содержали статьи известных специалистов из России и остальных славянских стран. Многие опубликованные материалы стали для меня источником познания, а также вдохновения на собственные исследования. О качестве периодического издания в течение всего времени его существования вплоть до сегодняшнего дня свидетельствует тот факт, что нынешний редакционный совет во главе с ответственным редактором К. В. Никифоровым готовит его юбилейный 20-й том... *(Любица Гарбулёва, директор Института истории Прешовского университета, кандидат наук, г. Прешов, Словакия).*

...Заметное место в тематике альманаха занимает религиозная и церковно-историческая проблематика. Анализируя выпуски научного издания за последние пять лет, можно констатировать, что авторами хорошо освещены темы сакрального искусства, церковносла-

вянской книжности, кирилло-мефодиевской традиции, межконфессиональных отношений, жизненного пути различных церковных деятелей. На страницах журнала мы находим публикации, посвящены православной, греко-католической, католической и другим церквям. Мнения большинства исследователей объективны и незаангажированны... *(Ю. В. Данилец, кандидат исторических наук, доцент, директор Богословско-исторического научно-исследовательского центра им. архимандрита Василия (Пронина) Мукачевской епархии УПЦ МП, г. Ужгород, Украина).*

...Избранная учредителями форма издания в свое время меня несколько удивила, ведь считается, что альманах – это «продолжающийся сборник литературно-художественных и/или научно-популярных произведений, объединенных по какому-либо признаку (тематическому, жанровому, идейно-художественному и т. п.)» (<https://ru.wikipedia.org/wiki/>). Однако прошедшие с того времени два десятилетия показали, что, вопреки этому ГОСТу, получилось издание, печатающее интересные статьи и материалы, объединенные очень важным принципом – научностью. «Славянский альманах» – издание демократичное. Оно одинаково гостеприимно открывает свои страницы еще только начинающим свой путь в науке молодым исследователям, постигающим азы исследовательского мастерства, для которых каждая публикация – важное событие и даже праздник, и мэтрам славянского цеха, которым есть что сказать ученому миру... *(Г. Ф. Матвеев, профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова).*

Ученые-слависты Марийского государственного университета шлют самые искренние поздравления с 20-летним юбилеем коллективу уникального российского академического издания. «Славянский альманах» сегодня является авторитетной международной площадкой для апробации результатов славистических исследований, прекрасным примером междисциплинарного сотрудничества. *(Г. В. Рокина, профессор Марийского государственного университета, доктор исторических наук, главный редактор научно-практического ежегодника «Запад-Восток», г. Йошкар-Ола).*

...Процесс наступления политики на науку, подчинение исторической науки политической конъюнктурой и превращение треплет-

ной музы истории Клио в покорную служанку политических элит наиболее характерно сейчас, пожалуй, именно для современных славянских стран. С помощью истории политические элиты зачастую выясняют свои отношения, одновременно используя историческую науку как инструмент реформатирования идентичности подвластного населения в нужном направлении. В этих условиях особую ценность приобретает трезвый и беспристрастный голос науки. Именно этот голос звучит на страницах «Славянского альманаха», который оправданно большое место уделяет в первую очередь ближайшим соседям России в лице белорусов, украинцев и русинов, помогая осмыслить перипетии причудливо переплетенных исторических судеб и общего прошлого... (*К. В. Шевченко, профессор Минского филиала РГСУ, доктор исторических наук, г. Минск, Белоруссия*).

Сведения об авторах

Адельгейм Ирина Евгеньевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. adelgejm@yandex.ru

Аксенова Елена Петровна – кандидат исторических наук. e.p.aksenova@mail.ru

Богатырев Арсений Владимирович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теологии, философии, истории Поволжского православного института имени Святителя Алексия, митрополита Московского (Тольятти). sob1676@yandex.ru

Борисенок Елена Юрьевна – доктор исторических наук, зав. отделом восточного славянства Института славяноведения РАН. vostslav@yandex.ru

Боровков Дмитрий Александрович – соискатель Историко-архивного института РГГУ. unlibri@mail.ru

Булычев Андрей Алексеевич – заведующий Архивохранилищем старопечатных и редких изданий Российского государственного архива древних актов. andreykrabov@mail.ru

Васильев Михаил Александрович – доктор исторических наук. chors1@yandex.ru

Вендина Татьяна Ивановна – доктор филологических наук, зав. Центром ареальной лингвистики Института славяноведения РАН. vendit@rambler.ru

Ганин Андрей Владиславович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. andrey_ganin@mail.ru

Ганичева Светлана Алексеевна – аспирантка Института славяноведения РАН. sganicheva@mail.ru

Гусев Никита Сергеевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. gusevns@gmail.com

Добычина Анастасия Сергеевна – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела истории средних веков Института славяноведения РАН. andobychina@gmail.com

Жакова Наталия Кирилловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского университета. nkzhakova@yandex.ru

Живанович Милана – докторант Белградского университета (Белград, Сербия). milana.zivanovic@yahoo.com

Касаткин Константин Александрович – магистрант 2-го курса Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург). kuzo1825@mail.ru

Колин Анжела Ивановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН Молдовы (Кишинев).

Коритник Андрей – доктор (PhD) (Любляна, Словения). akoritnik@gmail.com

Кочегаров Кирилл Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. kirill_kochegarov@yahoo.com

Красовец Александра Николаевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН. aleksandrakrasovec@yahoo.com

Кузьмичева Анастасия Евгеньевна – ассистент кафедры иностранных языков Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова; соискатель кафедры истории южных и западных славян Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. aekuzmicheva@gmail.com

Кулешова Мария Львовна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры славянской филологии МГУ имени М. В. Ломоносова. seveda@rambler.ru

Луныкова Наталья Александровна – младший научный сотрудник отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. lunkova_n@mail.ru

Луферчик Евгений Георгиевич – заместитель директора по учебной работе государственного учреждения образования «Средняя школа № 186 г. Минска», аспирант кафедры истории России Исторического факультета Белорусского государственного университета, магистр исторических наук (Минск, Беларусь). luf.zh@mail.ru

Машкова Алла Германовна – доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии МГУ имени М. В. Ломоносова. anastasiamorugina@gmail.com

Мельник Дарья Владимировна – аспирантка Института славяноведения РАН. shkorpil@rambler.ru

Моругина Анастасия Сергеевна – аспирантка кафедры славянской филологии МГУ имени М. В. Ломоносова. anastasyamorugina@gmail.com

Никифоров Константин Владимирович – доктор исторических наук, директор Института славяноведения РАН. k.nikiforov@voxnnet.ru

Носов Борис Владимирович – доктор исторических наук, заведующий отделом истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. bnossov@mail.ru

Останчук Оксана Александровна – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. vostslav@yandex.ru

Перковская Жанна Владимировна – переводчик с английского, македонского, польского, сербского, словенского, хорватского языков. perkovskaja@gmail.com

Пилипенко Глеб Петрович – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела славянского языкознания Института славяноведения

РАН. glebpilipenko@mail.ru

Робинсон Михаил Андреевич – доктор исторических наук, руководитель Центра междисциплинарных исследований славянской книжности Института славяноведения РАН. m.a.robinson@mail.ru

Сапожникова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского отдела рукописей Библиотеки Российской академии наук (Санкт-Петербург). olsapoj@mail.ru

Сафонов Александр Андреевич – кандидат исторических наук. xafonov@gmail.com

Серапионова Елена Павловна – доктор исторических наук, заведующая отделом истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. serapion@hovrino.net

Силкин Александр Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. alsilkin@rambler.ru

Скорвид Сергей Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры славистики и центральноевропейских исследований Института филологии и истории РГГУ, старший научный сотрудник отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН. slavcenteur@gmail.com

Созина Юлия Анатольевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН, руководитель Центра славянских культур при ВГБИЛ им. М. И. Рудомино. juliasozina@gmail.com

Старикова Надежда Николаевна – доктор филологических наук, зав. отделом современных славянских литератур стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. nstarikova@mail.ru

Стыкалин Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. zhurslav@mail.ru

---

Тимофеев Алексей Юрьевич – доктор исторических наук, доцент Белградского университета. al.timofev@gmail.com

Трёбст Штефан – доктор (PhD), профессор, заместитель директора Гуманитарного центра истории и культуры Центральной и Восточной Европы Лейпцигского университета (Германия). troebst@rz.uni-leipzig.de

Флоря Борис Николаевич – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, зав. отделом истории средних веков Института славяноведения РАН. sredveka_inslav@land.ru

Фролова Марина Михайловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. marinafrolova59@mail.ru

Шалаева Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, научный сотрудник исследовательского центра ареальной лингвистики Института славяноведения РАН. koulkuk@gmail.com

Яворская Марта Кристина – докторант отделения новейшей истории Института истории Варшавского университета (Варшава, Польша). marta.krystyna.jaworska@gmail.com

About the authors

Adel'gejm I. E. – Doctor of Letters, leading research fellow in the Department of Modern Literatures of Central and South-Eastern Europe in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. adelgejm@yandex.ru

Aksenova E. P. – Candidate of History. e.p.aksenova@mail.ru

Bogatyrev A. V. – Candidate of History, senior lecturer at the Department of Theology, Philosophy, and History in Volga Orthodox Institute “St. Alexis Metropolitan of Moscow” (Togliatti, Russian Federation). sob1676@yandex.ru

Borisenok Je. Ju. – Doctor of History, Head of the Department of Eastern Slavs in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. vostslav@yandex.ru

Borovkov D. A. – PhD student, Institute of History and Archival Research (Russian State University for Humanities). unlibri@mail.ru

Bulyčev A. A. – director of the Archive of Old Printed Documents and Rare Publications, Russian State Archive of Old Documents (RGADA). andreykrabov@mail.ru

Dobychina A. S. — junior research fellow of the Department of Medieval History in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. an-dobychina@gmail.com

Florya B. N. – Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, head of the Department of Medieval History in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. sredveka_inslav@land.ru

Frolova M. M. — Candidate of History, senior research fellow of the Department of South-West Europe Slavs' Early Modern History in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. marinafrolova59@mail.ru

---

Ganin A. V. – Doctor of History, leading research fellow of the Department of Slavic History of the World Wars Period in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. andrey_ganin@mail.ru

Ganičeva S. A. – PhD student, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. sganicheva@mail.ru

Gusev N. N. – Candidate of History, research fellow of the Department of Slavic History of the World Wars Period in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. gusevns@gmail.com

Kasatkin K. A. – a Master student (2nd year), Institute of History, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg). kuzol825@mail.ru

Kočegarov K. A. – Candidate of History, senior research fellow in the Department of Modern History of Slavic Peoples in Central Europe in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. kirill_kochegarov@yahoo.com

Kolin A. I. – Candidate of History, senior research fellow in the Institute of History, Academy of Sciences of Moldova (Chisinau). zhurslav@mail.ru

Koritnik Andrej – PhD (Ljubljana, Slovenia). akoritnik@gmail.com

Krasovec A. N. – Candidate of Letters, research fellow in the Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences. aleksandrkrasovec@yahoo.com

Kuz'mičeva A. E. – an assistant at the Chair of Foreign Languages, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; PhD student at the chair of history of Southern and Western Slavs, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. aekuzmicheva@gmail.com

Kulešova M. L. – Candidate of Letters, teacher at the Chair of Slavic Philology, Lomonosov Moscow State University. seveda@rambler.ru

Luferčik E. G. – vice-director for education, State Educational Facility “High School 186, Minsk”, a Ph.D. student at the Department of Russian History, Faculty of History, Belarusian State University, Master of History (Minsk, Belarus). luf.zh@mail.ru

Lunkova N. A. – junior research fellow in the Department of Modern Literatures of Central and South-Eastern Europe in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. lunkova_n@mail.ru

Maškova A.G. – Doctor of Letters, Professor of the Chair for Slavic Philology, Lomonosov Moscow State University. allamashkova@yandex.ru

Mel'nik D. V. – a Ph.D. student in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. shkorpil@rambler.ru

Morugina A. S. – a Ph.D. student at the Chair for Slavic Philology, Lomonosov Moscow State University. anastasyamorugina@gmail.com

Nikiforov K. V. – Doctor of History, director of the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. k.nikiforov@voxnet.ru

Nosov B.V. – Doctor of History, head of the Department of Modern History of Slavic Peoples in Central Europe in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. bnossov@mail.ru

Ostapčuk O. A. – Candidate of Letters, research fellow in the Department of Eastern Slavic Studies in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. vostslav@yandex.ru

Perkovskaja Ž. V. – a translator from Croatian, English, Macedonian, Polish, Serbian, Slovene. perkovskaja@gmail.com

Pilipenko G. P. – Candidate of Letters, research fellow in the Department of Slavic Linguistics in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. glebpilipenko@mail.ru

Robinson M. A. – Doctor of History, the head of the Centre of Interdisciplinary Research of Slavic Literatures in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. m.a.robinson@mail.ru

Sapozhnikova O. S. – Candidate of Letters, research fellow of the Scientific department of Manuscripts, Library of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg). olsapoj@mail.ru

Safonov A. A. – Candidate of History. xafonov@gmail.com

Serapionova E. P. – Doctor of History, the chief of the Department of Slavic History of the World Wars Period Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. serapion@hovrino.net

Silkin A. A. – Candidate of History, senior research fellow of the Department of Slavic History of the World Wars Period in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. alsilkin@rambler.ru

Skorvid S. S. – Candidate of Letters, associate professor at the Chair of Slavistics and Central-European Studies of the Philological Institute in the Russian State University for the Humanities and senior research associate at the Department of Typology and Comparative Linguistics in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. slavcenteur@gmail.com

Sozina Ju. A. – Candidate of Letters, research fellow at the Department of History of Slavic Literatures in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. juliasozina@gmail.com

Starikova N. N. – Doctor of Letters, head of the Department of Modern Slavic Literatures in the Countries of Central and South-Eastern Europe in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. nstarikova@mail.ru

Stykalin A. S. – Candidate of History, senior research fellow in the Department of Slavic History of the World Wars Period in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. zhurslav@mail.ru

Šalaeva T. V. – Candidate of Letters, research fellow in the Centre for Areal Linguistics in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. koulkuk@gmail.com

Timofeev A. Ju. – Doctor of History, assistant professor in the University of Belgrade. al.timofev@gmail.com

Troebst Stefan – PhD, Professor, deputy director of the Leipzig Centre for the History and Culture of East-Central Europe (GWZO) (Germany). troebst@rz.uni-leipzig.de

Vasil'ev M. A. – Doctor of History. chorsl@yandex.ru

Vendina T. I. – Doctor of Letters, the head of the Centre for Areal Linguistics in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. vendit@rambler.ru

Jaworska M. K. – a doctoral student at the Department of Modern History, Institute of History, University of Warsaw (Warsaw, Poland). marta.krystyna.jaworska@gmail.com

Žakova N. K. – Candidate of Letters, assistant professor at the Chair of Slavic Philology, Faculty of Philology, Saint Petersburg State University. nkzhakova@yandex.ru

Živanović Milana – a doctoral student at the University of Belgrade (Belgrade, Serbia). milana.zivanovic@yahoo.com

Научное издание

Славянский альманах

1-2 2017

Издательство «Индрик»

Корректор *М. Н. Толстая*
Оригинал-макет *Ю. Е. Рычаловская*

Условия публикации и правила оформления статей
помещены на сайте <http://inslav.ru/izdaniya/slavianskij-almanah>

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
(495) 938-01-00
market@indrik.ru
www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.
This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.
33,0 п. л. Тираж 400 экз.
Отпечатано с оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6